

А.И.Соболевский

*ДРЕВНЯЯ КОМЕДИЯ,
ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ*

**АРИСТОФАН
И ЕГО ВРЕМЯ**

КЛАССИКА ФИЛОЛОГИИ

Москва
Лабиринт
2001

Сергей Иванович СОБОЛЕВСКИЙ. Аристофан и его время. (Серия «Античное наследие».) — Москва, Лабиринт, 2001.— 416 с.

Редколлегия серии
«АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ»

Л. С. Ильинская, А. И. Немировский, О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо

Редакторы: Г. Н. Шелогурова, И. В. Пешков

Художник: В. Е. Граевский

Компьютерный набор: Н. Е. Еремин

Знаменитый отечественный филолог-классик Сергей Иванович Соболевский описывает подробно и обстоятельно время наибольшего расцвета Древней Греции и место наибольшего расцвета культуры этой страны и мира — Афины с их общегреческим и более широким влиянием в свое время и с их бесценным и всеохватывающим по воздействию на развитие цивилизации наследием во все оставшиеся человечеству времена. Причем описание это не абстрактно, а основано на живых картинах, представленных в бессмертных комедиях Аристофана и других античных источниках.

Для историков, филологов, искусствоведов.

© Издательство «Лабиринт», оформление, 2001 г.

Все права защищены

ISBN 5-87604-129-7

Выпуская в свет книгу член-корреспондента АН СССР С. И. Соболевского «Аристофан и его время» (М., 1957), издательство вполне отдает себе отчет в том, что по лежащей в ее основе методологии она принадлежит к классической филологии рубежа XIX–XX веков. К этому времени эта отрасль науки, как и всякая другая филология, фактически перестала существовать как единое целое: отдельные ее ветви (языкознание, литературоведение, история, реалии) приобрели совершенно самостоятельное значение, хотя ни одна из них не могла существовать, не опираясь на знания, добытые в смежных дисциплинах. Филология же как таковая вернулась (на новом уровне владения источниками) к своему исконному значению «любовь к слову», т. е. к его толкованию. Это отметил уже в начале XX века выдающийся русский античник, современник С. И. Соболевского, Ф. Ф. Зелинский: «Филология – это обращенная к памятникам ... сторона ... науки». Во второй половине XIX и в XX вв. были филологи, одинаково владевшие текстологическим, лингвистическим и литературоведческим анализом (у нас назовем хотя бы имена В. М. Жирмунского, Д. С. Лихачева, И. М. Тронского, Г. О. Винокура), но в своем огромном большинстве те, кто занимался древнегреческим и латинским языками, не проявляли интереса к литературоведению, а специалисты по литературе, в свою очередь, к лингвистике.

С. И. Соболевский принадлежал к числу филологов старого склада: его магистерская диссертация, написанная в 90-х гг. прошлого столетия еще на латинском языке, была посвящена употреблению предлогов у Аристофана. Филологический подход к источнику в

самом точном смысле этого слова характерен для его работ всех последующих десятилетий, включая сюда комментарий к «Адельфам» («Братьям») Теренция (М., 1954) и предлагаемую читателям книгу об Аристофане¹. Главным для Сергея Ивановича был текст во всех его значениях и оттенках. Культурно-историческая или социологическая оценка древнего автора была ему совершенно чужда, не говоря уже об автономном художественном мире поэта (если таковой существует) или о теориях комического. К тому же Сергей Иванович был не знаком с литературой вопроса после Первой мировой войны, хотя немало из нее все же попадало в наши библиотеки. Здесь сказалось, скорее всего, неприятие всякого рода «интерпретаций»: в древнем авторе С. И. Соболевского привлекало выраженное в слове, и с точки зрения такой интерпретации, основанной на тончайшем знании обоих древних языков, книга его остается образцовой и для ныне здравствующих античников, и для будущих поколений.

В.Н.Ярхо

---

¹ Книга публикуется в авторской орфографии, исправлены только явные опечатки.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ближайшим поводом, побудившим меня написать это сочинение, было постановление Всемирного Совета Мира от 28 ноября 1953 г., по которому было решено праздновать в 1954 г. юбилейные даты нескольких великих представителей мировой культуры, в том числе 2400-летие со дня рождения Аристофана. Следствием этого было то, что у нас 28 января 1955 г. был устроен вечер, посвященный этому юбилею, на котором был прочитан составленный мною краткий доклад под заглавием «Аристофан и его творчество». Следствием того же постановления было то, что я, по поручению Института мировой литературы имени А. М. Горького, написал это сочинение под заглавием «Аристофан и его время».

Указанные сейчас обстоятельства обусловили и характер этого сочинения.

Я имел в виду вообще образованную публику – не ученых специалистов, но и не людей, совершенно чуждых древнему классическому миру. Поэтому я особенно заботился о том, чтобы мое изложение было понятно таким читателям, избегал «мудреных» слов, так как держусь мнения, что для изложения научной мысли нет надобности выдумывать необыкновенные, полуиностранные слова и выражения с очень неопределенным значением.

По той же причине я сообщаю много элементарных сведений, которые необходимы для понимания комедий Аристофана и которые должны были бы быть известны всем, – твердо веруя вместе с Аристотелем, что даже «известное известно немногим» («Поэтика», глава IX).

По той же причине почти все греческие и латинские цитаты я перевожу на русский язык, не рассчитывая, что читатели поймут их в

подлиннике. Притом перевод цитат из комедий Аристофана я даю почти всегда свой, ввиду того что существующие у нас переводы почти все сделаны стихами и по этой самой причине не могут быть точными.

Моя работа представляет собою ряд этюдов по анализу отдельных комедий; к некоторым из них я присоединил большие экскурсы, хотя и не необходимые для основной моей темы, но имеющие связь с нею. Таковы: «Афинская театральная публика» (приложение ко всем комедиям), «Аристофан и Клеон» (приложение к «Всадникам»), «Сократ и Аристофан» (приложение к «Облакам»), «Три женские комедии» (приложение к «Лисистрате», «Фесмофориазусам» и «Экклесиазусам»), «Рабы как литературный тип» (приложение к «Плутосу»). Из числа их статья «Сократ и Аристофан» была уже прежде опубликована¹ и помещена здесь ради полноты; статья «Рабы как литературный тип» была тоже опубликована², но в таком урезанном виде, что теперь она является в значительной степени новою.

В методическом отношении везде, где возможно, я основывал свои мнения на текстах древних авторов, особенно самого Аристофана, а не на домыслах своих или чужих, относясь с сугубым недоверием к «смелым» гипотезам.

Я не даю театральных ремарок (о сценировке и т. п.) отчасти потому, что театральное дело древних греков нам недостаточно известно, так что пришлось бы постоянно прибегать к гипотезам; отчасти потому, что я совсем незнаком даже с нашим театральным делом; отчасти, наконец, потому, что произведения Аристофана для нас в настоящее время являются более литературными памятниками, чем театральными пьесами.

Я старался воздерживаться от полемики, памятуя мудрое изречение о том, что при споре убедить противника трудно, а обидеть легко.

Делая выписки из чужих сочинений, я часто не ставлю их в кавычки. Причина этого не та, что я хочу выдать чужое за свое, — я вполне признаю этот факт, — но та, что при таких выписках я часто передаю текст не в дословной точности.

Я вполне сознаю, что моя работа не равномерна: некоторые статьи составлены по более широкому плану, другие — по более узкому; некоторые вопросы совсем не рассмотрены. Причины этого — разные: одни вопросы более важны, другие менее важны; детальный анализ некоторых вопросов не интересен или даже вовсе недоступен

¹ См. «Ученые записки Московского Городского педагогического института», т. VI, 1947.

² См. «Вестник древней истории» АН СССР, № 4, 1954.

для широкого круга читателей, не знающих или недостаточно знающих греческий язык; таковы отделы о стихосложении, о языке, о строении комедии; одну статью, уже написанную мною, — об отношении Аристофана к предсказателям, которая годилась бы как приложение к «Миру», пришлось изъять потому, что в ней очень много греческого текста, который необходимо читать в подлиннике.

Большим препятствием к лучшей отделке моей работы была также срочность ее: хотя в моем распоряжении был значительный срок (более двух лет), но и его оказалось недостаточно для обработки некоторых статей, например об отношении Аристофана к религии. Эта же причина помешала мне, отложив на несколько времени работу в сторону, потом пересмотреть ее всю сразу как бы чужую, «наложить на нее последнюю руку» (по латинскому выражению) и тем исполнить полезный совет Горация: *ponum prematur in annum* (*Ars poet.* 388) и Квинтилиана (X, 4, 2).

Я делаю ссылки на следующее издание: *Aristophanis comoediae. Recognoverimfe brevique adnotatione critica instruxerunt F. W. Hall — W. M. Geldart. Tomi I-II. Oxonii, 1906.*

Сокращения:

CAF — *Comicorum Atticorum fragmenta*, ed. Kock, 1880–1888.

FCG — *Fragmenta comicorum Graecorum*, ed. Meineke, 1855.

АРИСТОФАН И ЕГО ВРЕМЯ

(История Греции 479–387 гг. до н. э.)

Литературная деятельность Аристофана, равно как и других авторов Древней аттической комедии, носит преимущественно политический характер, т. е. тесно связана с жизнью Афинского государства, как внешнею, так и внутреннею. Поэтому необходимо ознакомиться с современной им историей Греции – приблизительно времени между окончанием войн с Персией (479 г. до н. э.) и Анталкидовым миром (387 г. до н. э.)¹.

Последними событиями борьбы греков с персами в V веке до н. э.² были сражение при городе Платеях (479 г.) и морское сражение при мысе Микале в том же году. Эти сражения решили судьбу Греции: персы были разбиты, и остатки их войска вернулись на родину.

В войне с персами гегемония принадлежала спартамцам; их цари предводительствовали соединенными греческими силами. Но главная честь борьбы пришлось на долю афинян: победы при Марафоне, Саламине и Микале были выиграны или одними афинянами, или ими по преимуществу.

После сражений при Платеях и Микале наступает второй период борьбы греков с персами. Война ведется теперь уже не на почве Греции, а на море, у островов Эгейского моря, у берегов Фракии и Малой Азии, Геллеспонта и Боспора. Дело идет не о существовании Греции, а об избавлении греческих колоний в Малой Азии от персидского ига и распространении господства греков. Тут уже не столько персы, сколько сами греки действуют наступательно.

Вопрос о дальнейшей судьбе малоазиатских греков возник тотчас после битвы при Микале. По настоянию афинян в союз были приняты острова Хиос, Самос, Лесбос и некоторые другие. Этим был уж

---

¹ В этом обзоре указаны главным образом те исторические факты, которые нужны для понимания комедий Аристофана; это – как бы исторический комментарий к комедиям его.

² В дальнейшем указание «до н. э.» опускается.

положен зародыш будущего Делосско-Аттического, или Первого Афинского, союза.

Тем не менее и в 478 г., когда соединенный греческий флот направился к Кипру и затем к Византию, во главе этого флота был не афинянин, а спартанец – регент малолетнего царя Павсаний. Это был человек грубый, надменный, жестокий, обращался с союзниками дерзко и сурово и даже завел тайные сношения с персидским царем, предлагая подчинить ему Грецию, в надежде самому приобрести тиранию над греками. Спартанцы отозвали его. Союзники, возмущенные его обращением с ними, просили афинских вождей принять начальство над флотом (478/477 г.).

Первоначальной целью союза, во главе которого стали афиняне, была борьба с персами. Его организатором был Аристид. На первых порах в этом союзе афинянам принадлежала только гегемония. Все союзные города имели право голоса на общих собраниях; Афины были лишь первыми между равными. Собрания должны были происходить не в Афинах, а на о. Делосе. Члены союза обязаны были выставлять определенное количество кораблей вместе с экипажем и солдатами. Однако мелкие города с самого начала вместо поставки кораблей обязаны были делать известные денежные взносы. Общая касса хранилась тоже не в Афинах, а на Делосе; это – очень важное обстоятельство, которое показывает, что афинянам принадлежала только гегемония, а не какая-либо иная роль. Очень скоро и другие, более крупные города во избежание лишних хлопот предпочли заменить натуральную повинность денежными взносами. Постепенно этот новый порядок охватил всех членов союза, и ко времени Пелопоннесской войны только Хиос и Лесбос сохраняли право выставлять корабли; все же остальные члены союза перешли на денежные взносы в общую Делосскую кассу.

Замена натуральной повинности денежною, сперва вполне добровольная (совершавшаяся без принуждения), впоследствии повела к тому, что союзники превратились из равноправных в подчиненных, из союзников сделались подданными Афин. Этот процесс объясняется тем, что когда афиняне получили в свои руки денежные средства, то стали распоряжаться ими по своему усмотрению, более произвольно, чем прежде, когда в их распоряжении были только союзные корабли. Да и сами союзники способствовали потере своей самостоятельности, отказавшись от развития собственного военного флота в пользу развития военного флота Афин. Этот отказ повел к тому, что потом союзники уже были не в силах дать отпор захватным стремлениям Афин.

Таким образом, афиняне становятся правителями, и Афинский морской союз преобразовывается в Афинскую державу. Это – уже не международный союз, а федеративное государство, члены которого неравноправны; самостоятельность их значительно урезана, и роль Афин по отношению к ним есть роль господина. Афиняне это вполне сознавали: так, Перикл в своей речи у Фукидида говорит согражданам: «Власть ваша имеет уже вид тирании»³. То же говорит и Клеон: «Ваша власть есть тирания; союзники ваши питают враждебные замыслы и неохотно терпят вашу власть»⁴.

Таким образом, Афины были каким-то двуликим Янусом: у себя по отношению к своим согражданам – полная демократия; по отношению к союзникам – жестокая тирания вплоть до возможности казнить сплошь все мужское население непокорного города! О союзных собраниях на Делосе уже нет известий; решающую роль в бывшем союзе играют теперь афинское Народное собрание и афинский Совет Пятисот.

Отношения между Афинами и союзниками определялись отдельными договорами. Поэтому в отношениях между ними было некоторое разнообразие. Одни союзники сохранили большую автономию, другие – меньшую. Афиняне вмешивались и во внутренние дела союзников и вообще старались поддерживать у них демократический строй, покровительствовали больше демосу, чем аристократии; опорой афинского владычества в союзных городах была народная масса, демократы; знатные тяготели к Спарте и искали в ней опоры.

Но очень существенным ограничением автономии союзников было подчинение их суду афинскому. Афинские суды разбирали все важные процессы союзников; местным судам в их городах был оставлен разбор лишь мелких уголовных и гражданских дел, возникших между гражданами их города. Так как в союзных городах были партии, то сторонники афинян могли подвергаться в местных судах преследованиям только за то, что они были преданы Афинам. Демос союзных городов видел в афинской демократии с ее судом свое прибежище.

Вся эта сложная организация отношений между Афинами и союзными городами преследовала преимущественно две цели: усилить военную мощь Афин и увеличить их финансовое благополучие.

---

³ Фукидид, II, 63, 2.

⁴ Там же, III, 37, 2.

Что касается военной силы, то Афины обязывали союзников в случае необходимости выставлять военные контингенты пехотинцев (очень немногие выставляли корабли).

Гораздо более сложной была финансовая организация Афинской державы. Члены союза должны были платить дань афинянам. Первые раскладка взносов между союзниками была установлена еще в 478 г., причем руководителем этой работы был Аристид. Сначала раскладка производилась по взаимному соглашению союзников, но затем (в шестидесятых годах) это дело взяли в свои руки афиняне. Раскладка производилась каждые четыре года, причем взносы отдельных союзников могли понижаться и повышаться. Общая сумма взносов в первые годы существования союза, по раскладке Аристида, равнялась 460 талантам⁵. В последующие годы эта сумма то несколько повышалась, — главным образом вследствие увеличения числа союзников, — то понижалась. Накануне Пелопоннесской войны (в конце тридцатых годов) она достигала уже 600 талантов. Резкое повышение произвели афиняне в 424 г. в разгар Пелопоннесской войны, повысив взносы до 1000 талантов. Эти суммы по масштабу тогдашних греческих городов представлялись очень значительными.

До 454 г. дань поступала в союзную кассу на Делосе, а с 454 г. касса перенесена была в Афины. Заведовали кассой и на Делосе и в Афинах 10 эллиноتامиев — «казначеев эллинов». Но в Афинах, кроме этой союзной кассы, было еще древнее центральное казначейство, называвшееся сокровищницей богини Афины и помещавшееся в заднем притворе ее храма. Из этой сокровищницы государство, по постановлению Народного собрания, могло делать займы как бы из банка.

Образование Афинского союза, а затем Афинской державы имело очень большое значение в экономическом отношении. Установление единой власти на всем пространстве Эгейского моря весьма способствовало оживлению морских сношений. Освобождение ионийских колоний в Малой Азии установило более тесный торговый обмен между восточным и западным побережьем Эгейского моря. Далее, вследствие поражения персов, финикияне, как персидские подданные, утратили прежнее значение на море, а значение греков усилилось. Но не все греки одинаково выиграли от этих результатов войны: ионийские города, отрезанные теперь политически от внутренних областей Малой Азии, проиграли, а европейская Греция (Афины, Эгина, Коринф) выиграла, благодаря развитию своих морских

---

⁵ Талант считается равным приблизительно 26,2 кг серебра, но надо иметь в виду, что тогдашняя стоимость денег была намного выше теперешней.

сил, и в отношении торговли. Большую роль сыграло и то обстоятельство, что как раз в V веке начинают особенно быстро развиваться западные колонии, от оживления торговых сношений с которыми выиграла именно европейская Греция. Лишь с этих пор Афины вполне превращаются из земледельческого в торгово-промышленное государство. Хлеб Афины и другие торгово-промышленные центры получают теперь с нынешнего юга России, из Сицилии и даже из Египта.

Образование Афинского союза, а затем державы очень серьезно повлияло на международные отношения как греческих государств бассейна Эгейского моря, так и более отдаленных: Персии, Египта, греков Запада и греков и варваров Черного моря.

Что касается греческих государств бассейна Эгейского моря, то здесь центром международной политики являются отношения двух федераций: Пелопоннесского соглашения со Спартой во главе и Афинского союза. В первую федерацию входили по преимуществу континентальные государства Пелопоннеса с перевесом континентальных хозяйственных интересов (местное сельское хозяйство); ко второй федерации принадлежали почти только морские торговые государства. Были, однако, и исключения: торговые государства, с которыми Афины конкурировали, примкнули к Пелопоннесскому союзу, – так поступил Коринф.

Различие в экономических интересах большинства государств обеих федераций само по себе могло бы и не вызвать между ними конфликтов. Напротив, земледельческие и торгово-промышленные государства могут прекрасно уживаться друг с другом, так как они могут снабжать друг друга недостающими им продуктами. Но здесь за экономическими различиями скрывался глубокий социальный и политический антагонизм. В эту эпоху почти всюду в Греции шла борьба между старой аристократией и низшими слоями населения. В земледельческих государствах Пелопоннесского союза старая аристократия была сильнее, и здесь господствовал олигархический строй. Спарта поддерживала олигархию, например, в Коринфе. Напротив, в торговых государствах Афинского союза шла сильная классовая борьба, и здешние демократические партии искали поддержки и находили ее в Афинах. Так, соотношение Афинского и Пелопоннесского союзов превратилось в борьбу демократических и олигархических государств.

Конфликт между союзами назрел не сразу. Даже после решительной победы над персами при Евримедонте (около 470 г.) в Афинах все еще был страх перед Персией, и поэтому они стремились по-

прежнему поддерживать согласие со Спартой. Этого желала главным образом консервативная партия, руководимая сыном Мильтиада, Кимоном. Поддерживать дружбу со Спартой было не легко; это государство и его союзники очень недоверчиво относились к образованию Афинского союза.

И действительно, рост Афинской державы уже около 476 г. начал принимать направление, прямо угрожающее преобладанию Спарты в Пелопоннесе: Мегары, теснимые Коринфом, примкнули к Афинскому союзу. Это имело огромное значение для Афин, так как афиняне могли теперь преградить пелопоннесцам путь в Среднюю Грецию. В Аргосе произошел демократический переворот, и Аргос тоже примкнул к Афинскому союзу. Так афиняне проникли уже внутрь Пелопоннеса.

Эти события вызвали первое в V веке вооруженное столкновение Афин и Спарты. Желая воспрепятствовать движению Афин в Пелопоннесе, Спарта направила свои силы в Среднюю Грецию, дабы иметь возможность отсюда грозить Афинам. Спарта решила поддержать пошатнувшееся господство Фив в Беотии. Афиняне двинули свое войско в Беотию; но здесь соединенное спартанско-фиванское войско разбило афинян при Танагре (457 г.). Но это была для Афин лишь временная неудача: афиняне в том же году разбили противников при Энофитах (тоже в Беотии), и освободившиеся от Фив мелкие беотийские города вступили в Афинский союз. Затем в союз с Афинами вступили Фокида и Опунтийская Локрида. Афиняне подчинили себе о. Эгину (457 г.) и, занявши Трезен в Арголиде, еще более прочно утвердились в Пелопоннесе. Около этого времени примкнули к Афинам и города Ахайи.

Можно сказать, что 456 год является временем высшего афинского могущества: Афины господствуют не только на всем побережье Эгейского моря, но и на всем востоке Средней Греции и в Северном Пелопоннесе.

Но афиняне сами сделали крупную ошибку. Опыленные своими успехами, они стали пускаться в слишком рискованные предприятия. Так, во время восстания Египта против персидского владычества афиняне послали инсургентам помощь в 200 кораблей и около 35 тыс. человек. В конечном итоге персы победили. Лишь небольшая часть афинского войска уцелела и выговорила себе свободное отступление. Флот погиб (455 г.).

Эта катастрофа остановила дальнейшее развитие афинского могущества. Последствием ее было отпадение от Афин тех государств, которые были слабо с ними связаны. В 450 г. отпали аргиевцы, заклю-

чившие тридцатилетний мир со Спартой, потом отпала Беотия, где опять восторжествовали Фивы и олигархические партии (поражение афинян при Коронее в 447 г.), отпали фокидяне и локрийцы. Таким образом, приобретения пятидесятых годов были утрачены.

Тогда и другие члены Афинского союза стали делать попытки к отпадению. В 446 г. восстали города на о. Евбее, восстали Мегары. Им помогли спартанцы и их союзники. Так вспыхнула война Афин со Спартой (445 г.). Пелопоннесцы вторглись в Аттику, но почему-то скоро отступили. Афинянам удалось справиться с восстанием: Евбея была покорена Периклом. Зимой 445 г. со Спартой и ее союзниками был заключен «Тридцатилетний мир». Афиняне отказались от Мегар, от владений и союзников в Пелопоннесе и вообще от гегемонии на суше.

Однако мир со Спартой не мог быть прочным: слишком серьезны были причины для антагонизма. И действительно, еще задолго до истечения срока «Тридцатилетнего мира» разразилась продолжительная и страшная по тогдашнему времени война между Афинами и Спартой, известная под названием «Пелопоннеской».

Антагонизм между этими государствами имел очень глубокие причины. Во-первых, здесь были социально-политические противоречия: это была борьба демократии и олигархии. Далее, экономические потребности толкали афинян к расширению своего влияния: им нужны были местности, откуда они могли бы получать сырье, особенно хлеб, и куда они могли бы взамен сбывать продукты своей промышленности. Эти потребности влекли их на Ионическое море, в Сицилию и Италию, а такое продвижение афинян поставило бы Спарту и ее пелопоннесских союзников в опасное положение. Пелопоннес почти со всех сторон оказался бы окруженным владениями афинян и их союзников.

Таким образом, широкие политические задачи афинян подготавливали конфликт, а текущая политика делала этот конфликт неизбежным. Дело в том, что ближайшими соседями афинян по направлению к Пелопоннесу были их конкуренты и в торговле и отчасти в колонизации. Это были Мегары и Коринф. Невозможность примирить интересы этих соседей с интересами Афин вызывала у Мегар и Коринфа тяготение к Спарте, а это создавало для Афин, помимо экономической, и чисто политическую опасность: границы и пути в южном и юго-западном направлении были не обеспечены. Кроме того, и на западе Афины имели ненадежных соседей: Фивы и беотийские города.

Таковы были причины Пелопоннесской войны. Столкновения Афин с ближайшими соседями, Мегарами и Коринфом, и дали непосредственные поводы к возникновению этой войны. Поводы эти были следующие.

1. Керкира (ныне Корфу) и Коринф некогда совместно основали колонию Эпидамн (ныне Дуррес в Албании). События в Эпидамне вызвали столкновение между ними из-за обладания этой колонией. Керкиряне нашли помощь у афинян, а коринфяне у пелопоннессцев. Эти события произошли в 435–433 гг. Таким образом, столкновение керкирян и коринфян перешло в столкновение Афинского союза с Пелопоннесским.

2. В следующем году борьба осложняется столкновением из-за Потидеи на полуострове Халкидике. Потидея, колония Коринфа, но принадлежавшая к Афинскому союзу, отложились от Афин (весною 432 г.), и у стен ее произошла битва между коринфянами, оказавшими ей помощь, и афинянами. Битва окончилась победою афинян, которые после этого приступили к осаде Потидеи. Коринфяне приложили все усилия, чтобы зажечь общую войну, втянуть в нее спартанцев.

3. Наконец, последней каплей, переполнившей чашу, была столкновение из-за Мегар. Афиняне в 432 г. сделали постановление, по которому с Мегарами были прерваны торговые сношения, вывоз продуктов оттуда был запрещен, все рынки и гавани на всем пространстве афинского господства для них были закрыты. Мегарская область была страна гористая, бедно наделенная природою; в хлебе она всегда нуждалась, и закрытие главного для нее рынка и афинских гаваней грозило ей голодом. Эта «мегарская псефизма» (постановление), по мнению многих современников, была тою «маленькой искрою», которою Перикл зажег большую войну.

На совещании членов Пелопоннесского союза в Спарте большинство голосов высказалось за войну. Но союзники не были еще вполне готовы к войне. Чтобы выиграть время, Спарта вступила в переговоры с Афинами и предъявила ряд требований, на которые Афины не могли согласиться. В Афинах создано было Народное собрание. Одни говорили в пользу войны, другие – в пользу мира, настаивая на отмене «мегарской псефизмы». Ясно обозначились два течения: земледельцы и люди состоятельные были за мир, а городское население, особенно менее состоятельное, желало войны. Наконец, выступил в собрании Перикл; не делать уступок – таково было его мнение; оно было принято собранием и объявлено Спарте.

На этом кончились переговоры. Обе стороны готовились к войне. Почти вся Греция разделилась на два лагеря: одни держали сторону Афин, другие – Спарты.

Силы обоих союзов были вообще равны, хотя и не однородны. На море бесспорное преобладание принадлежало Афинам на суше – пелопоннесцам. Афинский флот был тогда первым в Греции не только по количеству кораблей, но и по опытности и искусству моряков. Зато сухопутное спартанское войско превосходило войско афинян и численностью своею, и упрочившеюся за ним славою непобедимости. Что касается денежных средств, то пелопоннесцы были ими бедны. Афиняне же, кроме ежегодных взносов союзников, располагали богатою по тому времени казною в 6000 талантов, а в случае крайности могли воспользоваться заимообразно сокровищами, хранившимися в Парфеноне и других святилищах. Благодаря олигархическому строю Спарта имела возможность действовать втайне; наоборот, афинская демократия, со своим Народным собранием, действовала на виду у всех; все, что там обсуждалось и одобрялось, легко делалось тотчас же известно и врагам. В Афинском союзе была больше централизации, зато в Пелопоннесском – больше солидарности, больше общности интересов между главою союза и остальными его членами. Но и у Спарты было слабое место – Мессения с ее порабощенным населением, ненавидевшим своих победителей.

На стороне Спарты был Дельфийский оракул, обещавший ей победу и помощь божества, и еще один важный союзник – общественное мнение тогдашней Эллады, решительно склонявшееся в ее пользу. Афинянам завидовали, их опасались, желали избавиться от их владычества, казавшегося столь тяжелым; и, не испытав еще господства Спарты, верили ее заявлению, что она берется за оружие для освобождения эллинов от «тирании» Афин.

Вообще, Греция находилась тогда в напряженном ожидании ввиду готовившегося решительного столкновения двух первенствующих государств. Чувствовалось приближение великих, роковых событий. И только молодежь, как афинская, так и пелопоннесская, еще не изведавшая на собственном опыте всех ужасов войны, с радостью принималась за нее, ища поприща для своих юных сил.

В 431 г. началась война между Афинами и Спартой, в которой принимали участие и союзники обоих воюющих государств. Это – война, известная в истории под названием «Пелопоннесской войны». Война эта была, по выражению Фукидида, «самою достопримечательною из всех прежде бывших» (1, 1, 1), так как она охватила всю Элладу. Продолжалась она 27 лет и окончилась поражением Афин в

404 г. Ее можно разделить на 3 периода: от начала до Никиева мира (431—421 гг.); до занятия Декелей спартанцами (421—413 гг.); до взятия Афин спартанцами (413—404 гг.).

Мир был открыто нарушен ночным нападением союзников Спарты, фиванцев, на Платеи, союзный с Афинами город, весной 431 г., с чего и принято считать начало Пелопоннесской войны. Несколько времени спустя пелопоннесское войско, под начальством спартанского царя Архидама, двинулось к пределам Аттики.

По плану Перикла, афиняне не должны были вступать на суше в открытую битву с подавляющим по численности пелороннесским войском; афинянам надо было ограничиться защитой города и Длинных стен; главные же силы следовало сосредоточить на море и с помощью флота опустошать берега Пелопоннеса, производить там высадки и т. п. Сельское население Аттики должно было перейти в город и запереться; вся страна, за исключением Афин, Длинных стен и Пирея, должна была быть оставлена на произвол врага.

Как ни тяжело было афинянам, они последовали совету Перикла. Жители Аттики с женами и детьми стали переселяться в город, забрав с собою кое-какое имущество. С невыразимо тяжелым чувством расставались они с родными полями, жилищами и хозяйством, тем более что большинство афинян привыкло жить вне города. В Афинах лишь для немногих хватило жилищ. Большинству пришлось поместиться под открытым небом, на пустых, незастроенных местах города, в бараках, в бочках или же в храмах и святилищах, даже в башнях городских стен и вообще где попало. Самый город не мог всех вместить; поэтому беженцами заняты были пространство между Длинными стенами и большая часть Пирея.

Вступив в пределы Аттики, Архидам расположился почти в виду Афин, в Ахарнах, самом многочисленном деме, жители которого составляли наиболее значительную часть афинской тяжеловооруженной пехоты («гоплитов»).

При виде неприятельского войска и беспрепятственно производимых им опустошений афинянами овладело раздражение и нетерпение. Главным образом молодежь порывалась выйти навстречу врагу. На улицах собирались сходки; шли толки о том, следует ли выступить против неприятеля или нет. На Перикла негодовали. В нем видели главного виновника войны; его упрекали, что он не ведет войско в открытый бой с пелопоннесцами. Особенно раздражены были ахарняне. Тогда впервые стал выдвигаться Клеон; именно он горячее всех напал на Перикла и этим приобретал влияние на массу, создавал себе популярность. Авторы комедий осыпали Перикла на-

смешками. Но среди волнения и негодования граждан, нападков и насмешек Перикл оставался по-прежнему непоколебимо твердым.

Обладая данными ему диктаторскими полномочиями, он не допускал созыва Народного собрания, опасаясь, что там воинственное настроение и чувство раздражения возьмут у граждан верх над благоразумием. Дело ограничилось небольшой стычкой, и пелопоннесцы вскоре (дней через 25–30) покинули Аттику, так как у них вышло все продовольствие.

Еще во время пребывания пелопоннесцев в Аттике афиняне приняли морскую экспедицию к берегам Пелопоннеса и к западной части Греции. С о. Эгины жители с женами и детьми были изгнаны, а на их место отправлены афинские поселенцы («клерухи»). В Мегарскую область было предпринято опустошительное вторжение.

Таким образом, в первый год войны (431) действия ограничились взаимными опустошениями, но существенных результатов ни та, ни другая сторона не достигли.

На следующий год (430) весной пелопоннесцы под начальством Архидама опять вторглись в Аттику и принялись за опустошение страны. Но, в то время как внешний враг находился у ворот Афин, в самом городе разразилось страшное бедствие – эпидемия. Какая именно болезнь это была, ученым-врачам нашего времени не удалось определить на основании описания ее у Фукидида; но во всяком случае это была не чума. Сперва она появилась в разных местностях – в Эфиопии, в Египте, в большей части владений персидского царя, затем на о. Лемносе. Теперь она на кораблях была занесена сперва в Пирей, а оттуда и в Афины. Скопление населения, перемена образа жизни, угнетенное настроение народа – все это способствовало страшному развитию болезни в Афинах, тогда как в других местах, например в Пелопоннесе, эпидемия не достигла значительных размеров.

Ужасное зрелище представляли тогда Афины. Болезнь пожирала свои жертвы и не было средств бороться с нею. Многих больных даже близкие покидали на произвол судьбы. Дома опустели. Умирающие и полуживые лежали или ползали по улицам, и особенно у колодцев, томимые нестерпимой жаждой. Тут же на улицах валялись трупы умерших. Храмы и святилища, где поместились беженцы, тоже полны были трупов. Эпидемия продолжалась с небольшим перерывом три года, и ни от чего так не пострадали афиняне, как от болезни. От нее погибло из гоплитов не менее 4400 человек, да из всадников 300; число же умерших из остального войска неизвестно. Она не только уносила лучшие силы, но, кроме того, действовала

разлагающим образом на народ. Упадок духа, отчаяние и апатия овладели обществом. Возвышенные стремления, чувство чести и стыда, страх пред богами и людьми – все это исчезло. Уверенность в безнаказанности была полная. Разнузданность и жажда чувственных наслаждений достигли ужасающих размеров; прежде чем умереть, спешили насладиться всеми благами жизни, так как нельзя было быть уверенным в завтрашнем дне, и смерть, казалось, равно грозила всем. Ослабели семейные и общественные узы.

При таких условиях нелегко было вести войну. Правда, пелопоннесцы, вероятно из страха пред заразой, поспешили уйти из Аттики, а афинский флот с Периклом во главе произвел нападения на побережья Пелопоннеса; но и тут дело ограничилось в сущности опустошением. Настроение афинян было подавленное. Они негодовали на Перикла, винили его во всех несчастьях и отправили посольство в Спарту просить мира; но оно не имело успеха. Тогда Перикл созвал Народное собрание и обратился к нему с речью, в которой, укоряя граждан за их малодушие, старался оправдать свой образ действий, поднять упавший дух народа, советовал ради блага отечества забыть личное горе, терпеливо переносить все несчастья и прекратить переговоры со Спартой о мире. Афиняне последовали совету Перикла и более не заводили переговоров со Спартой.

Тем не менее недовольство против Перикла не исчезло. Против него соединились все – и демос и аристократы. Он был лишен должности стратега и присужден к огромному штрафу в 50 талантов. Между тем без него дела шли еще хуже, и, когда настал срок выборов в стратеги, он был снова избран и облечен полномочиями. Но прежнее влияние к нему уже не вернулось. Да и жил он после этого недолго: осенью 429 г. он умер.

ОТ СМЕРТИ ПЕРИКЛА ДО НИКИЕВА МИРА

После смерти Перикла не оказалось человека, который пользовался бы таким, как он, влиянием на народ. Демократическая партия, на которую опирался Перикл, раскололась на две части. Одна часть – преимущественно землевладельцы – отошла к аристократии, а другая образовала новую, более радикальную демократическую группу. К этой последней группе принадлежала главным образом городская беднота. Вообще горожане, не исключая и более крупных торговцев и ремесленников, были обыкновенно главными сторонниками политических новшств и войны. Иным было положение сельского населения. Война разоряла его. Ему приходилось покидать свои поля, хозяйство, переселяться в город. Вторжения неприятелей сопровождались опустошениями, от которых страдало именно сельское насе-

ление. В особенности разорительно было истребление виноградников, оливковых и фиговых деревьев: оно оставляло след на многие годы. «Нападению неприятелей больше подвергаются земледельцы и богатые афиняне, – замечает автор Псевдо-Ксенофонта трактата об Афинском государстве, – а демос, будучи уверен, что из его имущества они ничего не сожгут и не разорят, живет без страха и не подвергается их нападению»⁶. Сельские жители были проникнуты консервативным духом; они стояли за старину. Они не любили политики и тех, кто ею занимается; они сравнительно редко посещали Народное собрание.

Вождем первой группы был богатый Никий, человек способный, но слишком осторожный и суеверный; в демократических кругах он не пользовался симпатиями. Демократическую группу возглавлял Клеон, владелец кожевенной фабрики. Клеон открывает длинный ряд общественных деятелей Афин, за которыми утвердилось название «демагогов». «Демагог» буквально значит: «вождь народа». Первоначально это слово не имело того отрицательного, одиозного смысла, какой оно получило впоследствии.

Война продолжалась по-прежнему, без решительного успеха для обеих сторон. Пелопоннесцы в 429 г. не сделали вторжения в Аттику; фиванцы убедили Архидама не идти туда, чтобы его войско не подверглось заразе, которая снова там свирепствовала, а напасть на город Платея, бывший в союзе с Афинами, и опустошить его область.

Пелопоннесцы еще три раза делали вторжения в Аттику – в 428, 427 и 425 гг.

Наиболее важными событиями этого периода войны были: отпадение о. Лесбоса от Афин (428 г.), занятие Пилоса афинянами (425 г.) и взятие ими спартанского отряда на о. Сфактерии в том же году, вторжение афинян в Беотию (424 г.), сражение афинян с пелопоннесцами (422 г.).

В 428 г. отложился от Афинского союза главный город о. Лесбоса – Митилена. Из союзников Афин к этому времени осталось только два, пользовавшихся равноправием и независимостью, – острова Хиос и Лесбос (Самос был покорен еще при Перикле). Особых поводов к неудовольствию у митиленян не было; но они опасались, что афиняне при первом удобном случае и их лишат равноправия и независимости. Притом, в Митилене властвовала аристократия, а аристократия вообще была враждебно настроена к демократическим Афинам. И вот Митилена задумала отложиться от них. Афиняне, получив сведения об этом, пытались предотвратить опасность путем переговоров, а затем посылкой флота к Лесбосу. Однако военные

---

⁶ Псевдо-Ксенофонт. Афинское государственное устройство, II, 14.

действия начались; восстание охватило весь остров, за исключением города Метимны. Митиленские послы, явившись в Олимпию во время игр, жаловались на афинян и просили помощи у Спарты. Но ни вторжение спартанцев в Аттику, ни посылка пелопоннесского флота на помощь Лесбосу не принудили афинян снять блокаду с Митилены и не спасли города. Митилена сдалась афинянам (427 г.).

Тогда в афинском Народном собрании возник вопрос, как поступить со сдавшимся митиленянами. Сначала раздраженные афиняне решили было все взрослое мужское население предать казни, а женщин и детей обратить в рабство. Распоряжение об этом было даже послано уже афинскому полководцу Пахету. Но на следующий день афиняне одумались: созвано было Народное собрание, чтобы вновь обсудить дело. Во время прений высказаны были два противоположных мнения – за и против смертной казни. В защиту смертной казни и беспощадной строгости говорил Клеон; против беспощадной казни без разбора говорил некий Диодот. В своих доводах Диодот исходил, однако, не из чувства человеколюбия, но из соображений целесообразности и государственной пользы. По мнению его, для упрочения владычества гораздо выгоднее снести добровольно обиду, чем, строго придерживаясь закона, истребить тех, кого следует пощадить. Афиняне отменили прежнее постановление; решили казнить лишь наиболее виновных, однако более 1000 человек. Стены Митилены были срыты. На острове было образовано 3000 земельных наделов, из которых 300 посвящены богам, а остальные предоставлены афинским клерухам.

Вскоре после этого жестокая участь постигла верного союзника Афин, город Платей. Как уже сказано, спартанцы в 429 г., еще при жизни Перикла, напали на этот город. После двухлетней осады жители вынуждены были сдать, и все мужчины были казнены (427 г.). Женщины проданы в рабство. Город разрушен до основания.

Война из-за гегемонии превращалась в жестокую борьбу между олигархией и демократией. До какого ожесточения и одичания доходили в этой борьбе обе стороны, показывают кровавые сцены, разыгравшиеся на о. Керкире в тот же год, когда пала Митилена и разрушены были Платей. Там тоже шла борьба между аристократами и демократами; в конце концов победили демократы и жестоко расправились с противниками. По поводу событий в Керкире Фукидид дает поразительно по глубине анализа изображение тогдашнего нравственного состояния общества – извращения понятий, одичания и деморализации. «Вся Эллада была потрясена, – говорит Фукидид, – потому что повсюду происходили раздоры между партиями демократической и олигархической, причем представители первой призывали на помощь афинян, представители второй – спартанцев... И

вследствие междоусобий множество тяжких бед обрушилось на государство, – бед, которые бывают и будут всегда, пока человеческая природа останется тою же. Беды эти бывают то сильнее, то слабее, и различаются они в своих проявлениях в зависимости от того, при каких обстоятельствах наступает превратность судьбы в каждом отдельном случае. Во время мира и благополучия как государства, так и отдельные лица питают более честные намерения, так как они не попадают в положения, лишаящие людей свободы действия. Напротив, война, лишив людей житейских удобств в повседневной жизни, оказывается насильственной наставницей и настраивает страсти большинства людей сообразно с обстоятельствами. Итак, междоусобная брань царил в государствах. Те из них, которые почему-либо стали волноваться позже, ознакомившись уже с предшествовавшими событиями, шли гораздо дальше в крайностях изобретаемых ими планов, будь это коварство в нападениях на врагов, или бессмысленная мстительность. Извращено было общепринятое значение слов в применении их к поступкам. Безрассудная отвага считалась храбростью и готовностью к самопожертвованию за друзей, предусмотрительная нерешительность – трусостью под благовидным покровом... Родство связывало людей меньше, чем политические кружки, так как члены последних отваживались на все с большою готовностью и без всяких отговорок. Ведь подобные товарищества составлялись не ради благих целей в согласии с существующими законами, но в видах корыстных против господствующего порядка. Доверие друг к другу скреплялось в них не столько уважением к божескому закону, сколько соучастием в тех или иных противозаконных деяниях... Выше считалось отомстить кому-либо за обиду, чем подвергаться обиде самому. Если в целях примирения и давались клятвы, то это делалось обеими сторонами только ввиду безвыходности положения в данный момент, когда не имелось уже никаких других средств. При удобном случае, лишь только одна из сторон приобретала уверенность в силе, а на другой стороне замечалась беспечность, первая мстила с тем большим наслаждением, что противника, благодаря его доверию к клятве, нападение застигало тайно. Нападающий имел в виду и собственную безопасность и, сверх того, приобретал славу пронизательного человека за то, что одолел противника с помощью коварства. Большая часть людей охотнее предоставляет называть себя ловкими злодеями, чем добродетельными простаками: последнего названия они стыдятся, первым гордятся. Источник всего этого – жажда власти, которой добиваются люди из корыстолюбия и честолюбия. Отсюда и проистекает та страстность, с которою люди соперничают между собою. И в самом деле, лица той или иной партии, становившиеся во главе государст-

ва, выдвигали благовидные соображения: одни отдавали предпочтение политическому равноправию народной массы, другие – умеренному правлению аристократии; в льстивых речах они выставляли общее благо как свою награду, на деле же всячески боролись между собою за преобладание, отваживались на ужаснейшие злодеяния и еще дальше шли в своей мстительности, руководствуясь не мерой справедливости и требованием государственной пользы, а соображаясь только с тем, что могло быть в каждом отдельном случае угодно той или другой партии. Приобретая власть путем несправедливого голосования или насилием, они готовы были на все, лишь бы утолить чувство минутного соперничества. Совесть та и другая партия ставила ни во что; напротив, при помощи благовидных доводов заставляли говорить о себе громче те, кому удавалось достигнуть какой-нибудь цели зазорным способом. Беспартийные граждане истреблялись обеими сторонами или потому, что они не оказывали требуемой от них поддержки, или потому, что возбуждали зависть своим существованием. Таким образом, вследствие междоусобий нравственная порча во всех видах водворилась среди эллинов, и то простодушие, которое более всего присуще благородству, было осмеяно и исчезло; наоборот, широко возобладали неприязненное, полное недоверия отношение друг к другу. Для умиротворения не было ни надежных речей, ни грозных клятв... Перевес обыкновенно бывал на стороне людей не особенно дальнего ума: сознавая свою недалечновидность и чувствуя проницательность со стороны противников, они боялись, как бы не оказаться менее искусными в способности логически рассуждать, как бы другая сторона, при своей изворотливости, не предупредила их кознями. Поэтому они приступали к делу решительно. Напротив, люди, отличающиеся самомнением, воображали, что ими все предусмотрено; что нет нужды употреблять силу там, где можно достигнуть цели изворотливостью; поэтому такие люди не принимали предосторожностей и гибли в большом количестве»⁷.

В 425 г. война, казалось, приняла более решительный оборот, и притом благоприятный для Афин. Афинский флот на пути в Сицилию, задержанный непогодой, по настоянию сопровождавшего его полководца Демосфена, занял Пилос на юго-западном берегу Пелопоннеса, в Мессении. Весть об этом встревожила спартанцев: Мессения с ее населением, находившимся на положении илотов (крепостных), была у них самым уязвимым местом. Тогда вторгнувшееся в Аттику спартанское войско поспешило покинуть ее, а на Пилос, чтобы вытеснить оттуда афинян, было произведено нападение с су-

---

⁷ Фукидид, III, 82–83.

ши и с моря. В то же время спартанцы заняли о. Сфакторию, лежащий у входа в Пилосскую бухту. Нападение спартанцев было отбито. На помощь Демосфену пришел афинский флот и нанес поражение спартанскому флоту, благодаря чему Сфактория с находившимся там отрядом спартанцев попала в блокаду. Спартанцы, чтобы спасти осажденных, среди которых были и спартиаты, члены господствовавшего в Спарте сословия, заключили перемирие с афинянами и отправили послов в Афины для переговоров о мире. Но, вследствие противодействия, главным образом со стороны Клеона, мир не состоялся, и блокада Сфактории продолжалась.

Однако надежды афинян на скорый успех не оправдались; осада затянулась. Клеон в Народном собрании упрекал за это стратегов, говоря, что если бы он был на их месте, то взял бы остров. Тогда ему предложили взять на себя начальство над войском и исполнить эту задачу. Клеон сперва отказывался, но, по настоянию граждан, вынужден был согласиться и заявил, что в течение двадцати дней он или приведет спартанцев живыми или перебьет их на месте. Клеону удалось взять Сфакторию. Он с торжеством возвратился в Афины, приведя около 300 пленных, из которых 120 были спартиаты, принадлежавшие к знатнейшим фамилиям.

Ободренные успехом, афиняне задумали подчинить себе Беотию; но при Делии они потерпели поражение от фиванцев (424 г.).

В том же году спартанский вождь Брасид перенес военные действия во Фракию и там нанес афинянам удар. Он решил осуществить программу, которая была выставлена Спартой еще в начале войны, — освободить греков от афинского ига. Брасид отличался талантом полководца, смелостью, решительностью; обаятельно действовала самая личность его; он обладал даром слова, столь редким у спартанцев. Вообще, Брасид составлял противоположность остальным спартанским вождям. По своему характеру и стремлениям он не подходил к Спарте, да и спартанское правительство смотрело на него довольно подозрительно. Брасид с небольшим отрядом отправился в поход сухим путем, через весь Балканский полуостров, прошел враждебную ему Фессалию, подошел сперва к городу Аканфу во Фракии, потом к Амфиполю и склонил оба эти и другие города к отпадению от Афин. Потеря фракийских городов была тяжелым ударом для афинян; отсюда они получали не только дорогие металлы, но и лес для постройки кораблей. Дальнейшие успехи сопровождали деятельность Брасида. Спартанское правительство безучастно, даже неприязненно смотрело на эти успехи. Оно воспользовалось ими, чтобы заключить перемирие на один год с Афинами (423 г.). Каждая сторона должна была удержать за собой свои завоевания. Но

во Фракии враждебные действия продолжались; в самой же Греции спокойствие было до окончания срока перемирия.

По истечении срока перемирия Клеон с войском отправился к Амфиполю. Во время произведенной им рекогносцировки Брасид напал на него. Афинский отряд потерпел поражение. Сам Клеон пал в битве. Брасид получил смертельную рану (422 г.). Гибель того и другого облегчила заключение мира, так как оба они стояли за войну.

Уже десять лет длилась война, а существенного результата не было достигнуто. Обе стороны были утомлены. Афиняне не имели уже прежней уверенности в своих силах; можно было опасаться дальнейших отпадений союзников. Финансовые средства у афинян истощались. Война особенно тяжела была для сельского населения, и оно жаждало мира.

Вообще, по смерти Клеона в Афинах возобладали мирные течения. Влияние Някия, главы партии мира, возросло. Спарта, с своей стороны, желала мира, чтобы скорее освободить пилосских спартиатов, находившихся в плену у афинян. Таким образом, между Афинами и Спартой в 421 г. был заключен мир на 50 лет, названный по имени главного его виновника «Никиевым миром», закончивший собою первый период Пелопоннесской войны, или, иначе, «Архидамову войну». По этому миру в сущности восстановилось положение, бывшее до войны: обе стороны должны были возвратить свои завоевания, за некоторыми исключениями. Афиняне должны были получить Амфиполь, выдать пленных и возвратить Пилос.

Никиев мир не мог быть прочен. Он был «гнилым миром», по выражению Фукидида. Он не решил окончательно вопроса о первенстве Афин или Спарты, не устранил одной из основных причин вражды – того соперничества, которое существовало в Греции. Им недовольны были союзники Спарты, особенно Коринф и Фивы: они отказались признать этот мир. Условия мира не были в точности выполнены: Амфиполь не был сдан афинянам, а афиняне удерживали за собою Пилос. Притом власть в Спарте вскоре перешла к новым должностным лицам – эфорам, стоявшим за войну.

Такое положение дел не могло не отразиться на афинских партиях: и здесь выдвинулись те лица, которые были за войну. Тут пред нами выступает замечательная личность – Алкивиад.

Алкивиад держался демократической партии и главного соперника видел в Никии. Впрочем, демократия была для него лишь средством для достижения цели; в сущности же ему не было дела ни до олигархии, ни до демократии, как выразился о нем один из олигархов. Он открыто заявлял, по словам Фукидида, что не может любить

свое отечество тогда, когда терпит от него несправедливость, что он любил его лишь тогда, когда жил в нем безопасно⁸.

Вскоре военные действия возобновились в Пелопоннесе, хотя формально Никиев мир еще существовал. Афиняне действовали нерешительно и ограничивались полумерами; воинственная программа Алкивиада встречала противодействие со стороны Никии, приверженца мира. В 418 г. в сражении при Мантине спартанский царь Агид нанес поражение войску противников Спарты, заключивших между собою союз: Афин, Аргоса, Элиды и Мантинеи. Эта победа подняла престиж Спарты, заглотив дурное впечатление от неудачи на Сфактерии. Это была вместе с тем в победа олигархии. Союз этих враждебных Спарте государств стал распадаться; демократическое движение, начавшее было распространяться в Пелопоннесе, приостановилось; возобладала реакция в пользу олигархии и Спарты.

Положение в Афинах было неопределенное: ни Алкивиад, ни Никий не имели решительного перевеса, что отражалось на всем ходе дел.

По совету Алкивиада, афиняне в 416 г. отправили экспедицию против о. Мелоса, жители которого; дорийцы, не принимали участия в войне против афинян, потому что боялись их, а воевать со своею метрополию, Спартой, не хотели. Когда появилась у их острова сильная афинская эскадра, они просили оставить им их нейтралитет. Но начальники эскадры объяснили их правителям, что по закону природы и по человеческому обычаю сильный повелевает, а слабый должен повиноваться и что поэтому мелосцы должны вступить в союз с афинянами и платить им дань. Мелосцы отказались, но, после нескольких месяцев геройской обороны, принуждены были сдать. Афиняне умертвили всех взрослых мужчин, а женщин и детей обратили в рабство. Остров они взяли себе и землю отдали своим клерухам.

Вскоре после экспедиции против слабого Мелоса афиняне с такою же надменностью предприняли поход против сильного государства в Сицилии. Алкивиад жаждал войны, которая дала бы ему славу, власть, возможность поправить свои дела, расстроеныя непомерно роскошью и тратами, превышавшими его средства.

Случай вскоре представился. В Сицилии происходили раздоры, в частности, между городами Эгестой и Селинунтом, на стороне которого были Сиракузы. Эгеста обратилась за помощью к Афинам, и в Афинах, по настоянию главным образом Алкивиада, решено было снарядить злосчастную Сицилийскую экспедицию (415 г.), которая была поворотным моментом в их истории.

Сама по себе экспедиция к берегам Сицилии не была чем-либо необычайным, предприятием фантастическим. Между Афинами, с

---

⁸ Фукидид, VIII. 48; VI, 89, 92.

одной стороны, Италией и Сицилией – с другой, давно уже существовали довольно тесные, частые сношения. Не говоря уже о торговле, еще в середине V века заключен был союз между Афинами и тою самою Эгестею, которая теперь обращалась к ним за помощью; при Перикле в южной Италии была основана колония Турий; в первые годы войны афиняне не раз уже отправляли флот к берегам Италии и Сицилии. Таким образом, теперь дело было не столько в самой Сицилийской экспедиции, сколько в условиях, при которых она была предпринята, а, главное, в ее целях, в размерах, которые были ей приданы. Никиев мир был непрочным миром; военные действия в Пелопоннесе уже начались; можно было ожидать решительной войны в самой Элладе. Афиняне не успели даже добиться подчинения отпавших фракийских городов, в том числе Амфиополя, т. е. еще не справились с ближайшими задачами, и в это время предпринимали поход с огромными силами в сравнительно далекую Сицилию. Помощь союзникам была тут только предложением; действительной же целью экспедиции было покорение всего острова, богатого хлебом, «житницы». Давно уже афинянами, по выражению Плутарха, овладела «несчастливая страсть к Сицилии». От этой страсти удерживал их Перикл. Теперь Алкивиад воспользовался ею. Завоевание Сицилии должно было нанести удар Спарте. Но этого мало: для Алкивиада и для многих афинян завоевание Сицилии было только ступенью, началом или введением к дальнейшему, еще более грандиозному предприятию. Их воображению представлялись Карфаген, Ливия; они мечтали о походе в Африку. Сицилия должна была служить опорным пунктом, откуда можно было предпринять войну с Карфагеном, приобрести господство над Ливией и над всем морем до Геракловых столбов (Гибралтарского пролива). Молодежь в палестрах, старики в мастерских и на площади, сидя на скамьях, чертили друг другу на земле карту острова, положение Ливии и Карфагена; описывали берега Сицилии, окружающее ее море, те гавани и места, которые лежали на обращенной к Африке стороне.

Алкивиаду афиняне не вполне доверяли: они опасались его честолюбия. Поэтому начальниками экспедиции в качестве полномочных стратегов (стратегов-«автократоров»), кроме Алкивиада, избраны были еще двое: осторожный Никий и Ламах, известный как храбрый, опытный воин. Казалось, что если гениальность Алкивиада соединится с осторожностью Никия и с мужеством Ламаха, то успех предприятия тем вернее будет обеспечен. В действительности же избрание трех полномочных полководцев вместо одного не предвещало ничего доброго: не могло быть необходимого единства в плане и исполнении: тем более что Никий был выбран против своего желания: он не сочувствовал предприятию, считая его пагубным.

В Народном собрании, в котором должны были обсуждаться меры относительно скорейшего снаряжения флота, Никий выступил против уже решенной экспедиции как безрассудной. Он доказывал, что не следует предпринимать войну из-за дела, не касающегося афинян, в то время, когда здесь, в Элладе, много неприятелей, когда мир и без того непрочен и не обеспечено то, что есть: халкидяне во Фракии не подчинены; покорность других сомнительна; безрассудно идти войною на такие народы, удержат которые в повиновении нельзя даже в случае победы, и это тогда, когда государству угрожают козни олигархов. Никий обращался к благоразумию старейших афинян и, намекая на Алкивиада, призывал не поддаваться советам тех молодых честолюбцев, которые из-за личной выгоды и славы готовы повергнуть государство в опасность. В ответ на это Алкивиад говорил в свое оправдание, что тот блеск и роскошь, которые он проявляет, способствуют и славе государства, и доказывал, что Сицилию вовсе не так трудно завоевать: население ее представляет смесь; в нем нет единения; поход усилит могущество Афин, доставит им господство над всей Элладой; в покое государство дряхлеет, в борьбе же усиливается и т. д. Тогда Никий, думая напугать сограждан издержками, заявил, что если уж предпринимать поход, то надо предпринимать его с большими морскими и сухопутными силами, с соответствующим количеством провианта, денежных средств и пр. Но это не помогло, и результат получился обратный тому, на какой рассчитывал Никий. От Никия потребовали, чтобы он определенно сказал, сколько, по его мнению, нужно сил, и Никий, скрепя сердце, ответил, что необходимо не менее 100 триер (военных кораблей), 5000 гоплитов, соответствующее число прочего войска, легковооруженных и т. д. Все это решено было предоставить полководцам и облечь их неограниченными полномочиями. Стремление к отплытию овладело всеми. Старшие надеялись или на покорение острова, или на то, что такие большие силы не потерпят поражения; молодежь жаждала видеть далекую страну; масса рассчитывала на жалование и на приобретение нового могущества, благодаря которому можно будет постоянно получать жалование. А если кто не одобрял предприятия, то молчал, боясь показаться злонамеренным, плохим гражданином.

Флот снаряжался; шли приготовления к его отплытию, как вдруг случилось происшествие, взволновавшее город: в одну майскую ночь 415 г. изуродованы были «гермы» – грубые изваяния, в виде четырехугольных столбов с головою, преимущественно бога Гермеса, стоявшие на улицах и площадях, у входа в частные дома и в святилища. Ночные скандалы и бесчинства подвыпившей молодежи, сопровождавшиеся нередко кощунством, были в Афинах довольно

обычны. Но размеры этого кощунства были необычны, и народом овладела тревога: в изуродовании почти всех гермов видели дурное предзнаменование для экспедиции; боялись гнева богов и кары. Участников в нечестивом деянии, очевидно, было много. Притом здесь видели какой-то план; чудился заговор, направленный против демократии. Виновники не были известны; дело было загадочное, темное, и это еще усиливало беспокойство и уныние. Нашлись люди, которые постарались еще более раздуть дело и использовать его в своих видах или в видах партии. Представился удобный случай запутать в него и Алкивиада, который многим стоял на дороге, и таким образом устранили его.

Так возникло дело о «гермокопидах» (изуродователях гермов). Начались доносы и толки о том, что в городе есть люди, подвергающие насмешкам религию, элевсинские мистерии (таинства), и т. п. Много говорили об Алкивиаде, который известен был своими выходками, полным пренебрежением к обычаям и святыням; казалось, он на все был способен, и для него не было ничего святого.

Когда флот был готов уже к отплытию, в Народном собрании было заявлено, что Алкивиад в одном частном доме устраивал пародию на элевсинские мистерии. Алкивиад тщетно требовал немедленного суда; враги его опасались решения в его пользу, так как на его стороне было войско. Недальновидные друзья Алкивиада добились лишь того, что процесс был отложен до его возвращения. Таким образом, Алкивиад отправлялся во главе экспедиции как подсудимый, под тяжестью не опровергнутого обвинения.

Провожаемый населением со смешанным чувством надежды и тоски, флот отплыл из Пирея. Это была целая армада, «самое дорогое и великолепное снаряжение из всех, бывших до тех пор»⁹. Флот состоял из 134 триер; экипажа было около 25000; войско состояло из 5100 тяжеловооруженных (гоплитов), из 1300 легковооруженных, стрелков, пращников и т. п. Много купеческих судов с торговыми целями следовали за флотом. Но не столько численностью отличались этот флот и войско, сколько великолепием: государство и частные лица не жалели средств на их снаряжение. По приблизительному подсчету, содержание 100 триер обходилось в 100 талантов в месяц.

В Сицилии не верили, что поход в таких размерах предпринят с целью лишь помочь Эгесте, и опасались завоевательных планов со стороны афинян. Таким образом, экспедиция была встречена почти общим недоверием. Афиняне уже заняли один из сицилийских городов, как вдруг прибыл афинский государственный корабль за Алкивиадом: его требовали на суд в Афины.

---

⁹ Фукидид, VI, 31.

В Афинах, по отплытии флота, по-прежнему производилось следствие о кощунстве над мистериями и об изуродовании гермов. Вновь появились доносы. Афиняне принимали их на веру. Их пугал призрак тирании, и демос сам становился подозрительным тираном. Под влиянием доносов и арестов распространилась паника, доходило до того, что когда глашатай созывал Совет на заседание, то граждане опрометью покидали площадь, боясь быть арестованными. Никто не считал себя в безопасности. Тогда, чтобы положить конец этому, один из арестованных, Андокид, уступая просьбам товарищей по заточению, дал показание, хотя и не пролившее полного света, но в общем удовлетворившее и успокоившее афинян, которые с радостью ухватились за него. Андокид показал, что изуродование гермов было делом одной олигархической гетерии. Из указанных им лиц одни были схвачены и казнены, другие бежали и приговорены заочно к смерти.

Дело о гермокопидах кончилось, но дело о мистериях продолжалось. Против Алкивиادا были добыты новые показания; предъявлено обвинение в том, что Алкивиад совершил преступление, представляя в своем доме с товарищами мистерии. Обвинение было принято. Алкивиад отрешен от должности стратега и призван к суду. За ним был послан государственный корабль. Он сначала как бы подчинился призыву, но дорогою бежал. Афиняне заочно приговорили его к смертной казни; он был предан проклятию, и приговор над ним начертан на каменном столбе.

Таков был исход процесса о гермокопидах и мистериях. По поводу изуродования гермов Фукидид замечает, что ни тогда, ни впоследствии никто не мог сказать ничего ясного, определенного относительно совершивших это дело¹⁰. И слова его остаются в силе и теперь: дело так и осталось темным, загадочным. Есть основание думать, что заодно с демократами тут действовали и некоторые тайные или явные олигархи: для них Алкивиад был ненавистен и стоял им на дороге, так же как и истым демагогам.

Как бы то ни было, но последствия дела гермокопидов были тяжелы для Афин: они способствовали гибельному исходу Сицилийской экспедиции и падению афинского могущества. Афиняне оттолкнули от себя такую личность, как Алкивиад, который, пылая мстостью, перешел теперь к их врагам, в Спарту. В ответ на заочный приговор, произнесенный над ним, Алкивиад, говорят, сказал: «Я покажу афинянам, что я еще жив»¹¹.

В Сицилии весной 414 г. афиняне приступили к осаде Сиракуз. Они почти окружили и отрезали Сиракузы, как вдруг явился из Спарты на помощь сиракузянам полководец Гилипп с войском, и

¹⁰ См. Фукидид. VI, 60.

¹¹ Плутарх. Алкивиад, гл. 22.

дело приняло совершенно другой оборот. Афиняне очутились сами скорее в положении осажденных. Никий, оставшийся единственным начальником афинского войска, после того как еще раньше у Сиракуз пал Ламах, сообщил в Афины о положении дел и просил или отозвать обратно экспедицию, или снарядить еще вторую, с меньшим числом кораблей и войска, чем первая, а его, больного, заменить кем-нибудь другим. По получении этого известия в Афинах решено было экспедицию не отзывать, осаду Сиракуз продолжать, а в подкрепление Никию послать новый флот и войско под начальством полководца Демосфена. Эта вторая экспедиция мало чем уступала первой: она состояла из 73 триер с 5000 гоплитов и многочисленным отрядом легковооруженных, стрелков, пращников; общее число участников в ней доходило до 20000.

Мир между Афинами и Спартой был уже формально нарушен, и, когда снаряжалась вторая афинская экспедиция в Сицилию, спартанцы, по совету Алкивиада, заняли в Аттике местечко Декелею, укрепили ее и поставили там гарнизон (413 г.). Декелея находилась на полпути из Афин к беотийской границе и служила для спартанцев удобным наблюдательным пунктом, откуда они могли вести войну, делая набеги и держа страну в блокаде. Афиняне несли большие потери. Обработка земли сделалась очень затруднительной; скот погиб; большая часть оливковых деревьев была вырублена; целые полосы обработанной прежде земли превращались в пустыри. Занятие Декелей отразилось и на промышленности: около 20000 рабов, преимущественно ремесленников, перебежало к неприятелю. Многие жители Аттики спасались в городе. Самые Афины находились как бы в осадном положении. Афиняне крайне нуждались в деньгах.

В то время, когда новый афинский флот и войско плыли к Сицилии, положение афинян у Сиракуз еще более ухудшилось. Даже и это огромное подкрепление не помогло. После продолжительной борьбы афиняне были разбиты на суше и на море. Сиракузяне своими кораблями заперли выход из гавани. Афиняне сделали отчаянную попытку пробиться, но тщетно. Оставалось отступить сухим путем; корабли достались сиракузянам. На отступавших напали сиракузяне; часть афинян спаслась бегством; большая часть погибла или взята в плен, в том числе и оба полководца, Никий и Демосфен. Судьба пленников, числом около 7000, была тяжелой: они были заключены в каменоломни. Никий и Демосфен были казнены; остальные томились в каменоломнях, страдая от жары и холода, духоты и зловония, голода и жажды. Потом сиракузяне продали их в рабство, за исключением афинян, сицилийцев и италийцев, которые долго-еще томились в каменоломнях; дальнейшая судьба их в точности неизвестна. Кроме этих пленных, многие достались в добычу отдельным воинам,

которые их продавали в рабство. По выражению Фукидида, «вся Сицилия наполнилась ими»¹². Из огромного флота и войска лишь немногие вернулись домой.

Такой страшной катастрофой кончилась афинская экспедиция в Сицилию (413 г.). Фукидид считает это событие величайшим не только за время Пелопоннесской войны, но и вообще в истории Греции¹³. Это был важнейший момент войны, поворотный пункт в ней и в исторической судьбе Афин. От этой катастрофы Афины уже не могли оправиться. Погибло два прекрасных флота, более 200 триер и множество людей: около 40 или 50 тыс. отправлено было в Сицилию, и из них возвратились лишь немногие. Не считая союзников и метеков, около 3000 афинских граждан высших классов и 9000 фетов остались в Сицилии мертвыми или пленными. Погиб цвет афинских сил. Громадные средства оказались напрасно истраченными.

Но не только материальные потери были велики; не менее важны были нравственные последствия: у Сиракуз афиняне потерпели поражение на море, т. е. там, где была их главная сила, где они привыкли побеждать, где господствовали. Теперь они лишились славы непобедимости на море; исчез страх пред их морским могуществом. На этом страхе в значительной степени держалось их владычество над союзниками. Теперь от них стали отлагаться даже те союзные города, которые до сих пор оставались верными. Выступает и Персия со своими притязаниями: персидский царь требует дани, которую платили греческие города в Азии его предкам, и вместо фороса афинянам те платят дань Персии. Спарта снаряжает флот и заключает союз с Персией.

Этого мало. Весь государственный строй Афин был глубоко потрясен. Настроение было подавленное. На время утратилась вера в целесообразность и благодетельность демократии, которая теперь многим казалась виновницею всех бед. Явились попытки изменить строй, ограничить и даже низвергнуть демократию. Олигархи подняли голову и принялись за осуществление своих затаенных планов.

Когда в Афины пришли вести о сицилийской катастрофе, там долго не верили, что все так погибло. Убедившись, что это – правда, афиняне ожесточились против ораторов, возбуждавших к походу, как будто не сами они голосовали за него; они раздражены были также против предсказателей, обещавших им успех и завоевание Сицилии. Страх овладел афинянами. Они были чрезвычайно потрясены, потеряв множество гоплитов, всадников, цветущей молодежи. На верфях не было достаточно кораблей, гребцов для флота, не было денег в государственной казне. Можно было ожидать, что непри-

---

¹² Фукидид, VII. 85.

¹³ См. Фукидид, VII. 87.

ятель немедленно явится в Пирей, что поднимутся враги в самой Элладе и союзники отпадут (что отчасти и случилось).

И все-таки афиняне решили, что не следует уступать; необходимо снарядить флот, обеспечить за собою союзников и соблюдать бегливость.

Многие сознавали необходимость изменения в самом строе в смысле некоторого ограничения демократии, усиления сдерживающего начала, и тотчас же после сицилийского поражения в 413 г. в Афинах учреждена была должность 10 пробулов из старейших и уважаемых граждан, чтобы предварительно обсуждать текущие дела сообразно требованиям момента и не допускать Народное собрание до слишком поспешных, неблагоприятных решений¹⁴.

Под влиянием постигшего афинян несчастья, сомнений и разочарований в целесообразности демократии, пробудился особый интерес к старинному строю, к «отеческому строю» (*πάτριος πολιτεία*). Его исследуют; вопросы о нем становятся животрепещущими, модными. Многие ищут политических идеалов в прошлом, желают вернуться к демократии, какою она была до Эфиальта и Перикла, к строю Клисфена, Солона, даже времен Драконта. Последние годы V века были вообще богаты политическими памфлетами в духе олигархической партии.

Чтобы вести войну, удерживать за собою союзников и господство на море, требовалось чрезвычайное напряжение сил. Когда отпал о. Хиос, афиняне снарядили новый флот. Опорным пунктом для них служил о. Самос, где произошел демократический переворот, богатые землевладельцы частью были перебиты, частью изгнаны, а их дома и земли поделены между народом. Но положение афинян было очень стесненным; их средства иссякали; доходы с отпадением городов уменьшились, а расходы росли. Уже в начале 411 г. войско у Самоса не получало из Афин денег и само должно было добывать их. Спарта же получала денежную помощь от Персии, которая была теперь как бы вершительницей судеб Греции. И вот в сознание афинян все более и более проникает мысль, что единственное спасение – расторгнуть союз Спарты с персидским царем, склонить его на свою сторону, чтобы получать от него субсидии, и вернуть к себе Алкивида, который, разойдясь уже со спартанцами, находился в Малой Азии и, по-видимому, пользовался большим влиянием у персидского сатрапа Тиссаферна: казалось, только он мог дать победу Афинам. Многие готовы были изменить встрой, ограничить или даже низ-

---

¹⁴ Но, по-видимому, Аристофан был невысокого мнения о пробулах: по крайней мере в сцене с пробулом в «Лисистрате» (ст. 387–613) пробул выставлен в смешном положении: женщины с презрением издеваются над ним, Лисистрата называет его даже «всепроклятым» (*λαυκατάρατε* – ст. 588).

вергнуть демократию, лишь бы достичь союза с Персией и возвращения Алкивиада. Даже искренним приверженцам демократии казалось, что нет иного исхода из тяжелого, критического положения.

Таким настроением и положением дел воспользовались олигархи. Они соблазнили афинян надеждой на союз с Персией и путем интриг и террора подготовили олигархический переворот.

Движение, приведшее к этому перевороту, началось сперва в войске у Самоса. Алкивиад, тяготясь изгнанием, вошел в сношения с знатнейшими и наиболее влиятельными лицами среди афинского флота у Самоса, заявляя о своем желании вернуться на родину, если будет изменена форма правления; в демократах он видел врагов, изгнавших его. С другой стороны, к ниспровержению демократии стремились многие из триерархов (командиров военных кораблей) и состоятельных граждан, тяготившихся бременем повинностей. Они полагали, что тем, кто несет наибольшие тяготы, должна принадлежать власть. Так составилась заговор, тайной целью которого было установление олигархии; открыто же говорили о союзе с царем, который будет другом Афин и даст денег, если будет возвращен Алкивиад и не будет демократии. Заговорщики решили отправить в Афины нескольких лиц, с тем чтобы согласно этому действовать там. Во главе этих лиц стоял Писандр, еще недавно ярый демократ, демагог, а теперь – крайний олигарх и один из деятельнейших участников в заговоре против демократии¹⁵. В Афинах, в Народном собрании, Писандр говорил, что единственное средство спасения – это привлечь персидского царя на сторону Афин; но союза с царем не может быть, если в Афинах не будет власть вручена немногим лицам; только тогда царь может доверять афинянам; в настоящий момент дело идет о спасении государства; потом, если что-либо не понравится, можно будет и изменить; Алкивиادا же следует возвратить, так как только он один способен все устроить.

Тяжело было слушать народу об олигархии; но, когда Писандр ясно показал, что нет иного спасения, народ уступил – отчасти из страха, отчасти в надежде на перемену в будущем, тем более что Писандру верили, считая его искренним демократом. В задуманном перевороте большую роль должны были сыграть олигархические союзы – «гетерии». Писандр все их обошел, убеждая соединиться и действовать сообща для низвержения демократии.

Однако переговоры с Тиссаферном и Алкивиадом к соглашению не привели, и олигархи решили действовать без Алкивиада. В Афинах дело было подготовлено членами гетерий. Пущен был в ход террор. Численности заговорщиков не знали и силы их преувеличивали.

---

¹⁵ Такие переходы были тогда не редки: олигарх Фриних раньше тоже был крайним демократом.

Принадлежавшие к народной партии относились недоверчиво друг к Другу, подозревая в каждом участника в заговоре, тем более что в числе заговорщиков были и такие, о которых никогда нельзя было думать, что они превратятся в олигархов. Наконец, главные силы демократической партии отсутствовали, находясь во флоте у Самоса.

Таково было положение дел в Афинах, когда туда прибыли Писандр и его спутники. Они тотчас приступили к осуществлению переворота. Прежде всего они провели в Народном собрании постановление о том, чтобы «обвинение в противозаконности» (γραφὴ παρανόμων), которое могло служить препятствием к осуществлению замысла олигархов, было запрещено под страхом строгих наказаний и чтобы каждому афинянину предоставлялось право предлагать что угодно. Затем особая комиссия выработала два проекта нового государственного устройства в олигархическом духе: один – постоянного строя, для будущего, другой – временного, по которому устанавливалось правление «Совета Четырехсот»; жалование за службу отменялось; политические права было обещано предоставить пяти тысячам граждан – тем, кто «больше всех в состоянии служить государству или своею личностью, или своими средствами». Народное собрание, запуганное, приняло предложения; прежний Совет Пятисот распущен, и таким образом в Афинах установлена олигархия «Четырехсот», в руках которых была вся власть (411 г.).

Но олигархия эта оказалась непрочною: она не продержалась и четырех месяцев. Четыреста правили государством посредством насилия; надежда на мир, которая способствовала успеху переворота, не оправдалась.

Войско и флот, стоявшие у Самоса, не признали переворота; они взволновались, низложили стратегов, выбрали других и торжественно поклялись оставаться верными демократии, продолжать войну, а Четыреста считать за врагов. Они смотрели на себя как на истинные Афины, как на защитников законного строя. Главным деятелем тут был один из триерархов – Фрасибул. По его предложению был призван Алкивиад. Провозглашенный стратегом, Алкивиад поднял дух войска.

Одновременно с олигархическим переворотом в Афинах низвергалась демократия и в союзных городах и вводилась олигархия. Но союзники, по низвержении демократии, отлагались от Афин.

Между тем в Афинах среди самих олигархов не было согласия: каждый жаждал первенства, власти. Более умеренные из Четырехсот вступили в оппозицию к крайним. Неудача в мирных переговорах со Спартой, отпадение городов, а главное, непризнание переворота войском у Самоса – все это должно было поколебать положение олигархов. Население им не доверяло и относилось подозрительно к их действиям.

В это время пелопоннесский флот направился к Евбее, произошла морская битва, в которой афиняне потерпели поражение, и Евбея отпала от Афин. Это подействовало на афинян сильнее, чем даже сицилийская катастрофа, потому что после занятия Декелей спартанцами они получали из Евбеи больше пользы, чем из Аттики. Под впечатлением этого и в ожидании, что неприятельский флот пойдет прямо к Пирею, народ собрался и низложил Четырехсот. Постановили передать дела «Пяти тысячам», к которым причислялись все, кто имел вооружение; никто не должен был получать плату ни за какую службу. Решили отменить изгнание Алкивиада, признали его стратегом, к нему и к войску у Самоса отправили посольство с предложением принять участие в делах.

Умеренная демократия Пяти тысяч, установленная после низвержения олигархии Четырехсот, была строем преимущественно среднего, состоятельного класса. Неимущая или малосостоятельная масса, привыкшая участвовать в Народном собрании, суде, управлении государством и получать жалованье, теперь лишена была и того и другого. Это было для нее крайне тяжело, в особенности лишение жалованья, без которого она не могла обходиться. Неудивительно, что демократия Пяти тысяч существовала недолго: при первых же крупных успехах афинян на море она должна была уступить место прежней, неограниченной демократии.

Спартанский «наварх» (по-нашему адмирал) Миндар перенес военные действия в Геллеспонт. Афиняне последовали за ним и одержали победу, при содействии Алкивиада, при Абидосе (411 г.). В следующем году (410) Алкивиад нанес еще более тяжкое поражение пелопоннесцам при Кизике. Миндар пал, и почти весь неприятельский флот достался афинянам. Таким образом, Алкивиад дал иной оборот войне.

Последствием победы при Кизике и было восстановление полной демократии в Афинах. Все афиняне, в том числе и неимущие, получили опять политические права и вновь введено было жалованье.

Между тем Алкивиад одерживал новые победы. Византий сдался ему; владычество афинян на море было восстановлено; проливы, ведущие в Черное море, были в их руках. Настал момент, когда Алкивиад решил отправиться в Афины (408 г.). Он явился сюда с торжеством, как победитель, со 100 талантами денег, с богатой добычей и трофеями, в числе которых были захваченные неприятельские корабли. Народ толпами устремился в Пирей, навстречу ему. Отношение к нему совершенно изменилось. Враги его должны были на время смолкнуть. Ему было поручено высшее командование на суше и на море. Перед Алкивиадом, казалось, открывалась возможность захватить власть в свои руки, сделаться тираном в Афинах.

Афиняне, принадлежавшие к высшим слоям, надеялись, что он может открыто и смело выступить против демоса; а неимущие, наоборот, смотрели на него как на своего лучшего защитника, соратника, который вместе с ними повергнет город в смятение и придет на помощь их бедности. Алкивиад так привлек к себе простых и бедных, что те питали удивительное, страстное желание подчиниться его тирании, а некоторые приступили к нему с требованиями, чтобы он действовал по своему усмотрению и воспользовался обстоятельствами. Но на этот путь Алкивиад не вступил.

Сопровождаемый преувеличенными ожиданиями блестящих побед, Алкивиад покинул Афины во главе флота. Между тем действительность далеко не соответствовала этим ожиданиям. Пелопоннесцы снарядили новый флот. На историческую сцену выступили две личности, которые дали иной оборот войне. Это были спартанский наварх Лисандр, человек способный, энергичный, не останавливавшийся ни перед чем для достижения своих целей, и молодой персидский принц, Кир Младший, назначенный наместником в Малую Азию. Кир стоял за решительную помощь Спарте и готов был всячески поддержать Лисандра. В то время как Спарта пользовалась щедрыми субсидиями от Персии, афинские стратеги вынуждены были добывать средства на содержание флота и для ведения войны путем реквизиций и пиратства. Положение Алкивиада было затруднительно. Блестящих побед он не одержал; между тем, вследствие высокого мнения о его способностях, от него ожидали великих подвигов: думали, что он может сделать все, если захочет. Притом, у Алкивиада в Афинах по-прежнему были враги, которые лишь на время притаялись, но которые готовы были воспользоваться каждой его неудачей. Однажды, в отсутствие Алкивиада, военачальник, которому он поручил флот, вопреки его запрещению вступил в битву с Лисандром и потерпел поражение (407 г.). И очарование Алкивиадом исчезло: он был лишен главного начальства, не был выбран в стратеги и добровольно удалился в изгнание, в окрестности Херсонеса Фракийского (407 г.). Так вторично – и на этот раз навсегда – афиняне лишились своего даровитого вождя. Вскоре после этого (404 г.) Алкивиад был убит.

В 406 г. афинский полководец Конон настигнут был у Митилены Калликратидом, преемником Лисандра, потерял почти половину флота и оказался запертым в гавани. Афиняне напрягли все свои силы, чтобы выручить Конона, и снарядили большой флот. Этот флот в битве при Аргинусских островах (близ Лесбоса) одержал победу над пелопоннесским. Но последствия этой победы были самые неожиданные: победителей-стратегов в Афинах вместо награды ожидали суд и казнь. Их судили и казнили за то, что они не оказали

погребальных почестей павшим в бою и вследствие бури не приняли мер к спасению тех, которые были еще живы и носились по волнам на обломках кораблей после сражения.

Такое отношение к стратегам не могло содействовать успеху афинян в войне. Во главе спартанского флота снова стал Лисандр. Он занял Геллеспонт, и когда афинский флот расположился в проливе при Эгос-Потамах («Козьих реках»), то Лисандр, выждав удобный момент, напал на него врасплох. Поражение афинян было полное (405 г.). Около 160 кораблей и много пленных досталось победителям. Пленные афиняне, около 3000 человек, были казнены, – новый пример той жестокости, которую проявляли обе стороны в эту войну. Союзные города один за другим подчинялись Лисандру. Афинских поселенцев он направлял в Афины, чтобы увеличить там число жителей и тем вернее потом голодом принудить город к сдаче.

Было уже темно, когда государственный корабль вошел в Пирей с печальной вестью об уничтожении флота при Эгос-Потамах. С быстротой молнии весть эта распространилась по городу. Никто не спал в эту ночь. Катастрофа, постигшая теперь афинян, была ужаснее всех предшествовавших. Афины были беззащитны: не было ни флота, ни средств. Тем не менее решено было держаться во что бы то ни стало.

Афины окружены были и с моря и с суши. Население мужественно переносило голод. Ввиду страха перед местью олигархов и опасения, что сдача города будет для демократов равносильна гибели, влиянием сначала пользовались крайняя демократическая партия и демагоги. Но потом начали брать верх противники крайней демократии и олигархи: иначе нечего было и думать о мире. Для переговоров отправлен был к спартамцам Ферамен, бывший одним из Четырехсот. Голод в Афинах усиливался, и положение становилось нестерпимым. Когда Ферамен возвратился и сообщил условия мира, афинянам ничего другого не оставалось, как принять их. Мир заключен был в 404 г. на условиях, что афиняне должны срыть укрепления Пирея и Длинные стены, отказаться от владений вне Аттики, возвратить изгнанников, выдать оставшиеся корабли, за исключением 12. Кроме того, афиняне должны были заключить оборонительный и наступательный союз со Спартой и подчиниться ее гегемонии. В довершение всего они должны были отказаться от демократии, ввести «отеческий строй», на самом деле – олигархию «Тридцати».

С торжеством, под звуки флейт, Лисандр разрушил Длинные стены. С большим усердием помогали ему в этом возвратившиеся изгнанники: они, как и многие греки, в то время воображали, что «день этот – начало свободы для Эллады».

Так кончилась Пелопоннесская война. Вопрос о гегемонии был решен. Афины лишились морского могущества, союзников, клерухий. За ними осталась одна Аттика. После Сицилийской экспедиции надо удивляться не тому, что таков был исход борьбы, а той стойкости, мужеству, богатству сил, которые обнаружили в ней Афины: после Сицилийской катастрофы они оказались в состоянии вести борьбу еще в течение девяти лет с переменным счастьем.

Чтобы выяснить причины неудач, постигших Афины во второй период войны (415—404 гг.), надо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, следует считаться с распадом Афинского союза. Эксплуататорский характер политики Афин по отношению к союзникам должен был в конце концов привести к возмущению их против Афин. Эта политика эксплуатации и послужила причиной распада союза. Мало того, союзники даже перешли на сторону Спарты. Афинский союз составил главным образом под влиянием общих причин: экономические и политические интересы влекли приморские торговые государства к объединению и именно в силу того, что эти интересы у них были солидарны. Однако своекорыстный характер политики Афин по отношению к союзникам вызвал на время отклонение от этого пути, парализовав действие указанных общих причин. Но, после того как эти приводящие причины перестали действовать, возобновилось влияние основного фактора: солидарность морских торговых государств снова проявилась, и союз вновь возник в IV веке, хотя и в другой форме. Но в эпоху Пелопоннесской войны эксплуататорская политика Афин повлекла распад союза и тем способствовала победе над Афинами пелопоннессцев вообще и Спарты в частности.

Другой причиной, оказавшей влияние на неблагоприятный для Афин исход войны, было вмешательство Персии: во вторую половину Пелопоннесской войны играли важную роль отношения воюющих сторон с Персией. Во время Греко-персидских войн могущество Персии не было окончательно сломлено, но было только поколеблено ее влияние на Эгейское море и побережье Малой Азии, и то лишь на время. Начиная со второй половины Пелопоннесской войны, т. е. спустя 60 лет после победы над Персией, это огромное государство выступает решающим фактором в борьбе греческих государств между собою. Исход Пелопоннесской войны был обусловлен вмешательством Персии, которое дало материальный перевес Спарте над истощенными войною Афинами.

Наконец, много способствовали поражению афинян внутренние раздоры в их среде, борьба между демократической и олигархической партиями.

Поражение афинян в Пелопоннесскую войну было вместе с тем и поражением их демократии. По условиям мира афиняне должны были ввести у себя «отеческий строй». Но каждая партия под ним подразумевала разное. Олигархи для поддержки призвали Лисандра. Народ под их давлением подал голос за олигархию, за установление коллегии Тридцати, которые должны были выработать новое государственное устройство, а до тех пор править государством.

Так в 404 г., при непосредственном содействии Лисандра, в Афинах установилось владычество Тридцати, которых принято называть «Тридцатью тиранами». Среди них выделялись Критий и Ферамен.

Получив власть над государством, Тридцать о выработке нового государственного строя не думали, а постарались упрочить свое положение. Сначала они обнаруживали умеренность и делали вид, будто стремятся к «древнему строю». Они преследовали сперва сикофантов (доносчиков), людей, угодничавших перед демосом во вред ему самому, злодеев и негодяев. Но, когда их власть утвердилась, они стали убивать людей, выдававшихся по своему состоянию, происхождению и влиянию, – отчасти из опасения, отчасти из желания захватить их имущество, так как они нуждались в средствах. В течение короткого времени они убили не менее 1500 человек.

Устрашенный народ безмолвно сносил тиранию. Но в среде самих Тридцати очень скоро начались трения и несогласия. Против представителя крайних олигархов, Крития, выступил представитель умеренного крыла, Ферамен. Отчаянная борьба между вождями обеих группировок Тридцати окончилась поражением и смертью Ферамена, казненного по приказанию Крития.

Расколом среди Тридцати воспользовались эмигранты-демократы. Многие бежавшие из Афин нашли себе приют в Фивах. Во главе их стал Фрасибул, старый командир флота, и занял в Аттике пограничную крепость Филу. К нему начали стекаться недовольные.

После гибели Ферамена жестокость и произвол олигархов еще более усилились. Чувствуя свое положение непрочным, они заняли Элевсин, чтобы иметь там на всякий случай убежище. По их просьбе из Спарты явился отряд и занял акрополь. Положение олигархов, однако, не улучшилось, а ухудшилось.

Число демократов, стекавшихся в Филу к Фрасибулу, росло. Во главе отряда в 1000 с лишком человек он вступил в Пирей и занял Мунихию, возвышенность, господствовавшую над гаванью. Попытка олигархов вытеснить оттуда демократов не удалась; сам Критий погиб в стычке. Тогда афиняне, собравшись на следующий день на площади, низложили Тридцать. Тридцать удалились в Элевсин, куда за ними последовали и немногочисленные их сторонники.

Таким образом, в ту пору в Аттике было как бы два лагеря, две партии – «Городская» и «Пирейская». Городская партия, однако не имела в виду присоединиться к демократам, собравшимся в Пирее, и раствориться в их рядах. Вместо низложенного правительства Тридцати Городская партия избрала десять новых правителей. Однако и эти «Десять», вероятно принадлежавшие к умеренной аристократической партии, сразу решительно выступили против соглашения с Пирейцами. Но им пришлось вести войну на оба фронта и обратиться за помощью в Спарту. Между тем Пирейцы одерживали верх, и Десять в Афинах были низложены Городской партией. Вместо них избраны были другие Десять, принадлежавшие также, по-видимому, к умеренному крылу аристократии, но относившиеся более мирно к Пирейской партии. На помощь аристократам спартанцы послали было Лисандра; но потом возобладало у них другое течение, более умеренное и примирительное, представителем которого был противник Лисандра, царь Павсаний. Он сам послан был свойском и воспользовался первым же успехом в сражении с демократами, чтобы выступить в роли примирителя. По его просьбе из Спарты прибыли посредники, и при участии Павсания и этих посредников был установлен мир (летом 403 г.) между Пирейской и Городской партиями, а также Тридцатью, занявшими Элевсин, и демократы получили возможность возвратиться в Афины.

По условию этого мира, тем из афинян, которые оставались в городе во время олигархии, в случае желанья, разрешалось переселиться в Элевсин. Но переселившиеся в Элевсин в сущности лишались политических прав: договор постановлял, что они не могут занимать никакой должности в Афинах, если не запишутся снова в жители города. Все прежнее предавалось забвению: амнистия была полная по отношению ко всем, кроме Тридцати, Десяти и некоторых других. Таким образом, Элевсин составил как бы самостоятельную общину, независимый город, рядом с Афинами. Менее чем через три года после состоявшегося примирения партий, ввиду того что власти Элевсина набирали наемников, афиняне двинулись на Элевсин. Стратеги олигархов, вышедшие к ним для переговоров, были схвачены и казнены; члены коллегии Тридцати бежали; остальные элевсинские поселенцы, которым была обещана полная амнистия, вернулись в Афины (401/400 г.).

Так в Афинах в 403 г. восстановлена была демократия с Народным собранием и Народным судом. Произведен был общий пересмотр законов и составлен их свод. Восстанавливались законы Солона и «установления» Драконта, бывшие еще в силе в прежнее время. Составить новые законы, какие необходимо было добавить, было поручено особой законодательной комиссии.

Так закончился кризис в истории Афин, внешней и внутренней. Восстановлена была демократия, на этот раз окончательно, до самой потери независимости Афинами. Партия крайних олигархов с тех пор исчезает из Афин. Но сами Афины уже не играли более первостепенной роли в системе эллинских государств.

Внешняя история Греции после Пелопоннесской войны в первой половине IV века представляет пеструю картину бесконечных войн, столкновений и мирных договоров между отдельными государствами и коалициями государств. Еще не успевала закончиться одна война, как начиналась другая, третья и т. д.

Гегемония над греческим миром непосредственно после Пелопоннесской войны перешла к Спарте, которая в военном отношении в то время была самым сильным из всех греческих государств.

Спартанская гегемония не могла быть прочною: она оказывалась слишком тяжелою для греков. Вместо ожидаемой свободы Спарта наложила иго, еще менее выносимое, нежели иго Афин. Достигнув господства, спартанцы проявили самый грубый произвол и насилие, которые не уравновешивались и не смягчались чертами, свойственными более утонченным и – несмотря на все недостатки – все же более человечным афинянам.

Победа Спарты была победой консервативных и олигархических начал. В городах, отторгнутых от Афин, власть перешла к олигархическим комитетам, обычно из десяти человек, и к начальникам гарнизонов. Между тем Спарта в отношении образования и умственного развития отстала от многих других греческих общин, была менее культурна, чем большая часть подчиненных ей греческих государств. Ее собственный строй страдал от многих недостатков; среди самих спартиатов к тому времени обнаружилось уже большое неравенство; образовался довольно многочисленный своего рода пролетариат недовольный и революционно настроенный.

Спарта оттолкнула от себя даже своих прежних союзников в Греции: Фивы, Коринф. Изменились и ее отношения с Персией. Поводом к этому послужили следующие обстоятельства.

Персидский царь Артаксеркс, раздраженный тем, что греки помогали его брату Киру Младшему в намерении свергнуть его с престола, приказал сатрапу Тиссаферну снова поработить греческие приморские города в Малой Азии, которые во время восстания Кира приняли его сторону. Города обратились за помощью к спартанцам, которые послали им на подмогу войско. Когда победа стала склоняться на сторону спартанцев, персам удалось посредством подкупа создать им врагов в самой Греции (395 г.). Беотийцы, коринфяне и аргосцы, завидуя возрастающему могуществу Спарты и неоднократно оскорбленные ее высокомерной политикой, легко поддались

влиянию персидского золота и заключили между собою союз против Спарты; к этому союзу вскоре пристали и Афины. Спартанский полководец Лисандр поспешно двинулся в Беотию, чтобы мгновенным ударом отразить грозящую опасность, но проиграл сражение при Галиарте и сам пал в битве (395 г.). Спартанский царь Агесилай, воевавший с персами в Малой Азии, принужден был прекратить военные действия и идти в Грецию. Он выиграл сражение при Короне в Беотии (394 г.); но плоды этой победы были уничтожены поражением спартанцев персами в морском бою при Книде, у берегов Малой Азии, в котором над Персидским флотом начальствовал афинский наварх Конон (394 г.). Для спартанской гегемонии на море это был удар, от которого она уже никогда не могла оправиться. После этого Конон освободил Киклады от спартанского господства и направился к Афинам. Здесь он восстановил Длинные стены, разрушенные Лисандром. Это было великое торжество для афинян. Так вновь было положено начало афинскому морскому господству, но уже не в прежних размерах.

Лишившись гегемонии на море, спартанцы оставались в пределах Пелопоннеса, где они с переменным счастьем боролись за обладание Коринфом и Коринфским перешейком (394–387 гг.). Эта война носит в истории название Коринфской войны. Когда даровитый афинский военачальник Ификрат истребил крупный спартанский отряд, война приняла опасный для спартанцев оборот. Они послали в Персию Анталкида с целью доставить Спарте дружбу «великого царя» и поддержку их гегемонии с его стороны. Так заключен был позорный «Анталкидов мир» (387 г.), по которому греческие города в Малой Азии и о. Кипр были отданы персам, а все остальные греческие города и острова, (кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые должны были оставаться за Афинами), объявлены свободными и самостоятельными. Это удовлетворяло, казалось, заветному стремлению греков к автономии. Но на самом деле оно упрочивало полную раздробленность и слабость Греции и среди этой раздробленности – господство блюстительницы условий Анталкидова мира, Спарты, беззастенчивый эгоизм, произвол и насилие которой достигли теперь крайней степени.

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Под влиянием войн с персами, с одной стороны, а с другой – превращения Афинского государства из небольшой области в обширную Афинскую державу произошли довольно серьезные перемены во внутреннем строе Аттики, а именно – дальнейшее развитие демократии; но не следует думать, что шло оно последовательно.

В семидесятых годах V века руководителями афинской демократической партии были Аристид и Фемистокл. В шестидесятых годах вождем демократической партии становится Эфиальт, аристократической – Кимон. Сначала, пока опасность со стороны персов была еще значительна, партийная борьба не обострялась чрезмерно. Но после победы при Евримедонте (около 470 г.), когда непосредственная опасность со стороны персов была устранена, демократическая партия взяла решительно верх.

Уже между Марафонской битвой (490 г.) и нашествием Ксеркса (480 г.) был сделан существенный шаг в сторону демократизации афинских учреждений: в 487 г. было восстановлено избрание архонтов по жребию. Такой способ избрания был в употреблении еще при Солоне; но Писистрат отменил его, заменив системой выборов. Теперь избрание по жребию было восстановлено, и применение жребия при выборах стало рассматриваться как одна из важнейших опор демократического строя, тогда как прежде жребий не имел этого значения. Теперь этот способ избрания указывал на обязанность и право каждого гражданина на участие в управлении, хотя и был нередко вреден для дела, так как допускал к должностям совершенно неспособных людей. По конституции Солона, должность архонтов могли занимать только люди двух высших классов – пентакосиомсдимны и всадники. В 457 г. в архонты стали допускаться и люди третьего класса – зевгиты.

В эпоху войн с персами приобрел влияние Ареопаг, оплот аристократического течения в обществе. После этих войн вожди афинской демократии направили внимание на борьбу с ним. Эту борьбу предпринял Эфиальт около 462 г. Предложенная им реформа была принята и сводилась к тому, что у Ареопага была отнята функция блюстителя законов, он лишен был права привлекать граждан к ответственности за их нарушение. С этих пор Ареопаг продолжает существовать только как уголовный суд о предумышленном убийстве; а его функции по наблюдению за законами перешли частью к Совету, частью к Суду присяжных – Гелиею.

Вскоре после реформы Ареопага (около 461 г.) Эфиальт пал от руки убийц; есть основание предполагать, что убийство было организовано аристократической партией, которой были ненавистны реформы Эфиальта. Но после его смерти дело его продолжал Перикл, его сотрудник. Напротив, аристократическая партия потерпела урон: ее вождь Кимон был изгнан посредством остракизма.

Пятилетие после смерти Эфиальта и изгнания Кимона ознаменовалось осложнением дипломатических отношений со Спартой и борьбой с Персией в Египте. Поэтому партийная борьба в Афинах, по-видимому, ослабела. В 457 г. Кимон вернулся из изгнания и стал

вновь во главе аристократической партии. Против него выступил, как вождь демократии, Перикл (приблизительно с 457 г.). Идет ожесточенная борьба между партиями. Однако демократической партии под руководством Перикла удается в 457 г. провести допущение зевгитов к должности архонта.

В 449 г. Кимон умер, и во главе аристократов стал Фукидид, сын Мелесия, родственник Кимона. Победа в конце концов осталась всецело за Периклом. Около 449 г. Фукидид был изгнан, и после его изгнания началась почти беспрепятственная деятельность Перикла в направлении демократизации Афин.

Перикл является продолжателем Клисфена, Фемистокла, Аристида и Эфиальта. Поэтому он не может рассматриваться как гениальный основатель афинской демократии; он только продолжатель начатого другими дела; но это не значит, что он не внес в демократическое движение ничего нового. Заслуга его в том, что он упрочил демократический строй, сделав его из демократического *de jure* (по праву) демократическим *de facto* (в действительности). События римской истории наглядно показывают, как далеко может отстоять осуществление демократического строя на практике от признания его в теории. Теоретически в Римской республике II—I веков до н. э. существовал демократический строй, на практике же власть сосредоточивалась в руках немногих. Причина такого противоречия заключалась в том, что лишь немногие граждане могли уделять значительное время политическим делам. Перикл в своей деятельности стремился к тому, чтобы сделать демократический строй осуществимым на практике, чтобы дать возможность малосостоятельным афинским гражданам принимать участие в управлении государством; этого он достиг путем введения жалованья сначала для гелиастов. Отвлекая ежемесячно несколько сот человек от их личных занятий для работы в Гелиее, Перикл должен был обеспечить им средства для существования, и мы видим, что с эпохи Перикла гелиасты получают вознаграждение. Это – важный принцип для развития афинской демократии.

Можно думать, что и плата за службу в Совете Пятисот тоже ведет начало от этой эпохи. Дата установления этой платы неизвестна, но во всяком случае в 411 г. она уже существовала.

Перикл ввел также плату за службу в войске. Ранее афинская военная организация была тесно связана с имущественным цензом. Военная служба требовала известной состоятельности: нужно было иметь своего коня или свое тяжелое вооружение. Во время войн с персами пришлось привлечь к военной службе и малоимущие классы населения; чтобы дать возможность служить в войске всем гражданам, при Перикле было введено жалованье воинам.

Кроме того, Перикл ввел выдачу беднейшим гражданам небольшой суммы для платы за посещение театра, чтобы дать возможность и им пользоваться театральными зрелищами во время праздников.

Социальный характер имели также постройки ряда общественных зданий при Перикле – Парфенона, Пропилеев и других; этим он дал заработок малосостоятельным слоям населения.

Такое же значение имел и вывод колоний: на Евбею, во многие союзные города Эгейского моря, во Фракию, на Черное море и даже в Италию. Этим способом Перикл давал возможность существовать малоземельным гражданам, обеспечивая им получение участков земли. Нарезанные в колониях участки делились по жребию между гражданами. Правда, союзников эти клерухии очень раздражали, так как часто они направлялись в их владения, по большей части после их усмирения.

Таким образом, важную роль в организации афинской демократии сыграли Греко-персидские войны. Напряжение, которое афиняне вынесли во время этих войн, заставило привлечь к несению воинской повинности, особенно к службе во флоте, низшие слои населения, и поэтому высшие классы принуждены были сделать им уступки, например допустить их к занятию должности архонта: с другой стороны, морская победа над персами упрочила господство Афин на Эгейском море. Увеличение торговли и, в связи с этим, материальных средств дало возможность всем афинским гражданам заниматься государственными делами. Таким образом, экономический подъем способствовал росту демократии, т. е. доступу к власти всех слоев населения. Превращение Афин в державу дало возможность перейти к системе вознаграждения за участие в общественных делах.

Средства для вознаграждения находились благодаря тому, что богатели сами афиняне. Но еще более важный источник доходов создавался благодаря эксплуатации союзников. Дань (форос), наполнявшая афинскую казну, давала возможность осуществить демократическую форму правления на практике.

Однако необходимо иметь в виду, что афинская демократия не была вполне тем, что теперь разумеется под словом «демократия». Приблизительный подсчет числа жителей Аттики V века, сделанный учеными нового времени (Ю. Белохом и Э. Мейером), показывает, что в начале Пелопоннесской войны граждан было 35 тыс. (а с женщинами и детьми – 105 тыс.), метеков – 10 тыс. (а с женщинами и детьми – 30 тыс.), так что все свободное население составляло 135 тыс.; к этому надо прибавить 100 тыс. рабов. Таким образом, всех жителей Аттики было 235 тыс. В конце Пелопоннесской войны граждан было 20 тыс., метеков – 5 тыс., так что всего свободного населения (с женщинами и детьми) было 75 тыс.; число рабов к этому

времени значительно уменьшилось. Поэтому всех жителей Аттики в конце Пелопоннесской войны должно было быть около 130 тыс. Но так как политическими правами пользовались только граждане, то окажется, что в Аттике в начале Пелопоннесской войны политическими правами пользовались только 105 тыс. человек из всего населения в 235 тыс., т. е. менее половины населения (а 130 тыс. были бесправными). Такое государство, с теперешней точки зрения, нельзя признать демократическим.

Если с этой же точки зрения посмотреть на Афинскую державу в целом, то процент полноправных граждан в ней по отношению ко всему числу ее членов окажется еще намного меньше. Союзники в Афинской державе были уже подданными. Хотя афиняне и поддерживали демократию в союзных общинах, но этот демократизм не выходил за пределы данной общины: будучи гражданами своей общины, союзники не были гражданами в Афинской державе. Поэтому и в Афинской державе лишь те же 105 тыс. афинян были полноправными гражданами, а все остальное население державы не пользовалось в ней политическими правами. Как видно из этого, афиняне по отношению к своим союзникам были в сущности аристократами. Но с точки зрения тогдашнего греческого государственного права, афинская демократия была все же демократией, потому что все граждане афинские имели равное участие в осуществлении государственной власти.

Все включенные в гражданскую общину имели гражданские права, но эта община была крайне эгоистична. Афинский демос очень сильно стеснял доступ в свою среду; афинские граждане не желали делиться выгодами своего положения с другими. В 450 г., по предложению Перикла, был произведен пересмотр гражданских прав лиц, претендовавших на права афинского гражданства. Было постановлено, что гражданами могут считаться только те, у которых отец и мать были афинские граждане. У многих только один из родителей был афинянин, и потому около 5000 человек были лишены права гражданства. Многим пришлось удалиться из Афин. Афинская община чрезвычайно ревниво заботилась о равноправии своих членов, но недоброжелательно относилась к проникновению в ее среду посторонних.

Итак, с точки зрения греческого государственного права, Афинское государство должно считаться демократией: во-первых, все граждане участвовали в главных афинских органах законодательства, управления и суда; во-вторых, избрание на должности по большей части производилось по жребию, что было мерой вполне демократической; и, в-третьих, за несение государственных обязанностей практиковался принцип вознаграждения.

Кроме упомянутых выше видов вознаграждения граждан за исполнение различных государственных обязанностей, было установлено по окончании Пелопоннесской войны (около 395 г.) вознаграждение даже за посещение Народного собрания. Таким образом, все виды отправления государственных обязанностей гражданам оплачивались. В результате получилось, что в Афинах кормилось от государства в качестве членов Совета судей, воинов, разных должностных лиц, посетителей Народного собрания очень большое число граждан.

**Государственные учреждения и должностные лица в Афинах
второй половины V и первой половины IV века**

Народное собрание

Главным органом афинской демократии было Народное собрание – *ἐκκλησία*. Ведению Народного собрания подлежали все крупные дела: а) под контролем Народного собрания находились международные сношения, от него зависело заключение договоров, объявление войны и заключение мира; б) в Народном собрании обсуждался государственный бюджет, устанавливались налоги, определялись статьи расхода; в) Народному собранию принадлежало право избрания всех должностных лиц, которые избирались не жребием, а голосованием, – например стратегов; г) Народное собрание в особенно важных случаях выступало в роли судьи: например, оно разбирало доносы по особенно важному государственному преступлению; такие доносы назывались «исангелия» (*ἰσανγγελέα*); д) Народному собранию принадлежало право принятия новых лиц в среду граждан; е) Народное собрание издавало постановления относительно религии, например о введении культов новых божеств и установлении празднеств; ж) Народное собрание предоставляло особые преимущества и награды отдельным лицам и общинам.

Чем более развивалась демократия, тем более расширялась компетенция Народного собрания, росло его влияние и значение. К нему впоследствии переходит и решение таких дел, которые подлежали ведению Совета и Гелиеи. Различие между постановлениями – «псефизмами» (*ψήφισμα*) и собственно законами стало утрачиваться. Масса все более и более присваивала себе непосредственную власть и всем распоряжалась посредством псефизм. Так было в эпоху разложения и упадка афинской демократии; но в пору расцвета державный демос себя ограничивал: над ним стоял закон.

Несмотря на то, что Народное собрание было самодержавным, оно подчинялось закону. Хотя по временам существовало воззрение, что оно может делать все что угодно, но все же постоянно имело

силу правило, что никакое постановление Совета и Народного собрания не может преступить закон. Главной защитой законов и государственного устройства от простого произвола Народного собрания была «жалоба на противозаконность» (γραφή παρανόμων), с которой мог выступить каждый афинянин против того, кто предлагал противозаконные народные решения или законы, или уже провел их. Эта жалоба подавалась архонту-фесмофету и затем шла в Суд присяжных. Если Суд находил эту жалобу правильной, т. е. если постановление Народного собрания («псефизма») нарушало ранее изданный закон («номос»), то псефизма признавалась незаконной, не имеющей силы, а гражданин, предложивший это постановление и проводивший его, как введший в обман Народное собрание, мог быть приговорен к большому штрафу и даже к смертной казни. Но если гражданин, внесший жалобу, при голосовании в Суде присяжных собирал менее одной пятой части голосов, то он подвергался штрафу в 1000 драм¹⁶. Если три раза жалобы какого-нибудь гражданина признавались несостоятельными, то он терял на будущее время право вносить такие жалобы. Таким путем Народное собрание гарантировало себя от поступления вздорных жалоб и от возможности легкомысленного законодательства.

Кроме жалобы о противозаконности, афинская демократия принимала и другие меры при выработке новых законов. Потрясения, испытанные ею в эпоху Пелопоннесской войны, сделали демос еще более осторожным, что повело к созданию после войны сложной законодательной процедуры.

Участвовать в Народном собрании имели право все совершеннолетние (с 20 лет) афиняне, обладавшие правами гражданства. На деле присутствовала обыкновенно едва пятая часть граждан. Народное собрание было уже полным, если 6000 граждан участвовали в голосовании, что необходимо было для законности некоторых решений. Главную часть собравшихся, естественно, составляли граждане, жившие в городе и соседних демах, по большей части ремесленники и промышленники, кроме того, моряки из Пирея и незначительное меньшинство состоятельных лиц, имевших дома в городе. Сократ говорит у Ксенофонта, что Народное собрание состоит из валяльщиков, башмачников, плотников, кузнецов, поселян, купцов и рыночных торговцев¹⁷. Сельское население, по числу далеко превосходящее городских граждан, имело недостаточное число представителей, потому что крестьянин не часто мог ездить в город. Скопление сельского населения в городе во время Пелопоннесской войны было совершенно ненормальным явлением.

---

¹⁶ Драхма = 4,306 г серебра.

¹⁷ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. III, 7, 6.

Собрания бывали очередные и чрезвычайные. Для каждого из очередных собраний были установлены разряды дел. Чрезвычайные собрания созывались по мере надобности, и предметы обсуждения в них зависели от обстоятельств.

Созывались собрания рано утром на Пниксе «пританами», которые и председательствовали в них. Они же и распускали собрание. Программа очередных собраний должна была быть объявлена за 5 дней. Для всех дел требовалась «пробулевма» (πρὸβουλευμα) Совета, т. е. предварительное заключение или резолюция; заседание и начиналось с ее прочтения; закон не допускал вносить что-либо в экклесию без предварительного рассмотрения и отзыва Совета. Свобода слова была полная, лишь бы оратор не делал предложений, противоречащих закону, не касался не относящихся к делу предметов, не повторял дважды одного и того же и не позволял себе неприличных выражений или действий. Голосование производилось посредством поднятия рук.

За посещение Народного собрания около 395 г. была установлена плата Агиррием, вначале в размере одного обол¹⁸ за заседание; потом Гераклид повысил эту плату до двух обол¹⁹ и, наконец, тот же Агиррий – до трех обол¹⁹.

Совет Пятисот

Постоянной комиссией Народного собрания был Совет Пятисот (βουλὴ). Эти пятьсот членов Совета выбирались посредством бобов из числа полноправных граждан, имевших более 30 лет и изъявивших желание занять эту должность, – а именно по 50 человек из каждой филы. Члены Совета получали ежедневно по 5 обол¹⁸ вознаграждения. Так как столь многочисленная корпорация не была пригодна для решения всех текущих дел, то члены Совета из какой-нибудь филы попеременно составляли для каждой десятой части года ведущий дела комитет. Члены этого комитета назывались «пританами» (πρῦτανεις), а десятая часть года – «пританией» (πρῦτανεία) и обнимала в простом году 35–36 дней, а в увеличенном году, состоявшем из 384 дней, – 38–39 дней.

Пританы большую часть дня пребывали в своем присутственном месте. Они решали текущие дела, принимали заявления и уведомления, готовили доклады для Совета, созывали Совет и Народное собрание и руководили их заседаниями. Председатель пританов, ежедневно выбиравшийся по жребию из их среды, назывался «эпистатом» (ἐπιστάτης). В V веке он был также председателем в

¹⁸ Обол = 0,728 г серебра.

¹⁹ См. Аристотель. Государственное устройство афинян, гл. 41.

Народном собрании. В IV веке председательство в Совете и в Народном собрании перешло к «проедрам» (πρόεδροι), а у пританов осталось только право созывать их.

Компетенция Совета простиралась на все отрасли государственного управления. Совет был высшим правительственным и административным учреждением. Обо всех делах, которые должны были поступать в Народное собрание, Совет обязан был предварительно совещаться и высказать свое мнение, которое служило проектом для Народного собрания. Дело, о котором не была представлена пробулема Совета и которое не было поставлено пританами в повестку дня, не могло быть решено в Народном Собрании.

Суд присяжных

Главным судебным учреждением в Афинах в период господства демократии был народный Суд присяжных – «Гелиея» (ἡλιαία). В V веке, во время наибольшего расцвета политического значения Афин, когда приходилось разбирать множество не только домашних, но также и союзнических процессов, в состав Гелиеи входили 6000 человек, ежегодно избиравшихся по жребию архонтами из числа граждан не моложе 30 лет, по 600 из филы; из них 5000 были действительными и 1000 запасными судьями. Избранные распределялись, также по жребию, без различия фил, на 10 судебных палат; таким образом, судебная палата состояла из 500 человек; но упоминаются палаты и из меньшего числа судей (например, 200 и 400), а в важных делах соединялись вместе две, три и даже четыре палаты.

Перед вступлением в должность вновь избранные гелиасты давали клятву судить по законам и постановлениям народа и Совета, а в тех случаях, на которые не было законов, – по нелицеприятному убеждению и выслушивать одинаково речи обвинителя и обвиняемого. После присяги каждый гелиаст получал деревянную дощечку с вырезанным официальным именем его и номером отделения, в которое он назначен, обозначенным одною из первых 10 букв (от Α до Κ); эта дощечка служила в течение всего года знаком должности гелиаста.

Заседания суда могли происходить ежедневно, кроме праздников, «тяжелых дней» и дней Народного собрания. Утром в день заседания фесмофеты (архонты) жребием определяли, в каком судебном здании должно было заседать то или другое отделение, так как в каждом здании решались дела определенного содержания. Таким образом, никто из судей не мог знать заранее, какие дела придется ему решать в данный день; этим устранялась возможность подкупа судей. После жребия, определявшего место заседания известного отделения, все гелиасты этого отделения получали жезлы, окрашенные соответственно цвету здания, – красные, зеленые и т. д. При входе

гелиасты получали деревянные марки, по предъявлении которых после заседания получали свое жалованье. Оно было установлено Периклом и сначала состояло из 1 или 2 обол в день, потом было увеличено Клеоном в 425 г. до 3 обол.

Хотя Гелиея была по преимуществу судебным учреждением, круг ее власти был гораздо шире обыкновенного суда. Она была высшим органом верховной власти афинского народа, обладавшим такими полномочиями, которые были выше полномочий Совета и Народного собрания и могли простирались на все стороны государственной жизни. Всякое постановление Народного собрания могло быть обжаловано как противозаконное перед Гелиеєю и по ее решению отменено.

Должностные лица

В Афинах было большое число должностных лиц. Должности были годовые, и одну и ту же должность, за некоторыми исключениями, нельзя было занимать дважды; таким образом, очередь доходила почти до всех граждан, и редко какой афинянин не занимал в течение своей жизни какой-либо должности.

Архонты. Главными должностными лицами были 9 «архонов» (ἄρχοντες) и 10 «стратегов» (στратῆγοι).

Девять архонтов были высшими чиновниками и в древности (до Клисфена) имели весьма большое значение, которое впоследствии, с развитием демократии, было в значительной степени ограничено, хотя звание архона оставалось всегда высоким и священным. При избрании они подвергались двойному «испытанию» – в Совете и в Суде – давали каждый отдельно клятву строго соблюдать законы и действовать неподкупно. Архонты, безукоризненно прослужившие год и сдавшие отчет, поступали в число членов Ареопага.

Первый архонт назывался просто «архонт» или «эпоним», второй назывался «архонт-царь», третий – «полемарх», остальные шесть – «фесмофеты».

Все вместе архонты, в виде одной коллегии, действовали редко; по большей части действовали отдельно эпоним, царь, полемарх и вместе шесть фесмофетов. В период господства демократии деятельность архонтов заключалась главным образом в председательстве в судах присяжных и в исполнении некоторых обязанностей, относящихся к государственному культу.

Стратеги. В V веке, как сказано, значение архонтов пало, и самую важную и влиятельную должность стала должность стратегов, которых было 10, но из которых одному часто предоставлялись особые полномочия и главное командование войском.

Ведению стратегов подлежали не только начальство над войском и флотом, военное и морское «министерства» (выражаясь по-современному), но и наблюдение за внешнею и внутреннею безопасностью государства, отчасти внешние сношения; они могли оказывать влияние и на дела внутренние.

Выбор голосованием и жребием

Должностные лица выбирались одни голосованием, другие жребием. Вообще, при господстве демократии жребий стали употреблять при выборе почти на все должности, кроме немногих, преимущественно военных, которые всегда замещались людьми, избираемыми посредством голосования: должности эти требовали специальных способностей, рискованно было верить начальство над войском и защиту государства людям, выбранным по жребию, т. е. случайно.

Кандидат на какую бы то ни было должность подвергался «испытанию» (δοκιμασία). Впрочем, это испытание касалось не способности человека или его пригодности для данной должности, а его жизни, его поведения, нравственных качеств, его формальных прав. Например, кандидату в архонты предлагались вопросы: кто его отец и дед и из какого дема? кто его мать и бабушка и из какого дема? чтит ли он Аполлона Патроя (Отцовского) и Зевса Геркея (Оградного, хранителя домашнего очага)? есть ли могилы предков и где они? хорошо ли обращался с родителями? исполнял ли военную службу и нес ли финансовые повинности? и т. д. В таком же роде была докимасия и при замещении других должностей. Быть должностными лицами могли афинские граждане не моложе 30 лет. По закону «феты» (4-й класс граждан по делению Солона) вообще не имели права занимать должности; закон не был отменен даже при торжестве демократии, но на практике обходился.

Запрещалось два раза занимать одну и ту же должность, за исключением военных должностей, на которые можно было выбирать одно и то же лицо несколько раз, даже из года в год; членом Совета Пятисот можно было состоять дважды в течение жизни.

Все должностные лица подлежали контролю, а по окончании срока службы должны были давать отчет в своих действиях.

Демагоги

В Народном собрании, с падением влияния архонтов, открывается поле деятельности для лица собственно не должностного, а лидера, «вождя демоса» – «демагога» (δημαγωγός). До начала Пелопоннеской войны и смерти Перикла демагог обыкновенно соединялся в одном лице со стратегом: наиболее влиятельные вожди Народного

собрания по большей части были в то же время и стратегами. По смерти Перикла наступает господство демагогов в худшем значении этого слова, – потворствующих народной массе, подлаживающихся под ее вкусы, действующих на ее дурные инстинкты. Фукидид противопоставляет Периклу его преемников. «Перикл, опираясь на свой престиж и ум, свободно сдерживал народную массу, и не столько она руководила им, сколько он ею. Благодаря тому, что Перикл приобрел влияние не какими-либо дурными средствами, он никогда не говорил в угоду массе, но мог, опираясь на свой престиж, даже кое в чем с гневом возражать ей... По имени это была демократия, на деле власть принадлежала первому гражданину». Преемники Перикла были «скорее равны между собою; в то же время каждый из них, стремясь стать первым, угождал народу и предоставлял ему управлять государством»²⁰.

Демагоги, преемники Перикла, по большей части были лишь ораторами, руководителями в Народном собрании; но они не были полководцами, стратегами, за исключением отдельных случаев. Между тем как прежде немисливо было, чтобы человек, не имевший опытности государственного деятеля или не бывший стратегом, руководил народом, теперь подобные явления сделались обычными. Обязанности стратега и народного вождя, прежде соединенные в одном лице, теперь разделились, произошло раздвоение. Одни, демагоги, действуют и влияют в Народном собрании; они мало сведущи в военном деле. Другие, стратеги, стоят во главе войска, ведут войну; они обыкновенно плохие ораторы, часто отсутствуют из Афин; они несут ответственность за успех, за военные операции, нередко ими не одобряемые, им навязанные, и в своих действиях должны соотноситься с настроением в Афинах, иметь в виду, как отнесутся к ним влиятельные демагоги. Между теми и другими – явный антагонизм; в случае неудачи стратега его ждет обвинение в подкупности, в измене; в случае успеха ему завидуют, его опасаются. Вообще, демос не доверяет стратегам и преследует их целым рядом процессов. Из них самый удивительный – процесс стратегов, победителей в морском сражении при Аргинусских островах в 406 г.: шестерых из них постигла смертная казнь.

Понятно, как неблагоприятно должно было отражаться это на ходе войны. К тому же на выборы стратегов влияли политические соображения. Каждая партия старалась провести своих кандидатов. По составу коллегии стратегов в тот или другой год можно до некоторой степени судить, какое течение преобладало в момент выборов, – мирное, или воинственное. Авторитет стратегов падал, тем более что

---

²⁰ Фукидид, II, 65, 8–10.

часто это были люди незначительные. «Кого прежде не выбрали бы даже пробовать вино [для празднеств], – говорит комик Евполид, – те теперь у нас стратеги...»²¹. «У нас были стратеги из самых великих домов, первые богатством и родом, на которых мы молились, как на богов, да они и были такими, так что мы жили безопасно, а теперь, когда случится, мы идем в поход, выбирая отбросы в стратеги»²².

Вообще во время Пелопоннесской войны в афинском обществе произошли крупные перемены. Война и ужасная эпидемия произвели страшные опустошения среди афинян, и цвет афинского населения погиб. Число граждан уменьшилось на четверть или на треть²³. Действовало новое поколение, во многом отличавшееся от предшествовавшего, современного войнам с персами и эпохе Перикла. По словам Аристотеля, война имела влияние и на большую демократизацию Афин: народ, запертый в городе, стал принимать еще более непосредственное участие в управлении. До сих пор вожди народа, стоявшие даже во главе демократической партии, были из «знатных и благородных». Теперь на политическом поприще их оттесняют и становятся вождями демоса торговцы, промышленники или фабриканты, представители афинской буржуазии, что вполне было естественно, если принять во внимание торговое и промышленное значение тогдашних Афин. Один за другим выступают они по смерти Перикла: сначала «торговец паклей» Евкрат, за ним – «торговец овцами» Лисикл, затем «кожевник», т. е. владелец кожевенного завода, Клеон, «ламповый фабрикант» Гипербол и др. Из них больше и дольше всех пользовался влиянием Клеон. Аристофан вывел его как главное действующее лицо в комедии «Всадники» и неоднократно касался его и в других своих пьесах.

Такова в главных чертах история Афинской республики и ее государственного строя во время жизни Аристофана.

---

²¹ САФ, I, 205; FCG II, 510.

²² САФ, I, 117; FCG II, 466.

²³ По Эд. Мейеру, численность населения понизилась с 55 тыс. до 36–38 тыс.; по Белуху – с 35 тыс. до 26 тыс.

ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

Аттическая комедия, как и трагедия, возникла из песен, певшихся на праздниках в честь Диониса, бога производительной силы природы вообще и бога вина в частности. Праздники в честь Диониса справлялись в Аттике 4 раза в год; они носили названия:

1) «Сельские Дионисии» (Διονύσια τὰ κατ' ἀγρούς), или «Малые Дионисии» (τὰ μικρὰ Διονύσια), справлявшиеся в месяце Посидеоне, соответствовавшем приблизительно декабрю;

2) «Леней» (Λήναια), справлявшиеся в месяце Гамелионе – в январе;

3) «Ангестерии» (Ἀνθεστήρια), справлявшиеся в месяце Ангестерионе – в феврале;

4) «Городские Дионисии» (Διονύσια τὰ ἐν ἄστει), или «Великие Дионисии» (τὰ μεγὰλα Διονύσια), справлявшиеся в месяце Элафеболионе – в марте.

Время происхождения греческой комедии и первоначальная история ее неизвестны. Об этом существует много предположений, но все они проблематичны и не могут быть доказаны. Ввиду этого лучше изложить лишь то, что сообщают нам греческие авторы и прежде всего Аристотель, который в разных местах своей «Поэтики» дает несколько разрозненных сведений о происхождении и первоначальной истории аттической комедии.

На основании этих сведений можно представить себе первоначальную историю аттической комедии в следующем виде.

На «Сельских Дионисиях» поселяне пели хором веселые, так называемые фаллические песни. Какой-нибудь сочинитель фаллической песни (он же и регент хора), – значит, человек, способный к творчеству, – между частями фаллической песни произносил комические речи (импровизировал). Так как фаллические песни исполнялись лишь один или несколько раз в год, он набирал себе труппу, состоявшую, может быть, из тех же исполнителей фаллических песен, и с нею ходил по деревням, сочиняя, импровизируя и разыгрывая смешные сцены; в города эти труппы не допускались. Сочинитель был и актером, а труппа – хором, певшим и плясавшим; может быть, из хора кто-нибудь был тоже действующим лицом. Это и была народная аттическая комедия. Эта народная комедия постепенно совершенствовалась, благодаря ли собственному таланту сочинителей или заимствованиям – например у другой подобной аттической труппы или у комедиантов соседней Мегары. Комедия за это время

успела уже выработать некоторые определенные формы, установить известные комические типы с масками.

Так дело продолжалось приблизительно до 487 г. до н. э., когда явился Хионид, первый известный Аристотелю по имени сочинитель комедий. Но комедия все еще не получила формального признания от государства. Наконец, около 464 г. она была допущена для государственных представлений. С этого времени ее история нам уже известна. Таким образом, литературная аттическая комедия есть не что иное, как прямое продолжение народной комедии и составляет с нею одно целое.

Слово «комедия» (κωμῳδία) составлено из частей слов: κῶμος – кутеж, кутящая (гуляющая) компания, и ᾄδω – пою, и буквально означает «пение кутящей (гуляющей) компании»¹; комические труппы, ходившие по деревням, являлись с шумом, гамом, может быть иногда и подвыпивши, так что представляли собою вполне κῶμος – гуляющую компанию. Они пели, и потому название κωμῳδοί для них вполне естественно: первоначальная комедия, как и трагедия, состояла главным образом из пения.

Народные комические представления были и в других местах Греции, а также в Сицилии и в Южной Италии – в так называемой Великой Греции. Исполнители их носили в разных местах разные названия: в Спарте δεῖκπλισταί, в Фивах ἐθελονταί, в Сицилии αὐτοκάβδαλοι, в Италии φλόακες. Но это были просто комедианты; их представления имели самую примитивную форму, и они не достигли литературной обработки. Аристофан упоминает о «мегарском смехе» с презрением, как о грубой, неостроумной шутке. Мегарцы, по словам Аристотеля, считали себя «изобретателями» комедии.

По преданию, в Аттику комедию принес из Мегар некто Сусарион, который был, по одному древнему свидетельству, жителем Аттики из дема Икарии, по другому – мегарцем. Предание это, впрочем, нельзя считать вполне достоверным, так как Аристотель не упоминает о нем; не высказывает Аристотель своего мнения и о том, правильны ли притязания мегарцев на роль изобретателей комедии.

Хотя в Сицилии были народные комические представления, но они, подобно мегарским и другим, не получили литературной обработки. Творцом литературной комедии в Сицилии был Эпихарм, который, по словам Аристотеля², жил раньше аттических сочинителей комедии – Хионида и Магнета. Таким образом, литературная комедия возникла одновременно или почти одновременно в Аттике

¹ Некоторые из древних и новых ученых производят это слово от κῶμος – деревня; в таком случае κωμῳδία значило бы «деревенское пение». Но это толкование мало вероятно.

² См. Аристотель. Поэтика, гл. 3.

и в Сицилии. О личности Эпихарма вполне достоверных сведений нет; от комедий его, – которые, впрочем, называются у древних *δράματα*, а не *κωμῳδία*, – дошли до нас лишь заглавия и ничтожные отрывки. Только на основании их современные ученые делают заключения о его личности и его сочинениях. Он был современником сиракузского тирана Гиерона (правившего в 478–457 гг.), был образованным человеком; его сочинения достигли довольно высокой степени литературной обработки; из одного фрагмента видно, что в его драме участвовало одновременно три действующих лица. Сюжеты своих произведений он брал или из обыденной жизни, или из мифологии, представляя в смешном виде мифологические сказания (примерно, как в «Прекрасной Елене» Оффенбаха), но он не касался политики. Можно предполагать, что драмы Эпихарма, так как они были написаны, были известны и в Афинах; но оказали ли они какое-нибудь влияние на аттическую комедию, судить невозможно вследствие малого количества сохранившихся отрывков пьес как Эпихарма, так и древних аттических комиков, и притом отрывков мало значительных по содержанию. Скорее надо думать, что они влияния не оказали: трудно представить, чтобы Аристофан, называющий по имени столько ничтожных поэтов, ни разу не упомянул, об Эпихарме, если бы он был знаком с его комедиями.

ИСТОРИЯ АТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

Древняя комедия

История аттической литературной комедии делится на три периода: комедию Древнюю, Среднюю и Новую. Резких границ между этими периодами провести нельзя; можно лишь наметить их в самых общих чертах.

Древняя комедия обнимает время от начала литературной комедии, приблизительно от Персидских войн, т. е. с 487 г. – древнейшей засвидетельствованной даты, до 388 г. – даты последней комедии Аристофана «Плутос».

Средняя комедия обнимает время от 387 до 323 года – года смерти Александра Македонского.

Новая комедия обнимает время от 323 до 263 г. – года смерти последнего представителя Новой комедии, Филемона.

Главные черты, отличающие большую часть произведений Древней комедии от произведений Средней и Новой комедии, следующие.

По содержанию: а) политический характер ее, б) выведение на сцену отдельных лиц с их индивидуальными свойствами и даже с их именами в карикатурном виде; в) фантастический характер ее;

по структуре: г) наличие хора, д) наличие парабазы. Политический характер Древней аттической комедии выражается в том, что основным сюжетом ее была критика государственной жизни Афин, их государственных учреждений, их государственных деятелей даже самых важных, например Перикла и Клеона. Это было возможно благодаря полной свободе речи при демократии V века. Осмеиваемое лицо либо выводилось на сцену прямо в качестве комического персонажа в карикатурном виде, либо, хотя и не было выведено на сцену, но подвергалось язвительным, порой очень грубым шуткам и намекам со стороны хора или других действующих лиц комедии. Так Аристофан выводил на сцену демагога Клеона, полководца Ламаха, философа Сократа, поэта Еврипида; насмешкам подвергался Перикл; даже боги и герои не избежали этой участи, например Дионис, Геракл.

Не раз делались попытки ограничить эту вольность комедии, но такие постановления – μή κομφοδεῖν ὄνομασί (не выводить на сцену лиц под их подлинным именем) – очень скоро отменялись.

Фантастический характер Древней комедии выражается в том, что действие пьесы бывает иногда или неправдоподобно, или даже совсем сверхъестественно. Так, в комедии Аристофана «Ахарняне» главный герой ее, во время Пелопоннесской войны, заключает сепаратный мир лично для себя с врагами Афин, спартанцами. В комедии «Мир» главный герой летит на небо на жуке. В комедии «Птицы» главный герой основывает в воздухе птичье государство. Хор комедии иногда, состоит из животных, например птиц, ос, лягушек, или фантастических существ, например облаков.

По структуре Древняя комедия имеет ту особенность, что в ней есть части, которых нет в Средней и Новой комедии, – именно хор и парабазы. Хор состоял из 24 человек, представлявших собою, как сейчас сказано, иногда существа нечеловеческие и принимавших участие в действии наряду с актерами. Снаряжение хора стоило дорого, и поэтому, а, может быть, и по другим причинам, уже в последних по времени пьесах Древней комедии он или совсем отсутствует, или является уже в виде дивертисмента, не принимая участия в действии.

Парабазой называется одна из партий хора, исполнявшаяся посредине пьесы. Действие комедии приостанавливалось; хор от лица автора обращался к зрителям и говорил о его личных поэтических делах, о цели его произведения, о его заслугах пред государством, об отношении к литературным соперникам и т. п. Этой части уже нет в последних двух комедиях Аристофана («Экклезиасты» и «Плутос»); нет ее и в Средней и в Новой комедии.

Авторов Древней аттической комедии насчитывается около 40, а их произведений – около 300. Но до нас дошло из них только 11 полных комедий Аристофана (из 44, приписываемых ему), а от произведений остальных поэтов и других комедий Аристофана – только отрывки. Наиболее выдающимися из них были: Аристофан, Кратин и Евполид.

На дошедших до нас пьесах Аристофана главным образом и основано наше представление о Древней аттической комедии как о комедии политической. Но в действительности Древняя комедия вовсе не была только политической. Наряду с политикой в собственном смысле и с осмеянием государственных деятелей, авторы комедий брали темы также и из обыденной жизни» из мифологии, из литературы и пр. Одни авторы совсем не касались политики или, если и касались ее, то лишь мимоходом, не делая ее основной темой комедии; другие, писавшие политические комедии, вместе с тем писали комедии и на другие темы. Так, к числу поэтов первой категории принадлежат: Кратет (один из комедиографов старшего поколения, время «процветания» которого относится к 449 г.), Ферекрат (около 437 г.), Фриних (около 429 г.), Платон (во время Пелопоннесской войны), Страттис (приблизительно 407–376 гг.). К числу поэтов второй категории принадлежат: Кратин (один из комедиографов старшего поколения, время процветания которого относится к 453 г.), Телеклид (современник Перикла), Гермипп (современник Перикла), Аристофан (приблизительно 452–388 гг.), Евполид (современник Аристофана), Феопомп (младший современник Аристофана). Кроме того, относительно многих произведений Древней комедии совсем нельзя сказать, к какому жанру они принадлежали, так как от них дошли или ничтожные отрывки, или даже ничего не говорящие заглавия³.

На основании изложенного можно заключить, что в Древней аттической комедии во все время ее существования было два главных жанра: политический и неполитический; темы последнего жанра были очень разнообразны; были темы, взятые из обыденной жизни, темы социальные, литературные, мифологические, научные, касавшиеся философии, музыки и др.

Так, у самого Аристофана, из числа 11 дошедших до нас его комедий, «Облака» имеют темой критику софистической философии (в лице Сократа) и нового воспитания, «Осы» – осмеяние страсти афинян к сутяжничеству, «Лягушки» – критику трагедий Еврипида,

---

³ О том, как трудно по заглавию определить тему комедии, можно судить по следующему сравнению: если бы от Аристофановых «Лягушек» дошло до нас одно заглавие, то никто не мог бы догадаться, что тема этой пьесы критико-литературная.

«Женщины в Народном собрании» – критику утопических теорий, «Плутос» – разбор экономического вопроса.

Такое же разнообразие тем было и у других авторов Древней комедии. Так, о Кратете Аристотель сообщает, что он не касался политических тем; то же сообщает один византийский ученый о Ферекрате. У самого Кратина, считающегося инициатором политической комедии, была комедия «Одиссеи» без парабызы и без песен хора, изображавшая в шутовском виде пребывание Одиссея у Киклопов.

На выбор тем того или другого жанра авторами могли влиять разные причины. Одни могли руководиться просто личным вкусом; другие могли избегать политических тем по недостатку смелости, по нежеланию вступать во вражду с влиятельными в государстве людьми; иные, наконец, не могли писать на политические темы вследствие неоднократных постановлений, запрещавших выводить на сцену государственных деятелей под их именами. Такое предположение, например, имеется относительно упомянутой сейчас комедии «Одиссеи».

Во время господства Тридцати тиранов (404/403 г.), несомненно, вольность комедии была ограничена (хотя документальных свидетельств об этом нет). Но и независимо от запрещений политический жанр Древней комедии должен был уступить свое место другим жанрам. Жизнь переменилась: после Пелопоннесской войны Афинское государство потеряло выдающееся положение в Элладе; политические интересы граждан отступили на задний план. Внутренняя политическая жизнь, после вспышки ожесточенной классовой борьбы в конце V столетия, совершенно замерла. В продолжение всего IV столетия до самого вмешательства Антипатра во внутреннюю жизнь Афин и до произведенного им в 321 г. переворота мы почти не встречаем никаких следов сколько-нибудь серьезной борьбы и столкновений по вопросам внутривластного значения. В искусстве и литературе обнаруживается особый интерес к человеческой личности, появляются биографии, похвальные слова, некрологи. Преклонение пред личностью доходит до того, что некоторым еще при жизни воздвигаются статуи, посвящаются гимны, устраиваются жертвоприношения. Так было не только в остальной Греции, например, по отношению к Лисандру, но даже и в демократических Афинах, где ставились статуи Конону, кипрскому властителю Евагору, Ификрату, даже гетерам. Во всей аттической культуре стала намечаться одна и та же тенденция – подойти ближе к частной жизни и сделать объектом творчества обыденного человека, каким бы знакомым он с внешней стороны ни казался.

Еврипид первый занялся детальной разработкой душевных движений и старался доказать, что герои эпоса, если свести их с высоты трагического пьедестала, окажутся мало отличающимися от тех лю-

дей, которые составляют современное ему общество. Он стал видоизменять эпических героев применительно к тому, что наблюдал в действительности, и тем самым вводить действительность в трагедию. Древняя комедия сперва не последовала за ним и долгое время продолжала оставаться на прежней позиции политического и общественного цензора. Однако, при перемене политического положения, вкусы публики менялись, и комедия должна была приноравливаться к ним. Уже у самого Аристофана последняя из дошедших до нас комедий, «Плутос» (388 г.), выводит общечеловеческие типы и характеры. А две не дошедшие до нас комедии Аристофана – «Эолосикон» и «Кокал» – принадлежали уже вполне к типу Средней комедии.

Так Древняя комедия незаметно перешла в Среднюю. Провести резкую грань между ними невозможно.

Средняя комедия

Средняя комедия представляет собою переходную ступень между Древней и Новой комедией. Она обнимает период в 65 лет.

Число авторов Средней комедии, по свидетельству древних источников, было 57, и число написанных ими произведений, по словам Афинейя, – свыше 800. Но из этого огромного числа до нас не дошло ни одной цельной комедии; дошли лишь отрывки и заглавия, да и то не от всех комедий. Мы знаем имена 39 авторов.

Наиболее известными из них были: Антифан, Алексид, Анаксандрид и Евбул.

Число написанных Антифаном (408–334 гг.) комедий передается нашими источниками различно: по одним их было 365, по другим 280, по третьим 260: первое число, вероятно, преувеличено. Мы знаем по заглавиям 150 пьес и имеем от них 334 отрывка.

Алексид (приблизительно 372–276 гг.) написал 245 комедий. Его комедии уже близки к произведениям Новой комедии. Его изобретением считается введение на сцену роли паразита, хотя на самом деле этот тип есть уже у Эпихарма; у него, может быть, Алексид и занимался им. Нам известны заглавия около 130 пьес его и 345 отрывков. Римские комики знали его произведения и пользовались ими, по словам Авла Геллия⁴.

Анаксандрид. Год рождения его неизвестен. Литературная деятельность – 383–350 гг. Им написано 65 комедий; мы знаем по заглавиям 42 пьесы его и 81 отрывок. Он считается самым старшим представителем Средней комедии и первым, внесшим в комедию любовные сюжеты. Его одного цитирует несколько раз Аристотель, очевидно, вследствие высокого мнения о нем.

⁴ См. «Аттические ночи», II, 23, 1.

Евбул был современником Демосфена, первое выступление его на литературное поприще было в 367 г. Им написано 104 комедии; мы знаем по заглавиям 54 пьесы и 154 отрывка.

Вместе с изменением социального и политического облика Афины менялись и морально: нравы утончались и вкусы становились изысканнее.

Грубые, подчас непристойные, выходки Древней комедии уже не нравились; избалованным горожанам ее шутки казались устаревшими; ее танцы – этот отзвук фаллических процессий – не находили одобрения. «Даже шутки развитого человека, – говорит Аристотель, – отличаются от шуток человека грубого точно так же, как шутки образованного от шуток необразованного. Это всякий может видеть из сравнения Старой комедии с Новой⁵: у первой смешное состояло в сквернословии, у второй – более в намеках, а это различие немало-важное в отношении приличия»⁶. Эти слова прекрасно иллюстрируют возникновение и подъем новых требований в обществе, которое уже не хотело мириться с тем, что еще недавно никому не казалось странным.

Наконец, общество стало находить вкус в анализе и наблюдении и заниматься действительностью. Фантастика Древней комедии стала казаться чем-то отжившим. В жизни комедии наступал новый период.

Темы Средней комедии довольно разнообразны. Политических деятелей Средняя комедия почти не затрагивает; если и встречаются намешки над отдельными лицами, то эти лица – или умершие, или иностранцы, или лица невысокого социального положения.

Наиболее обычными темами Средней комедии были пародия на трагедию, особенно на трагедию Еврипида, травестия мифологических сюжетов; выводились на сцену философы (Платон, академики, пифагорейцы), лица разных сословий и профессий: простодушные сельские жители, рыбаки, рабы, старухи-пьяницы, хвастливые повара, хвастливые офицеры, игроки в кости, паразиты, гетеры, врачи, музыканты, сводники, влюбленные, суровые отцы и т. д.

В общем, все эти темы, впоследствии встречающиеся в Новой аттической комедии, имеются уже в Средней в большей или меньшей степени. С другой стороны, значительное число тем Средней комедии есть и в Древней комедии. Так, умные рабы выведены уже Аристофаном в «Лягушках» и «Плутосе», философ Сократ – в «Облаках», мифологическая травестия – в «Птицах», где выведен в смешном виде Геракл, пародии на трагедию и специально на Еврипида – в

---

⁵ Под «Новой» комедией Аристотель разумеет современную ему комедию-Среднюю.

⁶ Аристотель. Никомахова этика, IV, 14 = 1128 а, 20–25.

нескольких комедиях Аристофана; несколько комедий Ферекрата озаглавлены именами гетер и т. д.

Некоторое представление о Средней комедии могут дать комедии Плавта – «Амфитрион» и «Перс», составленные, как предполагают, по каким-то неизвестным нам пьесам Средней комедии.

Внешнее отличие – со стороны структуры – Средней комедии от Древней состоит в том, что в Средней комедии нет хора (или по крайней мере он не является составной частью пьесы, наравне с актерами), а соответственно этому нет и парабазы.

Незаметно и постепенно тип Средней комедии переходит в тип Новой комедии; настолько незаметно, что провести грань между этими двумя типами хронологически еще труднее, чем провести грань между Древней комедией и Средней комедией.

Причина этого та, что вообще перемены в культурной жизни, без сильных внешних влияний, не происходят резко; что в данном случае некоторые авторы принадлежат хронологически к обоим смежным периодам комедии и, может быть, творчество их по характеру своему также относилось к обоим периодам. Так, последние произведения Аристофана, одного из главных представителей Древней комедии, уже имеют характер Средней комедии; то же надо сказать и о младших современниках его.

С другой стороны, например Дифил, считающийся одним из представителей Новой комедии, в значительной степени был поэтом Средней комедии.

Новая комедия

Новая комедия, как уже сказано, обнимает период в 60 лет, считая от 323 до 263 г.⁷, т. е. относится ко времени македонского владычества над Грецией.

В 322 г. Греция, после неудачной для нее Ламийской войны, попала под власть Македонии. Афины должны были изменить свое государственное устройство и принять македонский гарнизон; права гражданства были оставлены лишь тем, которые обладали состоянием по крайней мере в 2000 драхм; а те, которые не владели этим минимумом имущества (числом 12 тыс.), были лишены прав гражданства; если они хотели оставаться на родине, им предстояло влачить бедственную жизнь в унижении. Некоторые из них предпочли скитаться бесприютными в других областях Греции; многие согласились переселиться во Фракию. Таким образом, в Афинах осталось

⁷ Некоторые историки литературы ведут начало Новой комедии от битвы при Херонее (338 г.), но это почти безразлично, так как в 322 г. лишь завершилось подчинение Греции македонскому владычеству, начавшееся с битвы при Херонее.

только 9 тыс. полноправных граждан. Так отнята была самостоятельность у Афин. Потом она бывала вновь возвращаема им, но не надолго, и Афины находились в зависимости от Македонии, а потом от Рима. Демократические формы по большей части оставались, но они утратили былое значение. В Афинах все еще процветали торговля и мореплавание; государственные финансы были в хорошем состоянии (например, при ораторе Ликурге, в 338–326 гг.), много было богатых граждан; словом, было достаточно материальных средств, но не было древнего духа. Политическая свобода исчезла, общественная деятельность затихла. Жизнь афинского общества в эту эпоху мало походила на прежнюю, еще столь недавнюю. Эта жизнь не замерла, но стала спокойнее, ровнее, обычнее. Это была деловая жизнь большого города, не прежнего города-государства, а города, жители которого были поглощены устройством своего личного благополучия. При таком положении дел критика общественных деятелей и обсуждение политических вопросов (за редкими исключениями) на сцене, конечно, была невозможна. Комедия сосредоточилась всецело на изображении частной жизни.

В Новой комедии почти исчезла пародия на трагедию, которая была еще в Средней комедии, – вероятно, потому, что публика не была достаточно знакома с произведениями трагиков, чтобы понимать намеки на них. Но насмешки над философами продолжают, как были они в Средней комедии; касаются они главным образом стоиков и Эпикура и очень редко Платона. Мифологические темы встречаются гораздо реже, чем в Средней комедии; всего чаще бывают они у Дифила. Число комедий, озаглавленных именами гетер, значительно меньше, чем в Средней комедии.

Число авторов Новой комедии, по свидетельству древних, было 64; мы знаем имена 47 поэтов. Наиболее известными из них были: Менандр, Филемон, Дифил, Аполлодор Каристский, Посидипп, филиппид; эти авторы важны и для истории римской комедии. Литературная деятельность их была огромная; но до нас не дошло ни одной цельной комедии; только от Менандра дошли большие отрывки нескольких комедий, а от остальных лишь мелкие отрывки и заглавия. Ввиду этого на Менандре почти исключительно основывается наше суждение о Новой комедии; по этой причине, а также и вследствие его важности для римской комедии о нем необходимо сказать подробнее, после всех.

Филемон (Φιλῆμων) может считаться основоположником или по крайней мере старейшим поэтом Новой комедии: он родился в 361 г., а его первое выступление на драматическом поприще состоялось около 330 г. Он умер в глубокой старости (96 или 97, или даже 101 года) в 263 г. Таким образом, его литературная деятельность про-

должалась в течение всего периода Новой комедии. Из 97 пьес, приписываемых ему, мы знаем по заглавиям 56 пьес и имеем от них 247 отрывков. Несколько пьес Плавта составлено по комедиям Филемона: *Mescreator* – «Купец» – по *Ἐμτορος*, *Trinummus* – «Три монеты» – по *Ἐπισταυρός*.

Дифил (*Δίφιλος*) родился около 355 г. Из 100 пьес, приписываемых ему, мы знаем по заглавиям 60 пьес и имеем от них 138 отрывков. Темы для своих произведений он брал не только из современной жизни, но также из мифологии; в одной комедии выведена на сцену старая поэтесса Сапфо; такие темы редко встречаются в Новой комедии. Таким образом, Дифил является в значительной степени представителем Средней комедии, а по этой причине некоторые историки литературы ставят его на первом месте среди авторов Новой комедии. Несколько пьес Плавта составлено по комедиям Дифила: *Casina* – «Жребий» – по *Κληρούμενοι*, *Vidularia* – «Чемодан» – по *Σχεδία*, *Rudens* – «Канат» – по неизвестной нам комедии его, не дошедшая до нас комедия *Commorientes* – «Умиравшие вместе» – по *Συναποθνήσκοντες*. Теренций в своей комедии *Adelphoe* – «Братья» заимствовал одну сцену из *Συναποθνήσκοντες*. Дифил пережил Менандра, – следовательно, умер после 291 г.

Аполлодор Каристский (т. е. из города Кариста – *Ἀπολλόδωρος Καρύστιος*), время деятельности которого относится к 300–260 г., написал 47 комедий; из них мы знаем по заглавиям 10 пьес и имеем от них 27 отрывков⁸. Две пьесы Теренция – *Phormio* – «Формион» и *Nesuga* – «Свекровь» составлены по комедиям Аполлодора Каристского *Ἐπιδικάζόμενος* и *Ἐκυρά*. По комедии «Свекровь» можно составить представление о литературных качествах Аполлодора, так как, по мнению специалистов, в этой пьесе Теренция оригинал Аполлодора почти не подвергся изменениям, и потому эта пьеса есть своего рода точное отображение греческого подлинника.

Посидипп (*Ποσειδίππος*) впервые выступил на литературное поприще в 285 г. – уже после смерти Менандра. Таким образом, он был одним из последних авторов Новой комедии и после смерти Менандра был властителем афинской сцены. Он написал 30 комедий, от которых мы знаем 18 заглавий и имеем 44 отрывка. Латинский писатель Авл. Геллий в своих *Noctes atticae* – «Аттические ночи» (II, 23) называет его в числе авторов, которыми пользовались латинские поэты для своих комедий. Из дошедших до нас латинских комедий, может быть, комедия Плавта *Menaechmi* – «Близнецы» составлена по неизвестной нам пьесе Посидиппа.

⁸ Был также другой Аполлодор – из города Гелы; поэтому неизвестно, которому Аполлодору принадлежит значительное число отрывков, сохранившихся лишь с именем Аполлодора, без указания родного города.

Филиппид (Φιλίππιδης) был современником Менандра, Филемона и Дифила, жил в конце IV – начале III века до н. э. Он написал 45 комедий, от которых мы знаем 13 заглавий и имеем 40 отрывков.

Менандр (Μένανδρος) – афинянин по происхождению потомок богатой и знатной фамилии, родился около 343/342 г. до н. э. и получил блестящее образование. На первом плане стояло изучение литературы и главным образом драмы, так как это была эпоха наибольшей славы Еврипида, наложившего свою печать на всю драматургию того времени. Это раннее знакомство Менандра с драмой предыдущего периода впоследствии ярко отразилось на его творчестве как в смысле непосредственного влияния трагедии на построение его комедии, так и в смысле отличного цитирования трагиков. Не меньшее влияние оказала на молодого Менандра поэтическая деятельность его дяди, знаменитого в то время автора Средней комедии – Алексиды, руководившего воспитанием племянника и бывшего его первым учителем в искусстве комедийного поэта.

Одновременно с литературой на Менандре отразилось влияние риторики и философии, двух основных наук той эпохи. Риторика ко времени Менандра обосновалась в Афинах настолько прочно, что сделалась не менее популярной, чем когда-то была музыка, теперь отошедшая на второй план. Развитие музыки шло теперь своим путем, без прямого отношения к драме, и в частности к комедии, для которой она стала необязательной в связи с ослаблением в ней хора, т. е. лирического элемента. Теперь на место музыки, как общеобразовательного предмета, выступила риторика со своей музыкой слова, искусством создания красивой речи и умением убеждать. Влияние риторики очень заметно на Менандре; устами Сирикса в комедии «Третейский суд» он говорит об исключительно важной роли слова, которое в то время могло все «спасти».

Третьим элементом, игравшим значительную роль в воспитании Менандра, была философия, которой проникнуто все миросозерцание его и которая до некоторой степени обусловила и серьезный тон его творчества, и редкое умение вглядываться в жизнь. Учителем Менандра по философии был перипатетик Феофраст, ученик Аристотеля.

Таким образом, Алексид вводил Менандра в тайны драматического искусства, и под его руководством шло ознакомление его с греческой литературой в целом и с драмой в частности, а философская школа Аристотеля знакомила его со своими исследованиями в области человеческого характера. Именно, Феофрастом написаны «Характеры» и трактат «Об ощущениях»; известно также, что при чтении своих лекций он любил останавливаться на рассмотрении внутренних и внешних проявлений различных человеческих типов.

Иногда, для большей наглядности, он даже воспроизводил выразительные движения, характерные для того или другого типа⁹.

Через общение с Феофрастом Менандр мог сделать немало крупных и мелких психологических наблюдений, которые могли пригодиться ему как бытописателю современного ему общества. С другой стороны, философское образование должно было углубить его взгляды, расширить умственный кругозор и придать ему серьезность и вдумчивость, которые до некоторой степени сближают его с Еврипидом. Однако не надо преувеличивать влияния философии на Менандра и представлять его себе каким-то «философом на сцене». Менандр не был философом, он только философски смотрел на жизнь, но любил ее и радостно отдавался ей. Не иначе смотрели на жизнь и Феофраст и друг Менандра Эпикур: они также умели открывать в ней светлые стороны и следовали направлению того общества, к которому принадлежали¹⁰.

По достижении юношеского возраста Менандр занялся литературной деятельностью и, следуя примеру своего дяди Алексиды, взялся за комедию, которая в то время уже находилась под влиянием трагедии Еврипида.

Первое выступление Менандра в качестве комедийного поэта произошло приблизительно в 325/324 г., когда он был еще «эфебом», а первая победа была им одержана в 321/320 или в 316/315 г. (наши источники говорят об этом различно). Менандра называют основоположником Новой комедии, но этим он обязан своей славе в последующее время: хронологически же Филемон имеет большее право на это название, так как его первое выступление было около 330 г., т. е. раньше, чем выступление Менандра. Таким образом, первые шаги Менандра на драматическом поприще приходятся на время после смерти Александра Македонского и начало политической разрухи, наступившей после этого. Было бы интересно знать, как реагировал он на события, в которых важную роль играла и его родина в лице своих последних патриотов – Демосфена и Гиперида. Но у нас нет достаточных данных для решения этого вопроса; сведения, которыми мы располагаем, заставляют думать, что Менандр вряд ли откликнулся на эти тяжелые времена; во всяком случае, они не вызвали с его стороны никаких решительных шагов – обстоятельство, характерное для его классовой среды и эпохи. Ученик Феофраста и друг Эпикура, Менандр предпочитал пользоваться жизнью, распределяя время между литературными занятиями и наслаждениями.

---

⁹ Так, однажды, изображая гастронома, он высунул язык и облизывал губы (Афиней, I, 21 а).

¹⁰ Так, Феофраст приходил на лекции в Ликей всегда франтовато одетым и, севши, начинал свою беседу (там же).

В сочетании высокого и обыденного шла жизнь Менандра на его «вилле» в Пирее, где он проводил время в обществе друзей и знаменитой гетеры Гликеры, которая сумела навсегда привязать к себе поэта, не отличавшегося постоянством.

Менандр написал 105 комедий, или даже 108 или 109, но одержал только 8 побед. Афинская публика много раз отдавала предпочтение Филемону, — обстоятельство, доказывающее, что далеко не всякая победа зависит от превосходства таланта. По этому поводу есть древний рассказ о том, что однажды Менандр, встретившись с Филемоном, спросил его: «Скажи пожалуйста, Филемон, неужели ты не краснеешь, когда одерживаешь надо мною победу?»¹¹. Неудачи Менандра, вероятно, объясняются тем, что его пьесы, построенные на тонкой обрисовке характеров, менее нравились большинству афинской публики, чем более грубые в комическом отношении пьесы Филемона. Лишь последующие поколения оценили Менандра и поставили его выше Филемона и других представителей Новой комедии. Таким образом, судьба Менандра напоминает судьбу Еврипида, на долю которого выпала тоже главным образом посмертная слава.

Менандр умер в 292/291 г., на 52-м году своей жизни; по одному известию, он утонул, купаясь в море. После смерти имя его оказалось у всех на устах, и начался рост его славы. Память его была почтена тем, что в театре в Афинах была поставлена его статуя. Его пьесы сразу выдвинулись на первое место, и он стал общепризнанным главою Новой комедии: «он — светило Новой комедии» (ἄστρον ἐστὶ τῆς νέας κωμῳδίας), — говорит о нем один византийский ученый (схолии к Дионисию Фракийскому).

Интерес, возбужденный Менандром, привел к тому, что ему стали посвящать специальные исследования, целью которых было освещение его личной жизни и характеристика его таланта. Одним из таких исследователей был знаменитый ученый Александрии, Аристофан Византийский (приблизительно 257–180 гг. до н. э.). Ему принадлежит изречение: «О Менандр и жизнь, кто из вас кому подражал?» (ὁ Μένανδρε καὶ βίη, πότερος ἄρ' ὑμῶν πότερον ἀτεμιτίσαστο). Это изречение показывает, насколько соответствующими действительности казались Аристофану произведения Менандра. Много работ о Менандре было написано и другими авторами; но они до нас не дошли. Сохранилось лишь небольшое сочинение Плутарха (приблизительно 146–120 гг. н. э.) под заглавием «Сравнение Аристофана с Менандром», в котором Плутарх, отражая вкусы своего времени, отдает полное предпочтение Менандру перед Аристофаном. «Менандр, — говорит Плутарх, — сумел повсюду оказаться желанным: его услы-

¹¹ Авл. Геллий. Аттические ночи, XVII, 4, 1.

шишь и в театре, и на беседах, и на пирах; читать его пьесы, выучивать их, видеть их на сцене – это общее наслаждение для всех». Из этих слов видно, что слава Менандра росла неудержимо, причем уже не только театр был ее свидетелем; пьесы его проникали непосредственно в образованное греческое общество. «Новая комедия, – говорит Плутарх в другом сочинении, – до такой степени внедрилась в пирушки, что на них скорее можно обойтись без вина, чем без Менандра»¹².

Мало-помалу Греция пришла к заключению, что Менандр принадлежит к числу наиболее крупных литературных гениев. Из афинского поэта он сделался общезллинским. Но не только в Греции утвердилась его слава. Через 60 лет после его смерти римский поэт Невий написал комедию «Льстец» (*Colax*) по комедии Менандра, имевшей то же заглавие, и в других своих комедиях пользовался пьесами греческой Новой комедии. Так же поступал и другой римский поэт, Цецилий Стаций, у которого значительное большинство заглавий пьес – греческие. Влияние Менандра на римскую комедию видно и в произведениях Плавта и Теренция, из которых многие составлены по комедиям Менандра.

Приверженность римского общества к Менандру продолжалась и позже. Ни один римский поэт, начиная с Горация, не обходится без Менандра; все говорят о нем как о писателе, который всякому известен и дорог. Комедии его не только читались, но и шли на сцене – при императоре Августе, при Домициане и позднее. Вплоть до V века мы постоянно слышим о нем: так, поэт Авзоний (IV век) советует своему внуку внимательно читать Гомера и Менандра, а Сидоний Аполлинарий (V век) сравнивает «Свекровь» Теренция с «Третьим судом» Менандра. Наряду с Еврипидом он считается образцом, подлежащим изучению даже в школах, где его пьесы подвергаются разбору, а наиболее меткие выражения заучиваются.

Но после V века разговоры о Менандре как-то вдруг умолкают; литература перестает обращать на него внимание. Причину этого видят в том, что христианство изменило вкусы общества; этому содействовала и школа, выдвигавшая трудных авторов античности и пренебрегавшая авторами легкими, не требовавшими головоломного комментария. Период с половины VII до половины IX века в Византии был вообще неблагоприятен для науки и литературы; возможно, что это время тоже содействовало забвению Менандра.

Как бы то ни было, но произведения Менандра исчезли. До конца минувшего столетия наши сведения о них ограничивались случайными цитатами из них, сохранившимися в сочинениях разных писа-

---

¹² Плутарх. Застольные беседы, VII, с. 712 В.

телей древнего мира. Эти отрывки были собраны; таким путем стало известно около 90 заглавий пьес с 1082 отрывками. В лучшем случае эти цитаты являются длинными тирадами полуфилософского характера, в худшем – разрозненными стихами и даже отдельными словами. Все попытки дать на основании этого материала характеристику Менандра как драматурга оказывались неудачными. Вместо блестящего бытописателя и тонкого психолога перед нами вырисовывался проповедник ходячей житейской морали. Правда, известным коррективом к этому представлению могли служить некоторые пьесы Плавта и Теренция, составленные по пьесам Менандра. Но римские копии не были переводами его комедий; они давали только их отображение: так, для Плавта они были лишь базой, на которой он возводил свое собственное здание; Теренций, несмотря на стремление держаться подлинника ближе, шел все же своей дорогой.

Но вот в 1855 г. Порфирий Успенский (архимандрит) привез в Россию пергаментный лист, отрывок рукописи IV века н. э., найденный им в монастыре св. Екатерины на Синае. Как оказалось впоследствии, на этом листе были написаны отрывки из комедий Менандра «Видение» и «Третейский суд». Эта находка была подробно разобрана академиком В. К. Эрнштедтом в исследовании «Порфирьевские отрывки из аттической комедии» в 1891 г. Это были уже не отдельные стихи, но связные отрывки диалогических и монологических партий, которые давали возможность составить представление о завязке действия, характерах персонажей, ведении диалога и сюжетах.

После этого в Египте были сделаны новые находки. В 1896 г. были найдены два папирусных листка, содержащих две сценки из комедии «Земледелец». В 1905 г. французский ученый Густав Лефевр нашел остатки целой папирусной рукописи, заключавшей в себе несколько комедий Менандра и относящейся к V веку н. э. В найденных остатках оказалось около 1600 стихов из пяти комедий: «Третейский суд», «Отрезанная коса», «Самиянка», «Герой» и пьеса, заглавие которой неизвестно. В последующие годы были найдены еще обрывки рукописей, содержавших пьесы Менандра. В настоящее время у нас имеются части 16 рукописей, дающих в общей сложности около 2300 стихов из разных комедий Менандра. От некоторых сохранились лишь мелкие отрывки, от других – значительные: так, от комедии «Третейский суд» сохранилось не менее двух третей, от «Отрезанной косы» – по крайней мере половина, от «Самиянки» – треть. Благодаря всем этим находкам мы можем теперь составить себе довольно ясное представление о мастерстве Менандра.

Уже из отзывов писателей древнего мира мы знали, что Менандр старался воспроизводить в своих пьесах подлинную жизнь; что он, подобно Еврипиду и следуя указаниям Аристотеля и Феофраста,

внимательно присматривался к разновидностям человеческих характеров; что он, как и Еврипид, старался придать действию естественность. Все это подтвердилось найденными отрывками.

Здесь мы прежде всего встречаемся с обычаями, нравами и укладом жизни современной Менандру, приходим в соприкосновение с тогдашним обществом, с его житейскими интересами, думами, страстями и стремлениями. Никакой идеализации и приподнятости нет. Действие развертывается в серой, мешанской среде. Герои Менандра – маленькие люди, занятые исключительно личными интересами; великие события их эпохи – эпохи преемников Александра Македонского – проходят мимо них.

Менандр тщательно всматривается в характеры этих людей, воспроизводит черты их индивидуальности, оттенки их психики. Его цель – в каждом рядовом человеке открыть его «я», осветить его и показать духовную жизнь, которая протекает параллельно с внешней, не всегда доступная наблюдениям.

Отношение Менандра к людям – в высшей степени мягкое. Он смотрит на людей с глубокой симпатией, любит их, несмотря на их ошибки, пустоту и мелочность. Единственно, что он позволяет себе, – это показывать их близорукость, но без гнева, и сопоставлением персонажей, находящихся в разном и общественном положении, убеждать, что истинное благородство не имеет ничего общего с этим положением. У него заметны тайное желание показать тщету словесных предрассудков и усмешки по адресу общественного мнения окружающей его среды. Рабы, женщины, дети находят в Менандре красноречивого защитника.

Но чрезвычайно характерно, что почти совершенно безразлично относится Менандр к вопросам политическим. Даже упоминая политические события, он не вдумывается в них и в причины, их вызвавшие. Так, в «Отрезанной косе», упомянув о «коринфском лихолетье», т. е. об эпизоде войны между Кассандром и Димитрием Полиоркетом, он замечает только, что «житья не стало».

Не менее скупно отзываясь он и на вопросы экономические.

Так, в «Герое», говоря о голоде, он находит нужным сказать только, что был голод, и старик... зачах.

«Во всех без исключения пьесах Менандра, – говорит Плутарх, – есть нечто их объединяющее, а именно любовь, которая проникает их как бы одним общим дыханием»¹³. То же говорит и Овидий: *fabula jucundi nulla est sine amore Menandri* – «нет ни одной пьесы приятного Менандра без любви»¹⁴. И действительно, в комедиях Менандра любовь занимает первое место; на ней основывается вся кон-

¹³ Плутарх. О любви, 1 = т. V, с. 43 (изд. Дидо).

¹⁴ Овидий. Печальные стихотворения, II, 1, 369.

струкция его комедий. Предшественником Менандра в этом отношении был Еврипид: только с его времени любовь как таковая входит в греческую драму в качестве одного из двигателей действия. От Еврипида этот мотив перешел и в Среднюю комедию, а из нее и в Новую.

Но этот однотонный мотив разнообразится у Менандра характерами действующих лиц. Правда, группы персонажей Новой комедии несколько трафаретны: в комедии выработался постепенно известный ряд типов, который был обязателен для каждого автора. Мы вечно видим юношей, по преимуществу отдающихся веселой жизни и очень редко думающих о каких-либо серьезных вопросах; мы видим то глупых, то ловких рабов, так или иначе связанных с этими юношами и находящихся в тайном или явном конфликте с отцами их; видим самих отцов, которые либо критически относятся к молодому поколению, либо, забывая о своем возрасте, идут по следам сыновей, либо же, равнодушные ко всему, думают только о своем материальном благополучии. Рядом с этими мужскими типами являются женские типы, тоже не отличающиеся на первый взгляд разнообразием: гетеры, рабыни-служанки, замужние женщины, то забытые мужьями, то берущие над ними верх, и др. Перечисленные типы были одной из тех условностей, от которых не мог освободиться античный театр. Таким образом, с внешней стороны Менандровские герои не представляют собой чего-либо особенно необычного. Но такой крупный талант, как Менандр, не мог ограничиться только внешним воспроизведением ряда ходячих типов, созданных еще до него Средней комедией. Не имея возможности отделаться от них и принужденный пользоваться ими как персонажами для своих комедий, он стал вкладывать в каждого из них индивидуальные черты. Благодаря этому мы почти в каждом из действующих лиц находим, помимо особенностей, свойственных ему как типу, еще некоторые, присущие только ему, черты. Так перед нами являются живые люди, составлявшие тогдашнее общество. Предшественником Менандра и в этом отношении был Еврипид. Но Еврипид, несмотря на свое стремление к точной передаче действительности, не мог, ввиду требований трагедии, изображать вполне реальные характеры и реальную картину нравов своей эпохи, а Менандр и Новая комедия имели эту возможность.

В комедии Менандра нет карикатуры и фантастического элемента, как это было в Древней комедии. В конце концов она оказывается «мещанской драмой». В ней часто встречаются сентенции, но не глубокого философского характера, а чисто житейского: советы, как следует жить, мысли насчет ценности дружбы или денег, соображения по поводу бедности и богатства, любви и ненависти, правды и

кривды и т. п. Кое-где можно как будто слышать отзвуки философии Эпикура, ровесником которого был Менандр, например, относительно богов и их роли в мировом процессе. Но учение Эпикура до такой степени разбавлено и извращено собственными домыслами Менандра, что едва ли можно видеть здесь желание его популяризировать Эпикуровское учение (как думают некоторые ученые).

По структуре своей Менандровская комедия сильно отличается от Аристофановской. В последней хор играет видную роль наравне с актерами, в ней есть парабаза, есть сцена спора между представителями разных мнений (так называемый *ἀγών*), отдельные сцены часто не имеют связи между собою. В Менандровской комедии нет ни хора (как действующего лица), ни парабазы, ни агона; сцены имеют внутреннюю связь между собою; комедия делится на акты (в Аристофановской комедии такого деления провести нельзя).

О структуре Менандровской комедии лучше всего можно судить по «Третьейскому суду». Пьеса начиналась прологом, состоявшим из одной или двух диалогических сенок и монолога. В прологе сообщались зрителям предварительные сведения, необходимые для понимания дальнейшего. В первом акте также сообщались сведения, но они становились все полнее и углубленнее. Таким образом, к концу первого акта выяснялось то, что предшествовало началу действия, настоящее положение дел. Акт кончался выступлением хора (в рукописи это отмечается ремаркой *χорὸς*, т. е. «здесь место хора»), но не как действующего лица: не имея участия в действии, хор заполнял промежуток между актами пением и пляской, т. е. был своего рода музыкально-вокальной интермедией. Во втором акте действие делало первые решительные шаги вперед, причем в «Третьейском суде» как раз на этот акт приходится великолепная сцена третьейского суда, которая и дала заглавие пьесе. Начиная с третьего акта, напряженность действия постепенно усиливалась и достигала высшей точки в четвертом акте, что не мешало поэту по временам вводить замедляющие моменты, которые играли роль своего рода коротких пауз, державших зрителя в ожидании. В пятом акте напряженность действия падала, узел хитро задуманной и ловко проведенной интриги распутывался, и пьеса быстрыми шагами шла к благополучному концу¹⁵.

Кроме «Третьейского суда», это распределение действия можно наблюдать и в «Отрезанной косе», втором шедевре Менандра.

Что же касается прочих пьес, то ввиду их фрагментарности трудно говорить о деталях их структуры. Можно думать, что и их структура не отличалась от структуры этих образцов, тем более что это до

---

¹⁵ В комедии Менандра вообще развязка была счастливая.

известной степени подтверждают и комедии Теренция, старавшегося воспроизводить Менандра.

Из отдельных сцен любопытна сцена «узнавания», т. е. та необходимая для развязки сцена, в которой с помощью вещественных доказательств брошенные дети узнают своих родителей и родители детей. В этой сцене с особой силой сказывается влияние Еврипидовской трагедии, откуда сцена «узнавания» перешла уже в не дошедшую до нас Аристофановскую комедию «Кокал».

Этот литературный прием состоит в следующем. Во многих комедиях часто до самого конца пьесы остается неизвестным происхождение героини, и это является самым сильным препятствием к женитьбе на ней героя, так как в Афинах главным условием законности происхождения была именно чистота происхождения обоих супругов. Оказывается при этом, что такая героиня еще в детстве была похищена пиратами и, после разных приключений, уже в брачном возрасте попала в родной город. Неизвестность ее происхождения очень осложняет интригу: выходит так, что молодой человек влюблен страстно, героиня симпатична, дядька-раб хитер, родители легко поддаются обману, и тем не менее дело не может подвинуться вперед. И вот, в конце пьесы появляется на сцену какой-нибудь старый родственник (дядя или отец) невесты, узнает ее по каким-либо признакам, вроде амулетов, и объясняет, что девица происхождения благородного и имеет хорошее приданое. Тогда дело оканчивается веселым браком. Этот прием «узнавания» стар: он применен уже в «Одиссее» Гомера. В драме «узнаванием» широко пользовался Еврипид. Впоследствии этот прием перешел в греческие романы и в римские комедии, а оттуда и в комедии нового времени, например в комедии Мольера. Этот прием применен Островским в комедии «Без вины виноватые»: тут происходит узнавание главного действующего лица благодаря медальону с волосами ребенка и запиской о дне его рождения (действие 3, явление 7).

Приблизительно с середины III века до н. э. появление новых комедий, как и трагедий, в Греции прекращается; играли старый репертуар труппы странствующих актеров.

В таком положении находилась греческая комедия, когда с нею познакомились римляне.

БИОГРАФИЯ АРИСТОФАНА

Теперь перейдем к самому Аристофану и его произведениям. Начнем с его биографии. Биографию почти каждого древнего писателя приходится начинать с заявления, что о жизни его нам мало известно. Это и понятно: при жизни писателя никто не заботился записывать биографические данные о нем (афиняне и так знали всех своих сограждан и их жизнь), а впоследствии, спустя долгое время после его смерти, когда возник интерес к изучению таких вопросов – главным образом у Александрийских ученых III–I веков до н. э., – ничего достоверного узнать уже нельзя было.

Это случилось и с Аристофаном. Мы очень мало знаем о его жизни, хотя до нас дошло несколько источников, касающихся его биографии; но сведения, сообщаемые ими, и маловажны, и мало достоверны.

Единственный надежный источник – это высказывания самого Аристофана в его пьесах, очень немногочисленные и не всегда понятные нам.

Затем, до нас дошло несколько небольших статей, по большей части анонимных, из византийского времени. Содержание их всех – историко-литературное: 11 статей о комедии вообще, 2 биографии Аристофана. Они помещаются теперь в печатных изданиях комедий Аристофана под общим заголовком *Prolegomena de comoedia*¹.

Кроме того, в рукописях помещены краткие изложения содержания каждой комедии, составленные неизвестными лицами в прозе, называемые «содержания» (*ύλολέσεις*). Сами по себе эти изложения не представляют для нас никакой ценности, но важны находящиеся в них сведения о каждой комедии, восходящие к хорошему источнику – к «Дидакалиям» (*Διδασκαλία*) Аристотеля. В них говорится, когда была поставлена на сцену комедия, какой успех или неуспех она имела, с какими комедиями других авторов она конкурировала, и т. п.

Некоторые сведения о самом поэте или о его произведениях попадают в «схолиях», т. е. в комментариях к тексту комедий, заимствованных из трудов Александрийских ученых: III–I веков до н. э.

Наконец, некоторые сведения можно найти в лексиконе Свида (приблизительно X века н. э.) и в других источниках.

---

¹ См., например, в изд. Бергга, т. I, с. XXIX–XLVII; всего полнее в *Scholia Graeca in Aristophanem*, изд. фр. Дюбнера. Париж, 1841 (и позднее).

«Дидаскалии» Аристотеля не были «сочинением» в собственном смысле; это был сборник сведений о поставленных на сцене афинского театра драмах – официальных сведений, хранившихся в государственном архиве. От себя Аристотель, может быть, даже ничего не прибавлял.

Исполнение драматических, как и лирических, а отчасти и чисто музыкальных, произведений на государственных праздниках в Афинах представляло собою довольно сложное, имевшее свою финансовую сторону и затрагивавшее интересы многих лиц, официальное действие, которое, подобно всякому другому официальному акту, требовало документальной отчетности. Архонт, заведовавший праздником, приказывал записывать имена поэтов и хорегов состязания, названия представленных пьес и имена исполнявших их актеров-протагонистов, т. е. игравших главные роли в пьесе, – может быть, с указанием порядка, в котором судьи оценили пьесы, – и сдавал эти записи на хранение в государственный архив. Когда драматическая поэзия достигла высоты и возбуждала живой интерес к себе, эти документы, носившие название «Дидаскалии», стали вырезывать на камне и выставлять во всеобщее сведение в священном округе Дионисова храма. Значительное количество отрывков документов, относящихся к истории аттической драмы, сохранилось и до наших времен. На таких документах, вероятно, и был основан сборник дидаскалий Аристотеля, представлявший собою, так сказать, летопись драматического искусства в Афинах. Этот труд Аристотеля не сохранился; но до нас дошло довольно много отдельных дидаскалий преимущественно в так называемых *ὑποθέσεις*, т. е. во введениях к сохранившимся трагедиям и комедиям, составленных Аристофаном Византийским, грамматиком Александрийской школы III–II веков до н. э., и другими грамматиками; первоначальным источником этих дидаскалий, без сомнения, был сборник Аристотеля.

Слово *διδασκαλία* происходит от глагола *διδάσκειν* – учить и значит буквально – обучение. Затем оно получило специальное значение: разучивание пьесы с хором и актерами (в Афинах этим обучением занимался сам автор пьесы, почему хор называет его учителем (*διδάσκαλος* или *χοροδιδάσκαλος*); самое представление пьесы; впоследствии отсюда развилось третье значение: отчет о представлении, официальный протокол о нем. Множественное число – *διδασκαλῖαι* – означает сборник таких протоколов, каким и была работа Аристотеля, носившая это заглавие.

До нас дошло 13 отрывков или упоминаний «Дидаскалий» Аристотеля. При помощи «введений» к трагедиям и комедиям, составленных на основании этих «Дидаскалий», можно с значительной степенью вероятности восстановить форму и содержание этих доку-

ментов. В них были следующие части: название праздника, на котором была представлена пьеса; имя архонта, при котором было представление (т. е. указание года представления, так как в Афинах год определялся именем архонта-эпонима); имя автора пьесы и название пьесы, которым при состязании авторов было присуждено первое место, и имя актера; имя автора пьесы и название пьесы, которым присуждено было второе место, и имя актера; имя автора пьесы и название пьесы, которым присуждено было третье место, и имя актера.

Первый вопрос, который должен быть поставлен в биографии, есть, конечно, вопрос о годе рождения и годе смерти писателя. И вот мы на первом же шагу сталкиваемся с затруднением: ни тот ни другой год не передан нам в наших источниках; приходится решать эти вопросы сложным филологическим путем.

Первая комедия Аристофана «Пирующие» (Δαιταλῆς) была поставлена на сцену в 427 г. под именем не самого автора, а некоего Филонида или Каллистрата. Вспоминая об этом своем первом выступлении на театральном поприще, Аристофан через несколько лет говорит в своем обращении к публике (в так называемой «парабазе» комедии «Облака», ст. 530–532): «Я был еще девушкой, и не дозволено было мне еще родить; я подкинул свое дитя, а другая какая-то девушка взяла его, а вы вскормили его хорошо и воспитали» (κάγω, παρθένος γὰρ ἔτ' ἦν κοῦκ ἐξῆν πῶ μοι τεκεῖν, | ἐξέθηκα, παῖς δ' ἔτερα τις λαβούσ' ἀνεύλετο, ὑμεῖς δ' ἐξεθρέψατε γενναίως καὶ παιδεύσατε). Аристофан выражается здесь аллегорически; смысл этой аллегории таков: «Когда я написал свою первую комедию, я был еще очень молод и не мог сам поставить ее на сцену. Поэтому я передал ее другому человеку, и тот поставил ее, а вы своим благосклонным отношением к моему первому произведению воодушевили меня к продолжению литературной работы».

Вот эта фраза и служит почти единственным основанием для определения (приблизительного) года рождения Аристофана. Ход мыслей при этом определении таков. В 427 г. Аристофан был еще очень молод: в таком смысле понимают ученые нового времени здесь слово «девушка»: так понимали, по-видимому, и древние ученые: в схолиях к ст. 501 «Лягушек» сказано, что он «почти мальчишкой» (σχεδὸν μετράκισκος) стал выступать на [драматических] состязаниях. Но тут-то и возникает затруднение: какой возраст надо разуметь под таким аллегорическим термином? Как и следует ожидать, мнения ученых разошлись. Одни полагают, что надо разуметь очень ранний возраст, например лет 17; тогда год рождения Аристофана придется на 444-й до н. э. Другие, основываясь на зрелости политических суждений его уже в первых произведениях, считают невозможным допустить такое раннее выступление его на литера-

турное поприще² и определяют его возраст тогда лет в 24–25; в таком случае его рождение надо отнести к более раннему времени – к 452 или 451 г. Эта дата в настоящее время принимается большинством ученых. Но вполне очевидна шаткость таких предположений; столь же возможно считать годом рождения Аристофана любой год в пределах между 452 и 444, а может быть, даже и еще более ранний. Мне лично кажется, что вернее будет предположить какой-нибудь год поближе к 444-у: если Аристофану в 427 г. было лет 25, то немного странно сравнить 25-летнего мужчину с девушкой! Наконец, еще большую неопределенность вносят в этот вопрос те ученые, которые в слове «девушка» видят указание не на возраст, а на какое-то другое обстоятельство, препятствовавшее Аристофану выступить под своим именем. Так, голландский профессор Леувен (Van Leeuwen) предполагает, что Аристофан был не афинянин по происхождению и что в этом состояло препятствие. Этого вопроса я еще коснусь.

Год смерти Аристофана определяется приблизительно по такому расчету: его комедия «Плутос» была поставлена на сцену в 388 г. После этого были поставлены еще две комедии, не дошедшие до нас, – «Эолосикон» (Αἰολοσίκων) и «Кокал» (Κώκαλος). Из этого можно заключить, что он умер около 380 г.³ Стало быть, он прожил лет 65–70. Из слов самого Аристофана и из биографий византийского времени можно почерпнуть еще некоторые сведения (очень немногие и неважные).

Аристофан был сын афинянина Филиппа из дема Кидафеней (Κυδαθηναίων), человека состоятельного, судя по тому, что Аристофан получил хорошее по тогдашнему времени образование, а также по тому, что Платон в своем диалоге «Пир» помещает его в лучшем афинском обществе. У Аристофана было три сына: Арарот (Ἀραρός), Филипп (Φίλιππος), Филетер (Φιλέταιρος), или Никострат (Νικόστρατος), которые были также писателями комедий. По словам Платона, Аристофан был поклонник Диониса и Афродиты (Ἀριστοφάνης, ὃ περὶ Διόνυσον καὶ Ἀφροδίτην πᾶσα ἢ διατριβή)⁴.

Вероятно, Аристофан нес военную службу, как все граждане. Но участвовал ли он в сражениях, занимал ли какую-нибудь военную или гражданскую должность, выступал ли когда оратором в Народ-

² Нам известно несколько примеров раннего выступления на литературное поприще и других драматургов древности: греческих комиков Евполида и Менандра и римского комика Теренция.

³ Но, конечно, и это заключение ненадежно: Аристофан, может быть, прожил еще много лет, но только он уже более ничего не писал, – по болезни ли или по другой причине.

⁴ См. Платон. Пир, 177 E.

ном собрании, в Совете, в Суде, – обо всем этом мы не находим никаких указаний в наших источниках. Вот и все скудные биографические сведения о нашем поэте.

По сообщению биографов, Аристофан написал 44 комедии, из которых, впрочем, 4 считались в древности подложными. Литературная деятельность Аристофана продолжалась с 427 по крайнюю меру до 386 г., т. е. 41 год. Если он в течение 41 года написал 40 комедий, то следует считать его писателем очень плодовитым: стало быть, он писал в среднем каждый год по одной комедии. Этот факт покажется еще более важным, если сравнить число написанных им комедий с числом написанных его товарищами по профессии: Евполид написал 12 комедий, Кратин – 21, Платон (комик) – 28 и т. д. Правда, у нас нет сведений, сколько лет каждый из них работал, но во всяком случае разница в числе поразительна. Кратин сам сообщает, что комедию «Хироны» (Χείρωνες) он с трудом написал в 2 года⁵. Недаром Аристофан говорит, что сочинение комедий – «дело самое трудное на свете» (καμφδοδιδασκαλίαν εἶναι χαλεπώτατον ἔργον ἀλάντων)⁶. Трагики писали гораздо больше: Эсхил написал 90 драм, Софокл – 123, Еврипид – 92. Оказывается, что творчество трагика было легче, чем творчество комика: в отрывке одной комедии Антифана, автора Средней комедии, приводится и причина этого: у трагика сюжет драмы готов – он берется из мифологических сказаний, а комику приходится придумать всю фабулу⁷. Однако авторы Средней и Новой комедии, в которой фабула пьесы довольно однообразна и шаблонна, были необыкновенно плодовиты; Антифан написал 365 пьес, Алексид – 245 и т. д.

Из комедий Аристофана до нас дошло только 11 и большое количество фрагментов, по большей части мелких, приведенных в цитатах у разных авторов. Сохранившиеся 11 комедий имеют следующие заглавия: «Ахарняне» (Ἀχαρνῆς), «Всадники» (Ἴππῆς), «Облака» (Νεφέλαι), «Осы» (Σφήκες), «Мир» (Εἰρήνη), «Птицы» (Ὀρνιθες), «Лисистрата» (Λισιστράτη – имя главного действующего лица), «Фесмофориазусы» (Θεσμοφοριάζουσαι – Женщины на празднике Фесмофорий), «Лягушки» (Βάτραχοι), «Экклесиазусы» (Ἐκκλησιάζουσαι – Женщины в Народном собрании), «Плутос» (Πλοῦτος – бог богатства). В таком порядке они помещаются в теперешних печатных изданиях, и порядок этот – хронологический. В рукописях они помещаются в другом порядке.

Постановка драматического произведения (как трагедии, так и комедии) на сцену производилась следующим образом. Драматург,

⁵ FCG II, 161; CAF I, 237.

⁶ «Всадники», ст. 716.

⁷ FCG III, 105–106; CAF, II, 191.

желавший поставить на сцену свою пьесу, обращался к архонту, заведовавшему праздником. Архонт, вполне по своему усмотрению, мог разрешить это или отказать. Вероятно, прежде чем изъявить согласие, архонт подвергал пьесу какому-то испытанию (или оценке); но, в чем оно состояло, нам неизвестно. Можно заметить только, что громкая слава поэта не всегда обеспечивала ему разрешение архонта: так, однажды архонт отказал Софоклу; то же случилось однажды и с знаменитым комиком Кратином. Тем более трудно было получить разрешение начинающему поэту, еще ничем не зарекомендовавшему себя. Специальные термины для обозначения этих действий были такие: о поэте – «просить хор» (χορὸν αἰτεῖν) и «получить хор» (χορὸν λαβεῖν); об архонте – «давать хор» (χορὸν δίδοναι). Архонт также назначал поэту хорега, богатого человека, который должен был нести расходы, нужные для постановки драмы, – например на плату актерам и певцам, на костюмы для них, на наем помещения для репетиций и т. д. Трудное дело – обучать актеров и хор – должен был выполнять сам драматург; между прочим, он должен был составить музыку для пения, обучить хор танцам, т. е. быть и режиссером, и композитором, и регентом, и балетмейстером. Техническое выражение для этого – «обучать хор» (χορὸν διδάσκειν), а для самого такого режиссера – «учитель» (διδάσκαλος) или «учитель хора» (χοροδιδάσκαλος). Само собою разумеется, что не всякий драматург мог обладать всеми этими прикладными знаниями. Если он не мог или не хотел заниматься этим делом, то он мог передать его другому лицу, но в таком случае это лицо уже считалось официально и автором пьесы: ему давал архонт хор, под его именем ставилась пьеса, ему шел и гонорар, если пьеса имела успех, ему же доставалась и дурная слава в случае неуспеха ее. Обычай поручать постановку своих пьес другому лицу был весьма распространен как между трагиками, так и между комиками. Так, Еврипид передавал свои пьесы для постановки Демокриту (Schol. Eur. Androm. 445), комик Евполид – Демострату (Athen. V, 216 d), Антифан – Стефану (De comoedia, III, § 14 Bergk), также комик Платон. Это же делал во многих случаях и Аристофан: так, постановку трех первых своих пьес («Пирующие», «Вавилоняне», «Ахарняне») он передал некоему Каллистрату; он же ставил впоследствии «Птицы» и «Лисистрату». Несколько других его комедий («Облака», «Осы», «Лягушки» и не дошедшие до нас «Проагон» и «Амфиарай») поставил Филонид. Кем были поставлены «Фесмофоризасы» и «Экклесиазусы», сведений у нас нет. Таким образом, самим Аристофаном поставлены, насколько нам известно, только «Всадники», «Мир» и «Плутос». Две последние свои комедии, не дошедшие до нас, «Кокал» и «Эолосикон», Аристофан передал для постановки на сцену своему сыну Арароту, который сам был

впоследствии комическим поэтом, чтобы «отрекомендовать его публике»⁴.

Филонид был сам комический поэт; от его комедий сохранилось несколько отрывков. Кто был Каллистрат, неизвестно; всего скорее он был тоже второстепенный комический поэт, — может быть, вместе с тем и актер.

Чем руководился Аристофан, поручая ставить свои комедии другим лицам и этим до некоторой степени передавая им свои авторские права? Относительно этого есть некоторые намеки в комедиях самого Аристофана; но эти намеки далеко не ясны, и потому по этому вопросу учеными нового времени сделано немало догадок. Причины этого могли быть различны в каждом отдельном случае. Относительно причины, почему Аристофан не сам ставил три первые свои комедии, мы имеем свидетельство самого Аристофана в двух местах: в парабазе «Всадников» (ст. 514 и сл.) он говорит, что он не делал это потому, что сочинение комедий есть в высшей степени трудное дело, что характер у афинян очень непостоянный, что даже любимые ими комики, как Магнет, Кратин, Кратет, под старость лишались расположения публики; опасаясь этого, он не решался от своего лица ставить пьесу, сознавая при этом, что для этого необходимо приобретать опытность постепенно, подобно тому как в морском деле, прежде чем управлять кораблем, необходимо пройти низшие должности. В другом месте (уже приведенном выше), в парабазе «Облаков» (ст. 530 и сл.), Аристофан иносказательно, сравнивая себя с девушкой, которой не дозволено было еще родить, говорит, что он подкинул свое дитя, и что его взяла другая девушка. Таким образом, в обоих этих местах причиной передачи своих трех первых комедий другому лицу Аристофан выставляет свою неопытность в театральном деле и происходящую от этого нерешительность.

Эти причины, конечно, не могли действовать впоследствии, когда Аристофан, став знаменитостью, тем не менее пользовался услугами тех же лиц при постановке своих пьес. Об этих причинах Аристофан нигде не говорит, но можно догадываться, что он не желал нести этот тяжелый труд, но предпочитал сохранять время для дальнейших своих работ, предоставляя гонорар другому лицу.

Вопрос об этих подставных лицах сам по себе неважен для суждения об Аристофана и его творчестве; но с этим вопросом связан другой вопрос, касающийся его жизни и занимавший много места в литературе нового времени об Аристофана. Этот вопрос возник по поводу трех мест в комедии «Ахаряне». В ст. 377–382 Дикеополь говорит: «Я сам помню, что мне досталось от Клеона из-за прошло-

---

⁴ Argumentum Pluti. Prolegomena de comoedia, XII, § 12, Bergk.

годней комедии [т. е. «Вавилонян»]: он втощал меня в Совет, клеветал, изрыгал ложь на меня, бушевал, срамил, так что я едва-едва не погиб, утопая в этой грязи». В ст. 502–503 Дикеополь говорит: «ведь теперь не будет клеветать на меня Клеон, что я в присутствии чужих дурно отзываюсь о нашем городе». В ст. 630–631 хор в парабазе повторяет эту мысль: «[наш учитель], оклеветанный врагами перед афинянами, скорыми на решения, будто он осмеивает наш город и оскорбляет народ...»

Из этих мест видно, что Клеон привлек к суду кого-то за оскорбление государства и народа афинского в комедии «Вавилоняне», и притом в присутствии чужих. Это надо понимать в том смысле, что комедия «Вавилоняне» была поставлена в праздник Великие Дионисии, когда в Афины съезжались союзники для уплаты денежных взносов («форос»). Они присутствовали и на представлении комедии «Вавилоняне», в которой были осмеяны должностные лица афинские, в том числе и Клеон, и было указано на жестокое обращение демагогов с союзниками.

Так как «Вавилоняне» были поставлены на сцену не самим Аристофаном, а Каллистратом, то является вопрос, кого привлек к суду Клеон – Аристофана или Каллистрата? Официально, пред лицом государства, автором комедии должен был считаться Каллистрат: он просил хор у архонта на свое имя; поэтому он же должен был и нести ответственность за содержание комедии. На основании этого ученые, решающие этот вопрос прямолинейно, со строго юридической точки зрения, полагают, что Клеон привлек к суду Каллистрата. Этой же точки зрения держался и древний схолиаст к стиху 1285 «Ос», который указывает, что привлечен был Каллистрат. Но невольно напрашивается сомнение: так ли было на практике? В Афинах, где жители знали друг о друге иногда самые интимные факты, конечно, было известно, что истинным автором комедии был Аристофан. Сам Аристофан едва ли мог быть заинтересован в том, чтобы скрывать свое авторство: если бы его авторство было облечено непроницаемой тайной, он не мог бы достигнуть известности.

Если же было известно, что автор «Вавилонян» – Аристофан, то странно было бы, что Клеон набросился на Каллистрата, подставное лицо, а самого автора оставил в покое лишь на основании юридических формальностей. Ввиду всего этого кажется более правдоподобным, что в приведенных выше местах «Ахарнян» речь идет не о Каллистрате, а об Аристофане: в двух местах (ст. 377–382 и 502–503) говорит Дикеополь как бы от своего лица о нападении на него со стороны Клеона; публика, конечно, понимала, что упоминаемый им факт относился не к актеру, игравшему роль Дикеополя, а к кому-то другому. К кому же? Скорее, конечно, к автору, раз он был

уже известен, чем к режиссеру. Хор (в ст. 630–631) называет потерпевшее лицо своим «учителем»: это название могло относиться и к автору, потому что слово «учить» (διδάσκειν) употреблялось и об авторе⁹.

В схолиях к ст. 378 «Ахарнян» и в «Биографии Аристофана» (с. XLIV изд. Бергка) сказано, что Клеон возбудил судебное преследование против Аристофана по поводу будто бы его иностранного происхождения (ξένιος) и что вообще некоторые считали его уроженцем о. Родоса или Эгины. Есть ли правда в этом сообщении, мы не знаем; сам Аристофан о таком судебном процессе не упоминает. Во всяком случае, если даже такое обвинение было предъявлено ему, оно оказалось лживым, и Аристофан был оправдан, как видно уже из того, что он впоследствии ставил комедии от своего имени; а обвинения в иностранном происхождении, т. е. в том, что человек незаконно пользуется правами афинского гражданина, были в то время очень часты.

Греки уже в древнейшие времена, когда слагались Гомеровские песни, смотрели на миссию поэта с возвышенной точки зрения, как на миссию божеского посланника, избранника неба и носителя божественного откровения. Его обычные эпитеты в эпосе – «божественный» (θεῖος), «слуга Муз» (Μουσάων θεράπων). От его песен слушатели ожидали не одного лишь «чародейства сладких мыслей», но и серьезной мысли, поучения. Недаром мусические агоны были частью наиболее чтимых религиозных празднеств, недаром словесные произведения с древнейших пор подлежали строгой цензуре общества. И в Афинах драматические представления были не простой забавой, развлечением, но составляли часть религиозных праздничных действий. Аристофан также смотрел на миссию поэта как на очень важную деятельность, которая должна принести пользу обществу. Так, в комедии «Лягушки» на вопрос Эсхила, за что следует уважать поэта, Еврипид отвечает: «За искусство и поучение, и за то, что людей в государствах мы делаем лучшими»¹⁰. В этой же комедии Эсхил упрекает Еврипида за то, что он вывел в трагедии «Гипполит» безнравственную Федру. В свое оправдание Еврипид говорит: «Да разве я сочинил этот рассказ о Федре? Вель он существовал раньше меня». На это Эсхил возражает: «Да, этот рассказ существовал. Но поэт должен скрывать дурное и не представлять его на сцене. У детей есть учитель, который наставляет их, а у взрослых поэты; поэтому мы должны говорить полезное»¹¹. По-видимому, та-

⁹ Например, в лексиконе Фотия, с. 499, 1, сказано: τοὺς δὲ Βαβυλωνίους ἐδίδαξε διὰ Καλλιστράτου Ἀριστοφάνης.

¹⁰ Ст. 1009–1010.

¹¹ «Лягушки», ст. 1054–1056.

кого же мнения о поэтах держались и другие. Сократ у Платона говорит, что поэты «для нас как бы отцы и вожди мудрости»¹². Гораций видит в древней аттической комедии вообще цензора нравов¹³.

Аристофан с самого начала своей литературной деятельности принял на себя роль наставника своих сограждан и никогда уже не забывал ее. В противоположность большинству римских сатириков, которые бичевали *vitia hominum* – пороки людей, Аристофан избрал главной мишенью своих насмешек *vitia civium*, т. е. слабости, увлечения и страсти афинских граждан как таковых, – во всей ли их совокупности, т. е. всего Афинского государства, или отдельных лиц.

Аристофан – любитель старины. С большой ясностью у него выступает тяготение к славному прошлому времени Афин, ко времени «Марафонских бойцов», героев великой национальной борьбы греков с персами. С этой точки зрения смотрит он и оценивает людей и события своего времени и всегда находит, что прошлое было лучше настоящего. Но такое воззрение не есть личная черта Аристофана; оно свойственно всем авторам Древней комедии; мало того, оно свойственно было и очень многим афинянам того времени. Стремление их во время Пелопоннесской войны к «отеческому государственному строю», в сущности обусловлено было этой высокой, может быть даже преувеличенной, оценкой старины.

С этой точки зрения Аристофан и критиковал современную афинскую действительность: политику внутреннюю и внешнюю, суд, воспитание и образование, литературу, искусство, отношение к войне, отношение к союзникам и т. д.

Первый вопрос, которым мы должны заняться, – это выяснить политические взгляды Аристофана. Он сам нигде не высказывает их устами какого-нибудь действующего лица; нам приходится самим выяснить их путем разных догадок.

Мы видим ясно, что он относился отрицательно к современной ему демократии. Опять-таки это не личное его воззрение: все авторы Древней комедии держались этого мнения. На основании этого многие считают Аристофана аристократом, приверженцем олигархии. Но это – ошибка, основанная на неправильном умозаключении; если Аристофан был противником демократии, то, значит, он был приверженцем олигархии. Между тем в представлении Аристофана современная ему демократия противопоставлялась демократии же, но демократии прежней, демократии эпохи Марафонских бойцов. Правильное умозаключение должно быть таково: Аристофан – противник современной ему (радикальной) демократии (или охлократии); поэтому надо думать, что он был приверженцем прежней, старинной

---

¹² Платон. Лисид, 214 А.

¹³ Гораций. Сатиры, I, 4, 1–5.

(умеренной) демократии. Эта старинная демократия, вероятно, и есть тот «отеческий государственный строй», который, как уже сказано, представлялся идеальным в эпоху Пелопоннесской войны.

Что Аристофан не был сторонником олигархии, а сторонником демократии, это можно видеть из его комедии «Всадники» (424 г.), в которой он ясно показал свое политическое credo. В этой комедии афинский народ выведен под видом Дема, выжившего из ума старика, безвольного, слепо подчиняющегося во всем своему рабу – Пафлагонцу, под которым разумеется всесильный тогда демагог Клеон. Оканчивается комедия тем, что Колбасник – Агоракрит сварил в котле старика, и к нему вернулась вновь его молодость: он стал таким, каким был лет шестьдесят или семьдесят назад, в славные времена Марафона, и даже одет в старинный афинский костюм конца VI или начала V века, времен Аристида или Мильтиада. Если снять с этого изображения аллегорическую форму, то получим вполне ясное изображение политического идеала Аристофана: это – демократия эпохи Марафона, Мильтиада и Аристида, т. е. тот же «отеческий государственный строй», который носился в воображении афинской интеллигенции времени Пелопоннесской войны. Надо обратить внимание на то, что в результате волшебного действия над Демом получается не какая-нибудь другая фигура в виде, например, «Олигархии», но опять-таки «Демос», только в омоложенном, очищенном виде. Чем же отличается этот старинный Демос от современного? Главное зло современной демократии, по мнению Аристофана, как видно из всего содержания комедии «Всадники», заключается в демагогах; их не должно быть в очищенной демократии: омоложенный Дем в конце пьесы удаляет от себя Пафлагонца – Клеона. Если взглянуть внимательно в содержание комедии, то бесспорно придется прийти к заключению, что критикует она не самый строй, а лишь недостойных агентов строя, недобросовестных магистратов, подкупных ораторов, сикофантов и казнокрадов, и что никогда ни Аристофан, ни другие комики не говорят против демократии как таковой, не требуют ее свержения. Напротив, они берут народ под свою защиту, изображая афинский демос обманутым корыстной хитростью тех, кому неосторожно доверил он свое благополучие. Народ слишком снисходителен и доверчив, его легко провести – вот мотив, постоянно встречающийся в Древней комедии. Таким образом, здесь перед нами политическая программа не только Аристофана, а целого литературного жанра.

О демократизме Аристофана можно заключить и по тому, что он преследует известных олигархов столь же язвительно, как и ненавистных ему демагогов; он бранит постоянно софистов и их учения, которые находили наиболее приверженцев не в простом народе, а именно

между аристократами; он издевается над «золотой молодежью» Афин, наиболее склонной к «лаконизму» и враждебной к демократии. Вся комедия «Облака» посвящена критике Сократа, в котором он видел тоже софиста, и учениками которого были главным образом молодые люди высших классов; если бы сам Аристофан принадлежал к этому классу, он не был бы таким ярким противником Сократа; а в данном случае Аристофан оказался духовным предтечей официальных обвинителей Сократа – демократов Мелета и Анита. Затем, не только сын Стрепсиада, Фидиппид, один из представителей золотой молодежи, но и жена Стрепсиада – из знатного аристократического рода – изображена только отрицательными чертами.

Насмешка над пассивностью легковверного народа у Аристофана лишена сатиры. Шутка здесь остроумна, забавна, но по существу добродушна. Совсем иного рода насмешки и нападки Аристофана на тех, кто обманывает народ. Тут насмешка становится злой. В первую очередь она направляется на демагогов, вершителей народных постановлений, морально ответственных за декреты, на руководителей политической партии, в тот или другой момент господствующей в Народном собрании. (О господстве демагогов после Перикла сказано уже в историческом очерке). Аристофан также видел в демагогах властителей Народного собрания. В комедии «Мир» представлен разговор между Гермесом и героем пьесы Тригеем. Гермес рассказывает, о чем его спрашивала богиня Мира. «Послушай, – говорит Гермес, – о чем она сейчас меня спросила: в чьей власти теперь камень на Пниксе?» Тригей отвечает: «Гипербол теперь владеет этим местом». Богиня Мира (статуя) при этом отворачивает голову. «Что ты делаешь? – продолжает Тригей, – куда ты поворачиваешь голову?» – «Она отворачивается от народа, – говорит Гермес, – рассердилась, что он взял себе такого скверного попечителя»¹⁴.

Наиболее ненавистным демагогом для Аристофана был Клеон; его громит Аристофан в комедии «Всадники». (Об отношении Аристофана к Клеону сказано ниже в статье «Аристофан и Клеон»).

В доказательство демократизма Аристофана следует указать еще на тот факт, что симпатичными Аристофану героями его комедий являются представители аттической трудовой деревни, мелкие земледельцы: Дикеополь (в «Ахарнянах»), Тригей (в «Мире»), Хремил (в «Плутосе»), даже Стрепсиад (в «Облаках») – бережливый деревенский хозяин, хотя и женившийся на аристократке, но с восторгом вспоминающий деревенскую жизнь. Этот тип сельского хозяина, сидящего на земле и лично занимающегося сельскими работами, отчасти собственными руками, отчасти с помощью рабов, всецело

---

¹⁴ «Мир», ст. 679–684.

пользуется симпатиями Древней комедии. Стрепсиад, например, могущий тратить довольно крупные суммы на прихоти жены и сына, тем не менее с удовольствием вспоминает, как он сам гонял коз, одетый в кожух, и желает, чтоб и его сын, выросши, занимался этим же делом¹⁵.

Несмотря на явную любовь Аристофана к старине, было бы несправедливо назвать его ретроградом. Он нередко выдвигает в своих комедиях совсем новые мысли, совершенно чуждые древним Афинам и сближающие его идейно с новым миром. Новым, совсем не похожим на «заветы предков» призывом звучит, например, в «Мире» «панэллинская» идея всеобщего мира, который, как он верил, должен был отныне сменить взаимные распри и вечные войны между отдельными греческими общинами, Столь же новым было его отношение к женщине, выраженное отчасти в «Экклесиазусах», но еще более в «Лисистрате», где он жестоко высмеял идущее от стародавних времен и прочно укоренившееся в античном мужском сознании рядового афинского обывателя твердое убеждение в превосходстве мужчины над женщиной. Он ясно дает понять всю необоснованность мужского пренебрежительного отношения к женщине, неспособной будто бы разбираться в вопросах политики. А по своей духовной стойкости и нравственной выдержке женщина в этой комедии поставлена Аристофаном даже выше мужчины. Такие воззрения выдвигают Аристофан в число наиболее передовых писателей той эпохи.

Как уже было сказано, Аристофан не ограничивался критикой только внутренней государственной политики; его комедии касались и разных других сторон афинской жизни. Так, вопросу о вреде нового воспитания и софистического образования посвящены всецело комедии «Пирующие» (не дошедшая до нас), «Облака», «Женщины в Народном собрании»; есть упоминание об этом и в других, например в «Ахарнях». Об ухудшении литературы, особенно в драмах Еврипида, говорится в комедиях «Лягушки», «Женщины на празднике Фесмофорий», отчасти в «Ахарнях». Недостатки афинского суда и страсть афинян к сутяжничеству осмеиваются в комедии «Осы». Экономические теории о бедности и богатстве рассматриваются в комедии «Плутос» (или «Богатство»).

Но на протяжении всей литературной деятельности занимал Аристофана вопрос о войне. И это вполне естественно: как видно из «Исторического очерка» эпохи Аристофана, его литературная деятельность от начала и почти до конца совпала с тяжелой войной,

---

¹⁵ Обыкновенно называют людей такого типа у Аристофана крестьянами; но они более подходят к типу наших старинных мелкопоместных дворян и однодворцев: у них были тоже в небольшом числе крепостные, как у героев Аристофана, тогда как у наших крестьян ничего подобного не было.

окончившейся полным разгромом его родины. Само собою разумеется, что события войны производили глубокое впечатление как на всех афинян, так и на самого Аристофана. Можно только удивляться, как мог он и другие комики при такой, например, катастрофе, как поражение афинян в Сицилии, писать комедии и как могли зрители слушать их и смеяться.

Как мы видели уже, население Аттики по-разному относилось к войне: горожане были сторонниками войны, сельское население было против войны. Методом ведения войны, которого держались Перикл и отчасти следовавшие за ним демагоги и по которому Аттика предоставлялась неприятелям на разорение, были все недовольны. Так как Аристофан, как и вообще Древняя аттическая комедия, всецело симпатизировал сельскому населению, то вполне естественно, что и отношение Аристофана к войне и к демагогам – поджигателям войны было глубоко отрицательное. Фукидид видит истинную причину Пелопоннесской войны в том, что «афиняне своим усилением стали внушать опасение спартамцам и тем вынудили их начать войну»¹⁶. Теперешние историки считают ее неизбежной и находят, что причины войны заключались отчасти в социально-политических противоречиях между Спартой и Афинами – именно в борьбе олигархии и демократии, отчасти в том, что экономические потребности влекли афинян на Ионическое море, в Сицилию и Италию, для получения оттуда сырья, особенно хлеба, и для сбыта туда продуктов своей промышленности; а такое продвижение афинян поставило бы Спарту и ее пелопоннесских союзников в положение окруженных почти со всех сторон владениями афинян и их союзников.

Если бы Аристофан считал эту войну неизбежной и признавал указанные сейчас причины ее, может быть, тогда он не ратовал бы так против нее в своих комедиях. Но мнение тогдашней публики о причинах войны было совершенно другое, и Аристофан, по видимому, разделял его и считал войну почти личным делом Перикла, как бы капризом его, и потому так настаивал на прекращении ее и заключении мира.

Аристофан бросает Периклу прямое обвинение. В «Мире» Гермес рассказывает земледельцам, как исчезла богиня Мира»¹⁷. Причиной войны было несчастье Фидия (именно то, что Фидий был обвинен в краже золота, данного ему для статуи богини Афины, и заключен в тюрьму, где и умер). Перикл, боясь подвергнуться той же участи, как его друг, разжег такую войну, что от дыма заплакали все эллины. Не было никого, кто прекратил бы пожар, и богиня Мира стала исчезать. Когда союзники увидели, что Афины и Спарта оскалили зубы

¹⁶ Фукидид, I, 23, 5.

¹⁷ См. «Мир», ст. 603–648.

друг на друга, то, боясь налогов, стали придумывать средства повредить Афинам, и подкупали влиятельных людей в Спарте. Те ухватились за войну, хотя и для их земледельцев война была бедствием. Афинские земледельцы, сойдясь из деревень в город, смотрели с надеждой на ораторов; но ораторы, видя страдания и нужду бедных, все-таки отгоняли богиню Мира криками, хотя она не раз сама являлась, тоскуя по Аттике. Они притесняли богатых союзников, обвиняя их в приверженности к Спарте; тогда и вы рвали их, как собачонки. Союзники, видя Удары, сыпавшиеся на них, старались заткнуть золотом рты ораторам. Ораторы богатели, а Эллада опустела. Виновником всех этих бед был кожевник Клеон.

Другой рассказ о причине войны, еще более порочащий Перикла, Аристофан приводит в «Ахарниях» (ст. 524–539). Дело будто бы произошло так, как говорит там Дикеополь. Молодые афиняне в пьяном виде похитили мегарскую девку Симефу; в отместку за это мегаряне похитили двух афинских девок у Аспасии; и вот из-за трех девок разразилась война между эллинами. Перикл-олимпиец в гневе метал перуны, громы, приводил в смятение Элладу, постановлял законы против мегарян. Мегаряне просили спартанцев об отмене этого постановления из-за девок. Спартанцы не раз просили, а мы не хотели. И вот из-за этого начался стук щитов.

Вероятно, оба эти рассказа – какие-то городские сплетни. Такой серьезный историк, как Фукидид, даже не упоминает их. Но позднейшие историки, как, например, Плутарх¹⁸, приводят их, не выражая сомнения в их неправдоподобности. А если так, то возможно предполагать, что и Аристофан верил им или по крайней мере делал вид, что верит, и для большей убедительности своей пропаганды против войны приводил их в своих комедиях. Вообще говоря, писатели Древней аттической комедии – и Аристофан в этом отношении не составляет исключения – перед шаржем и карикатурой не останавливались никогда.

В таком же смысле высказывается о Перикле и историк – академик А. И. Тюменев: «Чувствуя, что почва под его ногами начинает колебаться, и не видя иного выхода, Перикл для спасения своего положения решился на крайнее средство, к которому в подобных случаях обычно прибегали и прибегают правители всех времен и народов. Он сам своим вызывающим образом действий провоцировал войну с пелопоннесскими государствами, надеясь, очевидно, шумом военных действий и сосредоточением общественных интересов на вопросах внешней политики отвлечь общее внимание от не-

---

¹⁸ См. Плутарх. Перикл, гл. 30–32.

благоприятно для него сложившихся обстоятельств внутренней жизни Афин.

Так по капризной игре случая именно крайне осторожный и предусмотрительный Перикл оказался главным виновником войны, поставившей на карту все благосостояние Афин и в конце концов имевшей такое роковое значение в их истории»¹⁹.

Проповеди мира у Аристофана посвящены всецело три комедии: «Ахарняне», «Мир» и «Лисистрата», да, кажется, и загадочная фабула «Птиц» скорее всего может быть объяснена стремлением Аристофана указать соотечественникам на опасность таких предприятий, как завоевание Сицилии, и предостеречь их от увлечения заманчивыми проектами разных авантюристов.

Ту же цель – проповедь мира – преследовала и не дошедшая до нас комедия Аристофана «Грузовые суда» (Ὀλκίβες), как сказано во вводной статейке к комедии «Мир». Там же сказано, что «не один Аристофан советовал мир, но и многие другие поэты».

---

¹⁹ Академик А. И. Тюменев. Очерки экономической и социальной истории древней Греции, 1920–1922, т. II, стр. 151.

ПЕРВЫЕ ДВЕ КОМЕДИИ АРИСТОФАНА

А

ристофан начал свою литературную деятельность не дошедшей до нас комедией «Пирующие» (Δαιταλῆς). Она была поставлена на сцене в 427 г. от имени Филонида или Каллистрата. С какими пьесами она конкурировала, неизвестно. Удостоена была награды второй степени.

Слово δαιταλῆς есть имен. падеж множ. ч. от δαιταλεῖς. Оно означает «пирующие», но не всякие пирующие, а пирующие с религиозной целью. В Афинах были религиозные общества, члены которых назывались θιασῶται – особенно чтившие какое-нибудь божество. Одно из таких обществ составляли Δαιταλῆς, почитатели Геракла. В каждом деме было такое общество, состоявшее из 12 человек, выбравшихся из уважаемых афинских граждан, которые в известный день устраивали религиозное пиршество в честь Геракла и могли приводить на него и своих сыновей.

Темой комедии был вопрос о воспитании (как впоследствии в «Облаках»), причем прославлялось старинное воспитание в противоположность новому. От этой пьесы сохранилось 47 небольших отрывков¹. В их числе есть такая сцена, проливающая некоторый свет на содержание пьесы.

Отец, имеющий двоих сыновей, одного, живущего с ним в деревне и получившего старинное воспитание, а другого, воспитанного в городе в модном, софистическом духе, предлагает этому второму объяснить значение двух Гомеровских «глосс», т. е. слов, вышедших из употребления в аттическом диалекте: κόρυμβα и ἀμενηνὰ κάρηνα. Сын, по-видимому не изучавший Гомера (который служил главным предметом образования в старинных школах), но зато знавший юридический язык (который, вероятно, изучался у софистов), с своей стороны предлагает своему деревенскому брату объяснить два старинных юридических термина из законов Солона: ἰδυίους и ὀτυίειν. Аристофан, вспоминая об этой пьесе в парабазе к «Облакам», называет хорошего сына «благодетелем» (σώφρων) другого – «развратным» (κατάλυον). Вероятно, к характеристике второго относится один из фрагментов (CAF, 216): «Не этому научился он, посланный

---

¹ CAF, т. I, с. 439–464.

мною в школу, но пить, петь скверные песни, научился сиракузскому столу, сибаритским пирам, питью лаконских чарок».

В следующем (426) году на празднике Великие Дионисии (в марте или апреле) Аристофан поставил на сцену вторую свою комедию — «Вавилоняне» (Βαβυλώνιοι), также от имени Каллистрата. Это была пьеса вполне политического характера. Кто конкурировал с Аристофаном и на каком месте была поставлена эта пьеса при конкурсе, неизвестно. До нас она не дошла; сохранилось лишь 36 мелких отрывков².

Тема комедии изложена кратко самим Аристофаном в парабазе комедии «Ахарняне»³.

Вот какие сведения (очень немногие) можно извлечь из указанных сейчас источников. Аристофан упрекал своих соотечественников за то, что они, веря лживым речам иностранных послов, подвергают себя опасностям войны. Здесь разумеется, вероятно, вмешательство афинян в дела Сицилии в 427 г., когда афиняне, под влиянием речи Горгия, явившегося в Афины в качестве посланника от сицилийского города Леонтины, решили послать им на помощь флот против Сиракуз. Но главной темой комедии было то, что автор (в присутствии союзников) осмелял афинских должностных лиц, как «получивших должность по жребию, так и выбранных поднятием рук, в том числе и Клеона, и указал на тяжелое положение союзников под гнетом афинян. Это послужило Клеону поводом привлечь Аристофана к суду за оскорбление государства в присутствии союзников. Об этом процессе подробнее сказано в статье «Биография Аристофана».

Название «Вавилоняне» дано этой пьесе потому, что хор ее, состоял из рабов, вероятно этой нации, под которыми надо было разуместь союзников афинских.

«АХАРНЯНЕ»

Комедия «Ахарняне» (Ἀχαρνῆς) была поставлена на сцену в праздник Леней (в январе или феврале) 425 г. Она была удостоена награды первой степени, и таким образом одержала победу над конкурировавшими с ней комедиями Кратина и Евполида. Это была третья (хронологически) пьеса Аристофана.

Постановку этой комедии (как уже указано в статье «Биография Аристофана») Аристофан передал Каллистрату. Древний литературный критик (вероятно, Аристофан Византийский, III–II вв. до н. э.) оценивает ее как одну из «очень хороших» (τῶν εὖ σφόδρα λελοιοῦμένων) во вводной статейке к «Ахарнянам».

² См. САФ, т. I, с. 408–416.

³ Ст. 502–503, 630 и сл.; см также схолии к ст. 377 «Ахарнян».

Политическое положение Афин в это время было такое. Изнурительная Пелопоннесская война продолжалась уже 6-й год. Каждое лето, начиная с 431 г. (за исключением 429 и 426 гг.), спартанцы делали опустошительные вторжения в Аттику. Сельское население все было скучено в городе и жило где попало, терпя нужду. Кроме того, начиная с весны 430 г. с небольшим перерывом в городе свирепствовала эпидемия, уносившая множество жертв и прекратившаяся незадолго до постановки на сцену «Ахарнян». Потери людьми были огромны; остро ощущался недостаток продовольствия в городе; сады и поля Аттики были разорены.

Народ был озлоблен против спартанцев, тем более, что демагоги из личных выгод старались поддерживать это настроение у народа. Особенно ожесточены были ахарняне, жители дема («волости») Ахарны, находившегося в близком расстоянии к северу от Афин. Это были крестьяне, по профессии главным образом угольщики, люди крепкие, поставлявшие афинской армии три тысячи тяжело-вооруженных воинов. Их область особенно сильно пострадала от нашествий спартанцев, и у них поэтому национальная вражда к спартанцам еще более усилилась из-за выпавших на их долю бедствий. По этой причине Аристофан и выбрал их для хора своей пьесы.

Мысль, проводимая Аристофаном в этой комедии, вполне определена: он призывает своих соотечественников скорее заключить мир со Спартой. Иными словами, эта комедия направлена против всесильного тогда демагога Клеона и возглавлявшейся им партии, настойчиво требовавшей энергичного продолжения войны.

Действующих лиц в комедии «Ахарняне» много, но большая часть играет лишь очень малую роль. Главные лица – Дикеополь и Ламах.

Дикеополь (Δικαιοπόλις) – лицо не историческое; имя его означает «честный гражданин». Это – сельский хозяин, какими являются многие герои Аристофановых комедий, человек, одаренный простым, но здоровым умом, – тип, наиболее симпатичный Аристофану. Он представлен как заклятый враг войны и тех людей, которые желают продолжения ее.

Ламач (Λάμαχος) – историческое лицо; это – известный полководец афинский во время Пелопоннесской войны; он пал в сражении на походе афинян в Сицилию в 414 г.

Аристофан изображает его как сторонника войны и через это как полную противоположность Дикеополю, а потому выводит его в карикатурном виде и в «Ахарнянах» и в «Мире». Но после смерти его, в «Фесмофориазусах» (ст. 841) и в «Лягушках» (ст. 1039), он упоминается Аристофаном как герой.

Хор состоит из крестьян дема «Ахарны», по имени которых и комедия получила свое название.

Содержание «Ахарнян» в общих чертах таково. Действие открывается картиной бестолкового народного собрания на Пниксе. Некто Амфитей заявляет, что боги поручили ему одному заключить перемирие со спартанцами. Но пританы не дают ему говорить. Против этого протестует Дикеополь. Он поручает Амфитею заключить сепаратный мир со Спартой для него одного, Дикеополя. Слух о его измене распространился, и на него нападают крестьяне Ахарнского дема, угольщики, страшно озлобленные на спартанцев. В длинной, горячей речи Дикеополь говорит ахарнянам, что ему не меньше их ненавистны спартанцы, но вместе с тем он старается доказать им, что виновниками войны являются не спартанцы, а сами афиняне. Тогда среди ахарнян происходит раскол: одна половина склоняется на доводы Дикеополя, другая продолжает упорствовать и зовет на помощь стратега Ламаха, убежденного сторонника военной партии. Ламах вступает в пререкания с Дикеополем, но Дикеополь осмеивает его. Тогда и вторая половина ахарнян переходит на его сторону. Противники расходятся по домам. Ламах готовится к новому выступлению в поход, а Дикеополь посылает вражеским государствам – пелопоннесцам, мегарцам и беотийцам – предложения вступить с ним в торговые сношения. В результате этого Дикеополь беспрепятственно закупает сперва у мегарского, а потом у беотийского крестьянина привезенные ими на его базарную площадь продукты. В конце комедии опять показаны зрителям оба противника: Ламах тяжело страдает от раны, полученной на войне, а Дикеополь, сытый, подвыпивший, торжествует и в сопровождении хора, перешедшего теперь целиком на его сторону, отправляется под руку с двумя красивыми куртизанками продолжать за сценой веселый кутеж.

В эту политическую основу комедии вставлена эпизодическая сцена, имеющая темой литературную критику. Говорить перед ахарнянами в защиту спартанцев Дикеополь хочет в возможно более жалком внешнем виде. Для этого он выпрашивает у Еврипида нищенский костюм и разные такого рода принадлежности Телефа, главного действующего лица Еврипидовой (не дошедшей до нас) трагедии «Телеф», и различных персонажей из других драм Еврипида. Вся эта сцена в «Ахарнянах» (ст. 395–479) есть пародия на соответствующую сцену в трагедии Еврипида. Эту же трагедию выбрал Аристофан для осмеяния много лет спустя в комедии «Фесмофоризасусы».

«ВСАДНИКИ»

Комедия «Всадники» (Ἰππῆς) была поставлена на сцену в праздник Леней (в январе или феврале) 424 г. – на следующий год после представления «Ахарнян». Это была первая пьеса Аристофана, которую он ставил сам под своим именем. Она была удостоена награды первой степени и таким образом одержала победу над конкурировавшими с ней комедиями Кратина и Аристомена.

Пелопоннесская война, продолжавшаяся в это время уже седьмой год, приняла, казалось, более благоприятный оборот для Афин. После удачного занятия Сфактерии Клеоном и торжественного его возвращения в Афины (в конце августа 425 г.) ему предоставлены были почетные награды – пожизненный обед в пританее и первое место в театре. На следующий (424/423) год он был выбран даже в стратеги. (Подробности событий этого времени см. выше в обзоре истории Греции с 479 по 387 г.).

В очень скором времени после этого (в первой половине сентября 425 г.) афиняне под начальством Никия предприняли морем поход в Коринфскую землю. Этот поход не имел важных последствий; но во время его оказалась полезной афинская конница, перевезенная на грузовых судах. Это обстоятельство, может быть, и дало повод Аристофану дать своему новому произведению название «Всадники»; их он прославляет в ст. 595–610.

Название большей части комедий Аристофана происходит от состава хора их: так, в «Ахарнянах» хор состоит из ахарнян, в «Облаках» из облаков; то же в «Осах», «Птицах», «Фесмофориазусах», «Лягушках». Подобным образом и название «Всадники» эта комедия получила оттого, что хор ее состоит из афинских всадников. Но в самом действии хор принимает мало участия; комедия всецело направлена против Клеона. Аристофан и раньше – в «Вавилонянах», и позднее – в «Осах», напал на Клеона, но в этих пьесах это были выпады лишь против отдельных мероприятий его политики, а во «Всадниках» подвергнута ожесточенной критике его демагогическая политика вся в целом.

Клеон был в это время на высоте могущества. Аристофану нужно было иметь необыкновенное мужество, чтобы выступить открыто против всесильного демагога. Аристофан знал это и не скрывает этого. Как он сам говорит, Клеон был так страшен всем, что ни один мастер даже не решился сделать его маску, никто не решился играть его роли в этой пьесе, и самому Аристофану пришлось играть эту роль без маски, лишь вымазав краской себе лицо; вероятно, по этой же причине Аристофан поставил эту комедию под своим именем (а не чрез Каллистрата, как предыдущую). Об опасности осмеивать

Клеона Аристофан сам говорит в последующих комедиях⁴. Задумана была эта комедия Аристофаном еще раньше важных событий 425 г.: вероятно, ее он имеет в виду, когда говорит в «Ахарнях» (т. е. в феврале 425 г.) устами хора: «Я разрежу Клеона на подошвы всадникам» (ст. 301).

В этой комедии 5 действующих лиц: Дем, три раба его, колбасник; к числу действующих лиц надо отнести также хор.

Дем есть олицетворение афинского демоса. Он представлен в виде старика-хозяина, глупого, суеверного, глуховатого, капризного, раздражительного. Из его рабов выведено трое, из которых двое не имеют имен, а третий называется то *Пафлагонцем*, то *Кожевником* (торговцем кожами). Под анонимными рабами понимаются афинские полководцы – Демосфен и Никия, под Пафлагонцем или Кожевником – Клеон. Пафлагонцем назван Клеон или потому, что это слово есть как бы производенное от глагола *παφλάζειν* – бурлить, кипеть (о бурном море или кипящей воде) и указывает на громкий голос и бурную речь его, или потому, что рабы из Пафлагонии (в Малой Азии) считались самыми скверными рабами. Кожевником назван Клеон потому, что он был владельцем кожевенной фабрики. Пафлагонец – бессовестный плут и лгун. Лестью и подхалимством он вошел в милость к хозяину, у которого он пользуется полным доверием, который поставил его управляющим над всем хозяйством, дал ему неограниченную власть над всеми другими рабами.

Колбасник (торговец колбасой) – грубый нахал, без всякого образования.

Хор состоит из всадников афинских (*ἰπλιῆς*). Это слово в Афинах имело два значения: им обозначается второй класс по конституции Солона – именно класс граждан, получавших не менее 300 медимнов (мер) хлеба в год; этим словом обозначается также афинская конница, в которой могли служить не только граждане второго класса, но и граждане первого класса, получавшие не менее 500 медимнов хлеба в год. Вернее понимать слово «всадники» в этой комедии во втором смысле, так как в ст. 225 сказано, что их число – тысяча, а во втором классе число граждан не было ограничено какой-либо цифрой. Как в том, так и в другом случае это были аристократы, афинская золотая молодежь, ненавидевшая Клеона как демагога и равно ненавистная ему.

Содержание «Всадников» следующее. Действие происходит перед домом Дема и открывается разговором двух безыменных рабов (т. е. Демосфена и Никия). Они с горем жалуются на свою судьбу. Хозяин (Дем) предоставил всю власть в доме недавно купленному рабу-

⁴ См. «Облака», ст. 549 и сл., «Осы», ст. 1029–1036; «Мир», ст. 752–761.

Пафлагонцу (Клеону), от которого им житья нет. Что предпринять? Бежать невозможно, так как Пафлагонец за всем смотрит; молить богов бесполезно; остается одно – лишить себя жизни. Одному из них (Демосфену) приходит в голову мысль: украсть у спящего Пафлагонца оракулы, которыми он морочит голову старику. В одном из них оказалось предсказание, что Пафлагонец будет изгнан колбасником. Как раз в эту минуту они видят идущего по улице колбасника, зовут его и сообщают о предстоящем ему высококом положении владыки Афин. Колбасник (Агоракрит) сперва не верит, как он – человек низкого рода, без образования, знающий лишь грамоту, да и то кое-как, – может стать великим человеком. Но Демосфен убеждает его, что именно потому, что он низкого рода, площадной, наглый, он и может быть великим; только то ему вредит, что он хоть кое-как знает грамоту: демагогия, уверяет Демосфен, дело не подходящее для человека образованного, честного; она – достояние человека невежественного, скверного; все качества, нужные для демагога, у него есть: отвратительный голос, низкое происхождение, площадная грубость; оракул обещает ему успех; ему помогут тысяча всадников, ненавидящих Клеона, все добрые граждане, зрители, он сам, Демосфен, наконец бог.

В эту минуту появляется Пафлагонец со страшными угрозами. Колбасник в страхе бежит. Демосфен зовет на помощь всадников. Они являются и нападают на Пафлагонца; немного спустя к ним присоединяется и Колбасник. Тут начинается словесный поединок, в котором сражающиеся наперерыв обвиняют друг друга в разных преступлениях, грозят друг другу. Новый боец оказывается достойным своего противника, и хор в восторге: «Есть, видно, у нас в городе вещи горячее огня и речи бесстыднее тех бесстыдных речей; значит, наше дело не так плохо». Пафлагонец уходит в Совет Пятисот, чтобы обвинять своих противников в государственных преступлениях; Колбасник идет туда же.

Действие пьесы на время прекращается, и хор обращается к публике от лица автора с парабазой и песнями в честь Посидона и Паллады-Афины; потом восхваляет всадников за их подвиги в походе в Коринфскую область.

По окончании пения хора Колбасник возвращается из Совета победителем и рассказывает историю своей победы. Но Пафлагонец еще не признает себя побежденным: он врывается на сцену в бешенстве и зовет своего соперника на суд самого Дема.

Дем садится на Пниксе и слушает обоих противников. Оба они стараются превзойти друг друга в лести Дему, задобрить его каждый в свою пользу подарками, читают ему приятные оракулы, угощают вкусными кушаньями. Во всех этих испытаниях верх берет Колбас-

ник. Дем отбирает у Пафлагонца перстень, дававший ему право на управление хозяйством Дема, и отдает его Колбаснику. Пафлагонец должен теперь занять прежнее место Колбасника.

Затем все действующие лица уходят; остается лишь хор и поет свои песни. После этого Агоракрит, а потом Дем опять выходят на сцену. Агоракрит рассказывает, что он сварил Дема и сделал его прекрасным из безобразного. Дем стал молодым – таким, каким он был лет шестьдесят или семьдесят назад, в славные времена Марафонского сражения, когда афиняне стояли во главе всей Греции. Он одет даже в старинный афинский костюм конца VI или начала V века. Дем раскаивается в своих прежних действиях и обещает новый курс политики в духе доброго старого времени. Новый управитель, Агоракрит, приводит «Тридцатилетний мир» со Спартой в лице нескольких красавиц, которых Пафлагонец держал до сих пор взаперти в своем доме, и отдает их Дему. Этой эффектной сценой оканчивается комедия.

АРИСТОФАН И КЛЕОН

Комедия «Всадники» направлена всецело против Клеона. Он изображен самыми мрачными красками и как человек, и как государственный деятель:

- 1) он набрасывается на всех с ложными, клеветническими доносами, и потому все боятся его – и богатые и бедные⁵;
- 2) он обманывает народ, льстит ему⁶;
- 3) он берет взятки и со своих сограждан, и с союзников⁷;
- 4) он расхищает государственную казну (он – казнокрад)⁸;
- 5) он – поджигатель войны, всячески препятствует заключению мира со спартанцами ради личной выгоды⁹.

Ученые нового времени нередко обвиняют Аристофана в том, что это изображение Клеона неверно, что политика Клеона служила на благо Афины. Это обвинение едва ли вполне справедливо¹⁰. Конеч-

⁵ «Всадники», ст. 63; то же в ст. 6, 44, 223, 231, 256, 278, 288, 300, 441, 487, 490.

⁶ Там же, ст. 47–52; то же в ст. 269–270, 290, 332, 633, 684, 713, 720, 730 и сл., 809, 859, 890, 903, 1067, 1103, 1116, 1144.

⁷ Там же, ст. 832; то же в ст. 65, 79, 403, 802, 992, 438; см. также «Ахарняне», ст. 6; «Облака», ст. 591.

⁸ «Всадники», ст. 444; то же в ст. 248, 258, 370, 956, 826–827, 867, 1032 и сл., 1129, 1147, 1218 и сл.

⁹ Там же, ст. 794–796, 801–804; то же в «Мире», ст. 268–270, 647–648.

¹⁰ В виде примера мнений ученых нового времени, оправдывающих Клеона, приведем мнение С. П. Шестакова, б. профессора Казанского университета: «Слабые стороны афинской демократии, на которые намекает Архимид (у Фукидида), служат предметом горячих нападок Клеона, этого честного, искренне преданного благу родины руководителя афинской политики после Перикла... Клеон был только

но, изображение Клеона у Аристофана есть карикатура, как и должно быть в комедии. Вообще говоря, писатели Древней аттической комедии, не исключая и Аристофана, не очень много заботились о жизненности выводимых ими типов. Реальное, верное действительности изображение лиц, являвшихся представителями осмеиваемого ими направления, никогда не входило в их задачи. Выбирали ли они в качестве таковых какое-либо историческое, действительно существовавшее лицо, или вымышленное, им все равно необходимо было наделить его такими чертами, которые способны были сделать его комическим персонажем и заставить его служить особым целям поэта. Перед шаржем и карикатурой они не останавливались никогда, — все равно, выводили ли они Перикла, Сократа, Еврипида, или какого-нибудь Дикеополя, Лисистрату, Праксагору и т. п. Но карикатура, как бы она ни искажала истинный образ человека или события, все-таки в основных чертах должна соответствовать действительности: иначе в ней нельзя узнать, против кого или чего она направлена.

Поэтому и изображение Клеона во «Всадниках» должно в основных чертах соответствовать действительности: Аристофан мог многое преувеличить, дать неправильное освещение действий Клеона, но не мог приписывать ему совсем не свойственные ему черты характера или действия.

Многое в изображении Клеона у Аристофана согласно с изображением его у других писателей древности, главным образом у Фукидида, который и считается всеми (или почти всеми) правдивым историком. Фукидид в общем отзывается тоже дурно о Клеоне: Клеон — «самый буйный из всех граждан, пользовавшийся тогда больше всех доверием у народа»¹¹. Плутарх говорит о «скверности и наглости» Клеона (βέλῳριαν καὶ τόλμαν)¹²: «Клеон, — говорит он, — был силен тем, что ухаживал за народом, как за старцем, давал ему возможность получать жалованье; тем не менее даже те сами, которым он угождал, видя его жадность, бесстыдство, нахальство, по большей части призывали на помощь Никия»¹³.

О противодействии Клеона заключению мира со спартанцами после взятия их отряда на о. Сфактерии Фукидид рассказывает так:

добросовестным и неуклонным продолжателем той политики централизации афинского морского союза, какой держался Перикл, точно так же только интересы прочности и безопасности демократического строя руководят им в его нападках на те явления, которые грозят расшатать его... В речи своей у историка [Фукидида] Клеон является человеком такой же твердости убеждений и столь же сознательным защитником политики Афин в их тирании над союзниками, как и Перикл» (Филологическое обозрение, т. XXI, 1902, с. 152–153).

¹¹ Фукидид, III, 36, 6.

¹² Плутарх. Никия, гл. 2.

¹³ Там же.

«Всего более действовал на них [на афинян] Клеон»¹⁴. «Клеон заметил, что афиняне смотрят на него подозрительно за его противодействие заключению мира»¹⁵. То же рассказывал историк Филохор (IV–III века до н. э.). «Клеон возражал против заключения мира»¹⁶. Плутарх также сообщает, что Клеон уговорил афинян отвергнуть предложения спартанцев о мире¹⁷.

И Аристофан и Фукидид указывают одинаково даже причину противодействия Клеона заключению мира. Колбасник у Аристофана говорит: «Скорее затем, чтобы тебе самому иметь возможность грабить города и брать с них взятки, а чтобы народ не видел твоих мошеннических проделок из-за военного тумана...»¹⁸. Фукидид рассказывает об этом так: «Когда были убиты Клеон и Брасид, наиболее противодействовавшие миру в том и другом государстве, Брасид потому, что войною добывал себе успехи и почет, а Клеон потому, что понимал, что с водворением мира его скверные поступки будут виднее, а клеветнические наветы его будут внушать менее доверия, тогда в обоих государствах стали действовать в пользу мира спартанский царь Плистоанакт, сын Павсания, и Никий, сын Никерата»¹⁹.

Неодобрительно отзывается о Клеоне и Аристотель, хотя говорит только о его манере держать себя на ораторской трибуне: «Клеон, сын Клеонета, который, как кажется, более всех развратил народ своими порывистыми движениями; он первый стал кричать на трибуне и ругаться и говорить перед народом, подвывая гиматий [плащ], тогда как остальные говорили благопристойно»²⁰.

Историк Феопомп (IV век до н. э.) сообщал о том, что Клеон получил с островитян (афинских союзников) взятку в 5 талантов за то, чтобы уговорить афинян понизить их взносы, но что всадники афинские заставили его возвратить эти деньги²¹.

Историк Диодор Сицилийский называет Клеона «человеком жестокого и буйного нрава»²².

Лукиан, говоря о том, что историк должен быть правдивым, не должен бояться клеймить позором преступные дела, в числе таких дурных людей называет и Клеона. «Клеон, – говорит он, – имевший большую силу в Народном собрании и владевший ораторской три-

¹⁴ Фукидид, IV, 21, 3.

¹⁵ Там же, IV, 27, 3.

¹⁶ Филохор. Фрагм. 105 в сколиях к ст. 665 «Мира» и фрагм. 106 в сколиях к гл. 30 Лукианова «Тимона».

¹⁷ Плутарх. Никий, гл. 7.

¹⁸ «Всадники», ст. 801–803.

¹⁹ Фукидид, V, 16.

²⁰ Аристотель. Государственное устройство афинян, гл. 28, 3.

²¹ Феопомп. Фрагм. 101, см. схолию к ст. 6 «Ахарнян».

²² Диодор Сицилийский, XII, 55, 8.

бунной, не отпугнет историка от того, чтобы не сказать, что он был губительным и безумным человеком»²³. В другом месте Лукиан ставит Клеона в числе скверных людей на одну доску с презренным демагогом Гиперболом: «пожалуй, я, бродя, наткнулся на Гипербола или Клеона», – говорит слепой Плутос²⁴.

О том, что Клеон стал богатым благодаря своей государственной деятельности (т. е. посредством лихоимства или казнокрадства), свидетельствует Элиан со слов Крития – одного из 30 тиранов: «Клеон, прежде чем стал заниматься государственными делами, не имел никакого имущества, приличного свободному человеку [или: не заложенного]; а после этого оставил имущество стоимостью в 50 талантов»²⁵.

В схолиях к Аристофану нет ни одного опровержения фактов, вменяемых в вину Клеону, а между тем Александрийские ученые, владевшие огромной исторической литературой, вероятно, не пропустили бы упомянуть, что какой-нибудь существенный факт не соответствует действительности, выдуман Аристофаном по злобе, если бы такой факт они нашли у него.

Надо полагать, что мнение всей древности о Клеоне было неблагоприятно, и никто из современных или последующих писателей не помянул его добрым словом. Поэтому не следует относиться с доверием к утверждениям ученых нового времени, старающихся обелить Клеона и опорочить Аристофана. Конечно, всякая характеристика субъективна; Аристофан мог (даже и по злобе) объяснять действия Клеона в дурную сторону; мог преувеличить порочность Клеона; многие высказывания, вероятно, принадлежат не ему, а являются повторением городских слухов и сплетен, и т. д. Но у нас нет никакого права думать, что Аристофан из своей головы приписал Клеону свойства и действия, которых у него совсем не было и которых он не совершал. Для обвинения Аристофана, Фукидида и других свидетелей в клевете на Клеона нет достаточных оснований; главным образом указывают на личную обиду их со стороны Клеона: Аристофан был привлечен им к суду, Фукидид, по одному известию, был обвинен им в государственной измене; выше приведенный рассказ Элиана о богатстве Клеона не заслуживает доверия будто бы потому, что источником Элиана в этом был тиран Критий, ожесточенный враг демократии и ее вождей. Можно, конечно, опорочить в чем-нибудь и других писателей; но все это – только предположения, которые не могут служить опровержением единодушного дурного мнения всей древности о Клеоне.

---

²³ Лукиан. Как должно писать историю, гл. 38.

²⁴ Лукиан. Тимон, гл. 30.

²⁵ Элиан. Разные истории, X, 17.

Наконец, даже некоторые несомненные факты подтверждают характеристику Клеона, данную Аристофаном, – по крайней мере следующий факт. В октябре 422 г. Клеон был убит в сражении под Амфиполем, а спустя 2–3 месяца после этого (зимой 422/421 г.) начались переговоры о мире между афинянами и спартамцами, и уже 11 апреля 421 г. был заключен Никиев мир. Стало быть, стремление к миру было уже в народе, и только влияние Клеона и страх перед ним не давали выхода этому стремлению. На это обратили внимание и Александрийские ученые и тоже подтвердили, что Клеон и Брасид препятствовали миру²⁶.

Надо полагать, согласны с действительностью и насмешки Аристофана над неприличным, по тогдашним понятиям, поведением Клеона на ораторской трибуне. Так, Аристофан не раз насмехается над его зычным голосом: он «крикун» (*κεκράκτης*)²⁷, (*κεκραζιδάμας*)²⁸, (*κεκραγῶς*)²⁹; он «оглушил криком Афины» (*δοτις ἡμῶν τὰς Ἀθῆνας ἐκκεκῶφωκας βοῶν*)³⁰; у него какой-то особенный голос: он «бурлит» (*παφλάζει* – отсюда и *Паφλαγῶν*); голос его-похож на шум Киклобора³¹ или на крик откормленной свиньи (*φωνὴν ἐμπλετρησμένης ὑός*)³²; о крике Клеона упоминают и Аристотель³³, и Плутарх³⁴.

Вероятно, также соответствуют действительности насмешки Аристофана над некоторыми приемами ораторства Клеона. Так, много раз упоминается в комедии обычай Клеона приводить благоприятные для него оракулы и предсказания (при суеверии афинян это был очень выгодный прием): в самом начале комедии Никий выкрадывает у спящего Клеона очень важный оракул³⁵. Клеон «поет оракулы, а старик Дем помешан на предсказаниях» (*ᾄδει δὲ χρῆσμοὺς, ο δὲ γέρων σιβυλλῆ*)³⁶. В споре перед Демом оба противника, Клеон и Колбасник, приносят кучи оракулов и читают их³⁷. Видя свою гибель, Клеон возлагает последнюю свою надежду на оракул³⁸.

Возможно, что и некоторые выражения Клеона в комедии взяты из его действительных речей. Так, он себя ставит выше Фемисток-

²⁶ См. схолии к ст. 1392 «Всадников».

²⁷ «Всадники», ст. 137.

²⁸ «Осы», ст. 596.

²⁹ «Всадники», ст. 256.

³⁰ Там же, ст. 311.

³¹ Там же, ст. 137; «Осы», ст. 1034. Киклобор – бурный ветер.

³² «Осы», ст. 36.

³³ См. Аристотель. Государственное устройство афинян, гл. 28, 3.

³⁴ См. Плутарх. Никий, гл. 8, 4.

³⁵ См. «Всадники», ст. 116.

³⁶ Там же, ст. 61.

³⁷ См. там же, ст. 960–1097.

³⁸ См. там же, ст. 1229.

ла³⁹, говорит о своей любви к народу⁴⁰, называет себя «псом демо-са»⁴¹.

Практического результата, однако, Аристофанова сатира не имела: несмотря на полный успех комедии (она получила первую награду), через 2–3 месяца после представления ее Клеон был избран в стратеги (в апреле или мае 424 г.). По-видимому, афиняне не придавали большой важности насмешкам комедии, хотя, как показывает процесс Сократа, иногда эти насмешки могли иметь и практическое значение.

Дерзкое нападение на всемогущего демагога, по-видимому, не прошло даром Аристофану. В комедии «Осы», поставленной на сцену в 422 г., он рассказывает о каком-то неприятном происшествии, случившемся с ним. «Некоторые говорили, будто я помирился с Клеоном, когда он на меня наседал, пугал, злословил; и потом, когда с меня драли кожу, посторонние зрители смотрели и смеялись над моими громкими криками; им не было никакого дела до меня; они только желали знать, не отпущу ли я какой шуточки в таком стесненном положении. Увидев это, я немножко повилял хвостом; а теперь подпорка обманула виноград»⁴². Аристофан рассказывает об этом только намеками, как о происшествии всем известном. Мы не можем понять подробности (их не знали уже Александрийские ученые, как видно из схолий), но в общем картина достаточно ясна. Клеон и, вероятно, его клеветы произвели нападение на Аристофана. Аристофан, видя, что народ не оказывает ему помощи, которую он ожидал, а только смеется, глядя на его безвыходное положение, и ждет от него какой-нибудь комической выходки, счел нужным пойти на хитрость: польстил Клеону и просил мира у него.

Если понимать текст без предвзятой мысли, а в точном смысле, то надо вывести из него заключение, что Аристофана попросту поколотили где-то на улице Клеон и его клеветы, на это указывают слова, что он громко кричал, что ожидал помощи от окружающей публики: если бы нападение состояло лишь в ругани, ему не было бы надобности в помощи других. И Аристофану пришлось просить мира у Клеона, т. е., вероятно, обещать, что не будет более насмехаться над ним в комедиях. Но теперь (т. е. в комедии «Осы») он не считает нужным соблюдать это обещание. Пословица «подпорка обманула виноград» употребляется о человеке, на помощь которого кто-нибудь рассчитывал, но который не оказал ее. Здесь надо понимать

---

³⁹ См. там же, ст. 812.

⁴⁰ См. там же, ст. 732.

⁴¹ Там же, ст. 1023.

⁴² «Осы», ст. 1284–1291.

ее в более общем смысле – о человеке, который обманул другого, именно об Аристофане, обманувшем Клеона.

Такую штуку Клеон, действительно, мог проделать с Аристофаном: Клеон был «буян» (βίαιος), как сказано в «Осах» и в «Мире»⁴³; у него была целая «банда» (σύστημα) людей ему преданных, готовых на всякие услуги: «сто голов льстецов (будь они прокляты!) вокруг него лизали ему голову»⁴⁴.

Что подобные скандалы были возможны в Афинах, показывает, между прочим, речь Лисия в защиту Симона, побитого его врагами⁴⁵.

Когда мог произойти этот инцидент? Это могло быть мщением или за комедию «Вавилоняне», или за комедию «Всадники». О мщении за комедию «Вавилоняне» Аристофан говорит в «Ахарнянах»⁴⁶: это было обвинение в Совете, где Клеон срамил Аристофана только словами. Стало быть, здесь разумеется другой случай насилия над Аристофаном; это могло быть только мщением за комедию «Всадники».

Как видно из общего смысла рассматриваемого нами места, это вторичное мщение было не правового, не судебного характера. Поэтому нельзя согласиться с мнением некоторых ученых, которые думают, что здесь речь идет о новом судебном процессе, возбужденном будто бы Клеоном против Аристофана по поводу комедии «Всадники». Если допустить такое толкование, то пришлось бы весь текст понимать как-то иносказательно: «с меня драли кожу» (ἀλεδεύομαι), «в таком стесненном положении» (θλιβόμενος) – об обвинении в суде; было бы непонятно, почему он громко кричал, почему над этим смеялась публика, какой помощи он мог ожидать от публики. Некоторые эту расправу Клеона с Аристофаном, даже отождествляют с обвинением его по поводу его иностранного происхождения (γραφή ξενίας)⁴⁷. Таково, например, мнение Гильберта⁴⁸. Такое предположение совершенно не выдерживает критики

Впрочем, текст здесь несколько испорчен и неясен, так что поручиться за верность какого бы то ни было толкования невозможно.

Политика Клеона может быть оправдана только с узко-патриотической точки зрения Афин. Но, с точки зрения союзников афинских, политика его была совершенно бесчестной», даже если он не пользовался ею для своих личных выгод, – в чем обвиняет его Аристофан.

⁴³ «Осы», ст. 1033; «Мир», ст. 756.

⁴⁴ Схолии к ст. 756 «Мира».

⁴⁵ См. Лисий, III, § 8, 14, 15, 18.

⁴⁶ «Ахарняне», ст. 377–382, 502–503, 630–631.

⁴⁷ См. схолии к ст. 378 «Ахарнян» и «Биографию Аристофана», изд. Бергга, с. XLIV.

⁴⁸ См. G. Gilbert. Beiträge zur innern Geschichte Athens im Zeitalter des Peloponnesischen Krieges. Leipzig, 1877, S. 193–194.

Вспомним историю возникновения Афинского союза. Первоначальной целью союза, во главе которого стали афиняне, приглашенные союзниками добровольно, была борьба с персами. На первых порах в этом союзе афинянам принадлежала только гегемония. Все союзные города имели право голоса на общих собраниях; Афины были лишь первыми между равными. Члены союза обязаны были выставлять определенное количество кораблей вместе с экипажем и солдатами. Однако мелкие города с самого начала вместо поставки кораблей обязаны были делать известные денежные взносы. Общая касса хранилась не в Афинах, а на Делосе, на котором происходили и общие собрания; это тоже показывает, что афинянам принадлежала лишь гегемония, а не какая-либо иная роль. Очень скоро и другие, более крупные города предпочли, но тоже добровольно, заменить натуральную повинность денежными взносами. Постепенно этот новый порядок охватил всех членов союза.

Замена натуральной повинности денежной, сперва вполне добровольная, совершавшаяся без принуждения, впоследствии повела к тому, что союзники превратились из равноправных в подчиненных, из союзников сделались подданными Афин. Таким образом, афиняне стали правителями, и Афинский морской союз преобразовался в Афинскую державу (ἀρχή). Это – уже не международный союз, а федеративное государство, члены которого неравноправны; роль Афин по отношению к ним есть роль господина, так что союзники определяют свое положение одноznым словом «рабство»⁴⁹. О союзных собраниях на Делосе уже нет известий; решающую роль в бывшем союзе играют теперь афинское Народное собрание и афинский Совет Пятисот.

Как видно из этого, «тирания» Афин над союзниками, как (Называют их гегемонию и Перикл⁵⁰ и Клеон⁵¹, была совершенно бесчестной: афиняне взяли на себя обязательство защищать союзников от персов, а вместо этого в скором времени обратили их в своих рабов. Послы митиленян высказали как раз эту мысль в Олимпии перед членами Пелопоннесского союза». «Мы заключили союз с афинянами не для порабощения ими эллинов, но для освобождения эллинов от персов»⁵². Если Клеон был «сознательным защитником политики Афин в их тирании над союзниками», то, значит, он был защитником бесчестной политики. Возможно, что очень многие афиняне одобряли эту политику порабощения слабого сильным, но вполне естественно, что находились также люди, считавшие ее без-

---

⁴⁹ Фукидид, I, 98; III, 10; VI, 76.

⁵⁰ Фукидид, II, 63. 2.

⁵¹ Там же, III, 37, 2.

⁵² Там же, III, 10, 3.

нравственной. К числу таких благородных людей, как видно, принадлежал и Аристофан: и в комедии «Вавилоняне», и в комедии «Всадники», и в комедии «Острова», не дошедшей до нас, он осуждал эту политику, а вместе с этим вполне правильно осуждал и проводника ее, Клеона, Это может только делать честь Аристофану.

И, по-видимому, не он один видел несправедливость такого угнетения эллинов эллинами: его современник, Евполид, в комедии «Города», тоже, как предполагают на основании фрагментов этой комедии, «увещевал сограждан, чтобы они не обращались с союзниками корыстолюбиво и жестоко»⁵³. К тому же неизвестно, насколько, проводя политику угнетения союзников, Клеон делал это только «ради блага родины»: Аристофан по крайней мере приписывает это заботе о личной выгоде.

Ссылка на то, что Клеон продолжал политику Перикла по отношению к войне со спартанцами и к порабощению союзников, не может служить ему оправданием: и Перикла самого осуждали как другие комики – Кратин, Телеклид, Гермипп, Евполид, так и Аристофан за возбуждение им войны⁵⁴.

Подобное мнение о Перикле высказывает и академик А. И. Тюменев⁵⁵.

Таким образом, приведенные выше аргументы в пользу Клеона нельзя считать убедительными.

---

⁵³ А. Meineke. *Historia critica comicorum Graecorum*, 140.

⁵⁴ См. «Ахарняне», ст. 530 и сл.; «Мир», ст. 606–614.

⁵⁵ Академик А. И. Тюменев. *Указ. соч.*, с. 151.

Комедия «Облака» (Νεφέλαι) была поставлена на сцену в праздник Великие Дионисии (в марте или апреле) 423 г., – может быть, но не наверное, от имени Филонида. Она была поставлена на третьем (последнем) месте, т. е., говоря теперешним языком, провалилась. Первое место среди конкурентов досталось Кратину, второе – Амписию. Это был 8-й год войны.

В политическом положении Афин в течение 14 месяцев, прошедших от постановки на сцену «Всадников» до постановки «Облаков», произошли такие изменения. Взятие спартанского отряда на Сфактерии окрылило афинян надеждою на окончательную победу. Весною 424 г. они заняли о. Киферу (к югу от Лаконики) и город Тирею (к северу от Лаконики в 10 стадиях от берега Арогидского залива), окружив таким образом Лаконику укрепленными постами с юга и с востока. Надо было укрепить Истм (Коринфский перешеек), чтобы отрезать путь спартам на север. Для этого афиняне задумали занять Мегариду (в северной части Истма) и подчинить себе Беотию. Однако и тут и там они потерпели неудачу. Занять город Мегары помешал им спартанский полководец Врасид, а в Беотии они понесли поражение в битве при городке Делии (в ноябре 424 г.). В том же году Брасид перенес военные действия во Фракию и там нанес афинянам удар. Пройдя с небольшим отрядом весь Балканский полуостров сухим путем, он подошел сперва к городу Аканфу во Фракии, потом к Амфиполю и склонил оба эти и другие города к отпадению от Афин. Потеря фракийских городов была тяжелым ударом для афинян; отсюда они получали не только дорогие металлы, но и лес для постройки кораблей.

20 апреля 423 г. было заключено между спартамцами и афинянами перемирие на один год. Этого желали обе стороны: афиняне, чтобы положить предел успехам Брасида; спартамцы, чтобы получить своих пленных посредством мира, который был бы заключен на основании перемирия.

Таким образом, «Облака» были поставлены на сцену около заключения этого перемирия.

В комедии «Облака» выведены следующие действующие лица: *Стрепсиад* – старик; *Фидиппид* – его сын, молодой человек; *Ксанфий* – слуга Стрепсиада; ученик Сократа; *Сократ* – философ, человек около 46 лет; *Правосуд* – аллегорическое лицо, представитель

старинного афинского воспитания; *Кривосуд* – аллегорическое лицо, представитель нового, софистического афинского воспитания; *Пасий* – старик, кредитор Стрепсиада; *Аминий* – молодой человек, кредитор Стрепсиада; *свидетель*, приведенный Пасием, немое лицо; *Херефонт*, ученик Сократа, произносящий только один стих – 1505¹.

Хор состоит из Облаков, изображенных в виде женщин. Содержание «Облаков» следующее. На сцене два дома: один – Стрепсиада, Другой, маленький – Сократа, находящиеся на некотором расстоянии друг от друга. Действие происходит то перед одним домом, то перед другим, и даже внутри того и другого. Как именно это *изображалось* на сцене, неизвестно.

Пьеса открывается монологом Стрепсиада. Еще раннее утро.

Стрепсиад лежит на постели и не может уснуть от тревоги по поводу уплаты процентов по своим долгам. Подле него спят его сын Фидиппид и слуги. Стрепсиад, богатый крестьянин, совершенно не-образованный, когда-то имел несчастье жениться на аристократке. Плодом этого брака был сын их Фидиппид, воспитанный матерью в аристократическом духе. Фидиппид, теперь уже взрослый молодой человек, но еще очень юный, судя по тому, что его называют мальчиком, подобно другим представителям золотой молодежи афинской, увлекся конским спортом, который обходился очень дорого, и этим разорил отца. Старику пришлось войти в долги. Но он знает, что по соседству с ним в маленьком домике находится «мыслильня»², где живут «мудрые души», которые за деньги учат искусству говорить так, чтобы можно было выиграть на суде любое дело – и правое и неправое. Он будит сына и требует, чтобы сын шел к ним учиться: у них есть две «речи» – сильная и слабая, и слабая побеждает в делах не особенно честных. «Если ты выучишься этой несправедливой речи, – говорит он сыну, – то из этих долгов, которые я наделал из-за тебя, я не заплачу никому ни обола». Фидиппид понимает, что речь идет о Сократе и его учениках – шарлатанах, бледных, босоногих, и наотрез отказывается идти к ним в ученье, не желая испортить себе цвет лица.

Старик идет сам к мыслильне. Один из *учеников* выходит на его стук и рассказывает ему, чем занимаются в школе; измеряют *длину*

¹ Херефонт по рукописям значится в числе действующих лиц. Но некоторые ученые предполагают, что произнесение одного стиха не стоило поручать актеру, а мог его произнести и хоревт. В издании Hall and Gelfart Херефонт без всяких оговорок поставлен в списке действующих лиц. Подобным образом в «Горе от ума» актер произносит одну фразу: «Карета Скалозуба». В «Хозфорах» Эсхила актер, исполняющий роль пилада, произносит во всей трагедии всего лишь одну реплику.

² Я намеренно употребил такое не существующее слово, потому что и соответствующее греческое слово φροντιστήριον выдуманно Аристофаном.

прыжка блохи, решают вопрос, чем поют комары – ртом или задом; рассказывает, как ловко Сократ украл в палестре плащ. Стрепсиад, слыша о такой тонкости ума и ловкости Сократа, приходит в восторг и просит ученика пустить его в мыслильню. Он видит здесь учеников Сократа в странных позах, занимающихся изысканием того, что под землей и даже под Тартаром, и изучением астрономии, видит геометрические инструменты, географическую карту и, наконец, самого Сократа, висящего в корзине и наблюдающего солнце. Стрепсиад объясняет Сократу цель своего прихода – выучиться той «речи, ничего не отдающей», и клянется богами заплатить ему гонорар, какой он желает. По поводу этого Сократ заявляет ему, что богов они не признают, что истинные божества их – Облака, с которыми он хочет познакомить его. Сократ молится Воздуху, Эфиру и Облакам, чтоб Облака явились новому «мыслильщику». Облака в виде женщин являются в отдалении. Сократ объясняет, что Облака – великие богини для людей, ничего не делающих: «Они дают нам понимание, способность говорить, ум, способность к парадоксам, урерткам, возражениям, искусство увлекать слушателя». Облака приветствуют обоих: «Здравствуй, старец древлерожденный, ловец мудрых речей, и ты жрец утонченнейшей ерунды! Скажи нам, что тебе нужно. Никого другого из теперешних, ученых, изучающих небо, мы не послушаем, кроме Продика, за его ученость и ум, и тебя, за то, что ты с важностью расхаживаешь по улицам и бросаешь на всех косые взгляды, что, ходя босиком, терпишь много мучений и высоко держишь голову, гордясь нами». Сократ сообщает своему ученику, что Зевса нет, что разные небесные явления, которые Стрепсиад приписывал Зевсу, – дождь, гром, молния – объясняются естественными причинами, которые производит небесный вихрь; теперь «ты не должен веровать ни в каких богов, кроме тех, в которых веруем мы, – Хаос, Облака и Язык». Стрепсиад готов на все: «Да с остальными богами я даже и при встрече не стану разговаривать, ни жертв им не буду приносить, ни возлияний делать, ни лада на класть». Облака обещают ему за такое почтение к ним исполнить все его желания. «Я прошу у вас, владычицы, – отвечает Стрепсиад, – милости очень маленькой, – чтобы мне быть в красноречии на сто стадий впереди всех эллинов». – «Хорошо, – говорят богини, – ты это получишь от нас: отныне никто не будет проводить в Народном собрании столько предложений, сколько ты». – «На что мне важные предложения! Не того я желаю; я хочу лишь того, чтоб вывернуть дело наизнанку и ускользнуть от кредиторов». После разных шутовских обрядов Сократ принимает Стрепсиада в школу. Но скоро он приходит в отчаяние от него. «Клянусь Дыханием, Хаосом, Воздухом, – говорит он, – я не видывал человека настолько грубого, бес-

толкового, глупого, беспамятного: он забывает прежде, чем выучиться!» Все-таки он зовет его и спрашивает, чему он хочет учиться, – о метрах, ритмах, словах? Но Стрепсиад ничему этому не хочет учиться, а только «неправой речи». Сократ возражает, что для этого нужна подготовка: «какие четвероногие в действительности мужские, какие имена мужские, какие женские». Затем Сократ велит ему лечь, закрывшись, и обдумать что-нибудь. «О чем же думать? – спрашивает Стрепсиад, – ты мне скажи это, Сократ». – «Нет, ты сам найди, что хочешь, и скажи мне», – возражает Сократ. – «Тысячу раз я тебе говорил, чего я хочу, – отвечает Стрепсиад, – не платить никому процентов». Сократ велит ему закрыться и обдумывать этот вопрос. Через некоторое время Стрепсиад объявляет учителю, что он нашел «мошенническую мысль насчет процентов»: он хочет купить фессалийскую колдунью, которая снимет с неба луну, луну запереть в круглый футляр; тогда луна всходить не будет, а так как проценты платятся помесечно, то можно будет их не платить. Сократ одобряет и предлагает ему обдумать еще одну «хитрую задачу»: если к нему предъявят иск в пять талантов, как его уничтожить? Стрепсиад и эту задачу решает: надо взять зажигательное стекло и, когда секретарь будет писать иск на навощенной дощечке, навести стеклом солнце и растопить воск. «Умно, клянусь Харитами», восклицает Сократ и предлагает ему новую задачу: как, ведя процесс и предчувствуя проигрыш дела за неимением свидетелей, избавиться от штрафа? Стрепсиад решает задачу очень просто: пойти и удавиться до разбора дела. Сократ отказывается продолжать преподавание. Облака советуют Стрепсиаду послать сына, а по уходе его говорят Сократу, какое счастье он, благодаря им, получит: старик «готов делать все, что ты велишь; так ты выжми из него, сколько можешь». Стрепсиад посылает сына учиться. Сын сперва отказывается (между прочим, обращает внимание на то, что отец вернулся из школы без плаща и башмаков); наконец, соглашается, но замечает, что со временем отец будет этим недоволен. Стрепсиад отводит его к Сократу. Сократ предлагает ему поучиться у самих «Речей» – «справедливой» (Правосуда) и «несправедливой» (Кривосуда). Между этими символическими лицами происходит спор в присутствии Фидиппида: Правосуд хвалит старинное воспитание молодежи, Кривосуд опровергает его и хвалит новое воспитание³. Победа остается за Кривосудом. «Ну как? – спрашивает Сократ Стрепсиада, – ты хочешь сына увести домой, или оставишь мне учить его говорить?» – «Учи его, наказывай, помни только, чтобы наточить ему одну челюсть для мелких делишек, а другую для дел покрупнее». По возвращении из школы

---

³ В этой сцене видно подражание или, лучше сказать, пародия аллегории Продика «Геракл на распутье» (см. Ксенофонт. Воспоминания, II, 1, 21 и сл.).

Фидиппид учит отца, как отделаться от кредиторов. Они являются один за другим со своими претензиями. Стрепсиад ведет с ними разговор в духе тогдашнего софистического крючкотворства и прогоняет их. Но радость Стрепсиада не долговременна. Он выбегает из дома с криком о помощи: сын его избил. Поводом к этому послужил спор между ними: отец хвалил старых поэтов – Симонида и Эсхила, сын – модного Еврипида. Возмущенный этим, отец напомнил сыну, как он заботился о нем в детстве; но Фидиппид разбил его обвинения путем софистической аргументации: отец бил его, желая ему добра, и он будет бить отца, тоже желая ему добра. Стрепсиад ссылается на повсеместный обычай, запрещающий бить отца. Сын возражает, что тот, кто вводил этот обычай, был такой же человек и убеждал древних людей своими доводами: «разве я имею менее права установить на будущее время обычай для сыновей, чтобы они в свою очередь били отцов? ведь петухи и другие животные наказывают отцов». Когда же Фидиппид предлагает в утешение отцу побить еще и мать и, при помощи слабой речи, доказать свое право на это, Стрепсиад просит его уничтожить «мерзкого Херефонта и Сократа», умоляет его сделать это ради Зевса. Фидиппид отказывается обидеть учителей, говорит, что Зевса нет, и уходит. Пьеса кончается тем, что Стрепсиад со своими рабами поджигает дом Сократа.

ЦЕЛЬ КОМЕДИИ «ОБЛАКА»

Комедия «Облака» направлена против Сократа, как представителя нового воспитания. Поэтому необходимо ознакомиться, с одной стороны, со старинным афинским воспитанием и, с другой, – с тем, которое стало входить в моду в Афинах незадолго до времени Аристофана.

До 6 лет мальчиков воспитывали дома вместе с девочками. На 7-м году для мальчиков начиналось общее воспитание вне дома, в школе и в палестре, куда и откуда провожал его дядька, выбиравшийся из рабов, и притом без особенной разборчивости (*παίδευσις*); этот дядька должен был кроме того учить мальчика благопристойности, как он должен вести себя дома и вне дома, и оставался при мальчике до зрелого возраста.

Школы в Афинах в V веке были частные; надзор государства за школами (исключая гимнастики) ограничивался только нравственной стороной. Обществу всецело принадлежал выбор школ, так что родители могли посылать детей к любому учителю. Занятия начинались рано утром.

Афинское образование в V веке состояло из трех частей (или курсов): грамоты, музыки и гимнастики.

Первый курс (γραμματικῆ) состоял прежде всего в обучении чтению и письму (арифметике в школе не учили). После этого приступали к заучиванию наизусть избранных отрывков из поэтических произведений, главным образом из Гомера, а также из Гесиода, киклических поэтов, Феогнида, Солона, Мимнерма, Фокилида, Тиртея. Делалось это так, что учитель (γραμματιστής) читал стихи, а ученики повторяли их вслед за ним и таким образом заучивали. Целью этого было не простое ознакомление с литературой, а внушение детям нравственных правил. Поэтому изучаемые стихи должны были содержать или рассказы о подвигах славных мужей, или мудрые наставления, которые могли бы служить гражданину руководством в жизни.

Второй курс (μουσικῆ) состоял в обучении музыке. Учитель (κίθαριστής) учил мальчиков играть на струнном инструменте, главным образом на лире, и под ее аккомпанемент петь, и притом в строгом стиле (дорическом) серьезные стихотворения знаменитых мелических поэтов. Это имело целью тоже не простую забаву для приятного препровождения времени, но главным образом потому, что на музыку греки смотрели как на важное педагогическое средство в нравственном отношении. По мнению Платона, музыка «внушает душе вкус к добродетели»; а Дамон (учивший Перикла музыке) утверждал даже, что «нигде не изменяется музыка без изменения важнейших законов государства»⁴.

Одновременно с духовным образованием, а отчасти также после него (приблизительно лет с четырнадцати) шло усердное занятие гимнастикой. В этом случае греки руководились принципом, что духовное образование и развитие достигается лучше всего в здоровом теле, и только при этом условии. Другой целью при этом было желание, чтобы тело, как вторая равноправная часть человека, достигало всестороннего развития, и таким образом во всех явлениях жизни человека проявлялся греческий идеал телесного и духовного совершенства (καλοκαγαθία). Итак, задачей гимнастики было придать телу гибкость, крепость и стройное развитие всех членов, развить в молодежи чувство телесной красоты и благородство, пробудить в ней храбрость, силу и энергию, которые, вместе с обдуманностью и скромностью, готовят в юноше деятельного слугу отечества в мире и на войне и предохраняют его от духовного отупения в старости. Поэтому государство считало особенно важным, чтобы гимнастика находилась под его непосредственным надзором. Вследствие этого занятия гимнастикой велось по предписаниям, установленным законом, за исполнением которых смотрели особые чиновники и учителя.

---

⁴ Платон. Государство, IV, 424 С.

К 16 годам школьное образование оканчивалось. Молодой человек переходил в число «эфбев» и занимался главным образом гимнастическими упражнениями, – вероятно, более трудными, чем раньше, хотя не оставлял и занятия музыкой. В 18 лет (или на 18-м году) он уже вступал в число гражданских эфбев, т. е. признавался совершеннолетним и должен был в течение 2 лет (18–20) нести военную службу на границах страны.

Уже из этого очерка видно, как невелик был научный багаж, с которым молодой афинянин вступал в жизнь. Центр тяжести здесь был в нравственности, а не в знании, старались сделать человека нравственным, а не образованным или ученым. В школе не преподавались многие предметы, которые в наше время считаются общеобразовательными: грамматика, иностранные языки, история, география, математика, естественные науки; не преподавалась теология или мифология, не изучались даже отечественные законы. Дополнительные сведения к познаниям, вынесенным из школы, молодой человек должен был получать практическим путем: из разговоров с другими людьми, из речей ораторов в суде, в Совете, в Народном собрании, из театральных представлений и т. п.; книг было много, но они были очень дороги и чтение литературных произведений в народной массе было мало обычно. Специальные знания надо было получать у какого-нибудь специалиста практическим путем. Конечно, степень умственного развития у разных людей была разная люди победнее, вероятно, не проходили даже всего школьного курса; приходилось до окончания курса бросать школу, чтобы скорее зарабатывать самостоятельно хлеб. Но совсем неграмотных людей было очень мало, как видно уже из того, что даже Колбасник в комедии «Всадники», хоть и с грехом пополам, знает грамоту (но не знает музыки); в каждом доме велась приходо-расходная книга.

Такова приблизительно была степень образования народной массы в Афинах V века.

Около второй половины V века происходит сдвиг в умственной жизни афинян; традиционное образование, правда, продолжает оставаться; но наряду с ним появляются новые веяния, принесенные извне новыми людьми – софистами.

Около 460/459 г. в Афины переселился из Клазомен философ Анаксагор и подружился с Периклом; он проповедовал, между прочим, что Солнце, Луна и все светила суть раскаленные камни, и за такое свое безбожие был изгнан из Афин в 434/433 г.

Но главными носителями и глашатаями новых идей были софисты; они произвели переворот в умственной жизни афинян. Слово «софист» (σοφιστής) наиболее соответствует нашему слову «ученый»; под этим словом разумеется человек, обладающий какими-то знаниями,

но без указания, какими именно. Это были «преподаватели мудрости» вообще – преподаватели языка и словесности, философии и риторики, популяризаторы, научных знаний. Они не составляли какой-либо единой корпорации; это были индивидуальные ученые, не имевшие постоянного места жительства, а странствовавшие по разным городам, читавшие там публичные лекции на разные темы и преподававшие всем желающим разные науки. Это были до некоторой степени энциклопедисты в науке, хотя у каждого был уклон в ту или другую специальность. Так, софист Горгий хвалился тем, что может говорить на любую тему без подготовки. Поэтому деятельность каждого из них надо рассматривать отдельно. Но общею чертою их было то, что они брали плату за свое преподавание (чего прежние философы не делали), так что преподавательская деятельность была их профессией и средством к существованию; поэтому они старались привлечь к себе возможно большее число учеников и для этого возбуждать удивление к себе даже внешними способами, например пышной одеждой, окружением себя толпой почитателей и т. п. Общею чертою было также то, что все они преподавали философию и риторику.

Одной из главных причин появления софистов было возникновение демократии во многих общинах Греции в V веке. В демократическом государстве не происхождение, не богатство открывали человеку доступ к высокому положению, возможность выдвинуться, но способности и умственное превосходство. Опыт скоро показал, что эти преимущества основываются не только на природных дарованиях, но и на обучении. Благодаря этому в большинстве греческих городов появились учителя мудрости и знания – софисты. Особенно много было их в Афинах, духовной столице Греции. Но замечательно; что все первоначальные софисты не были уроженцами Афин, а приезжали в Афины из разных других городов. Так, Протагор, первый приехавший в Афины софист (в 444 г.), происходил из Абдеры во Фракии, Горгий – из Леонтин в Сицилии, Продик – с о. Кеоса, Гиппий – из Элиды.

Перед началом последней трети V века произошла перемена в обучении юношества. Скучные элементарные сведения (чтение, письмо) вместе с музыкой и гимнастикой составляли все образование молодого афинянина. Все это уже не удовлетворяло повышенным требованиям политической жизни и умственным запросам. Для того образования, которое дает наша средняя и высшая неспециальная школа, не было ни частных, ни общественных учреждений. Настало время, когда любознательные и способные люди пожелали самостоятельно заполнить этот пробел образования. Удовлетворить эту потребность и взялись те странствующие учителя мудрости. Они

учили решительно всему: искусству мыслить и говорить, физике, астрономии, математике, красноречию, археологии, поэтике – всем искусствам и наукам. Таким образом, они пополнили программу традиционного школьного образования и положили начало высшему образованию. Сцена в «Облаках», где Стрепсиад осматривает обстановку школы Сократа, показывает, какие новые предметы преподавались в ней: он уже раньше слышал, что Сократ и его ученики обладают искусством неправое представлять правее правого; теперь он видит там инструменты для изучения астрономии и геометрии, географическую карту, видит самого Сократа, занятого наблюдением солнца; поступив в обучение к нему, слышит от него объяснения, по стихосложению, по грамматике, по метеорологии (о дожде, о громах, о молнии); все это сопровождается проповедью разрушения традиционных религиозных верований; Сократ учит его и самому процессу мышления. В сцене разговора Правосуда и Кривосуда подробно излагаются принципы старого и нового воспитания. Но главным, иногда исключительным, предметом преподавания софистов было словесное искусство, или риторика. С теорией были связаны практические упражнения во всех родах красноречия – изящного, судебного, политического, – в искусстве говорить или отвечать по произволу кратко или пространно, говорить без подготовок, защищать парадоксы, спорить за и против одного и того же положения, спорить против очевидности, сбивать, запутывать противника.

Преподавание софистов преследовало чисто практические цели; главною целью было научить способам побеждать противников в словесной борьбе в Народном собрании, в Суде, в Совете или склонить участников этих учреждений к своему мнению, нисколько не заботясь об истине, не стесняясь никакими средствами: крючкотворством, неправильным толкованием законов, даже ссылкой на несуществующие законы и т. д. К науке «чистой» софисты относились с презрением. Сократ, уча Стрепсиада грамматике, указывает ему, что это нужно как пропедевтический курс для изучения «несправедливой речи»⁵.

Одной из причин успеха учения софистов было то, что оно соответствовало духу времени. Софистика была в теории тем, чем была на практике греческая государственная жизнь во время Пелопоннесской войны. Платон справедливо замечает⁶, что софисты открыто высказывали только те положения, которыми руководилось большинство в своей гражданской и общественной жизни. И в самом деле, между тем как теоретический принцип софистики состоит в учении, что всякий отдельный человек может определять по своему

---

⁵ «Облака», ст. 658.

⁶ Платон. Государство, VI, 493 А.

произволу истинное, справедливое и доброе дело, на практике этот самый принцип выступает как беспредельный эгоизм во всех областях тогдашней государственной и частной жизни. Общественная жизнь сделалась в то время ареной честолюбия и эгоизма, необузданного стремления к влиянию и господству; постоянная борьба партий притупила и подавила всякое нравственное чувство. Каждый привык ставить свой личный интерес выше интересов государства и общественного блага и считать мерилom своей деятельности, своего поведения, своих намерений и поступков – единственно свой личный произвол и свою личную пользу. Обычаи потеряли свою силу; законы, часто постановляемые вновь и опять изменяемые в демократических государствах, стали казаться просто произволом властей; на веру в богов смотрели как на человеческий вымысел, придуманный с целью запугать силу свободной деятельности; все, что было уважаемо, представлялось как человеческое учреждение, которое каждый вправе изменять; словом, положение Протагора, что человек есть мера всех вещей, было верно соблюдено на практике, так что можно сказать, что софистика нашла только теоретическую формулу для практической жизни того времени. Поэтому нельзя особенно винить софистов за их учение: они только откровенно высказали вслух то, что было в умах людей того времени. Не учили они молодых людей стремиться достигнуть влияния и высокого положения в государстве; молодые люди сами шли к ним за таким учением; они указывала им только способы к достижению этого.

Несколько таких примеров можно привести из литературы. «Беотиец Проксен, еще бывший подростком, желал стать способным заниматься важными делами, и вследствие этой страсти он заплатил деньги Горгию Леонтинскому»⁷. В Платоновом диалоге «Протагор» Сократ представляет Протагору молодого Гиппократу с такими словами: «Вот Гиппократ, здешний гражданин, из знатной и богатой фамилии; сам он по своим способностям, кажется, может поспорить со своими сверстниками. Он желает приобрести известность в родном городе, а этого, думает он, он может достигнуть всего скорее, если станет твоим учеником»⁸. Подобным образом Критий и Алкивиад искали общения с Сократом с целью стать очень ловкими ораторами и дельцами и, как только почувствовали свое превосходство над товарищами, сейчас же отошли от Сократа и предались государственной деятельности, ради которой они и примкнули к Сократу⁹. Наконец, Стрепсиад, а затем Фидиппид в «Облаках» добровольно идут к Сократу, чтобы научиться тому, что им нужно.

⁷ Ксенофонт. Анабасис, II, 6, 16.

⁸ Платон. Протагор, гл. 8, 316 BC.

⁹ См. Ксенофонт. Воспоминания, I, 2, 15–16.

Отношение публики к софистам и их учению в Афинах было различное: одни их уважали, другие ненавидели.

Уважением пользовались они главным образом у молодых людей из знатных и богатых фамилий, видевших в софистике средство достигнуть влияния и высокого положения в родном городе. В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта упоминается несколько таких лиц (вероятно, их было много). Таков был, например, Главкон, молодой человек, не имевший еще 20 лет от роду, но уже мечтавший быть «премьером», главным оратором-демагогом (πρόστατέυειν τῆς πόλεως)¹⁰; таков был робкий Хармид, не решавшийся выступать оратором в Народном собрании и заниматься государственными делами¹¹.

Для таких честолюбивых юношей приезд в Афины знаменитого софиста был «событием». Очень красиво, но с заметной иронией описывает Платон такое «событие» – приезд Протагора в диалоге «Протагор». «В прошлую ночь, – рассказывает там Сократ, – еще ранним утром Гиппократ очень сильно постучал в дверь палкой и, когда кто-то ему отпер, он тотчас же стремительно вошел в комнату и закричал громким голосом: «Сократ, проснулся ты, или спишь?» Узнав его по голосу, я сказал: «Это – Гиппократ; уж не принес ли ты мне какой-нибудь недоброй вести?» – «Нет, ничего, – отвечал он, – вести хорошие». – «Хорошо, – сказал я, – в чем же дело? Зачем ты пришел так рано?» – «Протагор приехал», – ответил он, подойдя ко мне. – «Еще третьего дня, – сказал я, – а ты только что узнал?» – Да, только вечером»... «Так что же тебе до этого?» – спросил я, – уж не обидел ли тебя чем-нибудь Протагор? – Он со смехом ответил: «Да, Сократ, обидел тем, что он один только мудр, а меня таким не делает». – «Нет, – сказал я, – если ты дашь ему денег и уговоришь его, то и тебя он сделает мудрым». – «О Зевс и все боги! – сказал он. – Если бы дело было только в этом! Я истратил бы все деньги свои и своих друзей. Но затем-то именно я и пришел к тебе теперь, чтобы ты поговорил с ним от моего имени. Я ведь еще слишком молод, да кроме того никогда не видывал Протагора и не слыхивал от него ни одного-слова; я был еще ребенком, когда он приезжал сюда в последний раз. Но ведь, Сократ, все хвалят его и утверждают, что он искуснее всех в красноречии. Однако пойдем к нему, чтобы застать его дома; он остановился, я слышал, у Каллия, Гиппоникова сына. Пойдем же!» Тогда я сказал: «Нет, дружок, погодим еще идти туда: очень рано; а встанем и выйдем сюда на двор, погуляем тут и проведем время до рассвета; тогда и пойдем. Протагор по большей части бывает дома; поэтому, не бойся, вероятно, мы его застанем дома»¹².

¹⁰ См. Ксенофонт. Воспоминания, III, 6.

¹¹ См. там же, III, 7.

¹² Платон. Протагор, гл. 2, 310B – 311A.

После этого Сократ с Гиппократом пошел к дому Каллия, в котором собрались знаменитые софисты – Протагор, Гиппий и Продик. При них находились их поклонники. Дом был уже полон, и привратник едва пропустил Сократа с его спутником. Продик еще лежал, укутанный в одеяла, и разговаривал с окружающими его поклонниками; другой кружок толпился около Гиппия и беседовал с ним о небесных явлениях; а Протагор ходил взад и вперед с многочисленными слушателями, многие из которых, как «очарованные», последовали за ним из других городов. Когда Протагор, дойдя до стены, поворачивался назад, то слушатели его останавливались и расступались, чтобы, пропустив его, снова идти за ним. С таким торжеством встречали приезжих софистов в Афинах. Юноши, литераторы, политические деятели способны были проводить целые дни в беседах и словопрениях с ними; на улицах, в гимназиях за ними ходили толпы, и к множеству празднеств, развлечений, состязаний и зрелищ, которыми наполнялась афинская жизнь Периклова века, присоединялись словесные представления виртуозов речи.

Все поколение Пелопоннесской войны увлекалось новыми учителями: не было молодого человека богатого и честолюбивого, который не искал бы случая приобщиться к таинственной силе, бывшей в распоряжении софистов; не было такого умного человека, который не увлекался бы их красивой речью, но восхищался бы всеми фокусами их красноречия.

Однако увлечение учением софистов в Афинах вовсе не было единодушным. Увлекались ими главным образом молодые люди богатых и аристократических фамилий с практической целью: чтобы пользоваться искусством слова в Народном собрании, в суде, в Совете Пятисот. Для народной массы уроки софистов были слишком дороги и потому недоступны. Платон называет софистику «охотой за богатыми и знатными молодыми людьми» (*νέων πλουσίων καὶ ἐνδοξῶν θήρα*)¹³. Но, конечно, далеко не вся афинская «золотая молодежь» имела такие честолюбивые стремления: наверное, очень многие были похожи на Фидиппида в «Облаках» и предпочитали ученью спорт разного рода. Учениками софистов, таким образом, были преимущественно те, которых можно назвать дельцами и карьеристами. Софисты везде изображаются не жрецами чистой науки, а учителями практической жизни; их последователи интересовались тоже не расширением своего общего образования, а подготовкой к практической деятельности. Даже ученики Сократа, не говоря уже о Критии и Алкивиаде, изображаются в «Апологии» не в виде каких-нибудь ревнителей науки, а только в виде людей, старающихся дока-

---

¹³ Платон. Софист, 223 В.

зять свое умственное превосходство над другими; это все – сыновья очень богатых людей, не занятые никаким делом. «Молодые люди, сопровождающие меня, – говорит Сократ, – у которых очень много свободного времени, сыновья очень богатых родителей, добровольно и с удовольствием слушают, как я испытываю людей, и сами часто подражают мне и потому пробуют испытывать других; а потом, думаю, находят множество таких, которые воображают, что они что-то знают, а на самом деле знают мало или ничего»¹⁴.

Превосходным примером таких обличительных разговоров может служить разговор Алкивиада, которому не было еще двадцати лет, с опекуном своим Периклом, стоявшим тогда во главе государства. «Скажи мне, Перикл, – начал Алкивиад, – мог ли бы ты объяснить мне, что такое закон?» – «Конечно», – ответил Перикл. – «Так объясни мне», – сказал Алкивиад... «Ты хочешь узнать, Алкивиад, что такое закон, – отвечал Перикл – твое желание совсем не трудно исполнить: законы – это все то, что народ в собрании примет и напишет с указанием, что следует делать и чего не следует». – «Какою же мыслью народ при этом руководится, – хорошее следует делать или дурное?» – «Хорошее, мой мальчик, – отвечал Перикл, – конечно, не дурное». – «А если не народ, но, как бывает в олигархиях, немногие соберутся и напишут, что следует делать, – это что?» – «Все, – отвечал Перикл, – что напишет властвующий в государстве класс, обуславив, что следует делать, называется законом». – «Так, если и тиран, властвующий в государстве, напишет гражданам, что следует делать, и это закон?» – «Да, – отвечал Перикл, – все, что пишет тиран, пока власть в его руках, и это называется законом». – «А насилие и беззаконие, – спросил Алкивиад, – что такое, Перикл? Не то ли, когда сильный заставляет слабого не убеждением, а силой делать, что ему вздумается?» – «Мне кажется, да», – сказал Перикл. – «Значит, и все, что тиран пишет, не убеждением, а силой заставляя граждан делать, есть беззаконие?» – «Мне кажется, да, – отвечал Перикл, – я беру назад свои слова, что все, что пишет тиран, не убедивши граждан, есть закон». – «А все то, что пишет меньшинство, не убедивши большинство, но пользуясь своей властью, должны ли мы это называть насилием, или не должны?» – «Мне кажется, – отвечал Перикл, – все, что кто-нибудь заставляет кого-нибудь делать, не убедивши, – все равно, пишет ли он это, или нет, – будет скорее насилие, чем закон». – «Значит, и то, что пишет весь народ, пользуясь своей властью над людьми состоятельными, а не убедивши их, будет скорее насилие, чем закон?» – «Да, Алкивиад, – отвечал Перикл, – и мы в твои годы мастера были на такие штуки: мы заняты были этим и

---

¹⁴ Платон. Апология, 23 С.

придумывали такие же штуки, которыми, по-видимому, занят теперь и ты»¹⁵. Таким образом, при помощи софистического фокуса мальчишка сбил с толку опытного государственного деятеля, да еще в таком важном вопросе: оказалось, что нельзя отличить закона от беззакония, что один и тот же факт можно по желанию считать законным и беззаконным!

Такой нигилизм был возведен Протагором в принцип: «Человек есть мера всех вещей». «Все таково, каким оно кажется каждому». Дальнейший вывод из этой теории тот, что противоположные мнения относительно одного и того же предмета должно считать одинаково истинными; что обо всех вещах и о каждом предмете в частности можно с одинаковым правом говорить и за и против. Протагор учил также искусству «делать слабый довод сильным» (*τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιεῖν*), т. е. путем доказательств представлять неправое делом правым (и обратно), кривду представлять правдой и правду кривдой.

К религии софисты относились скептически; в частности, Протагор говорил: «Относительно богов я не могу сказать, существуют ли они, или нет, потому что многое препятствует познанию, — как неясность предмета, так и краткость человеческой жизни»¹⁶. От этого агностицизма оставался один шаг до атеизма. Диагор Мелосский, живший в начале Пелопоннесской войны, был, может быть, первым философом, который решился открыто отрицать существование богов и, следовательно, также необходимость культа. Вскоре после него Критий (впоследствии один из 30 тиранов), выступил с теорией, по которой религию придумал какой-то умный человек, чтобы посредством страха перед богами удерживать дурных людей от преступлений¹⁷.

Народная масса слушала речи софистов с удовольствием, восхищаясь разными риторическими украшениями их: так, Горгий, явившийся в Афины в 427 г. в качестве посланника родного города своего, Леонтина, так очаровал афинян своим красноречьем, что Народное собрание постановило оказать помощь Леонтинам. Так говорит Диодор в своем рассказе об этом посольстве¹⁸; намекает на увлечение народа речью Горгия с новыми для того времени риторическими фигурами и Аристофан, ставил себе в заслугу, что он избавил народ от чрезмерного обмана «необычными речами»¹⁹. На увлечение кра-

¹⁵ Ксенофонт. Воспоминания, I, 2, 40–46.

¹⁶ Диоген Лаэртский, IX, 51.

¹⁷ См. Критий. Сисиф. отрывок 1 = *Tragicorum Graecorum fragmenta, recensuit Aug. Nauck*, изд. II, 1889, с. 771.

¹⁸ См. Диодор, XII, 53.

¹⁹ «Ахарняне», ст. 634.

сивыми речами ораторов и софистов указывает и Клеон и осуждает своих сограждан за это: «Вы привыкли, – говорит он, – быть зрителями речей, и слушателями дел. О будущих предприятиях, об осуществимости их вы судите по речам ловких ораторов; о событиях, уже совершившихся, вы заключаете не столько по тому, что сделано, что вы сами видите, сколько по тому, что вы слышите из уст ораторов, искусных в обличении. Вы в совершенстве умеете дать ввести себя в обман разными новшествами в речи, следовать же вашим собственным решениям вы не желаете; вы – рабы всего необычайного; то же, что вошло-в обиход, вы презираете. Каждый из вас особенно хочет показать, что он сам может быть хорошим оратором; если же он сам на это не способен, что желает бороться с подобного рода ораторами, чтобы не показаться человеком лишь следующим в своем понимании за другими, и потому готов заранее одобрить всякую остроумную мысль... Вообще приятное для слуха покоряет вас, и вы более похожи на зрителей, сидящих пред софистами, чем на людей, совещающихся о делах государственных»²⁰.

Несмотря на это увлечение красотой речи, к которой афиняне V века были чувствительны, народная масса смотрела на ученых людей вообще подозрительно, опасаясь обмана с их стороны, по правилу, что «умный человек не может быть не плутом». Образование народ не только не уважал, но считал даже вредным. Так, Медея у Еврипида говорит: «Кто имеет рассудок здравый, никогда не должен детям давать такое образование, чтоб они становились излишне учеными: ведь не говоря уже об упреке в ничегонеделании, который они на себя навлекают, они еще получают зависть и злобу от своих сограждан. Стань знакомить невежд с новыми открытиями науки, они сочтут тебя человеком бесполезным, а не умным (ученым). А если тебя сочтут выше людей, слывающих умными, то ты окажешься человеком неприятным в городе»²¹.

Аристотель также признает, что «за образованием следует зависть [недоброжелательство]»²². Очень откровенно выражается на эту тему Клеон в своей речи перед Народным собранием: «Необразованность, соединенная со скромностью, полезнее, чем смышленость, соединенная с самомнением, и люди попросте по большей части лучше правят государством, чем умники»²³.

Это же мнение приписывает народу аристократический автор памфлета «Об Афинском государственном строе». «Они [т. е. народ] понимают, что необразованность и порочность его [т. е. простого

---

²⁰ Фукидид, III, 38, 4–7.

²¹ Еврипид. Медея, ст. 294–301.

²² Аристотель. Риторика, 1399 а 14.

²³ Фукидид. III, 37, 3.

человека], хотящего им добра, полезнее, чем добродетель и ум благородного, хотящего им зла»²⁴.

Кроме такой общей антипатии людей необразованных к образованным, народная масса в Афинах имела и специальные причины относиться враждебно к софистам. Хотя народ не мог вникать в тонкости их учения как по своей необразованности, так и по недоступности их учения для людей небогатых, но в общем народ понимал, что это учение разрушало общепринятые положения нравственности и религии. Рассуждения, например, о том, что можно всякое неправое дело представить правым, конечно, должны были казаться безнравственными людям простым; а атеизм софистов должен был возмущать их религиозное чувство. Народная масса в Афинах V века была настроена религиозно и суеверно; предсказатели всякого рода пользовались большим авторитетом; даже ораторы, государственные деятели ссылались на оракулы совершенно так же, как на какой-нибудь документ. Недаром у Аристофана в «Всадниках» Клеон и Колбасник приносят Дему целые вороха предсказаний. По свидетельству Фукидида, в самом начале Пелопоннесской войны «предсказатели пели различные предсказания, слушать которые каждый жадно стремился»²⁵. В религиозных процессах по поводу «нечестия» например против Анаксагора, Диагора, Протагора, и особенно против гермокопидов, проявилось все неистовство толпы, возмущенной кощунством над мистериями и осмеянием тех культов, которые были ей дороги. Все это софисты отрицали, и потому, конечно, народ должен был относиться к ним враждебно.

Вред софистической риторики для людей, незнакомых с ее тайнами, особенно чувствовался на практике в суде, где молодой человек сбивал с толку и запутывал своего простоватого противника. Аристофан рисует картину привлеченных к суду ветеранов, Марафонских бойцов, в каком-то государственном процессе. По закону Писистрата, раненые ветераны имели право на пенсию; здесь они жалуются, может быть, на то, что молодые люди выступают против них на суде и при помощи крючкотворства стараются доказать, что они не заслуживают пособия от государства (по поводу подобного обвинения написана Лисием речь XXIV). «Мы, старые старики, – говорят ветераны, – жалуемся на наш город. Вы не хотите кормить нас на старости лет, как мы того заслужили в морских сражениях. Ваше отношение к нам возмутительно. Вы нас, стариков, таскаете по судам и отдаете на посмешище мальчишкам – ораторам... Молодой оратор бьет старика закругленными фразами, задает вопросы, составляет западни из слов, рвет, сбивает с толку. А тот от старости

---

²⁴ См. Псевдо-Ксенофонт. Афинское государственное устройство, I, 7.

²⁵ Фукидид, II, 21, 3.

мямлит и уходит, присужденный к штрафу, а потом с горя плачет и говорит друзьям: "На что я хотел купить гроб, теперь должен отдать то как штраф". Пристойно ли погубить на суде седого человека, много потрудившегося в поте лица, Марафонского бойца, служившего родине? Когда мы были при Марафоне, мы преследовали, а теперь нас преследуют негодяи и осуждают»²⁶. Таково было отношение народа к этим питомцам софистов.

Но и мнение интеллигенции афинской тоже не было благоприятно для софистов, за исключением упомянутых выше молодых людей, видевших в их учении средство для личного возвышения, и немногих аристократов вроде богача Каллия, оказывавших им покровительство. Вот как, например, Анит, имевший значительное влияние как государственный деятель, характеризует софистов в Платоновом диалоге «Менон»: «Ни кого ни из родных, ни из близких людей, ни из друзей, ни из афинян, ни из иногородних да не обуяет такое безумие, чтобы пойти к ним и развратиться? Ведь они – явная порча и гибель тех, кто с ними общается»²⁷. «Они сами-то не безумны: гораздо безумнее юноши, которые дают им деньги; а еще безумнее родственники, которые вверяют им юношей; безумнее же всех города, позволяющие им приходиться и не изгоняющие их, иногородний ли вздумает делать что-нибудь подобное, или свой горожанин»²⁸. Для нас в данном случае не важно, соответствует ли эта убийственная характеристика действительности или нет; нас занимает теперь вопрос о том, как смотрели на софистов люди «солидные» в Афинах. Анит был неученый, а кожевник-фабрикант, обвинявший Сократа (как сказано в Платоновой «Апологии») за ремесленников, и потому его мнение о софистах можно считать одинаковым с мнением народной массы. Вот еще мнение Ксенофонта о софистах: «Дивлюсь я на так называемых софистов. Большая часть утверждает, что они ведут юношей к добродетели, а ведут их к противоположному: мы нигде еще не видели человека, которого теперешние софисты сделали бы хорошим; да и сочинений они не пишут таких, от которых люди должны делаться хорошими. О пустяках ими написано много, что юношам доставляет пустое удовольствие, а добродетели никакой»²⁹.

Кроме упрека в безнравственности учения софистов, репутации их особенно вредило то, что они брали плату за свои уроки. Нам это кажется вполне естественным, но не таков был взгляд древних греков на это. Всякое занятие ручной работой, ремеслами, мелкой тор-

---

²⁶ «Ахарняне», ст. 676–700.

²⁷ Платон. Менон, 91 С.

²⁸ Там же, 92 А.

²⁹ Ксенофонт. Об охоте, гл. 13, 1–2.

говлей и т. д. считалось позорным для свободного гражданина³⁰. Афинянин часто предпочитал получать три обола за участие в суде присяжных, чем заработать их тяжелым ручным трудом. Люди, не имевшие никакой должности, могли заниматься ремеслом, и, несомненно, в Афинах было много ремесленников из числа граждан: Соократ в «Воспоминаниях» говорит, что Народное собрание состоит из ваяльщиков, башмачников, плотников, кузнецов, земледельцев, купцов и рыночных торговцев³¹. Но такие занятия граждан извинялись лишь крайней бедностью и общим бедствием, вызванным Пелопоннесской войной. Очень ясно это видно из речи Демосфена против Евбулида. С каким старанием, с какой осторожностью, – можно сказать, боязливым тоном, – Демосфен в двух местах защищает своего клиента Евксифея от упрека, что он вел мелочную торговлю лентами! Разве Евбулид посмел бы упрекнуть своего противника Евксифея в занятиях ремеслом, если бы значительная часть судей, избравшихся по жребию из всех афинян, сама состояла из ремесленников? Очевидно, он мог бы этим только повредить себе. Мало того, он пользуется этим занятием как аргументом негражданского происхождения Евксифея: «Он заведомо продавал ленты на рынке; он – ремесленник: следовательно, он не афинянин, а метек». И как боязливо защищается и извиняется Евксифей:

«Мы признаем, что и ленты продавали и жили не так, как желали бы», говорит он в одном месте, и далее: «Он ставит в упрек моей матери и то, что она служила [наемной] кормилицей, и мы не отрицаем, что это действительно случилось, когда наше отечество было в несчастьи и все граждане были в бедственном положении. Да не посмотрит на это дурно никто из вас, афиняне! Если бы мы были богаты, мы не стали бы продавать ленты и не находились бы в безвыходном положении. Не брезгайте, судьи, бедняками (достаточное для них несчастье бедность сама по себе), и особенно теми, которые предпочитают работать и законным образом добывать себе средства к жизни... Что низко положение [наемной] кормилицы, от этой истины я не уклоняюсь [= эту истину я не отрицаю]...

Много рабских и низких дел бедность заставляет делать и свободных»³².

Как видно из всей этой речи, торговля лентами на рынке и поступление женщины в наемные кормилицы считались настолько недостойными афинского гражданина или гражданки, что подавали повод к подозрению, что такой человек не был афинским гражданином. И притом эта речь произнесена пред Гелиеей, которая состояла пре-

³⁰ См. Ксенофонт. Домострой, гл. 4.

³¹ См. Ксенофонт. Воспоминания, III, 7, 6.

³² Демосфен. Речь против Евбулида. LVII, 31–45.

имущественно из низших классов граждан. Но возможно, что судьи, несмотря на свое невысокое происхождение, тем не менее гордились своей должностью, как государственные чиновники, как своего рода служилая аристократия, и свысока смотрели на наемный труд и мелкую торговлю; комедия «Осы» дает право это предполагать.

Хорошей иллюстрацией к такому взгляду афинян (и вообще греков) на ремесленников (βάνδοοι) и мелких торговцев может служить разговор Сократа с Аристархом в Ксенофоновых «Воспоминаниях», происходивший в 403 г.

Аристарх жаловался Сократу на свое тяжелое материальное положение. «Когда у нас в городе началось восстание [разумеется борьба между "Городской" и "Пирейской" партиями] и многие бежали в Пирей, ко мне сошлись покинутые сестры, племянницы, двоюродные сестры, и столько их собралось, что теперь у меня в доме одних свободных четырнадцать человек. А доходов нет у нас никаких – ни от земли, потому что она в руках противной партии, ни от домов, потому что в городе народа мало. Домашних вещей никто не покупает; занять денег негде: скорее, кажется, на дороге найдешь, чем получишь займы. Тяжело, Сократ, смотреть на смерть родных, но и прокормить столько человек при таких обстоятельствах невозможно». Сократ указывает ему на некоторых промышленников и фабрикантов, которые благодаря своим предприятиям не только безбедно живут, но даже и богатеют, каков, например, некий Керамон. «Но Керамон содержит рабов, а я – свободных», – отвечал Аристарх. – «Кто же, по-твоему, лучше, – спросил Сократ, – свободные у тебя, или рабы у Керамона?» – «Я думаю, – отвечал он, – свободные у меня» – «Так, разве это – не срам, – сказал Сократ, – что он благодаря худшим живет в богатстве, а ты с гораздо лучшими – в бедности?» – «Он ведь содержит ремесленников, – отвечал Аристарх, – а я людей, получивших воспитание свободных граждан». – «Так, ремесленники это – люди, умеющие делать что-нибудь полезное?» – спросил Сократ. – «Конечно», – отвечал Аристарх. – «Неужели твои ничего этого не умеют делать?» – спросил Сократ. – «Нет, все умеют, думаю». Сократ опять указывает на нескольких богатых промышленников. «Да они ведь покупают и держат у себя варваров, – отвечал Аристарх, – которых они могут заставлять работать такие хорошие вещи, а у меня живут свободные, да еще родные». – «Так, неужели оттого, что они – свободные, они не должны ничего делать, как только есть и спать? – сказал Сократ. – С какой целью твои родственницы учились тому, что они знают? Считали ли они эти знания непригодными к жизни и не имели в виду делать из них никакого употребления, или, наоборот, думали применять их на практике и извлекать из них пользу?... Итак, не думай долго и пред-

ложи им заняться работой, которая будет на пользу и тебе и им; они, наверное, тебя послушают». – «Твой совет мне кажется очень хорошим, Сократ», – отвечал Аристарх. В результате этого разговора добыли основной капитал, купили шерсти; из мрачных стали веселыми; прежние косые взгляды сменились радостными; они любили Аристарха как покровителя; Аристарх ценил их как полезных членов семьи. Наконец, он пришел однажды к Сократу и с радостью рассказал ему об этом, прибавив, что они упрекают его, что он в доме – единственный дармоед»³³.

Таков был взгляд на платный труд у греков. Однако, если верить Ксенофону, и сам Сократ держался этого взгляда. «Действительно, – говорит он в "Домострое" Критобулу, – занятие так называемыми ремеслами зазорно и, естественно, пользуется очень дурной славой в городах. Ведь ремесло вредит телу и рабочим и надсмотрщиков, заставляя их вести сидячий образ жизни, без солнца, а при некоторых ремеслах приходится проводить целый день у огня. А когда тело изнеживается, то и душа становится гораздо слабее. К тому же ремесленники считаются непригодными для дружеского сообщества и плохими защитниками отечества. А в некоторых городах, особенно в тех, которые славятся военным делом, даже и не дозволяется никому из граждан заниматься ремеслом»³⁴. Ввиду этого Сократ советует Критобулу заниматься земледелием: это считалось делом почетным.

Не только физическая работа, но и художественная и умственная деятельность не пользовались почетом. Плутарх является отличным выразителем взглядов античного общества. «Ни один способный юноша, – говорит он, – видевший в Писе [в Олимпии] Зевса [разумеется статуя Зевса работы Фидия] или Геру в Аргосе [разумеется статуя Геры работы Поликлета], не пожелал быть Фидием или Поликлетом. И точно так же он не пожелал быть Анакреонтом или Филетом или Архилохом, хотя и восхищался их произведениями. Если нам нравится какое-нибудь произведение искусства, то из этого еще не следует, что творец его достоин нашего подражания»³⁵.

Но, несмотря на презрительное отношение образованных кругов к платному труду, в Афинах, как уже сказано выше, было множество граждан-ремесленников: как видно, «бедность заставляла многих свободных делать рабские и низкие дела».

Презрительное отношение к платному физическому труду было перенесено и на оплачиваемый умственный труд софистов. Об этой «продаже мудрости» софистами за деньги постоянно твердят (с яв-

---

³³ Ксенофонт. Воспоминания, II, 7.

³⁴ Ксенофонт. Домострой, гл. 4.

³⁵ Плутарх. Перикл, гл. 2.

ным или подразумеваемым упреком) Сократ у Платона и Ксенофонта, и сам Ксенофонт, Аристотель и Аристофан.

Сократ в разговоре с Антифонтом так отзывается о софистах: «Кто продает свои знания за деньги кому угодно, тех обзывают софистами»³⁶. В другом месте Ксенофонт сам говорит так: «Сократ с тех, кто желал общения с ним, не брал денег. В таком бескорыстии он видел заботу о свободе; а кто берет плату за свои беседы, тех он презрительно называл продавцами самих себя в рабство, так как они обязаны разговаривать с теми, с кого берут плату. Он удивлялся, как это человек, объявляющий себя учителем добродетели, берет деньги и не видит громадной пользы для себя в приобретении доброго друга, а боится, что тот, кто достигнет нравственного совершенства, не воздаст величайшей благодарности своему величайшему благодетелю»³⁷. Суровый отзыв о софистах дает Ксенофонт и в своем сочинении «Об охоте»: «Софисты говорят для обмана и ищут для своей корысти и никому не приносят никакой пользы, так как между ними не было и нет ни одного, мудреца. Каждый довольствуется только названием софиста, что составляет позор в глазах людей здравомыслящих. Поэтому я советую к учению софистов относиться осторожно, а к рассуждениям философов относиться с уважением, потому что софисты гоняются за молодыми и богатыми, а философы со всеми общительны и дружны»³⁸. И в «Анабасисе» Ксенофонт, рассказав о том, что Проксен учился у софиста Горгия, не забывает прибавить, что он «заплатил деньги» за эти уроки.

Очень ярко выражает Платон неодобрение софистам по поводу взимания ими платы за учение, например, в диалоге «Софист». «Софистика оказалась видом занятий: приобретать, менять, продавать, торговать духовными товарами, и именно исследованиями и знаниями, касающимися добродетели»³⁹. В том же диалоге Сократ определяет софиста, во-первых, как «платного ловца молодых и богатых людей»; во-вторых, как «крупного торговца знаниями, относящимися к душе»; в-третьих, как «мелкого торговца тем же самым товаром»⁴⁰. Почти теми же словами Сократ определяет софиста в диалоге «Протагор»: «Не есть ли софист, так сказать, торговец крупный и мелкий теми товарами, которыми питается душа?»⁴¹. Даже в «Апологии» Сократ (или Платон) находит нужным, противопоставляя себя софистам, упомянуть, что Горгий, Продик и Гиппий

---

³⁶ Ксенофонт. Воспоминания, I, 6, 13.

³⁷ Ксенофонт. Воспоминания, I, 2, 6–7.

³⁸ Ксенофонт. Об охоте. XIII, 8–9.

³⁹ Платон. Софист, 224 С.

⁴⁰ Там же, 231 D.

⁴¹ Платон. Протагор. 313 С.

«убеждают молодых людей платить им деньги за учение у них»⁴². В приведенном уже выше тексте из диалога «Протагор» Сократ, разговаривая с молодым Гиппократом, тоже упоминает о гонораре: «Ты теперь хочешь идти к Протагору и платить ему деньги за свое обучение»... «Мы теперь пойдем к Протагору и будем готовы заплатить ему за твое обучение деньги»⁴³.

Однако несмотря на такое восхищение Гиппократом умом и искусством Протагора говорить, Гиппократ покраснел при мысли, что он сам может стать софистом⁴⁴: такой дурной репутацией пользовалось само занятие софиста!

Аристотель называет софиста человеком, наживающим деньги призрачною мудростью⁴⁵, и замечает, что, тогда как отношения между людьми, занимающимися сообща философией, измеряются не деньгами, но дружбою и сильной признательностью, софисты вследствие несоответствия между обещаниями и исполнением обещаний вынуждены брать с учеников деньги вперед⁴⁶.

У Аристофана Стрепсиад, расхваливая сыну «мудрые души», говорит: «Они учат брать верх как в честных, так и в бесчестных делах, если платить им деньги»⁴⁷.

Много способствовали дурному мнению о софистах еще слухи о громадности платы, которую они требовали за свои уроки и о больших богатствах, нажитых ими. О Протагоре говорили, что он заработал своей «мудростью» денег больше, чем Фидий⁴⁸, и что за свое ученье (вероятно, за полный курс?) он брал 100 мин⁴⁹, сумму огромную по тому времени⁵⁰. Горгий поставил сам себе статую из золота в Дельфах: «так велика была прибыль от преподавания ораторского искусства»⁵¹, прибавляет Плиний. То же сообщают Павсаний⁵², Цицерон⁵³, Афиней⁵⁴, Филострат⁵⁵, Дион Златоуст⁵⁶. В одной надписи,

⁴² Платон. Апология, 19 E.

⁴³ Платон. Протагор, 311, BD.

⁴⁴ См. Платон. Протагор, 312 A.

⁴⁵ См. Аристотель. О софистических доказательствах, I, 165a, 22.

⁴⁶ См. Аристотель. Этика Никомачова, X, 1164a, 27–33.

⁴⁷ «Облака», ст. 98–99.

⁴⁸ См. Платон. Менон, 91D.

⁴⁹ Минна = 436, 6 г серебра.

⁵⁰ Диоген Даэртский, IX, 52.

⁵¹ Плиний. Естественная история, XXXIII, §83.

⁵² Павсаний, X, 18, 7.

⁵³ Цицерон. Об ораторе, III, 32, 129.

⁵⁴ Афиней, XI, § 113 = с. 505 d.

⁵⁵ Филострат. Биографии софистов, т. II, с. 12, 12, изд. Кайзера.

⁵⁶ Дион Златоуст. Речь XXXVII = т. II, с. 301, 4 изд. Диндорфа.

найденной в Олимпии, сказано, что эта статуя поставлена «не в знак богатства, а в знак благочестия»⁵⁷.

Гиппий хвалился тем, что, приехав однажды в Сицилию, когда там жил и славился Протагор, он, будучи намного моложе его, в очень короткое время заработал более 150 мин и в одно только со всем маленьком местечке Инике – более 20 мин⁵⁸. А Продик во время одного приезда в Афины за свои торжественные речи и обучение молодежи получил денег «удивительно сколько»⁵⁹. Слухи эти, может быть, были преувеличены: Исократ свидетельствует, что после смерти Горгия осталось только 1000 статоров⁶⁰. Протагор у Платона рассказывает о порядке получения им платы с учеников так: «Когда кто-либо пройдет курс у меня, то, если он хочет, отдает сумму, которую я требую; если же нет, то идет в храм и под присягой уплачивает столько, сколько, по его мнению, стоят приобретенные им знания»⁶¹. Вероятно, плата была различная, смотря по обстоятельствам: так, Стрелсиад приносит Сократу в виде гонорара за обучение сына всего только мешок муки⁶², согласно своему обещанию «засыпать кругом квашню Сократа ячменной мукой»⁶³.

Вообще в классической греческой литературе мы не встречаем ни одного сочувственного отзыва о софистах. Наименее неблагоприятны для них отзывы Платона и Аристотеля, наиболее неблагоприятны – отзывы Исократа. Общественное мнение партий, которые в политике боролись не на жизнь, а на смерть, относилось отрицательно к новому образованию и держалось старинных традиций. Комедия последовала общему течению и включила софистику в число осмеиваемых ею предметов.

Первой из известных нам комедий этого рода была не дошедшая до нас комедия Кратина «Всевидащие» (Πανόλται). В ней осмеивался философ и атеист Гиппон, объяснявший природные явления в духе Фалеса, признававший началом всего «влагу» (ὑγρόν). В комедии «Всевидащие», между прочим, было приведено его учение о том, что небо есть печь, окружающая людей, а люди в ней – уголья. Эту мысль Аристофан в «Облаках» приписывает Сократу и его школе⁶⁴.

Затем, Аристофан в своей первой (не дошедшей до нас) комедии «Пирующие» (Δαίταλῆς), поставленной в 427 г., выступил против

⁵⁷ См. Дильс. «Отрывки досократиков», II, 1, с. 547. II изд.

⁵⁸ См. Платон. Гиппий Большой, 282 DE.

⁵⁹ Там же, 282 C.

⁶⁰ Статер = 8,73 г серебра. См. Исократ. Речь XV, 156.

⁶¹ Платон. Протагор, 328 B.

⁶² См. схолии к ст. 1146 «Облаков».

⁶³ «Облака», ст. 669.

⁶⁴ См. «Облака», ст. 95–97 и схолии к ст. 96.

нового софистического воспитания. О ней Аристофан в ст. 529 «Облаков» говорит, что она была благосклонно принята публикой, а в схолиях к этому стиху сказано, что она поставлена была на втором месте. Содержание ее на основании сохранившихся фрагментов можно определить лишь в самом общем виде⁶⁵.

В 423 г. комик Амипсий поставил на сцене не дошедшую до нас пьесу «Конн» (Κόννος) на том же празднике, на котором были поставлены «Облака» Аристофана, причем пьеса Амипсия была удостоена второго места в конкурсе. Название «Конн» дано этой пьесе по имени музыканта Конна, бывшего учителем Сократа. Содержание ее неизвестно, но известно, что хор состоял из «мыслителей» (φροντισταί). Главным действующим лицом в ней был Конн, а Сократ, может быть (но не наверное), был актером или хоревтом⁶⁶. Протагора в хоре «мыслителей» не было.

В 421 г. комик Евполид поставил на сцену свою пьесу «Льстецы» или, вернее, «Прихлебатели», «Лизоблюды», «Параситы» (Κόλακες), в которой главным «героем» был богатый и развратный Каллий, но в качестве параситов его были выведены софисты, составлявшие хор комедии, в том числе Протагор и друг Сократа Херефонт. Каллий был известен как любитель софистов; в Платоновом диалоге «Протагор» его дом и представлен местом пребывания их. Эта пьеса Евполида очень понравилась публике и была удостоена награды первой степени.

К разряду комедий, родственных по духу «Облакам», может быть, следует отнести еще не дошедшую до нас пьесу Евполида «Народы», или «Общины» (Δῆμοι), в которой тоже восхвалялось старое время, и тоже не дошедшую до нас пьесу Евполида «Города» (Πόλεις), в которой речь шла о том, что афиняне должны мягче относиться к союзникам.

Все-таки комедия «Облака» была, по-видимому, единственной комедией, которая была посвящена всецело критике нового учения и воспитания, пропагандируемого софистами и представителем их (по мнению Аристофана) Сократом: по крайней мере в Платоновой «Апологии» именно комедия «Облака» считается причиной распространения одиозного мнения о Сократе⁶⁷.

Комедия «Облака», как уже сказано, при представлении на конкурсе комиков в праздник Великие Дионисии 423 г. была поставлена на третьем (последнем) месте, т. е. «провалилась». Это было для Аристофана неожиданностью: он успел уже к этому времени прославиться; первая его комедия «Пирующие» была принята публикой

---

⁶⁵ Оно изложено выше – статья «Первые две комедии Аристофана».

⁶⁶ GAF, I, 67.

⁶⁷ См. Платон. Апология, 19 С.

благодаря и поставлена на втором месте при конкурсе, а две непосредственно предшествовавшие «Облакам» пьесы, «Ахарняне» и «Всадники», были удостоены даже первой награды. Причина провала «Облаков» неизвестна, и мы не можем судить об этом уже потому, что одержавшие победу комедии – «Бутылка» Кратина и «Конн» Амипсия до нас не дошли, так что мы не можем сравнить их с «Облаками».

Но, даже если бы и дошли до нас эти пьесы соперников Аристофана, и тогда едва ли мы могли бы определить причину провала «Облаков». Этому препятствуют следующие причины: во-первых, наша, современная, эстетическая оценка древней драмы может не совпадать с оценкой древних и, во-вторых, оценка древних вообще, и в частности судей на драматических состязаниях, может быть несправедливой по разным причинам.

«Облака», по мнению большей части ученых нового времени, – превосходная пьеса, даже самая лучшая из дошедших до нас комедий; по мнению других (правда, немногих), это – «жалкое» сочинение и даже (в настоящем своем виде) составленное (из подлинного произведения Аристофана) в поздний период Византийской империи.

Таким образом, нет единого, общего мнения ученых нового времени о произведениях Аристофана, в том числе и об «Облаках», а потому и сравнивать теперешнее мнение с древним мы не могли бы. Затруднение усиливается еще оттого, что древние критики (вероятно Александрийские ученые) восхваляют эту комедию⁶⁸, так что остается непонятным, по каким причинам современники Аристофана, судьи на драматическом состязании, забраковали ее. Надо заметить, впрочем, что постановка «Облаков» на последнем месте не означает еще, что пьеса была «забракована», что она не понравилась публике или судьям и была признана неудовлетворительной. В дополнение к сказанному здесь о причинах провала «Облаков» см. то, что сказано ниже, в статье «Афинская театральная публика» об эстетической оценке драматических произведений древними афинянами.

Наконец, огромное значение при суждении афинян о комедии должны были иметь их чувства по отношению к выведенным в пьесе лицам, хорошо известным каждому, занимавшим нередко высокое положение в государстве. Осмеяние, например, всесильного Клеона, конечно, должно было очень понравиться огромному большинству зрителей и влиять на благоприятную оценку комедии. Мы, читатели нового времени, относимся к таким лицам древности вполне объективно, «не ведая ни жалости, ни гнева», а для современников, да еще

---

⁶⁸ Так, автор 3-й вводной статейки (с. 103 в изд. Бергга) говорит: «драма из очень искусно сделанных».

таких экспансивных, как афиняне, это были живые люди, возбуждавшие чувства ненависти, презрения, смеха.

Какова бы ни была причина провала комедии «Облака», Аристофан счел приговор этот несправедливым и в парабазе комедии «Осы», поставленной на сцену в следующем (422) году на Ленеиском празднике, высказал народу свое недовольство. «Поэт желает теперь обратиться к зрителям с некоторыми упреками. Он говорит, что, хотя он сделал много добра им, они первые его обидели». Указав затем на пользу, которую он приносил своими произведениями согражданам, на то, что он нападал всегда на людей самых сильных, он продолжает: «Но он еще и теперь ратует за вас: в прошлом году он напал на лихорадки и горячки, которые ночью душили ваших отцов и дедов и, лежа на постелях, клеили против тех из вас, которые не любят судебных процессов, разного рода иски и клеюзы, так что многие из вас вскакивали в страхе и бежали к полемарху. Несмотря на то, что вы нашли [в нем] такого защитника от бед, очистителя нашей страны, вы в прошлом году изменили ему, посеявшему новые идеи: не поняв их, как следует, вы сделали их бесплодными. А между тем, он клянется Дионисом, что никто никогда не слышал комических стихов лучше этих. Для вас это – позор, что вы не поняли их сразу; а репутация поэта у людей умных несколько не пострадала от того, что он, стараясь переиграть соперников, сломал надежду на победу. Но на будущее время любите больше и уважайте тех поэтов, которые стремятся говорить и изобретать что-нибудь новое; берегите себе мысли их и кладите их в сундуки вместе с лимонами. Если будете так поступать, то от ваших плащей целый год будет пахнуть умом»⁶⁹.

В этой образной речи для нас кое-что неясно, но общий смысл ее понятен: под «лихорадками и горячками» поэт разумеет, по-видимому, софистов и их последователей (может быть, даже сикофантов), которые своим крючкотворством не давали покоя мирным гражданам, вовлекая их в судебные процессы; поэт ставит в заслугу себе, что он в «Облаках» выступил против софистов и их учения. «Облака» он считает самой лучшей комедией, какая когда-либо была поставлена на афинской сцене. Причину провала этой пьесы он видит в невежестве своих соотечественников, не смогших понять выраженной в ней идеи и считает этот провал позором для них, а не для себя, потому у что знатоки ценят надлежащим образом эту пьесу.

Важным дополнением к этому заявлению Аристофана служит его другое заявление, высказанное в парабазе к переделанному «Облакам», которая была написана, по-видимому, после комедии «Осы».

---

⁶⁹ «Осы», ст. 1016–1059.

Тут Аристофан говорит следующее: «Как верно то, что я хочу быть победителем и считаться даровитым поэтом» так верно и то, что я решился дать вам первым попробовать эту комедию⁷⁰, стоившую мне очень большого труда, потому что считал вас зрителями понимающими, а эту комедию – самой остроумной и первой между моими комедиями. Несмотря на это, мне пришлось уйти побежденным людьми грубыми, хотя я того не заслужил. Так за это я делаю упрек вам, знатокам, ради которых я трудился так. Но все-таки я, насколько от меня зависит, не оставлю вас, людей, понимающих искусство... Итак, теперь эта комедия пришла искать, не встретит ли она в зрителях таких ценителей... Я с умом придумываю все новые сюжеты, нисколько не похожие один на другой, и притом все остроумные»⁷¹. Здесь он опять хвалит свою комедию; но причину провала ее указывает другую: каких-то «грубых людей» (ἄνδρες φορτικοί). Под этими людьми он разумеет своих соперников при представлении «Облаков» в 423 г. – Кратина и Амипсия, которыми он был побежден. Он их называет фортикоί – авторами низкопробных, балаганных пьес, а потому и упрекает зрителей в невежестве, в том, что они оценили такие балаганные пьесы выше его ученой комедии. Несмотря на это, он хочет поставить вторично на сцену свою комедию, в надежде, что теперь по крайней мере люди, обладающие хорошим вкусом, знатоки, оценят ее по достоинству.

Как видно из слов Аристофана, он считал причиной провала «Облаков» только невежество народной массы. Поэтому нельзя считать достоверным рассказ Элиана о том, что будто бы публика признала победителем Аристофана, а только судьи поставили его пьесу на последнем месте⁷². Если бы это было так, то Аристофан, наверное, упомянул бы об этом в той или другой парабазе⁷³. На этом же основании следует считать недостоверным рассказ, приведенный во второй вводной статейке к «Облакам»⁷⁴, о том, что Аристофан написал эту комедию, заставленный Анитом и Мелетом (позднейшими обвинителями Сократа), чтобы посмотреть заранее, как отнесутся афиня-

⁷⁰ «Здесь гл. ἀναγεῖσθαι разно понимают комментаторы: одни – в смысле «дать попробовать *вновь*» (приставка ἀνα часто означает повторение); другие – в смысле «дать попробовать» (без слова «вновь»). При первом толковании получается смысл, что Аристофан имеет в виду вторично поставить на сцену свою комедию; при втором, что Аристофан говорит о первом представлении ее. Я держусь второго толкования.

⁷¹ «Облака», ст. 520–548.

⁷² См. Элиан. Разные истории, II, 13.

⁷³ Однако замечательно, что и в схолиях даже хорошей Венецианской рукописи (в Равеннской рукописи этой схолии нет) выражение αὐδρῶν φορτικῶν толкуется в смысле «судей» (κρίτων). Стало быть, Александрийским ученым, вероятно, уже была известна версия, которую впоследствии Элиан поместил в своей книжке.

⁷⁴ См. с. 107–108 в изд. Бергка.

не к комедии против Сократа, и что Алкивиад главным образом помешал Аристофану одержать победу. В последнем сообщении, может быть, и есть какое-нибудь зерно истины: Алкивиаду было тогда около 25 лет; он был уже упомянут Аристофаном в «Пирующих», а в «Облаках» в Фидиппиде мог заметить сходство с собою и за это мог вести агитацию против Аристофана. Но опять-таки надо сказать, что если бы была такая агитация и если бы она повлияла на приговор судей, то Аристофан упомянул бы об этом в той или другой параграфе.

На основании этой жалобы Аристофана на невежество публики можно, по крайней мере с некоторой степенью вероятности, сделать догадку о том, почему именно пьесам Кратина и Амипсия было оказано публикой предпочтение пред «Облаками»: комедия Аристофана была слишком учена для массы и потому скучна; пьесы его соперников были попроще и потому веселее. О комедии Амипсия «Конн» мы не можем судить, так как от нее сохранилось очень мало отрывков (всего 12); но от комедии Кратина «Бутылка» отрывков сохранилось больше (всего 24), и мы можем составить хотя некоторое понятие о содержании ее, — главным образом благодаря тому, что в схолиях к ст. 400 «Всадников» изложено кратко ее содержание. В этой комедии Кратин одновременно и защищался и сам же шутил над собою; он представил себя женатым на «Комедии», но изменяющим ей с другой женщиной по имени «Пьянство» (Μέθη). Законная жена Кратина, Комедия, собиралась с ним развестись. Другая поэтесса уговаривала ее повременить и не затевать процесса, а Комедия горько им жаловалась на мужа, совсем переставшего ею интересоваться и проводящего время не с ней, а с Пьянством — Метой. Надо полагать, эта комедия была очень веселая и во всяком случае вполне понятная простой публике, и потому доставила автору награду первой степени, тем более что автор был давнишний любимец публики и в то время уже очень старый: ему было уже 95 лет.

Считая несправедливым свое поражение, Аристофан решил поставить вторично на сцену свою столь дорогую для него пьесу, произведя в ней некоторые переделки, в надежде, что теперь публика уже поймет высказанные в ней мысли и оценит ее по заслугам. Об этом он сам говорит в ст. 534–535 переработанных «Облаков»: «Теперь эта комедия пришла искать, не найдет ли она в зрителях таких ценителей». Важные сведения о переработке «Облаков» сообщаются в 5-й и особенно в 6-й вводной статейке к «Облакам»⁷⁵.

В 6-й статейке сказано следующее: «Это [т. е. переработанная пьеса (αἱ δευτέραί Νεφέλαι)] тождественно с первой пьесой. Пьеса [т. е. поставленная на сцену в 423 г. (αἱ πρώτηί Νεφέλαι)] переработана

⁷⁵ См. с. 109 изд. Бергка.

на отчасти, так как поэт, должно быть, имел намерение вторично поставить ее на сцену, но впоследствии по какой-то причине оставил свое намерение. Мелкие исправления распространялись вообще почти на все части пьесы: кое-что выброшено, кое-что вставлено; также в размещении [т. е. отдельных стихов?] и в смене действующих лиц сделаны изменения. Иные части подверглись полной переработке: так, например, парабаза хора заменена другою [т. е. написана вновь], а также та сцена, где разговаривают Правосуд и Кривосуд, и, наконец, сцена, где поджигается жилище Сократа». Таким образом, автор этой статейки различает два рода изменений, которым подверглась комедия: мелкие изменения (διόρθωσις), касавшиеся, вероятно, отдельных фраз, и капитальные (ὀλοσχερῆς διασκευή), состоявшие в переработке заново целых сцен.

На основании сказанного в этой вводной статейке можно предположить, что переработка «Облаков» происходила так: Аристофан после неудачи своей пьесы, чувствуя себя оскорбленным и считая причиной неудачи непонимание ее зрителями, решил переработать ее и поставить опять на сцену⁷⁶. Перерабатывал он ее долго, в течение нескольких лет, как об этом свидетельствует схолия к ст. 591 – κατὰ πολλοὺς τοὺς χρόνους διασκεύασε τὸ δράμα – и как можно судить об этом по упоминанию в пьесе событий даже 420 г.; долго перерабатывал он ее, может быть, потому, что в это же время писал и новые пьесы. Пока он ее перерабатывал, события шли своим чередом, и многое в комедии оказывалось уже не соответствующим действительности: так, например, в ст. 591 о Клеоне говорится еще как о живом, хотя он был убит в сражении в 422 г. Вероятно, и жгучее чувство обиды в нем уже улеглось под влиянием побед следующих годов, и он оставил свою работу не доконченной. Впоследствии, вероятно уже после его смерти, его сыновья, найдя эту комедию, не пожелали ее уничтожить, а пустили в свет с теми поправками, которые были сделаны отцом. Так как переработка была не докончена Аристофаном, то этим я объясняются некоторые странности в комедии, на которые обратили внимание еще Александрийские ученые: критика нового времени указала целый ряд мест, которые отчасти противоречат более или менее одно другому, отчасти представляются почти тождественными между собою. Надо полагать, что сыновья Аристофана старались как можно менее уничтожать из того, что нашли они в рукописи отца, и таким образом включали в свою ре-

⁷⁶ Такие переработки драм и вторичная постановка их в новом виде, по-видимому, не были редкостью. До нас дошли известия, что Аристофан переработал также «Фесмофориазусь», «Плутос» и «Эолоскион»; авторы Средней и Новой комедии – Антифан, Дифил, Менандр и другие – тоже переработали некоторые свои пьесы; из трагиков то же делал Еврипид (в «Медее», «Оресте», «Ифигении в Авлиде»).

дакцию иногда сцены как первоначальные, так и те, которые были написаны Аристофаном для замены их.

Эта редакция и есть та, которая дошла до нашего времени. Первоначальная редакция, в которой эта комедия была поставлена на сцене в 423 г., была сравнительно скоро вытеснена второю редакцией; по крайней мере у нас нет достоверных известий, чтобы первая редакция существовала после эпохи Александрийских ученых, т. е. III – I веков до н. э. Правда, позднейшие писатели, как Афиней, Диоген Лаэртский и Фотип, приводят отрывки из первой редакции («Первых Облаков»), но есть основание думать, что они сами не имели этой редакции, а заимствовали эти отрывки у других, более ранних писателей». Есть даже мнение, высказанное Риттером⁷⁷, что списки с «Первых Облаков» были неизвестны даже и Александрийским ученым, что отрывки, цитируемые из этой редакции, представляют собою фальсификацию и что суждения Александрийских ученых об этой редакции основаны лишь на догадках.

СОКРАТ И АРИСТОФАН

В изложении комедии «Облака» я старался привести места, характеризующие Аристофанова Сократа. Сократ беден, почти нищий, имеет школу, берет плату с учеников, отбирает у них (вероятно, в счет гонорара) одежду и обувь, не гнушается даже воровством, ведет суровый образ жизни, но держит себя гордо, в общепризнанных богов не верит, а вводит новые божества (Облака, Воздух, Эфир, Хаос, Язык, Дыхание), занимается физическими науками, астрономией, объяснением явлений природы естественными причинами, учит при помощи софистических приемов диалектике⁷⁸; подготовкой к этому служит наука слова: метрика, ритмика, грамматика; таким воспитанием, считает Аристофан, Сократ развращает молодежь. Мелетово обвинение целиком покрывается Аристофановой характеристикой, да еще остается много таких черт, на которые Мелет, по крайней мере в официальной жалобе своей, не указывал и которые, по описанию Сократа у Ксенофонта и Платона, были ему совершенно чужды.

Критиков и древних и новых времен занимал вопрос, какими мотивами руководился Аристофан, приписывая Сократу черты, которые ему были чужды. Вопрос этот имеет целую литературу.

Глубокое уважение всех времен к Сократу и невольный восторг каждого перед одною из лучших комедий Аристофана находятся в

---

⁷⁷ См. журнал «Philologus», 1875.

⁷⁸ «Под диалектикой понимали в древности искусство добиться истины, путем раскрытия противоречий в суждении противника и преодоления этих противоречий». История ВКП(б), Краткий курс. Госполитиздат 1938, с. 100.

непримиримом противоречии. Сократ, сын Софрониска, которого мы привыкли считать идеалом мудрости и добродетели, и Аристофанов Сократ, по-видимому, не имеют ничего общего между собой. Однако уважение к Сократу получило перевес, и долгое время на Аристофане лежал упрек в злонамеренности и безнравственности. Как в древние, так и в новые времена, почти до конца XVIII века, никто не сомневался в том, что Аристофан намеренно, из дурных побуждений, очернил Сократа. Одни говорили, что Анит и Мелет подкупили Аристофана, чтобы он написал эту комедию с целью расположить народ к принятию обвинений, по которым Сократ был казнен. Это сообщение, конечно, не выдерживает никакой критики уже потому, что «Облака» были написаны за 24 года до суда над Сократом и обвинители Сократа не стали бы молчать столь долгое время. Другие критики видели тут личную вражду Аристофана к Сократу будто бы за то, что царь македонский Архелай приглашал к своему двору Сократа, а не Аристофана. В настоящее время эти мнения совсем забыты. Новыми учеными представлено много решений этого вопроса; все они имеют целью так или иначе оправдать Аристофана, по крайней мере снять с него обвинение в злонамеренной клевете.

Виланд, кажется, первый высказал мысль, что Аристофан не хотел причинить несправедливости Сократу и не думал, что причинил ее, но сам был в заблуждении, так как смотрел на него с неправильной точки зрения. Затем Лессинг заметил, что под именем Сократа Аристофан нападает не на одного Сократа, а на всех философов и софистов, занимавшихся воспитанием молодых людей. Справедливость этих положений в общих чертах признается в настоящее время, кажется, всеми; но есть большая разница в решении вопроса, почему Аристофан относит Сократа к числу софистов. Вопрос этот едва ли можно решить с полной достоверностью. Наиболее вероятным объяснением этого факта я считаю то, что Аристофан действительно смотрел на Сократа иными глазами, чем мы, видел в нем опасного для общества человека и, так как с самого начала своей литературной карьеры усвоил себе позицию моралиста и защитника государственности, то счел своим нравственным долгом показать своим согражданам вред этого человека – совершенно так же, как Мелет спустя 24 года счел нужным внести против него формальное обвинение. Даже наказание, смертную казнь, которую предложил Мелет, Сократ заслужил, по мнению Аристофана, как видно из заключительной сцены «Облаков».

При рассмотрении вопроса об отношении Аристофана к Сократу надо отрешиться от нашего представления о Сократе и стать на точку зрения заурядного афинского гражданина того времени.

В «Облаках» Аристофан обвиняет Сократа главным образом по двум пунктам: он учит молодых людей физическим наукам⁷⁹ и в связи с этим проповедует неверие в отечественных богов, преподает им риторику, или «диалектику», при помощи которой можно «черное делать белым», что ведет к безнравственности.

Есть ли тут черты, принадлежащие Сократу? По-видимому, нет, насколько мы можем судить по тому, что известно нам из главных наших источников о Сократе, – из Платона и Ксенофонта. Так, по свидетельству Ксенофонта⁸⁰ и самого Сократа (или Платона)⁸¹, физических наук он никогда не преподавал своим ученикам, неверия в родных богов не проповедовал. Что касается диалектики, то, действительно, ею пользовался он, но не с дурной целью, а с хорошей, чтобы направить своих слушателей на путь добродетели. Таким образом, портрет Сократа, нарисованный Аристофаном, по-видимому неверен. Но он подходит к другим: так, физическими науками занимались и подвергались за это упрекам в безверии некоторые философы, например Анаксагор, как об этом говорит Сократ у Платона⁸², и некоторые софисты, например Гиппий, а эристической⁸³ ловкостью, имевшей целью придать неправому делу вид правого, отличались софисты вообще.

Посмотрим прежде всего, что вообще преступного в этих обвинениях с древней точки зрения.

Физические науки считались в народе прежде всего пустыми и бесполезными в практическом отношении, как об этом свидетельствует оратор Исократ: «огромное большинство людей считает такие науки болтовней и пустословием, потому что от них нет никакой пользы ни в частных делах, ни в общественных»⁸⁴; и Исократ принужден защищать эти науки тем же самым аргументом, каким теперь обыкновенно защищают умозрительные науки, именно, что они служат умственной гимнастикой: «развивши ум на этих науках, они легче и скорее могут воспринимать и изучать предметы более важные и ценные»⁸⁵.

И не только бесполезными считались эти науки, но даже и вредными, по крайней мере астрономия. Вред ее видели уже в том, что человек, исследующий небесные явления, делает неуютное богам и

---

⁷⁹ Под физическими науками я разумею те, которые в древнее время обозначались этим названием, – зоологию, астрономию, космографию, географию, геометрию.

⁸⁰ См. Ксенофонт. Воспоминания, I, 1, 11; IV, 7.

⁸¹ См. Платон. Апология, 19 В. С. Д.

⁸² См. Там же, 26 D.

⁸³ Эристика – греч.: искусство вести спор, полемику.

⁸⁴ Исократ, XV, 262.

⁸⁵ Там же, XV, 265.

навлекает гнев их на всю общину, желая узнать то, чего они не хотели открыть людям. Такого мнения держался сам Сократ, по словам Ксенофонта: «Вообще он не советовал заниматься изучением небесных явлений, как бог производит каждое из них: этого, думал он, людям не удастся постигнуть, да и богам не доставит удовольствия, кто исследует то, чего они не захотели открыть»⁸⁶. Вот почему Стрепсиад, сжигая дом Сократа в конце «Облаков», ставит в упрек ему и ученикам его, что они «оскорбляли богов и смотрели сиденье луны». А у Лукиана сама Луна жалуется на философов: «у них другого занятия нет, как совать свой нос в мои дела; кто я, как велика, да по какой причине становлюсь разрезанной надвое или серпообразной»⁸⁷ и т. д. Поэтому народ, как говорит Плутарх, «не выносил физиков [натурфилософов] и думал, что они унижают силу божества, приписывая действия природы неразумным причинам, силам без промысла и необходимым (неизбежным) явлениям»⁸⁸.

Мало того, проникновение в тайны неба, по мнению народа, вело к неверию в богов. За девять лет до представления «Облаков», по предложению Диопифа, было сделано народное постановление против тех, которые «не верят в божественное или преподают учения о небесных явлениях»⁸⁹: таким образом, занятие астрономией и нечестие были синонимами. Действительно, если небесные явления – дождь, молния, гром, – на которые народ смотрел как на непосредственное дело божества, объяснялись естественными причинами, например случайным столкновением облаков, то это должно было подрывать веру в богов, вести к атеизму. Поэтому философ Анаксагор, друг Перикла, за свои космологические и астрономические изыскания был обвинен в безбожии и изгнан из Афин.

Если же боги сброшены с своего престола, рассуждали афиняне, что станется с законами справедливости и нравственности, какая высшая сила будет награждать добрых и наказывать злых? Уничтожая богов и клятву, философы и софисты, по мнению их современников, отрицали вместе с тем нравственный долг.

Физическими науками занимались преимущественно философы древнего периода; в программу обучения софистов эти науки не всегда входили. В основе их преподавания лежало искусство спора, которое тогда называлось диалектикой. Это была страшная и опасная наука: она состояла в мастерстве вести слушателя путем искусного рассуждения к заранее намеченному результату. При этом дело не всегда обходилось без фальши: например, одному и тому же сло-

---

⁸⁶ Ксенофонт. Воспоминания, IV, 7, 6.

⁸⁷ Лукиан. Икароменипп, гл. 20.

⁸⁸ Плутарх. Никий, гл. 23.

⁸⁹ Плутарх. Перикл, гл. 32.

ву в двух посылках умозаключения придавали не вполне одинаковые значения, на чем и основаны иногда софизмы. Софисты унаследовали диалектику от философской школы Элеатов, особенно от Зенона, который в интересах своего направления доказывал, что движение есть покой. В то время логические операции, приводящие к таким неожиданным результатам, были новостью и должны были ошеломлять современников. Под ударами новой науки опыт, от которого так или иначе отпирывались изыскания всех предшествующих мыслителей, разлетался в прах, и на его место становилась всемогущая человеческая мысль, не знающая себе законов. Где же после этого истина? Софисты пришли к тому, что безусловной истины нет и что мера всех вещей – человек, т. е. для каждого истинно и действительно то, что ему таким кажется, и поэтому есть только субъективная и относительная истина, но не объективная и одинаковая для всех.

В результате такой критики установленных понятий, при помощи так понимаемой диалектики, можно было оправдать всякий безнравственный поступок, например доказать, что справедливо бить отца, как это доказывается представителем софистического образования в «Облаках»; можно было доказать несправедливость всякого государственного закона, как это делает Алкивиад в разговоре с Периклом⁹⁰.

Молодые ученики софистов с жадностью набросились на эту новую науку, дававшую такие чудесные результаты, которые важны были не только в теории, но и на практике, например для оратора в Народном собрании. Сократ у Платона так описывает восторг, в который приходили молодые люди, изучившие софистику: «Юноша словно обретает какое-то сокровище мудрости, приходит от удовольствия в восторг, пробует всякие рассуждения... и таким образом вводит в недоумение прежде всего и больше всего самого себя, а потом и другого, кто бы он ни был, – моложе ли его, или старше, или его сверстник, – не щадя ни отца, ни матери, ни другого кого из слушателей»⁹¹. Вред такого отрицательного, разрушительного направления диалектики был замечен современниками. Сократ у Платона так характеризует эту диалектику: «Разве ты не замечаешь, – говорит он Главкону, – какой вред происходит от диалектики?.. Ее приверженцы подобны подкинутым детям, воспитанным в богатстве, в важном доме, среди льстецов. Пока такие дети остаются в неведении о своем происхождении; они слушаются и почитают мнимых родителей и родственников больше, чем льстецов; но когда им станет известно, что эти родители и родственники не истинные, они склоняют слух к льстецам, а тех, кого прежде считали за родителей и

---

⁹⁰ См. Ксенофонт. Воспоминания, 1, 2, 40 и сл.

⁹¹ Платон. Филеб, 15 D.

родственников, ставят ни во что, если только от природы не высоко нравственны. У нас есть с детства мнения о справедливом и прекрасном, в которых мы воспитаны, словно под надзором родителей, повинувшись им и почитая их. Но есть и противоположные им приятные занятия, льстящие нашей душе и привлекающие к себе. Что же, если к человеку, покорному этим мыслям, подойдет вопрос и спросит, что такое прекрасное, и когда тот ответит слышанное от законодателя рассуждение, станет опровергать его и доведет его до убеждения, что прекрасное не более прекрасно, чем безобразное, и точно так же будет говорить о справедливом, о хорошем и о том, что он высоко чтит, тогда что станется с с этим его почтением и повиновением? Если он и этих мнений не будет больше считать почтенными и своими, и истины не найдет, то не правдоподобно ли, что он скорее станет на сторону льстивой жизни, чем на сторону другой, и из покорного законам станет их послушником? Не должно ли соблюдать величайшую осторожность, чтобы молодые люди не вкушали диалектики? Я думаю, и ты замечал, что мальчики, вкусив впервые рассуждений, обращают их в забаву, чтобы противоречить и, подражая тем, которые опровергают, сами начинают опровергать других и радуются подобно щенятам, что словами тянут и рвут другого. После же того, как они опровергнут многих и сами будут опровергнуты многими, они скоро доходят в сильной степени до такого состояния, что не признают ничего из того, что признавали прежде, а чрез это навлекают всеобщий позор и на себя и на все, касающееся философии»⁹².

Эта диалектика могла найти себе широкое применение на суде: надо было уметь поставить вопрос противнику, чтобы запутать его, и, наоборот, уметь самому ответить на поставленный вопрос. Аристофан в комедии «Ахарняне» рисует яркую картину того, как люди простые, не обладающие искусством вести споры, проигрывают процессы в судах, где против них выступают молодые люди, получившие образование у новых преподавателей риторики. «Молодой оратор, – говорят старики, – так нас и бьет закругленными словами, задает вопросы, расставляет западни из слов»⁹³. В «Облаках» Стрепсиад выражает полную уверенность, что при помощи диалектики можно избавиться от уплаты долгов. Ксенофонт в «Воспоминаниях»⁹⁴ рассказывает о том, как успешно Архедем, хороший оратор, защищал Критона от сикофантов. Каким сильным оружием на суде было искусство вести споры, видно еще из одного предания о тяжбе, возникшей между преподавателем риторики Кораком и его учени-

---

⁹² Платон. Государство, 537 Е и сл.

⁹³ «Ахарняне», ст. 685 и сл.

⁹⁴ Ксенофонт. Воспоминания, II, 9.

ком Тисием. Тисий, научившись у Корака ораторскому искусству, сам сделался учителем риторики и, полагаясь на свою ловкость вести судебные дела, не пожелал заплатить своему наставнику условленного вознаграждения. Корака привлек Тисий к суду. «Скажи мне, Корака, – обратился к нему Тисий, – учителем чего я себя объявляю?» – «Искусства убеждать кого угодно», – отвечал Корака. – «Но если ты выучил меня этому искусству, – продолжал Тисий, – то я смогу тебя убедить ничего с меня не брать; если же ты меня не выучил убеждать, то и в этом случае я тебе ничего не должен, так как ты не научил меня тому, чему обещал научить». На это Корака возразил: «Если, научившись у меня искусству убеждать, ты убеждаешь меня ничего не брать с тебя, то ты должен мне отдать вознаграждение, так как ты умеешь убеждать; если же ты меня не убеждаешь, то опять-таки должен заплатить мне деньги, так как я тобою не убежден не брать с тебя денег». Судьи вместо приговора сказали: «У дурного ворона⁹⁵ дурное и яйцо. Как воронята готовы пожрать своих родителей, так и вы здесь пожираете друг друга».

Итак, занятие физическими науками и диалектикой было предосудительно в глазах афинянина V века. В «Облаках» Аристофан приписывает Сократу занятие этими науками. Но к Сократу это обвинение кажется не приложимым, а, напротив, оно вполне приложимо к другим философам и софистам. По какому же праву Аристофан приписал Сократу то, что принадлежит софистам, которые считаются полной противоположностью Сократу и которых он всегда опровергал? Приписать Сократу учение софистов казалось некоторым ученым до того невозможным, что они предположили даже, будто Сократ у Аристофана вовсе не исторический Сократ, а лишь отвлеченный тип софиста, только с его именем. Но это мнение неверно, как видно уже из того, что у Аристофанова Сократа много черт, ему лично принадлежащих; он противопоставляется софисту Продику, при нем находится его ревностный ученик Херефонт. Кроме того, Аристофан упоминает Сократа, и тоже с насмешкой, в двух более поздних пьесах – «Птицах» (ст. 1555), где он называет его немывтым, и в «Лягушках» (ст. 1491), где также есть намек на его индивидуальную черту – болтовню окружающих его лиц. Кроме Аристофана, и другие авторы комедий выводили или упоминали Сократа в своих пьесах; поэтому никакого сомнения не может быть, что он лично давал материал для насмешек современникам.

Причина этого может быть единственно та, что большая часть афинян того времени, в том числе и Аристофан, смотрели на Сократа другими глазами, чем мы, признавали его вредным человеком и

---

⁹⁵ Игра слов: «Корака» значит «ворон».

считали одним из софистов. Аристофан и называет его в «Облаках» (ст. 360), наряду с Продиком, «метеорософистом» (т. е. софистом по части небесных явлений). Посмотрим, не имел ли Аристофан хоть какого-нибудь права причислять Сократа к софистам.

Прежде всего надо заметить, что деятельность Сократа и софистов с внешней стороны была почти одинакова. Софистами назывались вообще учителя «мудрости» (в широком, греческом значении этого слова), как бы они ее ни преподавали, и потому назвать Сократа софистом, с точки зрения афинян, было вполне правильно, тем более что Сократ постоянно находился в общении с ними, когда они приезжали в Афины. Правда, Сократ не признавал себя софистом, потому что он не преподавал систематически и не брал денег за свои беседы; но, не признавая себя учителем добродетели, он тем не менее учил ей, и притом не только не дожидаясь приглашения, но сам отыскивая себе учеников. Таким образом, с внешней стороны Сократ отличался лишь тем, что софисты были щеголи, а Сократ – бедно одетый и даже босой. Другое внешнее его отличие от них было то, что он не брал денег со своих слушателей. Но это отличие так незначительно (платный или бесплатный учитель – не все ли равно?), что не могло служить препятствием называть его софистом. Если бы кто спросил какого-нибудь афинянина того времени, кто в вашем городе главные софисты, он назвал бы в числе первых Сократа.

Если мы обратимся к внутренней стороне деятельности Сократа, то и здесь найдем между ним и софистами гораздо больше общего, чем предполагаем. Учение его как по методу, так отчасти и по содержанию, имело много общего с учением софистов.

Метод рассуждений Сократа имел внешнее сходство с методом рассуждений софистов. Он усвоил себе их приемы, однако в пользовании ими между Сократом и софистами лежит глубокая разница: Сократ пользуется диалектикой с благой целью, чтобы направить человека на путь истинного знания, или, что для Сократа одно и то же, на путь добродетели; софист делает это ради тщеславия (в эристических состязаниях) или же с целью вооружить посредством эристических упражнений учеников необходимою в практической жизни изворотливостью, не только не справляясь с требованиями нравственности, но даже обыкновенно вопреки им.

Аристофан видит в Сократе очень искусного диалектика, с которым в этом искусстве, по свидетельству Ксенофонта, никто не мог сравниться, и опасался, что в его руках это оружие может привести к губительным последствиям. Положим, что Сократ имел в виду благоую цель, но цель эта очень часто была не видна. Так, в «Воспоминаниях» доказательство Сократа относительно лжи и обмана носит

явно софистический характер⁹⁶. В диалогах Платона мы не раз видим, как собеседники Сократа читают ему выговор за то, что он их попусту сбивает с толку. «Твои слушатели, Сократ, – говорит расположенный к нему Адимант, – внимая тому, что ты теперь говоришь, испытывают каждый раз вот что. Им думается, что, по неопытности в вопросах и ответах, они при каждом вопросе немного сбиваются с пути, а затем, когда к концу беседы накопятся такие небольшие отклонения, то оказывается большая ошибка и противоречие преждему, и что, подобно тому, как искусные игроки в шашки припирают неопытных в конце так, что те не знают куда ступить, точно так же и они в конце ставятся в тупик и не знают, что сказать, в этой другой игре – не шашками, а словами, хотя истина вовсе не в том [что ты говоришь]»⁹⁷.

Софист Гиппий у Платона замечает: «Прекрасно и весьма ценно – уметь составить и произнести превосходное слово в суде, или в совете, или в каком-нибудь другом правительственном месте. Вот к чему надо стремиться, распрощавшись с этими мелочными тонкостями, чтобы не показаться глупым, занимаясь такой чепухой и болтовней, как теперь»⁹⁸. В другом месте тот же Гиппий упрекает Сократа: «Сократ всегда в рассуждениях сбивает с толку и как будто плутует»⁹⁹.

Если самим софистам рассуждения Сократа казались иногда чересчур тонкими, софистическими, то профаны, понятно, должны были считать Сократа таким же софистом, только очень искусным. Что некоторые по крайней мере ученики привлекались к нему не той благой целью, какую он преследовал, а только его диалектической ловкостью, видно из того, что Критий, впоследствии один из Тридцати тиранов, и Алкивиад, бывшие одно время учениками Сократа, как только почувствовали себя достаточно сильными в диалектике, сейчас же оставили его, желая воспользоваться этим искусством на практике, чтобы иметь влияние в государстве.

Итак, благая цель, к которой стремился Сократ, была сравнительно скрытой, между тем как его диалектический метод, одинаковый с методом софистов, прямо бросался в глаза. Возможно, что и Аристофан, подобно многим другим, не замечал этой доброй цели; но во всяком случае, даже если он ее и замечал, он имел полное право опасаться, что по крайней мере некоторые, а, может быть, и многие из

---

⁹⁵ См. Ксенофонт. Воспоминания, IV, 2 и прим. 12 к этой главе в кн.: Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. Перевод, статьи и комментарии С. И. Соболевского. М.–Л., Academia. 1935, с. 377.

⁹⁷ Платон. Государство, 487 В. С.

⁹⁸ Платон. Гиппий Большой, 304 А. В.

⁹⁹ Платон. Гиппий Малый, 373 В.

его учеников воспользуются приобретенным ими у Сократа знанием диалектики для дурных целей. События показали, что это случилось и на самом деле. Историки философии признают, что никто в такой мере, как Сократ, не способствовал размножению в Афинах эристов. Особенно повредили Сократу в общественном мнении ученики его Алкивиад и Критий, прославившиеся с очень дурной стороны: первый как себялюбивый честолюбец, второй как заклятый враг демократии. Через долгое время после смерти Сократа афиняне не могли простить ему, что он воспитал тирана Крития: «Афиняне, вы казнили софиста Сократа за то, что он воспитал Крития, одного из Тридцати, низвергнувших демократический строй», – говорил оратор Эсхин в 345 г., через 54 года после смерти Сократа¹⁰⁰. Эти ученики тем более бросали дурную тень на Сократа, что истинные его ученики держались в стороне от общественных дел и потому не могли быть поставлены в противовес Критию и Алкивиаду.

Кроме софистического метода, в самом учении Сократа Аристофан мог подметить многое, не согласное с его воззрениями.

Прежде всего надо упомянуть о предпринятом Сократом испытании людей. Сократ рассказывает в Платоновой «Апологии», что он получил когда-то оракул от Аполлона, в котором бог называл его мудрейшим из всех людей. Не понимая, как это может быть, но и не смея не верить богу, он решился прибегнуть к некоторым изысканиям. Он стал ходить к людям, имевшим репутацию мудрых, чтобы доказать себе, что они мудрее его. Так, он обращался к государственным деятелям, ораторам, поэтам, ремесленникам, но всегда находил сам и старался доказать им, что они вовсе не мудры на самом деле, хотя и сами признают себя мудрыми, и другие считают их такими. При этих испытаниях подвергались критике общепризнанные и дорогие всем мнения, чем занимались и софисты. Притом, как тут, так и вообще в своих беседах Сократ нередко не давал своего учения, отговариваясь тем, что он ничего не знает, так что его критика была совершенно такою же, как у софистов, – разрушительной, отрицательной.

Нельзя сказать даже и того, что положительное учение самого Сократа было всегда безошибочно и безупречно. При первом чтении Платоновых диалогов мы готовы вообразить, что истину говорит только Сократ, что он сам никогда неповинен в заблуждении и всегда бывает великим разоблачителем ошибок и заблуждений других. Но это естественное предвзятое мнение разрушается открытием, что иногда софисты правы, а Сократ неправ. Найдется немного даже

---

¹⁰⁰ Эсхин, I, 173.

современных читателей, которые станут на сторону Сократа в диалоге «Протагор», где Сократ отождествляет удовольствие с благом.

Надо вообразить себе действие на аудиторию таких бесед Сократа, как разговор его с гетерою Феодотой¹⁰¹, где он дает ей некоторые советы, до которых, по едкому замечанию Афиней¹⁰², не додумались сами женщины одинаковой с нею профессии. Слыша рассказы о таких беседах от сыновей, вряд ли родители их могли поблагодарить Сократа за его науку. «Если бы Сократ жил среди нас, – говорит Фулье, – если бы французский университет имел честь считать его в числе своих профессоров философии, он нажил бы себе без сомнения много врагов; его не казнили бы, но лишили бы кафедры и закрыли его курсы. Самый лучший из министров народного просвещения стал бы действовать, как Анит и Мелет, с совершенно спокойной совестью¹⁰³.

Даже некоторые кажущиеся нам невинными рассуждения Сократа, если смотреть на них с философской точки зрения, должны были возбуждать негодование среди его современников, например, то, что он считал позволительным связать отца, если он сойдет с ума¹⁰⁴; а похороны родственников сравнивал с обрезыванием ногтей, волос, мозолей и выплевыванием слюны¹⁰⁵. Кроме того, Сократ относился очень неблагосклонно к демократии, то есть к узаконенному в Афинах образу правления, и смеялся над выборами должностных лиц по жребию¹⁰⁶. Он проповедовал также, что начальники не те, которые избраны кем попало (намек на Народное собрание), а умеющие управлять¹⁰⁷.

К тому же, именно передовые идеи Сократа вызывали особенное негодование, например мысль о том, что не только рабы, но и свободные граждане должны заниматься трудов¹⁰⁸, естественно, встречала прямое противодействие и несогласие со стороны многих афинских граждан.

Нельзя сомневаться, что Аристофан не решился бы выступить с таким злым обвинением против Сократа, если бы к нему относилось благосклонно общество. Но вся беда была в том, что Сократ восставил против себя общественное мнение. Люди традиций, зажиточные, имевшие вес в стране, как, например, Анит, смотрели на софис-

---

¹⁰¹ См. Ксенофонт. Воспоминания, III, 11.

¹⁰² См. Афиней, V, 220 E.

¹⁰³ A. Fouillee. La philosophie de Socrate, t. II, p. 380.

¹⁰⁴ См. Ксенофонт. Воспоминания, I, 2, 49.

¹⁰⁵ Там же, 53.

¹⁰⁶ Там же, 9.

¹⁰⁷ Там же, III, 10, 11.

¹⁰⁸ Там же, II, 7.

тов, как на язву общества¹⁰⁹. Эта консервативная партия одинаково не мирилась как с собственно софистами, так равно и с истинными философами. Их раздражало в них не то или другое философское учение, а та критика, с которой они – те и другие по-своему – относились к прежнему, традиционному складу мировоззрения.

Сократ сам знал, что его ненавидят сограждане: в Платоновой «Апологии» он говорит: «Сильная вражда явилась против меня и у многих, это, будьте уверены, истинная правда. И, если что погубило меня, так именно это; не Мелет и не Анит, а клевета и недоброжелательство народа»¹¹⁰. Хармид¹¹¹ в Ксенофоновом «Пире» указывает, что даже за дружбу с Сократом его ругали, когда он был богач.

Кроме принципиального несогласия в убеждениях, у многих афинян были другие, личные мотивы не любить Сократа.

Я уже упоминал о предпринятом им исследовании людей. Это занятие доставило ему очень много врагов, как и сам он свидетельствует¹¹² и Ксенофонт¹¹³. Он обращался к разным лицам, иногда высокопоставленным, и доказывал им путем вопросов, что они не знают того дела, которым занимаются. Легко ли было сносить им это от безобразного, босоного, бедно одетого человека, нищего болтуна (как его называет комик Евполид), но в то же время державшего себя с большим достоинством? Часто при таких испытаниях Сократа били кулаками, выщипывали волосы и презрительно смеялись над ним¹¹⁴. Историк Грот удивляется еще терпимости афинян, которые лет тридцать выносили его присутствие в своем городе.

Сильное влияние, которое оказывал Сократ на молодых людей, должно было делать его еще более опасным в глазах их родителей и возбуждать в них ревность: отцам казалось, что сыновья меньше любят их, чем своего учителя, а этого одного уже было достаточно, чтобы называть Сократа развратителем молодежи. В «Киропедии» Ксенофонта есть интересный рассказ, в котором, несомненно, имеется в виду Сократ. У Тиграна, сына армянского царя, был софист, находившийся всегда при нем. Не видя его, Кир однажды спросил Тиграна, где этот софист. «Его казнил мой отец», – отвечал Тигран. – «За что же?» – спросил Кир. – «Отец утверждал, – отвечал Тигран, – что он меня развращает. А между тем это был такой прекрасный человек, что даже перед смертью он позвал меня и сказал:

---

¹⁰⁹ Платон. Менон, 91 С.

¹¹⁰ Платон. Апология. 28 А.

¹¹¹ См. Ксенофонт. Пир, 4, 32.

¹¹² См. Платон. Апология, 18 В.

¹¹³ См. Ксенофонт. Воспоминания, IV, 2, 40.

¹¹⁴ См. Диоген Лаэртский, II, 21.

«Не сердись на отца, Тигран, за то, что он меня казнит, потому что он делает это без всякого злого умысла, но по неведению; а ошибки, происходящие по неведению, я считаю невольными». – «Как жаль его!» – воскликнул Кир. Тогда отец Тиграна стал говорить Киру: «Ты знаешь, Кир, что муж убивает постороннего мужчину, которого он застаёт со своею женой, не за то, что он делает ее менее нравственной, но за то, что он лишает мужа ее любви; за это муж и поступает с ним, как с врагом. Точно так же и я завидовал этому софисту, потому что, казалось мне, он так устроил, что сын мой уважал его более, чем меня». Кир сказал: «Да, я думаю, такую ошибку может сделать всякий человек. Прости отца своего, Тигран!»¹¹⁵.

Чувство озлобления афинян против Сократа, вероятно, усиливалось еще оттого, что не только сам Сократ подвергал людей испытанию, но что по его примеру то же самое делали и его ученики. «Молодые люди, дети очень богатых родителей, – говорит Сократ, – сопровождая меня по собственной инициативе, с удовольствием слушают, как я испытываю людей, часто мне в этом подражают и принимаются испытывать сами»¹¹⁶. Мудрено ли после этого, что многие отцы были раздражены против Сократа, видя в нем развратителя своих детей, учащего их относиться к ним с неуважением? И это было отчасти справедливо: если Сократ не учил детей бить родителей кулаками (как обвиняет его Аристофан), то он учил бить их рассуждениями. Так, предпринятое Сократом испытующее обличение людей с целью искания истины приносило плоды, как раз противоположные тем, которые он надеялся видеть, и вместо «ручных собак» из учеников его выходили «хищные волки»¹¹⁷.

Если Сократово учение давало иногда, хотя и против его желания, очень печальные результаты, то ничего удивительного нет в том, что он казался Аристофану, как и многим другим, вредным и опасным софистом. Видя, что некоторые вышедшие из школы Сократа готовы спорить против всего, признаваемого истиной, Аристофан имел право вывести в своей комедии Фидиппида, умеющего неправое дело представлять правым и доказывающего, что справедливо бить отца и мать.

Итак, обвинение Сократа в том, что он развращает молодежь «диалектикой», с точки зрения Аристофана не было клеветой, а несомненно казалось ему вполне законным. Нельзя этого утверждать с такою же уверенностью о другом его обвинении – о том, что Сократ преподает ученикам физические науки. Ксенофонт, Аристотель и сам Сократ в Платоновой «Апологии» свидетельствуют, что он за-

---

¹¹⁵ Ксенофонт. Киропедия, III, 1, 38.

¹¹⁶ Платон. Апология, 23 С.

¹¹⁷ Платон. Софист, 230–231.

нимался исключительно нравственными вопросами, а космологические оставил в стороне, — «свел философию с неба и поместил ее в городах», по выражению Цицерона. Этим свидетельствам нельзя не верить.

Относительно занятий Сократа геометрией и астрономией Ксенофонт сообщает, что он и сам занимался этими науками и исследовал их со своими друзьями, но лишь в таком объеме, в каком они могут быть полезны на практике¹¹⁸. Свидетельства Платона не вполне согласны с этим. Такой утилитарный взгляд на эти науки Платон называет пошлым, достойным лишь тех, кто ничего не смыслит в математике и боится нареканий толпы за пустые занятия; приложение математики к практике Платон считает делом побочным и второстепенным, и, наоборот, углубление в отвлеченную математику, рассматриваемое Ксенофонтом как удовлетворение пустому любопытству и праздное времяпрепровождение, Платон признает самым главным и важным¹¹⁹.

Что касается астрономии, то она в общепризнанном в то время значении интересует Сократа у Платона не больше, чем у Ксенофонта. И у Платона он нисколько не заботится о том, каким образом (говоря словами Ксенофонта) бог производит каждое небесное явление¹²⁰ и по каким непреложным законам происходит все, и даже указывал на глупость тех, кто занимается подобными проблемами¹²¹. Тем не менее астрономии надо изучать: она нужна для высших задач. По словам самого Сократа в Платоновом «Федоне»¹²², он одно время увлекался космологической теорией Анаксагора, но потом оставил ее.

Таким образом, и в отношении физических наук обвинение Аристофана не есть лишенная всякого основания клевета; тут есть, может быть, только преувеличение. То же самое случилось и с другими софистами, хотя они предпочитали риторическое образование изучению физических наук. Тем не менее, вероятно, они не отказывались сообщать ученикам то, что знали об этих предметах, указывая только на меньшую важность этих наук сравнительно с риторикой. Однако авторы комедий ставили в упрек Протагору и Продику занятие астрономией, хотя они никоим образом не были ни астрономами, ни физиками. Так, Продик причислен к «метеорософистам»¹²³, а о Протагоре Евполид (современник Аристофана) говорит, что он —

¹¹⁸ См. Ксенофонт. Воспоминания, IV, 7, 2 и сл.

¹¹⁹ См. Платон. Государство, 525–527.

¹²⁰ См. Ксенофонт. Воспоминания, IV, 7, 6.

¹²¹ См. там же, I, 1, 11.

¹²² См. Платон. Федон, 97 В – 99 Е.

¹²³ Аристофан. Облака, ст. 361.

«шарлатан, хвастливо утверждающий, будто знает все происходящее на небе»¹²⁴.

В народе было убеждение, что всякий ученый непременно занимается объяснением небесных явлений; а действительного содержания их учения необразованная публика, конечно, не знала. Правда, обыкновенно думают, что софисты были очень популярны в Афинах. Это неверно. Беседы свои они продавали очень дорого и потому были доступны только богатым. Из Платонова диалога «Протагор» мы видим, что Протагор окружен лишь небольшим числом лиц и притом из знатных фамилий. Учения софистов народ не знал, да и не интересовался им. Вероятно, такие же слухи ходили в народе и о Сократе.

Аристофан последовал в этом случае общественному мнению и придал Сократу черты, приписывавшиеся другим софистам, которых в свою очередь смешивали с философами более раннего периода. Поэтому он влагает в уста Сократу мнения Анаксагора и других философов, особенно Диогена из Аполлонии. Так, например, учение о вихре, изгнавшем Зевса с неба, есть шутка, основанная на гипотезе Анаксагора о движении материи под влиянием «разума». Учение о воздухе как подателе человеку ума принадлежит Диогену из Аполлонии. Объяснения небесных феноменов, предлагаемые Сократом у Аристофана, основаны также на теориях философов.

Это, конечно, со стороны Аристофана было до некоторой степени клеветой, хотя и не вполне, как я указывал, потому что Сократ все-таки занимался подобными вопросами и, может быть, в большей степени в период, когда писал о нем Аристофан, чем в последние годы своей жизни, к которым, вероятно, относятся приведенные выше свидетельства Ксенофонта, Платона и Аристотеля. Такое искажение истины тем более непростительно Аристофану, что трудно предположить, чтобы он или сам никогда не присутствовал при беседах Сократа, или не слышал о них от кого-нибудь из его учеников.

Мне кажется, стараться оправдать Аристофана во что бы то ни стало нет никакой надобности: может быть, он вовсе не был высоко нравственным человеком (каким его считали некоторые новые критики); он был поклонником Вакха и Афродиты, — по-видимому, тем, что называется теперь «бонвиван», и о нравственности, может быть, не очень много заботился. Литературный гений далеко не всегда бывает нравственным человеком. О приемах его критики мы можем судить хотя бы по отношению его к Еврипиду: Аристофан несколько раз¹²⁵ пародирует стих Еврипида: «язык поклялся, а ум непричастен

---

¹²⁴ CAF, I, Евполид, фрагм. 146.

¹²⁵ См. «Лягушки», ст. 102, 147; «Фесмофоризузь», ст. 275.

клятве»¹²⁶. Этому стиху он придает то значение, что можно нарушить клятву, ссылаясь на то, что она дана только языком, а не умом. Но на самом деле у Еврипида эта фраза имеет совсем другой смысл: Федра, жена Тесея, влюблена в своего пасынка Ипполита. Она призналась в этом своей няне, а та задумала быть посредницей и сообщила Ипполиту о любви к нему Федры. Ипполит пришел в негодование; няня склоняется его молчать, так как он дал ей клятву. На это Ипполит отвечает, что он дал клятву молчать, но при этом не знал, о каком деле будет речь; тем не менее он считает себя связанным этой клятвой и в конце концов даже погибает от руки своего разгневанного отца, потому что не хочет нарушить эту клятву.

Впрочем, нельзя и строго судить Аристофана за такое искажение истины: древняя комедия не была на этот счет так щепетильна, как новая литература. Комедия вовсе не налагала на автора обязанности давать вполне верный портрет выведенного лица, — да в этом, пожалуй, мало было бы комизма, — оно всегда рисуется в карикатуре, т. е. в более или менее искаженном виде.

Древняя аттическая комедия в целом ряде ее представителей, и в лице Аристофана по преимуществу, была консервативна: она упорно стремилась удержаться в области традиций, вела ожесточенную борьбу против нового умственного движения. Причина этого явления кроется прежде всего в долговременности внегородского существования комедии, в соиздании приемов ее помимо влияния более прогрессивной, городской части населения, а также в первоначально единственном и впоследствии всегда преобладавшем назначении не поучать зрителей, но забавлять их¹²⁷. Богобоязненные поселяне, довольствовавшиеся преданиями и обычаями отцов, жившие в исторически, издавна усвоенных привычках, долгое время одни определяли характер и направление Древней комедии. Все, не подходившее под средний уровень народного большинства, угрожавшее нарушением установившихся отношений и понятий, тем более все, вносявшее в жизнь новое начало рационализма и критики, казалось, деревенскому люду не только нелепым и сметным, но и нечестивым и опасным для общего благосостояния. Беспощадное-осмеяние подобных явлений составляло задачу авторов комедии. В ряды комиков вступали лица с неодинаковыми талантами, с преобладанием или обществен-

---

¹²⁶ Еврипид. Ипполит, ст. 612.

¹²⁷ Аристофан, правда, считал призвание поэта очень высоким: «что учитель для детей, то поэт для взрослых», говорит у него Эсхил в «Лягушках» (ст. 1054–1055). Однако в «Ахарнянах» (ст. 496–500) Дикеополь просит зрителей не сердиться на него за то, что он в комедии решает говорить о государственных делах: «ведь и комедия знает правду». Не раз Аристофан упрашивает публику относиться серьезно к его комедии, что предполагает существование противоположного отношения к ней.

ных и литературных интересов, но одинаково настроенные враждебно ко всякого рода новшествам. В этом смысле Древняя комедия образовала подобие школы, действовавшей властно на своих адептов, представлявшей образ мыслей и чувствований менее образованной части населения. Борьба за веру в богов и за старину, вражда к философскому отвлечению, к эмансипации женщин и рабов¹²⁸, к новой, более широкой системе образования, к расширению прав демоса были лозунгами Древней комедии даже в лице ее гениального представителя. Смелая, грубая насмешка, не останавливающаяся перед циническими образами, глумление, не знающее меры, преувеличение подмеченных ошибок или извращение фактов составляли излюбленное орудие Древней комедии, вполне согласовавшееся с ее происхождением и первоначальным смыслом.

Комедии Аристофана как произведения, писанные исключительно для театра народного, стоят еще слишком близко к зачаткам этого драматического рода, чтобы они могли отрешиться от главных особенностей традиционного фарса и от смеха как главной пружины и цели всего действия. Народная сцена выработала своеобразные формы драматического действия, установила свои, ей понятные и потому любезные персонажи, до известной степени и свое содержание желательных для нее пьес. Одним из таких персонажей народного театра был ученый дурак (такой тип, по свидетельству Афиня, был в древнейшей дорической комедии), который у Аристофана олицетворяется в виде Сократа, Метона, Еврипида и который и доныне живет в репертуаре народного театра. Торжество простого здравого смысла и обыденной морали над всякими умниками и горделивыми носителями непонятных народу стремлений, сначала добродушная, а затем и злая насмешка над политическими деятелями, веселая перебранка с достаточной примесью крупной соли в остротах и здорового смеха, неизменный балет со смелыми и рискованными па – все это было необходимой принадлежностью таких народных фарсов.

Едва ли верно довольно распространенное в новой ученой литературе мнение о том, что аттическая комедия уже с самого своего возникновения была проникнута вполне определенной аристократической тенденцией и аристократическим духом. Это мнение едва ли может быть доказано. Из древних источников сведений об этом нет; скорее наоборот: подозрение древних о том, что Аристофан был подкуплен Анитом, демократом, хотя и нелепое, все-таки показывает, что в древности не было сведений об аристократизме Аристофана. Ничего подобного и сами мы не можем вычитать из комедий

---

¹²⁸ Аристофан, впрочем, относился либерально к вопросу о рабах: в «Лягушках» раб Вакха Ксанфий изображен гораздо благороднее и храбрее своего божественного господина, который играет крайне жалкую роль.

его: он преследует известных олигархов столь же язвительно, как и ненавистных ему демагогов. Достаточно указать на его отзывы о Писандре, одном из главарей олигархии Четырехсот 411 г.¹²⁹, которого он характеризует как зачинщика смут с целью воровства. Аристофан бранит софистов, которые находили приверженцев не в простом народе, а именно между аристократами; он издевается над золотой молодежью афинской (хотя бы в лице Фидиппида), наиболее склонной к лакономании и враждебной к демократии. Один из современных критиков даже приписывает неудачу представления «Облаков» как раз недовольству аристократической молодежи.

Правда, Аристофан восхваляет доброе старое время и тем доказывает свой консерватизм; но консервативные и аристократические тенденции не одно и то же. Каков его политический идеал, он указывает, прославляя Марафонских воителей, которых никто не обвинит в антидемократическом направлении, и выставляя героями комедий и выразителями своих идей не лиц знатного происхождения, а Тригеев, Диксополей и тому подобных – из класса землевладельцев средней руки или зажиточных крестьян. В этом земледельческом классе он и Аристотель, сходясь в воззрениях со многими законодателями древности, видели главную крепость и силу государства. Он был враждебно настроен не против демократии как формы правления, а против демагогов и дурных сторон ее, – например, против ее тирании по отношению к союзникам афинским, за которых он выступил в «Вавилонянах»; но это признает и Перикл: «Власть ваша имеет уже вид тирании; захватить ее считается несправедливостью, отказаться от нее опасно»¹³⁰; тоже говорит и Клеон: «Ваше владычество есть тирания»¹³¹. Вероятно, Аристофан был одинакового мнения с Сократом, который находил, что демократия похожа на тиранию и монархию¹³²; поэтому он не касался его политических убеждений.

Однако на основании того, что Аристофан не одобрял некоторых сторон современного ему демократического устройства, нельзя делать вывод, что он был приверженцем олигархии, как некоторые предполагают. Это такая же логическая ошибка, как заключать, что предмет не черный есть белый.

Что касается обвинения Сократа в безбожии, то оно было следствием занятия физическими науками, по мнению народа; по крайней мере у Аристофана нет ни малейшего намека на «демоний»,

¹²⁹ См. Лисий, XII, 14 и 24. Лисий. Речи. Перевод, статьи и комментарии С. И. Соболевского. М.–Л., Academia, 1933, с. 152, 156. О политических взглядах Аристофана см. «Биография Аристофана».

¹³⁰ Фукидид, II, 63, 2.

¹³¹ Там же. III, 37, 2.

¹³² См. Элиан. Разные истории, III, 17.

«божественный голос» Сократа: надо полагать, Аристофан об этом ничего не знал.

Кроме указанных выше капитальных обвинений («диалектика», с ее развращающим влиянием на нравственность и физические науки, следствием которых является атеизм), Аристофан приписывает Сократу и некоторые другие черты, которые ему были чужды. Так, например, по Аристофану, Сократ хочет сообщить Стрепсиаду кое-какие сведения по грамматике (о родах имен), по метрике (о стихах). Такими вопросами Сократ не занимался; ими занимались софисты Протагор и Гиппий.

Некоторые личные черты также ложно приписаны Сократу. Так, Аристофан говорит о том, что Сократ брал плату за преподавание, тогда как на самом деле Сократ никогда не делал этого и ставил это в упрек софистам¹³³. Впрочем, Стрепсиад приносит Сократу в виде гонорара за обучение сына всего только мешок муки¹³⁴, согласно своему обещанию «засыпать кругом квашню Сократа ячменной мукой»¹³⁵.

Аристофан идет еще дальше в своей карикатуре: он представляет Сократа даже вором. Ученик его рассказывает Стрепсиаду, как ловко Сократ стащил в палестре плащ¹³⁶. Замечательно, что такое же обвинение выставляет против Сократа комик Евполид, только объектом воровства является винный ковш¹³⁷. По-видимому, это было ходячим обвинением: афиняне склонны были смотреть на всякого софиста как на мошенника, а Сократ к тому же был и очень беден.

Надо полагать, что Аристофан, раз составив себе понятие о вредной деятельности Сократа, не стеснялся уже затем переносить на него те дурные качества, которые ему не были присущи, но которые он видел или предполагал, согласно с общественным мнением, в его товарищах по искусству – софистах и философах-физиках.

Да Аристофану и не оставалось ничего иного сделать; желая указать на вредные стороны всего вообще новомодного софистического обучения, он мог поступить двояко: или вывести в комедии отвлеченный тип софиста, вроде того, например, как Мольер выводит тип лицемера под именем Тартюфа; или же вывести на сцену живое лицо, наиболее подходившее для его цели, и затем придать ему и те дурные черты, которых в нем не было, но которые были у других лиц того же направления. Древняя комедия общих типов не любила,

---

¹³³ См. Ксенофонт. Воспоминания, 1, 2, 6, 60.

¹³⁴ См. схолию к ст. 1146 «Облаков».

¹³⁵ «Облака», ст. 669.

¹³⁶ См. там же, ст. 179.

¹³⁷ См. CAF, I, Евполид, фрагм. 361.

она предпочитала выводить своих сограждан с определенным именем, и потому Аристофан должен был избрать второй путь.

Вообще говоря, писатели Древней аттической комедии – и Аристофан в этом отношении не составляет исключения – не очень много заботились о жизненности выводимых ими типов. Реальное, верное действительности изображение лиц, являвшихся представителями осмеиваемой ими направления, никогда не входило в их задачи. Выбирали ли они в качестве такого представителя какое-либо историческое, действительно существовавшее лицо, или вымышленное, им все равно необходимо было наделить его такими чертами, которые способны были сделать его комическим персонажем, и заставить его служить особым целям поэта. Перед шаржем и карикатурой они не останавливались никогда, – все равно, выводили ли они на подмостки Перикла, Сократа, Еврипида, или какого-нибудь Дикееполя, Лисистрату, Праксагору и тому подобных отвлеченных носителей той или другой идеи. Такие отвлеченные типы у Аристофана никогда не носят имени исторического лица; если выводится определенное лицо, то оно индивидуально подвергается осмеянию. Сократ оказался вполне подходящим для цели Аристофана, потому что он был повинен в главном недостатке, на который хотел указать Аристофан, – в «диалектическом» обучении, – и Аристофан выбрал его своей мишенью.

Но представляется еще вопрос. Положим, Аристофан считал Сократа софистом; но почему он выбрал именно его, а не какого-либо другого софиста, например Протагора, Горгия, которые также учили «диалектике»? Ответить на этот вопрос не трудно. Во-первых, знаменитые софисты того времени, Горгий, Протагор, Продик и другие, были иностранцы и не жили постоянно в Афинах. Их можно было вывести на сцену, но публика знала их сравнительно мало, тогда как Сократ был всякому известен. Во-вторых, то самое обстоятельство, что они были иностранцы, отнимало у сатиры часть ее силы. Гораздо важнее было указать афинянам на вред учения их согражданина, безвыездно жившего в Афинах. В-третьих, у софистов учеников было немного, потому что их уроками могли пользоваться только люди богатые, тогда как Сократ был всем доступен и имел много слушателей; он был в моде, афиняне «сократствовали», как выражается Аристофан¹³⁸. Наконец, безобразная наружность Сократа, бедное одеяние его было очень подходящим для сатиры Аристофана. Во всяком случае нельзя думать, что Аристофан руководился в этом отношении личной неприязнью или партийными мотивами. Если бы была у него личная неприязнь к Сократу, едва ли Платон в своем

---

¹³⁸ «Птицы», ст. 1282.

«Пире» изобразил бы его беседующим с Сократом. Что же касается политических взглядов, то, как я сказал, они были, вероятно, схожи у Аристофана и Сократа.

Некоторые исследователи думали, что комедия «Облака» была временным заблуждением со стороны Аристофана относительно Сократа, что впоследствии, когда он лучше узнал и понял Сократа, может быть, он сам раскаялся в этом. Это неверно. Мы встречаем насмешку над Сократом в «Птицах», поставленных через 8 лет после «Облаков», в 414 г.: Аристофан говорит о болоте, где немытый Сократ водит души¹³⁹; эти слова рисуют и внешность философа и силу его влияния на слушателей. Такой же неблагоприятный отзыв о нем находится и в «Лягушках», поставленных в 405 г., где сказано: «приятно не болтать вздора, сидя рядом с Сократом, оставив музыку и отказавшись от того, что составляет главную силу в трагическом искусстве»¹⁴⁰.

Очевидно, Аристофан смотрел на Сократа иначе, чем мы. И Аристофан – не единственный свидетель древности, отзывавшийся о Сократе неблагоприятно. Другие писатели комедий отзывались о нем так же. Евполид так выражается о нем:

«Ненавижу я и Сократа, нищего болтуна, который обо всем заботится, а на что ему поесть, об этом не подумал»¹⁴¹. В другом месте тот же Евполид упоминает о том, что Сократ украл винный ковш¹⁴². Эти отзывы не замолкли и после смерти Сократа. Оратор Исократ считает рассуждения, какими занимался Сократ, пустой болтовней¹⁴³. Оратор Эсхин называет Сократа софистом¹⁴⁴ и, по-видимому, вполне одобряет его казнь. Апологетическая цель «Воспоминаний» Ксенофонта предполагает существование сочинений, направленных против Сократа. Об одном из таких сочинений до нас дошли сведения: это – «Обвинение Сократа», написанное софистом Поликратом после 393 г., на которое, может быть, отвечает Ксенофонт. Катон Старший у Плутарха называет Сократа болтуном и склонным к насилию человеком, который разрушал нравы отечества и внушал согражданам мнения, противные законам¹⁴⁵. У Лукиана Сократ на острове Блаженных болтает с Нестором и Паламедом, окруженный красивыми юношами, но Радамант уже не раз грозил его прогнать с

¹³⁹ См. «Птицы», ст. 1553.

¹⁴⁰ «Лягушки», ст. 1491.

¹⁴¹ САФ, I, Евполид, фрагм. 352.

¹⁴² См. там же, фрагм. 361.

¹⁴³ См. Исократ, X, 1.

¹⁴⁴ См. Эсхин, I, 173.

¹⁴⁵ См. Плутарх. Катон Старший, гл. 23.

острова, если он будет болтать¹⁴⁶. Наконец, самый факт осуждения Сократа на смерть большинством голосов уже свидетельствует, что очень многие из его современников смотрели на него иначе, чем мы.

Насмешки Аристофана над Сократом, по-видимому, глубоко запечатлелись в памяти людей. В Ксенофоновом «Пире» сиракузянин упоминает о них (именно о его астрономических занятиях и об измерении прыжка блохи), как о вещи общеизвестной¹⁴⁷.

По большей части думают, что обвинения в комедии были безвредной шуткой, вполне допустимой на Дионисовом празднике. Есть известие, что во время представления «Облаков» Сократ в театре стоял, чтобы не знавшие его зрители могли его видеть: настолько он презирал комедию¹⁴⁸. Если это известие соответствует действительности, то оно только показывает философское равнодушие Сократа к обиде. Некоторые критики указывают, что и Платон не придал серьезного значения насмешкам Аристофана в «Облаках» или примирился с ним, так как в своем «Пире» изобразил его в общении с Сократом. Это соображение едва ли верно. Аристофан представлен тут в очень неприглядном виде: он всецело предан Дионису (Вакху) и Афродите¹⁴⁹; накануне этого пира он был сильно пьян¹⁵⁰; когда он должен начать речь, то не может говорить, потому что на него напала икота, — от пресыщения ли, или от чего другого¹⁵¹; в конце пира он засыпает от опьянения. Может быть, даже главной целью Платона было изобразить Аристофана присутствующим при панегирике Сократу со стороны Алкивиада; двусторонние в честь Аристофана о том, что Хариты пожелали его душу сделать несокрушимым своим храмом, едва ли принадлежит Платону, так как заключает в себе погрешности против языка. Можно, наоборот, указать несколько фактов, свидетельствующих о том, что на осмеяние в комедии пострадавшие не смотрели как на невинную шутку. В 426 г. Аристофан поставил на сцену комедию «Вавилоняне» во время праздника Великих Дионисий; на представлении присутствовали послы от союзных городов. В этой пьесе Аристофан осмеивал должностных лиц афинских, и в том числе Клеона, и выступил в защиту афинских союзников, указав согражданам на тяжелое положение их под властью афинской демократии. Клеон, тогда стоявший во главе демократии, возбудил против Аристофана судебный процесс в Совете Пятисот, обвиняя его в оскорблении народа и Совета в присутствии

¹⁴⁶ См. Лукриан. Истинная история, II, 17.

¹⁴⁷ См. Ксенофонт. Пир, VI, 6–8.

¹⁴⁸ См. Элиан. Разные истории, II, 13.

¹⁴⁹ См. Платон. Пир. 177 E.

¹⁵⁰ См. там же, 176 B.

¹⁵¹ См. там же, 185 C.

иностранцев. По-видимому, Совет не дал хода этому делу, но во всяком случае самый факт этот показывает, что насмешки в комедии не считались пустой шуткой. В «Осах» Аристофан хвалится, что если кто, поссорившись со своим любимцем, просит осмеять его в комедии, то он никогда не соглашается на это¹⁵². Одним из лиц, служивших постоянным предметом нападений со стороны Аристофана и других писателей комедий, был Кинесий. Над ним они изощряли свое остроумие не только потому, что он был плохой поэт, но также и вследствие его безбожия и болезненного организма. Мы видим результаты этих насмешек в одной речи Лисия. В ней обвинитель Кинесия пользуется насмешками комиков над ним так, как будто бы они были фактическими доказательствами. «Я удивляюсь, – говорит оратор, – как вы сноситесь спокойно, что Кинесий является в роли защитника законов, – Кинесий, который, как вы все знаете, величайший на свете нечестивец и правонарушитель. Не он ли совершает по отношению к богам такие преступления, о которых всем стыдно даже и говорить, но о которых вы слышите каждый год от сочинителей комедий?»¹⁵³. Наконец, попытки ограничить чрезмерную вольность комедии (правда, по-видимому, безуспешные) и запретить выведение в комедии кого-либо персонально под его именем (нам известны две такие попытки – одна около 440 г., другая, по предложению демагога Сиракосия, около 415 г.) также показывают, что такое публичное осмеяние считалось серьезным оскорблением,

Так и комедия «Облака» была как бы предисловием к судебному процессу, который впоследствии, через 24 года, был возбужден против Сократа Мелетом: Аристофан бросил семя, которое потом принесло злой плод; он явственно формулировал и выразил во всеулышание те неодобрительные отзывы о Сократе, которые ходили в городе. Нам трудно примириться с мыслью, что великий поэт содействовал смерти великого мудреца, слова Сократа или Платона в «Апологии» свидетельствуют, что это верно. В оправдание Аристофана надо сказать, что он искренне был убежден в виновности Сократа. Аристофану была ненавистна и новая музыка, и новое направление в трагедии, и новая наука, и новые веяния в воспитании. Ко всем представителям таких новшеств, не к одному Сократу, он относился враждебно. Еврипид постоянно является предметом его критики за новшества в трагедии и в музыке. Метон, очень почтенный астроном и геометр, избратель названного по его имени Метонова цикла, выведен в «Птицах» в шутовском виде и подвергается побоям. Просвещение распространялось в известных слоях афинского общества, но низшие слои демоса были мало затронуты им. Правда, грамот-

---

¹⁵² «Осы», ст. 1025–1027.

¹⁵³ Лисий. Речи. Перевод С. И. Соболевского. М.–Л. 1933, речь XL, с. 457.

ность в Афинах была широко распространена: почти каждый афинянин умел читать и писать. Самый строй афинской жизни, постоянное непосредственное участие граждан в управлении и в обсуждении государственных дел, развитие искусства и литературы, театр – все это должно было действовать развивающим образом. Но все же демократическому просвещению он был настроен враждебно: в исследователях природы он видел безбожников и вольнодумцев. В его глазах превосходство ума и образования нарушает до известной степени принцип равенства.

Хор вакханок у Еврипида также объявляет войну высшей духовной культуре: «Умно держать душу и сердце подальше от чересчур больших умников: что признает и чем пользуется народ попроще, то я одобряю»¹⁵⁴.

Сократ у Платона признает, что философов не уважают в городах и что гораздо удивительнее было бы, если бы их уважали¹⁵⁵. Он находит даже, что ученые, занимающиеся космологическими вопросами, напоминают собою сумасшедших¹⁵⁶, а геометрию, астрономию рекомендует изучать только для практических целей¹⁵⁷. Знаменитый медик Гиппократ также относился скептически к исследованиям «тайн неба и земли». Позднее, в период Средней аттической комедии, мы находим подобные нападки на философию Платона и пифагорейцев.

---

¹⁵⁴ Еврипид. Вакханки, ст. 427.

¹⁵⁵ См. Платон. Государство, 489 А.

¹⁵⁶ См. Ксенофонт. Воспоминания, I, 1, 14.

¹⁵⁷ См. там же, IV, 7.

Сведения о постановке на сцену комедии «Осы» (Σφήκες) мы узнаем из «дидаскалии», содержащейся в древнем введении (ὑπόθεσις) к этой пьесе. Но дидаскалия в этом введении дошла до нас в испорченном виде. Было сделано несколько попыток к ее исправлению; наиболее вероятным я считаю исправление, сделанное Роджерсом (Rogers) в его издании комедии «Осы». Согласно этому исправлению, сведения о постановке на сцену комедии «Осы» оказываются в таком виде.

Комедия «Осы» была поставлена на сцену в праздник Лены (в январе или феврале) 422 г. – спустя 10 месяцев после представления «Облаков». На этом же празднике была поставлена другая комедия Аристофана – «Репетиция» (Προαῶν), но от имени Филонида; третья пьеса была «Послы» (Πρέσβεις) Левкона. Первое место было присуждено «Осам», второе – «Репетиции», третье – «Послам». Таким образом, на этом состязании Аристофан сразу одержал две победы.

Как уже сказано (в предисловии к «Облакам»), 20 апреля 423 г. было заключено между спартанцами и афинянами перемирие на один год. Тем не менее во Фракии враждебные действия (сравнительно неважные) продолжались; в самой же Греции спокойствие было до окончания срока перемирия. Поэтому в комедии нет почти никаких намеков на войну (но в ст. 210 вскользь упоминается об осаде афинянами Скионы, города во Фракии).

Поэтому же, вероятно, Аристофан направил свою сатиру на внутреннюю политику и выбрал для этого темой очень важное учреждение – *Суд присяжных* или «Гелиею» (ἡλιαία).

В этой комедии 8 действующих лиц: *Филоклеон*, его сын *Бделиклеон*, два раба Филоклеона – *Сосий* и *Ксанфий*, *мальчик*, *собака*, *хлебная торговка*, *обвинитель*; к числу действующих лиц надо отнести *хор*. Из них главными являются только Филоклеон и Бделиклеон.

Филоклеон, т. е. «Любитель Клеона», – старик, гелиаст, страстно преданный исполнению своей судебной обязанности, почти помешанный на этом, до чрезвычайности гордящийся своим званием судьи, готовый осудить, не взирая ни на какие доводы, всякого подсудимого; он не спит по ночам от дум о суде и, если закроет глаза от усталости, то ему снятся только судебные процессы; еще до рассвета идет он в суд, чтобы не опоздать и чтобы занять первую скамейку; когда однажды петух не разбудил его вс-время, он обвинил его в

том, что он подкуплен подсудимыми; от привычки держать всегда камешек для баллотировки он всегда ходит, сложив три пальца.

Его сын *Бделиклеон*, т. е. «Ненавистник Клеона», напрасно старался излечить отца от этой болезни увещаниями, омовениями, волшебными средствами, врачеванием; ничто не помогло; пришлось прибегнуть к последнему средству: сын запер его в доме и приставил двоих рабов, *Сосия* и *Ксанфия*, сторожить, чтобы он как-нибудь не ушел оттуда. Старик старается всевозможными способами вылезть из своего заключения.

Таково положение, при котором открывается действие комедии.

Хор состоит из товарищей Филоклеона, гелиастов, которые костюмированы в виде ос и имеют жала. Автор, вероятно, хотел изобразить этим их злобную придирчивость к подсудимым; но, несмотря на это, он относится к ним с симпатией: это – любимый его тип, старики, которые сражались храбро за отечество при Марафоне.

Содержание «Ос» следующее. На сцене один дом Филоклеона, выходящий окнами на улицу. В нем находится заключенный Филоклеон. Действие второй части комедии происходит на улице перед этим домом.

Действие начинается ранним утром, еще до рассвета. Бделиклеон спит на крыше дома; два раба, Ксанфий и Сосий, караулят перед домом и рассказывают публике о мании своего старого барина. Филоклеон старается выбраться из своего заключения на свободу самыми фантастическими способами: то пролезает сквозь печную трубу, то пролезает в щель между черепицами крыши. Тут появляется хор; несколько детей с фонарями сопровождают стариков. Они обеспокоены, что их товарищ, обыкновенно идущий во главе их, на этот раз не выходит из дому, а между тем Клеон, покровитель гелиастов, вчера приказал им явиться на заседание пораньше, потому что сегодня будет суд над важным, богатым преступником Лахетом. Они становятся около дома Филоклеона и зовут его. Филоклеон чрез окно сообщает им, что он заперт сыном, который не позволяет ему быть судьей. Товарищи советуют ему как-нибудь выйти на свободу. Он прогрызает сеть, которою окружен дом, прикрепляет веревку к окну и спускается. Но Бделиклеон это заметил; рабы его схватили; старики хотят защищать его; но противная сторона одолевает их. Старики грозят Бделиклеону, что обвинят его в заговоре и в стремлении к тирании. Но он не уступает и предлагает им решить дело словесным поединком между ним и отцом.

Тут начинается самая важная часть пьесы – «агон»: сперва Филоклеон рисует все прелести жизни и могущество гелиаста, потом Бделиклеон опровергает все его доводы и доказывает, что он служит

просто игрушкой в руках демагогов и находится в полной материальной зависимости от них.

Вот эти речи. Филоклеон говорит:

«Сейчас, с самого начала, я покажу тебе, что наша власть не хуже никакой царской. Какое существо теперь счастливее, блаженнее, избалованнее, страшнее судьи, особенно старика? Едва только встану я с постели, а уж у барьера суда меня поджидают люди важные, — в целые четыре локтя¹. Когда я подхожу, он [один из этих важных людей] подает мне свою руку, холеную, наворовавшую народных денег. Кланяются низко мне, умоляют, изливают жалобные речи: «Смилуйся надо мною, отец, молю тебя, если и сам ты когда-нибудь хапнул [стянул], занимая должность, или во время похода доставляя припасы товарищам». А этот проситель не знал бы даже о моем существовании, если бы прежде не был оправдан. А потом, выслушав эти мольбы и отерши свой гнев, когда я войду в суд, я там ничего не исполняю из своих обещаний, а только слушаю, как подсудимые на все голоса стараются получить оправдание. Какой только лести не услышит здесь судья! Одни плачутся на свою бедность и к действительным несчастьям прибавляют еще другие, пока не сравняют их с моими. Иные рассказывают нам сказки; другие — какую-нибудь смешную басню Эзопа; другие острят, чтобы я рассмеялся и предложил гнев на милость. Если это на нас не действует, то подсудимый сейчас же тащит за руку своих ребятишек, — девочек и мальчиков, — а я слушаю; они, наклонив головку, лепечут, а отец дрожа молит меня, как бога, освободить его ради них от отчета... Мы тотчас тогда снижаем для него немного свой гнев. Разве это не великая власть и презрение к богатству? Когда мальчики подвергаются испытанию [для признания их совершеннолетними], мы можем любоваться их красотой. Если Эагр [трагический актер] попадет под суд, он не получит оправдания, пока не продекламирует нам самое красивое место из Ниобы [трагедии Эсхила или Софокла]. Если флейтист выигрывает дело, в благодарность за это он нам, когда мы уходим, сыграет выходной марш. Если отец умирая назначит в завещании свою дочь-наследницу кому-нибудь в замужество, мы, не взирая на завещание и на раковину, торжественно наложенную на печать, отдаем девушку тому, кто нас склонит мольбами. И это мы делаем без ответственности, а из других властей ни одна. Кроме того, когда Совет и Народ затрудняются решить какое-нибудь важное дело, они постановляют передать виновных судьям. Затем, Еватл и этот великий Колаконим [Клеоним], бросивший щит, говорят, что они не изменят нам, а будут сражаться за народ. В Народном собрании никому никогда не

---

¹ Сравните в «Горе от ума»: «все важны,—в сорок пуд».

удается провести свое предложение, если он не предложит отпустить судей, как только они решат одно дело. Сам Клеон – укротитель криком – одних лишь нас не грызет, а бережет, носит на руках, отгоняет мух. А ты отцу своему никогда ничего этого не делал! А Феор, человек ничем не хуже Евфемия, губкою мажет нам башмаки из лохани. Подумай же, от каких благ хочешь ты меня удалить, а ты называл их рабством и хотел доказать, что это – услужение. Я забыл сказать о том, что приятнее всего этого. Когда я приду домой с заработной платой, все хором приветствуют меня благодаря этим деньгам. Прежде всего дочь моет и умащает мне ноги, прижмется ко мне, поцелует, называет папой, а вместе с этим выуживает у меня языком изо рта трехобольник. Женка, приласкавшись, приносит вкусную кашу, потом сядет рядом со мной и потчует: «Скушай вот этого! Попробуй вот того!» Вот чему я радуюсь; и мне не придется смотреть на тебя и на эконома, дожидаясь, когда он подаст мне завтрак, проклиная меня и ворча... Разве не велика власть, которую я имею? Ведь она не меньше власти Зевса, ведь про меня говорят то же, что про Зевса. Вот, к примеру сказать, если мы зашумим, всякий прохожий говорит: «Какой гром поднял Суд, о царь Зевс!» А когда я мечу молнии, все благоговеют; богатые и очень важные, приходят в ужас. И ты сам страшно боишься меня, а я, – вот провалиться мне, – не боюсь тебя».

В ответ на это Бделиклеон говорит следующее: «Трудное дело, для которого нужен большой ум, превышающий способности комиков, излечить застарелую болезнь, внедрившуюся у нас в городе... Так, слушай же, папочка, распусти немного морщины на челе. Прежде всего, вычисли попросту не на счетах, а по пальцам, общую сумму взносов, поступающих к нам от городов, а помимо этого еще подати, множество торговых пошлин, судебные пошлины, доходы с рудников, рынков, пристаней, аренды, аукционы; в итоге получается у нас около двух тысяч талантов. Из этой суммы положи плату в год судьям шести тысячам (не больше этого их находится в нашей стране): получается у нас сто пятьдесят талантов». Филоклеон. «Так, значит, плата нам не составляет и десятой части доходов». Бделиклеон. «Конечно, нет». Филоклеон. «Куда же деваются остальные деньги?» Бделиклеон. «Они попадают в руки этих [повторяющих] "Я не изменю афинскому... сброду, а буду сражаться всегда за народ"². Ведь ты, отец, выбираешь их властвовать над тобою, обманутый

---

² Это – большое преувеличение. Доходы шли на покрытие расходов, которые были довольно велики: на религиозные нужды, на войско и флот, на различные постройки и ремонт их, на вознаграждение за исполнение государственных должностей, на пособия и раздачу народу. Вероятно, много денег попадало в руки демагогов, но, конечно, далеко не девять десятых дохода, как хочет представить Бделиклеон.

этими словечками. И тогда они берут взятки с городов по пятидесяти талантов, страшая их такими угрозами: платите взносы, или я разгромлю ваш город. А ты рад и тому, что грызешь обрезки от своей власти. Союзники, как заметили, что остальная орава лакомится из голосовальной урны [т. е. считает лакомством для себя плату в три обола] и десерт у нее – ноль, на тебя смотрит как на камешек Конна [т. е. тебя ни во что не ставит], а им [т. е. демагогам] в подарок несут банки с солениями, вино, ковры, сыр, мед, сезам, подушки, чаши, плащи, венки, ожерелья, бокалы, всякое богатство; а тебе из тех, над кем ты властвуешь, много трудов перенесши на суше и на море, никто не дает даже головки чесноку для приправы к вареным рыбкам... Разве не страшное рабство то, что они все и сами занимают государственные должности, и их прихлебатели получают жалованье? А ты рад, если дадут эти три обола, которые ты добыл многими трудами, – сам бывши гребцом, сражаясь на суше, осаждая города. И сверх того, что меня особенно терзает, ты ходишь по приказу, когда придет к тебе распутный мальчишка, сын Херея, вот так расставивши ноги, качаясь расслабленным телом, и велит тебе прийти в суд рано утром, в назначенный час, потому что, кто из вас придет после сигнала, тот не получит трех оболов. А сам он по должности защитника получает по драхме, даже если опоздает; сообщая с кем-нибудь другим из своих товарищей – должностных лиц, если какой подсудимый даст взятку, они вдвоем сладят дело и усердствуют, словно пыльщики, один тянет, другой поддает; а ты, разинув рот, согласишься на казначея и не замечаешь их проделок ... Теперь посмотри: есть возможность быть богатыми тебе и всем другим, но эти вечно говорящие о народе каким-то образом опутывают тебя: ты властвуешь над множеством городов от Понта до Сардинии, но ничем не пользуешься, кроме тех пустяков, которые получаешь; да и это они капают тебе из клочка шерсти³ все понемногу, точно масло, только чтобы можно было существовать. Они хотят держать тебя в бедности, и я скажу тебе, ради чего, – для того, чтобы ты знал своего кормильца; а потом, когда он свистнет, натравив тебя на какого-нибудь своего врага, чтобы ты яростно набросился на него. Ведь, если бы они хотели доставить народу средства к жизни, это было бы легко сделать. Вот например, у нас есть тысяча городов, которые привозят нам дань: если приказать каждому из них содержать двадцать человек, то двадцать тысяч граждан жили бы среди полного изобилия, были бы у них всевозможные венки, молоко⁴, наслаждались бы всем,

³ Имеется в виду древний способ капать масло в уши при болезни посредством клочка шерсти – вместо теперешней капельницы или пипетки.

⁴ По-гречески γάλα καὶ λυγιάτης. По объяснению древних, γάλα означает молоко от новотельного животного, а λυγιάτης – кипяченое молоко. Я не решился дать этот

что достойно нашей редины и Марафонского трофея. А теперь вы, словно сборщики оливок, ходите за тем, у кого в руках плата... Но, когда они [т. е. демагоги] струсят сами, они сулят вам Евбею, обещают давать хлеба по пятидесяти мер; но ни разу этого не дали; только недавно дали пять мер ячменя, да и то ты насилу получил их по малым порциям, обвиняемый в незаконном присвоении себе прав афинского гражданина. Вот почему я всегда запирал тебя и хотел содержать тебя, не желая, чтоб они высокомерно издевались над тобою. И теперь я готов все как есть доставлять тебе, что бы ты ни захотел, – только чтобы ты не пил молока... казначея» (ст. 650–724).

Доводы Бделиклеона оказались убедительными: «Мудр был тот, кто сказал, – говорит корифей хора, – что нельзя решать дела, пока не выслушаешь обе стороны», и советует Филоклеону послушаться сына. Филоклеон и сам теперь не возражает сыну; он со всем и на все согласен, за исключением одного: он скорее умрет, чем откажется от Суда; он хочет, во что бы то ни стало, судить. И сын, уступая этому нелепому, но упорному желанию отца, обещает старику устроить для него дома маленькое частное судилище. Здесь будут подлежать его разбору все домашние споры; в случае дождя или снега ему не придется оставаться под открытым небом; он будет получать по-прежнему свои три оболы в день. На этих условиях, с одобрения хора, совершается договор. Бделиклеон думает для начала привести на суд к старику служанку, у которой на днях горшок пригорел. Но в это время вбегает раб Ксанфий, гоняясь за собакой Лабетом, которая схватила на кухне кусок сицилийского сыра и съела его. Другая собака выступает в качестве обвинителя; от ее имени Ксанфий читает обвинительный акт, составленный по форме, в котором говорится, что «жалобу приносит пес из Кидафинеяского дема в том, что Лабет, пес из Эксонейского дема, совершил преступление, один съевши сицилийский сыр. Наказание – фиговая петля [т. е. удушение]». Намек Аристофана был понятен зрителям: из Кидафинеяского дема происходил и Клеон, незадолго до того возбудивший громкое судебное дело против стратега Лахета, происходившего, как и собака Лабет, из Эксонейского дема; Клеон предъявил ему обвинение в растрате казенных денег во время командования в 427 г. при походе в Сицилию. Филоклеон торопится осудить обвиняемого на основании того, что Лабет рыгнул сыром. Бделиклеон, принявший на себя роль защитника подсудимого, просит отца не осуждать преступника, пока не выслушает обе стороны. Филоклеон находит, что и так дело ясно, но все-таки соглашается выслушать подсудимого. В защиту его Бделиклеон указывает на его собачьи заслуги: он хороший пес, гоняет

перевод, потому что новотельное молоко не только не представляет никакой роскоши, но, напротив, очень невкусно.

волков, может стоять во главе большого стада, сражается за хозяина, стережет дверь; а если что и украл, то надо простить его. Защитник приводит в свидетели нож для разрезывания сыра и разную кухонную посуду и прибегает к обычному тогда способу разжалобить судей: приводит несчастное семейство обвиняемого. Щенята подняли такой визг и вой, что Филоклеон просит унести их, и у него даже навернулись на глазах слезы; но он не хочет сознаться в своей слабости, а говорит, что это произошло от съеденной им гороховой хлебки. Сыну кажется, что он обнаруживает некоторые признаки сострадания и просит оправдать его; отец не соглашается. Тогда сын обманывает его: указывает ему урну оправдательную вместо обвинительной, и Филоклеор опускает камешек в оправдательную урну. Узнав, что он оправдал подсудимого, чего с ним никогда в жизни не бывало, он падает в обморок. Бделиклеон утешает отца, обещает ему приятную жизнь, обещает брать его с собою на пиры и праздники.

Затем следует парабаза, в которой хор (или точнее корифей хора) от имени автора говорит о литературных заслугах его, упрекает публику за плохой прием «Облаков»; а затем прославляет себя (т. е. хореvтов), отождествляя себя с Марафонскими бойцами⁵.

Этой парабазой пьеса могла бы быть кончена. Но Аристофан всегда прибавляет к пьесам вторую часть, в которой в виде отдельных сцен, мало связанных между собою, изображаются последствия доказанного в первой части тезиса. Так и в «Осах».

Бделиклеон решается перевоспитать отца. Он одевает его в дорожной заграничный (персидский) костюм, обувает в лаконские башмаки, учит его «хорошему тону», — о чем разговаривать в порядочном обществе, какие приняты там хорошие манеры, как надо петь в круговом пении во время пира, продолжая песню, начатую кем-нибудь из участников. После этих наставлений он ведет отца в гости. Что произошло там, об этом публика узнает из рассказа Ксанфия в следующей сцене. Оказывается, что старания Бделиклеона пропали даром: старик в гостях напился пьян, вел себя неприлично, оскорблял гостей, побил Ксанфия, по дороге домой колотил всех встречных. Когда он вернулся домой в сопровождении флейтистки-гетеры, которую он увел с пира, за ним пришли и оскорбленные им люди, грозя вызвать его в суд. Но он уже смеется над судами, называя их старьем. Наконец, сын уносит насильно пьяного отца в дом. Хор прославляет сперва счастье старика, что он оставил свой суровый нрав и образ жизни и будет жить теперь в роскоши и неге. Но, может быть, он этого не захочет: трудно переделать свою натуру, хотя это и

---

⁵ Это — театральная условность: Марафонское сражение происходило в 490 г., т. е. за 68 лет до представления «Осы», и потому участниками сражения могли быть в 422 г. лишь единицы — 90-летние старики.

случалось со многими. Потом хор восхваляет Бделиклеона за его любовь к отцу и ум. Но тут старик вырывается из дома и, вызывая на состязание профессиональных трагических танцовщиков, пускается в бешеную пляску. Этим балетом и кончается пьеса.

Как уже сказано выше, во второй части пьесы Аристофан изображает практические последствия доказанного в первой части тезиса. Так, в первой части «Ахарнян» доказан тезис, что надо заключить мир со спартанцами; а во второй части приводятся сцены, изображающие счастливую жизнь Дикеополя, заключившего мир, и несчастья Ламаха, сторонника войны. Во второй части «Облаков» иллюстрируется тезис о вреде софистических учений: сын бьет отца и т. д.⁶ Но в «Осах» как будто нет такой иллюстрации: тезис доказан, что положение судьи печально; но во второй части, с нашей точки зрения, действия Филоклеона очень дурны. Но тут, очевидно, надо судить о положении его не с нашей точки зрения, а с древней афинской: хор прямо прославляет «счастье» его (ст. 1450–1455). Значит, Аристофан, становясь на точку зрения простого афинянина, считает счастьем человека удовольствия очень низменного свойства: вкусную еду, питье до пьянства со скандалами и пляской, половое наслаждение⁷. Кажется, и в других пьесах счастье выражается тоже в этом⁸. Разделял ли сам Аристофан такой взгляд на счастье, мы не знаем; но во всяком случае в «Пире» Платона он представлен поклонником Диониса и Афродиты.

Как уже сказано выше, тема комедии «Осы» – Суд присяжных, или Гелиея. О суде Аристофан говорит много раз и в других комедиях. Так, во «Всадниках» Клеон уговаривает Дема, разобрав одно дело в суде, пойти в баню, поесть, выпить, получив свои три обол⁹. В той же комедии Клеон уверяет Дема, что по предсказанию оракула ему предстоит судить в Аркадии, получая по пяти обол¹⁰; а Колбасник обещает еще больше: по его оракулу, Дем будет судить даже в Экбатанах¹¹. Суд присяжных представлялся настолько необходимым, что без него город Афины казался невыносимым: когда Стрепсиаду в «Облаках» ученик показал на географической карте Афины, то Стрепсиад не поверил, потому что он «не видит сидящих там судей»¹². В «Птицах» Удод, узнав от пришедших Писфетера и Евель-

---

⁶ Ср. ниже в статье «Птицы».

⁷ Ср. немецкое «Wein, Weib und Gesang».

⁸ См. «Ахарняне», ст. 1085–1149, 1216–1230; «Всадники», ст. 1384–1386, 1390–1391; «Мир», ст. 863. 1350–1351, 1356.

⁹ См. «Всадники», ст. 50–51.

¹⁰ См. там же, ст. 797–798.

¹¹ См. там же, ст. 1089–1090.

¹² «Облака», ст. 207–208.

пида, что они родом оттуда, «где прекрасные триеры», сейчас же предполагает, что они – гелиасты, и удивляется тому, что они – люди «другого нрава, – противники гелиастов»¹³. Уже из этих насмешек Аристофана видно, что он придавал Суду присяжных огромную важность в государственном строе Афин. Ввиду такой важности этого учреждения естественно мнение Гермеса в «Мире», что афиняне «ничего другого не делают, а только судят»¹⁴. «Цикады, – говорит Евелипид в «Птицах», – один или два месяца поют на ветвях, а афиняне вечно, всю жизнь поют на судебных процессах»¹⁵.

И действительно, суд был оплотом демократии. Солон предоставил гражданам всех классов известную судебную власть. Народный суд был высшей инстанцией для апелляции на приговоры должностных лиц. Впоследствии, с развитием демократии, судебная власть народа все более расширялась, и в V веке Суд присяжных получил уже окончательную организацию, и ему стали подлежать почти все судебные дела. Поэтому Аристотель называет право апелляции к народному суду одной из «наиболее демократических» мер Солона, благодаря которой особенно усилилась народная масса: «раз народ имеет власть в [судебном] голосовании, он становится властелином государства»¹⁶.

Как сказано в статье «Аристофан и его время», гелиасты в V веке получали вознаграждение – 3 обола в день. Система денежного вознаграждения была необходима для поддержания демократического строя. Не будь вознаграждения, не было бы и необходимого числа судей: разве можно было ожидать, что всегда найдется в Аттике несколько сотен (или даже 6000) людей, которые ради отправления судейских обязанностей пожертвуют своим временем и трудом, оставят свои занятия, свое хозяйство? Кроме того, если бы не было вознаграждения, Суд фактически оказался бы в руках лишь людей знатных и богатых, а за демосом осталось бы только номинальное право, которым фактически нельзя было бы пользоваться людям бедным. Чем более расширялась сфера влияния и деятельности Гелии, чем важнее становилось это учреждение, тем важнее было с точки зрения вождей демократии не допускать, чтобы оно очутилось в руках одних аристократов или даже врагов демоса и демократического строя. Наконец, отправление обязанностей судьи, нередко даже по делам не своих сограждан, а союзников, было трудом, и притом немалым, и поэтому здесь плата была вполне заслуженной. Самая эта плата в три обола была незначительна; но этой суммы, при

---

¹³ «Птицы», ст. 108–109.

¹⁴ «Мир», ст. 505.

¹⁵ «Птицы», ст. 39–41.

¹⁶ Аристотель. Государственное устройство афинян, гл. 9.

тогдашней дешевизне жизни, все-таки хватало на ежедневное, хотя и скудное, содержание человека с семьей. Понятно, что гелиасты дожили этой платой, потому что она доставляла им хотя некоторую возможность жить, не обязываясь никому, как и говорит об этом Филоклеон¹⁷.

Само собою разумеется, что граждане богатые или занятые каким-нибудь делом, например ремеслом, не интересовались такой ничтожной платой и не хотели тратить время на исполнение обязанностей судьи. Поэтому гелиастами желали быть почти только старики неработоспособные и бедные. Такими они и изображаются постоянно в комедиях Аристофана. То же говорит и Аристотель в «Политике»: «Все участвуют в государственном управлении благодаря тому, что и бедные, получая плату, могут иметь свободное время. Главным образом имеет свободное время такая народная масса: ей нисколько не служит препятствием забота о личных делах, а богатым именно это и мешает, так что они часто не участвуют ни в Народном собрании, ни в Суде»¹⁸. О том, что в судьи стараются попасть люди бедные и получают от этого средства для жизни, говорят также Исократ¹⁹ и Демосфен²⁰.

Кроме того, гелиастами не имели фактической возможности быть люди, жившие вне города, – в деревне или даже в Пирее, или отсутствовавшие по каким-либо обстоятельствам.

Гелиея мыслилась как весь афинский народ в миниатюре; поэтому ее решения были окончательные и не могли подвергаться апелляции (нельзя же было апеллировать к народу на решения народа!); Гелиея не давала отчета в своей деятельности (тогда как все другие государственные учреждения и должностные лица должны были давать отчет); каждый гелиаст не нес никакой ответственности за поданное им мнение, и даже никто не мог контролировать его.

Таким образом, Гелиея была привилегированным государственным учреждением; это была (если можно так выразиться) «служилая демократическая аристократия». Такое положение ее было источником и достоинств, и недостатков ее.

Великим достоинством Гелиеи была ее неподкупность, – не вследствие каких-либо добродетелей ее членов (далеко нет!), но вследствие фактической невозможности подкупить ее. Афиняне, зная неустойчивость нравственных принципов своих сограждан²¹, приняли все-

---

¹⁷ См. «Осы», ст. 612–618; «Всадники», ст. 804.

¹⁸ Аристотель. Политика, IV, 5,5 = с. 1293а, 4–9.

¹⁹ Исократ. Речь VII, 54; VIII, 130.

²⁰ Демосфен, XXIV, 123.

²¹ Так, казнокрадство в Афинах было очень распространено; упреки ораторам, т. е. государственным деятелям, делаемые по этому поводу Аристофаном и другим, в

возможные меры к устранению всякой возможности подкупа. Гелиея состояла из 6000 человек, выбранных по жребию; она делилась на 10 отделений. Уже огромный состав судебного отделения (в 500 человек и более, или даже, самое меньшее, в 200 человек), делал затруднительным подкуп всех членов отделения. Но еще важнее то, что только утром в день заседания тесмотеты жребием определяли, в каком судебном здании должно было засесть то или другое отделение, так как в каждом здании решались дела определенного содержания. Таким образом, никто из судей не мог знать заранее, какие дела придется ему решать в данный день²². Этим уже совершенно устранялась возможность подкупа. И действительно, в комедиях нет намеков на подкупность судей, а между тем, будь такое явление распространено, комедия не преминула бы воспользоваться этим для своих нападков. Не говорят о подкупности судей также ни ораторы, ни автор «Государственного устройства афинян», приписываемого Ксенофону. Скорее в пользу неподкупности судей свидетельствуют слова Филоклеона о том, что подсудимые дожидаются его у барьера суда, подают ему руку, низко кланяются, умоляют об оправдании (ст. 552–558); очевидно, это происходит утром в день разбирательства дела подсудимого, когда отделение гелиастов уже получило по жребию назначение засесть в том здании, где будет решаться дело подсудимого; и подсудимый, стоя у барьера, может только кланяться и умолять гелиастов, но не может уже давать им взятки. На отсутствие подкупа гелиастов указывают и слова Бделиклеона о том, что союзники ни во что не ставят гелиастов и не дают им даже головки чесноку, а взятки, и притом большие, несут демагогам (ст. 666–679).

Первый известный нам случай подкупа Гелиеи относится к 409 г. и отмечается в наших источниках как факт дотоле небывалый. Об этом Аристотель рассказывает так: «Начался после этого [т. е. после введения платы судьям] и подкуп, причем первым подал пример этого Анит [бывший впоследствии в 399 г. одним из обвинителей Сократа], после того как был стратегом в походе под Пилос. Будучи

значительной степени справедливы. В одной речи Лисия сказано: «Есть некоторые, заранее тратящие деньги для того только, чтобы получить от вас государственную должность и вернуть израсходованную сумму в двойном количестве» (Речь XIX, 57). В другой речи говорится о некоем Никомахе: «Он не только не пожертвовал вам ничего, а, напротив, присвоил себе много вашего» (XXX, 26). В «Анабасисе» Ксенофонта спартанец Хирисоф замечает, что «афиняне – мастера воровать казенные деньги, хотя и очень велика опасность для вора» (IV, 6, 16).

²² Впрочем, подробности, касающиеся Гелиеи V века, нам не вполне известны; о других мнениях ученых с критикой их достаточно сказано в руководстве *Lehrbuch der Griechischen Staatsaltertumer von Dr. Kart Fnedrich Hermann, sechste Auflage... von Viktor Thumser. I Band, Zweite Abteilung. Freiburg, 1892, S. 543, Anm. 7.*

привлечен некоторыми к суду за потерю Пилоса, он подкупил суд и был оправдан»²³.

Но, наряду с великим достоинством неподкупности, Суд присяжных уже по своему составу имел и большие недостатки.

Большинство судей состояло из людей наименее культурного слоя, выбиравшихся по жребию, причем даже не возникал вопрос об их «квалификации», о степени пригодности их к этой должности²⁴; у них не было юридических знаний, даже знания законов, и потому они были не подготовлены к решению сколько-нибудь сложных дел. А между тем, с развитием софистики и соединенного с нею судебного красноречия и крючкотворства, судебные процессы становились сложнее и запутаннее.

Поэтому в суде тяжущиеся стороны часто рассчитывали на незнание судьями законов и вообще на их недогадливость и несообразительность и иногда лгали самым бессовестным образом, приводили текст закона в искаженном виде, придавали лживым (софистическим) толкованием неверный смысл закону. Примером такого софистического толкования закона может служить толкование, которое дает Фидиппид в «Облаках» термину $\xi\eta\eta\ \kappa\alpha\iota\ \nu\acute{\epsilon}\alpha$: по закону Солон проценты по займу уплачивались в последний день месяца, который у греков назывался «старый и молодой» ($\xi\eta\eta\ \kappa\alpha\iota\ \nu\acute{\epsilon}\alpha$) (вероятно, с подразумеваемым словом «луна» ($\sigma\epsilon\lambda\acute{\eta}\nu\eta$), потому что в этот день можно видеть последнюю фазу луны кончающегося месяца и первую фазу начинающегося). Фидиппид, придираясь к буквальному значению этого термина и подразумевая слово «день» ($\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha$), считает обычное понимание закона неверным, потому что будто бы Солон имел в виду два дня, а не один, и предлагает понимать закон в том смысле, что последний день месяца («старый») Солон предназначил для полюбовного соглашения между кредитором и должником, а первый день следующего месяца («молодой») – для платежа²⁵. Подобного же рода – доказательство Фидиппида о праве сыновей бить отцов. Если петух имеет право бить отца, то почему человеку не иметь этого права? Если отец бил сына, любя его, то и сын может бить отца также из любви к нему. Тот, кто впервые по-

²³ Аристотель. Государственное устройство афинян, гл. 27. Вина Анита заключалась в следующем. Афиняне в 425 г. заняли гавань Пилос в Мессении, но в 409 г. спартанцы его отвоевали. На выручку его афиняне послали флот в 30 триер под командой Анита, но он не смог по случаю бурь обогнуть мыс Малею и вернулся, ничего не сделав. Он был обвинен в измене и «деньгами спас свою жизнь» (Диодор, XIII, 64).

²⁴ Аристотель по этому поводу говорит, что после назначения платы судьи стали хуже, «потому что стремятся баллотироваться всегда скорее люди случайные, чем хорошие» («Государственное устройство афинян», гл. 27, 4).

²⁵ См. «Облака», ст. 1181–1200.

ложил закон, воспрещающий бить отца, был такой же человек, как и я; поэтому и я могу предложить закон, разрешающий сыну бить отца; тем более, что и по пословице: «старики – вторые дети»²⁶. Стрепсиад, научившись кое-чему у Сократа, доказывает своему кредитору незаконность требовать с него проценты по долгу: если море не увеличивается, несмотря на текущие в него реки, то и нельзя желать увеличивать капитал²⁷.

Что подобные аргументы действительно применялись ораторами в судебной практике, ясно видно из слов стариков в «Ахарнянах»²⁸. Судьи не могли понимать лжи таких софистических доказательств и соглашались с доводами ораторов, осуждая заслуженного человека.

Самая многочисленность судей притупляла чувство индивидуальной ответственности; судебное учреждение превращалось просто в толпу, действующую под влиянием личных настроений данной минуты, отношений каждого члена к подсудимому, политических убеждений и т. п. Отсюда, конечно, должно было происходить много несправедливых приговоров. Если, например, подсудимый был личным врагом кого-либо из судей, то судья подавал голос, руководясь своим личным чувством к нему. Если подсудимый был богат или знатен, то опять-таки ненависть к нему побуждала незнатного бедняка положить камешек в обвинительную урну. И обратно: если подсудимый умел разжалобить или потешить чем-нибудь судей, это способствовало его оправданию. Мы имеем много упоминаний об этом в литературе. Сам Филоклеон указывает на эти приемы подсудимых²⁹.

Что это не выдумка Аристофана, видно уже из рассказа Ксенофонта в «Защите Сократа»: «Разве ты не знаешь афинских судов? – говорил Сократу Гермоген, – часто судьи, раздраженные речью, выносят смертный приговор людям, ни в чем не виновным; часто, напротив, оправдывают или потому, что они своими речами разжалобят их, или потому, что они говорят им приятные вещи»³⁰. В ответ на это Сократ сказал Гермогену: «Я предпочту умереть, чем, униженно выпрашивая, как нищий, прибавку к жизни, иметь в барышах гораздо худшую жизнь вместо смерти»³¹. И Ксенофонт с уверенностью предполагает, что «судьи оправдали бы Сократа без затруднения, если бы он хоть в малой степени воспользовался этими средства-

²⁶ См. там же, ст. 1408–1429.

²⁷ См. там же, ст. 1285–1295.

²⁸ «Ахарняне», ст. 676–700. Перевод этих стихов из «Ахарнян» см. выше в статье «Облака».

²⁹ Речь Филоклеона (ст. 564–580) приведена выше.

³⁰ Ксенофонт. Защита Сократа, 4; ср. его же «Воспоминания» IV, 4, 4.

³¹ Ксенофонт. Защита Сократа, 9.

ми»³². Дополнением к этим свидетельствам может служить еще одно место в речи Демосфена против Аристократа: «Вы, афиняне, оправдываете величайших преступников, явно уличенных, если они скажут одну-две остроты, и если попросят какие-нибудь лица, выбранные в защитники членами филы; а если и осудите кого, то оштрафуете двадцатью пятью драхмами»³³.

Большое влияние на судей должны были оказывать красивые речи ораторов-демагогов, так как афиняне того времени были вообще чувствительны к красноречию.

Так как судьи получали вознаграждение за участие в каждом заседании, то они находились в зависимости от ораторов-демагогов. Зависимость эта происходила оттого, что оратор-демагог способствовал гелиастам получать это вознаграждение и вместе с тем старался облегчить им их судейские обязанности.

Дело в том, что судьям необходимо было иметь «материал» для работы, т. е. они были заинтересованы в том, чтобы было достаточное количество судебных процессов для разбора в Гелиее. Если судебных процессов будет мало, то не будет надобности и в ежедневных или частых заседаниях Гелиеи, а следовательно, гелиасты не будут и получать плату в дни, когда нет заседаний. А судебных процессов нужно было очень много, потому что было 10 отделений Гелиеи. Так вот делом оратора-демагога было доставлять Гелиее эти процессы, а для этого он должен был возбуждать как можно более обвинений против афинских граждан или против союзников, важные дела которых разбирались в афинской Гелиее. Оратор мог или даже считал своей обязанностью делать это, благодаря тому, что он смотрел на себя как на «предстателя народа» (προστάτης τοῦ δήμου).

Под этим довольно неопределенным термином разумеется главный оратор-демагог, который действовал как опекун и предстатель народа, подобно тому как обыкновенный «предстатель» был патроном метеков. Оратор в Афинах был не просто красноречивый человек: это был государственный деятель. Не занимая иногда официально никакой должности, он присутствовал на заседаниях Совета Пятисот и Народного собрания, часто брал слово, предлагал проекты постановлений. Он должен был быть всегда готовым предложить народу совет, какую-нибудь спасительную меру при затруднительных обстоятельствах, а для этого, конечно, мало было красноречия: нужно было иметь зрелость суждения и знание дела и людей. Но не только в Совете и в Народном собрании оратор-демагог является предстателем народа; он защищает его интересы и в суде; в словаре

³² Ксенофонт. Воспоминания, IV, 4, 4.

³³ Демосфен. Речь XXIII, § 205.

Полидевка (Поллукса) оратор-демагог определяется как «страж свободы» (φύλαξ ἐλευθερίας) (Ш, 34).

Поэтому в Платоновом «Горгии» софист Пол особенным признаком силы ораторов считает то, что они, «"как тираны", убивают, лишают имущества и изгоняют из отечества всякого, кого хотят»³⁴. Как предстатель народа, оратор-демагог обязан привлекать к суду магистратов, которые при исправлении своей должности причинили вред народу, обязан защищать демократию, наблюдать за всеми врагами демократического строя и их попытками свергнуть его. Таким предстателем народа был Клеон до смерти своей. Он не раз хвалится у Аристофана своей бдительностью в этом отношении. Так, в комедии «Всадники» он говорит: «Я один уничтожил заговорщиков, от меня не ускользает никакое брожение в городе; я сейчас же подымаю крик»³⁵. Он называет себя даже «псом, лающим за народ»³⁶. Он «наблюдает за всем»³⁷, от него ничто не может укрыться³⁸; «вы давно уже устраиваете заговор против демократии»³⁹, – грозит он слугам Дема, Никию и Демосфену. – «Я сейчас пойду в Совет и расскажу там о всех ваших заговорах и о ночных сборищах, направленных против демократии, о всех сношениях ваших с персами и с царем, и об этом сыре, который вы теперь варите в Беотии»⁴⁰. Вследствие такой готовности Клеона возбудить обвинение в государственном преступлении, истинное или лживое, «его боятся и богатые и бедные»⁴¹. Только гелиастов Клеон «не грызет, но бережет их, прикрывает рукой и отгоняет мух»⁴². Одной из жертв Клеона был сам Аристофан⁴³.

Образ действий ораторов-демагогов становился прямо преступным, когда они под предлогом патриотизма старались пополнить государственную казну путем конфискации имущества богатых людей, взводя на них обвинения, может быть даже вымышленные, и требуя их осуждения для того, чтобы казна могла платить судьям вознаграждение. Со времени Пелопоннесской войны такое явление стало совершенно обычным. Демагоги, радикальные политики в Народном собрании, действовали как сикофанты в Гелиее: это были как бы две роли их. Гелиасты охотно исполняли их желание – не только ради собственной своей выгоды, но и по естественному чув-

---

³⁴ Платон. Горгий, 466 С.

³⁵ «Всадники», ст. 861–863.

³⁶ Там же, ст. 1023.

³⁷ Там же, ст. 75.

³⁸ Там же, ст. 461–463.

³⁹ Там же, ст. 235–239.

⁴⁰ Там же, ст. 475–479.

⁴¹ Там же, ст. 223–224.

⁴² «Осы», ст. 596–597.

⁴³ См. выше. «Биография Аристофана».

ству вражды неимущего класса по отношению к состоятельным людям. На эту тему есть много свидетельств у древних авторов.

Аристотель говорит: «Теперьшние демагоги, угождая народу, часто производят конфискации при помощи судов [т.е. Гелиеи]»⁴⁴. «Так как население в крайних демократиях бывает очень многочисленным, то затруднительно бывает устраивать народные собрания без назначения платы за посещение их. Там, где у государства нет необходимых доходов, такой порядок очень тягостен для людей состоятельных, потому что в таком случае приходится добывать средства для платы путем установления чрезвычайных налогов, конфискаций и дурных судов [=конфискаций, постановляемых дурными судами]»⁴⁵. В речи Лисия против Эпикрата обвинитель его говорит: «Когда они [т. е. демагог Эпикрат и подобные ему лица] добивались чьего-нибудь осуждения незаконным образом, они заявляли, как вы много раз слышали, что, если вы не осудите тех, кого они велят, то не хватит денег на плату вам»⁴⁶.

В другой речи Лисия обвиняемый откровенно говорит судьям: «Если теперь вы дадите им [обвинителям] обмануть себя и конфискуете паше имущество, то не получите и двух талантов. Таким образом, не только ради своей репутации, но даже и в денежном отношении выгоднее вам оправдать нас: вы гораздо больше получите пользы, если имущество останется в наших руках»⁴⁷. Еще в другой речи Лисия сказано то же о Совете Пятисот: «Когда у Совета есть деньги для управления, он не прибегает ни к каким предосудительным мерам; а когда попадает в безвыходное положение, то бывает вынужден принимать исангелии [доносы по важным государственным преступлениям], конфисковать имущество у граждан и склоняться на самые скверные предложения ораторов»⁴⁸. По поводу такого способа действий демагогов Колбасник задает вопрос обновленному Дему: «Что ты сделаешь с тем адвокатом-хулиганом, который скажет: "У вас, судей, не будет хлеба, если в этом процессе вы не постановите обвинительного приговора"?»⁴⁹

Не так откровенно, но на ту же практику Аристофан делает намеки много раз в своих комедиях. Вот некоторые примеры. «Да может ли быть, – говорит Клеон Дему, – гражданин, любящий тебя больше, чем я? Когда я был членом Совета, я предоставил тебе громадные суммы в государственной казне, для чего одних я пытал, других ду-

---

⁴⁴ Аристотель. Политика, VI, 3, 2 = 1320 а 4.

⁴⁵ Аристотель. Политика, VI, 3, 3 = 1320 а 17.

⁴⁶ Лисий. Речь XXVII, 1.

⁴⁷ Там же. Речь XIX, 61.

⁴⁸ Там же. Речь XXX, 22.

⁴⁹ «Всадники», ст. 1358–1361.

шил, у третьих вымогал, не заботясь об отдельных лицах, лишь бы угодить тебе?»⁵⁰. «Во всяком случае, – говорит он о Деме в другом месте, – я буду кормить его и заботиться о нем, честно ли, бесчестно ли изыскивая средства к тому, чтоб он получал три оболы»⁵¹. «Поспешим, друзья», – говорит хор гелиастов в «Осах», – ведь теперь Лахету достанется: все говорят, что у него денег целый улей. Так поэтому наш покровитель Клеон приказал нам прийти вовремя, запастись на три дня лютой злобой на него, чтобы наказать его за его преступления»⁵². Тот же хор гелиастов, вызывая Филоклеона, просит его не печалиться и утешает тем, что «прибыл богач, один из предателей афинских интересов во Фракии, которого следует тебе укокошить»⁵³.

По-видимому, такое злоупотребление конфискациями для платы судьям было настолько распространено, что Аристотель счел нужным подать совет для его искоренения. «Люди, заботящиеся о сохранении государственного строя, – говорит он в "Политике", – должны противодействовать этому путем издания закона, в силу которого имущество осужденных по судебному приговору не должно становиться народной собственностью и вноситься в государственную казну, но должно быть священным. Тогда намеревающиеся совершить преступление будут нисколько не менее опасаться совершить его [потому что все равно подвергнутся наказанию], а народная масса будет иметь меньше склонности к осуждению подсудимых, зная, что она от этого ничего не получит»⁵⁴.

Как видно из сказанного, демагоги были покровителями судей, заботясь о том, чтобы государство всегда без перерыва имело средства платить им вознаграждение; а Клеон, благодаря своему влиянию, провел постановление в Народном собрании в 425 г. об увеличении его до 3 оболы. Поэтому Клеон у Аристофана мог с полным правом обратиться за помощью к гелиастам, когда ему самому грозила опасность от всадников. «Помогите, старцы гелиасты, члены братства трех оболы, которых я кормлю, крича на все лады, и честно и бесчестно! Помогите, бьют меня заговорщики!»⁵⁵

Таким образом, между демагогами и гелиастами было молчаливое соглашение о взаимопомощи. Как демагог к гелиастам, так и гелиасты к демагогу обращались за помощью в затруднительных обстоятельствах. Так, Филоклеон, пойманный сыном при попытке убежать

---

⁵⁰ Там же, ст. 773–775.

⁵¹ Там же, ст. 799–800.

⁵² «Осы», ст. 240–244.

⁵³ «Осы», ст. 287–289.

⁵⁴ Аристотель. Политика, VI, 3. 2 = 1320 а 6–11.

⁵⁵ «Всадники», ст. 255–257.

из-под домашнего ареста, взывает: «Товарищи судьи и Клеон, помогите!»⁵⁶ Гелиасты, негодуя на Бделиклеона за то, что он не пускает отца в заседание суда, велют своим мальчикам скорее бежать к Клеону, известить его об этом и просить прийти на помощь против врага отечества [Бделиклеона]⁵⁷.

Демагог, действительно, ухаживает за гелиастами, старается не только доставить им доход, но и облегчить работу, сделать так, чтобы на день приходилось как можно меньше разбирать дел. Так, во «Всадниках» Клеон уговаривает Дема, разобрав одно дело в суде, пойти в баню, поесть, выпить, получив свои три обола⁵⁸. В «Осах» Филоклеон говорит прямо, что «в Народном собрании никто [т. е. оратор] никогда не проводит своего предложения, если прежде всего не предложит отпустить собрания судей, как только они разберут одно дело»⁵⁹.

Гелиасты, с своей стороны, оказывали могущественную поддержку демагогу в Народном собрании: шесть тысяч голосов преданных демагогу сторонников обеспечивали ему верную победу при проведении им какого-нибудь желательного ему постановления. Гелиасты и не замечали, что в конечном итоге они сами предоставляют демагогу власть над собою, как на это указывает Бделиклеон отцу⁶⁰, а сами становятся его рабами⁶¹. И что же они получали за это рабство? Три обола в день, тогда как львиная доля всех выгод попадала в руки демагогов, воротил в государстве. Бделиклеон вполне убедительно доказывает отцу, что гелиасты получают менее 10 % государственных доходов, а остальные 90 % попадают в руки демагогов⁶². Мало этого: союзники, заметив, что вся сила находится у демагогов, а гелиасты являются лишь слепым орудием их, подкупают демагогов большими взятками и подарками, а гелиастам никто не дает даже головки чесноку⁶³.

Правдивость этого свидетельства Аристофана подтверждается не только свидетельством его самого в других комедиях, но и другими нашими источниками о подкупе демагогов как гражданами, так и союзниками. В «Мире» Гермес говорит: «Ораторы трясли союзников, кто был богат и с толстой мошной, а в вину им ставили, что они — единомышленники Брасида. Тогда вы, как собачонки, рвали его [т.

⁵⁶ «Осы», ст. 197.

⁵⁷ См. там же, ст. 408–414.

⁵⁸ «Всадники», ст. 50–51.

⁵⁹ «Осы», ст. 594–595.

⁶⁰ См. там же, ст. 667–668.

⁶¹ См. там же, ст. 517, 653, 682.

⁶² См. там же, ст. 655–668.

⁶³ См. там же, ст. 669–679.

е. богатого], потому что город, бледный, сидя в страхе, ел с большим аппетитом всякое обвинение, какое кто ему бросит. А союзники, видя сыпавшиеся на них удары, набивали золотом рты тех, кто это делал, так что их делали богатыми, а Эллада, вы и не замечали, как опустела. А делал это кожевник [Клеон]⁶⁴. В «Плутосе» Блепсидем, подозревая, что Хремил разбогател, украв что-нибудь или ограбив кого-нибудь, хочет спасти его, «обделав дело по самым дешевым ценам, пока не проведали об этом в городе, – именно, заткнуть ораторам глотку мелкими деньгами»⁶⁵. Во «Всадниках» хор корит Клеона за его вымогательства от должностных лиц: «Как смоквы, ты давишь отчетных слуг государства: пробуешь, кто из них еще зелен, кто поспел или еще не вполне дошел. И, если заметишь, что кто-нибудь не охотник до судов, простофиля, того ты вызовешь из Херсонеса, схватишь поперек, дашь ему подножку, потом повернешь ему плечо и проглотишь его. Ты высматриваешь, кто из граждан прост, как ягненок, богат, честен и боится всяких передраг»⁶⁶. В этой же комедии Колбасник говорит Клеону, что его действия имеют целью ограбление и получение подарков от союзных городов, и клянется доказать, что Клеон получил более 40 мин в виде взятки от Митилены⁶⁷.

В одной речи Лисия лицо, произносящее ее, говорит: «Как всем вам известно, во время прежней демократии [т. е. при демократии, бывшей до правления Тридцати] многие государственные деятели [т. е. те же ораторы] расхищали народное достоинство, некоторые брали взятки в ущерб вашим интересам, иные своими доносами отчуждали от вас союзников»⁶⁸. В другой речи Лисия сказано о демагогах: «Когда они добивались чьего-нибудь осуждения незаконным образом, они заявляли, как вы много раз слышали, что, если вы не осудите тех, кого они велят, то не хватит денег на плату вам [судьям]»⁶⁹. «Если бы вы видели, господ судьи, – сказано еще в одной речи Лисия, – что конфискуемое ими [ораторами-демагогами] имущество идет на пользу государства, то я извинил бы это. Но вы знаете, что часть его ими перехватывается, а другая часть, дорого стоящая, продается за бесценок... Но более всего возмутительно поведение государственных деятелей [т. е. тех же ораторов-демагогов]: ораторы предлагают не то, что полезнее всего отечеству, а вы постановляете

---

⁶⁴ «Мир», ст. 639–648.

⁶⁵ «Плутос», ст. 377–379.

⁶⁶ «Всадники», ст. 259–265.

⁶⁷ См. там же, ст. 802, 832–835.

⁶⁸ Лисий. Речь XXV, 19.

⁶⁹ Там же. Речь XXVII, 1.

то, от чего они получают больше всего выгоды»⁷⁰. Послы от Митилены в речи своей перед собранием Пелопоннесского союза в 428 г. тоже заявили, что митиленцы сохранили свою независимость от афинян благодаря тому, между прочим, что они «ублажали Афинское государство и тех лиц, которые стояли во главе его»⁷¹. Нравы демагогов не изменились и позднее: Исократ в речи «О мире» указывает что ораторы желают держать народ афинский в бедности, для того чтобы властвовать над ним. «Удивляюсь, – говорит он, – как вы не видите, что нет никого, кто к массе народной относился бы более зложелательно, чем скверные ораторы и демагоги: не говоря уже о других несчастьях, причиняемых ими, они хотят, чтобы вы нуждались даже в самом необходимом, так как видят, что люди, могущие на собственные средства удовлетворять свои потребности, преданы родине и стоят на стороне подающих добрые советы, а, напротив, кто живет на получки от судов, народных собраний, те вынуждены бедностью подчиняться им и бывают очень благодарны за исангелии, обвинения и прочие доносы, возбуждаемые ими. Поэтому они были бы очень рады увидеть всех граждан в нужде, при которой они сами господствуют. Доказательство этого самое важное – следующее: они думают не о том, как доставить средства для жизни нуждающимся, а о том, как бы людей, хоть что-нибудь имеющих, сравнять с неимущими»⁷².

Как уже сказано выше, Гелиея была привилегированным государственным учреждением; гелиасты чувствовали свою власть и безответственность; это порождало в них чванство, Филоклеон приравнивает власть гелиастов к царской; считает ее даже не меньшей, чем власть Зевса⁷³; гелиасты относились с ненавистью и надменностью к знатым и богатым. Но нельзя сказать, чтобы это было чувство только классовой вражды: они и к бедным относились так же. Это было скорее «заснайство», а, может быть, даже и судейский «садизм». Это видно уже из того, что Филоклеон ни одного подсудимого никогда не оправдывал⁷⁴; даже, оправдав собаку, и то помило своей воли, он падает в обморок⁷⁵. По его словам, ему было когда-то предсказано оракулом, что он «иссохнет, когда кто-нибудь будет им оправдан»⁷⁶. Стало быть, будучи судьей, он и не стремился

⁷⁰ Там же. Речь XVIII, 20 и 16.

⁷¹ Фукидид, III, 11, 5.

⁷² Исократ. Речь VIII, 129–131.

⁷³ См. «Осы», ст. 620.

⁷⁴ См. там же, ст. 999–1000.

⁷⁵ См. там же, ст. 995–996.

⁷⁶ Там же, ст. 158–160.

разобрать дело по справедливости, а уже заранее решал его в сторону обвинения.

Из упомянутой выше речи стариков в «Ахарнях»⁷⁷ видно, что гелиасты с полным равнодушием относились к таким же, как они, беднякам-старикам и не старались защитить их от нападений софистических ораторов. Осуждение Сократа, уже совсем не аристократа и не богача, только потому в сущности, что он держал себя с достоинством, а не льстил судьям и не унижался перед ними, также указывает на чванство и вообще на злостное чувство их. Очень показательна в этом отношении речь Демосфена против Евбулида. Демосфену приходится защищать своего клиента перед Гелиеей от упрека в том, что он вел мелочную торговлю лентами, а его мать – от упрека в том, что она служила наемной кормилицей. «Не брезгуйте, судьи, бедняками, – говорит подсудимый, – (достаточное для них несчастье бедность сама по себе) и особенно теми, которые предпочитают работать и законным образом добывать себе средства к жизни»⁷⁸.

Можно подумать, что подсудимый говорит не пред такими же, как он, бедняками, а пред какими-то богатыми аристократами, презирающими труд! А между тем, почему бы, например, Филоклеону не работать? Он – старик здоровый: он в пьяном виде всех колотит, пляшет лучше балетных танцовщиков интересуется еще флейтисткой. Ясно, что он трудоспособен, но предпочитает, пользуясь почетом, ничего не делая, просидеть несколько часов в суде, чем заниматься какою-нибудь презренной работой.

Должность гелиаста была почетное, платное времяпрепровождение, не требовавшее затраты ни физических, ни умственных сил, иногда даже приятное развлечение. Эти два качества – деньги и почет без всякого труда – и привлекали к этой должности людей, или неспособных ни к какому труду, или даже не желавших работать. Кратко и метко охарактеризована должность гелиаста в Псевдо-Ксенофоновом трактате: «В судах народ заботится не столько о справедливости, сколько о собственной выгоде»⁷⁹.

Главным контингентом Гелиеи был, по-видимому, городской «люмпенпролетариат»; сельские жители, по крайней мере некоторая часть их, относились к Гелиее враждебно, как видно из того, что сказано в «Птицах»: когда герои этой комедии, Писфетер и Евельпид, рекомендуются Удоду как «противники гелиастов», Удод спрашивает: «Разве сеется там [в Афинах] это семя?» – «Да, – отвечает Евельпид, – если поискать, то можно найти немного в дерев-

⁷⁷ См. «Ахарняне», ст. 676–700.

⁷⁸ Демосфен. Речь LVII, 36.

⁷⁹ Псевдо-Ксенофонт. Афинское государственное устройство, I, 13.

не»⁸⁰. Как видно, много было бедноты в Афинах, если из 20 тыс. афинских граждан 6 тыс., т. е. почти одна треть всего гражданства, интересовалась платою в 3 обола!

Понятно, что глупое чванство таких судей должно было вызывать у граждан культурных насмешки. Одним из поводов к сочинению комедии «Осы» у Аристофана и было желание высмеять «манию» афинян судить, эту «старую болезнь»⁸¹, по выражению Аристофана, и выявить психологию гелиаста. Конечно, Аристофан дает карикатуру, но и карикатура должна иметь некоторое сходство с оригиналом: вероятно, не все гелиасты были так злобны, даже не все были стариками; но, как тип, характеристика дана правильная. Сатира его направлена против личности гелиаста, а не против самой Гелии как государственного учреждения.

Другая цель, которая особенно ярко выражена в речи Бделиклеона, – это борьба с демагогами, так что комедия «Осы» является как бы последней пьесой сатирической тетралогии, направленной против демагогов: в «Вавилонянах» (426 г.) Аристофан показал, что демагоги угнетают союзные города и тем возбуждают в них ненависть к Афинам; в «Ахарнянах» (425 г.) он представил Перикла, как родоначальника последующих демагогов, в виде поджигателя ненужной войны; во «Всадниках» (424 г.) он уже открыто выступил против Клеона; наконец, в «Осах» он указал, что мнимый патриотизм демагогов, и особенно Клеона, имеет целью не защиту демократии, а личное обогащение. Подтверждением того, что «Осы» направлены против Клеона, служат самые имена главных персонажей: Филоклеон – «Любитель Клеона» и Бделиклеон – «Ненавистник Клеона». Хотя в начале пьесы раб (говорящий здесь от имени автора) заявляет зрителям, что в этой пьесе «мы не будем крошить Клеона»⁸², но это лишь сценический прием, сделанный «для отвода глаз», – может быть, даже с целью лишить Клеона повода возбудить опять судебный процесс против автора. Эти имена действующих лиц уже дают понять зрителям, что сюжетом пьесы будет спор за и против политики Клеона, который и происходит на самом деле в речах Филоклеона и Бделиклеона.

Аристофан не предлагает своей программы судебного дела; он только указывает, к какому результату привело установление платы судьям. Получился «заколдованный круг» (*circulus vitiosus*): для охраны демократического строя необходимо низшему классу иметь суд в своих руках; для этого необходимо дать судьям вознагражде-

---

⁸⁰ «Птицы», ст. 109–111.

⁸¹ «Осы», ст. 651.

⁸² «Осы», ст. 62–63.

ние; это ставит судей в зависимость от демагогов, а этим нарушается демократический принцип.

Что сделали демагоги с народом афинским? Они развратили, испортили его. Народ, по природе своей веселый, добродушный, благожелательный, попав в «братство трех оболгов», стал мрачным, злобным, думающим, в противоположность демократическому принципу, – лишь о том, как бы проявить свою власть над согражданином, как бы погубить другого. Народом овладела мания судить. Аристофан так и смотрит на гелиастов: по существу своему, эти старики ему симпатичны: это Марафонские бойцы, его любимцы, герои его пьес⁸³; да и сам Филоклеон – бывший сельский хозяин⁸⁴. Но они испорчены: «они жалят всякого человека и [этим] добывают средства, для жизни»⁸⁵. Однако они быстро могут и исправиться: выслушав речь Бделиклеона, старики мгновенно соглашаются с его доводами и уговаривают Филоклеона согласиться с ними⁸⁶.

Таким образом, в «Осах» нельзя видеть какой-то трактат против демократии и считать поэтому Аристофана принципиальным противником демократического строя, как предполагали некоторые ученые. Скорее, наоборот: по его мнению, Гелиея в ее таком виде есть учреждение до некоторой степени антидемократическое.

Мнения критиков нового времени о комедии «Осы», как и обыкновенно бывает, различны; главным недостатком ее находят то, что она не кончена после 1008 стиха. Один французский переводчик XVIII столетия (Poinsinet de-Sivry) даже оставил без перевода последнюю часть ее.

Но зато эту пьесу избрал образцом для подражания известный французский трагик Расин для своей единственной комедии «Plaideurs».

---

⁸³ См. там же, ст. 1075–1100.

⁸⁴ См. там же, ст. 450.

⁸⁵ «Осы», ст. 1113.

⁸⁶ См. там же, ст. 725 и сл.

Комедия «Мир» (Εἰρήνη) была поставлена на сцену в праздник Великие Дионисии (в марте или апреле) 421 г. Она имела средний успех: была поставлена на втором месте; на первом была поставлена комедия Евполида, а на третьем месте – комедия Левкона.

Настроение обеих воюющих сторон в это время было гораздо более благоприятным для заключения мира, чем в 425 г. при постановке «Ахарнян». Война длилась уже 10-й год; обе стороны были утомлены; лишь полгода назад (осенью 422 г.) пали в сражении при Амфиполе главные поджигатели войны – у афинян Клеон, у спартанцев Брасид.

После этого в Афинах возобладали мирные течения. Влияние Никия, главы партии мира, возросло; к тому же афиняне, после поражений, понесенных ими в сражении при Делии в 424 г. и при Амфиполе в 422, не имели уже прежней уверенности в своих силах; можно было опасаться дальнейших отпадений союзников; финансовые средства истощались. Война была особенно тяжела для сельского населения, и оно жаждало мира.

Спарта, с своей стороны, желала мира, чтобы скорее освободить спартиатов, взятых в плен афинянами на о. Сфактерии в 424 г.; царь спартанский Плистоанакт также был поборником мира; к тому же, илоты готовы были восстать; Аргос имел стремление отнять у Спарты гегемонию в Пелопоннесе.

Таким образом, обе стороны желали мира, когда Аристофан работал над своей комедией. Основным действующим лицом ее он избрал любимый им тип старого аттического земледельца, которому он дал имя «Тригей» (Τρυγαῖος) – «Собиратель плодов», «Виноградарь». Действующих лиц в «Мире» довольно много; но большая часть их не имеет важного значения для основного хода действия. Главным действующим лицом является *Тригей*; после него более или менее крупные роли принадлежат двум рабам Тригея, а также Гермесу и Демону войны.

Содержание «Мира» следующее. В первой части показано, какие усилия употребляет Тригей, чтобы приобрести себе мир; во второй части нарисована картина, как Тригей наслаждается приобретенным миром.

Тригей хочет узнать от самого Зевса, что он намерен делать с эллинами, а если он не скажет, то обвинить его как предателя Эллады. Чтобы добраться до Зевса, он откармливает навозного жука огромной величины привычной ему пищей и на нем поднимается на небо.

Но оказывается, что боги выселились со своего обычного местопребывания в самый отдаленный закоулок неба, а на своем месте поселили Демона войны, предоставив ему на усмотрение Элладу; из богов остался только Гермес, чтобы беречь хозяйственный скарб богов. Гермес рассказывает Тригею, что боги удалились, чтобы не видеть сражений и не слышать молений людей; они рассердились на эллинов за то, что те предпочитают войну миру, тогда как боги не раз им его предлагали. Если спартанцы одерживали хоть мало верх, они говорили: «Теперь аттики будут наказаны». Если афиняне имели успех, и спартанцы приходили толковать о мире, афиняне говорили: «Нас обманывают, не надо их слушать; придут и опять, если в наших руках будет Пилос». Гермес рассказывает Тригею, что греки едва ли когда получат богиню Мира: Демон войны бросил ее в глубокую пещеру и завалил ее сверху огромными камнями; кроме того, Демон принес громадную ступку и хочет толочь в ней греческие города. В это время входит страшный Демон войны, которого сопровождает его слуга Шум (Κύδομος). Но толочь нечем: нет песта. Демон войны посылает слугу за пестом сперва к афинянам, потом к спартанцам; но оказывается, что и у афинян пропал пест – Клеон, и у спартанцев пест – Брасид. Демон уходит делать новый пест. Тригей пользуется уходом Демона и приступает к спасению богини Мира. На помощь себе зовет он людей со всей Греции, в первую очередь земледельцев. «Земледельцы, купцы, плотники, ремесленники, метеки, иностранцы, островитяне! Все идите сюда!» На зов Тригея в оркестру вступает хор сбежавшихся с разных концов Греции земледельцев – хор, называющий себя «всегреки» (Πανέλληνες), словом необычным еще для конца V века. Соединенными усилиями они вытаскивают из пещеры богиню Мира и ее двух подруг – Опору, богиню жатвы, и Феорию, богиню праздников.

После этого начинается вторая часть пьесы. В сопровождении Феории и Опоры Тригей возвращается на землю. Феорию он отводит в афинский Совет, а на Опоре сам женится. Свадебным гимнеем оканчивается пьеса.

Как уже сказано, «Мир» был поставлен на сцену в Великие Дионисии 421 г. Как раз в эти дни приближались к концу мирные переговоры афинян и спартанцев; в Афинах со дня на день ждали окончательных результатов. Фукидид сообщает, что так называемый Никиев мир состоялся «в конце зимней кампании, к началу весны, тотчас после Городских Дионисий, по прошествии полных десяти лет и нескольких дней со времени первого вторжения в Аттику и начала этой войны»¹. Представление пьесы Аристофана, значит, происходи-

---

¹ Фукидид. V, 20.

ло как раз пред моментом подписания мирного договора и тем самым приобретало особое политическое значение.

В первой вводной статейке к «Миру» (с. 238 в изд. Бергка) сказано, что «эта драма принадлежит к числу очень удачных» (τὸ δὲ δράμα τῶν ἄγαν ἐπιτετευμένων). Мнения критиков нового времени, по обычаю, расходятся: О. Миллер находит в «Мире» недостаток единства действия в конце пьесы, гдт находится ряд отдельных сцен, и потому ставит «Мир» ниже «Ахарнян», близких к «Миру» по сюжету. Правильно мнение Магаффи: «Комедия эта более блестящая и фантастическая, чем «Осы», но слишком пропитана цинизмом, который, как бы он ни был забавен, обезображивает многие из позднейших произведений поэта и им же самим осуждался в более ранних пьесах. Некоторые места в парабазе и других частях списаны Аристофаном с его прежних произведений, и все-таки мы не можем не удивляться уменью поэта обработать в совершенно иной сценировке и по иному плану тот же самый сюжет, который он уже обработал в «Ахарнянах». Кажется, что фантастический элемент гораздо более овладел поэтом в этот период его жизни»². Во всяком случае, некоторые лирические песенки в «Мире» превосходны, например ст. 1159 и сл. А по содержанию «Мир» особенно интересен тем, что в нем проводится панэллинская идея: Аристофан призывает всех эллинов прекратить братоубийственную войну и содействовать водворению мира во всей Элладе.

В третьей вводной статейке к «Миру» есть такая заметка: «В дидаскалиях сказано [или по другому чтению: "Из дидаскалий видно"], что Аристофан поставил на сцену также другой "Мир"». «Итак неизвестно, – говорит Эратосфен (александрийский ученый), – ту же ли самую комедию он вторично поставил на сцену, или же поставил другую, которая не сохранилась». Однако Кратет (пергамский ученый) знает две драмы, как видно из того, что он пишет так: «Но в "Ахарнянах" или "Вавилонянах" или в другом "Мире"». И действительно, цитируются некоторые отдельные стихи, которых нет в существующей теперь пьесе.

До нашего времени сохранилось всего шесть цитат, приводимых позднейшими писателями (Поллуксом, Стобеем, Свидай, Евстафием) будто бы из «Мира», которых в нашем «Мире» нет. Вопрос об этом, втором, «Мире» не может быть решен сколько-нибудь удовлетворительно за неимением твердых оснований.

² Дж. Магаффи. История классического периода греческой литературы, т. I. М., 1882, § 267, с. 416.

Комедия «Птицы» (Ὀρνίθεσ) была поставлена на сцену в праздник Великие Дионисии (в марте или апреле 414 г.) от имени Каллистрата. Она получила второе место среди конкурентов на этом состязании. Первое место досталось Амипсию, третье – Фриниху. Это был 17-й год войны. В этом же году в праздник Леней (в январе или феврале) была поставлена на сцену (не дошедшая до нас), комедия Аристофана «Амфиарай».

Таким образом, комедия «Птицы» была ближайшей по времени, из числа дошедших до нас, к комедии «Мир», поставленной в 421 г. Надо полагать, что Аристофан занимался творчеством и в течение 7 лет, прошедших между 421 и 414 гг., но об этом никаких сведений не сохранилось.

Вскоре после представления «Мира», вероятно через несколько дней, между афинянами и спартамцами был заключен мир на 50 лет, названный «Никиевым миром».

Самым важным событием в политической жизни Афин со времени постановки на сцену комедии «Мир» и до постановки «Птиц» была злосчастная военная экспедиция в Сицилию, предпринятая главным образом по настоянию Алкивиада. (Подробности событий этого времени см. выше в обзоре истории Греции). Ко времени постановки на сцену «Птиц» дела афинян были еще в блестящем положении; прибытие в Сицилию спартанского войска под начальством Гилиппа и поворот войны в дурную для афинян сторону произошли лишь несколько месяцев спустя. Вероятно, Аристофан стал писать эту комедию задолго до постановки ее, судя по размеру ее (в ней 1764 стиха; это самая большая пьеса Аристофана), а также потому, что при множестве подробностей, касающихся птиц, она должна была потребовать немало подготовительных работ.

Действующих лиц в этой комедии много, и в разных изданиях они перечисляются не вполне одинаково. Главные из них следующие: *Писфетер*, *Евельпид*, *Удод*, *Прометей*, *Посидон*, *Геракл*. *Хор* состоит из птиц.

Писфетер и *Евельпид* – афиняне, уже старики, но еще крепкие. Имя первого из них в рукописях текста пьесы имеет форму Πεισθέταιρος. Но так как оно состоит из основы аориста страдательного залога ἐ-πέισθ-ην (я был убежден или я послушался) и слова ἔταιρος (товарищ) и потому в переводе не дает никакого смысла, то ученые нового времени, чтобы его «осмыслить», изменяют его в формы: Πειθέταιρος или Πεισέταιρος (убеждающий товарищей) и

Πισθέταρος (от πιστός – верный и ἑταῖρος – товарищ) – «верный товарищ» (?), по аналогии с именем Πιστόξενος. Вопрос этот едва ли может быть решен с полной убедительностью, но всего правильнее принять форму Πεισθέταφος ввиду того, что она дается не только во всех наших рукописях, но даже и в отрывке рукописи VI века, найденном в Файюме¹. *Евельпид* (Εὐέλπιδης) значит – имеющий добрые надежды, оптимист.

Удод (Ἰδοῦ) по мифологическому рассказу был некогда человек – царь фракийский, Терей (Τηρεῦς), женой которого была дочь афинского царя, Прокна (Πρόκνη). За преступление против Филомелы, сестры Прокны, он был превращен в птицу удода; также и Прокна была превращена в соловья. Таким образом, Удод находился в родстве с афинянами.

Содержание комедии «Птицы» следующее. Два пожилых афинянина, из которых один, Писфетер, – мастер на выдумки и хитер, а другой, Евельпид, – легковверный добряк, тяготясь тем положением, в которое поставлены в Афинах благонамеренные граждане, подвергающиеся нападениям сикофантов и судебным процессам, решаются покинуть родной город и поискать на белом свете место, где они могли бы легче и привольнее проводить жизнь. Зная, однако, что людям живется повсюду скверно, они решили пойти за советом к птицам: может быть, птицы, которым приходится много и часто летать по различным странам, знают такое хорошее место. Свой путь они направляют по указанию двух птиц, вороны и галки, которых они купили у продавца птиц в Афинах, и теперь несут с собою, так как эти птицы считались вещими. Эти проводники привели их в дикую, лесистую, скалистую местность, где нет ни дороги, ни даже тропинки. С этого и начинается наша пьеса. Оказалось, что они пришли к жилищу Удоды². Удод выходит навстречу обоим приятелям и дружески рекомендует им различные города, которые, по его мнению, были бы им подходящи; но старики отвергают эти предложения. Мотивировки отказа содержат в себе какой-нибудь политический каламбур. Так, когда Удод предлагает друзьям отдаленный город на берегу Красного моря, Евельпид в ужасе восклицает: «Ох, нет! Нам не надо на берегу моря, где в один прекрасный день вынырнет Саламиния [государственный корабль афинский] и привезет чиновника с вызовом в суд!»³. В этой шутке содержится намек на арест Алкивиада, за которым был послан в Сицилию корабль. Но вот

¹ См. Henri Weil. Etudes de littérature et de rythmique grecques. Paris, 1902, p. 15.

² В одном из недавно вышедших руководств по истории древнегреческой литературы, в изложении этой комедии, очень странно рассказано о приходе их к Удоду: «Купив галку и ворону, они улетают к Удоду».

³ «Птицы», ст. 145–147.

Писфетера осеняет мысль: он предлагает Удоду основать между небом и землей совершенно новый, птичий город. Положение города между миром богов и миром людей будет птицам очень выгодно, поясняет Писфетер Удоду: «Как мы, афиняне, если хотим пройти в Дельфы, каждый раз спрашиваем пропуск туда у беотийцев, совсем так же и вы, птицы, не будете пропускать к богам дыма от жертв, приносимых людьми, если боги не станут выплачивать вам пошлины»⁴. Удоду предложение Писфетера очень понравилось; но он хочет обсудить его совместно с другими птицами. Он входит в чащу леса и будит песней свою подругу Прокну – соловья. После этого Удод (под аккомпанемент флейты за сценой) поет арию, обращенную к птицам, которая начинается и заканчивается, а местами и прерывается забавными, но грациозными звукоподражательными скороговорками вроде «торо торо торо торо тике», «торо торо торо торо ли ли лике»⁵, шутивно передающими музыкальный эффект птичьей трели. Завершая сцену пролога, эта звучная песня Удода одновременно открывает и начало парода: одна за другой входят в оркестру разнообразные птицы, постепенно образующие причудливый птичий хор.

Когда остальной массе птиц становится известно, что в их среду пробралось двое людей и что эти люди собираются у них жить, птицы приходят в ярость и с криком бросаются на стариков. Разыгрывается живая сцена сказочной битвы: нападают птицы, Писфетер и Евельпид обороняются вертелом, горшком, уксусницей, ковшом. Лишь с трудом удается Удоду успокоить птиц и уговорить их выслушать Писфетера. Писфетер увлекательно рассказывает птицам о былом их могуществе. Некогда птицы были владыками мира, говорит он; было это давно, прежде чем воцарились боги на небе, образовалась земля, а на земле. появились люди. Да ведь еще и теперь, продолжает он, едва утром прокричит петух, как все рабочие люди послушно, вскакивают с постели. Вернуть это славное прошлое, снова повелевать людьми и богами – вот задача, поистине достойная птиц! А для этого птицам необходимо объединиться, образовать большую городскую общину, создать большой, укрепленный могучими стенами город. Зачарованно слушают птицы этот заманчивый, грандиозный проект.

Затем следует парабаза, в которой излагается фантастическая космогония: в начале был Хаос, Ночь, Эреб и Тартар, а земли, воздуха и неба не было. Ночь родила огромное яйцо, из которого произошел Эрот, а он произвел птичий род. А прежде не было рода бессмертных, и только, когда Эрот смешал все, то явилось небо, океан, земля и бессмертный род блаженных богов, и таким образом птицы

---

⁴ Там же, ст. 188–193.

⁵ Там же, ст. 260–262.

намного старше богов. Все великие блага для смертных исходят от птиц; они указывают времена года людям и сезонные работы и таким образом заменяют оракулы: они для людей и Аммон, и Дельфы, и Додона, и Феб Аполлон⁶.

После парабы Писфетер приступает к осуществлению намеченного им плана, т. е. к созданию птичьего города, которому он дает теперь и название «Нефелококкигия» – «Тучекукуевск» или «Облакокукушград».

Основание города надо освятить жертвоприношениями и выбрать новых богов – покровителей нового города. Писфетер посылает Евельпида помогать птицам, работающим над постройкой, и велит ему послать одного глашатая к богам; а другого – к людям; а сам приглашает жреца для совершения полагающегося обряда. Молитвенная формула, произносимая жрецом, соответственно изменена: вместо прежних богов молятся новым: птичьей Гестии, коршуну, ястребу, лебедю и другим.

Прослышав об основании птичьего города, люди сейчас же делают попытку проникнуть в него, чтобы в нем обосноваться. Раньше всех приходят те, кто рассчитывает чем-нибудь поживиться на новом месте: бедный поэт, обещающий воспеть новый город; ему дарит Писфетер хитон; потом приходят: предсказатель, геометр (землемер) Метон, афинский правительственный чиновник, и, наконец, продавец заранее заготовленных постановлений Народного собрания. Каждого из них Писфетер колотит и прогоняет.

Затем хор произносит вторую парабу, в которой он выражает радость по поводу того, что теперь люди будут оказывать почет птицам; грозит разными карами продавцу птиц Филократу и вообще всем, кто держит птиц в клетках; описывает счастливую жизнь птиц летом и зимой; и, наконец, – нарушая театральную иллюзию, – обращается к судьям драматического состязания, обещая им награды, если они присудят победу «Птицам», и грозя им неприятностями, если они им не присудят победу⁷.

После этой парабы прибегает птичий вестник и радостно докладывает Писфетеру о том, что работы по возведению вокруг города стен необычайной ширины и длины закончены и что все эти работы произведены самими птицами. Прибегает другой гонец с извещением о том, что какой-то бог пробрался в город. Писфетер и птицы решают объявить войну богам. Оказывается, что в город прилетела Ирида, посланная Зевсом к людям с приказанием принести жертвы Олимпийским богам и не знавшая о существовании в воздухе птичь-

⁶ См. «Птицы», ст. 716.

⁷ Эта последняя часть парабы приведена ниже, в статье «Афинская театральная публика».

его города. Писфетер объявляет ей, что теперь птицы – боги, и люди должны приносить жертвы птицам, а не Зевсу, а потом издевается над Иридой и прогоняет ее.

Тем временем возвращается глашатай, посланный к людям, и объявляет Писфетеру, что все народы за его мудрость венчают его золотым венцом и чтут его, что все люди, прежде подражавшие лаконцам, теперь подражают птицам, и что придут в птичий город более десяти тысяч желающих иметь крылья и нравы птиц с кривыми когтями. Писфетер приказывает наполнить все корзины крыльями для новых поселенцев. Являются один за другим новые поселенцы: отцеубийца, дифирамбический поэт Кинесий и сикофант. Конечно, Писфетер не принимает их в город.

После небольшой песни хора приходит Прометей, с закутанной головой, чтобы его не увидел кто-либо из богов, и сообщает, что богам грозит гибель от голода и от восстания варварских богов Трибаллов; что в город придут послы от Зевса и Трибаллов для переговоров о мире. Он советует Писфетеру не мириться, если Зевс не возвратит птицам скипетр и не даст Писфетеру в жены Василию – царскую власть. Действительно, от богов приходят в качестве послов Посидон, Трибалл и Геракл. Писфетер в это время занят приготовлением себе обеда: он жарит некоторых птиц-преступников, которые восстали против птиц-демократов. Этим обедом заинтересовался Геракл (он в комедии выводится как обжора), и Писфетер, воспользовавшись этим, предъявляет богам свои требования: чтобы Зевс вернул птицам скипетр; если послы на это согласны, то он приглашает их на завтрак. Геракл сразу соглашается. Писфетер убедительно доказывает, что богам будет очень выгодно при господстве птиц; тогда Геракл опять подтверждает свое согласие. Трибалл говорит что-то непонятное, но Геракл объясняет его слова тоже в смысле согласия. Посидон говорит: «Если вы оба такого мнения, то и я согласен». Тогда Писфетер предъявляет второе требование: дать деву Василию ему в жены. Посидон решительно отказывается и предлагает послам уйти. Но Геракл находит, что не стоит воевать из-за одной бабы. Посидон указывает Гераклу, что, в случае передачи Зевсом своей власти птицам, он не получит ничего после смерти Зевса, а теперь все богатство Зевса должно достаться ему как сыну. Писфетер, отведя в сторону Геракла, говорит, что Посидон обманывает его: он, Геракл, как незаконнорожденный, все равно ничего не получит. «А если ты будешь с нами, – прибавляет Писфетер, – я тебя сделаю царем, буду доставлять тебе птичье молоко»⁸. Геракл сейчас же соглашается и насчет передачи ему Василии. Но Посидон выска-

---

⁸ «Птицы», ст. 1672–1673.

зывается против этого. Дело остается в зависимости от Трибалла. Трибалл произносит фразу, хотя и на ломаном языке, но все-таки такую, что Геракл объясняет ее в положительном смысле. Тогда Посидон заявляет: «Вы двое теперь договаривайтесь, а я, раз вы так думаете, буду молчать»⁹. Геракл приглашает Писфетера идти с ними на небо для получения Василии и всего прочего; а сам все-таки предпочитает остаться на месте и жарить мясо.

Кончается комедия свадебным гимном, который исполняется хором птиц, весело провожающих счастливого жениха Писфетера и красавицу Василию.

Как уже сказано выше, комедия «Птицы» получила на драматическом состязании второе место, т. е. была встречена тогдашними судьями не особенно сочувственно. Только древние греческие ученые более позднего времени оценили ее: в I вступительной статье к «Птицам» (с. 3 в изд. Бергка) сказано, что «эта драма принадлежит к числу очень искусно сочиненных» (τὸ δράμα τοῦτο τῶν ἄγαν δυνατῶν τελοπιμένων).

У литературных критиков нового времени «Птицы» имели выдающийся успех. Главным образом причиной этого успеха послужили внешние достоинства произведения: поразительное богатство языка, мастерство стихосложения, гармония ритмов, неистощимое веселье пьесы и т. п.

Но и внутреннее содержание «Птиц» привлекало внимание критиков всех времен. Уже древние греческие ученые заинтересовались вопросом о цели (σκοπός) этой комедии. Некоторые мнения их сохранились в дошедших до нас вступительных статьях к «Птицам» (с. 3–5 в изд. Бергка). В статье III (с. 5 у Бергка) целью этой пьесы считается «осмеять опять афинян как любителей судебных процессов» (ὁ δὲ σκοπός τοῦ δράματος – διασύρει πάλιν τοὺς Ἀθηναίους ὡς φιλοδίκους). Такое мнение явно несостоятельно; на эту тему в пьесе имеется лишь несколько ничтожных намеков: о том, что Писфетер и Евельпид – противники гелнастов (ἀπληϊαστά)¹⁰; о том, что они опасаются поселиться в приморском городе, так как туда может прибыть государственный корабль с приказанием им явиться в Афины на суд¹¹; сцена с сикофантом¹².

Важнее предположение другого древнего ученого, выраженное во II вступительной статье (с. 3–4 в изд. Бергка). Общий смысл его тот, что Аристофан в этой комедии «замыслил нечто великое» (μέγα τι διανενόηται): ввиду того, что город страдает неизлечимую болезнью

⁹ Там же, ст. 1083–1084.

¹⁰ См. «Птицы», ст. 109.

¹¹ См. там же, ст. 145–147.

¹² См. там же, ст. 1410–1467.

и испорчен стоящими во главе его людьми, он делает намек на другой государственный строй и на других людей, стоящих во главе его, и советует произвести вообще полную перемену всего; ... внушает слушателям желание избавиться от теперешнего дурного государственного строя; нужны городу и новые боги. И это объяснение не приемлемо: едва ли могли бы афиняне извлечь из описания фантастического воздушного города какие-либо уроки для радикального переустройства своего реального земного государства в политическом и даже в религиозном отношении. К тому же пьеса кончается тиранией Писфетера; Аристофан не решился бы посоветовать согражданам такую реформу.

Кроме того, в I статейке указано, что «тогда [т. е. при постановке на сцену «Птиц»] дела афинян находились в очень тяжелом положении: флот у Сицилии погиб, Ламаха уже не было в живых, Никий был казнен, спартанцы укрепили Декелею, спартанский вождь Агид занимал Аттику, Алкивиад был на стороне спартанцев и подавал им советы». Эта хронология неверна: «Птицы» поставлены на сцену весной 414 г., а вторжение Агида в Аттику и укрепление Декелей спартанцами произошло лишь весной 413 г. Об этой хронологической ошибке древнего ученого пришлось здесь упомянуть ввиду того, что она оказала некоторое влияние на мнения ученых нового времени о цели нашей комедии.

Мнения ученых нового времени в этом отношении сильно, почти диаметрально расходятся. В них можно различить три главных направления. Одни видят в «Птицах» политическую аллегория современной истории Афин. Другие смотрят на эту комедию как на чистую фантазию, как на феерию вроде пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь», имеющую целью только позабавить публику, а не поучать. Третьи идут по среднему пути. Этому мнения, между прочим, держится и историк Греции Г. Бузольт¹³.

Указанное сейчас приурочение нашей пьесы ко времени Декелейской войны повторялось старинными филологами начиная с XVI века и позднее, например Фришлином (Frischlin: 1547–1590), Пальмерием (Palmerius – Le Paulmier: 1587–1670), Брюмуа (Brumoy: 1688–1741), Лагарпом (Laharpe: 1739–1803). Хотя их взгляды несомнестимы с историческими фактами, но они интересны как попытка найти в нашей комедии политическую аллегория. Этот принцип был проведен Зюферном (Süvern: 1775–1820), который и был основателем первого, упомянутого сейчас, направления. В своем исследовании¹⁴ он доказывает, что в «Птицах» Аристофан аллегорически

¹³ См. Georg Busolt. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia, III, 2. 1352. Gotha, 1904.

¹⁴ Süvern. Ueber Aristophanis Voegel. Berlin, 1827.

высказывается против Сицилийской экспедиции. Основание Тучекуевска, по его мнению, знаменует собою намерение афинян взять Сиракузы и завоевать Сицилию. Под птицами разумеются афиняне, под богами – спартанцы и их союзники, которых афиняне (как птицы – богов) хотят блокировать своим флотом и уморить голодом; Удод с хохлом – это полководец афинский Ламах с султаном на шлеме; Писфетер – это двойная личность, отчасти Алкивиад, отчасти софист Горгий; Евельпид – один из благодушных афинян и вместе с тем Пол, ученик и спутник Горгия. Благодаря ученой аргументации, которой подкрепляется эта гипотеза, она сперва имела много сторонников, но постепенно была расшатана критиками и в настоящее время оставлена большею частью ученых. И действительно, она несостоятельна уже ввиду того, что догадаться о сходстве между лицами и событиями комедии с соответствующими будто бы им историческими лицами и событиями невозможно, приходится верить автору на слово. Невероятна эта гипотеза и в хронологическом отношении: весною 414 г., т. е. месяцев через 8 после начала похода, было бы бесполезно протестовать против него; не имело бы смысла также предостерегать афинян против честолюбивых замыслов Алкивиада, который, вероятно еще в октябре 415 г., был призван на суд в Афины, бежал и был приговорен заочно к смертной казни.

Более заслуживает внимания объяснение К. О. Миллера (K. O. Müller: 1797–1840), который в своей «Истории греческой литературы» (1841, 1857, 1882) высказал такое мнение: «Все произведение «Птицы» есть сатира на афинское легкомыслие и легковерие, на построение воздушных замков и на мечты о блаженной жизни, которым тогда предавался афинский народ в массе» (т. II, изд. IV, 1882, с. 48)¹⁵. Таким образом, в этом объяснении совершенно отсутствует намек на исторические лица и события того времени.

Против такой теории, хотя и признающей политический характер нашей пьесы, но отрицающей в ней специальный объект, выступил Кехли (H. Köchly: 1815–1876) в статье о «Птицах»¹⁶. Он доказывает, что аналогия с другими пьесами заставляет нас предполагать, что Аристофан симпатизирует тем, которые у него оказываются победителями, т. е. в данном случае Писфетеру и птицам. Это – как раз противоположность гипотезе Зюферна, по теории которого Писфетер – Алкивиад является предостерегательным примером глупости. Поэт имеет в виду, по мнению Кехли, рекомендовать «новые Афины», совершенно непохожие на прежние. Эти новые Афины – тоже демократия, но имеющая главу; а главой этой должен быть Алкиви-

¹⁵ K. O. Müller. Geschichte der Griechischen Litteratur, IV Aufl. von E. Heitz, Stuttgart, 1882.

¹⁶ H. Köchly. Ueber die Voegel des Aristophanes. Zürich, 1857.

ад (несмотря на то, что он осужден). Таким образом, по мнению Кехли, Аристофан в «Птицах» советует согражданам радикально преобразовать государственный строй, хотя и оставив его демократическим, но дав ему главу; вероятно этот строй мыслится подобным тому, какой был при Перикле, когда «по названию была демократия, а на самом деле власть первого мужа»¹⁷. Это объяснение в основных чертах есть повторение того, которое дано во II вводной статье. Тот же взгляд был высказан Веком (C. D. Beck: 1757–1832) в его издании «Птиц» 1782 г., затем Ранке (K. F. Ranke: 1802–1876) в предисловии к изданию Аристофановых комедий Мейнеке (A. Meineke) 1860 г. и Тейфелем (W. S. Teuffel: 1820–1878)¹⁸.

Но и это направление толкования «Птиц», кажется, теперь не имеет сторонников. В настоящее время более распространен тот взгляд на «Птиц», что в этой комедии надо видеть просто феерию, драматизированную сказку, чисто поэтическую фантазию, стоящую особняком среди комедий Аристофана и ценную только своей лирической стороной, — похвала довольно сомнительная для произведения, претендующего на название драмы.

Кажется, впервые это мнение было высказано Фегелином (A. S. Vögelin: 1806–1880) в статье «О Птицах Аристофана»¹⁹ по поводу толкования Кехли. Эта мысль, впрочем, была уже раньше брошена Шлегелем (A. W. Schlegel: 1767–1845) в «Лекциях о драматическом искусстве и литературе» 1809 г., но, по-видимому, не имела влияния на решение данного вопроса. Только после статьи фегелина это мнение получило распространение и в общих чертах принято большинством исследователей и комментаторов, в том числе Дройзеном (J. G. Droysen) в предисловии к переводу «Птиц», изд. 2, 1869, с. 19; Бернгарди (G. Bernhardt: 1800–1875) в «Истории греческой литературы» (изд. 3) 1880, в предисловии Кока (Th. Kock) к его изданию «Птиц» и др.

Наиболее остроумного защитника это мнение нашло себе у нас в России в лице Ф. Ф. Зелинского, с редким знанием дела подобравшего в литературе фольклора все те сказочные мотивы, которые легли в основание обработанного Аристофаном сюжета²⁰.

Верно ли однако такое воззрение? Следует ли даже из собранных Зелинским данных заключать, что драматизирование сказки было

¹⁷ Фукидид, II, 65.

¹⁸ W. S. Teuffel. Real-Encyclopädie der classischen Alterthums-wissenschaft, 2 Auflage, B. I, 2, 1866, S. 1621.

¹⁹ См. A. S. Vögelin. Ueber Aristophanis Voegel. Zürich, 1858.

²⁰ См. «Die Märchenkomödie in Athen» в «Jahresbericht der deutschen Schulen zu St.-Annen für 1885», St.-Petersburg, 1885.

единственной целью Аристофана, при помощи которой поэт вознамерился на время отрешиться от окружающей его довольно грустной действительности? Или же надо думать, что он только воспользовался сказочным сюжетом для прикрытия мысли, как то всегда у него бывает, политической или социальной? Зелинский и его единомышленники всячески стараются доказать, что Аристофана в данном случае завлек самый сюжет сказки. И действительно, во многих местах Аристофан с какой-то исключительной любовью останавливается на его поэтических особенностях, и сплошную аллегория, как того хотел, например, Зюферн, в этой комедии видеть невозможно; но, задумывая этот сюжет, Аристофан прежде всего имел в виду афинян, что посмеяться он и здесь думал над их слабостью и именно афинянам намеревался преподать какое-то назидание, – в этом порукой служат нам все его поэтические создания, написанные и до и после нашей комедии.

Твердо помня им же прекрасно выраженное положение о том, что «у детей есть учитель, который наставляет их, а у взрослых поэт»²¹, Аристофан никогда не забывал этой, добровольно принятой им на себя роли наставника своих сограждан. Главной мишенью насмешек Аристофана были слабости, увлечения и страсти афинских граждан как таковых. Неуместное с его точки зрения увлечение афинян войной, несмотря на все принесенные им ею бедствия, их слепое доверие к демагогам, несмотря на все худших и худших представителей этого рода людей, их неизлечимая страсть к сутяжничеству, их пристрастие ко всяким новым учениям, философским бредням, к новым, но далеко не лучшим формам искусства – вот то, что прежде всего имел в виду Аристофан и от чего своими насмешками он думал предостеречь их. В уменье своем подметить эти слабости и в этих своих предостережениях он полагал, по-видимому, главную свою заслугу, потому что именно в них, как надо думать, и заключаются те «новые мысли» (*καὶνὰ ἰδέαι*)²², которые он, по его словам, преимущественно перед своими конкурентами вносил в традиционный фарс Древней аттической комедии и которыми он разнообразил и до известной степени облагораживал его.

Что и в нашей комедии точно так же дело идет о каком-то увлечении, и притом именно афинян, в этом согласны все трезвые критики Аристофана.

В самой комедии это увлечение обозначается названием «орнифомании» – подражании птицам²³, и комическим поводом к нему является то, что одному, афинскому же, гражданину удалось где-

²¹ «Лягушки», ст. 1054–1055.

²² «Облака», ст. 547.

²³ См. «Птицы», ст. 1284.

то за облаками создать особое птичье государство (первоначально, так же как в Афинах, демократическое) с видами на всемирное господство²⁴, с жизнью, близкой к природе и не стесняемой ни законом, ни обычаем²⁵, и притом в изобилии располагающее всеми благами, даже птичьим молоком²⁶. При таких условиях тысячи афинян, столь падких на всякие новинки, немедленно выражают желание устремиться в этот птичий рай и самим сделаться птицами²⁷, изведать их беззаботную жизнь, ничуть не смущаясь тем, насколько верны дошедшие до них об этом рае вести.

Легковерие афинян и легкомыслие такого желанья, конечно, граничит с безумием; но, кому знаком образный язык Древней аттической комедии, тот поймет, что в этом стремлении в заоблачные выси надо видеть не что иное, как погоню за несбыточной блаженной жизнью, а воздушный город надо понимать в смысле тех воздушных замков, тех химерических мечтаний о всемирном владычестве и тех утопий о жизни на лоне природы, которыми так богата была эпоха Сицилийской экспедиции и о которых даже до нас дошло так много свидетельств именно от этого времени.

Так и понимает большинство комментаторов смысл описанного в комедии аллегорического царства. Но вместе с тем они полагают, что поэтическим описанием этого сказочного рая и ограничивается в данном случае поэт, не присоединяя к этому описанию обычного у него поучения, не соблюдая и обычных у него приемов осмеяния подобных увлечений.

Приемы эти в общем у Аристофана довольно однообразны. С одной стороны, он отмечает чрезмерные обещания, которые сулили афинянам представители разных увлекавших их направлений – софисты, новомодные поэты, реформаторы социального строя, демагоги и т. п., или несколько лихорадочные ожидания, которые ими возбуждались в умах его сограждан. С другой стороны, он в ряде сцен воочию показывает те печальные последствия, которые из этих ожиданий вытекают, и выясняет, путем приведения к абсурду, все несоответствие этих последствий имевшейся в виду приверженцами известного направления в начале цели. Так, в «Облаках» страдает от неисполнения своих ожиданий Стрепсиад, в «Лягушках» – уверенный в своем торжестве Еврипид и изумленный его несостоятельностью Дионис, в «Экклезиастах» забавно поражены приверженцы нового строя, столь победоносно, на первый взгляд, введенного в

---

²⁴ См. там же, ст. 185, 554 и сл.

²⁵ См. там же, ст. 755 и сл.

²⁶ См. там же, ст. 733, 1673.

²⁷ См. там же, ст. 1305 и сл.

Афины Праксагорой, во «Всадниках» – народные угодники вроде Клеона, в «Ахарнянах» – Ламах и стоящие за войну ахаряне²⁸.

В «Птицах», говорят нам, ничего подобного нет; осмеиваемое направление в лице носителя его Писфетера одерживает, напротив, победу над людьми и над богами; в течение самой пьесы нет никаких указаний на значение этого конечного торжества; в агоне тоже более доказывается возможность и удобоисполнимость безумного предприятия, а не происходит настоящее столкновение двух различных направлений мысли. Поэт, действительно, как будто совсем забывает о своей роли учителя, не помнит о политике, о социальных тенденциях своего времени, о каких бы то ни было реформах и только занят разрисовкой созданного его фантазией воздушного, прекрасного, но недостижимого в жизни видения.

Однако с этим мнением нельзя согласиться. Чтобы уразуметь смысл пьесы, недостаточно обратить внимание на мастерскую и с такой любовью сделанную обрисовку нового государства; надо прежде всего пристальнее вдуматься и в значение триумфа Писфетера в конце пьесы.

На это обстоятельство обращено было внимание уже в древней (второй) вводной статейке; но только и автор ее, и его новейшие последователи – Бек, Кехли – заключали из необычной для Аристофана, по их убеждению, победы Писфетера, что поэт думал этой победой указать на необходимость полной реформы всего государственного строя Афин²⁹, желал подсказать им и подробности этой реформы: восстановление Перикловой демократии, которая только по названию была демократией, а на самом деле управлялась одним человеком.

По поводу этого толкования, наиболее распространенного в настоящее время, А. Н. Шварц (1848–1915) говорит следующее, предлагая свое толкование, наиболее правдоподобное из всех выставленных прежде³⁰.

«Я совершенно согласен, – говорит А. Н. Шварц, – с оспаривавшими это воззрение критиками в том отношении, что означенная победа Писфетера в конце пьесы вовсе уже не так необычна для Аристофана, как это представляет особенно Кехли, ибо и в «Экклесиазусах», например, осмеиваемая теория нового социального строя тоже победоносно устанавливается в Афинах, и только обрисованные в пьесе следствия ее ясно показывают, как мало сочув-

²⁸ Ср. выше, в статье «Осы».

²⁹ Кехли привели к этому убеждению главным образом ст. 637–638.

³⁰ Статья «Триумф Пейфетера в "Птицах" Аристофана» помещена в журнале «Филологическое обозрение», т. XX, кн. I, 1901. Я делаю в ней некоторые (несущественные) изменения и сокращения.

ствуует ей Аристофан. Я признаю верность их замечаний насчет странности со стороны именно Аристофана рекомендовать демократические формы правления как раз времен Перикла, когда до конца своей жизни, как видно из его последующих пьес, он оставался враждебным этой форме демократии³¹. Но я тем не менее убежден, что триумф Писфетера вовсе не так безразличен для тенденции пьесы, как это представляется большинству толкователей.

Надо только сопоставить для уразумения этого заключения комедии описанный в нем брак Писфетера с Василией, символизирующей царскую власть, с теми обещаниями, которые в начале пьесы давал он легковверным птицам. Ведь разве говорил он хоть одно мгновение о том, что он, Писфетер, готовит какую-либо власть себе? Разве вообще шла где-нибудь речь о нем?

Напротив, все время, когда Писфетер втолковывал птицам их права на всемирное господство, на это владычество над людьми и даже над богами, везде имелось в виду возвращение ἀρχῆς καὶ βασιλείας³², – т. е. (что с греческой точки зрения то же самое) тирании, – самим птицам, вновь сформированной их демократии, ибо, что и демократия по отношению к подвластным ей народам должна быть своего рода тиранией, это уже давно разъяснил афинянам Клеон³³, да эта уже давно понимал всякий мыслящий гражданин этой демократии. И что глупые птицы именно так и поняли своего советника, ясно видно из того, что, когда они, после уразумения своих прав, нетерпеливо стали приглашать Писфетера к решительным действиям, они совершенно определенно говорили: «Жить не стоит нам, если мы каким бы то ни было образом не возвратим себе нашей царской власти»³⁴. Этой власти, этих царственных почестей, которые тоже сулил им Писфетер, – по его словам, они принадлежали уже их предкам³⁵, – птицы ждут с жадностью. И если они и распределили между собой и Писфетером власть так, как это указывается в цитируемых Кехли стихах³⁶, то ведь словами «обдумывать разумом» они, как надо думать, указывали на совещательную роль Писфетера и, вероятно, никак не думали, чтобы он занял в их государстве роль тирана.

С другой стороны, припомним те жалкие слова, в которых Писфетер в начале пьесы очерчивал горестное положение птичьего рода,

³¹ См. выше, в статье «Биография Аристофана».

³² См. «Птицы», ст. 478, 549.

³³ См. выше, в статье «Аристофан и его время».

³⁴ «Птицы», ст. 549.

³⁵ См. там же, ст. 542.

³⁶ «Что надо исполнять физической силой, к этому будем приставлены мы [птицы]; а, что надо обдумывать разумом, это все лежит на тебе» («Птицы», ст. 636–637).

по собственной оплошности допустившего самое бесцеремонное со стороны людей обращение с собой, так как эти люди считают птиц рабами, стреляют в них, ставят силки и западни, продают их, жарят, да еще с разными приправами и соусами³⁷.

Припомним, как возмущено было этим описанием птичьё народное собрание, как оно видело в Писфетере своего спасителя³⁸, и затем перейдем к окончанию комедии. Я думаю, каждому легко заметить, до какой степени несходны здесь действия Писфетера с тем, что он говорил в начале пьесы, когда предлагал птичьему демосу основать город.

Во-первых, о какой-либо власти для птиц здесь уже нет и помину. Правда, во время дипломатических переговоров с Посидоном, прибывшим в качестве посла от богов, Писфетер еще говорит о передаче скипетра, внешнего символа власти, птицам³⁹; но Василию, о которой, как об истинной носительнице царской власти, уже рассказал ему Прометей, этот дружественный людям титан⁴⁰, и о которой Писфетер очень ловко, в самом конце разговора с богами, послами Зевса, как будто невзначай вспоминает, — эту Василию он уже требует лично для себя: «Геру, — говорит он, — я отдаю Зевсу, а деву Василию надо выдать мне в женьи»⁴¹; потому что он твердо помнит все блага, которыми располагает эта невеста, и знает из слов того же Прометея, что «если ты ее у него возьмешь, то все у тебя. есть»⁴².

Что он, однако, предвкушает, сватаясь за нее, именно тираническую власть, и притом лично для себя, это ясно видно из его вполне уже откровенного разговора наедине с Гераклом, которого он собирается даже сделать своим наследником: «Если ты будешь с нами, я сделаю тебя царем»⁴³, т. е. после своей смерти. А что так в конце пьесы понимают дело и его новые сограждане, видно опять-таки из торжественного обращения к птицам вестника: «О вы, счастливые больше, чем можно это выразить словами, о трикрат-блаженный

³⁷ См. «Птицы», ст. 523–538.

³⁸ См. там же, ст. 545.

³⁹ См. там же, ст. 1600–1601.

⁴⁰ «Я всегда благорасположен к людям» («Птицы», ст. 1545) — очень характерное в данном случае выражение. Писфетер уже считает себя птицей (там же, ст. 1600: «Скипетр должен Зевс возвратить нам, птицам»); Прометей продолжает считать его человеком и отделяет от пернатых.

⁴¹ «Птицы», ст. 1633–1635.

⁴² «Птицы», ст. 1543. Заметим кстати, что тем, что находится, по словам Прометея, в руках Василии, характеризуется, между прочим, и власть Демоса как тирана. Все эти перечисленные здесь блага должны, очевидно, перейти и к тому, кто вместо Демоса станет тираном.

⁴³ «Птицы», ст. 1672.

пернатый птичий род, принимайте *царя* в счастливый чертог!»⁴⁴ За этим далее следует и описание в трагическом стиле чисто царственного блеска, которым сумел окружить себя новый победитель.

Во-вторых, очень характерно и поведение Писфетера относительно самих птиц. Несмотря на его оперение, аппетиты человека, очевидно, его не покинули. Полакомиться дичиной ему, как и встарь, доставляет немалое удовольствие. И вот тот же благодетель птичьего рода, который так трогательно описывал, с какой жестокостью люди обращаются с птицами, подавая их на жаркое, нисколько не стесняется, почувствовав свою власть, продолжать эту практику, по-прежнему приправляя, — а это казалось ему особенно возмутительным, — птичье мясо и сильфием, и сыром, и маслом, и сладенькой подливкой и выбирая именно такие соусы, о которых прежде он говорил с особым огорчением: ср. стихи 523–538 с приказами, обращенными к слугам о том, чтобы они приносили ему разные снадобья, нужные для приправ при поджаривании птиц⁴⁵. И как легко добывается он средства удовлетворить своим наклонностям к лакомству! На вопрос удивленного Геракла, откуда же берется у него дичь, он объясняет дело очень просто: и в птичьем демократическом государстве есть мятежники, и тут есть казни, — а, следовательно, они должны отправляться на вертел: «Некоторые птицы, восставшие против демократических птиц, были признаны виновными»⁴⁶.

Такие противопоставления не могут быть случайными, и, конечно, на них следует обратить особое внимание, так как, очевидно, Аристофан не мог быть приверженцем той формы, в которую отлилась власть Писфетера, не мог, вместе с тем, описывая ее так, как он это делает в конце пьесы, рекомендовать ее для подражания афинянам. Мысль его, по-видимому, шла в совершенно ином направлении. Во всех этих зазываниях на лоно природы, во всех этих посулах всемирного владычества Аристофан, подобно другим скептикам своей эпохи, провидел лишь эгоистические стремления отдельных честолюбцев, которые, при помощи легкомысленных и доверчивых пособников, пытались приобретать власть и удобства для одних себя и преследовать всегда только личные свои выгоды.

И Аристофан прав: если взглянуть, как часто судьба его птиц повторялась в комедии всеобщей истории, нельзя будет не признать, что его скептическое отношение к прожектерам своего времени далеко не лишено было основания. И в эпоху Сицилийской экспедиции надо было не рекомендовать людей, подобных Писфетеру, а предостеречь от них афинян.

---

⁴⁴ «Птицы», ст. 1706–1708.

⁴⁵ См. «Птицы», ст. 1579 и сл., 1590. 1637.

⁴⁶ Там же, ст. 1583–1585.

Комедия Аристофана интересна не одним этим, несомненно предлагаемым ею поучением. Непреходящее значение «Птиц» заключается не только в том, что именно в этой пьесе Аристофан более, чем в какой-либо другой комедии, сумел отвлечься от окружавшей его узкой действительности и во вполне ясной аллегории создал всем доступное осмеяние столь часто встречающейся человеческой порочности, но и в том, что именно здесь с особенной гениальностью задуман, выведен и развит тип увлекающего простодушных людей прожектера⁴⁷.

Во всех своих действиях Писфетер неизменно верен себе. С самого первого выхода своего перед зрителями вплоть до заключительной сцены комедии он остается все тем же сухим, черствым, повелительным эгоистом, мастером в измышлении всяких заманчивых для простодушных и недалеких людей планов, искусным дипломатом, весьма мало способным к настоящей работе и труду, но с особенной ловкостью умеющим пользоваться всяким обстоятельством, из которого он надеется извлечь для себя пользу.

С какой самоуверенностью, например, не ожидающей никаких возражений жестокостью распоряжается он добрым, веселым, но простоватым Евельпидом хотя бы в сцене, когда оба товарища окружены со всех сторон нападшими на них птицами и подввергаются, по их мнению, смертельной опасности и когда на скромную жалобу Евельпида: «Зачем ты меня оттуда [из Афин] вел?», следует насмешливая и грубая отповедь Писфетера: «Чтобы ты следовал за мною»⁴⁸. С каким развязным нахальством отделяется он от этого, уже ненужного ему, товарища, взваливая на него новые труды и выбирая себе наименее хлопотливую задачу⁴⁹! Надо вспомнить ловкость, с которой обморачивает он птиц и послов Зевса, его холодную жестокость по отношению к выходцам с земли и к приютившим его пернатым простакам и, главное, всегдашние заботы прежде всего о собственной своей особе, — и нельзя будет не признать, что такой человек был способен подготовить победу, заключающую пьесу, только для самого себя, что все действие пьесы строго обусловлено

⁴⁷ Поиски исторического лица, с которого мог быть списан Писфетер, не увенчались успехом. Может быть, это зависит от нашего недостаточного знакомства с историей эпохи, но вероятнее предположение, что отдельные черты характера Писфетера извлечены из наблюдений над целым рядом подобных ему прожектеров, особенно часто попадававшихся, как и нам известно, в это время. Уже Зюферн видел в Писфетере какую-то амальгаму из Алквиада и Горгия, и нет сомнения, что кое-какие свойства главного героя нашей пьесы напоминают Алквиада. Верно, однако, и то, что много общего с ним имели и другие члены и вожди демократической партии, а равно и гетерий, на которые как будто даже намекает состав слова Πισφ-ἔταρος.

⁴⁸ «Птицы», ст. 340.

⁴⁹ См. «Птицы», ст. 837–850.

этим характером Писфетера и необходимо должно было принять, несмотря на фантастическую обстановку, только то течение, которое оно имеет в пьесе.

Иными словами, что бы ни говорили критики, в «Птицах» мы имеем не только превосходное произведение поэтического искусства вообще, но и вполне жизненную, правдивую *комедию*, общечеловеческий смысл которой может делать ее предметом наслаждения всякого времени и всякой публики, если только она вообще имеет вкус к художественным произведениям.

Именно этот общечеловеческий смысл комедии, эта общность выведенного типа достаточно объясняют вместе с тем и то, почему так холодно отнеслись к пьесе афинские судьи. Афинская публика, на основании господствовавших в то время обычаев комической литературы, прежде всего ждала от каждой комедии, претендовавшей на успех, совершенно ясных и определенных нападок на какое-либо известное ей лицо, — того, что у Аристотеля обозначается названием *ἰαμβικὴ ἰδέα* (личная инвектива)⁵⁰, ждала и столь же прозрачного и безусловно, с ее точки зрения, необходимого поучения. Вместо ожидавшихся ею комических масок она, однако, встретила здесь с совершенно общими типами, к которым она еще вкуса не имела, поучения же она, очевидно, вывести сама не смогла, сочтя всю фабулу пьесы, по выражению Аристофана, *ἴσα ψεῦδέσιν* (похожей на вымысел)⁵¹. И на этот раз, как и при постановке «Облаков», комедия поэта *αὐτῆ καὶ τοῖς ἔλεσιν πστεύουσ' ἐλήλυθεν* (пришла уверенная в своем достоинстве и в достоинстве своего содержания)⁵², но как и тогда, *οὐκ ἐλέτυχε θεαταῖς σοφοῖς* (не встретила в зрителях разумных ценителей)⁵³. Как кажется, однако, на этот раз это даже не особенно раздосадовало Аристофана».

⁵⁰ Аристотель. Поэтика, гл. 5 = с. 1449 b 8.

⁵¹ «Птицы», ст. 1167.

⁵² «Облака», ст. 544.

⁵³ Там же, ст. 535.

«ЛИСИСТРАТА»

Комедия «Лисистрата» (Λυσιστράτη) была поставлена на сцену от имени Каллистрата в 411 г., но в какой именно праздник, неизвестно; неизвестно также, с какими пьесами она конкурировала и какое место среди них заняла.

Политическое положение Афин в это время было такое. Приблизительно за год до постановки «Лисистраты» произошло страшное событие: афиняне потерпели жестокое поражение в Сицилии. Погибло два флота и множество людей. Громкие средства оказались напрасно истраченными. Афиняне потеряли славу непобедимости на море. От них стали отлагаться даже верные им ранее города. Кроме того, Спарта заключила союз с Персией. Первым результатом этого постыдного союза было то, что спартанцы отдали Милет персидскому сатрапу Тиссаферну. Они и их приверженцы, аристократы греческих городов, до такой степени ненавидели афинскую демократию, что предпочитали отдать малоазиатские города под власть варварам, чем допустить, чтобы они оставались под властью афинян. Племенное родство утратило свою силу: не руководимые никаким общим чувством греческие государства изменяли свои отношения друг к другу по расчетам минуты. Идея национального единства, одушевлявшая некогда греков, исчезла в ожесточенной борьбе партий. Государственный строй Афин был совершенно поколеблен. Стали делать попытки изменить этот строй и даже уничтожить демократию. Тотчас же после поражения в Сицилии была учреждена в Афинах должность десяти пробулов (олигархическая по существу) для предварительного обсуждения дел, подлежащих рассмотрению в Народном собрании, чтобы не допускать его до слишком опрометчивых решений.

Спустя несколько месяцев после постановки «Лисистраты» на сцену была учреждена олигархия Четырехсот (июнь 411 г.), и ей была предоставлена вся власть.

Таково было политическое положение Афин в 412 и начале 411 г., когда Аристофан писал свою комедию.

Общая идея «Лисистраты» – та же, что в «Ахарнях» и «Мире», – протест против войны.

Содержание этой пьесы в общих чертах следующее. Героиня ее «Лисистрата» (буквально: «распускающая войско» или «уничтожающая походы»), афинянка, составляет заговор со всеми женщинами Греции с целью заставить мужчин прекратить войну. Ранним утром у подножья Акрополя, по тайному приглашению Лисистраты, соби-

раются афинянки и женщины других греческих государств. По ее предложению все они клятвенно обязывают друг друга отказывать мужьям в исполнении супружеских обязанностей до тех пор, пока они не прекратят войны. Для исполнения этого намерения женщины овладевают Акрополем и запираются в нем от мужчин. Являются мужчины, чтобы отбить у женщин Акрополь. Сценически это представлено так, что одна половина хора, состоящая из старух, защищает Акрополь, а другая половина хора, состоящая из стариков, осаждает его. Старики стараются поджечь ворота и выкурить старух дымом, а старухи обливают их водой.

Приходит пробул, важное должностное лицо, сопровождаемый отрядом скифских стрелков, служивших в Афинах городской полицией. Ограниченный и тупой человек, он совсем не отдает себе отчета в происходящем: он видит лишь «беспорядок» и приказывает стрелкам разогнать толпящихся женщин. Но Лисистрата становится во главе женщин и ловко отбивает атаку стрелков. Лисистрата вступает в разговор с пробулом и объявляет ему, что она заняла Акрополь с целью уберечь от мужчин хранящуюся там государственную казну, которую мужчины тратят на войну. В дальнейшем Лисистрата критикует недостатки мужского государственного хозяйства, причем с большой горечью отмечает необоснованность презрительного отношения мужчин к женщинам в вопросах политики и войны. Одураченного пробула женщины закутывают с головой в плащ и принуждают покинуть в таком виде оркестру.

Следующая затем парабазис исполняется попеременно полухориями стариков и старух, которые жалуются друг на друга. Затем Лисистрата принимается со всей строгостью проводить в жизнь объявленную ею «забастовку», осуществление которой оказывается тяжелым не только для мужчин, но и для самих забастовщиц: в одной сцене страдают жены, страстно стремящиеся к своим мужьям, но сдерживаемые авторитетом стойкой Лисистраты; в другой сцене мучаются мужья, один из которых тщетно старается уговорить свою молодую, любящую жену исполнить его мольбу.

Но вот приходит вестник из Спарты и сообщает о такой же забастовке спартанских женщин. Требование женщин повсюду одно и то же: прекратить войну. Вскоре мужчины сдаются: воюющие государства обмениваются посольствами. Лисистрата устраивает за сценой роскошный пир на Акрополе, в котором участвуют и афиняне и спартанцы, получающие теперь обратно от Лисистраты своих жен, находившихся у нее на Акрополе. Пьеса оканчивается веселыми танцами молодых пар под звуки песен и флейты.

Несмотря на такую игривую фабулу, «Лисистрата» по существу очень серьезная и даже печальная пьеса. Не говоря уже об основной

мысли ее – о необходимости кончить войну, Аристофан опять проводит в ней, как и в «Мире», панэллинскую идею: женщины всей Греции должны сообща спасти всю Грецию¹. Эта идея здесь особенно важна тем, что она является как бы возражением против распространившегося тогда в Греции чувства племенной вражды и готовности греков предавать других греков исконным врагам Греции – персам.

Другая благородная мысль, проникающая всю пьесу, – это защита женщин, указание на то, что и женщинам война принесит тяжкие страдания и что поэтому и они имеют право требовать прекращения войны. Какою скорбью звучат слова Лисистраты в разговоре ее с пробулом: «В первое время войны мы, по нашей скромности, переносили все, что делали вы, мужчины, потому что вы не давали нам пикнуть. А потом вы стали не нравиться нам, но мы отлично видели, что вы делали. И часто мы, хоть сидели дома, но слышали, что вы приняли дурное решение о каком-нибудь важном деле. С горем в душе, но с улыбкою на устах мы спрашивали вас: "Что решили сегодня в народном собрании приписать о мире на колонне?" – "Какое тебе дело? – говорил муж, – молчи". И я молчала... В другой раз, узнав о каком-нибудь еще худшем решении вашем, мы спрашивали: "Как это, муж, вы так глупо делаете?" А он, бросив на меня косой взгляд, тотчас говорил, что если я не буду пряхать свою пряжу, то плохо придется моей голове, а война – дело мужское»².

На слова пробул: «Вы никакого участия в войне не принимали», Лисистрата отвечает: «Нет, проклятый, мы переносим ее вдвое тяжелее: прежде всего тем, что мы родили сыновей и отправили их на войну вооруженными... Затем, когда нам следовало бы весело жить и наслаждаться молодостью, мы из-за походов проводим ночи в одиночестве. Да о нас, замужних, я не буду уж говорить, но горюю о девушках, которые стареют в своих теремах». Пробул: «А мужчины разве не стареют?» Лисистрата: «Нет, это не одно и то же: женщина, вернувшись с войны, хоть седой, сейчас женится на молоденькой девушке; а век женщины короток, и, если она не успеет воспользоваться им, никто не хочет жениться на ней; сидит она да гадает»³.

«Лисистрата» имеет некоторую особенность в построении сравнительно с прежними комедиями Аристофана: в ней хор все время почти до самого конца остается разделенным на два полухора – стариков и женщин, и принимает участие в действии пьесы. Парабазы в прежнем смысле нет: хор не обращается к зрителям от имени поэта. Эти особенности свидетельствуют о какой-то перемене в по-

¹ См. «Лисистрата», ст. 41, 525.

² «Лисистрата», ст. 507–520.

³ «Лисистрата», ст. 587–597.

строении комедий: в «Фесмофориазах» также нет парабазы в собственном смысле: хотя хор в ней и обращается к зрителям, но действие пьесы продолжается: родственник Еврипида остается на сцене. В «Экклесиазах» и «Плутосе» парабазы совсем нет.

«ФЕСМОФОРИАЗУСЫ»

Комедия «Фесмофориазусы» (Θεσμοφοριάζουσαι) сохранилась лишь в одной рукописи – Равеннской, и притом без вводной статейки к ней, а потому и без дидаскалии. Вследствие этого мы не имеем прямых указаний ни о времени постановки на сцену этой комедии, ни о конкурировавших с нею пьесах, ни о том, на каком месте она была поставлена афинскими судьями при этом конкурсе. Но дидаскалия, по-видимому, была известна Александрийским ученым, и в схолиях имеются некоторые (косвенные) указания на время постановки на сцену этой комедии. Наиболее важное указание на время постановки дано в самой нашей пьесе. В стихе 1060 Эхо, одно из действующих лиц, заявляет: «В прошлом году на этом самом месте в состязании я Еврипиду союзницей была». Здесь разумеется трагедия Еврипида «Андромеда», в которой действующим лицом было Эхо. Нам известно, что «Андромеда» была поставлена на сцену в 412 г., а отсюда следует, что «Фесмофориазусы» были поставлены на сцену в следующем, 411 г. На этот же год указывают и некоторые заметки в схолиях.

Таким образом, «Фесмофориазусы» были поставлены на сцену в один год с «Лисистратой», т. е. одна из этих комедий была поставлена на празднике Леней (в январе или феврале), другая – на празднике Великие Дионисии (в марте или апреле); но, в который именно праздник одна, и в который – другая, неизвестно.

Политическое положение Афин при представлении нашей пьесы, следовательно, было то же, что при представлении «Лисистраты».

Слово Θεσμοφοριάζουσαι есть имен. падеж множ. числа женского рода причастия глагола θεσμοφοριάζω (праздную Фесмофорию) и значит «женщины, празднующие Фесмофорию», или «женщины на празднике Фесмофории». Подобно этому образовано слово Ἐκκλησιάζουσαι («Женщины в народном собрании» – название другой комедии Аристофана) и Ἀδωνιάζουσαι («Женщины на празднике Адониса» – название идиллии Феокрита).

Праздник Фесмофории (τὰ Θεσμοφόρια) справлялся в Афинах в честь Деметры, носившей прозвище (ἡ) Θεσμοφόρος. Это слово составлено из основы слов ὁ θεσμός ([божеский] закон) и φέρω (несу) и значит «несущая [дарующая] [божеский] закон». Так названа была Деметра за то, что она научила людей земледелию, которое послужило началом гражданского общества, законодательства и закономерной брачной жизни. Этот праздник справлялся в течение 5 дней,

с 9-го по 13-е число месяца Пианопсиона, который соответствует нашему октябрю (или второй половине октября и первой половине ноября), когда годовой круг земледельческих работ был вполне закончен, и земледельцы начинали спокойно пользоваться дарами Деметры. Праздник совершался исключительно афинскими гражданами, жившими в законном браке; мужчины и девушки к нему не допускались. В основании допущения к празднику только замужних женщин, вероятно, лежала та мысль, что брак есть одно из важнейших установлений культурной жизни. Участницы праздника выбирали из каждого дема по две наиболее уважаемых и зажиточных гражданки для совершения священных обрядов от имени гражданок своего дема; избранные обязаны были угощать гражданок дема обедом, что считалось литургиею – общественной повинностью.

В первый день праздника, носивший название Στήνια, женщины собирались в определенном пункте и все вместе отправлялись в местечко Галимунт. В храме Деметры в Галимунте на следующий, 2-й, день совершалось празднество, которое называлось собственно Θεσμοφρία, а затем на третий день (11-го числа) участницы возвращались в Афины (почему этот день назывался ἄνοδος – восхождение), где праздник продолжался; следующий, 4-й день, (12-го числа), женщины проводили в печали и посте (этот день назывался νηστεία – неядение), причем в этот день, вероятно, совершалось особое очистительное жертвоприношение. Наконец, в последний, 5-й, день (13-го числа), совершалось вышеупомянутое угощение женщин распорядительницами, причем царило непринужденное веселье, игры, танцы и пр.; этот день носил название (ἡ) καλλιγένεα от прозвища Деметры, как матери прекрасной Персефоны. В заключение праздника приносился богине жертвенный дар (ζῆμια) для отвращения ее гнева за проступки и прегрешения, которые могли быть сделаны в праздник.

Действие нашей комедии приурочено к 4-му дню, νηστεία¹.

Главные действующие лица в этой комедии следующие: родственник *Еврипида*, *Еврипид*, *Агафон*, *притан*, *скиф* (полицейский).

Хор состоит из женщин, справляющих праздник Фесмофорий.

Имя родственника *Еврипида* в тексте комедии нигде не названо; не написано оно было и писцом рукописи при обозначении говорящего лица; только другой рукой оно приписано при этом обозначении в Равеннской рукописи, а затем принято было и в печатных изданиях. Так как κῆδεστίς означает «свойственник», «родственник по браку», то древние ученые предположили, что здесь разумеется

¹ Впрочем, вопрос о днях Фесмофорий разными учеными решается различно.

тесть Еврипида, отец его жены, Мнесилох; но основания для этого предположения нет.

Агафон – известный в то время трагический поэт, от сочинений которого сохранились только отрывки. Аристофан изображает его изнеженным человеком, бреющим бороду, любителем женщин, даже носящим женскую одежду: впоследствии он оставил Афины и переселился в Македонию к царю Архелаю.

Клисфен – неизвестный нам человек, часто осмеиваемый в комедии за свою трусость, изнеженность и любовь к женщинам, например, еще в «Облаках», «Птицах»² и др.

Содержание этой комедии следующее. Еврипид откуда-то узнал, что женщины, собравшись на праздник Фесмофории, будут рассуждать о том, как погубить его за то, что он в трагедиях своих злословит их. И вот Еврипид рассказывает об этом своему родственнику и сообщает ему свой план противодействовать этому: надо пойти к Агафону и просить его пробраться на женское собрание и сказать речь в защиту его, Еврипида. Оба они идут к дому Агафона. Еврипид излагает Агафону свою просьбу. Агафон спрашивает, почему он сам не хочет пойти на это собрание. «Я объясню тебе, – отвечает Еврипид. – Во-первых, я известен женщинам, затем я сед и бородат. А ты смазлив лицом, ты бел, обрит, и голос женский у тебя; ты нежен и пригож». Агафон решительно отклоняет просьбу Еврипида: идти на собрание женщин для него еще рискованнее, чем для Еврипида, так как он молод, и поэтому легко могут подумать, что на женский праздник он проник как конкурент женщин.

Еврипид приходит в отчаяние, но добрый старик, родственник, возмущенный трусостью Агафона, берется сам за это опасное предприятие.

Еврипид сбрасывает ему бороду и одевает его в женское платье. Преобразившись таким образом в женщину, родственник под видом старухи-афинянки идет на собрание, сигнал к началу которого уже поднят. По этому сигналу участницы праздника, образующие хор пьесы, начинают понемногу сходиться. Одна из женщин, изображающая глашатая, произносит обращение к собравшимся, пародируя текст той сакраментальной формулы, какая, по всей вероятности, произносилась в действительности перед началом праздника. Затем глашатай читает протокол: «На думе женской решено. При президентстве Тимоклеи. Секретарь Лисилла. Мнение Сострата подала: Да будет в праздник Фесмофор, когда для нас досужнее всего, в день средний, вече созвано с утра; в том вече прежде всех об Ев-

---

² См. «Облака», ст. 355; «Птицы», ст. 831.

рипиде дело доложить и порешить, как наказать его, которого преступность всеми нами признана. — Кому угодно говорить?»

В длинной обвинительной речи одна из присутствующих указывает на те тяжелые последствия, какие влечет за собой для женщин творчество Еврипида; мужья перестали доверять женам. Всякий раз, возвращаясь из театра домой после каждой новой трагедии Еврипида, мужья подозрительно озираются, ища, не спрятан ли где-нибудь у жены любовник. Еврипид, опорочив женщин, вконец испортил им их домашнюю жизнь. Поэтому необходимо либо отравить, либо иным каким-нибудь средством погубить Еврипида. Затем берет слово другая женщина, живущая трудом своих рук. Ее муж погиб на войне; у нее на руках осталось пятеро малых ребят; раньше, хоть и впроголодь, ей все же кое-как удавалось прокармливать их: она торговала венками своей работы. Теперь же Еврипид своими трагедиями уверил мужчин, что богов не существует, и спрос на венки для праздников и жертвенных пиршеств значительно сократился; она почти вовсе лишилась заработка.

Третьим оратором выступает родственник Еврипида. Притворяясь женщиной, он уверяет собрание, что не меньше других ненавидит Еврипида, но только стоит ли, спрашивает он, так сильно негодовать на этого человека за то, что из бесчисленного множества женских пороков он указал всего лишь два или три женских недостатка? Ведь женщины, продолжает он, в действительности гораздо хуже, чем их изображает Еврипид. И в подтверждение своей мысли он забрасывает собрание скандальными, частью просто смешными, частью же непристойными рассказами о женских изменах.

Речь оратора возбуждает всеобщее негодование; разыгрывается бурная сцена, заканчивающаяся появлением Клисфена, который сочувствует женщинам и из любви к ним доносит, что в их среду проник с злым умыслом мужчина, родственник Еврипида. Подозрение, естественно, падает на последнего оратора; он сперва пробует продолжать обман, но в конце концов, под напором угроз, вынужден сдаться; его раздевают, в результате чего и обнаруживается его мужской пол. Сцена завершается буффонадой: ища спасения, он выхватывает у женщины, нападающей на него, ее ребенка, завернутого с головой в одеяльце и обутого в красивые персидские туфельки, и угрожает убить его, если его не отпустят. Но, когда, собираясь осуществить свой жестокий замысел, он сдергивает с ребенка одеяльце, то там оказывается не младенец, а бурдючок, наполненный красным вином.

Кончается первая часть комедии тем, что родственник Еврипида бросается к алтарю, под защитой которого пишет Еврипиду письмо, взывая о помощи. Подобно одному из действующих лиц в трагедии

Еврипида «Паламед», посылающему посредством надписи, сделанной на веслах корабля, печальную весть о смерти героя, он нацарапывает свое послание на старых, тут же подобранных им, посвященных дощечках святилища.

После парабазы, в которой корифей женского хора шуточно спрашивает публику³, почему же мужчины, – если женщины, по их словам, зло, – берегут это зло так ревниво, начинается вторая часть пьесы, состоящая в пародировании патетических сцен из разных трагедий Еврипида.

Письмо Еврипидом получено, и Еврипид стремится спасти своего злополучного родственника. Но, будучи верен стилю своей поэзии, он прибегает к тем, драматически весьма эффективным, но практически совсем непригодным средствам, какие в аналогичных случаях применялись героями его трагедий. Комическая ситуация, в условия которой поставлен к этому времени родственник Еврипида, мотивирует пародию на трагедию «Елена», именно на ту ее сцену, где после долгой разлуки муж и жена встречаются друг друга и где к Елене, красавице, сидящей у могилы Протея, – совсем так, как сидит у алтаря родственник Еврипида, безбородый смешной старик в женском платье, – приближается Менелай. Роль Менелая берет на себя Еврипид, а родственник пародийно ведет партию Елены. Неожданное появление притана в сопровождении скифа-полицейского заставляет Еврипида быстро удалиться. По приказу притана родственник Еврипида посажен в колодки, и скиф приставлен сторожить его. Напрасно он пробует смягчить скифа: потешно коверкающий греческую речь скиф остается неумолим. Но перемена ситуации дает повод для новой литературной пародии: узник в колодках уподобляется прикованной к скале Андромеде.

Искажая текст трагического оригинала, он поет мелодичную арию из не дошедшей до нас трагедии «Андромеда», Еврипид же перекликается с ним, исполняя партию богини Эхо, а затем появляется в виде освободителя Андромеды, Персея. Однако неумолимый скиф скоро прогоняет Еврипида.

Но вот входит в оркестру танцор, играющий роль молодой красивой гетеры; за гетерой идет флейтист, а перед нею – Еврипид, изображающий собою старуху сомнительной профессии. Обращаясь к женщинам хора, он предлагает им заключить с ним мир, обещая не бранить их больше в своих трагедиях, если только они позволят ему спасти родственника. Женщины соглашаются, и хитрому Еврипиду легко удается одурачить скифа: скиф прельщается красотой гетеры, которая под звуки флейты танцует перед ним. В порыве страсти он

---

³ См. «Фесмофориазусы», ст. 789 и сл.

забывает об арестованном, а Еврипид пользуется этой минутой, чтобы снять с родственника колодки и вместе с ним бежать. За ними вдогонку, бросая ругательства и проклятья и коверкая греческие слова, со всех ног пускается опомнившийся скиф, а позади всех уходит за сцену и хор с пением.

Какую цель преследовал Аристофан комедией «Фесмофориазусы»? Эта цель не вполне ясна. Политики здесь нет, за исключением ничтожных намеков, например в ст. 804 – 809, где женщины указывают, что некоторые государственные деятели не выдерживают сравнения с женщинами в нравственном отношении. Главная тема комедии, по-видимому, заключается в осмеянии Еврипида, и притом не с нравственной стороны; просто для смеха пародируются некоторые драматические приемы его, очень далекие от реализма, вроде посылки письма, написанного на весле, брошенном в море; возвышенные образы Еврипида и высокий стиль его прилагаются к низким предметам и положениям: например, освобождение Персеом Андромеды, прикованной к скале для съедения морским чудовищам, в комедии превращается в освобождение пойманного в мошенничестве старика от полицейского. Это пародирование очень похоже на пародирование в «Ахарнянах» также внешних драматических приемов Еврипида.

Едва ли соответствует действительности обвинение Еврипида в ненависти к женщинам в трагедиях: правда, он выводит порочных женщин вроде Федры, но выводит и добродетельных, как Алkestида, Ифигения, Андромаха, и страдающих, как Медея⁴. Едва ли может быть похожей на действительность и завязка комедии – заговор женщин отмстить Еврипиду; афинские женщины, вероятно, не знали трагедий Еврипида, так как на театральные представления не ходили⁵, чтением же в Афинах вообще мало занимались, а женщины были и мало образованы.

Наряду с Еврипидом осмеивается и поэт Агафон, но не как драматург, а как изнеженный, женственный человек.

Можно, пожалуй, видеть в нашей комедии и насмешки над женщинами: родственник Еврипида приводит много примеров женских пороков. Но этому опорочиванию женщин противопоставляется самовосхваление их в ст. 802 – 841, и, судя по общему тону этих похвал, и по сравнению их с тем, что говорит Лисистрата, можно думать, что Аристофан их разделяет.

До нас дошли сведения (сообщенные в схолиях, в древних лексиконах) о том, что существовала еще другая комедия Аристофана,

⁴ См. «История греческой литературы», т. I. Изд. АН СССР, 1946, с. 409.

⁵ Вопрос о посещении женщинами театральных представлений решается различно; более вероятно мнение, что они не посещали их.

носившая то же название, которую грамматики, для отличия от нашей, называли «Фесмофориазусы вторые». Они приводят около 50 стихов из этой комедии, которых действительно нет в нашей. Но определить ее содержание на основании этих фрагментов невозможно. Нельзя также определить и время постановки ее на сцену.

Комедия «Лягушки» (Βάτραχοι) была поставлена на сцену в праздник Леней (в январе или феврале) 405 г., от имени Филонида. Она имела блестящий успех и была поставлена на первом месте. На втором месте была поставлена комедия Фриниха «Музы», на третьем – комедия Платона (комика) «Клеофонт». Мало этого. По свидетельству Дикеарха, ученика Аристотеля, публике особенно понравилась парабаза, в которой хор советует уравнять граждан и прекратить террор, не отнимать ни у кого гражданских прав, возвратить права провинившимся гражданам и т. д., – словом, водворить внутренний мир в государстве. «Примем всех с добрым сердцем как родных, сделаем их полноправными гражданами, – всех, кто вместе с нами сражается на море!»¹. Благодаря этому совету вся комедия имела такой успех, что представление ее было повторено (крайне редкий случай в театральной практике того времени. – Вводная статейка к нашей комедии).

Таким образом, комедия «Лягушки» была ближайшей по времени, из числа дошедших до нас, к комедиям «Лисистрата» и «Фесмофориазусы», поставленным в 411 г. Надо полагать, что Аристофан занимался творчеством и в течение 6 лет, прошедших между 411 и 405 г., но об этом никаких сведений не сохранилось.

В политическом отношении за эти годы произошли следующие события. Афины пережили олигархический переворот – правление совета «Четырехсот» в течение 4 месяцев 411 г., низложение его, умеренную демократию «Пяти тысяч», возвращение Алкивиада, восстановление полной демократии, добровольное удаление Алкивиада в изгнание (407 г.). За несколько месяцев до постановки на сцену «Лягушек» афинский флот одержал победу над пелопоннесским флотом при Аргинусских островах (конец июля или начало августа 406 г.); но победителей-стратегов судили и казнили (середина октября 406 г.) за то, что они не оказали погребальных почестей павшим в бою и вследствие бури не приняли мер к спасению оставшихся в живых, носившихся по морю на обломках кораблей.

В литературной жизни Афин, незадолго до постановки на сцену «Лягушек», тоже произошли два важных события: смерть Еврипида в Македонии (407/406 г.) и смерть Софокла, немного позже (406 г.). Вот под непосредственным влиянием каких событий писал Аристо-

¹ «Лягушки», ст. 686–705.

фан комедию «Лягушки»; эти события и послужили главным поводом к созданию этой пьесы.

Главные действующие лица в этой комедии следующие. Дионис, как бог театрального дела; *Ксанфий*, его слуга; *Еврипид*, поэт; *Эсхил*, поэт; *Плутон*, бог подземного мира. *Хор* главный состоит из «мистов», т. е. посвященных в элевсинские мистерии; хор второстепенный состоит из лягушек и действует лишь за сценой. Непонятно, почему пьеса носит название по этому второстепенному хору, а не по главному. Большая часть действия происходит в подземном мире.

Содержание комедии «Лягушки» следующее. Она ясно разделяется на две части: в первой части (ст. 1–829) говорится о схождении Диониса в подземный мир; во второй (ст. 830 и до конца) содержится спор Эсхила и Еврипида и возвращение Диониса с Эсхилом на землю.

Дионис, озабоченный тем, что после смерти Эсхила, Еврипида и Софокля в Афинах не осталось ни одного замечательного трагического поэта, решил сойти в подземный мир, чтобы вывести оттуда Еврипида, которого считает лучшим из трагиков. Помня, что когда-то Геракл сходил туда, чтобы увести пса Кербера, он отправляется к Гераклу и расспрашивает его о дороге туда и условиях путешествия. Он нарядился в львиную шкуру и взял палицу в руки подобно Гераклу, чтобы запутать жителей подземного мира; но, как бог, преданный неге и роскоши, он под львиную шкуру надел платье шафранного цвета, а на ноги сапожки, какие носили в Афинах молодые щеголи и модные дамы. Его сопровождает раб его, Ксанфий, который, сидя на осле, везет багаж. Геракл разразился громким смехом при виде Диониса в таком наряде, но сообщил ему нужные сведения.

Путники приходят к озеру, через которое надо переправиться, чтобы попасть в подземный мир. Перевозит через это озеро Харон. Он не соглашается принять Ксанфия, потому что рабов не перевозит, и предлагает ему обежать крутом озера, а Диониса принимает и приказывает ему сесть за весло и грести. Дионис, никогда не занимавшийся физическим трудом, недоволен этим, однако Харон не обращает внимания на его протест, но утешает тем, что ему будет легко грести под аккомпанемент пения лягушек – лебедей. Действительно, хор лягушек (за сценой) начинает свое пение с припевом «брекекекекс коакс коакс». Это кваканье Дионису страшно надоело; чтоб забавиться от него, он начал передразнивать лягушек этим же самым припевом, перекричал их и тем заставил их перестать. Наконец, они пристали к противоположному берегу. Дионис зовет Ксанфия, и тот, успев обежать озеро, является к нему. Ксанфий начинает пугать Диониса рассказами о страшных призраках, с какими он, обходя подземное озеро, будто бы встретился. Он уверяет, что и сейчас где-

то поблизости стоит одно из таких чудовищ. Трусливый Дионис, хотя сам ничего не видит, приходит в ужас, когда Ксанфий говорит, что видит Эмпусу, женского демона (вроде «бабы-яги» или «буки»).

Между тем за сценой слышится пение священного гимна—начинается парод. Торжественно вступает в оркестру хор мистов. Хор в своей песне сперва (в строфе) молит Иакха (божество, чтимое в Элевсинских мистериях) принять участие в хороводе мистов, потом (в антистрофе) приветствует его как уже пришедшего в хоровод и приказывает удалиться от священного хора тем, кто недостойн участвовать в нем: кто сердцем нечист; кто раздор партий уладить не хочет; кто на сограждан не ласково смотрит и ради личной корысти вражду раздувает; кто, занимая должность, взятки берет, когда город в волнах утопает; кто предаст врагам корабль или крепость; кто убеждает кого-нибудь давать деньги неприятельскому флоту; кто, правя народом, отгрызает [урезывает] плату у комиков за то, что они осмеяли его на празднике Диониса, и т. д. Дионис и Ксанфий присоединяются к хору мистов.

После этого Дионис спрашивает хор, где дом Плутона. Оказывается, что путники находятся у самой двери его. Дионис стучит в дверь; привратник, при виде палицы и львиной шкуры у него, принимает его за Геракла. Осыпая его ругательствами и страшными угрозами за кражу Кербера, привратник скрывается опять за дверью, чтобы вызвать адских чудовищ, которые растерзают его. Дионис приходит в ужас и обменивается костюмом с Ксанфием, который несколько не боится шумихи слов привратника. Но скоро вновь они обмениваются костюмами, потому что Персефона через свою служанку зовет Геракла обедать. Но в это время являются две адские трактирищицы, которым Геракл когда-то, изрядно закусив в их кабачке, не заплатил ни обولا. Они хотят позвать Клеона и Гипербола, чтобы расправиться с ним. Дионис опять перепугался и молит Ксанфия снова поменяться ролями. Ксанфий отказывается, но наконец, после страшной клятвы Диониса, что он более не станет мняться костюмом, соглашается стать опять Дионисом.

Но как раз в эту минуту привратник (Эак) возвращается с адскими слугами и приказывает им связать «псокрада». Ксанфий храбро защищается; Дионис подсмеивается над его несчастьем, и тогда Ксанфий заявляет с клятвой, что он никогда не приходил сюда и ничего не крад. В доказательство этого он предлагает подвергнуть пытке его раба (т. е. в данном случае перенаряженного Диониса). Дионис объявляет, что он — бог, а тот — раб. По предложению Ксанфия Эак хочет узнать, кто из них бог и кто раб посредством пытки: кто первый заплачет, тот не бог; каждого по очереди он бьет; но оба выдер-

живают испытание, тогда он ведет их обоих к Плутону и Персефоне: они сами – боги и решат этот вопрос.

Таким образом, все действующие лица уходят со сцены, и хор обращается к зрителям с патриотической парабазой, содержание которой приведено выше. Этим оканчивается первая часть комедии; начинается вторая часть.

На сцену выходят Эак и Ксанфий; они, как слуги, судачат о господах и дружатся. Из их разговора зрители узнают о готовящемся состязании Эсхила и Еврипида: Еврипид, как только пришел в подземный мир, заявил претензию на обладание креслом первого трагика, которое до тех пор принадлежало Эсхилу. У Еврипида уже образовалась среди мертвых своя партия: его поддерживают и мелкие жулики – «срезыватели кошельков», и преступники покрупнее – грабители, отцеубийцы.

Всем им нравятся его философские тонкости и хитросплетения изворотливых речей.

Плутон обрадовался приходу Диониса и сейчас же сделал его судьей в споре обоих великих трагиков. Начинается главная часть пьесы – состязание Эсхила и Еврипида. Сперва нападающей стороной является Еврипид, обвиняющий Эсхила в умышленном растягивании трагедий и в сознательном стремлении обманывать публику долгим молчанием действующего лица для удлинения песен хора и поражать ее нарочно придуманными страшными словами, бессодержательными по существу, но звучными и тревожными в их нелепой загадочности: слово «конепетух» («гиппалектрион») в одной трагедии Эсхила заставило Диониса промучиться целую ночь бессонницей, размышляя о его значении².

Затем роли меняются, и нападать начинает Эсхил; в противоположность Еврипиду он направляет удары не на внешнюю форму, а на внутреннее содержание драм, обвиняя Еврипида в безнравственности сюжетов. Преступление Еврипида, по мнению Эсхила, состоит в том, что он выводит в своих пьесах влюбленных и изменяющих мужьям жен и учит молодых людей зря болтать, а не заниматься делом. Однако в дальнейшем споре внимание обращается на технику речи. И здесь опять-таки первым нападает представитель новой, нарождающейся словесной техники и софистического мастерства рассуждения Еврипид, упрекающий Эсхила в неточности языка и в выражении одного и того же понятия двумя различными словами.

Потом нападает Эсхил. Он указывает на неточность способа выражения Еврипида. Так, у Еврипида в одной трагедии сказано: «Сперва Эдип был счастливым человеком»; Эсхил возражает: «Эдип

---

² См. «Лягушки», ст. 931 и сл.

не мог быть счастливым, потому что еще до рождения его было предсказано, что он убьет отца». Затем Эсхил указывает на однообразие построения прологов Еврипида: стихи у него так построены, что в первой половине стиха поставлено причастие в имен. п. мужск. рода и благодаря этому во второй половине стиха после цезуры можно вставить фразу вроде «флакончик потерял», например: «Египт, с своими сынами прибыв в Аргос, ..."флакончик потерял"».

Затем в споре противники критикуют друг у друга музыкальную сторону хоровых и сольных песен их трагедий.

Завершается спор тем, что приносят весы, и Дионис предлагает обоим бросать на чашки весов стихи из трагического репертуара каждого. Дионис желает видеть, чья чашка перетянет. Легкие стихи Еврипида взлетают вверх; тяжеловесные речения Эсхила тянут чашку книзу. Спор окончен. Что скажет теперь судья? Дионис пришел в подземный мир ради Еврипида; Еврипиду принадлежали его симпатии и в начале спора. Но по мере того как двигался спор, отношение Диониса к Еврипиду постепенно менялось в пользу Эсхила. Тут он вспоминает, что хороший поэт, за которым он пришел, нужен не только ради поэзии, но и ради государства; поэтому он спрашивает у обоих мнения относительно положения государства. Так как и здесь Эсхил выходит победителем, то Дионис безжалостно нарушает клятву, которую он дал Еврипиду. обещая вывести его из преисподней, и бросает ему в лицо его же собственный стих из «Ипполита»: «Поклялся лишь язык, а ум не связан клятвой». Он признает победителем Эсхила, которого и уводит с собой в Афины.

В конце пьесы Плутон, обращаясь к Эсхилу со словами напутствия, поручает ему охранять Афины «добрыми мыслями» и «перевоспитать безумцев, каких в Афинах много». А Эсхил просит Плутона передать на время его отсутствия престол первого трагика Софоклу, которого он считает после себя «по искусству вторым», и ни в коем случае не позволять сесть на нем Еврипиду. Хор провожает Эсхила со священными светильниками и с песней.

Как уже сказано выше, комедия «Лягушки» разделяется на две части: в первой говорится о схождении Диониса в подземный мир; во второй описывается спор Эсхила с Еврипидом и возвращение Диониса с Эсхилом на землю. Эти части имеют мало внутренней связи между собою. Главную является вторая часть ученого характера» содержащая литературно-эстетическую критику произведений обоих корифеев трагедии. Первая часть, напротив, комическая; тут есть и «обычные» шутки, «которым всегда смеются зрители»³; учености в ней нет; можно даже предположить, что Аристофан нарочно

---

³ «Лягушки», ст. 1–2.

ввел эту часть для забавы некультурной публики, как бы приманку для слушания второй части, помня провал слишком ученой пьесы своей – «Облака».

Таким образом, при чтении этой комедии нам сразу представляется мысль, что характер ее – литературный. Однако в ней ясно виден и политический элемент; и даже трудно сказать, который из них для Аристофана был важнее. Может быть, всего вернее будет сказать, что Аристофан при сочинении этой комедии преследовал две цели – литературную и политическую.

Что касается литературной цели, то ясно, что целью Аристофана было унижить Еврипида и возвеличить Эсхила, – иначе говоря, унижить новое литературное направление, которое приняла трагедия в произведениях Еврипида, и возвеличить старое, представителем которого в то время был Эсхил. Аристофан делает это путем литературно-эстетической критики произведений их с разных точек зрения.

Литературная критика у греков появилась с очень древнего времени. Соперничество в кружках поэтов способствовало обсуждению чужих произведений. Так, уже Гесиод сознает свое отличие от Гомера и школы гомеридов и высказывает это в предисловии к «Феогонии». «Музы, – говорит он, – сказали, что они умеют говорить много лжи, которая похожа на правду, но умеют говорить и истину, когда хотят»; музы «повелели и ему прославлять род богов вечно сущих, и самих муз всегда воспевать и в начале и в конце»⁴. Солон в одном стихотворении просит поэта Мимнерма изменить высказанное им в одной элегии желание прожить до 60 лет на желание прожить до 80 лет. Пиндар с религиозной точки зрения критикует традиционные мифы, которых терзались и прежние поэты; так он изменяет миф о Пенелопе, порицает даже Гомера за его характеристику Одиссея, делает намеки явные и скрытые на современных ему поэтов Симонида и Бакхилида.

В Афинах, как и в других местах, с давних пор существовал обычай, что несколько поэтов вступали в состязание, причем и они сами относились критически друг к другу, и судьи, а вместе с ними и публика, сравнивали произведения их между собою и высказывали свое одобрение или неодобрение о них.

Даже у Еврипида в трагедиях встречаются критические замечания (скрытые) против Эсхила. Так, в «Электре»⁵ видна критика ст. 168–180 и 226–232 Эсхилых «Хоэфор». В этих стихах Эсхила говорится о сходстве цвета волос Электры и Ореста, и сам Орест доказывает Электре свое тождество с неузнанным ею ее братом Орестом, вернувшимся на родину, на основании сходства цвета волос его с воло-

⁴ Гесиод. Феогония, ст. 27–28, 33–35.

⁵ См. Еврипид. Электра, ст. 522–544.

сами Электры, одинаковой величины следов ног их обоих и того, что на нем одежда, сотканная ее руками. У Еврипида Электра опровергает самую возможность сходства цвета волос у мужчины и женщины, одинаковости величины следов их ног; указывает на невозможность того, чтобы на Оресте была одежда, сотканная ею, так как она была еще ребенком во время удаления Ореста из отечества; указывает на невозможность этого, даже если бы одежда была соткана ею, потому что он тогда был еще мал и теперь не мог бы носить ее. Равным образом, в «Финикиянках» (ст. 751–752) можно видеть «шелчок» Эсхилу со стороны Еврипида: у Эсхила в «Семи против Фив» в 300 стихах (375–676) вестник подробно описывает внешний вид каждого из вождей, осаждающих Фивы. А у Еврипида Этеокл всего в 2 стихах говорит: «Было бы большой тратой времени – называть каждого по имени, когда враги сидят под самыми стенами».

Но трагедия мало пригодна для такого разбора литературных произведений. Гораздо пригоднее для этого Древняя комедия, которая по самой сущности своей предназначалась для критики всех вообще сторон жизни, в том числе и литературы. Было в обычае, что комики, особенно в парабазе, но также в других местах, критиковали произведения своих товарищей по искусству, восхваляли свои заслуги, говорили о своих отношениях к публике.

Мы не можем даже приблизительно сказать, вследствие ничтожности отрывков из дошедших до нас их сочинений, много ли занимались литературной критикой собратья Аристофана; но заглавия и кое-какие фразы из некоторых пьес их дают возможность предполагать это. Так, в комедии Фриниха «Музы», по-видимому, шел спор между Софоклом и Еврипидом за первенство в трагедии, причем решали спор сами Музы⁶. В некоторых комедиях, судя по заглавиям, шла речь о разных литературных вопросах (с критикой или без критики); таковы заглавия комедий Кратина: «Архилохи», «Дидаскалии», «Комодо-трагедия», «Поэзия», «Хор»; Фриниха: «Трагоды»; Платона: «Поэт»; Алексиды (Средняя комедия): «Поэты», «Филотрагод»; Антифана (Средняя комедия): «Поэзия» и др. Во всяком случае единственными комедиями, по которым мы можем судить о литературной критике древних греков, были комедии Аристофана, главным образом следующие три: «Ахарняне», «Фесмофориазусы», «Лягушки». Аристофан много раз делает критические замечания, прямо или намеками, о плохих трагических поэтах, каковыми были,

---

⁶ Таково мнение Мейнке в его «Historia critica», p. 157 и «Fragm. Com. Graec.», II, p. 593. По мнению Роджера в его изд. комедии «Осы», прим. к ст. 987, и в изд. комедии «Лягушки», с. XXXVII, в «Музах» был изображен суд над Еврипидом, которого обвиняли сами Музы перед Дионисом.

например, Феогид⁷, Ксенокл⁸, Агафон⁹, Филокл¹⁰, Морсим¹¹, Меланфий¹². Но никого Аристофан не преследовал своими насмешками так упорно, как Еврипида: он преследовал его во все время своей литературной деятельности, начиная с одной из первых своих комедий – «Ахарнян» (425 г.), когда Еврипиду было 55 лет, а Аристофану каких-нибудь 20; даже после смерти Еврипида он не пощадил его, подвергнув его произведения жестокой критике в «Лягушках», поставленных в 405 г.; осмеял он его и в «Фесмофориазусах», поставленных в 414 г. Но, кроме этих трех комедий, в которых целые сцены посвящены систематической критике Еврипида, во всех других дошедших до нас комедиях он хоть бегло затрагивает его произведения, приводя из них какие-нибудь цитаты, может быть не всегда имеющие целью осуждение их, но все-таки подающие повод к смеху по какой-нибудь причине. Таковы, например, цитаты во «Всадниках»: *πῶς ἄν σὺ μοι λέξεις ἀμέ χρῆ λέγειν*¹³; *ὦ πόλις Ἄργους, κλύεθ' οἷα λέγει*¹⁴; *ὡς μου χρησιμὸς ἀπτεταί φρενῶν*¹⁵; *λεπτή τις ἐλίς ἐστ' ἐφ' ἧς ὀχοῦμεθα*¹⁶; *οἴμοι πέπρακται τοῦ θεοῦ τὸ θέσφατον*¹⁷. Его одного Аристофан готов считать виновником чуть ли не всех зол, тяготевших в то время над обществом: «Каких зол виновником не является он?»¹⁸, говорит Эсхил, являющийся выразителем мнений самого Аристофана.

Вот приблизительный перечень недостатков, которые Аристофан находит у Еврипида.

Еврипид – происхождения низкого: его мать Клито торговала на рынке овощами, да еще самого плохого сорта¹⁹.

Аристофан насмехается и над семейной жизнью Еврипида: будто бы жена изменяла ему²⁰.

В творческой работе, по словам Аристофана, Еврипиду помогал Кефисофонт, названный в «Биографии Еврипида» его актером²¹.

⁷ См. «Ахарняне», ст. 140; «Фесмофориазусы», ст. 170.

⁸ См. «Фесмофориазусы», ст. 169, 441; «Лягушки», ст. 86.

⁹ См. «Лягушки», ст. 83; «Геритад», фрагм. 169, изд. Hall-Geldart.

¹⁰ См. «Осы», ст. 462; «Фесмофориазусы», ст. 168.

¹¹ См. «Всадники», ст. 401; «Мир», ст. 801; «Лягушки», ст. 151.

¹² См. «Мир», ст. 804. 1008–1014.

¹³ «Всадники», ст. 16.

¹⁴ Там же, ст. 813.

¹⁵ Там же, ст. 1237.

¹⁶ Там же, ст. 1244.

¹⁷ Там же, ст. 1248.

¹⁸ «Лягушки», ст. 1078.

¹⁹ См. «Ахарняне», ст. 487–488; «Фесмофориазусы», ст. 387, 456, 910; «Лягушки», ст. 840, 947.

²⁰ См. «Лягушки», ст. 1048.

Аристофан ставит в вину Еврипиду не только занятия философией, но даже то, что у него была библиотека, – что тогда было редкостью. Он дважды упоминает о том, что Еврипид пользовался «книгами» и переносил из них многое в трагедии²²; а книги, по мнению Аристофана, развращают молодежь, как об этом прямо говорит какое-то лицо в комедии «Тагенисты»: «Его погубила или книга, или Прodik, или кто-нибудь из болтунов»²³.

О трагическом искусстве Еврипида Аристофан наиболее подробно выразил свое мнение устами Эсхила или хора в «Лягушках». Его понимает хор, говоря о человеке, «отказавшемся от того, что всего важнее в трагическом искусстве»²⁴. В его трагедиях Аристофан видит «болтовню»²⁵; его слова он презрительно называет «опилками слов»²⁶, «словечками»²⁷, «судебными словечками»²⁸, его стихи – «стишками»²⁹; поэтому при взвешивании их на весах его слова и стихи оказываются гораздо легче тяжеловесных слов Эсхила³⁰; по собственному признанию Еврипида, он отнял у трагического искусства всю его «тяжесть»³¹.

Аристофан смеется над прологами трагедий Еврипида, над их однообразным построением; вследствие этого можно, не нарушая метра и грамматической конструкции, во втором или третьем стихе посылать цезуры пятиполовинной вставить фразу «флакончик потерял». Для примера указаны прологи семи трагедий, над которыми можно проделать такую комическую операцию³².

Еврипид, по мнению Аристофана, вводит в трагедию людей и предметы, не соответствующие ее возвышенному тону и назначению; герои его выражаются слишком простою речью; он нередко опускается до мелочей домашней обстановки. «Я выводил на сцене», – говорит Еврипид, – домашнюю жизнь, которой мы живем, которая присуща нам»³³. Вследствие этого его поэзия сделалась низкою, в

---

²¹ См. САФ, Аристофан, фрагм. 580; «Лягушки», ст. 944, 1452–1453. В одной комедии Телеклида (не дошедшей до нас) было сказано, что Еврипиду помогал писать трагедии Сократ (САФ, фрагм. 39–40 Телеклида).

²² См. «Лягушки», ст. 943, 1409.

²³ «Тагенисты», фрагм. 490. Впрочем, неизвестно, кто говорит это, так что нельзя считать наверное это мнением самого Аристофана.

²⁴ «Лягушки», ст. 1494.

²⁵ Там же, ст. 90–91, 841, 1160.

²⁶ Там же, ст. 881.

²⁷ «Ахарняне», ст. 444.

²⁸ «Мир», ст. 534.

²⁹ «Ахарняне», ст. 398; «Мир», ст. 532; «Лягушки», ст. 948.

³⁰ См. «Лягушки», ст. 1365–1410. 814–830.

³¹ Там же, ст. 940.

³² См. «Лягушки», ст. 1200 и сл.

³³ Там же, ст. 959.

ней «мысли площадные»³⁴. «Я не давал, – говорит Еврипид, – с самого начала ни одному лицу быть праздным: у меня говорили и женщина, и раб, и барин, и девушка, и старуха». – «А за дерзость такую, – возражает Эсхил, – разве не заслужил ты смерти?»³⁵.

Аристофан видит унижение величия трагедии в том, что Еврипид представляет своих героев калекими, нищими, стараясь только посредством таких внешних, сценических эффектов возбудить к ним жалость. Это обвинение занимает в «Ахарнянах» целую сцену³⁶.

Упоминания об этом приеме есть и в других комедиях: в «Лягушках» Эсхил прямо формулирует этот упрек: «Ты одел царей в лохмотья, чтобы они казались людям жалкими»³⁷. Там же Эсхил называет Еврипида «делателем нищих и сшивателем лохмотьев» (ὁ πτωχολοῖε καὶ ρακιοσυρραλτάδῃ)³⁸, «делателем хромых» (χολολοῖόν)³⁹. Намек на это есть и в «Облаках», где Правосуд говорит Кривосуду: «Прежде ты был нищим, называя себя мисийцем Телефом»⁴⁰. В «Мире» дочь Тригея говорит отцу, поднимающемуся на жуке: «Смотри, не свались оттуда: тогда ты, став хромым, доставишь Еврипиду сюжет и будешь героем трагедии»⁴¹.

В упрек Еврипиду Аристофан ставит и то, что действующие лица у него, едва появившись на сцене, излагают свою генеалогию⁴², например в «Ионе», «Неистовом Геракле», «Вахханках», «Гекубе», «Финикианках»; это пародирует Аристофан в «Ахарнянах»⁴³.

Смеется Аристофан и над пристрастием Еврипида к изречениям, иногда неудачным или даже безнравственным, по крайней мере на первый взгляд⁴⁴. Таково, например, изречение из одной, не дошедшей до нас, трагедии: «Кто знает, не есть ли жизнь – смерть, а смерть в подземном мире не считается ли жизнью?» Это изречение пародируется в ст. 1477 «Лягушек» и имеется в виду в ст. 1082 той же комедии. Особенный повод к насмешкам подают Аристофану слова «Язык поклялся, а ум непричастен клятве» в трагедии «Ипполит»⁴⁵; Аристофан упоминает об этих словах в «Лягушках»⁴⁶ и в «Фесмофоризусах»⁴⁷.

³⁴ САФ. Аристофан, фрагм. 471.

³⁵ «Лягушки», ст. 948–951.

³⁶ См. «Ахарняне», ст. 394–479.

³⁷ «Лягушки», ст. 1063.

³⁸ Там же, ст. 842.

³⁹ Там же, ст. 846.

⁴⁰ «Облака», ст. 921–924.

⁴¹ «Мир», ст. 146–148.

⁴² См. «Лягушки», ст. 946.

⁴³ См. «Ахарняне», ст. 47 и сл.

⁴⁴ См. «Облака», ст. 924.

⁴⁵ Еврипид. Ипполит, ст. 612.

По мнению Аристофана, в трагедии не должно быть места философским рассуждениям, какие часто встречаются у Еврипида. Аристофан иногда пародирует их, придавая им для смеха почти бессмысленную форму. Таково, например, рассуждение в «Фесмофориазусах»: «Когда Эфир первоначально разлагался на части и рождал в себе движущиеся живые существа, сперва он устроил то, чем должно видеть, – глаз, подобный солнечному диску, и потом, на подобие воронки, пробуравил уши»⁴⁶. Поэтому в его трагедиях есть софистические споры, ораторские увертки⁴⁷, и в одной не дошедшей до нас комедии Аристофана он был назван *στρεψιμαλλος την τέχνην* (выворачивающий шерсть, хитрый в искусстве)⁴⁸. Особенно неуместны философские рассуждения, произносимые людьми, у которых по их малой культурности нельзя предполагать способности к подобным рассуждениям, например рабы, необразованные женщины. «О трикрат счастливый Еврипид, – говорит Дикееполь в «Ахарнях», – когда раб у тебя отвечает так умно»⁴⁹.

В связи с обвинением Еврипида в пристрастии к софистической философии Аристофан обвиняет его и в том, что он не признает отечественных богов. Так, в «Лягушках» сам Еврипид говорит: «Боги, которым я молюсь, другие»⁵⁰, а в «Фесмофориазусах» (ст. 450) женщина, торгующая венками, жалуется, что Еврипид в своих трагедиях убедил мужчин, что богов нет, и потому доход от продажи венков сократился наполовину. И действительно, Еврипид называет Эфир своим «питанием»⁵¹, а в «Фесмофориазусах» (ст. 272) клянется Эфиром. В не дошедшей до нас трагедии «Беллерофонт» кто-то отвергает существование богов на основании того, что в мире господствует зло и что нечестивые люди благоденствуют, а благочестивые страдают⁵².

Но, пожалуй, главным преступлением в глазах Аристофана является безнравственность драм Еврипида, выражающаяся в том, что он выводит в них влюбленных женщин. «Он вводит в искусство нечес-

⁴⁶ См. «Лягушки», ст. 1471.

⁴⁷ См. «Фесмофориазусь», ст. 275–276.

⁴⁸ «Фесмофориазусь», ст. 13 и сл. Такую же чепуху говорит Сократ в «Облаках» (ст. 227–234), которую настоящий Сократ не мог сказать.

⁴⁹ См. «Лягушки», ст. 775.

⁵⁰ САГ, Аристофан, фрагм. 638. На этом основании Еврипид впоследствии получил название «сценического философа» (ὁ σκηνικός φιλόσοφος) (Афиней, XIII, 11, с. 561 А), (ὁ ἐκί σκηνῆς φιλόσοφος) (Климент Александрийский. Стромата, V, с. 581 с). «Еврипид, слушатель Анаксагора, которого афиняне называли сценическим философом» (Витрувий, Предисловие к кн. VIII).

⁵¹ «Ахарняне», ст. 400–401.

⁵² «Лягушки», ст. 889.

⁵³ «Лягушки», ст. 892.

⁵⁴ См. *Tragicorum Graecorum fragmenta*, Nauck, ed. II, fragm. 286.

тивные браки», говорит Эсхил в «Лягушках»⁵⁵, разумея преступную связь Макарея с родной своей сестрой (не дошедшая до нас трагедия «Эол»). Кратко, но ясно формулирует это преступление Еврипида одна женщина в «Фесмофоризусах»: «Он намеренно выискивает такие сюжеты, где женщина изображена порочной, творя Меланипп и Федр, а Пенелопу ни разу не вывел, потому что она считается женщиной целомудренной»⁵⁶. Приблизительно то же говорит Эсхил в другом месте «Лягушек»: «В каком зле не виновен он? Разве он не представил на сцене сводней или рождающих в храмах женщин, или состоящих в любовной связи с братьями, или говорящих, что жизнь не есть жизнь?»⁵⁷. Тут разумеются трагедии «Гипполит», «Авга», «Эол», «Полиид». Этот список пополняется еще словами Эсхила в «Лягушках», где он говорит, что не выводил в своих драмах ни блудниц-Федр, ни Сфенебей, ни вообще ни одной влюбленной женщины⁵⁸.

Так критикует Аристофан Еврипида. Но справедлива ли эта критика? Не всегда великие поэты бывают хорошими критиками. Нам трудно решить этот вопрос уже потому, что многие драмы Еврипида, из которых Аристофан берет материал, не дошли до нас, и вследствие этого мы не знаем, какими лицами и в какой связи были высказаны инкриминируемые Еврипиду мысли: ведь вообще приписывать драматургу мысли, высказанные в драмах действующими лицами, невозможно.

Кроме того, нельзя быть уверенным, что Аристофан не искажал сознательно смысла высказанных мнений. Явный пример такого искажения мы уже видели в том, как трактует Аристофан сентенцию «Язык поклялся, а ум непричастен клятве». (См. выше, в статье «Сократ и Аристофан»).

Наконец, мы не можем судить о качестве критики Аристофана потому, что наша теперешняя точка зрения на литературу иная, чем точка зрения древних греков вообще и Аристофана в частности. Так, Эсхил в «Лягушках» ставит в вину Еврипиду то, что он выводит в своих пьесах влюбленных женщин; а между тем в современной беллетристике любовь и адюльтер процветают, и никто не ставит в вину автору изображение страсти с тонким психологическим анализом даже с привлекательной стороны. Однако со своей точки зрения Аристофан даже и в этом случае прав: нельзя оправдывать Еврипида, как он сам делает и как сделали бы мы, тем, что сказание о Федре не им выдуманно, а что оно с незапамятных времен существовало в

---

⁵⁵ «Лягушки», ст. 850.

⁵⁶ «Фесмофоризусь», ст. 546–548.

⁵⁷ «Лягушки», ст. 1078–1082.

⁵⁸ См. там же, ст. 1043–1044.

народном веровании. Как говорит Эсхил в ответ на это возражение Еврипида, «поэт должен скрывать дурное и не представлять это на сцене, потому что поэт есть учитель взрослых»⁵⁹.

Поэтому из ученых нового времени одни соглашались с критикой Аристофана, другие не соглашались, даже бранят его и винят в том, что у него самого встречаются такие приемы, которые он порицает у Еврипида.

Расхождение во взглядах на драматическое искусство между Аристофаном и Еврипидом – принципиальное. Аристофан смотрит на поэта как на учителя нравственности для взрослых, Еврипид в теории разделяет это мнение⁶⁰, но на практике отступает от него. Такое расхождение во взглядах на искусство, вероятно, было во все времена; было оно и в древности. Как сказано выше (в статье «Биография Аристофана»), греки смотрели на миссию поэта как на проповедь нравственности. Даже на Гомера смотрели не столько как на вдохновенного поэта, чарующего душу прелестью поэзии, сколько как на великого учителя, сообщающего все нужные для жизни правила, в котором скрыты все уроки философии⁶¹. Эсхил в «Лягушках» указывает на Орфея, Мусея, Гесиода и Гомера как на «полезных» поэтов, дающих наставления даже практической мудрости:

«А божественный Гомер за что получил честь и славу, как не за то, что научил полезным вещам: построениям [военным], мужеству, вооружению?»⁶² Даже Исократ думает, что слава Гомера основана на его учении о военном деле⁶³.

Однако была и другая теория, которой втайне, вероятно, держались многие, но которая впервые была выражена в определенной форме Аристотелем. По этой теории, цель поэзии – доставлять наслаждение независимо от пользы. Об этих теориях Страбон (около 24 г. до н. э.) сообщает следующее: «Эратосфен [Александрийский ученый III века до н. э.] утверждал, что поэт всегда имеет целью услаждать, а не поучать. Но древние, напротив, говорят, что поэзия есть первая философия, которая вводит нас в жизнь в детстве и, доставляя удовольствие, научает понимать характеры, страсти и действия человека. Наши писатели утверждали даже, что только мудрец есть поэт. А потому греческие государства воспитывают детей прежде всего на поэзии, – конечно, не ради того, чтобы доставлять им только удовольствие, но чтобы внушать им нравственность... Древние сохранили детское воспитание до зрелого возраста и полагали,

⁵⁹ «Лягушки», ст. 1053–1056.

⁶⁰ См. там же, ст. 1009–1010.

⁶¹ См. Платон. Государство, 598 DE.

⁶² «Лягушки», ст. 1030–1036.

⁶³ См. Исократ, IV, 159.

что посредством поэзии всякий возраст достаточно воспитывается для добродетели. С течением времени появились на свет история и теперешняя философия; но последняя существует для немногих, а поэзия более полезна для всего народа... Эратосфен должен был бы сказать, что всякий поэт излагает одно ради удовольствия, другое для поучения. Между тем он говорит, что все ради удовольствия и ничего для наставления... Он называет поэзию изложением старушечьих сказок, в котором будто бы дозволяется выдумывать все, что кажется способным услаждать слушателя... Неужели мы можем называть достоинством поэта что-либо другое, как не искусство изображать жизнь с помощью слова? Как же может поэт изображать жизнь, сам не зная ее и будучи человеком неразумным? Не в том, по нашему убеждению, достоинство поэтов, в чем плотников или кузнецов: в последнем нет ничего благородного и возвышенного, а достоинство поэта связано с достоинством человека, и нельзя сделаться хорошим поэтом, не сделавшись прежде хорошим человеком»⁶⁴.

Совершенно такого же взгляда на поэзию держится Плутарх (I/II век н. э.): «Поэтические произведения должны служить подготовкой к философии»⁶⁵. «Они открывают и возбуждают душу молодого человека к учениям философии»⁶⁶.

Это – общепринятый взгляд образованных людей древности на поэтические произведения как на кодекс морали, который разделяется и Аристофаном. Это же мнение высказывает и Сократ у Платона: «поэты для нас, так сказать, отцы мудрости и вожди»⁶⁷.

Еще более строгие требования относительно нравственности предъявляет к поэтическим произведениям Платон в «Государстве»: он считает непригодными для воспитания детей даже произведения Гомера и Гесиода вследствие вредного влияния их рассказов о сражениях между богами, об их жестоких и безнравственных деяниях⁶⁸, и таким образом, воспитательное значение могут иметь только гимны в честь богов, восхваления великих людей⁶⁹ и вообще то, что называется дидактической поэзией. Мало того. У Платона Сократ говорит: «Мы будем утверждать, что и поэты и прозаики дурно рассказывают о людях самые важные вещи, будто многие, хоть и несправедливы, однако благоденствуют, а справедливые бедствуют, и будто поступать несправедливо, если это остается скрытым, выгодно... Говорить такое мы запре­дим, а прикажем и петь и рассказывать

⁶⁴ Страбон. География, I, 2, 3–8.

⁶⁵ Плутарх. О слушании поэтов, гл. 1.

⁶⁶ Там же, гл. 14.

⁶⁷ Платон. Лисид, 213 E.

⁶⁸ Платон. Государство, 377 A – 378 A.

⁶⁹ См. там же, 607 A.

противоположное этому»⁷⁰. То же сказано в «Законах»⁷¹. К комедии с ее насмешками над гражданами Платон относится совсем отрицательно⁷².

Другого мнения о цели поэзии держится Аристотель в своей «Поэтике»: его суждение основывается на эстетических и логических соображениях, а не на моральных. Он упоминает Еврипида около 20 раз, по большей части критикуя его, отмечает его недостатки, касающиеся построения пьесы, изображения характеров, роли хора; но ни слова не говорит о безнравственном влиянии его трагедий. Нигде не говорит он, что трагедия должна воздействовать на человеческую жизнь, делать людей лучшими и что театр должен быть школой. Цель поэзии, по мнению Аристотеля, состоит в том, чтобы вызывать чистое, возвышенное удовольствие в людях.

Но из этого не следует, что Аристотель держался мнения «искусство для искусства» и что драма не должна считаться с нравственностью выводимых лиц. Прямо он не высказывает своего мнения по этому вопросу; но оно ясно видно из общего определения им характера трагического героя: он должен быть «лучше» (конечно, в нравственном отношении) обыкновенного человека. «Комедия, – говорит он, – хочет подражать худшим, а трагедия лучшим людям, чем теперешние»⁷³. «Трагедия есть подражание лучшим»⁷⁴. «Что касается характеров, то есть четыре пункта, которые должно иметь в виду: первый и самый важный, чтоб они были благородными [нравственными (ἡρωϊκά)], а этот характер будет благородным, если обнаружит благородное направление воли»⁷⁵. Следовательно, трагический герой никоим образом не может быть низкого или безнравственного характера: иначе зрители не почувствуют сострадания к его несчастью.

Однако Аристотель предостерегает читателей от легкомысленного суждения о том, что считать нравственным или безнравственным в речах и поступках действующих лиц: не следует выделять слово или поступок из окружающего его текста и судить о нем надо при свете всех обстоятельств. «При суждении о том, хорошо [нравственно] или не хорошо кем-либо что-нибудь сказано или сделано, следует обращать внимание не только на самое деяние или слово, смотря, хорошо оно или дурно, но и на лицо действующее или говорящее, на то, кому, когда, для кого или для чего что-нибудь сделано

---

⁷⁰ Там же, 392 АВ.

⁷¹ См. Платон. Законы, 660 Е.

⁷² См. там же, 935 Е.

⁷³ Аристотель. Поэтика, гл. II = с. 1448 а 18.

⁷⁴ Там же, гл. XVI = с. 1454 б 9.

⁷⁵ Аристотель. Поэтика, гл. XV = с. 1454 а 17.

или сказано, например, для того ли, чтобы возникло большее благо, или чтоб было уничтожено большее зло»⁷⁶.

Изображение моральной испорченности, по мнению Аристотеля, находит оправдание только в «необходимости». Эта необходимость есть внутренняя необходимость, обуславливаемая построением драмы, ее фабулой, например для противоположения благородному характеру главного героя. Изображение порочности без необходимости не допускаяется в трагедии. «Справедливы упреки в ...безнравственности, если поэт пользуется ... противным нравственности, как в «Оресте» [Еврипида] – низостью Менелая»⁷⁷.

На основании сказанного можно, по-видимому, предположить, что, по мысли Аристотеля, нравственность (благородный характер по крайней мере главного героя) требуется в трагедии не сама по себе, для нравоучения, но она сама собою подразумевается в герое и является необходимым условием для того, чтобы трагедия доставляла эстетическое наслаждение зрителям.

Как уже сказано выше, некоторые ученые нового времени считают критику Аристофана несправедливой. Какими однако причинами руководился Аристофан при этой критике? Нет основания предполагать, что тут действовала какая-либо личная антипатия или вражда его к Еврипиду. Надо думать, что причины для этого были принципиальные. Вероятно, это были приблизительно те же причины, по которым Аристофан нападал и на Сократа и на софистов: их религиозные и моральные идеи Еврипид проводил в своих трагедиях, а в области искусства он был в значительной степени новатором, и Аристофан в этом отношении не был одинок: и другие авторы Древней и даже Средней аттической комедии критиковали Еврипида: Платон (комик), Стратид, Антифан, Евбул⁷⁸.

Аристофан хотел вернуть трагедию к старинному ее типу, какою она была во времена Эсхила. Но сильно воздействие духа времени: все усилия Аристофана (и других комиков) остановить движение и возвратить прошлое не имели успеха. В последующее время Еврипид пользовался такою популярностью, что Новая комедия и, вероятно, уже Средняя подпали под влияние Еврипида⁷⁹. И действительно, Еврипид имел все права на предпочтение перед Эсхилом и Софоклом: он гораздо ближе, чем они, подошел в своих трагедиях к драмам из обыденной жизни, каких до него не было; хотя персонажи его по-прежнему боги и герои, но по характеру они уже мало отличаются от обыкновенных смертных.

⁷⁶ Там же, гл. XXV = с. 1461 а 4.

⁷⁷ Там же, гл. XXV = с. 1461, «в» 19–21; то же, гл. XV = с. 1454 а 29 и др.

⁷⁸ См. Н. Patin. Etudes sur les tragiques Grecs, Euripide, t. II, p. 330–331.

⁷⁹ См. статью «Рабы в комедиях Аристофана как литературный тип».

Возможно, что уже Аристофан (и другие поэты Древней комедии) подвергся могучему влиянию осмеиваемого им Еврипида. «Как Крагин напоминает Эсхила, – говорит Бергк, – так Аристофан – Еврипида, и комик сам признается, что он ходил в школу трагика»⁸⁰. Ничего удивительного в этом нет: даже противники Еврипида не могли освободиться от его влияния⁸¹. О влиянии его на Аристофана у нас имеются и прямые указания из древности. В схолиях к Платону сказано, что Аристофан подвергался насмешкам комиков за то, что, осмеивая Еврипида, подражал ему⁸². В фрагменте из не дошедшей до нас комедии «Женщины, занимающие палатки» Аристофан сам говорит: «Я пользуюсь его [Еврипида] красивым способом выражения, но мыслей площадных я меньше сочиняю, чем он»: $\text{Χρῆμαι γὰρ αὐτοῦ τοῦ στόματος τῆ στρογγύλῃ τοῦς νοῦς δ' ἀγοραίους ἦσαν ἢ 'κεῖνος ποιῶ}$ ⁸³. Под этим выражением Аристофан понимает не язык Еврипида в собственном смысле, а специальные свойства его в риторическом смысле, именно складность, округленность, красоту, приятность. Что же касается самого языка Еврипида, то Аристофан на каждом шагу высмеивает его манерность и отдаленность от языка обыденной жизни; подражания нельзя подметить.

В не дошедшей до нас комедии «Кокал» Аристофан применил Еврипидовские мотивы: оболщение девицы, узнавание ребенка и все прочие мотивы, которые любил Менандр. В «Плутосе» монолог Кариона, которым начинается эта комедия, с философским рассуждением о печальном положении раба, напоминает умные рассуждения рабов на эту тему у Еврипида. Возможно предположить даже, что такие монологические изображения ситуации, какие находятся в некоторых комедиях⁸⁴, где, с прямым обращением к зрителям, дается рассказ о положении дел, предшествующем началу драматического действия, представляют собою прием, заимствованный у Еврипида. Впрочем, Аристофан изменил его в том отношении, что такой монолог в упомянутых комедиях не в самом начале, как у Еврипида, а после небольшого диалога, и еще в том, что Аристофановы персонажи обращаются прямо к публике, нарушая тем драматическую иллюзию; однако и обращение Еврипидовых персонажей с рассказом к земле и небу⁸⁵ или к солнцу⁸⁶, к городу Аргосу⁸⁷, или, наконец,

⁸⁰ Th. Bergk. Griechische Literaturgeschichte, B. III, S. 176.

⁸¹ См. там же, с. 569.

⁸² См. САФ, I, 102. фрагм. 307.

⁸³ САФ, I, 513, фрагм. 471.

⁸⁴ См. «Всадники», ст. 40–70; «Осы», ст. 54–135; «Мир», ст. 50–81; «Птицы», ст. 30–48.

⁸⁵ См. Еврипид. Медея, ст. 57.

⁸⁶ См. Еврипид. Финикиянки, ст. 1–3.

⁸⁷ См. Еврипид. Электра, ст. 1.

просто ни к кому, как в большей части прологов, – в сущности ничем не отличается от обращения к зрителям; в комедии такие обращения были бы уже совсем неуместны. Во всяком случае сходство этого приема с Еврипидовым бросается в глаза; у Эсхила и Софокла таких рассказов, обращенных к публике, нет. Конечно, вследствие утраты всей остальной драматической литературы, мы не можем с уверенностью сказать, что Аристофан заимствовал этот прием именно у Еврипида; но Фома Магистр свидетельствует, что этот прием был изобретением Еврипида⁸⁸. Ничего странного нет в том, что Аристофан усвоил себе прием, который, может быть, был уже общеупотребительным во время его выступления на драматическое поприще; ведь, кроме Еврипида, в то время было немало число трагиков, подражавших ему и притом пользовавшихся расположением публики и нередко одерживавших над ним победы на драматических состязаниях. Такое влияние Еврипида и его школы на Аристофана тем менее удивительно, что даже старший современник Еврипида, Софокл, в позднейших своих произведениях усвоил себе немало Еврипидовского⁸⁹.

---

⁸⁸ См. Th. Bergk. Griechische Literaturgeschichte, B. III, S. 593, Anmerkung 374.

⁸⁹ См. Körte. Die griechische Komödie. 57–58; Th. Bergk. Op. c., S. 375.

Дидаскалия к комедии «Экклесиазусы» (Ἐκκλησιάζουσαι) не сохранилась. Вследствие этого мы не имеем прямых указаний ни о времени постановки ее на сцену, ни о конкурировавших с нею пьесах, ни о том, на каком месте она была поставлена афинскими судьями при этом конкурсе. Но сведения (не вполне определенные) о времени постановки ее на сцену мы узнаем отчасти из некоторых стихов самой комедии, но главным образом из схолии к ст. 193 этой пьесы. На основании приведенного там свидетельства Филохора, историка IV/III века до н. э., сочинения которого до нас не дошли, можно заключить, что она была поставлена на сцену в 393 или 392 г.; в какой именно праздник, неизвестно.

Таким образом, комедия «Экклесиазусы» была ближайшей по времени, из числа дошедших до нас, к комедии «Лягушки», поставленной в 405 г. Надо полагать, что Аристофан занимался творчеством и в течение 13 лет, прошедших между 405 и 392 гг.; но об этом никаких сведений не сохранилось¹. Во всяком случае, годы эти не могли быть благоприятными для творчества вследствие тяжелых политических обстоятельств, постигших Афинское государство в этот промежуток времени.

Как сказано выше, «Лягушки» были поставлены на сцену в январе или феврале 405 г., а осенью этого года (в сентябре?) разразилась страшная катастрофа: афинский флот был разбит спартанским флотом под начальством Лисандра при Эгос-Потамах; а весной (в апреле) 404 г. Афины сдались на капитуляцию спартанцам на очень тяжелых условиях и подчинились гегемонии Спарты. Свой демократический строй афиняне должны были уничтожить и заменить его олигархией Тридцати.

Только в 403 г. в Афинах была восстановлена демократия, но свою первостепенную роль среди эллинских государств Афины потеряли. Однако и Спарта, получившая гегемонию над греческим миром по окончании Пелопоннесской войны, не смогла удержать ее.

Борьба между Афинами и Спартой продолжалась и после Пелопоннесской войны. Последним крупным событием этой борьбы ко

---

¹ Из числа не дошедших до нас комедий только одна «Геритад» может быть отнесена к этому времени с некоторой вероятностью. Дени (J. Denis) в своей «Lacomédie Grecque», t. II, 1886, p. 162–163 указывает еще на 4 пьесы («Старость», «Аисты», «Часы», «Тельмессь»), которые можно было бы отнести сюда; но основания для этого слишком слабы.

времени постановки на сцену комедии «Экклесиазусы» была «Коринфская война» (394–387 гг.), закончившаяся заключением позорного «Анталкидова мира», от которого выгоду получили персы.

Слово Ἐκκλησίαζουσαι есть имен. падеж множ. числа женского рода причастия глагола ἐκκλησίαζω (нахожусь, участвую в Народном собрании) и значит «Женщины в Народном собрании».

Действующие лица в этой комедии следующие. *Праксагора* – афинянка, *Блепир* – муж Праксагоры, *Хремет* – сосед Блепира, три безыменных женщины, двое безыменных мужчин, женщина-глашатай, три безыменных старухи, одна беременная молодая женщина, один безыменный молодой человек, безыменная служанка Праксагоры. Все эти лица – вымышленные.

Хор состоит из женщин.

Содержание этой комедии следующее.

Сцена представляет афинскую улицу с тремя домами. Время действия – раннее утро перед рассветом; еще блещут звезды. Выходит из дома молодая женщина – Праксагора, жена афинского гражданина Блепира, переодетая мужчиной, с зажженной лампой в руках. Лампа должна служить сигналом, чтобы к ней шли другие афинские женщины, с которыми она уговорила идти вместе до рассвета в назначенное Народное собрание. Ни одной женщины еще нет, и Праксагора в ожидании их обращается с речью к лампе. Эта речь выдержана в высоком трагическом стиле, как будто обращенная к солнцу или месяцу или какому-нибудь божееству или герою. По словам схоластика, эта речь есть пародия на одно место трагедии Агафона или Дикеогена.

Наконец, женщины сходятся одна за другою. Разные препятствия замедлили их приход. Они принесли фальшивые бороды, палки, башмаки и плащи своих мужей. Праксагора еще раз объясняет им свой план: переодетые мужчинами, они должны идти в Народное собрание, которое начнется сегодня на заре, занять места и постараться взять в свои руки управление государством. И так как в собрании им придется говорить перед мужчинами, то надо воспользоваться остающимся до собрания кратким временем, чтобы поупражняться в произнесении речей. Несколько женщин пробуют говорить, но все неудачно: одна, начиная речь, обращается к собранию с возгласом «Женщины!», забыв, что говорит перед мужчинами; другая по женской привычке произносит женскую клятву Афродитой; поэтому Праксагора сама произносит речь, которую намерена сказать в собрании.

В этой речи она указывает на печальное положение государства и причиной этого считает недобросовестность, легкомыслие и непопулярность самого народа. «Я вижу, – говорит она, – что во главе на-

шего города всегда стоят мерзавцы (ст. 176): кто один день пробудет порядочным человеком, тот десять дней бывает мерзавцем. Вверишь государство другому: он еще больше наделает гадостей... Когда мы обсуждали вопрос об этом союзе [т. е. с беотийцами, коринфянами и аргосцами], все говорили, что если он не состоится, то это погубит город; а когда он осуществился, то все были недовольны, и оратор, говоривший в пользу его, бежал. Если приходится спускать корабли, бедняк одобряет это, а богатые и земледельцы против этого... Вы сами, граждане, виноваты в этом: получая плату из государственных средств, каждый из вас смотрит, чем он лично может поживиться, а государство, как хромой, ковыляет. Так если вы послушаетесь меня, то можете еще спастись. Я вношу предложение, что мы должны передать управление государством женщинам, ведь и в доме они заведуют хозяйством. Возглас: «Браво, браво! говори, говори, любезный!».

А что их обычай лучше нашего, это я докажу. Во-первых, шерсть они все красят в горячей воде по старинному обычаю, не пробуя никаких перемен. А наш город, если бы это твердо соблюдал, разве не оставался бы благополучным, если бы не делал зря каких-нибудь новых опытов? Затем, они сидят и сушат [ячмень], как и прежде. На голове носят [тягести], как и прежде. Фесмофории справляют, как и прежде. Пекут пироги, как и прежде. Мужей изводят, как и прежде. Любовников держат дома, как и прежде. Покупают тайком себе лакомства, как и прежде. Вино цельное любят, как и прежде. Утехами любви наслаждаются, как и прежде. Так вот, граждане, передадим им управление государством, не будем попусту болтать, не будем спрашивать, что они думают делать, а просто предоставим им править. Подумаем лишь о том, что они прежде всего, как матери, захотят беречь солдат; затем, кто лучше родной матери будет посылать продовольствие? Деньги добывать большая мастерица женщина; если она у власти, ее никогда не обманешь, потому что они сами привыкли обманывать. Об остальном не буду говорить; а если в этом вы послушаетесь меня, то будете жизнь проводить счастливо»².

Женщины одобряют речь Праксагоры и выбирают ее своей полководицей. Праксагора велит им надеть полностью мужской костюм, привязать бороды и идти в собрание с пением, как будто они идут из деревни.

В это же время является еще толпа переодетых женщин, и таким способом образуются два полухора, которые с пением вступают в оркестру (т. е. происходит парод)³.

---

² «Экклесиаусы», ст. 176–240.

³ Сценировка здесь не ясна, и разными исследователями строится по-разному; неизвестно, из каких женщин состоят полухоры: из тех ли, которые присутствовали

После пения хора выходит из своего дома муж Праксагоры, Блепир; ночью у него схватило живот. Напрасно искал он свой плащ и башмаки; они исчезли, как и его жена; поэтому ему пришлось надеть женин плащ и башмаки. Громко жалуется он, что на старости лет женился; жена, наверное, ушла так рано не с доброй целью. Подходит его сосед и рассказывает, что и у него произошло такое же загадочное исчезновение жены и одежды. Сосед уходит, намереваясь идти в собрание, если ему удастся найти плащ.

После его ухода к Блепиру подходит другой его знакомый, Хремет. Он рассказывает, что сейчас был в собрании, которое было необыкновенно многолюдно и чрезвычайно рано кончилось, так что он опоздал и не получил трех оболов. Пританами был предложен на обсуждение собрания важный вопрос о мерах, необходимых для спасения Афинского государства; начались оживленные прения, закончившиеся выступлением молодого красивого незнакомца, предложившего поручить управление государством женщинам. Оратор указывал на превосходство женщин перед мужчинами; женщины соблюдают тайны, честно возвращают друг другу взятые займы вещи, не судятся. Предложение оратора было с рукоплесканиями поддержано большинством собравшихся и, несмотря на протесты немногих, было постановлено передать власть из рук мужчин в руки женщин, потому что только этого еще не было в государстве.

Старики уходят по своим домам. Возвращается из собрания хор женщин к дому Праксагоры со страхом, как бы кто не заметил их обмана; они хотят сбросить с себя все мужские принадлежности. Как раз в это время возвращается из собрания и Праксагора, тоже еще в мужском костюме, и велит женщинам переодеться. Но едва она хочет войти в свой дом, как навстречу ей выходит муж, Блепир, и начинает ее допрашивать, где она была и почему оделась в его платье. Праксагора очень ловко отвечает на все вопросы: ходила она экстренно к своей приятельнице по случаю ее родов; оделась в его мужской костюм потому, что ночью было холодно; надела его башмаки и взяла палку для защиты от грабителей. Муж удовлетворился ее объяснениями, но жалеет, что через это он не попал в собрание, а потому не получил платы, полагающейся за участие в нем. Пракса-

---

сейчас при репетиции с Праксагорой, или из вновь прибывших. Наиболее согласное с текстом и потому более вероятное объяснение то, что первый полухор который произносит ст. 285–288 и затем поет строфу (ст. 289–299), состоит из тех, которые присутствовали при репетиции и представляют собою мужчин из города (ст. 300–301); а второй полухор, который поет антистрофу (ст. 300–310), состоит из вновь прибывших и представляет собою мужчин из деревни (ст. 280–282); второй полухор относится с презрением к первому полухору за то, что составляющие его горожане участвовали в народных собраниях лишь с корыстной целью, для получения обола.

гора делает вид, что она не знала о собрании. Блепир рассказывает ей о состоявшемся постановлении передать управление государством в руки женщин. Блепир задает жене вопросы, а она рисует картину намечаемых ею смелых и широких реформ, причем основным положением служит требование обязательного обобществления всей частной собственности. Ее смущает лишь одно: согласятся ли афиняне принять эти новшества? Но муж спешит успокоить ее на этот счет: у афинян, говорит он, новшество и презрение к старинным порядкам ценится выше самой власти.

Новый строй рисуется в таком виде. Государство станет счастливым, не будет ни преступлений, ни зависти, ни нагого, ни бедного – никого, ни грубой брани, ни заклада имущества. Все будет общим, и каждый будет жить на общий счет, а не так, как теперь, когда один богат, а другой беден; один имеет много земли, а у другого нет места даже для могилы; у одного много рабов, а у другого нет ни одного слуги. Теперь жизнь для всех будет одинаковою. Прежде всего земля объявляется общим достоянием, а затем и деньги, и все, что у кого есть, сдается в общую кассу, из которой женщины будут кормить и содержать мужчин, бережливо и расчетливо управляя хозяйством. В эту хозяйственную программу Аристофаном с большим искусством введен мотив чувственный, в дальнейшем получающий в пьесе богатое комическое развитие. Праксагора, в связи с задачами проводимого ею всеобщего равенства, преследует еще и свои, специфически женские интересы.

Согласно ее проекту, должны быть обобществлены и женщины; но, чтобы обеспечить радости любви всем женщинам без исключения, а не только одним молодым и красивым, Праксагора обязывает мужчин пользоваться женщинами в порядке очереди и переходить к молодым и красивым только после того, как они удовлетворят запросы пожилых и некрасивых женщин. Также и красивый мужчина будет всегда ходить в сопровождении некрасивого, и женщина, желающая обладать красивым, должна прежде отдаться некрасивому. Дети, не зная, кто их отец, будут считать своими отцами всех, кто старше их. Никто не будет работать из бедности (на это есть рабы), потому что все будут иметь все необходимое. Гражданам остается только пировать. Ни грабежей, ни воровства не будет, так как все – общее: кто же станет красть свое? Не будет ссор и тяжб. Если кто пожелает иметь плащ, ему добровольно отдадут: из-за чего спорить, когда другой, еще лучший, можно получить из общего склада? Обряд жизни для всех будет общий; государство составит как бы один дом. Судов не будет. Судебные места и портики превратятся в столовые. На ораторских трибунах будут стоять сосуды с вином и водою, на площади – урны с жребиями, но не для того, чтобы избирать

судей или должностных лиц, а для того, чтобы распределять пирующих по разным помещениям согласно вынутому из урны номеру. Всяких яств будет обилие, и каждый, опьяневши, с венком и факелом пойдет с пира, а на перекрестках их будут ждать женщины и приглашать для любовных наслаждений. «Ну скажите, – обращается Праксагора к Блепиру и хору, – нравится ли вам этот план?» – «Очень», – отвечает Блепир. – «Так мне надо пойти на площадь, – продолжает Праксагора, – принимать имущество, которое поступит в общую казну, и устроить общие обеды, чтобы вы сегодня же в первый раз пировали».

После этого Праксагора и Блепир уходят за сцену, и, после песни хора, в комедии изображается начало осуществления нового порядка вещей. Являются два гражданина. Один спешно собирает свое имущество, чтобы добросовестно исполнить новый закон и сдать это имущество в общую казну. Другой, – очевидно, скептик: он, по его словам, не так прост, чтобы спешить, и выжидает, как будет исполняться закон прочими, и не помешает ли какой-нибудь случай, например землетрясение, осуществлению нового порядка. Зато, когда раздался призыв глашатая на пир, он первый спешит на этот призыв, чтобы и имущество свое сохранить, и в пире принять участие.

Вслед за новой песнью хора дается полная комизма сцена, показывающая последствия проведенного Праксагорой закона об одинаковом праве молодых и старых женщин на пользование радостями любви. В открытом окне одного из двух соседних домов видна старая, принарядившаяся женщина, а рядом, в окне другого дома, появляется красивая молодая девушка, к которой направляется влюбленный в нее молодой человек; оба они стремятся друг к другу и поют мелодичный дуэт; но в тот момент, когда юноша уже готов войти к красавице в дом, дорогу к ней ему вдруг преграждает старая соседка, надеющаяся, что юноша придет к ней. Раздосадованный юноша сопротивляется ласкам старухи; но, ссылаясь на постановление Народного собрания женщин, старуха не отстает от него, пока не вырастает перед ними другая, имеющая более прав претендентка в лице еще более старой женщины, которой согласно закону должно быть оказано предпочтение. Обе старухи хватаются за юношу и тащат его каждая в свою сторону. Но в это время подходит к ним еще более уродливая и уже совсем дряхлая, но не менее пылкая третья старуха, которая, как самая старшая, имеет предпочтительное право на ласки юноши. Старухи уводят молодого человека с собой за сцену. После этого хор опять исполняет песню.

Заканчивается пьеса веселой сценой: вбегает служанка Праксагоры, разыскивающая мужа своей госпожи; оказывается, что он один из всех тридцати тысяч граждан еще не участвовал в этом грандиоз-

ном общественном даровом обеде, и Праксагора велела служанке привести его. Хор с пением и пляской сопровождает его.

При этом корифей хора обращается от имени поэта к театральным судьям с такими словами: «Я хочу обратиться с маленьким увещанием к судьям: умные [т. е. знатоки искусства] пусть присудят мне победу, помня мои умные слова; а те, которые любят посмеяться, пусть присудят мне победу за смешное»⁴. Под «любителями смеха» разумеются судьи попроще, в противоположность образованным. Это увещание заменяет собою парабазу, которой в этой комедии нет.

Комедия «Экклесиаζусы» делится на две главные части, как это обычно у Аристофана: в первой излагается и дебатруется тезис, во второй изображаются практические последствия этого тезиса. Первая часть также делится на два отдела, и, таким образом, вся комедия имеет три части.

Основная мысль первого отдела первой части – та, что афинское государство находится в крайне дурном положении из-за того, что во главе правления стоят люди никуда не годные; все средства к улучшению уже использованы; остается одно, еще не испробованное, – передать управление женщинам, которые гораздо пригоднее мужчин для этого дела. Это – сатира на вполне реальные современные обстоятельства, в которой еще нет упоминания о коммунизме⁵.

Во втором отделе первой части излагается коммунистическая программа преобразования государства, содержащаяся в разговоре Праксагоры с Блепиром и заменяющая собою до некоторой степени агон других пьес. Эта программа является совершенно неожиданной и находящейся в противоречии с тем, что Праксагора говорила в Народном собрании, выставляя главным аргументом в пользу передачи управления женщинам их любовь к консерватизму⁶.

Во второй части комедии изображены практические последствия тезиса о необходимости реформы государственного строя. В этой части – две сцены: в первой выведены два гражданина с противоположными убеждениями: один – честный, безусловно подчиняющийся новому закону об обобществлении имущества; другой – старающийся уклониться от исполнения этого закона, но готовый воспользоваться выгодной стороной его – общим обедом⁷. Во второй сцене, наиболее комичной во всей пьесе, представлены последствия закона об обобществлении женщин и мужчин и о регламентации удовлетворения любовными наслаждениями, т. е. иллюстрируется тезис, выраженный в ст. 615–618. Обыкновенно у Аристофана в такой вто-

---

⁴ «Экклесиаζусы», ст. 1155–1156.

⁵ Там же, ст. 1–519.

⁶ «Экклесиаζусы», ст. 520–727.

⁷ См. «Экклесиаζусы», ст. 728–876.

рой части комедии приводятся примеры, показывающие нелепость, или вообще дурные последствия применения на практике осмеиваемого им тезиса. Это же мы видим и в нашей комедии: оказывается, что найдутся противники обобществления имущества, умеющие скрыть его от сдачи в казну; обобществление женщин и мужчин и регламентация половых отношений доведены до смешного абсурда⁸.

При чтении нашей комедии бросается в глаза сходство многих мыслей и даже способа их выражения с мыслями и способом выражения у Платона в кн. V его «Государства», а именно: об обобществлении имущества⁹, женщин¹⁰, детей¹¹, о прекращении всякого рода тяжб¹² и об установлении общих обедов¹³.

Является вопрос, как объяснить такое сходство. По поводу этого возникла целая литература.

Вот краткая история этого вопроса.

Впервые, по-видимому, предположение о сходстве между коммунистическими теориями Аристофана и Платона было высказано французским ученым Бизэ (Bizet), который около середины XVIII столетия в заметке об «Экклесиазусах» сказал: «Аристофан в этой комедии, кажется, порицает и осмеивает философов, врагом которых он был, а особенно книги Платона о государственном устройстве». В дальнейшем, рассуждения по поводу этого вопроса пошли по трем главным направлениям, с некоторыми вариациями у отдельных авторов: 1) одни исследователи полагают, что учение Платона стало известно раньше комедии Аристофана и что Аристофан осмелел это учение; 2) по мнению других, наоборот, комедия Аристофана предшествовала трактату Платона и Платон в нем имеет в виду комедию Аристофана и полемизирует с ней; 3) по мнению третьих, и то и другое произведение возникло самостоятельно, независимо одно от другого.

Решить этот вопрос хотя бы с какою-нибудь степенью достоверности едва ли удастся за неимением твердых оснований, на которые можно было бы опереться. Тут, как часто бывает, мы можем констатировать какой-нибудь факт, но не знаем причины его.

Рассмотрим доводы, приводимые в пользу каждого из этих предположений.

В пользу первого предположения — о зависимости Аристофана от Платона — приводят свидетельство Аристотеля о том, что «никто

⁸ См. там же, ст. 877–1181.

⁹ См. там же, ст. 590–594, 597–610, 673–692.

¹⁰ См. там же, ст. 611–634.

¹¹ См. там же, ст. 635–650.

¹² См. там же, ст. 657–672.

¹³ См. там же, ст. 715–717.

[кроме Платона] не вводил таких новшеств, как общность детей и женщин или женские сисситии [общественные обеды]]¹⁴. Это же Аристотель повторяет и в другом месте «Политики»: «Фалею принадлежит закон об уравнивании собственности, а Платону – законы об общности женщин, детей и имуществ, о женских сисситиях»¹⁵. Сохраняется в «Тимее», напоминая своим собеседникам содержание «Государства», говорит: «А что было сказано о деторождении? Или это уже по самой новизне своей хорошо помнится? Ведь мы постановили, что все, относящееся к супружеству и деторождению, должно составлять предмет общего пользования для всех [граждан]»¹⁶. Этот довод, конечно, важен, но все-таки недостаточно доказателен: возможно, что Аристотель, да и сам Платон, имели в виду серьезных мыслителей, а с шутовскими сценами в комедии не находили нужным считаться.

Против предположения о том, что Аристофан имел в виду учение Платона, свидетельствует до некоторой степени то, что Аристофан не упоминает Платона в своей комедии и даже не делает намека на него. Этот аргумент нельзя считать важным, потому что Аристофан мог иметь на это свои причины; но все-таки некоторое значение он имеет, потому что, как мы видим, Аристофан в других случаях не стеснялся называть по имени осмеиваемых им персонажей. Однако причину этого упоминания оправдывают тем, что будто бы был закон, запрещавший выводить на сцене лиц под их именами. Действительно, в наших источниках есть упоминания о таких законах; но, если и были подобные ограничения, они мало стесняли комиков, как показывают уже произведения Аристофана. Наконец предполагают, что во время правления Тридцати было издано такое запрещение. Но это предположение высказано лишь по теоретическим соображениям, и в наших источниках нет никакого упоминания о подобном мероприятии Тридцати. Поэтому, прежде чем ссылаться на такой закон, следовало бы доказать, что он был издан, а затем, даже если бы это удалось, следовало бы еще доказать, что он не был отменен в 403 г., когда были отменены все их распоряжения.

Во всяком случае, против существования какого-нибудь закона, ограничивавшего свободу комедии в этом отношении, свидетельствует тот факт, что и в IV веке авторы как Древней, так и Средней комедии до Македонского владычества, не стесняясь, подвергали осмеянию разных лиц по имени. Так, в «Экклесиаусах» упомина-

---

¹⁴ Аристотель. Политика, II = с. 4266 а 34 и сл

¹⁵ Там же, 1274 в 9–11.

¹⁶ Платон. Тимей, 18 С.

ются разные лица: Эпикрат, Формисий, даже Фрасибул и др.¹⁷ В Средней комедии есть нападки на Платона у Анаксандрида, Алексида и Анаксила. Исократ в речи «О мире» говорит: «При демократии нет свободы слова, кроме как здесь [в Народном собрании], людям самым безрассудным и нисколько не заботящимся о вас, а в театре – сочинителям комедий»¹⁸.

Некоторые исследователи думают, что Платон упомянут в «Экклесиаζυσειс», но под именем Аристилла¹⁹. Эта догадка основывается на таких соображениях: первоначальное имя Платона было Аристокл; имя Аристилл есть уменьшительное от Аристокл, как сказано в Etymologicon Magnum и в комментарии Евстафия к Илиаде, со ссылкой в обоих местах на Аристофана. Конъектура эта, хотя и остроумная, не заслуживает, однако, доверия: а) в обоих этих местах не сказано, что под Аристоклом разумеется Платон; б) сказанное Аристофаном об Аристилле в «Экклесиаζυσειс» и «Плутосе», как о каком-то грязном развратнике, едва ли приложимо к Платону; в) в схолии к ст. 647 «Экклесиаζυσειс» не упомянуто о возможности отождествления упоминаемого тут Аристилла с Платоном; г) имя Аристилл существовало как неуменьшительное и встречается несколько раз на надписях.

Более важен аргумент против первого предположения – хронологический. По общепринятому мнению, «Государство» написано Платоном в течение 384–377 гг., а «Экклесиаζυσειс» поставлены на сцену в 393 или 392 г., и, таким образом, не могли быть сатирой на сочинение Платона. Но эти хронологические даты установлены далеко не твердо и допускают возможность изменять их разными способами.

На этой возможности основано второе предположение – о том, что комедия Аристофана предшествовала изданию трактата Платона и что Платон имеет в виду в нем комедию Аристофана и полемизирует с ней. Но в таком случае возникает вопрос: откуда Аристофан взял материал для своей сатиры? Чью теорию он осмеивает? Ведь нельзя предположить, что он сам ее выдумал и сам же осмеивал свою выдумку, никому другому неизвестную. И неужели Платон основал свою теорию на шутке Аристофана? Ввиду этого сторонникам второго предположения приходится прибегать к разным гипотезам относительно процесса создания «Государства». Эти гипотезы с разными вариациями сводятся к тому, что учение Платона было так или иначе известно афинской публике задолго до издания его в том

¹⁷ См. «Экклесиаζυσειс», ст. 71, 96, 97, 168, 174, 203, 248, 254, 356, 366, 398, 408, 647, 931; «Плутос», ст. 84, 174, 176, 177, 179, 303, 314, 665, 716, 747.

¹⁸ Исократ. Речь «О мире» (VIII), 161.

¹⁹ См. «Экклесиаζυσειс», ст. 647; «Плутос», ст. 314.

виде, в каком оно дошло до нас. Так, например, это учение могло быть известно из устного изложения его Платоном; или могло быть составлено письменно в каком-нибудь виде, о котором до нас не сохранилось никаких сведений; или, может быть, она издавалось по частям, и части, касающиеся «коммунистических» учений, были изданы раньше 393 г. И вот, по мнению сторонников второго предположения, учение Платона об общности имущества, женщин, детей, общественных обедах каким-нибудь образом было известно афинской публике и Аристофану, и он выбрал его сюжетом для своей комедии. Платон, составляя «Государство» в окончательной редакции, дошедшей до нас, принял во внимание комедию Аристофана, как это можно заключить (до некоторой степени) из того, что Платон упоминает с порицанием о каких-то насмешниках над этой теорией²⁰, а также из того, что в некоторых местах, касающихся этой темы, способ выражения Аристофана и Платона довольно сходен²¹.

Как видно из этого, второе предположение всецело основана на гипотезах о таких фактах, о которых в наших источниках нет ни малейшего упоминания, – гипотезах, вышедших исключительно из голов его сторонников. Даже единственный фактический довод в пользу его – о насмешниках и о сходстве мыслей и способа выражения – недостаточно силен: под насмешниками нет необходимости непременно Аристофана и его «Экклесиазусы»; сходство мыслей и способа выражения можно объяснить влиянием на обоих какого-нибудь общего источника, например трактата.

В конце концов, второе предположение сводится к тому же, что и первое, – что «Экклесиазусы» есть сатира на теорию Платона; разница лишь в том, что при первом предположении имеется в виду трактат Платона в окончательной форме, а при втором – какой-то предварительный набросок.

Третье предположение, как уже сказано, состоит в том, что Аристофан не знал учения Платона, но осмеивал ходившие в то время среди афинской публики теории коммунистического характера, и что эти же теории послужили и Платону основой для его трактата.

Но и это третье предположение есть тоже гипотеза: мы ничего не знаем о существовании или распространении таких радикальных теорий среди публики во времена Аристофана.

Стремление к более равномерному распределению богатства, зависть бедных по отношению к богатым, борьбу между бедными и богатыми мы видим в следующих фактах. Во-первых, в большом

²⁰ См. Платон. Государство, 450 E, 452 BC, 452 D, 457 B.

²¹ См. «Экклесиазусы», ст. 614 и Государство, 457 C; «Экклесиазусы», ст. 635–637 и Государство, 461 C, 463 C; «Экклесиазусы», ст. 657–672 и Государство, 464 D; «Экклесиазусы», ст. 641–643 и Государство, 465 A.

ходу была конфискация имущества у богатых; обвинения, за которыми следовали конфискации, иногда прикрывались каким-нибудь предлогом; иногда даже не прикрывались, а на богатство гражданина прямо указывалось как на вину (см. выше, в статье «Осы»). Во-вторых, те из богатых, которых щадила демократия, должны были покупать себе безопасность ценою огромных жертв. Так называемые литургии, т. е. возложенная народом на богатых обязанность нести большие расходы на общественные нужды, добровольные дары, взносы шли во все возрастающей прогрессии. В-третьих, наконец, постепенно развивалась система получения бедными средств от государства под видом жалованья, вспомоществования; да, кроме того, были деньги на зрелища, для получения которых не требовалось никакого предлога.

Но все-таки это не было требованием обобществления имущества, какое хочет ввести Праксагора.

Очень ясно говорит В. П. Волгин о социалистическом движении в Афинах V–IV вв.: «Афины ни в период наибольшего расширения своей державы, ни в период ее относительного упадка и полного распада (в IV веке) не знали социального движения, направленного против основ существующего порядка или хотя бы против существующего распределения собственности... Путем целого ряда выдач (за участие в суде, за участие в народном собрании, театральных), путем широкой организации общественных работ – пролетарские и полупролетарские элементы Афин были как бы привлечены к участию в дележе добычи, получающейся с подвластных Афинам общин... Эти доходы давали, таким образом, возможность верхнему капиталистическому слою гражданства подкупать низший, пролетарский и полупролетарский слой, откупаться от его социальных требований»²². «Ни одно из социальных движений древней Греции не поднялось от идеи уравнивания имущества к идее обобществления, ни одно из них не вышло в своих стремлениях к уравниванию из круга данной общины или участников данного переворота – круга более или менее узкого, но всегда ограниченного. Ни одно из них не затронуло участи представителей несвободного труда – рабов»²³. Судя по этому, едва ли можно предполагать существование среди афинской публики толков коммунистического характера об имуществе.

Не слышно ничего и о том, чтобы среди тогдашней публики ходили толки об общности женщин и детей. Есть какой-то намек на это у Еврипида в фрагменте (не дошедшей до нас) трагедии «Протесилай», где какое-то лицо говорит: «Женское ложе должно

²² В. П. Волгин. Очерки по истории социализма, 4 изд. М.–Л., 1935, с. 15.

²³ Там же, с. 20.

бы быть общим»²⁴. Но такой намек у «сценического философа» не служит доказательством распространенности этой мысли среди народной массы.

В политической литературе того времени также, по-видимому, до Платона не было трактата с ярко выраженной коммунистической доктриной. По крайней мере Аристотель в «Политике» указывает только на сочинения Гипподама и Фалея в этом духе; но и они не доказывают распространенности коммунистических теорий среди афинской публики V века, да и по содержанию своему мало подходили к учению Платона или к шутке Аристофана.

«Гипподам из Милета, – говорит Аристотель, – первый из частных людей попробовал сказать кое-что о наилучшем государственном устройстве. По проекту Гипподама, государство заключает в себе 10 000 граждан и делится на три класса: первый образуют ремесленники, второй – земледельцы, третий – воины. Территория государства делится на 3 части: священную, общественную и частную. Священная часть территории – та, с доходов которой должен быть отправляем установленный религиозный культ; общественная часть – та, с доходов которой должны получать средства к существованию защитники государства; третья часть находится в частном владении земледельцев»²⁵. Учение Гипподама, однако, нельзя назвать социалистическим: правда, у высших классов населения, по его идее, есть своего рода коммунизм; но он преследует тут единственную цель – организовать земельный фонд для уплаты за службу жрецам и воинам. Таким образом, Гипподама надо причислить лишь к кажущимся проповедникам социализма, а не к действительным.

Но в греческой политической литературе до Платона мы находим следы и социализма, разумеется утопического, или учений приближающихся к нему. Об одном таком писателе упоминает Аристотель: это – Фалей из Халкедона, сочинение которого должно было быть немного старше Платонова. Фалей видел причину всех государственных смут в неравенстве и считал возможным уничтожить эту причину. Во всех новых государствах, думал он, этого результата легко достигнуть. Для этого достаточно, при основании колонии поделить всю землю поровну между колонистами. В государствах старых, где неравенство материальных благ уже укоренилось, решение этой задачи представляется более трудным. Фалей, однако, думал, что и тут можно принять кое-какие косвенные меры, способные ограничить материальное неравенство: для этой цели он предлагал предписать, чтобы богатые давали приданое, но не брали, а бедные, напротив, чтобы брали приданое, но не давали. Аристотель, указав

²⁴ Tragicorum Graecorum fragmenta it. ed A. Nauck. 1889, фрагм. 653.

²⁵ Аристотель. Политика, II, 5, 2 = 1267 b. 30–37.

существенные черты учения Фалея, подвергает его критике. Особенно он ставит ему в упрек наивное мнение, что будто при равенстве материальных благ воцарится мир среди людей: разве мало других причин для раздоров, кроме страсти к материальным благам, например, из-за почестей? Аристотель удивляется также, что Фалей думал установить равенство одним дележом земли, тогда как, кроме земли, есть много других предметов владения. Новые ученые указывают еще на аристократические тенденции Фалея: он предлагал сделать всех ремесленников (*δημόσιοι*) государственными крепостными или чем-то подобным²⁶. Таким образом, учение Фалея не имеет в виду обобществления имущества, а лишь уравнивание имущества. Ничего не говорится в нем также об общности женщин и детей.

Вообще, по словам Аристотеля, имеются и другие проекты государственных устройств, предложенные, с одной стороны, частными лицами, с другой стороны, философами и политическими деятелями. Все эти проекты стоят ближе, чем проекты, изложенные в «Государстве» и «Законах», к существующим формам государственного строя, которые и лежат в основе современных государств. Ни один из авторов указанных проектов не вводил таких новшеств, как общность детей и женщин, или женские сисситии; все эти проекты скорее исходят из потребностей, предъявляемых жизнью. Некоторым из авторов этих проектов наиболее существенным представляется правильное урегулирование всего, относящегося к собственности, так как по их словам, все производят внутренние беспорядки именно из-за вопросов, касающихся собственности²⁷.

Как видно из того, что сказано выше, раньше Платонова «Государства» не было ни одного проекта государственного устройства, в котором предлагалось бы коренное изменение социального и государственного строя с обобществлением имущества, женщин и детей с общими трапезами. Правда, некоторые ученые нового времени высказывают мнение, что эти идеи существовали уже в V веке, но никаких свидетельств из древних источников не приводят в доказательство этого, – кроме единственного фрагмента из «Протесилая», приведенного выше. Из политических и социальных идей этого рода Аристофан будто бы и заимствовал материал для своей комедии. Однако, несмотря на авторитет этих ученых, авторитет Аристотеля выше. Если не было сочинений на эту тему, а идеи эти были в разговорах каких-либо философских кружков или даже в умах отдельных лиц, например, Еврипида, то они не могли быть широко распространенными, а потому и не могли служить сюжетом осмеяния на теат-

---

²⁶ Аристотель. Политика, II, 4, 2 и сл. = 1266 а 39 и сл.

²⁷ Аристотель. Политика, II, 4, 1 и сл. = 1266 а 31–39.

ральной сцене перед большой публикой, не имеющей о них никакого понятия.

Между тем, тождество темы и сходство идей и способа выражения в «Экклесиазусах» Аристофана и в «Государстве» Платона бросается в глаза и всего естественнее объясняется тем, что Аристофан каким бы то ни было образом знал содержание V книги «Государства» – в окончательной ли редакции ее, или в первоначальном наброске.

Но это не дает нам право думать, что «Экклесиазусы» есть сатира на «Государство»: сатира осмеивает в сочинении то, что в нем говорится, а в «Экклесиазусах» осмеивается то, чего нет в «Государстве»; общим является только тема, но осмеивается совершенно не то, что на эту тему говорится в «Государстве».

Разница между «Государством» и «Экклесмазусами» обнаружится при детальном рассмотрении основных мыслей того и другого сочинения.

1. Хотя Сократ у Платона признает равенство природы мужчин и женщин и потому признает право женщин на власть наравне с мужчинами²⁸, но все-таки находит, что есть различие между их природой, что женщина – существо более слабое, чем мужчина²⁹; вследствие этого он полагает, что женщинам надо давать занятия более легкие³⁰. У Аристофана, напротив, женщинам предоставляется вся власть в государстве.

2. У Платона население государства делится на классы: правителей, стражей-воинов и остальных граждан – (ремесленников, земледельцев). У Аристофана никаких классов нет; правят, правда, женщины, но никакого особенного образа жизни не ведут, и к тому же об этом «женоправии» упоминается лишь в первой части комедии, а после это остается как бы забытым; речь идет все об общности женщин³¹.

3. У Платона обобществление имущества узаконено только для высшего класса – стражей, а не для общей массы граждан и даже, по-видимому, не для правителей. «Никто из них не должен владеть никаким имуществом, как частной собственностью, кроме самого необходимого; затем у них не должно быть ни жилища, ни кладовой такой, куда бы не мог войти всякий, кому угодно. А продукты, сколько их требуется для воинов рассудительных и мужественных, надо им в награду за охранение получать от прочих граждан; для этого надо определить такое количество всего, какое было бы и не велико на год и не мало. Они должны ходить в общие столовые и

²⁸ См. Платон. Государство, 460 В.

²⁹ См. там же, 455 Е.

³⁰ См. Платон. Государство, 457 АВ.

³¹ См. «Экклесиазусы», ст. 430, 555.

жить вместе, как будто бы они находились в лагере. Им одним из всех граждан не подобает иметь дело с золотом и серебром и касаться его, даже входить под ту же кровлю [где находится золото и серебро], носить на себе [золотые и серебряные вещи] и пить из серебря или золота»³². Платон указывает далее и основания такой регламентации. «А когда, – говорит он дальше, – приобретут они землю в собственность, дома и деньги, тогда вместо стражей будут хозяевами и земледельцами, вместо защитников прочих граждан станут неприязненными господами, всю жизнь будут проводить ненавидя и ненавидимые, замышляя зло против других и сами подвергаясь злоумышлениям, гораздо больше боясь внутренних врагов, чем внешних, ставя на край гибели и себя и все государство»³³.

Как видно, такой образ жизни не есть привилегия высших классов, а напротив, как и отречение от семейной жизни, – бремя, налагаемое на них для защиты третьего класса от их корыстолюбия. Недаром Адимант, возражая Сократу, говорит: «Этих людей делаешь ты не слишком счастливыми, – и притом по собственной их воле, потому что на самом деле они имеют государство в своей власти, но не пользуются никакими благами от государства, как другие, которые владеют землей, строят себе красивые, большие дома, приобретают соответствующую для них обстановку, приносят богам жертвы свои собственные [т. е. не вместе с другими], принимают гостей, да еще владеют золотом и серебром и всем, что признается необходимым для счастья. Но представляется так, что они просто как бы наемные солдаты, которые сидят в городе, занимаясь только караулом». – «Да, – отвечает Сократ, – и притом они караулят лишь из-за хлеба и сверх хлеба не получают даже жалованья, как другие, так что нельзя будет им ни предпринять путешествия для себя, если им захочется, ни давать подарков любимым женщинам, ни вообще тратить деньги, на что захотят, как тратят люди, считающиеся счастливыми»³⁴. Сократ оправдывает это тем, что, устраивая такое государство, он имеет в виду сделать счастливым не один класс народа, а упрочить благосостояние целого государства. Таким образом, он и сам признает такое лишение частной собственности жертвой со стороны отдельных классов населения в пользу целого государства. Напротив, у Аристофана обобществление имущества касается всех граждан, но оно вместе с тем дает им и все жизненные блага.

4. У Платона под обобществлением женщин разумеется совершенно другое, чем у Аристофана. Брак среди стражей не есть дело личного влечения и произвола; он регулируется правителями для

---

³² Платон. Государство, 416 D – 417 A.

³³ Там же, 417 AB.

³⁴ Платон. Государство, 419 A.

пользы всей группы стражей. «Все женщины, – говорит Сократ, – должны быть общими для всех мужчин; ни один не должен жить в частном порядке ни с одною»³⁵. Это однако не означает беспорядочного полового сношения. Правители должны определять количество брачных сношений в зависимости от потребности государства и прироста населения. Они должны иметь в виду также и качество приплода; они должны организовать дело брачных сношений так, чтобы лучшие соединялись с лучшими, а худшие с худшими, даже прибегая при этом к некоторым обманам при жеребьевке. Брачные сношения должны допускаться для женщины только от 20 до 40 лет, для мужчины – от достижения половой зрелости до 50 лет. Соединения, не узаконенные правителями, будут считаться позором и грехом. Лишь по достижении предельного возраста, когда ни от мужчины, ни от женщины нельзя уже ждать хорошего плода, они получают свободу соединений. Однако дети, если они произойдут от таких соединений, подлежат уничтожению.

Общность женщин необходима в идеальном государстве потому, что, имея свою жену, своих детей, человек неизбежно начинает отделять свои интересы от интересов общественных. У него свои скорби и свои удовольствия. При отсутствии индивидуальной семьи все стражи будут смотреть друг на друг как на родных, потому что не будут знать, кто из них чей родитель, кто чье дитя.

5. В правители должны избираться те из стражей, в которых разумное начало преобладает. За стражами надо наблюдать с самого раннего возраста, обращая внимание на таких, которые ни в каких случаях жизни не поддаются обольщениям, но всегда стремятся делать то, что полезно для государства³⁶. «И кто, быв испытываем всегда, – в детстве, в юности и в мужском возрасте, – оказался безукоризненным, того надо поставлять начальником и стражем государства»³⁷.

6. Граждане, не принадлежащие к стражам, ведут хозяйство индивидуально. Они дают, очевидно, известную долю продуктов стражам, а остальное либо потребляют сами, либо вывозят на рынок. Посредниками в обмене являются купцы. Хозяйство носит денежный характер. Допускается наемный и рабочий труд. Трудящиеся не имеют никаких политических прав и потому напрасно именуются гражданами.

В существенных чертах система государства есть идеализированная наследственная аристократия.

Полную противоположность этой системе представляет Аристово государство. Никаких классов нет: все граждане и гражданки равны. Имущество у всех граждан – общее. У Платона сисситии –

---

³⁵ Там же, 457 С.

³⁶ См. Платон. Государство, 412 DE – 413 DE.

³⁷ Там же, 413 E.

скудная трапеза аристократов – стражей и в количественном и в качественном отношении; у Аристофана это – роскошный отель кутил, обслуживаемый рабами, в котором всякий может даром пировать и кушать отборные яства, сколько хочет. У Платона стражи лишь с дозволения начальства могут пользоваться изредка брачными удовольствиями; у Аристофана – всякому гражданину и всякой гражданке полная свобода в этом отношении. У Платона весь строй государственный направлен ко благу целого; у Аристофана весь строй направлен к наслаждению индивидуума: ни один гражданин не работает; ничего для государства, все от государства.

Образчик таких желаний Аристофан приводит в ст. 408–426 своей комедии, где некий Евеон голый предложил в Народном собрании «популярный проект, при помощи которого можно спасти государство и граждан»: валяльщики должны с наступлением зимы предоставлять теплые плащи всем неимущим; у кого нет постели и одеяла, те пусть идут ночевать к кожевникам. Блепир к этому прибавил, что никто не возражал бы, если бы мучные торговцы давали неимущим на обед по три мерки муки.

Если бы Аристофан писал сатиру на «Государство» Платона, он осмеивал бы образ жизни этих аристократов-аскетов, а он осмеивает жизнь развратных кутил, т. е. совершенно противоположный образ жизни, и показывает, к чему приведет в конце концов такой государственный строй, представляющийся идеалом lumpenпролетариям, при котором можно жить роскошно даром, не работая.

Таким образом, темой для сатиры Аристофана не могло быть «Государство» Платона, как думали некоторые исследователи. Но какая-то связь «Экклесиазус» с «Государством» все-таки есть, как уже сказано. Можно предполагать, что основная идея комедии, так сказать, навеяна учением Платона, но оно из высокого учения обращено в низменное, так что «Экклесиазусы» есть как бы травестия «Государства», подобно тому как «Прекрасная Елена» Оффенбаха не есть сатира на поэмы Гомера, но навеяна ими в виде травестии.

Но, кроме «Государства», Аристофану могли доставить материал и другие источники. Об одном из них есть упоминание в самой комедии. В приведенном выше «популярном» проекте реформы государственного строя Евеон и Блепир желают, чтобы бедняки бесплатно пользовались имуществом людей состоятельных³⁸. Как видно из этого, в Афинах уже не довольствовались равенством политическим, но стремились и к уравниванию имущественному. Возможно, что речи на эту тему действительно раздавались в Афинах и послужили источником Аристофану.

---

³⁸ См. «Экклесиазусь», ст. 408–426.

Еще один источник мог дать материал Аристофану: описания блаженного состояния первобытных людей, не раз приводившиеся в пьесах Древней аттической комедии и, вероятно, заимствованные из фолклора³⁹.

Однако в них речь идет почти исключительно о еде и очень мало об эротических наслаждениях⁴⁰. Если верно это мое предположение, то им объясняется, может быть, и то, что Платон не упомянул в «Экклесиаусах», и то, что, по словам хора, обращенным к Праксагоре, «предпринятые ею дела раньше еще не были ни сделаны, ни высказаны»⁴¹; это подтверждает и сама Праксагора в своем ответе⁴².

Итак, надо думать, что Аристофан в «Экклесиаусах» осмеивает чаяния каких-то элементов населения об обобществлении имущества и женщин и о полном равенстве и неограниченной свободе всех во всех отношениях. Но оказывается по его изображению, что даже полной демократии в этом свободном государстве не будет: вся тяжесть работы падает на рабов (еще большая, чем прежде, потому что им придется теперь исполнять и ту работу, которую прежде испол-

---

³⁹ До нас они дошли в сочинении Афиней (VI, 94–98 = с. 268E–270A), где они сгруппированы, по-видимому, с исчерпывающей полнотой. Он цитирует отрывки из комедий Кратета (CAF, I, 133). Телеклида (CAF, I, 209). Ферекрата (CAF, I, 174, и I, 182), Аристофана (CAF, 523), Метагена (CAF, I, 706), Никофонта (CAF, I, 777). Замечательно, что места такого жанра все взяты Афинеем из Древней аттической комедии. Афиней, как видно, выбрал их тщательно, но, стало быть, в Новой комедии не нашел уже этого жанра. Надо полагать, что для более утонченных вкусов менандровской публики этот жанр юмора был уже не интересен.

⁴⁰ Вот образчик такого описания блаженной страны мертвых. Ферекрат в «Рудокопах» говорит следующее (CAF, I, 174): «Все там было битком набито богатством, устроено во всех отношениях с полным изобилием. Реки, полные кашицы и черного соуса, текли журча по переулкам с ложками [выдолбленными корками хлеба], и куски пирогов [плыли в этих реках], так что легко, сам собою, шел в горло мертвым кусок, уже пропитанный жирным соусом. А сосиски и кипящие куски колбас шипели и были раскиданы у рек вместо ракушек. Были и куски рыбы жареной, красивые с всевозможными подливками, и угри, покрытые свеклой. Подле лежали на блюдах цельные окорока, самые нежные, дважды проваренные оконечности [студень?], издававшие очень приятный запах, кишки говяжьих; рядом лежали пороссячи бока, поджарившиеся, очень аппетитные, сидевшие на [пшеничных] лепешках [гренок?]. Была также [манная?] крупа, залитая молоком, точно снегом, в мисках величиною с шайку, и куски творогу из новотельного молока... Жареные дрозды, опущенные в кипяток, летали вокруг рта, умоляя их съесть, рассеянные среди миртов и анемонов. А яблоки, на вид красивые из красивых, висели над головой, ни на чем не держась. А девушки в тончайших [дорогих] одеждах, совсем молоденькие, с выстриженными «розами», наливали черпачком полные бокалы вина, черного, ароматного, всем желавшим пить. И всякий раз, как кто съедал или выпивал что-нибудь из этого, тотчас опять становилось этого вдвое больше, чем было сначала».

⁴¹ «Экклесиаузы», ст. 579.

⁴² См. там же, ст. 584–585.

няли бедные граждане); гетерам и рабыням не дозволяется конкурировать с гражданками в любовных наслаждениях⁴³. Рабы, впрочем, в древности вообще не считались полноправными людьми; это были живые орудия, так что существование рабства не препятствовало государству считаться демократическим и свободным. Однако и граждане и гражданки фактически не могут пользоваться полной свободой: женщины должны ткать на все государство⁴⁴ (повидимому, тут разумеются все женщины, а не только рабыни). Но даже и в наслаждениях любовью (что представляет особенно привлекательную приманку в проектируемом государстве) ни мужчинам, ни женщинам не будет полной свободы. Природа распределила физическую силу и красоту слишком неравномерно, так что нельзя надеяться, что и в этой сфере отдельные лица при свободной любви согласятся фактически руководствоваться принципом равенства: «все мужчины устремятся к самой красивой женщине и пожелают обладать ею», как опасается Блепир⁴⁵, и все женщины тоже будут жаждать объятий молодого и самого красивого мужчины и будут пренебрегать стариками и безобразными, как соглашается и Праксагора⁴⁶. Поэтому для осуществления идеи равенства приходится ограничить свободу. Устанавливается такой порядок, при котором к любовным наслаждениям допускаются и мужчины и женщины по очереди, причем старость и безобразие имеют преимущество перед молодостью и красотой. Этот камень преткновения грозит опасностью всем прелестям будущего государства. Да и будет ли приятно всем, особенно женщинам, полное отсутствие семьи и детей?

Построение «Экклесиаус»

Построение «Экклесиаус» во многом отступает от построения прежних пьес Аристофана. В этой комедии почти вовсе нет личных политических нападок и значительно сокращена роль хора. Нет в ней и парабазы. Текст хоровых партий написан только для парода и эксода; остальные же выступления хора: одно после сцены агона (после ст. 729), другое – после разговора между честным и бесчестным гражданином (после ст. 876) и третье – за сценой преследования старухами молодого человека (после ст. 1111), оставлены Аристофаном без текста: в этих трех местах в рукописях сделана только пометка *χοροῦ* «[песня или действие] хора». Здесь совершенно не связанный с ходом пьесы хор комедии, исполнявший безразличный

⁴³ См. там же, ст. 718–724.

⁴⁴ См. там же, ст. 654.

⁴⁵ См. «Экклесиаусы», ст. 616.

⁴⁶ См. там же, ст. 619–625.

со стороны содержания какой-нибудь музыкальный номер или даже, может быть, пляску, уже приближался по своей сценической функции к тем музыкальным интермедиям, какие были потом в практике Новой комедии, а в трагедии, вероятно, имеют близкую аналогию в упоминаемых Аристотелем «эмболимах» Агафона⁴⁷. Эти особенности приближают «Экклесиаζусы» (как и «Плутос») уже к типу Средней и Новой комедии.

Однако обычный свой способ построения комедии Аристофан и здесь соблюдает (что показывает принадлежность «Экклесиаζус» к Древней комедии): здесь также мы видим две части (считая с 590 стиха): в первой части изложен тезис, – утопическая теория; во второй части изображены последствия этой теории. Но обыкновенно во второй части пьесы изображается катастрофическое крушение торжествующего в первой части тезиса, например во «Всадниках» падение Клеона, в «Облаках» кара Сократа; а в «Экклесиаζусах», как, например в «Осах» и «Птицах», тезис первой части торжествует во второй части: теория нового государственного строя победоносно устанавливается в Афинах. Вероятно, и здесь, как в «Осах», Аристофан становится на точку зрения простого афинянина, считающего счастьем человека удовольствия очень низменного свойства: вкусную еду, питье до пьянства, эротические наслаждения (см. выше, статью «Осы»).

---

⁴⁷ См. Аристотель. Поэтика, гл. 18.

ТРИ «ЖЕНСКИЕ» КОМЕДИИ АРИСТОФАНА

Некотрые ученые XX века обратили внимание на то, что Аристофан лишь во второй половине своей литературной деятельности стал писать «женские» комедии, т. е. такие, в которых главная роль принадлежит женщинам, каковы «Лисистрата», «Фесмофориазусы», «Экклесиазусы». Причину этого они видят в том, что после 421 г. в Афинах возникло движение в сторону эмансипации женщин. Однако приводимые ими доказательства в пользу этой гипотезы кажутся мне недостаточно убедительными, и я хочу подвергнуть этот вопрос пересмотру.┐

Представителями мнения о существовании движения в пользу эмансипации женщин в Афинах в конце V и в начале IV века до н. э., насколько мне известно, являются следующие ученые в своих сочинениях: 1) Ivo Bruns в статье «Frauenemanzipation in Athen» 1900 г., перепечатанной в его книге «Vortraege und Aufsaeetze», Muenchen, 1905, с. 154–193 (на страницы этой книги я и буду ссылаться). 2) Проф. Б. В. Варнеке в речи «Женский вопрос на афинской сцене», Казань, 1905. 3) Проф. В. Бузескул в публичной лекции 1905 г. «Женский вопрос в древней Греции», перепечатанной в его книге «Исторические этюды», СПб., 1911, с. 38–70, и (в несколько сокращенном виде) в книге «Античность и современность», СПб., 1913, с. 77–101 (я буду делать ссылки на «Исторические этюды»).

┐ Проф. Бузескул характеризует женское движение в Греции такими чертами: «Оно выразилось, во-первых, в отрешении от обычной морали, в провозглашении права свободной любви; крайним выражением этого явился гетеризм; во-вторых, оно выразилось – по крайней мере отчасти – в стремлении к общественной и политической деятельности; в-третьих, – в стремлении к высшему умственному развитию и образованию; наконец, в перемене положения женщины в доме, в семье, – как жены и матери. В двух последних отношениях уже древность решила вопрос в благоприятном для женщины смысле: уже тогда, в особенности в эллинистическую эпоху, жена становится подругой и сотрудницей мужа; жена получает доступ к высшему образованию, к занятиям наукой, к преподаванию

даже, так сказать, с профессорской кафедры. На этом поприще к концу древнего мира она достигает почти полного равноправия»¹.

Если к эмансипации относить стремление жен освободиться от власти мужей в семейной жизни, то на это мы находим много указаний в литературе. Жены, непокорные мужьям и даже державшие их под башмаком, действительно были и во времена Аристофана. «Беспощадные взмахи сатирического бича Аристофана, — говорит Варнеке, — должны были упасть на тех женщин, которым, очевидно, к тому времени стало уже невозможно только отмалчиваться от постоянных презрительных выходок со стороны мужчин и которые, наконец, решили поднять свой голос и стали доказывать права женщин на лучшее положение как внутри семьи, так и в самом государстве»². Действительно, по поводу слов Лисистраты, что она, слыша приказ мужа «молчать», молчала, одна из ее подруг замечает: «А я бы никогда не молчала»³. В «Экклесиазусах» Праксагора, перечисляя достоинства женщин в отношении консерватизма, приводит и то, что они «мужей изводят, как и прежде»⁴. Историческим примером жены, не уважавшей мужа, служит знаменитая Ксантиппа, обливавшая мужа, и т. п. В «Экклесиазусах» речь идет не столько об освобождении женщин от власти мужей, сколько вообще об уничтожении семьи, причем мужчинам также предоставляется освобождение от жен. Это можно назвать «отрешением от обычной морали», но едва ли можно назвать «провозглашением права свободной любви».

¹ В. Бузескул. Исторические этюды, с. 69–70. Автор говорит здесь почти исключительно об эпохе послеористофановской, которая не входит в тему моей статьи, и я не исследую ее. Но все-таки могу выразить сомнение по крайней мере по поводу утверждения автора о том, что «[тогда, в особенности] в эллинистическую эпоху, жена становится подругой и сотрудницей мужа». В отрывках Средней и Новой комедии эллинистической эпохи — Антифана, Алексиды, Менандра и др. — цитируется много мест, в которых высказываются крайне отрицательные взгляды на брак и на женщин вообще. Вот несколько таких суждений.

«У кого сильно болят глаза, тот терпит очень много зла, но имеет одно только счастье, что в это время не видит жены» (Антифан, фрагм. 252 = САФ, II, p. 119).

«Какой человек в здравом рассудке, разумный, решаете жениться?»... «Когда женишься, то нельзя быть хозяином даже самого себя» (Алексид, фрагм. 262 = САФ, II, p. 393).

«Чтоб провалиться тому, кто первый женился, а за ним второй, потом третий, потом четвертый и следующие» (Менандр, фрагм. 154 = САФ, III, p. 45).

А. «Он женился». Б. «Да что ты! В самом деле женился? Ведь я оставил его живым гуляющим!» (Антифан, фрагм. 221 = САФ, II, p. 108).

Кто бы ни были те, которые высказывали такие мысли, во всяком случае не похоже, чтобы они видели в женах «подруг и сотрудниц»! А ведь это — лица эллинистической эпохи.

² Б. Варнеке. Женский вопрос на афинской сцене. Казань, 1905, с. 14.

³ «Лисистрата», ст. 515.

⁴ «Экклесиазусы», ст. 224.

ви» (слова Бузескула); как раз свободы в любви не получается, потому что она стеснена и регулируется законом: как женщина, так и мужчина не имеет права отказаться от навязываемого им законом предмета любви, как бы противен он ни был.

Но я не знаю, можно ли в действительности подвести под понятие эмансипации женщины упомянутые сейчас случаи господства жен над мужьями. Если даже и можно, то во всяком случае это явление нельзя считать чем-то новым, наступившим во времена Аристофана и давшим ему повод писать «женские» комедии. Достаточно привести один пример в доказательство давности этого господства. Еще Фемистокл говорил, что его сын – самый могущественный человек в Элладе: потому что над эллинами властвуют афиняне; над афинянами – он, Фемистокл; над ним – жена, а над женою – их сын⁵.

Таким образом, аргумент Варнеке и Бузескула о неподчинении жен власти мужей как признаке эмансипации женщин или движения в обществе в пользу их эмансипации во времена Аристофана, послуживший Аристофану стимулом писать «женские» комедии, надо отбросить.

Вторым признаком эмансипации, по определению Бузескула, является стремление к уравниванию женщин с мужчинами в праве на доступ к государственным должностям. «Как узнаем мы из комедии, – говорит Брунс, – уже тогда было выставлено требование о том, чтобы женщины были привлекаемы к государственным должностям и к военной службе. Уже в «Лисистрате» женщины намерены распоряжаться государственной казной, потому что они уже как хозяйки привыкли распоряжаться домашними деньгами (ст. 494)... Равным образом, в «Экклесиазусах» они распоряжаются с своей известной экономией всем государственным достоянием, одевают и кормят мужчин и наказывают строптивых уменьшением порций...

По-военному они организованы уже в «Лисистрате» и притом по спартанскому способу разделены на четыре лоха (ст. 452). Мужчины утверждают, что если им сделать еще маленькую уступку, то они, как старинная Артемисия, завяжут с ними морское сражение, а на коне несомненно превзойдут всадников (с. 671)... Также утопическая идея об общности женщин должна была быть уже тогда высказана. В «Экклесиазусах» семья уничтожается и вводится свободная любовь... Очевидно, комик здесь везде осмеивает идеи, которые до него выдумали другие и вполне серьезно защищали. Кто был убежден в высокой даровитости женщины, тот легко мог придти к мысли привлекать их и к государственным должностям. Жреческие функции они уже повсеместно исполняли. Наблюдения над некультурными

---

⁵ Плутарх. Фемистокл, гл. 18, 7.

народами давали возможность думать, что они годятся и для военной службы. А кто доходил до мысли об изменении настоящего порядка вещей, легко мог придти и к мысли об общности женщин, хотя мы и не знаем, как мотивировал ее тот, кто впервые серьезно имел ее в виду»⁶.

Брунс (с. 173), Варнеке (с. 9) и Бузескул (с. 50) приводят также фразу из «Лисистраты» (ст. 648 и сл.), где героиня говорит: «Разве я не должна подать какой-нибудь хороший совет государству? Ведь и я участвую в общих взносах: я делаю взнос мужами [т. е. тем, что рождают будущих воинов]».

Обратимся к третьему признаку эмансипации женщины – к движению в сторону уравнивания женщин с мужчинами в праве на получение образования. В доказательство существования такого движения Брунс, Варнеке и Бузескул ссылаются на некоторые места в трагедиях Еврипида и в «Государстве» Платона. «В особенности интересны в этом отношении, – говорит Бузескул, – для характеристики женского движения в Греции слова хора в «Медее» на тему, которую можно формулировать так: «человек я, и ничто человеческое мне не чуждо». Здесь греческая женщина устами хора заявляет о своем стремлении и способности к умственному развитию, к высшему образованию. «Часто уж я предавалась размышлениям более тонким и обращалась к спорным вопросам более важным, чем подобает исследовать женскому полу. Но ведь и у нас есть муза [т. е. научное образование], которая общается с нами ради мудрости, – не со всеми, правда; но малое число женщин, – может быть, одну среди многих, – найдешь не чуждающуюся муз» (ст. 1081–1089).

Эти же слова хора приводит и Брунс (с. 167) и Варнеке (с. 26), причем Варнеке замечает: «На связь этого хора с утопиями позднейших теоретиков указал W. Wilamowitz»⁷.

Брунс приводит и другие места из «Медии» подобного содержания: «Да, Феб, владыка напевов, не вложил нам (женщинам) в душу дара божественных звуков лиры, а то я спела бы песню в ответ мужчинам» (хор, ст. 424–429).

Брунс ссылается еще на то, что «образованные женщины Еврипидовских Афин могут говорить о влиянии климата на новейшую аттическую культуру»⁸: по-видимому, он имеет в виду слова хора в ст. 824 – 838 «Медии».

Брунс (с. 174) и Бузескул (с. 48) приводят отрывок из не дошедшей до нас трагедии Еврипида «Мудрой Меланиппы», где героиня говорит: «Я – женщина, но ум есть у меня; у меня и свой разум не

⁶ Bruns. *Vortraege*, с. 181–182.

⁷ См. «Hermes», XXXV B, 1900, p. 551.

⁸ Bruns. *Указ. соч.*, с. 168.

дурен, да я слыхала много рассуждений от отца и от старших, и образована неплохо»⁹. Этот отрывок произносит Лисистрата у Аристофана, применяя к себе сказанное в нем (ст. 1124 – 1127).

Брунс указывает и на то, что Лисистрата знает историю: она вспоминает, что сделали когда-то афиняне для спартанцев и спартанцы для афинян; указывает на общие панэллинские интересы, которыми они и впрямь должны сообща служить¹⁰.

«Мы узнаем, – продолжает Брунс, – что это женское движение быстро нарастало в последнюю треть столетия, и тем лучше понимаем страстное выступление враждебной эмансипации партии»¹¹.

Затем Брунс и Бузескул ссылаются на известное уже нам учение Платона о женщинах в V книге «Государства». «Такие, можно сказать, крайние воззрения проводил Платон в «Государстве», – говорит Бузескул. – Должны ли мы видеть в них лишь воздушные замки, порождение смелой фантазии? Едва ли. По справедливому замечанию Тэна, литературное произведение – не простая игра воображения или изолированный каприз пылкой головы; это – снимок окружающих нравов и признак известного состояния умов... Это применимо и в данном случае к Платону. В «Государстве» он не раз повторяет, что «каждый должен делать свое дело». Такой принцип, как думает Виндельбанд, мог бы привести скорее к проведению различия между мужчиной и женщиной; если же философ поступает наоборот, то не в силу требований последовательности, а под влиянием других причин, именно существования женского вопроса в тогдашних Афинах, проявления женской эмансипации¹². Не учение философов было источником этого движения, а наоборот – философские построения возникли на почве того социального движения, которое началось еще в V веке и которое философы лишь пытались научно обосновать¹³. Какое значение придавали современники идеям Платона, видно из того, что Аристотель счел нужным остановиться на них подробно и подвергнуть их разбору в числе тех учений, которые находили себе одобрение»¹⁴.

⁹ Tragicorum Atticorum fragmenta, ed. Nauck, p. 511, fragm. 483.

¹⁰ Брунс, с. 174; «Лисистрата», ст. 1128–1156.

¹¹ Брунс, с. 177.

¹² См. Виндельбанд. Платон, с. 173.

¹³ См. Брунс, с. 182–183.

¹⁴ Бузескул, с. 54–55. По поводу последней фразы Бузескула надо заметить, что Брунс говорит совершенно противоположное: «Какого-нибудь изменения в социальной жизни Афин, которое можно было бы доказать, это движение не произвело» (с. 188). «Мы не знаем ничего точного о приеме, который нашли теории философов у большой публики» (с. 189). «Платоново "Государство" означает высшую точку в женском движении. С тех пор мы замечаем постепенное понижение крайних требований» (с. 186).

Но, если не философы были инициаторами женского движения, то все-таки от кого-то оно должно было исходить. Брунс и Бузескул полагают, что это движение «первоначально было не литературное, но социальное. Далее, можно было бы предположить, что эти требования выставили сперва не женщины, но мужчины. Но для этого ни Еврипид, ни Аристофан не дают никаких точек опоры. Нигде нет у них прямого указания на выступление мужчин в защиту желаний женщин. Только женщины борются за свое дело... Главным образом женщины взяли в свои руки агитацию. Что они уже тогда нашли поддержку в части мужского общества и, может быть, даже поощрение, это вероятно, но доказать этого нельзя... В каких кругах надо искать этих женщин? Что такое движение исходило от афинских гражданок, это, кажется, должно быть исключено. Поэтому остается думать только о том классе высокообразованных иностранок, которые, хотя и принадлежали к классу гетер, но как раз в то время, как показывают многочисленные и несомненные свидетельства об Аспасии, заняли высокое положение в обществе»¹⁵.

Оба исследователя, в доказательство своего мнения, ссылаются почти исключительно на разностороннее образование Аспасии, так как о других гетерах, по-видимому, нет никаких ясных сведений в этом отношении. «Все, что было выдающегося в тогдашнем афинском обществе, – говорит Бузескул, – так или иначе принадлежало к кружку Перикла. В его доме сходились и философы – Анаксагор, Зенон, Протагор, молодой Сократ, и историки, как, может быть, Геродот, и поэты, например, Софокл, и художники, как Фидий или архитектор-философ Гипподам. Не одни мужчины бывали здесь: некоторые, если верить свидетельству древних, приходили в дом Перикла со своими женами. Душою же этого кружка – или, как бы мы теперь выразились, салона, – была Аспасия: богато одаренная, сиявшая красотой, с глубоким и высокоразвитым умом, обладавшая даром красноречия, она здесь первенствовала во всех отношениях. Тут, при ее деятельном участии и даже, быть может, руководстве, велись разговоры на самые разнообразные, темы, волновавшие умы и касавшиеся политики, философии, брака и семейного счастья, образования и воспитания. Какие иногда дебатировались здесь вопросы, на это некоторым указанием служит обвинение Аспасии в безбожии и нечестии, поднятое Гермиппом»¹⁶.

«Если верить древним, – продолжает Бузескул, – Аспасия вдохнула новую жизнь в просветительную философию того времени; она давала толчок к новым идеям. Ее называли наставницею Сократа и Перикла. Ей приписывали большую долю влияния на философское

---

¹⁵ Брунс, с. 178.

¹⁶ Бузескул, с. 61.

развитие первого. Сократовский метод, как говорили, есть метод Аспасии, и у одного древнего писателя [у Цицерона со слов Эсхина] приводится разговор [правда, мнимый, так как Ксенофонт не мог в то время быть уже женатым] Аспасии с Ксенофонтом и его женою именно по такому методу на тему о браке и образовании жены. В Ксенофоновом диалоге "О хозяйстве" ["Домострое"] Сократ на вопрос своего собеседника, как воспитать хорошую жену, рекомендует ему обратиться к Аспасии, "которая все это гораздо лучше объяснит". В "Менексене", диалоге, принадлежащем или, по крайней мере, приписываемом Платону, Сократ воспроизводит речь, произнесенную будто бы Аспасией. Выслушав, Менексен говорит, что «Аспасию можно назвать очень счастливою, если она, будучи женщиной, в состоянии сочинять такие речи», на что Сократ отвечает: "Если не веришь, то следуй за мною и услышишь, как она говорит". – "Я часто встречался с Аспасией, – замечает Менексен, – и знаю, какова она". По словам Сократа, у него была не плохая учительница в риторике, а такая, которая сделала хорошими ораторами многих других и даже Перикла, – Аспасия; после этого неудивительно быть сильным в слове. Упоминается о "прекрасных речах" Аспасии политического содержания. Аспасии приписывали также большое влияние на Перикла. Говорили, будто она составила ту знаменитую надгробную речь, которую произнес Перикл над павшими воинами, воспользовавшись ее отрывками, и хотя все это говорится в "Менексене" скорее в виде иронии или шутки, тем не менее такие подробности характерны: они показывают, как в древности смотрели на Аспасию, ее красноречие и силу ее влияния. Ее влияние усматривали и в политических событиях того времени, в таких фактах, как война с Самосом или Пелопоннесская война. Недаром комики называли ее Омфалой, Деянирой, Герой Перикла»¹⁷.

По-видимому, исследователи собрали здесь все, по крайней мере важнейшие, аргументы, которые можно привести в доказательство того, что в обществе, современном Аристофану, было движение в пользу эмансипации женщин. Кроме свидетельств авторов, они приводят и свои соображения по этому поводу.

Как мне кажется, все ссылки на древних авторов и соображения самих исследователей неубедительны.

Прежде всего, надо совсем исключить ссылки на Еврипида и Платона. Это были самостоятельные мыслители, и высказывания их или выведенных ими лиц вовсе не дают нам права думать, что эти высказывания принадлежали обществу и были заимствованы у него. Правда, Бузескул цитирует мнение Тэна о том, что литературное

---

¹⁷ Бузескул, с. 62–63.

произведение есть снимок окружающих нравов и признак известного состояния умов. Я не считаю себя компетентным разбирать это мнение во всей его полноте, но думаю, что оно допускает много исключений и что не всякий писатель захочет плестись в хвосте общественного мнения, иной захочет стать во главе его. Так, Еврипид и Платон имели свои мысли, которых не было у современного им общества, и распространяли плоды своих размышлений среди публики именно потому, что у публики не было их. Допускать противное, т. е. думать, что эти мысли уже давно были всем известны, а что Еврипид и Платон только повторяли их, придавая им обоснование, значило бы умалять авторитет этих великих мыслителей. Как уже сказано, Брунс ссылается на хор «Меден» и на другие места из нее. Стремление к образованию, о котором говорят женщины хора «Меден», не доказательно для решения нашего вопроса: наш вопрос касается эмансипации афинянок времен Аристофана, а женщины хора – коринфянки, да еще древнего времени; о каких именно женщинах они говорят, неизвестно; вероятно, вообще о греческих; почему разуметь непременно афинянок? Что в других государствах Греции были образованные женщины, что были и поэтессы, это известно: таковы Сапфо, Коринна и др.; может быть, тут разумеется и Аспасия, тоже не афинянка. Ученость мифической иностранки, самой Меден и Меланиппы, также не дает повода для заключения о стремлении афинских женщин к высшему образованию и о движении большой публики афинской в пользу этого стремления. Брунс сам сознает это, но прибегает к гипотезе: «Я думаю, – говорит он, – не слишком смело предположение, что поэт намекает на движение, которое, исходя из маленького круга образованных женщин, заступалось за возвышение всего пола»¹⁸. «Мы чуем, – продолжает Брунс, – живое движение общественного мнения, суровое столкновение противоположных взглядов, которыми Еврипид пользовался для оживления своих хоров в "Медее"»¹⁹. Это – опять гипотеза, ничем не доказанная, кроме «чуяния». С равным правом можно предположить, что Еврипид только хотел этими примерами вести пропаганду своих мыслей о необходимости для женщин образования среди публики, не задававшейся этим вопросом.

Наконец, можно указать у Еврипида и противоположное мнение: хор вакханок-женщин объявляет войну высшей духовной культуре: «Умно держать душу и сердце подалее от чересчур больших умников: что признает и чем пользуется народ попроще, то я одобряю»²⁰.

---

¹⁸ Брунс, с. 169.

¹⁹ См. Брунс, с. 170.

²⁰ Еврипид. Вакханки, ст. 427.

В Платоне Брунс не видит инициатора эмансипации, так как, по его мнению, Платон сам последовал за этим движением²¹. По этому поводу он замечает: «Странное учение Платона [об общности женщин] менее удивительно, если он мог рассчитывать на то, что части общества были уже доступны подобные мысли»²². Это – тоже гипотеза. На женщин в Платоновом «Государстве» нельзя ссылаться в доказательство существования эмансипированных женщин в Афинах того времени. Во-первых, это государство – идеальное, не существующее, а потому и женщины в нем – не существующие в действительности. Во-вторых, можно ли их считать эмансипированными в том смысле, в каком понимают эмансипацию наши ученые? Они не имеют права на свободную любовь: правители назначают их во временное пользование мужчинам; они не имеют даже права отказываться от назначенного им мужчины; они – как бы куча вещей, из которых правители выбирают любую по своему усмотрению; они – кормилицы и няньки неизвестных им детей. Женщина, правда, должна получать образование, одинаковое с мужчиной, она должна заниматься не только музыкой, но и гимнастикой и военным искусством; однако для государственных дел она не считается вполне равноправной с мужчиной: ей надо предоставлять дела более легкие, чем мужчине вследствие слабости ее пола²³.

Что касается ссылки на Аристофана, то и они не могут служить доказательством того, что высказывания его действующих лиц были мнениями реальной публики. Так, женщина, подобная Праксагоре, основывающей утопическое государство с господством женщины, существовала ли в действительности тогда в Афинах или выдумана самим автором ради комизма? Если Аристофан мог выдумать основание государства птицами, о котором никто не мог думать, почему предполагать, что идея о женском государстве не им выдумана, а была распространена среди большой публики? Да и сама Праксагора считает себя первой, придумавшей такое государство. Другая эмансипированная женщина, Лисистрата, придумавшая такую своеобразную женскую забастовку, конечно, есть создание фантазии Аристофана, и мысли, высказываемые ею, суть мысли его самого, например знание ею истории, панэллинизм ее²⁴. И в самом деле, каким путем Аристофан мог высказывать свои мысли и подавать политические советы, как не чрез своих персонажей?

По странному случаю, Брунс не замечает, что Аристофан говорит лишь в виде шутки о способностях женщин к военной службе и к

---

²¹ См. Брунс, с. 182.

²² Там же, с. 183.

²³ См. Платон. Государство, V, 457 А.

²⁴ См. «Лисистрата», ст. 174.

морскому делу, нисколько не имея в виду реальной способности их к этому. Не замечает Брунс и того, что Лисистрата, обращаясь к своему воинству, состоящему из рыночных торговок, видит их воинственность в их ругани и бесстыдстве²⁵. Но уже совсем смешна последняя фраза Брунса о верховой езде женщин: он не заметил или не понял, что Аристофан говорит не об обычной верховой езде на обычном коне, но о специальной езде женщины, которую он называет словом κελήτιζειν²⁶.

Брунс и Бузескул, отыскивая источник, из которого исходило движение в пользу эмансипации женщин, приходят к заключению, что единственным такого рода источником были гетеры и особенно Аспасия. Они восхваляют гетер вообще и Аспасию в частности. Такая идеализация гетер уже а priori кажется сомнительной: трудно предполагать в женщинах такой профессии сеятельниц образования: если они и были «высокообразованными», как их называет Бузескул, то, вероятно, их образование заключалось только в том, что им нужно было для их профессии, – в игре на музыкальном инструменте, в пении, в пляске, как впоследствии у Горациевой Хлои, которая была *dulcis docta modos et citharae sciens*²⁷. Да и эти искусства были у них, вероятно, лишь низкого стиля, какой был пригоден в их практике. Едва ли такого образования желали для женщин Еврипид и Платон!

Совсем другую характеристику греческих гетер вообще и Аспасии в частности находим мы в статье О. Наварра (O. Navarre) в «Dictionnaire des antiquités grecques et romaines» Daremberg et Saglio, III, 1823–1835; в статье К. Шнейдера (K. Schneider) в *Real-Encyclopädie, herausgegeben von G. Wissowa und W. Kroll*, VIII, 1331–1372; «Aristoteles und Athen» von U. Wilamowitz – Moellendorff, II, 99–100, Berlin, 1893 (только об Аспасии); «Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia» von G. Busolt, III, 1, 509–513, Gotha, 1897 (только об Аспасии). «Их [гетер] интеллектуальная культура, – говорит Наварр, – была равна почти нулю: очевидно, нельзя прилагать это название к таким изящным искусствам, как танцы, пение, музыка, которыми большая часть гетер прикрывали гнусность своей профессии»²⁸. «Слава об остроумии афинских гетер – не заслуженная; к несчастью для них, Афиней передал нам очень большое число образцов... Между этими играми остроумия есть некоторые пикантные, но большая часть – только цинизм и непристойность»²⁹. К. Шнейдер также говорит: «Как видно, наши дамы [гетеры! не могли быть вы-

²⁵ См. там же, ст. 456–461.

²⁶ См. «Осы», ст. 501; «Фесмофориазусь», ст. 153.

²⁷ Гораций. Оды, III, 9, 10.

²⁸ Наварр. Указ. соч., с. 1824.

²⁹ Там же.

сокообразованными. У Лукиана в "Разговоре гетер" одной гетере предлагается вопрос, умеет ли она читать»³⁰.

Г. Бузольт почти разрушает все предание об Аспасии: «Конкубинат Олимпийца с иностранкой, – говорит он, – естественно, доставил городским сплетникам, и без того занимавшимся всякого рода любовными похождениями его, обильный материал, использовать который постарались личные и политические противники его, как комики. «Псоокою» Геру (выражение Кратина) обвиняли в том, что она содержит гетер, в распутстве, в сводничестве. Далее, намеренно преувеличивали ее влияние на Перикла, политика которого будто бы определялась не столько государственными интересами, сколько желаниями и капризами его подруги жизни. Обольстительному красноречию, благодаря которому он властвовал над народом, будто бы выучила его Аспасия и, может быть, сочиняла даже целые речи, которые он произносил как свои собственные... Подобные слухи были приплетены и к Сократу, которого она будто бы обучила риторике и эротике. Лишь то из этого верно, что Сократ иногда разговаривал с Аспасией и, по своей обычной иронии, утверждал, что он ту или другую мысль слышал от нее. Это доставило ей честь быть упоминаемой часто в сочинениях сократиков. Обращение Аспасии с Сократом и другими мужчинами уже само по себе было достаточно для возбуждения дурных толков о ней, потому что, по обычаю хорошего гражданского общества, честные женщины, до брака «возможно меньше видевшие и слышавшие», ограничивались кругом действия в доме и знакомством с другими женщинами и были непричастны общественной жизни мужчин. Можно предположить, что Аспасия при разговорах с мужчинами, при которых иногда присутствовала и какая-нибудь замужняя женщина, любила показывать свою мудрость и особенно распространяться о предметах, близких женщине, – о браке, о воспитании хорошей хозяйки, о счастливой совместной жизни и т. п. Однако нет известий, да и не правдоподобно, чтоб она принимала участие в философских и политических рассуждениях Перикла с философами, правоведами и государственными людьми». По мнению Бузольта, сведения о преподавании Аспасией риторики и т. п. заимствованы из диалога сократика Эсхина «Аспасия», который относился к действительности с большой политической свободой, и в котором представил идеальный, но не исторический образ Аспасии, а также из Платонова (или приписываемого Платону) диалога «Менексен», в котором первая часть написана «в шутку» (по словам Плутарха в биографии Перикла, гл. 24). Из того же диалога Эсхина заимствован, по мнению Бузольта, и не

---

³⁰ К. Шнейдер. Указ. соч., с. 1357; Лукиан. Разговоры гетер, X, 2.

могший быть в действительности разговор Аспасии с женой Ксенофонта. Из этих двух источников произошли все рассказы об Аспасии у позднейших авторов.

При таком резком разногласии ученых о гетерах вообще и об Аспасии в частности, можно сказать с достаточной основательностью, что гипотеза Брунса и Бузескула о воздействии гетер на афинских женщин в сторону уравнивания женского образования с мужским представляется крайне сомнительной.

Достаточным доказательством того, что гетеры не пользовались никаким уважением в афинском обществе и потому не могли иметь сколько-нибудь заметного влияния, может служить то, что Праксагора ставит их наравне с рабынями, отнимая у них право пользоваться любовью мужчин-граждан³¹. Она видит в гетерах не союзниц или учительниц, а только соперниц в эротическом отношении.

В числе свидетельств о риторическом образовании Аспасии приводят и то, что будто бы она сочинила для Перикла надгробную речь, приведенную у Фукидида³²; в ней Перикл говорит о женщинах: «Великая вам слава, если о ней возможно менее говорят в среде мужчин в похвалу или порицание»³³. Эта традиционная похвала женщинам не могла бы быть высказана Аспасией или внушена ею Периклу, если бы она проповедовала эмансипацию женщин.

Равным образом и в упомянутом уже разговоре Аспасии с женою Ксенофонта и самим Ксенофонтом³⁴ Аспасия внушает своей собеседнице, что надо предпочитать мужа всем другим мужчинам; это — тоже традиционная мораль, не показывающая, что Аспасия проповедовала эмансипацию со свободой любви.

В доказательство того, что части публики была известна идея об общности женщин, Брунс ссылается на то, что Платоновое учение об этом должно было казаться публике менее странным при этом условии. Аристотель тоже знал об этом. Брунс догадывается даже о причине такого направления умов: это — «малое развитие семейной жизни в Афинах, редкость сердечного общения между супругами. Ясно, что такой супруг, как Критобул у Ксенофонта [в «Домострое» и в «Пире»], немного потерял бы при уничтожении семьи»³⁵. Об этом судить мы не можем, потому что очень мало знаем об интимной жизни супругов; вероятно, были браки и согласные и несогласные. Но ведь и в наше время многие супруги не видятся почти целый

---

³¹ См. «Экклесиастусь», ст. 718–724.

³² См. Фукидид, II, 35–46.

³³ Фукидид, гл. 45, 2.

³⁴ Этот разговор находится в латинском переводе в сочинении Цицерона *De inventione*, I, 31, 51–52.

³⁵ Брунс, с. 183.

день; однако от этого очень далеко до желания общности женщин. Хотя мужчины и называли женщину злом, тем не менее почти все женились, и женщины в «Фесмофориазусах» резонно говорят: «Если мы – зло, зачем вы женитесь на нас, если мы – действительно зло? Зачем вы запрещаете нам выходить из дому и высовываться из окна, и с такой тщательностью хотите стеречь это зло? Если женщина куда-нибудь выйдет, и вы не найдете ее дома, вы с ума сходите, тогда как вам следовало бы молиться богам и радоваться, что действительно зло ушло из дому, и вы не нашли его дома. И, если мы, устав от игры, заночуем в чужом доме, всякий ищет это зло. Если мы высунемся из окошка, всякий старается посмотреть на это зло; если женщина застыдится и отойдет от окна, всякий еще больше желает опять увидеть, как это зло высунется»³⁶. Суровый Филоклеон в «Осах» из заседания суда возвращается домой с тремя оболами, и его ласково встречает жена и дочка; это он считает «величайшим удовольствием для себя и радостью»³⁷. Исхомах в «Домострое» Ксенофонта говорит, что он так занят делами, что «вовсе не бывает дома»³⁸. Но тем не менее с женой живет дружно.

Едва ли такие мужья пожелали бы общности женщин; да и вообще такое учение очень похоже на выдумку философов, подобных Еврипиду и Платону, и не могло пользоваться сочувствием у народной массы. Платон сам признал в «Законах» свое государство не реальным. Учение его об общности жен, детей и имущества подверглось критике со стороны Аристотеля. У Еврипиды мысль об обобществлении женщин мы находим лишь в фрагменте (не дошедшей до нас) трагедии «Протесилай» (см. выше, в статье об «Экклезиазусах»).

Таким образом, все аргументы, приведенные исследователями в пользу существования в Афинах того времени эмансипации женщин, неудовлетворительны; это все – гипотезы, не основанные на фактических данных или на ясных свидетельствах писателей. А отсутствие убедительных доказательств в пользу какой-нибудь гипотезы служит признаком ее несостоятельности.

А между тем можно привести кое-какие соображения (правда, тоже не сильные) в доказательство отсутствия эмансипации женщин и вообще женского вопроса в массе афинского населения того времени.

Праксагора, выставляя программу своего государственного строя, говорит, что она уверена, что новый строй жизни будет хорош, но она «очень опасается, захотят ли зрители принять эти новшества, не

---

³⁶ «Фесмофориазусь», ст. 789–799.

³⁷ «Осы», ст. 605–612.

³⁸ Ксенофонт. Домострой, гл. VII, 3.

слишком ли они привыкли жить по старине»³⁹. Развивая свою программу, она говорит об обобществлении имущества, женщин и детей, о труде рабов, о тканье женщин, об упразднении судебных процессов, об общности жилищ, о месте обедов, о любовных наслаждениях⁴⁰. В этом проекте государственного строя нет ни слова об образовании и вообще о каких-либо духовных благах для женщин (как и для мужчин); все блага – материальные и особенно эротические; равным образом, и при исполнении этой программы в конце пьесы говорится почти только о еде, питье и любовных наслаждениях (ст. 877 – до конца), если не считать ст. 882–883, где старушка просит муз прийти на ее уста, чтоб она спела сладкую песенку (для привлечения кавалера).

Весь план Праксагоры основан на обмане: женщины приходят в Народное собрание раньше мужчин, и благодаря этому делается постановление о передаче власти женщинам; с виду оно – законное как постановление Народного собрания, но на самом деле оно состоялось только потому, что голосовали в нем женщины, не имевшие права участвовать в Народном собрании, при ничтожном сопротивлении немногих мужчин, успевших попасть в собрание. Как видно из этого, заговорщицы не надеялись честным путем убедить мужчин сочувствовать их проекту и считать женщин равноправными с мужчинами.

У Ксенофонта в «Домострое» Исхомах, разговаривая с женою об обязанностях жены, указывает лишь на хозяйство, особенно, на то, что надо «прибавлять как можно больше нового имущества», но не упоминает о необходимости образования для нее, не жалуется Сократу, что родители не дали ей образования, и не требует никаких преобразований и мер для воспитания девочек⁴¹.

Очень важным фактом, доказывающим отсутствие в массе публики мыслей об эмансипации женщин, является то, что, по словам даже Брунса, Платоново «Государство» есть высшая точка в женском движении, что заметного изменения в социальной жизни Афин женское движение не произвело и что вообще мы не знаем о влиянии теорий на публику⁴².

Конечно, нельзя отрицать, что среди афинской публики могли быть единицы, увлекшиеся идеями Еврипида и Платона об эмансипации женщин; но об этом. у нас нет никаких сведений; если даже и были такие, то это еще вовсе не означает, что было «движение» в публике, что был «женский вопрос». Поэтому вернее предполагать,

---

³⁹ «Экклесиазусъ» ст. 583–585.

⁴⁰ См. там же, ст. 590–710.

⁴¹ См. Ксенофонт. Домострой, гл. III, 10 и сл.; Брунс, с. 193.

⁴² См. Брунс, с. 186, 188, 189.

что такого «движения» не было, что эмансипации женщин в Афинах времен Аристофана не было, и что, писавши «женские» комедии, Аристофан не руководился такой причиной, какую предполагают ученые исследователи этого вопроса, – Брунс, Варнеке и Бузескул.

Да и можно ли вообще определить причину появления этих «женских» комедий? Мне кажется, нет. Во-первых, всякий писатель волен выбирать тему сочинения по своему усмотрению, иногда даже по случайному поводу. Во-вторых, если с давних пор писали «женские» трагедии (Эсхил, Софокл, Еврипид), то почему нужно предполагать какую-то особенную причину для появления «женских» комедий Аристофана? В-третьих, нельзя даже сказать, что эти комедии стали каким-то обычным явлением у Аристофана или составляют группу: правда, «Фесмофориазусы» и «Лисистрата» были поставлены в один год (411), но «Экклесиазусы» отделены от них промежутком в 19 лет (392 г.). Наконец, кроме этих, дошедших до нас, «женских» комедий, Аристофан писал и другие, не дошедшие до нас и не датированные, комедии с женскими заглавиями: «Данаиды», «Лемносские женщины», «Женщины, захватывающие палатки», «Финикианки». А до Аристофана комедии с женскими заглавиями писал Ферекрат: «Старухи», «Корианно» (имя гетеры), Домострой, гл. VII, «Тирания» (как предполагает Кок, это – «Господство женщин»)⁴³.

Если уже прибегать к гипотезам, то можно выставить другие причины, которыми мог руководиться Аристофан при создании этих трех комедий с женскими ролями; притом причины эти могли быть различны для каждой из них.

В «Лисистрате» основная мысль – необходимость кончить войну; сама Лисистрата и все действия в этой пьесе имеют лишь служебное значение, служат как бы рамкой для этой основной мысли. Ни с самой Лисистратой, ни с остальными женщинами не происходит ни малейшей перемены во все время действия; а между тем даже с Дикеополем (тоже лишь служебным персонажем в «Ахарнянах») происходит некоторая перемена. Лисистрата, как и Дикеополь, – вымышленное лицо; даже индивидуальной характеристики ее нет; она – лишь олицетворенная идея протеста против войны. Таким образом, по существу «Лисистрата» не есть даже «женская» комедия (какой пьесой является, например, «Антигона», «Медея» и др.); женского в ней только название. Выбор женщины для выражения этой идеи (т. е. идеи самого Аристофана) обуславливается тем, что он хотел привести новый довод в пользу ее: в «Ахарнянах» показан вред войны для сельского населения Аттики, в «Мире» – вред для всей Греции; в «Лисистрате» показан вред войны с новой точки зрения: из-за нее

---

⁴³ CAF, I, 186.

замужние женщины остаются без мужей, девушки не выходят замуж; от этого страдают как они лично, так и государство в целом: не рождаются дети, происходит убыль населения. Греки ясно сознавали и обращали большое внимание на ущерб для государства от нерождения детей и видели в этом проявление гнева богов, как видно хотя бы из слов жреца в «Эдипе-царе»⁴⁴. Высшее несчастье для девушки видели в том, что она остается незамужней: об этом прежде всего скорбит Эдип, прощаясь с дочерьми⁴⁵; Антигона, идя на смерть, жалуется на то, что она «идет безбрачной, бездетной»⁴⁶; Электра горюет, что ее сестра, Хрисофемиды, стареет безбрачной, не имея надежды на выход замуж⁴⁷. Хотя любимыми персонажами Аристофана были сельские хозяева вроде Дикеополя, Тригея, Хремилы, но он не всегда говорил от их имени. В «Лисистрате» он говорит от имени женщин всего греческого мира, и вполне естественно, что для защиты женских интересов он выбрал женщин, нисколько не думая об их эмансипации.

В «Фесмофориазусах» основная тема – осмеяние Еврипида, главным образом его драматических приемов. Женщины служат тоже лишь рамкой для включения этой темы в драматическую форму. Нет даже ни одной индивидуальной женщины. Поводом для выбора женщин как действующих лиц послужило то, что Еврипид в нескольких пьесах изобразил женщин в непривлекательном виде, и притом с эротической стороны, и что они хотят защитить себя от его нападений. Второстепенной темой пьесы являются насмешки над женщинами, но тоже исключительно с эротической стороны. На эмансипацию их нет и намека.

В «Экклесиазусах» основная тема – осмеяние утопических теорий о передаче управления государством в руки женщин, об обобществлении имущества, женщин и детей. Желая показать безумие этих теорий для проведения их в жизнь, Аристофан выбрал именно женщину, которая, по легкомыслию своего пола, не останавливается ни перед какими препятствиями для проведения их, и победоносно, с женской точки зрения, одним взмахом разрешает все сомнения, высказываемые ее мужем относительно выполнения на практике ее

---

⁴⁴ См. Софокл. Эдип-царь, ст. 26–27.

⁴⁵ См. там же, ст. 1502.

⁴⁶ Софокл. Антигона, ст. 867, 916–918.

⁴⁷ Софокл. Электра, ст. 961–966.

предначертаний; ей все кажется очень простым и удобоисполнимым. Аристофан в последних сценах показывает в юмористическом виде следствия этой теории на практике. Мужчины, по мнению Аристофана, слишком разумны для проведения в жизнь таких проектов; для этого нужна женщина.

Сведения о постановке на сцену комедии «Плутос» (Πλοῦτος) (т. е. «Богатство» или «Бог богатства») мы узнаем из дидаскалии к этой пьесе, помещенной в издании Бергка под № IV на с. 280 тома II. Но эта дидаскалия дошла до нас в испорченном виде. Было сделано несколько попыток к ее исправлению; наиболее вероятным я считаю исправление, сделанное Роджерсом (Rogers) в его издании комедии «Плутос». Согласно этому исправлению, сведения о постановке на сцену комедии «Плутос» оказываются в таком виде.

Комедия «Плутос» была поставлена на сцену в 388 г., но неизвестно, на каком празднике и какое место она заняла при состязании. В этом состязании участвовало 5 комических поэтов (по новому обычаю, вместо прежних трех): Никохар с комедией «Лаконцы», Аристомен с комедией «Адмет», Никофонт с комедией «Адонид», Алкей с комедией «Пасифая» и Аристофан с комедией «Плутос». Далее в дидаскалии сказано: «Это была последняя комедия, поставленная Аристофаном под своим именем, и он, желая отрекомендовать *посредством нее* зрителям своего сына Арарота, поставил под его именем остальные две комедии – «Кокал» и «Эолосикон». В последней фразе есть несомненно порча; получается противоречие: Аристофан поставил «Плутос» под своим именем и в то же время хотел отрекомендовать своего сына Арарота *посредством нее*» (т. е. она была поставлена под именем Арарота). При исправлении Роджерса последняя фраза получает такой смысл: «Он, желая отрекомендовать *посредством нее* зрителям своего сына, поставил ее во второй раз, равно как и остальные две комедии – «Кокал» и «Эолосикон» под именем сына». Другие критики исправляют эту фразу только тем, что выбрасывают из подлинного текста слова «посредством нее», т. е. не предполагают вторичной постановки на сцену «Плутоса», а оставляют для Арарота только две последние комедии. Это – тоже хорошее исправление, но все-таки и для него необходимо несколько изменить традиционный текст.

На основании схолии к ст. 1093 «Лягушек» и схолии к ст. 173 «Плутоса» можно заключить, что была и другая комедия Аристофана с тем же наименованием, поставленная за двадцать лет до нашего «Плутоса», – в 408 г. От этого «Плутоса первого» сохранилось лишь 9 фрагментов (CAF, I, p. 506–507), из которых один содержит 3 стиха, а восемь содержат по 1 или по 2 слова, так что об этой пьесе судить невозможно. Некоторые критики полагают, что наш «Плутос»

есть переработка «Плутоса первого», другие находят, что это – две совершенно разные пьесы; есть даже мнение (Leeuwen), что «Плутос первый» совсем не существовал. Первое мнение нельзя считать правильным на том основании, что в нашем «Плутосе» есть признаки приближения к Средней комедии (отсутствие песен хора, парабазы и др.), чего не могло быть в «Плутосе первом», поставленном в 408 г., между «Лисистратой» и «Лягушками», носящими вполне еще характер Древней комедии. Кроме того, в нашем «Плутосе» есть упоминания некоторых лиц и фактов из времени господства Тридцати тиранов и позднее, которых не могло быть в «Плутосе первом», например упоминание Фрасибула – освободителя Афин от Тридцати тиранов (ст. 550), и занятие им Филы (ст. 1146), упоминание о наемном войске в Коринфе во время Коринфской войны (ст. 173) и др.

«Плутос» был поставлен на сцену только лишь через 4 года после «Экклесиазус». Политическое положение Афин за это время мало изменилось: так же продолжалась Коринфская война; но все-таки произошло некоторое изменение в лучшую сторону: благодаря персидскому золоту, привезенному Кононом, а, может быть, и жертвам самих граждан, афинская казна несколько разбогатела (ст. 172 – 173); возможно, что это послужило причиной Аристофану для сочинения пьесы с такой темой. Вследствие этого в «Экклесиазусах» и в «Плутосе» есть значительное число упоминаний и намеков на одни и те же лица или факты; можно предполагать, что они занимали Аристофана во время сочинения и той и другой пьесы. Таковы, например, точки соприкосновения между ними: Агиррий и увеличение благодаря ему платы за участие в Народном собрании¹; Неоклид, один из обычных ораторов в Народном собрании, и его глазная болезнь²; Фрасибул, освободитель Афин, и перемена отношения к нему сограждан³ и др.

Действующие лица в этой комедии следующие. *Плутос* – бог богатства, *Хремил* – сельский хозяин, *Жена Хремилы* (безыменная), *Карион* – раб Хремилы, *Блепсидем* – приятель Хремилы, *Бедность* – аллегорическая фигура, *Честный гражданин* (безыменный), *Сикофант* (безыменный), *Старуха* (безыменная), *Молодой человек* (безыменный), *Гермес*, *Жрец Зевса*.

Хор состоит из стариков-земледельцев.

Действие происходит в деревне, в окрестностях Афин.

Содержание этой комедии следующее.

Хремил, бедный земледелец, всю свою жизнь честно трудившийся, но безуспешно боровшийся с бедностью, под старость отправля-

¹ См. «Экклесиазусь», ст. 96, 184; «Плутос», ст. 176.

² См. «Экклесиазусь», ст. 254, 398; «Плутос», ст. 665, 716, 747.

³ См. «Экклесиазусь», ст. 203, 356; «Плутос», ст. 550.

ется к оракулу Аполлона спросить его о средствах, которые помогли бы ему устроить счастье его единственного сына. В течение своей долгой жизни ему постоянно приходилось видеть обогащение одних лишь недобросовестных людей. Быть может, следовательно, для достижения счастья и его сыну следует сделаться негодяем. Оракул, не дав ему прямого ответа на вопрос об этом, повелевает только следовать за первым, кто попадется ему по выходе из храма и во что бы то ни стало постараться убедить незнакомца посетить его, Хремила, дом. Хремил точно исполняет повеление оракула и, встретив какого-то слепого человека, идет за ним в сопровождении своего раба, Кариона, который, не зная еще веления оракула, рассуждает сам с собою и жалуется на участь раба, вынужденного служить сумасшедшему барину, и бранит Аполлона, что он отпустил барина сумасшедшим: все люди зрячие водят слепых, а барин сам идет за слепым, да еще не говорит ни слова о причине такого поступка. С этого монолога Кариона начинается пьеса.

Так они все трое доходят до жилища Хремила. Здесь Карион терпением и настойчиво приступает к барину с просьбой открыть ему причину такого странного и бессмысленного блуждания вослед совершенно неизвестному и слепому старику⁴. Хремил удовлетворяет его просьбу. Но Карион, ознакомившись с содержанием оракула, не успокаивается и уговаривает Хремила заставить старика сказать им, кто он.

Старик сперва отказывается, даже с бранью, но потом исполняет их желание и сообщает им, что он – сам бог богатства, Плутос. Прежде он был зрячим, но однажды, будучи еще мальчиком, он пригрозил Зевсу, что будет ходить только к честным, умным, благонравным людям, и Зевс, из недоброжелательства к хорошим людям, ослепил его, чтобы он не мог различать людей⁵. «А если бы ты теперь опять прозрел, – спрашивает Хремил Плутоса, – стал бы ты избегать скверных людей и ходить только к честным?» Плутос обещает это, и тогда Хремил просит его поселиться у него в доме, потому что лучшего человека, чем он, найти нельзя. Плутос отвечает, что все так говорят, а, залучив его и разбогатев, становятся совершенными негодьями. Хремил обещает ему избавить его от слепоты, если он останется у него. Плутос боится этого, потому что Зевс тогда совсем уничтожит его. Хремил старается успокоить его, объясняя, что сам Зевс властвует благодаря богатству, которое доставляет он, Плутос, и что если Плутос захочет, то никто не будет приносить жертв Зевсу: все на свете покорно богатству; никто не бывает достаточно насыщен им. «Все искусства и науки обязаны тебе своим изобретением...

---

⁴ См. «Плутос», ст. 1–25.

⁵ См. «Плутос», ст. 92.

Царь персидский не благодаря ли тебе чванится?.. Наемное войско в Коринфе разве не богатство содержит?.. Лайда состоит любовницей Филонида разве не благодаря тебе?»... Плутос, наконец, соглашается на убеждения Хремилла жить у него, и Хремил тотчас посылает Карiona пригласить своих односельчан, чтобы сообщить им свою радость, и вводит Плутоса в свой дом.

Карион возвращается из деревни со стариками-земледельцами (составляющими хор). Он сперва скрывает от них, в чем; дело, шуточно переругивается с ними; потом сообщает им правду; старики радуются и с пением и пляской подходят к дому Хремилла. Хремил приветствует их и просит их содействия для исцеления бога.

Между тем Блепсидем, такой же старый поселянин, как и Хремил, прослышав о внезапном обогащении своего знакомого, приходит проведать о подробностях, но он не верит такому чуду, а приписывает это какому-нибудь ловкому мошенничеству со стороны Хремилла и думает, что он за это попадет под суд. Однако клятвенные уверения Хремилла, что ему действительно удалось заманить к себе самого бога богатства, разубеждают его в его подозрениях. Он, конечно, горячо берется за мысль возвратить Плутосу зрение. Они уже обдумывают план этого, хотя весте Плутоса в храм Асклепия, как вдруг является неожиданная помеха.

Какая-то худая, бледная женщина решительно, по-видимому, готовится воспротивиться их замыслу. Испуганные ее видом, не зная, как объяснить себе причину ее угроз, они сначала совершенно теряются. Различные предположения, которые они строят насчет того, кто она, оказываются неверными. Но мало-помалу они оправляются от страха. Это оказывается *Бедность*, их давнишняя сожительница, не желающая и впредь отказываться от своего права на пребывание в мире. Возвращение ими зрения Плутосу она считает незаконным посягательством на это право. Между Хремиллом и Блепсидемом, с одной стороны, и Бедностью с другой – завязывается спор, составляющий самую важную часть пьесы – «агон»⁶: старики доказывают, что богатство – благо, а бедность – зло. Бедность доказывает противоположное: она – виновница всех благ, люди живут благодаря ей⁷. «Если бы Плутос прозрел, – говорит она, – и разделил себя поровну, то никто не стал бы заниматься никаким ремеслом и его изучением; а когда исчезнет у вас это, кто захочет ковать, строить суда, шить, делать колеса, точать башмаки, выделывать кирпичи, мыть, мять кожу, собирать плоды Деметры, бороздя плугом лоно земли?»⁸. – «Это будут делать слуги», – возражает Хремил. – «А откуда ты

⁶ См. «Плутос», ст. 482–618.

⁷ См. там же, ст. 469–470.

⁸ Там же, ст. 510–516.

возьмешь слуг?» – спрашивает Бедность. *Хремил*. «Мы купим их на деньги». *Бедность*. «А кто будет продавать, когда я у него буду деньги?» *Хремил*. «Какой-нибудь купец, гонящийся за прибылью, который придет из Фессалии от торговцев рабами». *Бедность*. «Но не будет даже торговцев рабами: кто при богатстве захочет рисковать своей жизнью ради этого? Таким образом, тебе самому придется пахать, копать и все прочее работать, и ты будешь влачить жизнь гораздо более тяжелой, чем теперь. Нельзя будет тебе ни на кровати уснуть, – потому что там кроватей не будет, – ни на коврах, – ведь кто захочет ткать, имея золото? Нельзя будет вам, приведя в дом невесту, помазать ее благовониями и нарядить в дорогие, разноцветные платья. Какая же будет польза от богатства, когда не будет ничего этого? А от меня вы легко получаете все то, что вам нужно: я, как госпожа, сижу подле работника, заставляю его нуждою и бедностью искать средств для пропитания». *Хремил*. «Какое благо можешь ты дать, кроме ожогов в бане⁹, да стаи полуголодных ребятишек и старушенок? Уж я не говорю тебе о массе вшей, комаров, блох, которые мешают спать и говорят: «ты будешь голодать, вставай!» К тому же, вместо плаща тебе придется носить рубище, вместо постели иметь подстилку из осоки, кишашую клопами, которая будит спящих, вместо ковра иметь гнилой матрас, вместо подушки большущий камень под головой; а кушать придется вместо хлеба побегу мальвы, а вместо каши листья тощей редьки; вместо скамейки под ноги будет верхушка разбитого кувшина, вместо квашни бок корчаги, да и то с трещинами. Не доказал ли я, что ты – виновница множества бед для всех людей?» *Бедность*. «Нет, ты описал не мою жизнь: ты бранил жизнь нищих». *Хремил*. «Так, мы называем бедность – строю нищеть». *Бедность*. «Да, вы так называете: у вас и Дионисий похож на Фрасибула¹⁰. Нет, в моей жизни этого не бывает, да и не будет: жизнь, о которой ты говоришь, это – жизнь нищего, это – жить, ничего не имея; а жизнь бедного это – жить экономно, занимаясь своим делом; ничего у него нет лишнего, однако нет и ни в чем недостатка». *Хремил*. «О Деметра! Каким неземным блаженством ты изобразила жизнь бедняка: он, при своей экономии и труде, не оставит ничего даже на похороны себе!» *Бедность*. «Ты принимаешься за насмешки и шутовство, оставив серьезную речь; ты не понимаешь, что люди, которых я даю, лучше тех, которых дает Плутос; они

⁹ Бедняки зимою грелись у огня в банях и, подходя слишком близко к нему, получали ожоги.

¹⁰ Вернее было бы сказать: «Фрасибул похож на Дионисия». Фрасибул был патриот, освободивший отечество от тиранов, а Дионисий – тиран. Но впоследствии Фрасибула подозревали, что он стремится к тирании. Бедность хочет сказать: «Вы не умеете различать вещей совершенно противоположных».

лучше и умом и телом: у него – подагрики, брюхастые, толстоногие, страшно жирные; а у меня – сухие, тонкие, как осы, страшные врагам». *Хремил*. «Да, может быть, голодом ты даешь им такую осиную тонкость». *Бедность*. «Теперь я скажу вам о нравственности и докажу, что скромность живет со мною, а Плутосу присуще нахальство». *Хремил*. «Вот, например, воровать и прорывать стены – это скромность!» *Блепсидем*. «Как же не скромность? Ведь надо это делать потихоньку!» *Бедность*. «Затем, посмотри: демагоги по городам, пока бедны, относятся к народу и отечеству, как следует по справедливости; а разбогатев на общественный счет, сейчас же становятся несправедливыми: ведут интриги против народа и борются с демократией». *Хремил*. «А ты тут ничего не лжешь, хоть ты и очень злая клеветница. Однако все-таки тебе достанется (погоди чваниться этим) за то, что ты хочешь уверить нас, будто бедность лучше богатства». *Бедность*. «Да, и ты все еще не можешь опровергнуть меня насчет этого, а мелешь вздор да попусту бьешь языком». *Хремил*. «А почему же все бегут от тебя?» *Бедность*. «Потому, что я исправляю их. Это можно понять всего скорее на примере детей: они бегут от отцов, желающих им добра больше всех: такая трудная вещь распознавать справедливость». *Хремил*. «Так, ты скажешь, что Зевс неправильно понимает, что всего лучше на свете: ведь и он владеет богатством». *Блепсидем*. «Да, а ее посылает к нам». *Бедность*. «У обоих у вас, поистине, ум ослеплен слепотой допотопной! Зевс, несомненно, беден; это я докажу тебе сейчас ясно. Если бы он был богат, то каким образом, устранивая сам Олимпийское состязание, на которое он собирает всю Элладу чрез каждые четыре года, – каким образом стал бы он венчать оливковым венком победителей-атлетов, объявляя их имена? Если бы он был богат, следовало бы ему венчать их скорее золотым». *Хремил*. «Так, этим он, несомненно, показывает, что ценит богатство: он его бережет, – не желает из него ничего тратить; венчая победителей такой ерундой, богатство оставляет у себя». *Бедность*. «Ты хочешь приписать ему свойство еще позорнее бедности, – что он, хоть богат, но так скуп и корыстолюбив». *Хремил*. «А тебя убей Зевс, увенчав оливковым венком!» *Бедность*. «И вы смее-те возражать и говорить, будто не благодаря бедности пользуетесь всеми благами!» *Хремил*. «У Гекаты можно спросить об этом, что лучше, жить ли в богатстве, или голодать. Она говорит, что люди состоятельные, богатые, каждый месяц приносят ужин, а бедные утаскивают его прежде, чем те его положат¹¹. Нет, провались ты, и чтоб голоса твоего больше не было слышно! Не убедишь ты, даже если и убедишь!»... *Бедность*. «Вы еще меня позовете». *Хремил*.

---

¹¹ В 30-й день каждого месяца состоятельные люди ставили на перекрестках еду в виде жертвы богине Гекате; бедные люди брали ее себе.

«Тогда и воротись, а теперь проваливай! Лучше мне быть богатым, а тебе пожелать всяких гадостей!»

Прогнав с позором Бедность, Хремил и Блепсидем готовятся вести Плутоса в храм Асклепия: по народному верованию, к больному, спавшему в храме этого бога, ночью подходил сам бог и подавал ему исцеление.

После этого Хремил, Блепсидем и Карион ведут Плутоса в храм, а хор между тем исполняет какую-то песню, текст которой не был написан Аристофаном. Этим кончается первая часть комедии. Затем следует вторая часть, отделенная от первой ночью, во время которой происходит исцеление Плутоса в храме Асклепия.

Карион, опередив своего барина, возвещает эту радость ожидающим его поселянам и затем, по требованию вышедшей его встретить жены Хремилла, рассказывает юмористически подробности чудесного исцеления. При этом он осмеивает и приемы, которые применялись служителями Асклепия в их практике. Жена Хремилла уходит в дом, чтобы приготовить все к принятию Плутоса и чтобы встретить его дарами; Карион уходит навстречу Плутосу и сопровождающих его лиц; а хор поет песню, текста которой тоже нет.

После этого появляется и сам Плутос. Он приветствует свет солнца и страну Паллады и Кекропа, которая дружелюбно приняла его, сожалеет о том, что вынужден был прежде пребывать исключительно в обществе дурных людей и, любезно отказываясь от предлагаемых ему даров, проходит в дом своего нового друга.

Следуют заключительные сцены, каждой из которых предпослано небольшое выступление хора. Выходит Карион и с наслаждением пространно рассказывает о богатстве в хозяйстве его барина, подробно повествует об изобильных жертвах, которые тот собирает теперь принести своему благодетелю.

Затем появляется Честный гражданин, из-за своего излишнего доверия к людям и вследствие своей чрезмерной доброты совсем разорившийся, но теперь, благодаря Плутосу, вновь получивший богатство; он приносит в дар богу свой изношенный плащ и худые башмаки.

Вслед за ним является Сикофант, тотчас после получения Плутосом зрения потерявший все свое состояние, нажитое им бесчестным путем, посредством вымогательства; Карион с помощью Честного гражданина скоро выпроваживает его вон. Уходя, он грозит, что накажет «этого сильного бога» за то, что он «явно уничтожает демократию один, не убедив ни Совет, ни Народное собрание»¹².

Едва ушел Сикофант, как является Старушка, толстая но молодящаяся¹³, набеленная¹⁴, нарядно одетая¹⁵, кокетливо говорящая¹⁶. Она

---

¹² «Плутос», ст. 946–950.

¹³ См. там же, ст. 1037, 963.

тоже жалуется на новый порядок вещей: «С тех пор как этот бог стал зрячим, он сделал мне жизнь невыносимой»¹⁷. «У меня был, – говорит она, – дружок, совсем еще мальчик, бедный, красавчик, добродушный. Бывало, я попрошу его о чем-нибудь, он сделает все мне аккуратно, хорошо; за это и я ему оказывала всяческие услуги... Попросит он, бывало, двадцать драхм на плащ, восемь в башмаки; сестрам купить рубашечку, матери накидочку, пшеницы четыре меры... И это, говорил он, просит он не как плату за свою любовь, но чисто из любви, – чтобы, нося мой плащ, вспоминать меня... А теперь у него, противного, уж не прежние мысли; он совсем переменялся. Послала я ему вот этот пирог и разных лакомств и велела сказать, что приду вечером. А он отослал это назад, да еще послал мне вот этот торт, только бы я больше никогда туда не приходила, да, отсылая, велел сказать, что «в старину когда-то были храбры милетяне»; а прежде каждый день ходил к моей двери. Так, бог неправильно поступает, хоть и говорит, что всегда помогает обиженным... Справедливо того, кто получал от меня добро, заставить и мне платить добром; иначе и ему не следует иметь ничего хорошего». В это время приходит и тот молодой человек. Он идет на какую-то пирушку с венками, с факелом. Увидав свою бывшую возлюбленную, он насмехается над нею и отказывается продолжать с нею прежние отношения. Однако Хремил до некоторой степени принимает сторону старушки и дает наставление молодому человеку: «Раз ты выпил вино, надо тебе вместе с ним выпить и гущу»¹⁸. Молодой человек входит в дом Хремилы, чтобы принести в дар богу венки свои; за ним идет и старушка.

Но мало того, что на земле порядки изменились: дела пошли иначе и на небе. Так как все бросились служить новому богу, то старые олимпийцы перестали получать прежние жертвы от людей. Является Гермес, посланный Зевсом на землю напомнить людям о тех бедствиях, которые ожидают их в случае неисполнения ими своих обязанностей. Но, по прибытии на землю, он скоро убеждается, что делу помочь уже трудно. По мнению Кариона, с которым ведет разговор Гермес, Зевс вряд ли может рассчитывать на изменение печальных для него обстоятельств. Это охлаждает юношеский задор Гермеса: он изменяет тактику, переходит к просьбам и, как бог эгоисти-

---

¹⁴ См. там же, ст. 1064.

¹⁵ См. там же, ст. 1199.

¹⁶ См. там же, ст. 963.

¹⁷ См. там же, ст. 968–969.

¹⁸ «Плутос», ст. 1084–1085. Странно, что молодой человек оказывается достойным милостей Плутоса, хотя он вместо того, чтобы работать, избрал себе такую профессию.

ческий, прежде всего торопится устроить собственную судьбу и поступает в услужение к новому, более могущественному властителю.

Лишился доходов не только Зевс, но и его жрец: он быстро понимает тщету сетований на новый порядок вещей и, по совету Хремилла, вступает в число последователей прозревшего бога. Как знатока обрядности, Хремилл приглашает его стать во главе процессии, которая будет сопровождать бога.

Кончается пьеса тем, что Хремилл, Карион, Плутос и остальные участники последних сцен (в том числе и старушка, которой Хремилл обещает, что к ней придет ее возлюбленный), сопровождаемые хором, образуют веселый кортеж и уходят за сцену для проводов Плутоса на место его нового жительства – туда, где когда-то жил он и раньше, а именно в одно из помещений храма богини Афины на Акрополе, так называемый опистодом, который в то время служил обычным местом хранения афинской государственной казны. Политическая символика этого мотива была зрителям совершенно ясна: в государственном казначействе Афин поселялся сам бог богатства.

Комедия «Плутос» уже с первого взгляда отличается от прежних комедий как по внешнему составу, так и по содержанию; по внешнему составу – тем, что в ней нет песен хора и парабазы, а по содержанию – тем, что в ней нет политики. Нельзя сказать, что в ней нет совсем насмешек над разными лицами; но эти насмешки не являются основной целью пьесы, как, например, во «Всадниках», «Облаках», «Лягушках» и др., но они представляют собою короткие выпады, не имеющие значения для общей композиции пьесы, и притом направлены против людей маловажных; а совсем обойтись без насмешек комедия не могла.

Тема этой комедии – социально-философская. Это – разбор в драматической форме философского вопроса, вечно занимающего людей и, может быть, особенно обострившегося после Пелопоннеской войны, – вопроса о несправедливом распределении богатства на земле, – почему так часто бывает, что люди хорошие бедны, а дурные богаты¹⁹. Чтобы сделать, такой серьезный вопрос темой для комедии, Аристофан драматизировал сказку, в которой бог богатства изображается слепым. В нашей комедии вопрос этот решается

---

¹⁹ Вот, например, близкое по смыслу рассуждение у Платона на тему о значении богатства и бедности. «Смотри, – говорит Сократ своему собеседнику Адиманту, – не портит ли это [богатство и бедность] ремесленников, так что они становятся дурными». – «Как так?» – спрашивает его Адимант. *Сократ.* «А вот как: как ты думаешь? горшечник, разбогатев, захочет ли заботиться о своем мастерстве?» *Адимант.* «Никонм образом». *Сократ.* «А станет он в высшей степени ленивым и нерадивым?» *Адимант.* «И очень даже». По мнению Сократа здесь, и богатство и бедность вредны для работников всякой специальности (Платон. Государство, кн. IV, с. 421 CD).

очень просто: такая несправедливость существует потому, что бог богатства, Плутос, слеп и, хотя желает пребывать у людей хороших, но по слепоте своей не может отличать их от дурных. Средство для того, чтобы установить справедливость на земле в этом отношении, в комедии-сказке решается тоже очень просто: надо вылечить Плутоса от слепоты, и тогда он будет пребывать только у хороших, а благодаря этому и все люди станут честными и добродетельными.

В этом, может быть, и заключается сатира комедии на какие-нибудь экономические теории того времени. На основании такого юмористического решения этого вопроса надо заключить, что водворение справедливости на земле в этом отношении невозможно, так как невозможно Плутоса сделать зрячим.

Большая часть критиков нового времени считает комедию «Плутос» слабую, слабее прежних комедий Аристофана: находят, что она и менее задорна, менее остроумна, менее поэтична и т. п. и вообще «холодна», и приписывают это отчасти тому, что гений Аристофана устарел²⁰, отчасти тому, что характер самой Древней комедии к этому времени изменился.

Первый упрек едва ли верен; во время создания этой пьесы Аристофану было 60 лет с чем-нибудь; у большинства людей это не такой уже дряхлый возраст, при котором умственные способности понижаются: у многих в эти годы «царствует и торжествует гений»; Софокл, например, написал художественное произведение «Эдип в Колоне», будучи девяностолетним старцем.

Второй упрек справедлив: характер самой Древней комедии к этому времени стал меняться. О причине этого достаточно сказано выше, в статье «История греческой комедии». Уже древние греческие ученые заметили, что «Плутос» принадлежит к типу Новой (= Средней) комедии²¹. Вернее сказать, что «Плутос» представляет собою переходный тип между Древней и Средней (или Новой) комедией; построение пьесы – то же, что в прежних комедиях: также две части, из которых в первой дебатруется тезис, во второй изображаются последствия тезиса, – в данном случае не опровергающие его, а подтверждающие, как в «Птицах», «Экклесиазусах» и др.; а отсутствие песен хора, парабазы, политики, даже имена действующих лиц – Хремил, Блепсидем – являются уже признаками Средней

²⁰ Леувен (в предисловии к изданию «Плутоса») считает признаком старости Аристофана даже то, что «вместе с поэтом устарели и женщины, которых он выводил на сцену»; вместо молоденьких девиц он выводит теперь (в «Экклесиазусах» и «Плутосе») старух!

²¹ Во вводной статейке к Аристофану, помещенной в издании схолий Дидо под № 5 на с. XVI.

и Новой комедии²². Последние две комедии Аристофана («Элосикон» и «Кокал») принадлежали уже вполне к типу Новой комедии.

Возможно даже предположить, что Аристофан не вводил здесь никакого новшества. Как уже сказано в статье «История греческой комедии», Древняя комедия вовсе не была только политической. Наряду с политической в собственном смысле и с осмеянием государственных деятелей, авторы комедий брали темы также и из обывательской жизни, из мифологии, из литературы и др. Из этого можно заключить, что в Древней аттической комедии за все время ее существования было два главных жанра: политический и неполитический. Аристофан в «Плутосе» примкнул к жанру неполитическому и тем приблизил его к типу Средней комедии.

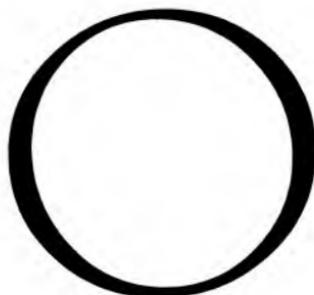
Во всяком случае, недостатки «Плутоса» теперешними критиками преувеличены. В значительной степени это мнение навеяно на них отсутствием песен хора, которые в других комедиях являются блестящим украшением их; если из них изъять эти песни и оставить лишь диалог, то и они покажутся менее красивыми. Диалог «Плутоса» в общем хорош: например, сцена с Сикофантом (ст. 850–954), если сравнить ее с аналогичной сценой в «Птицах» (ст. 1410–1469), окажется даже лучше. Впрочем, «о вкусах не спорят». Византийским ученым, да и ученым нового времени до XIX века, «Плутос» нравился; эта комедия, наряду с «Облаками» и «Лягушками», читалась в школах: благодаря простоте и общепонятности содержания, не требующего больших исторических комментариев, благодаря легкости языка и метра она более всех других комедий пригодна для начинающих изучение комедий Аристофана.

Благодаря этим же достоинствам, а также сравнительно благопристойному содержанию, комедия «Плутос» была поставлена на сцену и разыграна на греческом языке учениками 7-го и 8-го классов частной гимназии Фр. Креймана в Москве в помещении гимназии 14 января (ст. ст.) 1884 г., под руководством их преподавателя, профессора Моск. университета А. Н. Шварца. Были сделаны некоторые купюры, в том числе была пропущена вся сцена со Старушкой и Молодым человеком (ст. 959–1094). Исполнители были в греческих костюмах, но, сколько помню, без масок.

---

²² Леувен замечает, что эти имена взяты из обывательской жизни, тогда как в прежних комедиях имена составлялись из слов более высокого значения: Дикеополь, Клеононавистник, Писфетер.

НЕ ДОШЕДШИЕ ДО НАС КОМЕДИИ АРИСТОФАНА

числе комедий, написанных Аристофаном, мы имеем три свидетельства древних (или средневековых) греческих ученых (грамматиков): 1) в анонимной биографии Аристофана (у Бергга, т. I, № XII, с. XLV) сказано, что он написал 44 пьесы, из которых 4 считаются подложными, т. е. не принадлежащими ему; 2) в статье об Аристофане, находящейся в словаре Свида, сказано только, что он написал 44 пьесы; 3) в вводной статейке «О комедии» (у Бергга, т. I, № III, с. XXXII) сказано, что он «передал сыну 54 пьесы, из которых 4 – подложные». В последнем свидетельстве число 54, по-видимому, есть описка – вместо 44. В одной рукописи сохранились заглавия всех этих 44 комедий. Если исключить из них 4 подложные, одну не поставленную на самом деле на сцену – «Облака вторые» и 11 дошедших до нас, то останется 28 пьес, недошедших до нас, от которых сохранились только заглавия и отрывки у разных древних писателей. Они собраны и помещены в больших изданиях Аристофана – Диндорфа, Мейнеке-Бергга, Блейдза и др. В издании Дидо их насчитано 729. Но они мелки и малосодержательны. Время постановки на сцену лишь некоторых из них, очень немногих, возможно определить. Угадать по отрывкам содержание комедий нельзя с какой-нибудь достоверностью.

РАБЫ В КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП

По истории рабства в древности существует обширная литература на разных языках. Во всех сочинениях, касающихся этой темы, рабство рассматривается только с точки зрения истории культуры вообще или истории права, и притом известия древних авторов о рабах берутся по большей части из разных эпох. Я поставил своей задачей рассмотреть рабство с историко-литературной точки зрения, именно рассмотреть, какой тип раба изображает Аристофан, независимо от того, соответствует ли этот тип действительности или нет.

Однако и с историко-литературной точки зрения небезразлично знать, насколько изображенный писателем тип соответствует действительности, насколько он реален. Вполне жизненные и человеческие типы, т. е. лица, обладающие известной суммой человеческих слабостей и качеств, вроде Стрепсиада, афинских граждан «Экклезиастус», рабов и т. п., очень часто тоже удаются авторам Древней аттической комедии, но изображение таких лиц не составляет для них, как в комедии нравов, необходимой принадлежности их произведений. Как раз именно то обстоятельство, что такие типы, как рабы, являются у Аристофана не главными персонажами, какими они бывают часто в Новой аттической комедии, а лишь второстепенными, — и благоприятствует их реальному изображению. Аристофану не было надобности изображать их пристрастно, как, например, Клеона или Сократа; к рабам он мог относиться беспристрастно и представлять их такими, какими они казались ему в действительности. Можно установить градации исторической верности разных персонажей комедии: лица, не принадлежащие существенно действию пьесы, изображаются гораздо ближе к действительности, чем Клеоны, Сократы и т. п. Таким образом, относительно рабов у Аристофана уже имеется презумпция, что выведенные им типы этого класса людей встречались и в действительности. Ввиду этого я старался проверить известиями из других источников, по возможности современной или близкой к Аристофану эпохи, реализм Аристофана в этом отношении.

Но, так как древние авторы, в отличие от новых, иногда вынуждают исследователя останавливаться на разного рода экзегетических и критических вопросах, то мне приходилось нередко, отвлекаясь от

основной темы, заниматься и этими вопросами, делая довольно обширные экскурсии в разные области.

Одним из таких критических вопросов является вопрос о том, кто из действующих лиц произносит ту или другую реплику, — вопрос, конечно, неизбежный при теме такого рода, как моя, так как для характеристики данного лица необходимо знать, какие речи ему принадлежат. По-видимому, с этой стороны у Аристофана и у других древних драматургов, никаких затруднений нет: во всех изданиях указано, кто произносит реплику. Но не так благополучно обстоит дело в действительности. Дело в том, что в рукописях в этом отношении нередко бывают разногласия: в одной рукописи бывает поставлена одна метка, в другой другая; приходится издателю решать вопрос самостоятельно. Но даже и в том случае, когда между рукописями нет разногласия, издатели иногда вопреки их общему свидетельству изменяют метку лица на основании разных соображений. Почему это? Потому, что и метки в рукописях Аристофана, и многочисленные указания схолиастов относительно лица, произносящего реплику, сделаны лишь по догадке позднейших греческих ученых или читателей, спустя много веков после смерти Аристофана. Благодаря находкам папирусов в Египте мы имеем теперь ясное представление о виде книг, содержавших сочинения драматического характера (не только трагиков и комиков, но также Платона, Геронда). Я просмотрел для этой цели описание рукописей, на основании которых изданы фрагменты комедий Менандра; это описание дано в предисловии издания Körte¹. Этих рукописей, вернее сказать, отрывков рукописей, — 9; они принадлежат частью папирусным свиткам, частью пергаментным кодексам и относятся к I — VI векам н. э. Во всех них обозначения говорящих лиц нет (за редкими исключениями); указывается только, смена лиц посредством знаков двоеточия и параграфы (*παραγράφῃ*), причем двоеточие ставится перед началом новой реплики в середине стиха, а параграф — под первыми буквами того стиха, в котором происходит смена говорящего лица. Какие именно лица говорят, догадываться об этом предоставляется читателю. Только в некоторых местах эти лица обозначены начальными буквами: это, по-видимому, сделано читателями или учителями именно по догадке. Догадаться, правда, по большей части не трудно; но в некоторых случаях распределение ролей сомнительно: в «Плутосе», например, есть целые сцены, где говорящим лицом можно считать Хремилу или Кариона. Такова была практика рукописей, как видим, в первые 6 столетий н. э. — обозначать только смену говорящих лиц, не называя их. Правда, я вывожу это заключение лишь

---

¹ Menandrea ex papyris et membranis vetustissimis, ed. A. Koerte. Lips., 1910.

на основании 9 рукописей Менандра, per enumerationem simplicem; но все-таки число 9 – значительное, и на основании его можно вывести такое заключение. Это заключение можно распространить и на все время, предшествующее этим рукописям, и можно предположить, что в авторском экземпляре пьесы лица не были обозначены. Да, пожалуй, и не было надобности автору в этом: он сам принимал участие в постановке пьесы, и вся режиссерская часть была у него в голове. Это заключение подтверждается по отношению к Аристофану свидетельством схолий: в них беспрестанно указывается, кто говорит реплику; если бы в тексте комедий имена говорящих лиц были обозначены, то такие указания были бы совершенно излишни. При этом в схолиях иногда прямо говорится, что в таком-то месте стоит двоеточие и параграф: следовательно, автор схолии в своем экземпляре имел эти знаки без указания самих лиц. Это свидетельство схолий в свою очередь подтвердилось документально после находки в Египте, около 1882 г., пергаментного листа из рукописи не позднее VI в. н. э., содержащего отрывок из комедии «Птицы» Аристофана. В этой рукописи смена говорящих лиц обозначается двоеточием и параграфом². Таким образом, надо думать, что заметки схолий режиссерского характера, равно как и расставленные в рукописях, сравнительно поздних, метки говорящих лиц, все идут не от автора и даже не из современной автору эпохи, а поставлены по догадке более поздними учеными или учителями при обучении мальчиков выразительному чтению (καθ' ὑπόκρισιν). Такой характер догадки иногда прямо виден из поставленного слова δῆθεν – «очевидно» (в комментарии к «Облакам»):

Сказанное мною сейчас о говорящих лицах относится также и к заметкам схолий о действиях и жестах, которыми следует сопровождать слова текста, – об интонации, с какою должно произносить фразу, – о репликах, произносимых в сторону, – о приходе и уходе действующего лица, – о перемене сцены и т. п. Все эти заметки, очень многочисленные, исходят не от автора, и потому обязательного значения не имеют, а должны рассматриваться как догадки древних читателей и учителей, представляющие едва ли большую ценность, чем догадки современных ученых. Есть случаи, где сами схолиасты сомневаются: например, в схолии к ст. 435 «птиц» сказано: «Удод говорит Писфетеру и Евельпиду; но вернее, что он говорит это слугам, как и ниже» (в ст. 656). В схолии к ст. 895 «Плутоса»: «Это говорит Карион, а некоторые думают, что Честный человек». – Схолия к ст. 1091 «Плутоса»: «Говорит Хремил или слуга». – Схолия ст. 822 «Плутоса»: «Лицо, которое здесь говорит и с которым

² См. Weil. Un chœur d'Aristophane в его Etudes de littérature et de rythmique grecques, с. 12.

разговаривает слуга или Хремил, есть Честный человек». А между тем для характеристики действующих лиц иногда нужно знать такие подробности, как видно будет из дальнейшего изложения; например, нужно знать, произносится ли фраза во всеуслышание или в сторону; присутствует ли лицо на сцене или нет; бьет ли барин раба или только грозит его побить³.

Значение рабов в Древней аттической комедии

В Древней аттической комедии рабы не имеют еще того важного значения, какое они имеют в Новой аттической комедии: их роль в Древней комедии – самое большое, второстепенная, и то только в двух Аристофановых комедиях – «Лягушках» и «Плутосе». В остальных комедиях Аристофана их роль совершенно ничтожна.

В «Ахарянах» слуга Еврипида и слуга Ламаха произносят несколько реплик (ст. 396–402 и 959–965), не имеющих значения для характеристики рабов. Потом, в ст. 1003 и 1097 и сл., присутствие слуги Дикеополя и слуги Ламаха подразумевается в качестве немых лиц.

Во «Всадниках» в числе действующих лиц три раба; но, так как на самом деле это не рабы, но определенные лица – Демосфен, Никий и Клеон, то они очень мало дают для характеристики рабов; напротив, большая часть индивидуальных черт их соответствует или должна соответствовать, по мысли автора, чертам этих лиц.

В «Облаках» роль слуги Стрепсиада ограничивается двумя крошечными репликами – в полтора стиха (56 и 58), и потом (ст. 1485 и сл.) слуга упоминается как немое лицо.

В «Осах» роли Сосия и Ксанфия, слуг Филоклеона, довольно значительны в начале пьесы, но ничего типично рабского не содержат. Немного материала дает монолог Ксанфия в ст. 1292 и сл.

В «Мире» роли двух рабов Тригея в начале пьесы и в ст. 824–884 и 956–1126 тоже ничего характерного для рабов не содержат.

В «Птицах» слуга произносит только одну бесцветную реплику в один стих (1589), а потом является как немое лицо.

В «Лисистрате» также коротка и бесцветна роль слуги (ст. 1216–1240).

В «Фесмофоризусах» слуга Агафона тоже не произносит ничего типичного для раба (ст. 39–69).

В «Экклезиастусах» тоже бесцветна роль служанки Праксагоры (ст. 1112–1148).

³ См. В. К. Ернштедт. Порфириевские отрывки из аттической комедии, СПб., 1891, с. 28–45 и с. III; W. G. Rutherford. A chapter in the history of annotation (= Scholia Aristophanica, vol. III). L., 1905, с. 97–156.

Только в двух комедиях – «Лягушках» и «Плутосе» – роли слуг значительны и дают обильный материал для характеристики рабов. Из остальных комедий можно извлечь лишь ничтожные дополнения к этому материалу.

Происхождение рабов

Комедии Аристофана дают указания на национальность рабов и способ их приобретения. Так, в ст. 518 «Плутоса» Бедность задает вопрос Хремилу: «Где ты будешь брать слуг?» Хремил на это отвечает: «Конечно, будем покупать на деньги». – «Но, во-первых, кто будет продавать их, когда и у него будут деньги?» – спрашивает Бедность. – «Какой-нибудь купец, желающий нажиться, приехав из Фессалии, где великое множество работорговцев», – отвечает Хремил. – «Но, прежде всего, не будет, конечно, даже и работорговца ни одного, судя по твоим словам. В самом деле, кто, владея богатством, захочет заниматься этим делом с опасностью для своей собственной жизни?» – возражает Бедность.

Итак, одною из стран, снабжавших Афины рабами, была Фессалия, в которой было множество «андраподистов», т. е. людей, ловивших или свободных граждан, или рабов и продававших их в рабство за границу.

Было высказано предположение, что фессалийские андраподисты продавали пенестов или еще хуже поставленную часть старинного населения Фессалии; но никаких указаний на это нет⁴. Напротив, пенесты были не рабы, а лишь крепостные, подобно илотам прикрепленные к земле и сдавшиеся фессалийцам, по свидетельству историка Архемаха, под условием не вывозить их из страны и не убивать⁵. Но, кажется, на основании слов Аристофана можно допустить предположение Дункера: сказано, что это – дело рискованное; следовательно, разумеется не законная торговля обычными рабами из каких-нибудь северных местностей⁶, которая, конечно, не представляла никакого риска, а именно похищение людей с целью продажи их в рабство; а такое значение и имеет слово *ἀνδραποδιότης* в классическом языке; позднее оно могло означать и просто работорговца⁷. Схолиаст к ст. 521 «Плутоса» определяет слово *ἀνδραποδιότης* так: «Не только тот, кто уводит обманом свободных в рабство, но и тот, кто уводит рабов от господ к себе с целью увести их в другое место

⁴ См. В. Büchschütz. *Erwerb und Besitz im Griechischen Alterthume*. Halle, 1869, с. 122, прим. 2.

⁵ См. Афиней, VI, 264а; В. Büchschütz. *Указ. соч.*, с. 129, прим. 1.

⁶ См. В. Büchschütz, с. 122.

⁷ См. там же, с. 122; Артемидор, IV, 14.

и продать». Почти то же определение дано у Поллукса: «Тот, кто порабощает свободного или уводит чужого раба»⁸. Образчик андраподиста мы находим у Лисия, где об одном из братьев Агората сказано, что он «увез из Афин в Коринф раба, а из Коринфа хотел увезти девушку, но был пойман и окончил жизнь в тюрьме»⁹.

О каком же риске говорит Аристофан в словах κίνδυνεύων περὶ τῆς ψυχῆς? Фишер¹⁰ в примечании к этому стиху предполагает, что здесь разумеется опасность подвергнуться смертной казни за похищение людей: нам известно, что в Афинах за это полагалась смертная казнь. «Что касается преступлений у которые караются смертной казнью, – святотатства, прорыва стен, похищения людей, государственной измены...»¹¹. Ликург у Гарпократиона под словом ἀνδραποδιότης: «Удивляюсь я, что похитителей людей, лишаящих нас рабов, мы караем только смертной казнью»¹². Отсюда Фишер заключает, что и в других государствах андраподисты подвергались тому же наказанию. Поллукс в указанном месте также говорит о какой-то δίκη κατὰ τῶν ἀνδραποδιστῶν ἐλευθεροπρασίου, но не говорит, в чем состояла эта δίκη и в каких государствах она применялась. Фробергер¹³ в примечании к Лисию также предполагает, что смертная казнь андраподистам полагалась не только в Афинах, но, вероятно, и в других государствах Греции, и упомянутый брат Агората был арестован и казнен в Коринфе. Таким образом, предположение Дункера о пенестах вполне возможно. Но схолиаст к нашему месту «Плутоса» дает более вероятное объяснение слов κίνδυνεύων περὶ τῆς ψυχῆς: он видит тут намек только, на опасность для разбойников-андраподистов со стороны сопротивляющихся им людей: «Грабители или других губят или сами гибнут, когда бывают в меньшем числе, чем ограбляемые». Такая опасность была, конечно, при ловле как фессалийских пенестов, так и разных варваров из соседнего с Фессалией населения.

Имена рабов

Некоторые имена рабов у Аристофана также указывают на место их происхождения. Так, главный герой «Всадников» назван пафлагонцем; афинская полиция состояла из скифов: у Аристофана они упоминаются и действуют в «Лисистрате» и «Фесмофориазусах».

⁸ Onomasticon, 3, 78.

⁹ Лисий. Речь XIII, 67.

¹⁰ Aristoph. Plut., Graece cum comment. J. F. Fischeri, Giesae, 1804.

¹¹ Ксенофонт. Апология, 25.

¹² L. Beauchet. Histoire du droit privé de la république athénienne, t. II. Paris, 1897, с. 412.

¹³ Ausgewählte Reden des Lysias, erklärt von H. Frohberger. Lpz., 1866.

Καρίων в «Плутосе», вероятно, есть производное от Κάρι; в «Птицах», ст. 764, упоминается прямо раб-кариец. Имена Μίδας и Φρύξ («Осы», ст. 433) указывают на фригийское происхождение их носителей. Λυδός в «Птицах», ст. 1244 (λότερα Λυδὸν ἢ Φρύγα, ταυτὶ λέγουσα, μορμολύττεσθαι δοκεῖς;), хотя и не называется прямо рабом, но это видно как из контекста, так и из Еврипидовой «Алкесты», ст. 675, пародией которого является стих Аристофана, и в котором к Λυδὸν καὶ Φρύγα приложен эпитет ἀργυρώνητον.

Несколько раз встречающиеся в комедиях женские имена Θράττα¹⁴ и Σύρα («Мир», ст. 1146) также свидетельствуют о национальности этих рабов. Другие имена, как Μᾶνῆς¹⁵, вероятно сокращенная форма от Μᾶνόδωρος («Птицы», ст. 657), Ξανθίας¹⁶, Πυρρίας («Лягушки», ст. 730), Σωσίας («Осы», ст. 136), Χρυσός («Осы», ст. 1251), Σικῶν, Παρμένων («Экклезиасты», ст. 868), Ἰγλας («Всадники», ст. 67), Μασυντίας («Осы», ст. 433), Μᾶνία (женское имя к Μᾶνῆς)¹⁷ – обычные «клички» рабов, не указывающие на их происхождение.

По поводу имен рабов сделаем несколько замечаний.

Как обычны были в комедии имена рабов Κορίων и Ξανθίας, видно из слов Эскина: «Играющих роль Карионов и Ксанфиев»¹⁸. К этой фразе в схолиях есть такая заметка: «т. е. рабов; такими выводятся в комедии роли рабов: Ксанфий, Карион и некоторые другие».

Имя Σύρα у Аристофана мы находим только один раз (α Σύρος совсем не встречается), тогда как Θράττα – несколько раз. Может быть, это – не случайность, а объясняется малым числом рабов из Сирии в эпоху Аристофана: Страбон по крайней мере говорит, что деятельность каликийских пиратов и продажа людей из Сирии в рабство особенно усилилась со времени Трифона Диодота (II в. до н. э.)¹⁹.

Имя Θράττα может быть, не всегда было этническим, т. е. не всегда обозначало рабыню из Фракии, но могло стать вообще рабским именем: эту возможность допускает схолиаст в замечании к ст. 273 «Ахарнян»: τὴν Στρυμόδαρον Θράτταν, говоря: «или в общем смысле рабу, или рабу из Фракии, как рабу из Фригии и Пафлагонии». А в таком случае возможно, что и Κορίων перестало быть этническим, а

¹⁴ См. «Фесмофоризусы», ст. 280–293; «Осы», ст. 828; «Ахарняне», ст. 273; «Мир», ст. 1138.

¹⁵ См. «Лисистрата», ст. 908, 1212; «Птицы», ст. 523, 1311, 1329; «Мир», ст. 1146.

¹⁶ См. «Лягушки», *passim*; «Облака», ст. 1485, «Птицы», ст. 656; «Ахарняне», ст. 243, 259.

¹⁷ См. «Фесмофоризусы», ст. 728, 740, 754; «Лягушки», ст. 1345.

¹⁸ Эскин, II, 157.

¹⁹ См. Страбон, XIV, 669 = 570, 39 Didot. Cp. M. Letronne. Fragments in édits d'anciens poètes grecs, в кн.: Aristophanis comoediae et deperditorum fragmenta. Didot, 1884, с. 17 b.

обратилось вообще в рабское имя (схолия к ст. 243 «Ахарнян»), независимо от происхождения раба.

Μᾶνῆς было столь обычным рабским именем, что могло употребляться как нарицательное слово в смысле «раб»: «Птицы», ст. 523: οὐτως ὑμᾶς πάντες πρότερον μεγάλους ἀγίους τ' ἐνόμιζον, νῦν δ' ἀνδράποδ' ἡλίθιους, Μανᾶς; схолиаст: «Поэт прибавил к слову ἀνδράποδα и рабское имя». Подобным образом у Горация имя Davus употреблено в значении раба вообще: ut nihil intersit, Davus ne loquatur, ... an custos famulusque dei Silenus alumni²⁰. Но само по себе имя Μᾶνῆς – фригийское; по крайней мере, о женской его форме Μανία это засвидетельствовано Махоном: «позорно, чтоб женщина имела фригийское имя»²¹. Косвенным подтверждением этого может служить то, что некая Мания, занимавшая должность сатрапа у Фарнабаза, была дарданянка²². Но позднейшие греки производили имя Μανῆς от глагола μαίνεσθαι²³, однако такое производство неверно уже потому, что в Μανῆς альфа долгая, тогда как в корне глагола μαν альфа короткая.

Имена Ξανθίας и Πυρρίας указывают на цвет волос: ξανθός – белокурый и πυρρός – рыжий (с красноватым оттенком). В схолиях к «Лягушкам», ст. 730, сказано по поводу Πυρρίας и Ξανθίας: «из которых один был волосами πυρρός, а другой ξανθός. Аристарх говорит, что Ксанфий о себе сказал слово ἐπυρρίασε, ибо он называется Ксанфием потому, что он πυρρός, подобно Πυρρίας и Σμικρήνης». Из этой заметки видно, что цвета ξανθός и πυρρίας очень близки между собою. Свидя объясняет ξανθός чрез πυρρός, а πυρρός чрез ξανθός.

Имя Μασωντίας также указывает на свойство: оно произведено от μασᾶσθαι «жевать», так что буквально значит «жевака». В латинском языке оно получило форму Masucius, по поводу которого Фест говорит: Masucium edacem, a mandendo scilicet, или Manducius, Mando²⁴.

Имя Χρυσός нигде больше не встречается, и поэтому Виламовиц²⁵ предлагает изменить его в Κροῖσε («Осы», ст. 1251). Эту конъектуру Старки принял в текст своего издания, предполагая здесь имя македонского (?) или лидийского раба. На мой взгляд, конъектура эта – ненужная: по крайней мере, древний комментатор (Ravennas) не был смущен таким именем, а заметил: «имя раба Χρυσός» (по Rutherford,

²⁰ Гораций А. Р., 237.

²¹ Афиней, XIII, 40 = p. 578 b.

²² Ксенофонт. Греческая история, III, 1, 10.

²³ Eustath., 1220, 4: «Что имя раба, Μανῆς произведено от μαίνεσθαι, видно на основании древних; а дано это имя потому, что рабы по большей части бывают неразумны, особенно если они насыщены вином». Ср. W. G. Rutherford. Schol. Arist., прим. к Schol. Av., 523, который тоже объясняет Μανᾶς словом μαίνεσθαι.

²⁴ Festus Pauli, 139. См. примечание Starkie к ст. 433 «Ос» (The Wasps of Aristophanes ed. W. I. M. Starkie. L., 1897).

²⁵ U. Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen, II. Berl., 1893, c. 176.

Scholia Aristoph.). Есть же имя гетеры Χρυσίον (схолии к «Фесмофориазусам», ст. 1172: «имя гетеры 'Ελάφιον, как Χρυσίον, 'Ανδόνιον и т. п.» – Rutherford), или Χρυσίς, Chrysis и т. п. Конъектура эта рискованна уже потому, что имена рабов всецело зависели от произвола хозяина: был же такой чудак, философ Диодор Кронос, который, в доказательство того, что слова в языке возникли θέσει, а не φύσει, дал своим рабам имена, составленные из частиц: одному 'Αλλά μῦν, другим – другие²⁶. Так отчего же не мог какой-нибудь барин дать своему рабу имя Χρυσός? Да и имена свободных давались не всегда по шаблону, как видно из монолога Стрепсиада в «Облаках», где он рассказывает, как он с женой придумывал имя для сына. Но, даже если Χρυσός, как имя, есть ἀλαξ εἰρημένον, то и это имеет столь же мало значения, как и нарицательное слово ἀλαξ εἰρημένον: «Какое множество слов ἀλαξ εἰρημένον при такой огромной потере древних сочинений», – говорит Schweighäuser²⁷.

Но у Аристофана нет ни одного Дава или Геты, столь обычных имен в позднейшей комедии: может быть, в век Аристофана из соответствующих этим именам местностей (около устьев Дуная) рабы еще не доставлялись в Афины; возможно также, что рабы из этих мест, соседних с Фракией, тогда привозились в Афины под общим именем фракийцев. И действительно, геты были или считались одним из фракийских племен, как видно из фрагмента Менандра (FGC 4,232): «все: фракийцы, а из всех [их] наиболее мы, геты, не очень-то воздержны». А дай были ближайшими родственниками гетов, как видно из «Формиона» Теренция (ст. 35), где Дав говорит; *amicus summus meus et popularis* Geta heri ad me venit. Имя даев было известно в IV в. до н. э., по словам автора статьи *Dacia* в энциклопедическом словаре Pauly u. Wissowa, т. IV, стб. 1949, 31. Судя по этому, сведений о них в V веке не имеется. Страбон, правда, говорит, что у аттиков «вошли в употребление имена рабов геты и даи»²⁸, но это, вероятно, относится к более позднему периоду комедии. То же надо сказать и о заметке схолиаста к «Ахарням», 243: «есть и в комедии рабы – Ξανθίας, Τιβίος, Σωσίας, Δάος, Γέτας». Имена Δάος и Γέτας были, по-видимому, особенно обычны у Менандра; это можно заключить из одной фразы Галена (приведенной у Meineke, FGC 4,333): ὁμοίως τοῖς ὄνδ τοῦ βελτίστου Μενάνδρου κατὰ τὰς κωμωδίας εἰσαγομένους οἰκέτας, Δάους τέ τι καὶ Γέτας. «...подобно выводимым... Менандром в комедиях рабам – даям и гетам»... Это же видим мы и в найденных в Египте комедиях Менандра, где действительно имя Δάος находится в комедиях 'Επιτρέποντες, Γεωργός, Περιχειρομένη,

²⁶ Схолии к Аристотелю («Об истолковании»). Brandis, 1836, 103 в, 15–20.

²⁷ Издатель сочинения Афиня в прим. к V, 50, Vipontii, т. III, 1803. с. 199.

²⁸ Страбон, VII. p. 304 = 252, 51 Didot.

“Ἦρως, Περὶνθία, а имя Гέτας в комедиях “Ἦρως, Περὶνθία и кроме того в прежде известном фрагменте комедии Μισοῦμενος²⁹”. По утверждению автора упомянутой выше статьи Dacia (1949, 10), именно Менандр ввел впервые имя Δᾶος в литературу. Мне кажется, что это предположение (очень может быть, вполне верное) основано все-таки на недоразумении. По-видимому, автор выводит его из цитированной мною выше фразы Галена, именно из слов: τοῖς ὑλο τοῦ βελτίστου Μενάνδρου κατὰ τὰς κωμῳδίας εἰσαγομένοις: οὐκέτις Δάοις τέ τισι καὶ Γέταις. Должно быть, автор понял эти слова в смысле «введенные в комедию Менандром», тогда как на самом деле они значат «вводимые [т. е. употребляемые, выводимые] в комедиях». А это указывает лишь на то, что у Менандра эти имена очень обычны, а не на то, что он впервые ввел их в литературу. Кроме того, у Галена речь идет не об именах рабов, а о склонности Менандровых рабов к обманам, а имена упомянуты только для примера. Косвенным доказательством (ex silentio) того, что имен Δᾶος и Гέτας не было еще в Средней комедии, может служить выше приведенное место из Эсхина, где он упоминает Карнонов и Ксанфиев, как имена рабов в комедии, — конечно, современной ему, т. е. Средней.

Надо думать, что и на имена рабов была своя мода. Вообще говоря, имена рабов были короче, чем имена свободных. В то время как имена последних, по общему правилу, были сложные³⁰, имена рабов были несложные и притом по большей части состоявшие из двух слогов, даже из одного³¹. На этом основана шутка, приведенная у

²⁹ FCG, 4, 170.

³⁰ Впрочем, это правило допускало многочисленные исключения: вспомним Αἰσχύλος Πλάτων, Κρίτων, Κριτίας Σόλων, Κλεινίας, Αμύνιας, Τίμων, Χαριμίδης, Χρემύλος, Χρέμης и др. Ср. Bergk. Griech. Literaturgeschichte, IV. Berl., 1887, 141, прим. 57.

³¹ Поэтому Бергк считает неверным сообщение, приведенное в древней биографии Еврипида (в изд. Наука, с. VII, строка 90), будто Кефисофонт (Κηφισοφών), предполагаемый сотрудник Еврипида в сочинении трагедий, отбивший у него жену, был раб, οἰκογενὲς μετράκων. Впрочем, это правило тоже допускало исключения, например Μανόβωρος у Аристофана. Плавт и в этом отношении высказывает свою независимость от греческого оригинала: имена рабов у него почти все 3-слоговые и даже 4-слоговые, и притом как будто греческие: например Leonida, Pythodicus, Strobilus, Chrysalus, Tynardus, Stalagmus, Olympio, Chalinus, Pardalisca, Lampadio, Halisca, Palinurus, Epidicus, Thesprio, Messenio, Acanthio, Palaestrio, Sceledrus, Milphidippa, Cario, Tranio, Grumio, Phaniscus, Scapha, Toxilus, Sagarisfcrio, Sophodidisca, Milphio, Syncerastus, Collybiscus, Pseudolus, Harpax, Simia, Sceparnio, Trachalio, Stichus, Sangarinus, Crocotium, Stephanium, Stasimus, Truculentus, Cyamus, Astaphium. Совсем не такие имена у Теренция: Davus, Geta, Syrus, Dromo. Пармено, Вутрия. По выражению Кёрте (в предисловии к изданию Менандра), «мы уже знаем, что Менандр нередко давал одни и те же имена лицам одинакового характера» (с. XIX). «Теренций соблюдает достаточную последовательность при давании имен» (с. XV).

Афиней из историка Филарха (современника Арата, умершего в 215 г. до н. э.): «Деметрий Полиоркет, любивший посмеяться, говорил, что двор Лисимаха ничем не отличается от комической сцены, потому что из него выходят все «двуслоговые» (διούλλαφοι); это была насмешка над Бифием и Паридом, имевшими большое влияние у Лисимаха, и над некоторыми другими из его друзей. А от него, Деметрия, выходят Певкесты, Менелай и Оксифемиды»³². Смысл этой шутки тот, что при дворе Лисимаха находятся рабы, а при дворе Деметрия – благородные; поэтому двор Лисимаха похож на комическую сцену, а двор Деметрия – на трагическую: ибо «большая часть действия в комедии ведется чрез рабов, а в трагедии, напротив, выступают на сцену по большей части цари и высокопоставленные лица» (прим. Казобона (Casaubonus) к этому месту Афиней). Есть даже пословица: πᾶς δοῦλος δεσπότη μονοσύλλαβος «всякий раб для барина односложен»³³. Виламовиц остроумно замечает: «Рабское имя всего скорее можно сравнить с кличкой животного»³⁴.

Кроме перечисленных выше обычных имен рабов, у Аристофана в «Лягушках», ст. 608, названы имена каких-то адских рабов: ὁ Διτῶλας ἢ Σκεβλύας ἢ Παρδόκας. Схолиаст говорит, что это – имена варварских стрелков, т. е. полицейских: предполагается, что и в обители Гадеса есть скифы-полицейские. Стало быть, это – какие-то скифские, или вообще варварские, имена (а, может быть, и выдуманые Аристофаном). По поводу Παρδόκας Блейдз (в критическом примечании к этому стиху) высказывает довольно вероятное предположение, что это имя должно иметь форму Σπαρδόκας (как и написано в codex Yen.) или Σπαρδάκας (обе формы находятся в рукописях Фукидида II, 101) и что оно тождественно с латинским знаменитым Spartacus (в греческой форме Σπάρτακος или Σπάρτοκος).

Но возвратимся к вопросу о происхождении рабов. Вот страны, которые доставляли Афинам рабов в век Аристофана: Фессалия, Фракия, Кария, Пафлагония, Фригия, Лидия, Сирия, – все страны варварские. Относительно национальности афинских рабов того времени интересна надпись³⁵, содержащая список рабов Кефисодора, одного из гермокопидов, – рабов, продававшихся с аукционного торга, причем указаны и цены их. Там упомянуты 3 фракианки, 2 фракийца, 2 сирийца, 3 карийца (1 взрослый и 2 малолетних: Κάρ, Κάρ παις, Καρικόν παιδίον), 2 иллирийца, 1 скиф, 1 колх, 1 лидианка, 1 мелиттиец (или ме-

³² Афиней, XIV, 614 е.

³³ Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas post I. Casaubonum conscripsit I. Schweighäuser. Agrentorati, 1804.

³⁴ U. Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen, II, В., 1893, с. 176.

³⁵ См. W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum. Leipzig, 1883, I, p. 73 и E. L. Hicks. A manual of Greek historical inscriptions. Oxford, 1882, p. 104.

литтианка). Значит, те же национальности, что и у Аристофана, только с прибавкой иллирийцев, колха и мелитгийца (из Африки).

Как показывает приведенное выше место из «Плутоса», рабы приобретались путем покупки. Дополнением к этому свидетельству служит место из «Всадников» (ст. 43 – 44), где сказано, что Дем «в прошлое новолуние купил раба, кожевника пафлагонца».

Очень важно для данного вопроса еще место из «Плутоса» (ст. 147 – 148), где Карион говорит о самом себе: *ἐγούγέ τοι διὰ μικρὸν ἀργυρίδιον δοῦλος γεγένημαι διὰ τὸ μὴ πλουτεῖν ἴσως*. Но, к сожалению, реальный смысл его не ясен. Из этих слов можно заключить только, что Карион попал в рабство не путем насилия, – вследствие ли войны или разбоя; нет, причиной его рабства является его собственная бедность в прежнее время, когда он был еще свободным, и притом взрослым (потому что у ребенка не может быть богатства): *πρότερον ὦν ἐλεύτερος*, лаконически замечает схолиаст. Какая же могла быть причина того, что свободный человек вследствие бедности попал в рабство? Толкование Фишера (к этому стиху) довольно странно: «я, по крайней мере, чтобы добыть немножечко деньжонок, сделался рабом, потому что был не так богат, как другие». Значит, Фишер предполагает со стороны Кариона добровольную продажу себя в рабство за ничтожную цену; Фишер даже и определяет ее в полмины, на основании известных нам общих цен рабов. Но такая продажа себя в рабство, практиковавшаяся в эпоху Гомера, по-видимому, прекратилась после реформы Солона³⁶. Можно было бы думать, что Карион попал в рабство за долги; но продажа несостоятельных должников в рабство в Аттике производилась лишь в эпоху до Солона и была отменена им. Но в других общинах Греции такой закон продолжал существовать, как видно, например, из слов Лисия: «Ваши дети, которые на чужбине за пустые, может быть, долги были бы рабами»³⁷. То же у Исократ³⁸. После Солона это право обращать свободного взрослого человека в рабство за неплатеж сохранялось лишь в двух случаях в Афинах: 1) если кто не уплачивал денег, затраченных другим на выкуп его из плена; 2) если метек не уплачивал подати *μετοίκιον*³⁹. Таким образом, по-видимому, необходимо согласиться с Леуvenом, который дает (в прим. к этому стиху «Плутоса») такое объяснение: «Вследствие того, что я не мог уплатить долгов (полагаю, государственной казне), я в наказание стал рабом и был

³⁶ См. В. Büchschütz. Указ. соч., с. 116, где он критикует Баллона, предполагающего такую самопродажу на основании *Plut. Sol.*, 13 и *Athen. VI*, 263 с.; ср. L. Beauchet. *Histoire du droit privé de la république athénienne*, I, P., 1897, 413–414.

³⁷ Лисий. XII, 98.

³⁸ См. Исократ, XIV, 48; ср. W. A. Becker. *Charikles*, 12; L. Beauchet, I, 414.

³⁹ См. L. Beauchet, I, 414–415, 416–417.

продан за две или три мины». Такова была средняя цена раба, у которого не было каких-нибудь особенных физических или умственных достоинств». Если верно такое толкование, то Кариона надо считать греком, – может быть, даже афинянином, не уплатившим каких-то денег по одной из вышеуказанных причин.

Таких рабов из греков было мало сравнительно с числом рабов из варваров⁴⁰. «Однако, – говорит Göll, – наряду с значительным большинством варваров, всегда бывали и эллины среди массы рабов»⁴¹.

В конце V века, вероятно, значительно увеличилось число рабов греческого происхождения: продолжительная война (Пелопоннеская) доставляла афинянам в рабство много пленных эллинов, которые были прежде свободными гражданами в своих общинах; среди них могли быть люди культурные и знатные. Этим отчасти, может быть, объясняется симпатия Еврипида к рабам⁴². Внутри Греции торговля рабами греческого происхождения всегда существовала, как видно из рассказов о судьбе лирика Филоксена и философа Федона. «Филоксен, сын Евлотида, – рассказывает Свида (под словом Φιλόξενος), – кифериец. лирик... Когда Киферы (τὰ Κύθηρα) были поработены афинянами [конъектура, вместо «лакедемонянами»], он был куплен неким Агесилою и им воспитан, и прозывался "Муравей"». Это произошло в 89-ю Олимпиаду (в 424 г. до н. э.), когда Филоксен был мальчиком около 11 лет. О Федоне Диоген Лаэртский сообщает: «Федона [элейца], который, попавши в плен, находился в публичном доме [ἐν' οἰκῆματος καθήμενον = quaestui turpi expositum], Сократ велел Критону выкупить и сделал из него философа»⁴³. Оба события относятся к эпохе Аристофана. Знаменитый киник Диоген также был продан с аукциона в рабство⁴⁴.

Если Карион – эллин, то можно, пожалуй, сделать и еще одну гипотезу: не предполагаются ли вообще рабы, играющие активную роль (говорящие) в комедиях Аристофана (и других авторов) – эллинского происхождения, или, если варварского, то воспитанными с детства в эллинском доме? На эту гипотезу наводит меня то обстоятельство, что все рабы у Аристофана говорят чистейшим аттическим языком, знают прекрасно греческую жизнь и греческие обычаи, нисколько не ниже в умственном отношении греков среднего уровня. Странно было бы предположить со стороны, например, Аристофана такое пренебрежение к реализму, если бы у него рабы-варвары говорили не ломаным языком, как должны были говорить такие рабы в

⁴⁰ См. В. Büchschenschütz. Указ. соч., с. 116.

⁴¹ См. W. A. Becker. Charikles, 11.

⁴² См. D. P. Mahaffy. Social Life in Greece from Homer to Menander, 1890, p. 190.

⁴³ Диоген Лаэртский, II, 5, § 31 = с. 30, 46, Didot.

⁴⁴ См. там же, VI, 2. § 74 = с. 150, 25-26 Didot.

действительной жизни. На это, конечно, можно было бы возразить, что эстетическое чувство могло помешать ему вводить в комедию такой безобразный язык. Но это возражение едва ли было бы основательно. Посмеяться над какими-нибудь особенностями речи раба-иностранца в комедии было бы выгодно; и мы, действительно, видим, что Аристофан не стесняется тем, что выводит в «Ахарнях» беотийца и мегарца, в «Лисистрате» – спартанца, в «Мире» (ст. 47–48) ионийца, горящими на родных наречиях; в «Фесмофориазусах» скиф, государственный раб, говорит ломаным аттическим языком; в «Птицах» варварский бог Трибалл произносит то совсем невразумительные слова (ст. 1615: $\nu\alpha\beta\alpha\iota\sigma\alpha\tau\rho\epsilon\upsilon$, ст. 1629: $\sigma\alpha\nu\acute{\alpha}\kappa\alpha \beta\alpha\kappa\tau\omicron\rho\iota\kappa\rho\upsilon\sigma\alpha$), то исковерканные греческие слова (ст. 1677); в «Ахарнях» Псевдартабас, «царское око», тоже произносит одну фразу совсем непонятную (ст. 100: $\iota\alpha\rho\alpha\mu\acute{\alpha}\nu \xi\zeta\alpha\rho\acute{\xi}' \acute{\alpha}\nu\alpha\pi\iota\sigma\sigma\omicron\nu\alpha\iota \sigma\acute{\alpha}\tau\alpha$), другую на ломаном греческом языке (ст. 104: $\omicron\upsilon \lambda\eta\psi\iota \chi\rho\upsilon\sigma\omicron, \chi\alpha\nu\acute{o}\pi\rho\omega\kappa\tau' \tau\alpha\omicron\nu\acute{\alpha}$).

Да и вообще Аристофан обращает большое внимание на язык своих персонажей. В «Лягушках», ст. 679–682, он осмеивает демагога Клеофонта, «на болтливых губах которого странно щебечет фракийская ласточка, севши на варварский лист»: очевидно, здесь имеется намек на какой-то иностранный акцент в речи Клеофонта, происходившего от матери фракиянки и отца, бывшего когда-то рабом в Афинах ($\delta\upsilon\nu \mu\omicron\lambda\lambda\omicron\iota \delta\epsilon\delta\epsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu \acute{\epsilon}\nu \mu\acute{\epsilon}\delta\alpha\iota\varsigma \acute{\epsilon}\mu\eta\nu\mu\acute{o}\nu\epsilon\upsilon\omicron\nu$, по словам оратора Эхина, II, 76). В «Осах», ст. 45, Аристофан воспроизводит картавую речь Алкивиада, не могущего произнести звука ρ : $\acute{o}\lambda\acute{\alpha}\zeta \Theta\acute{\epsilon}\omega\lambda\omicron\varsigma \tau\eta\nu \kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\eta\nu \chi\acute{o}\lambda\alpha\kappa\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota$. О неприятном голосе Клеона он несколько раз упоминает⁴⁵. В «Мире», ст. 930, Тригей замечает, что слово $\delta\acute{\iota}$, употребленное хором, есть ионическое.

Наконец, на ту же чувствительность Аристофана к способу выражения указывает разница стилей, которые употребляют его персонажи: люди, вроде Еврипида, Сократа, говорят высоким стилем трагедии, оракулы выражены гомеровским языком. Множество пародий на язык трагиков и лириков у Аристофана указывает на то же стремление его использовать язык в качестве одного из элементов комизма⁴⁶.

⁴⁵ См. «Всадники», ст. 137; «Осы», ст. 1034; «Мир», ст. 757; «Осы» ст. 36.

⁴⁶ По-видимому, и в потерянных комедиях Аристофана не было никаких особенностей в языке рабов: по крайней мере, в приписываемом Плутарху трактате «Сравнение Аристофана и Менандра», гл. 1, 6 (с. 853 D = 1039, 41 Didot) сказано (с порицанием), что речь Аристофана не приспособляется к выводимому лицу, как, например, она не дает царю величественность, оратору красноречие, женщине простоту и т. д., но, как бы по жребию, она дает лицам какие попало слова, так что не разберешь, сын ли говорящее лицо, или отец, или бог, или старуха, или герой. – В такой общей форме это суждение неверно, как мы видели; но для нашей цели оно

По-видимому, и другие авторы Древней комедии не отказывали себе в удовольствии позабавиться на счет лингвистических особенностей выводимых ими лиц: по крайней мере, в схолиях к «Лягушкам», ст. 681, засвидетельствовано, что комик Платон в своей пьесе Клеофών изобразил мать этого демагога, фракиянку, «говорящей с ним по-варварски». Комик Страттид насмехается над некоторыми словами беотийского наречия, отличавшимися от аттических, например ὀρθάλιχος в значении ἀλεκτρούων (петух), βέφυρα в значении γέφυρα (мост) и т. п.⁴⁷

Этим эффектом не пренебрегала и Средняя комедия: например, у комика Евбула было выведено лицо, говорящее по-беотийски⁴⁸. Афиней со слов Сосибия сообщает, что у спартанцев была старинная забава представлять врача-иностранца⁴⁹.

Однако такое осмеяние иностранного языка свойственно только комедии; в трагедии этого не бывает: тут и чужеземцы говорят обычным языком трагедии: это, конечно, было необходимо, чтобы не вносить в трагедию чуждого ей комического элемента⁵⁰.

Собранные мною факты, мне думается, дают право вывести заключение, что, если Аристофан не заставляет своих рабов варварίζειν, то он делает это потому, что представляет себе их говорящими по-аттическому не хуже любого афинского гражданина. А это возможно было только при условии, если такие рабы или были природными эллинами, в роде Кариона, или, если они были варварского происхождения, то родились уже в Греции или были привезены в Грецию в раннем детстве и воспитаны с малолетства в ней, т. е., по греческой терминологии, если они были οἰκογενεῖς (или οἰκότριβες, οἰκοτραφεῖς).

На этот же факт указывает и культурность рабов в комедии: они знают все греческие обычаи, верят в греческих богов (например, «Лягушки», ст. 338, 750, 845), знакомы с греческой мифологией (например, «Плутос», ст. 296, 302), они вставляют в свои речи цитаты из греческих поэтов. Карион, например, раб бедняка Хремила, несколько раз употребляет поэтические выражения или даже целые стихи, например, «Плутос», ст. 8–10: τῷ δὲ Λοξίᾳ, ὃς θεοπιφθεῖ τριπόδος ἐκ χρυσήλατου, μέμψιν δικάσαν μέμφομαι ταύτην (из траге-

---

имеет значение; очевидно, и автор этого трактата не заметил никаких особенностей в речи рабов у Аристофана.

⁴⁷ FCG, I, 781, фрагм. 3.

⁴⁸ FCG, III, 208, фрагм. 10. Cp. Sittl. Geschichte der griechischen Literatur. III. 485, прим. 3.

⁴⁹ Афиней, XIV, 15-p, 621d. См. вообще об осмеивании языка иностранцев на всех комических сценах; W. Süß. Aristophanes und die Nachwelt. Lpz., 1911, с. 205.

⁵⁰ См. прим. G. Kaibel к Soph. El., 1326–1338 в его изд. «Электры». Lpz., 1896, с. 274–275.

дии); ст. 39: τί δήτα Φοίβος ἔλακεν ἐκ τῶν στεμμάτων (из трагедии); ст. 635: ἐξωμάτωται καὶ λελάμπρυνται κόρας, Ἄσκληπιοῦ παιῶνος εὐμενοῦς τυχῶν (из Софоклова «Финейя», по схолиям); 661: Ἦφαιστοῦ φλογί (гомеровское выражение, употребленное также в Iph. Aul. ст. 1602); ст. 758–759: ἐκτολεῖτο δὲ ἐμβὰς γερόντων εὐρύθοις προβήμασιν (из трагедии); ст. 806: ἢ μὲν σιπῆν μεστή ὅτι λευκὸν ἀλφίτων, οἱ δ' ἄμφορῆς οἴνου μέλανος ἀνθροσμίου (по Софоклову «Инаху», как сказано в схолиях); ст. 1127: ποθεῖς τὸν οὐ παρόντα καὶ μάτην καλεῖς (из трагедии); ст. 292; ἀλλ' εἶα τέκεα δαμίν' ἐπαναβοῶντες (из «Киклопа» Филоксена-дифирамба, по схолиям). Ксанфий в «Лягушках» беседует с Эаком об Эхиле, Софокле и Еврипиде (ст. 768, 778, 787); в ст. 778 реплика Ксанфия κοῦκ ἐβάλλετο (и в него [Еврипида] не бросали камнями), и в ст. 787 κάλειτα πῶς οὐ καὶ Σοφοκλῆς ἀντελάβετο τοῦ δρόνου, и вообще весь его разговор с Эаком в ст. 755–811 показывает, что Ксанфий вполне знаком с достоинствами и недостатками Эсхила, Софокла и Еврипида и первых двух ставит несравненно выше, чем последнего⁵¹.

Еще об образованности Ксанфия свидетельствует «Лягушки», ст. 303: ἔξεστί θ' ὥσπερ Ἠγέλοχος ἡμῖν λέδειν ἐκ κομάτων γὰρ αὐθις αὐτῷ γαλῆν ὄρω. Это – стих из Еврипидова «Ореста» (ст. 279). Если он знал и помнил этот стих, почему он не мог знать стиха из Софоклова Лаокоонта?⁵²

⁵¹ Имея в виду такое образование Ксанфия, надо рассматривать спорный вопрос о том, можно ли считать Ксанфия произносящим в ст. 664–665 слова Ποσειδὸν δὲ Αἰγαίου πρῶνας [ἔχεις]. ἢ γλαυκὰς μέδεις ἀλδὲ ἐν βένθεσιν. В большей части рукописей и изданий слова эти приписываются Дионису. Но симметрия в распределении стихов между Дионисом и Ксанфием почти что требует, чтобы стихи эти произносились Ксанфием, как и указано в рукописи V меткою ξᾶν и как сделал Leeuwen в своем издании «Лягушек» (Lugd. Bat., 1896): Дионис произносит ст. 659, а ст. 664–665 вполне аналогичны ст. 659; естественно думать, что их произносит Ксанфий. Но главным препятствием к этому служит то, что Ксанфий считается слишком необразованным, чтобы произносить такую цитату из Софоклова Лаокоонта. Rogers, например, так формулирует это возражение: «Nor would the literary abilities of the slave, which are only equal to the idea about the thorn, soar to the height of the quotation and song». На основании того, что я сказал сейчас об образованности Ксанфия, это возражение должно отпасть, как совершенно голословное и не соответствующее характеристике Ксанфия у Аристофана, – тем более, что и Карийон представлен способным произносить цитаты из поэтов.

⁵² Между прочим, это место из «Лягушек» проливает свет на спорный вопрос о присутствии рабов на театральных представлениях. Латышев (Богослужбные и сценические древности, изд.3, с. 292) говорит: «относительно допущения рабов [в театр] нет вполне достоверных сведений». Alb. Müller (Lehrbuch der griech. Bühnenalterth. Freiburg. 1886, с. 292) выражается осторожнее: «Имеются следы того, что рабы наряду со свободными были зрителями, но нет возможности установить, что-либо более точное». Однако уже указанное Мюллером в примечании место из «Горгия» Платона, 502 D, где речь идет о представлениях трагедии в театре, называет

А такие рабы, как раб Еврипида в «Ахарниях» (ст. 395 и сл.) или раб Агафона в «Фесмофориазусах» (ст. 39 и сл.), будто бы даже научились сами от своих ученых господ выражаться очень замысловато. В «Ахарниях», ст. 401, Дикеополь говорит по этому поводу: «О трикрат счастлив ты, Еврипид, когда раб твой так умно отвечает!» А схолиаст замечает: «Под видом похвалы он обвиняет Еврипида в том, что он выводит в трагедии рабов, говорящих красно».

Словом, в культурном отношении, как и в языке, не видно никакой разницы между рабами и свободными афинянами.

Может быть, в связи с таким изображением Аристофан дает и имена действующим рабам не по национальностям: такие имена, как Μίδας, Φρῶξ, Θραῦττα, Σύρα, Λυδός или только упоминаются, или принадлежат немым лицам; для грубой работы (для драки) призываются рабы с варварскими именами: «Осы», ст. 433, Μίδας, Φρῶξ καὶ Μασυντίας. «Лягушки», ст. 608, Διτύλας καὶ Σκεβλάδας χῶ Παρδόκας. А рабы, говорящие в пьесах, все носят имена не по национальности, как Ξανθίας, Σωσίας, которые вполне приложимы к эллинизированным рабам. Что касается имени Καρίων, то, хотя оно происходит, по-видимому, от слова Κάρι, но уже потеряло связь с ним по значению: по крайней мере, схолиаст к «Лакхету» Платона, 187 В говорит, что «маленьких солдат [не сказано: «карийских»] некоторые называли Карионами». Главный герой «Всадников», правда, носит имя «Пафлагонец», но так как Аристофан выводит под этим псевдонимом Клеона, то, конечно, было бы невозможно заставлять Клеона говорить на ломаном языке.

Чтобы покончить с вопросом об образованности рабов, замечу, что характеристика рабов в этом отношении, данная Латышевым, а равно и другими учеными, слишком односторонняя. Он говорит так: «Уровень умственного и нравственного развития рабов вообще был очень низок, так как умственное образование и гимнастика были им запрещены»⁵³. Такие типы рабов, как Карион и Ксанфий, опровергают эту огульную характеристику; очевидно, рабы разные бывали. Допустим некоторое преувеличение со стороны Аристофана; но все-

---

рабов составной частью публики: παιδῶν θ' ὄμοῦ καὶ γυναικῶν καὶ ἀνδρῶν, καὶ δοῦλῶν καὶ ἐλευθέρων. Наше место из «Лягушек», несомненно, предполагает, что Ксанфий присутствовал на представлении Еврипидова «Ореста», когда актер Гегелох сделал такую смешную ошибку в произношении. Трудно допустить, чтобы Аристофан заставил Ксанфия говорить о том, чего он, как раб, не мог знать. Для эпохи Менандра есть указание в его комедии Επιτρέποντες, решающее этот вопрос тоже в положительном смысле. Там один раб Сириск говорит другому рабу Даву: τεθέασαι τραγῳδοῦς, οἷδ' ὅτι (ты видел представление трагедий, я уверен), и дальше упоминает о мифических царях Нелее и Пелии, брошенных в детстве и найденных пастухом. — очевидно, и сам рассказчик видел трагедию такого содержания.

⁵³ В. В. Латышев. Государственные древности³, с. 201.

таки нельзя думать, чтобы он приписал им качества, прямо противоположные действительности, и притом без всякой надобности⁵⁴.

Что именно такие рабы, родившиеся или воспитанные в Греции, греки ли по происхождению, или варвары, являются действующими лицами в драме, — это вполне естественно: они более культурны, более привязаны к дому, пользуются большим доверием господ. О таких рабах имеются некоторые сведения в литературе. Так, схолиаст к «Всадникам», ст. 2, говорит: «Мы, естественно, больше доверяем тем рабам, которые рождены и воспитаны в доме, чем приобретенным посредством покупки». Слуга в Эдипе-царе Софокла (ст. 1123), по-видимому, с некоторой гордостью говорит о себе: «Я был рабом не купленным, но воспитанным дома». У Платона в «Меноне», 82 В, Сократ спрашивает Менона об одном из слуг его: «грек ли он и говорит ли по-гречески?» На это Менон отвечает: «вполне: он родился в доме». И таких рабов, варваров по происхождению, но воспитанных с детства в греческом доме и усвоивших греческую культуру, по-видимому, было немало. Так, в одном фрагменте Антифана раб говорит о себе: «В детстве я с сестрой прибыл сюда в Афины, привезенный одним купцом, а родом я — сириец»⁵⁵. Также у Демосфена речь идет о некоем Арефусии, который «[раба] Кердона воспитал с малолетства»⁵⁶. А в фрагменте комика Феофила раб трогательно говорит о своем любимом барине: «Любимого господина, благодаря которому я увидел греческие обычаи, научился грамоте, был посвящен в таинства богов»⁵⁷. Точно так же у Демосфена оратор говорит о своем отце, трапезите Пасионе, что он купил Формиона, «научил грамоте и банковскому делу», и вообще сделал его эллином из варвара⁵⁸.

По-видимому, и у других народов рабы, рожденные дома, ставились выше, чем купленные. Так, в Риме ценились *vernae*: «als wertvoller Besitz werden sie im Hause sorgfältig aufgezogen», говорит Беккер. Жена Катона кормила грудью детей рабов (τὰ τῶν δοῦλῶν παιδοῦρια), как рассказывает Плутарх в биографии Катона Старшего (гл. 20). «Sie wurden so mit den Verhältnissen des Hauses und mit den Eigentümlichkeiten der Herrschaft genau bekannt, waren zuverlässiger, als die Kaufsklaven, und zur Bedienung vorzugsweise geschickt»⁵⁹.

⁵⁴ Также у Еврипида большая часть рабов изображена симпатичными чертами. Пусть он их идеализировал: но нельзя же идеализировать скверных людей.

⁵⁵ FCG, 3, 91.

⁵⁶ Демосфен, LIII, 19.

⁵⁷ FCG, 3, 626.

⁵⁸ Демосфен, XLV, 72.

⁵⁹ W. A. Becker. Gallus. bearbeitet von H. Cöll, 3 Theile. Berlin, 1880–1882, 3, 131–132.

То же, надо думать, было у древних евреев. В книге Бытия, гл. 17, ст. 23 и 27, где речь идет об обрезании, которое совершил Авраам над всеми мужчинами своего дома, οἰκογενεῖς поставлены в обоих местах перед ἀρρῦρῶνῆτοι, вслед за сыном его: «И взял Авраам Измаила, сына своего, и *всех рожденных в доме своем, и всех купленных за серебро свое...* В тот же самый день обрезаны были Авраам и Измаил, сын его, и с ним обрезан был весь мужеский пол дома его, *рожденные в доме и купленные за серебро у иноплеменников*»⁶⁰.

Совершенно другого мнения об этих «домочадцах» держится Боше. Вот что говорит он: «Люди были далеки от времен героических, когда дети раба, воспитанные в недрах семьи, рассматривались в ней до некоторой степени ее членами. С тех пор, как господина от слуг стало отделять большое расстояние, рабы, родившиеся в доме, воспитанные в испорченности рабства, были обыкновенно самыми плохими и наименее ценными. Поэтому одно из слов, служивших для обозначения их, οἰκότριψες, принималось в переносном смысле как выражение совершенно презрительное»⁶¹. Можно только подивиться филологическому легкомыслию Боше, хорошего, по-видимому, ученого! Нигде, сколько мне известно, слово οἰκότριψ не употребляется в переносном смысле: если он имел в виду «Фесмофориазусь», ст. 426: φκότριψ Εὐριπίδης (единственное, кажется, подходящее место), то из него нельзя вывести никакого заключения, потому что совершенно неизвестно, что именно оно здесь означает и имеет ли оно отношение к слову οἰκότριψ в значении «раб», или оно совершенно независимо от этого слова составлено Аристофаном по аналогии с другими словами, сложенными с корнем τριψ. Здесь οἰκότριψ скорее всего означает ὁ οἶκος ἐνδιατριψῶν (V. Leeuwen) или ὁ ἐν οἴκῳ διατριψῶν (Blaydes) – «домосед»: «Женщина говорит, что Еврипид сидит дома среди своих книг с той главным образом целью, чтобы наблюдать за домашними делами» (Леувен). Иллюстрацией к такому пониманию может служить «Лягушки», ст. 976–977, где Еврипид сам хвалится, что он научил сограждан «управлять хозяйством лучше, чем прежде». Таким образом, женщине, произносящей у Аристофана эту филиппику против Еврипида, не нравится, что Еврипид все сидит дома и за всем хозяйством наблюдает и учит этому других мужчин, от чего женщинам нельзя бесконтрольно распоряжаться маслом, мукой, вином (ст. 420) и т. д. Немного иное, но похожее по общему смыслу объяснение дает Fritzsche (комментатор «Фесмофо-

⁶⁰ Куторга. Собр. соч. т. I, 169. Правда οἰκογενεῖς может означать, по толкованию Гесихия, не только раба, но и родственника. Но в данном случае под οἰκογενεῖς разумеются слуги, как видно из книги Бытия 14, 14–15, где в греческом тексте стоит παῖδες.

⁶¹ L. Beauchet. Указ. соч., т. II, с. 404.

риаус»): он понимает здесь οἰκότριψ в значении *verna*, и притом без презрительного оттенка: «Никто лучше выросшего в доме раба не знает, как следует управлять домашними делами. Так и Еврипид, словно выросший в доме раб, показал в трагедиях мужчинам искусство управлять домом». Один из старинных комментаторов, Bergler, понимает это слово в активном смысле – ὁ ἐπιτριβὼν τοῦς οἴκους (губящий дома).

В буквальном смысле οἰκότριψ встречается, кажется, только один раз во всей греческой литературе классического периода: Демосфен, XIII, 24 φθόρους ἀνθρώπους, οἰκότριβων οἰκότριβας... ποιεῖσθε πολίτας «вы делаете гражданами негодных людей, рабов, рожденных рабами», – правда с презрительным оттенком; но презрительный оттенок здесь социально-политического свойства: разумеются люди, несущие рабство уже в течение нескольких поколений, – так сказать, рабы в кубе. Но у Демосфена нет никакого намерения указывать, что эти οἰκότριβες – худшие рабы в хозяйственном отношении, чем δοῦλοι или οἰκέται. В других случаях это слово попадает лишь в послеклассической литературе – у Плутарха, Элиана («Разные истории», XII, 17 и 43), Посидония (в отрывке у Афиня V, 51 = p. 213 d) и др. Во всех этих местах οἰκότριψ или не имеет презрительного оттенка, означая просто раба, рожденного в доме, или, если можно предположить (но не обязательно) такой оттенок, то он будет не хозяйственного, а социально-политического свойства, как я уже заметил. Этот презрительный оттенок заключается в том, что человеку ставится в укор не только его личное положение раба (δοῦλος), но его происхождение от рабов в одном или нескольких поколениях. Подобно тому как быть βελτίων καὶ ἐκ βελτιόνων (Лисий X, 23; Демосфен XXII, 68; XXII, 63; XVIII, 10) для гражданина лучше, чем быть просто βελτίων, и как, наоборот, быть πονηροὶ κάκ πονηρῶν («Лягушки», ст. 731) хуже, чем быть просто πονηροί, так и быть δοῦλος καὶ ἐκ δοῦλων (Лисий, XIII, 18; XIII, 64; Демосфен XXII, 68) позорнее, чем быть просто δοῦλος, но только в социально-политическом отношении; в хозяйственном же отношении δοῦλος καὶ ἐκ δοῦλων могли быть гораздо лучше, чем δοῦλοι в первом поколении. А οἰκότριβες не что иное, как синоним этого δοῦλος καὶ ἐκ δοῦλων. По-видимому, на эту социально-политическую сторону и указывает определение, данное Фотием этому термину в его лексиконе: οἰκότριβες – «рабы, происходящие от рабов, которые называются также οἰκογενεῖς; в древности они считались (ἀτιμότεροι) ниже купленных, потому что те произошли от рабов, а эти от свободных, и те были всегда рабами, а эти лишь впоследствии». Здесь, в слове ἀτιμότεροι именно содержится намек на социальный позор, бесчестье, а не на хозяйственную непригодность. Остальные лексикогра-

фы не делают различия между οἰκότριψ и οἰκογενής; только Фриних и Мирид считают οἰκότριψ специально аттическим словом. Вот несколько примеров. У Элиана (XII, 17) речь идет о разных великих людях, любивших играть с детьми; в том числе упомянут философ Архит Тарентский, который, «имея много рабов, любил их детей и играл с οἰκότριβες» (нет никакого презрительного оттенка). Элиан (XII, 43): «Говорят, что Деметрий Фалерский был οἰκότριψ из дома Тимофея и Конона» (тоже). Некоторый презрительный оттенок можно усмотреть, пожалуй, в рассказе историка Посидония у Афиней, где говорится о некоем Афинионе, сыне свободного гражданина и египтянки-рабыни. Этот Афинион сделался одним из друзей царя Митридата и, прибыв в Афины, был принят с величайшим почетом и произнес там речь к народу против римлян⁶². По поводу этой речи Посидоний говорит: πολλῶν οὖν καὶ ἄλλων τοούτων λεφθέντων ὑπὸ τοῦ οἰκότριβος κτλ. Тут, пожалуй, есть какой-то презрительный привкус в этом слове, — именно, что почет был оказан не свободному, а рабу; но презрительный оттенок (может быть, и меньший) был бы здесь и в слове δοῦλος; а назван он οἰκότριψ, а не δοῦλος, потому, что он был рожден уже в доме рабом. Но о какой-либо большей негодности в хозяйственном отношении по сравнению его с δοῦλος, конечно, нет и речи.

Могло бы, пожалуй, служить препятствием для высказанной мною гипотезы об οἰκογενεῖς в комедии то обстоятельство, что, по мнению многих специалистов по этому вопросу, домохозяев в Греции было мало. В доказательство этого указывают, что рабынь было сравнительно мало и что браки между рабами редко дозволялись господами. Такого мнения держатся, например, Büchschütz (с. 125), Е. Трубецкой⁶³; Куторга приводит свое наблюдение на основании надписей: «Из числа 600 до сих пор известных вольноотпущенных, упомянуто только однажды, что дается свобода мужу с женою и с их малолетнею дочерью; все прочие безбрачны»⁶⁴. Другие специалисты, напр. Becker-Göll⁶⁵, Hermann-Blümner⁶⁶, Schömann-Lipsius⁶⁷, напротив, указывают, что число таких домохозяев в Аттике было велико. Латышев говорит: «Афиняне охотно позволяли своим рабам заключать браки, с целью увеличения числа своих слуг, так как дети

⁶² Афиней, V, 51 = p. 213 d.

⁶³ Е. Трубецкой. Рабство в древней Греции, Ярославль, 1886, с. 20–21.

⁶⁴ Куторга. Собр. соч., т. I, с. 171.

⁶⁵ W. A. Becker. Gharikles, Bilder altgriechischer Sitte, bearbeitet von H. Göll. B., 1877, т. III, с. 15–16.

⁶⁶ K. Fr. Hermann, Lehrbuch d. Griechischen Privatalterthümer³, umgearbeitet von H. Blümner. Freiburg-Tübingen. 1882, с. 89, прим. 3.

⁶⁷ G. F. Schömann. Griechische Alterthümer⁴ neu bearbeitet von I. H. Lipsius. B., 1897, I, с. 368.

рабов делались рабами того же господина; дети свободного и рабыни также следовали званию матери»⁶⁸. Некоторые места из Аристофана могут способствовать решению этого спорного вопроса.

Прежде всего, ученые, видящие причину малого числа домочадцев в малом количестве браков между рабами, упускают из виду, что дети рождаются не только от мужа и жены, но и вообще от мужчины и женщины. А так как в каждом греческом доме были рабыни, то они могли производить детей и без брака, как от барина (своего или чужого), так и от своих сотоварищей – рабов. Что барин не брезговал рабыней, это видно из нескольких мест Аристофана. Так, в «Мире», ст. 1138, хор, прославляя радости мира в сельской обстановке, в числе их упоминает и возможность целовать служанку Фратту, пока жена моется. Что дело не ограничивалось поцелуем, видно из другого места, «Ахарняне», ст. 273, где Дикеополь тоже в числе радостей мира на лоне природы упоминает и о том, как приятно позабавиться с чужой рабыней, хорошенькой Фраттой. А в «Экклезиастах», 721, Праксагора, устраивая новое, идеальное государство, находит нужным устранить рабынь от конкуренции со свободными женщинами относительно любви. У Еврипида тоже считается вполне естественной мысль о брачных отношениях пленной рабыни со своим господином. Так (Troad. 202–204), молодые троянки завидуют участи старой Гекубы в том отношении, что им придется выносить более тяжелые несчастья, чем ей, и на первом месте в числе этих несчастий они упоминают «ложе с эллинами» и проклинают «эту [будущую] ночь и судьбу». Впрочем, трудно сказать, какую эпоху имеет в виду Еврипид, – современную ли ему или гомеровскую: в гомеровскую эпоху было обычным явлением, что пленница становилась наложницей победителя. Еще пример. У Лисия в речи по поводу убийства Эратосфена жена Евфилета, изменявшая ему с Эратосфеном, говорит ему, когда он велит ей идти к ребенку: «Это для того, чтоб тебе здесь заигрывать с нашей девчонкой: ты и раньше в пьяном виде приставал к ней»⁶⁹.

Само собою разумеется, что Ксанфии и Фратты тоже не ограничивались одними взглядами друг на друга, даже если им брак и не был разрешен господами, хотя, как видно из выше приведенного места, Праксагора находит брачные отношения между рабами вполне законными. Вновь открытые комедии Менандра также показали, что «брак рабов есть нечто само собою понятное», по выражению Виламовица⁷⁰. Так, в комедии «Герой» молодой раб Дав (Δᾶος)

⁶⁸ Латышев. Государственные древности³, с. 199.

⁶⁹ Лисий, I, 13.

⁷⁰ U. Wilamowitz-Moellendorf u. B. Niese. Staat u. Gesellschaft der Griechen. B. – Lpz., 1910, с. 189.

влюбляется в Плангону – рабыню (впрочем, мнимую), и барин дает согласие на их брак. Еврипид опять может доставить иллюстрацию; пленная Поликсена («Гекуба», ст. 365) печалится, что раб осквернит ее ложе, которое прежде считалось достойным царей⁷¹. В одном отрывке комедии Феопомпа «Немея» раб Спинтер («Искра») зовет к себе рабыню Теолиту: «Старуха Теолита, старуха!» – «Что ты зовешь меня?» – «Чтоб полюбезничать с тобою, милая! Сюда, ко мне, к новому [молодому?] товарищу по рабству! Вот так! хорошо!» [она к нему подошла]. – «Спинтер, нахал! ты заигрываешь со мною!» – «Да, вроде этого»⁷².

Не забудем, что и *пόρνοι*, от которых Праксагора видит также опасность для свободных женщин («Экклезиазусы», ст. 718), были рабыни и что дети, если какие рождались от них, также увеличивали кадры доморожденных рабов.

Число рабов

Как велико было число рабов в век Аристофана, неизвестно; Боше предполагает, что в V и IV в. число их в Аттике было по меньшей мере 300 тыс., при 30 тыс. свободных граждан мужского пола⁷³. Эд. Мейер предполагает для V века максимальное число рабов в 150 тыс.⁷⁴ Белох определяет число рабов в начале Пелопоннесской войны, в 100 тыс. при 135 тыс. свободного населения⁷⁵. Комедии Аристофана не дают точных сведений относительно этого. Но, что число рабов было велико и значительно превышало число свободных граждан мужского пола, можно заключить уже из того, что даже такой бедняк, как Хремил в «Нлутосе», имеет не одного раба, а нескольких: *τῶν ἐμῶν γὰρ οἰκετῶν* [множ. число!] *πιστότατον ἤγούμαι σε καὶ κλεψίσιτον* (ст. 26–27), *στατήρσι δ'οἱ θεράποντες* [множ. число!] *ἀρτιάζομεν χρυσοῖς* (ст. 816). У Бделиклеона в «Осах» по крайней мере 5 человек прислуги: Ксанфий, Сосий, Мидас, Фрикс и Масинтий (ст. 1, 2, 433). Стрепсиад в «Облаках» также говорит о своих слугах во множественном числе: *οἱ οἰκέται, τοὺς οἰκέτας* (ст. 5, 7). Хор в «Мире» (ст. 1146) предполагает у деревенского жителя хотя бы двоих слуг: *τὸν τε Μανθῆν ἢ Σῆρα βωστρησάτω'κ τοῦ χωρίου*. Безымянный гражданин в «Экклезиазусах» (867–868) имеет при себе тоже двоих слуг: *σὸ δ', ὃ Σίκων καὶ Παρμένων...*

⁷¹ См. Masqueray. Euripide et ses idées, с. 351–352.

⁷² CAF, I, с. 741.

⁷³ См. L. Beauchet. Указ. соч., т. II, с. 398–399.

⁷⁴ См. Ed. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte, T II, с. 188.

⁷⁵ См. I. Beloch. Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt. Lpz., 1888, с. 99.

Даже у Диогена был раб, Манес, который, впрочем, от него убежал⁷⁶. Аристофан в «Экклесиазусах», ст. 1133, насчитывает «граждан», вероятно, только мужского пола «более 3 мириад», т. е. более 30 тыс.

Занятия рабов

Занятия рабов у Аристофана довольно однообразны: почти все они принадлежат к числу домашней прислуги; очень немногие, да и то не действующие, а только упоминаемые, являются земледельческими работниками. В «Фесмофориазусах» выведен государственный раб-скиф. Совсем нет упоминания у Аристофана ни о фабричных рабах, ни о рабах в рудниках, о которых имеются сведения из других источников.

Самый обычный тип раба в комедии – это лакей, ἄκολουθος. По афинским понятиям о приличии, каждый сколько-нибудь состоятельный гражданин должен был выходить из дому с лакеем. Так, Кинесий в «Лисистрате» идет на свидание с женой, оставившей его, и все-таки берет с собою Манеса (ст. 908). Во время загородного путешествия лакей также сопровождал барина и между прочим нес на себе его багаж; к этому типу относятся главные персонажи рабов у Аристофана – Ксанфий в «Лягушках» и Карион в «Плутосе». Писфетер и Евельпид в «Птицах» тоже, отправившись искать по свету привольного места для житья, взяли с собою и лакеев Ксанфия и Манодора, которые тащат их багаж (ст. 656–657). Багаж бывал иногда довольно тяжел, и это подавало повод рабам на сцене жаловаться на тяжесть его, иногда с разными неприличными шутками, смешившими зрителей. Аристофан осуждает такие пошлые выходки, как недостойные истинного комизма («Лягушки», ст. 1–34), хотя и сам не чуждается их, как замечает схолиаст к ст. 3 «Лягушек».

Барыню сопровождала горничная: поэтому и Мнесилох, переодетый женщиной, идя на праздник Фесмофорий, тоже ведет с собою Фратту («Фесмофориазусы», ст. 279, 280, 293), Женщины, собравшиеся на этот праздник, также пришли со своими горничными; одна из них, Мания, прислуживает тут барыне (там же, ст. 728, 740, 754).

Не иметь лакея считалось признаком крайней бедности: Праксагора, говоря в «Экклесиазусах», ст. 593, о неравномерном распределении материальных благ между людьми, между прочим указывает и на то, что у одного много рабов, а у другого нет даже лакея. Подтверждением этой мысли может служить жалоба, высказываемая матерью малолетних детей в речи Лисия на то, что дед их, опекун, выгнал их из дому «в истрепанной одежде, разутыми, без слуги, без

⁷⁶ См. Diog. Laer. VI, 2, § 55 = p. 146, 3–5 Didot; Ael. V. H. XIII, 28.

постели, без плащей» и т. д.⁷⁷; тут отсутствие лакея упомянуто наряду с отсутствием самых необходимых предметов, как признак нищеты.

Из женской прислуги упоминается у Аристофана еще στήκις («Осы», ст. 768), рабыня, родившаяся в доме, – женский эквивалент мужского οἰκότροψ, и κομώτρια («Экклесиазусы», ст. 737), – по толкованию схолиаста – камеристка, причесывавшая барыню.

Ни о каких других специальных должностях рабов в комедиях не говорится; но в каждом доме предполагается привратник, к которому и обращается посетитель дома, стуча в дверь; например, Стрепсиад, подойдя к дому Сократа, кричит: λαῖ, λαῖδιον («Облака», ст. 132). То же в ст. 1145: λαῖ, ἦμί, λαῖ, λαῖ. Но у Сократа, по-видимому, привратника не оказалось: при первом приходе Стрепсиада к нему вышел ученик, а при втором сам Сократ. Точно так же Дионис в «Лягушках», ст. 37, придя к дому Геракла, зовет привратника: λαῖδιον, λαῖ, ἦμί, λαῖ; но на стук является сам Геракл.

Упоминается ταμίης – староста, домоуправитель, тоже раб, но которому барин поручал заведование хозяйством и право распоряжаться другими слугами. Таким любимцем барина и неограниченным властителем над рабами представлен Пафлагонец, т. е. Клеон, во «Всадниках»; ему вручена барином печать, которую потом он требует от него обратно: «А теперь отдай мне перстень, так как ты больше не будешь заведовать моим хозяйством». Последние слова схолиаст объясняет: «так как ты больше не будешь заведовать моими деньгами, и не будешь у меня управляющим». Такой же управляющий разумеется в «Осах», ст. 613: «И если мне не надо будет смотреть на тебя и на управляющего, когда он подаст завтрак с проклятиями и ворчанием».

Отношение господ к рабам

Рабы были в полной власти господина: он мог их наказывать, как хотел, но он должен был и кормить их и одевать. Об этой обязанности барина хор так говорит в «Осах», ст. 442 и сл.: «И теперь они [двое слуг] держат силой своего прежнего барина, нисколько не помня о кожухах, безрукавках, которые он им покупал, да еще и шапки; и о ногах заботился, чтобы они не зябли постоянно зимою; но у них в глазах нет стыда перед прежними ... башмаками».

---

⁷⁷ Лисий, XXXII, 16.

Наказания

О наказаниях за проступки рабы у Аристофана всегда помнят. Повидимому, господа никогда не довольствовались словесным выговором, даже за пустячный проступок, а немедленно переходили от слов к «тому, что следует за этим», как выражается сам Карион, грозя слепому Плутосу («Плутос», ст. 56–57): *σαυτὸν ὄντις εἰ φράσων, ἢ τὰτὶ τοῦτοῦς δρῶ*.

Так, в «Облаках», ст. 56 и сл. слуга докладывает Стрепсиаду, что в лампочке нет масла. Барин сейчас же грозит ему побоями (не бьет, правда): «подойди сюда, чтобы ты плакал [т. е. я побью тебя]». – «Почему же я буду плакать [т. е. за что же меня бить?]» – «За то, что ты вставил толстый фитиль». Простые побои были, очевидно, самым обычным наказанием; о них постоянно упоминают и господа, и рабы. Так, в начале «Ос» (ст. 3) Сосий говорит своему собрату Ксанфию, который заснул было на карауле: «значит, ты должен уплатить своим боком какое-то большое зло». В этом месте слово «зло» есть, так сказать, евфемизм вместо слова «побои». Но в «Плутосе», ст. 21, Карион употребляет прямо глагол «бить»: «ведь не станешь же ты меня бить, когда на мне венок», а в ст. 1144 – существительное «побои, удары», вспоминая с Гермесом о прежних временах: «ведь ты не получал столько ударов, как я, когда я попадался в каком-нибудь мошенничестве». В «Лягушках», ст. 812 Эак, разговаривая с Ксанфием, предлагает ему уйти от господ с глаз долой, потому что, когда господа бывают заняты серьезными делами, то рабам плакать приходится. В «Осах», ст. 440 Филоклеон в образных выражениях вспоминает, как он научил рабов «лить четыре [котилы]⁷⁸ слез в хиник». Тот же Филоклеон (ст. 449) напоминает одному из держащих его рабов (комически, как будто о великом благодеянии) о том, как он, заставши его однажды во время кражи винограда, подвел его к маслине и «хорошо, по-молодецки выпорол [спустил с него шкуру], так что всем завидно стало». Буйство подвыпившего Филоклеона испытал на себе раб Сосий, который рассказывает (ст. 1292 и сл.), что он «погиб, расписанный палкою», потому что барин «стал бить его по-молодецки» (ст. 1307); поэтому Сосий завидует счастью черепяхи, у которой спина защищена от ударов ее панцирем (ст. 1292). Битье было таким неотъемлемым признаком рабства, что, по мнению корифея хора в «Осах», ст. 1297, следует называть словом *παῖς* всякого, кто получает побои, хотя бы он был стариком: слово *παῖς* тут производится от глагола *παίειν* (бить).

Били рабов не только сами хозяева, но и поставленные ими управляющие (старосты *ἐπίτροποι*). Такой случай представлен Ари-

⁷⁸ Котила = 0,275 л.

стофаном в комедии «Всадники», ст. 5, где выведенный под видом раба Демосфен жалуется на Пафлагонца (т. е. Клеона), что, с тех пор как он втерся в дом, он постоянно наделяет побоями слуг.

Кроме простого битья (по-видимому, руками или плетью: отсюда выражение *μαστιγίας*), рабы подвергались и более мучительным и длительным наказаниям: были особые орудия для таких наказаний. Из них упоминаются у Аристофана следующие: *χοίτικες καὶ λέβαι* (для ног) («Плутос», ст. 276), *τροχός*⁷⁹. Ксанфий перечисляет целый арсенал разного рода пыток: «привяжи к лестнице, подвесь, стегай плетью из свиной кожи со щетиной, шкуру спусти с него, пытай, укус вливай в нос, накладывая кирпичи, и все прочее»⁸⁰.

К числу наказаний можно, пожалуй, отнести клеймение беглых рабов. Об этом есть упоминание у Аристофана («Птицы», ст. 760): *δραλέτης ἐστῆμμένος*. Клеймо ставилось на разных частях тела, например на лбу, как указывает схолиаст к Эсхиновой речи *περὶ παρατρέσβείας*, 79: «Беглым рабам ставилось клеймо на лбу с надписью: «держи меня: я беглец». В фрагменте комедии Дифила «Любопытный» есть рассказ об одном рыбном торговце, носившем длинные волосы потому будто бы, что он посвятил их богу. Но рассказчик находит, что причина длинных волос другая: у торговца есть клеймо, и он имеет длинные волосы, как прикрытые перед лбом, — очевидно, спуская их на лоб⁸¹.

К чести Аристофана надо сказать, что в его комедиях нигде или почти нигде наказание рабов не производится на сцене: или барин только грозит рабу наказанием, или о нем лишь упоминается; вероятно, тут проявляется то же эстетическое чувство элина, которое препятствовало представлять на трагической сцене акт смерти или убийства. Из слов самого Аристофана видно, что он не любил таких пошлых эффектов⁸². Перечисляя в парабазе «Облаков» подобные приемы, к которым прибегали другие комики и которых чуждался он сам, он упоминает в ст. 541 и битье на сцене: «Старик, произносящий диалог, не бьет палкой своего собеседника, скрывая тем плохие остроты». По поводу этого схолиаст замечает: «Это — намек на актера Гормона: он ради смеха бил палкой стоявших поблизости». Думаю, что и битье рабов Аристофан считал одной из принадлежностей «пошлой комедии» («Осы», ст. 66), которую он осуждал.

В «Облаках», ст. 58 Стрепсиад грозит слуге побоями за то, что он вставил в лампочку толстый фитиль, но, по-видимому, не приводит в

⁷⁹ См. «Плутос», ст. 875; «Мир», ст. 452; «Лисистрата», ст. 846.

⁸⁰ «Лягушки», ст. 618.

⁸¹ FCG, IV, 407 = Афиней, VI, 225а. См. В. Büchschütz Указ. соч., с. 159, прим. 2; М. Letronne, статья в прилож. к изд. Дидо комедии Аристофана, 1884, с. 18.

⁸² См. «Облака», ст. 537; «Осы», ст. 57; «Лягушки», ст. 1.

исполнение свою угрозу. В переводе В. Алексева, впрочем, после слов ст. 58 «поди сюда! вот тебе» сделана ремарка: «бьет раба». Думаю, что это неверно: тогда непонятно было бы будущее κλαύσομαι в следующем ответе раба; διὰ τί δῆτα κλαύσομαι, и Алексеев вынужден перевести его настоящим: «за что ты бьешь меня?» Вернее понимает ход действия Леувен, ставя после ст. 59 ὅτι τῶν παχεῶν ἐνετίθεις θρουαλλίδων ремарку: «раб убегает, очевидно, не подойдя к Стрепсиаду». То же в переводе Дройзена: «Knecht laeuft hinaus» и в переводе Van Daele: «Le serviteur rentre avec la lampe». Starkie (в своем издании «Облаков») при словах διὰ τί δῆτα κλαύσομαι делает ремарку «impudently»; если раб произносит эти слова бесстыдно, нагло, то, конечно, он не подойдет сам для получения оплеухи. В самом тексте нет указания, чтобы раб вскрикнул что-нибудь вроде οἶμοι, как вскрикивает Κυδοιμὸς в «Мире» ст. 257, или вообще реагировал бы как-нибудь на битье. Не надо забывать, что Стрепсиад лежит на койке и поэтому не может ударить слугу, если тот не подойдет. Схолиаст замечает: «Он подзывает слугу ближе к койке, на которой он лежал, угрожая побить его».

Равным образом, наказание раба едва ли производится на сцене в «Птицах», ст. 1329. По словам схолиаста, Писфетер, произнося реплику Μανῆς γάρ ἐστὶ δεῖλός, бьет при этом Манеса. Однако ход действия такой. В ст. 1311 Писфетер приказывает Манесу принести корзину с крыльями (или с перьями) из какого-то здания (θύραζε); Манес медлит; в ст. 1317 Писфетер торопит его (θάττον φέρειν κελεύω), но он все-таки не является; Писфетер опять ему кричит (надо думать, в здание), приказывая торопиться (ст. 1323–1324). В дело вступается корифей хора (ст. 1325) и велит тому же Манесу (τίς)¹³ принести поскорее корзину с крыльями, а Писфетеру советует войти в здание и побудить Манеса побоями, показывая жестом, как надо его бить (τούτων γέ τοῦτον ὦδι); схолиаст замечает: «Хор обращает свою речь к Писфетеру, чтобы он вошел и поторопил слугу». Писфетер принимает совет и произносит слова Μανῆς γάρ ἐστὶ δεῖλός в подтверждение (γάρ) того, что он заслуживает наказания, и, так как Манеса нет на сцене, то, очевидно, Писфетер входит в здание и там уже (т. е. за сценой) наказывает медлительного слугу. А может быть, даже дело не доходит до наказания, а Манес, «услышав эти слова и боясь побоев, выносит корзины с крыльями»¹⁴. Леувен представляет ход действия так: после ст. 1316: «Раб Манодор приносит корзину с перьями»; после ст. 1316: «поставив корзину, раб опять входит в

¹³ Примечание Векк'а в издании Invernizzi: «Хор не другому кому-нибудь приказывает принести корзину с крыльями, но тому самому рабу: τίς часто употребляется о каком-нибудь определенном человеке особенно у аттиков».

¹⁴ Aristoph. Comediae ed. F. H. Bothe, T. I, Lpz., 1858.

дом, а потом уходит»; после ст. 1334: «раб приносит третью корзину»; после ст. 1336: «раба бьют, а потом он убегает»⁸⁵. Но, может быть, судя по будущему οὐ τοι..., ἔτι σοῦ σῆψομαι, и тут дело не доходит до побоев, а Манес убегает: «за медлительность при принесении крыльев он теперь *хочет наказать* его, или действительно наказывает» (Besck). Схолиаст, впрочем, дважды (и к ст. 1329 и к ст. 1335) замечает, что Писфетер бьет Манеса.

Единственное несомненное исключение представляет сцена в «Мире», ст. 255–257, где Πόλεμος бьет кулаком своего слугу Κυδοκίος; но это – аллегорические фигуры, олицетворяющие именно насилие, и потому в счет не идут.

У Еврипида также битье рабов не производится на глазах зрителей; дело ограничивается угрозами. Так (Ion, ст. 666), Ксуф грозит смертью хору, состоящему из рабынь, если они передадут его жене Креузе его разговор с Ионом: «Вам, рабыни, приказываю молчать об этом; а, если скажете моей супруге, смерть вам!» Однако женщины скоро доносят своей госпоже Креузе обо всем происшедшем, не боясь угрозы (ст. 760): «Будет сказано, хотя бы мне пришлось умереть дважды». В Iph. T., ст. 1431 Фоант объявляет хору, состоящему из женщин, что он их накажет, когда у него будет свободное время, за то, что они скрыли от него злой умысел Ифигении и ее соучастников, Ореста и Пилада. Но так как эта угроза высказана в самом конце пьесы, то она и не приводится в исполнение. В Cysl., ст. 210, Полифем грозит сатирам палкой, но все-таки не бьет их: «Кто-нибудь из вас скоро прольет слезы от этой палки». Наконец, в Iph. Aul., ст. 311 старому слуге Клитемнестры, несущему письмо к ней от Агамемнона, Менелай грозит окровавить голову жезлом, если он не отдаст ему письма. Старик противится, и Менелай отнимает у него письмо, но все-таки не приводит угрозу в действие, как видно из дальнейших слов старика, жалующегося Агамемнону лишь на то, что он вырвал силой у него письмо⁸⁶. Таким образом, Еврипид руководился тем же эстетическим чувством, как и Аристофан.

В общем, как нам известно и из других источников, обращение господ с рабами в Афинах было мягким – сравнительно с другими греческими общинами, особенно со Спартой, или с Римом. Нигде у Аристофана нет упоминания о ссылке на мельницу (это есть у Лисия в речи Γ) или о распятии на кресте, о чем часто упоминается в латинской комедии.

Все пьесы Аристофана, кроме «Экклесиазус» и «Плутоса», написаны в эпоху Пелопоннесской войны. Во время нашествий спартан-

⁸⁵ Aristoph. Aves, ed. J. Leeuwen, Lugd. Batav., 1902.

⁸⁶ Iph. Aul. ст. 311, 314–315. См. P. Masqueray. Euripide et ses idées. Paris. 1908, с. 349.

цев в Аттику рабам представлялась особенно легкая возможность перебежать к неприятелю; по словам Фукидида⁸⁷, после занятия Делекелей более 20 тыс. рабов убежало к спартамцам. Это происходило, по-видимому, и в более ранние годы войны, при кратковременных нашествиях неприятеля: указания на это имеются в комедиях Аристофана. Так, во «Всадниках», ст. 20–29 и 73 рабы, обдумывая, как бы им избавиться от барина Демоса, лучшим способом считают ἀυτομολεῖν, и только боязнь попасться останавливает их от этого намерения. В «Мире», ст. 451 («раб, готовый перебежать») хор также предусматривает это обстоятельство. Наконец, в «Облаках», ст. 7 Стрепсиад проклинает войну за то, что она лишила его возможности наказывать слуг. Комментаторы объясняют эти слова тем, что во время войны хозяева были вынуждены смягчить свое обращение с рабами из боязни их побега к спартамцам. Так, схолиаст замечает: «Итак, афиняне не хотели наказывать рабов за провинности, боясь, как бы они не перебежали к спартамцам». Kalinka в комментарии (с. 123) к словам Псевдо-Ксенофоновой Αθηναίων πολιτεία I, 10: οὐτε πατάξαι ἔξεστι αὐτόθι [sc. τοὺς δούλους] обращает внимание на то, что здесь, как и в рассматриваемом нами стихе «Облаков», употреблен один и тот же глагол ἔξεστι. «Невероятно, – говорит он, – что только общие соображения об обстоятельствах времени вызвали в двух столь различных сочинениях столь похожие выражения, из которых οὐκ ἔξεστι, звучит слишком определенно. Я не вижу другого способа объяснить это, как только предположить, что закон, который и рабам в защиту предоставил ὑραφῆ ὄβρεως, или был незадолго до этого издан под давлением военных затруднений, как намекает Стрепсиад, или по крайней мере как-нибудь вновь стал строго применяться. Само собою разумеется, распространение Стрепсиадам на собственных рабов запрещения бить чужих рабов есть только шутливое преувеличение».

Отношение рабов к господам. Дурные и хорошие свойства рабов

Как бы то ни было, потому ли, что суровость хозяева эпоху Аристофана смягчилась, или по другим причинам, например, потому, что люди привыкают и к телесным наказаниям и они перестают производить на них сильный эффект, – но только мы видим из комедий Аристофана, что отношение рабов к хозяевам было довольно благодушным, а иногда и замечательно хорошим.

Если все греки того времени считали рабство необходимым и вполне естественным установлением⁸⁸, то нет ничего удивительного,

⁸⁷ См. Фукидид. VII. 27, 5.

⁸⁸ См. В. А. Шеффер. Афинское гражданство и народное собрание, с. 140–150.

что и Аристофан держался того же мнения. Он был не философ и не задавался вопросом о природе раба; но во всяком случае, по его изображению рабов в комедиях, можно заключить, что он не считал раба лишь «одушевленным орудием», а видел в нем самого обыкновенного человека, – нельзя сказать даже, – скверного, низшего; напротив, рабы у него изображены довольно симпатичными чертами; у них есть достоинство, которых иногда нет у их господ; недостатки их скорее смешны, чем преступны.

Рассмотрим свойства двух рабов, играющих самую большую роль, – Кариона в «Плутосе» и Ксанфия в «Лягушках».

Какие у них дурные стороны? Пожалуй, главной смешной чертой Кариона выставлена его любовь к еде; о ней он никогда не забывает. В ст. 187–192 Хремил и Карион перечисляют разные предметы, которыми человек наконец пресыщается, в противоположность к деньгам, которыми никто никогда не бывает насыщен. При этом Хремил называет предметы отвлеченные: любовь, музыку, почет, добродетель, честолюбие, должность стратега; а Карион называет разные съедобные вещи: хлеб печеный, десерт, пироги, винные ягоды, тесто, чечевицу. На эту черту обратил внимание и схолиаст: «Смотри: барин говорит о предметах, подходящих для него, а раб – о предметах, полезных для него». В другой схолии сказано еще яснее: «Раб говорит о том, что имеет отношение к желудку, влетая это в серьезные речи барина ради забавы, свойственной комедиям». Карион, приведя земледельцев, за которыми посылал его Хремил, говорит им: «я пойду и потихоньку от барина возьму хлеба и мяса и буду жевать во время этого дела» (т. е. заботы относительно исцеления Плутоса – ст. 320–321).

В святилище Асклепия, куда Хремил и Карион привели слепого Плутоса для исцеления, ночью, Карион заметил, что у одной старухи из числа пациентов этого бога есть горшок с кашей (принесенный ею в дар богу). «Я не мог уснуть, – рассказывает он (ст. 672), – меня сводил с ума горшок с кашей, стоявший неподалеку от головы какой-то старушонки, к которому мне ужасно хотелось подползти». И Карион исполнил свое намерение; посвистал и схватил зубами ее руку, как будто священная змея. Она сейчас же в страхе отдернула руку, и Карион наелся каши досыта.

Ксанфий в «Лягушках» тоже не прочь вкусно покушать. Странствуя с Дионисом в преисподней, он почуял запах жареных поросят, – очевидно, принесенных в жертву мистами, составляющими хор этой комедии. Он благоговейно восклицает (ст. 337 и сл.): «О владычица, многотимая дочь Деметры! как вкусно на меня пахнуло поросьям мясом!»

По-видимому, любовь к еде считалась (и, может быть, действительно была) обычным рабским пороком. В «Мире», ст. 14, слуга, меся тесто из навоза разных сортов для огромного жука, на котором Тригей собирается лететь к Зевсу на небо, находит ту хорошую сторону в этом скверном занятии, что никто не скажет, будто он ест это тесто. К этому стиху схолиаст замечает: «Обыкновенно, меся тесто, едят» и прибавляет, ссылаясь на один стих из потерянной комедии Аристофана Ἦρωεξ, что, в предупреждение возможности есть тесто, был придуман особый снаряд – *καυσικάλη*, имевший вид круга, который надевали рабу на шею, чтобы он не мог поднести руку ко рту. Даже одно из рабских имен, *Μασούτιας* («Осы», ст. 433), как я уже говорил, происходит от *μασάσθαι* (жевать).

Таким же любителем еды изображается Гермес, который у Аристофана является просто слугою богов. В «Мире», ст. 191 и сл., Гермес, встретивший явившегося на небо Тригея очень недружелюбно, мгновенно принимает ласковый тон, как только Тригей ему подносит мясо. Это отметил и схолиаст: «Он говорит это Гермесу, как лаккомке. Увидав мясо и получив его, он тотчас смягчился и, преложив свой гнев на милость, жалеет его». Таким же он представлен и в «Плутосе» (ст. 1136 и сл.), где он просит Кариона, как своего собрата (схолия к ст. 1134), дать ему хорошо испеченного хлеба и здоровый кусок мяса.

Но замечательно, что в склонности к выпивке рабов не обвиняют. Правда, во «Всадниках», ст. 85 и сл., Демосфен и Никий, выведенные под видом рабов, пьют вино, и Демон произносит панегирик вину; но, так как он на самом деле не раб, то это нельзя считать характерной рабской. В «Осах», ст. 80, Сосий одобряет «любителей выпить», находя, что «эта болезнь свойственна хорошим людям», и схолиаст по доводу этого замечает: «Как пьяница, раб хвалит пьянство». Но восхваление вина встречается часто в греческой литературе и не доказывает еще, что авторы таких восхвалений были пьяницы⁸⁹. Но такое мнение не имеет основания в словах текста. В «Плутосе», ст. 644 Карион, принеся барыне добрую весть об исцелении Плутоса, просит ее скорее принести вина: «Скорей, скорей неси вина, барыня!», по поводу чего схолиаст замечает: «Когда приходило известие, был обычай пить вино». Но Карион при этом говорит барыне колкость: «Чтобы и самой тебе выпить: ты очень любишь это делать»: женщины у Аристофана представляются любительницами выпивки. («Он упрекает ее, как любительницу вина», — замечает схолиаст к ст. 644). Подобную же колкость Карион говорит барыне и

⁸⁹ Aristophanes. Comedies, ed. B. Rogers. L., 1902. Судя по его ремаркам к «Осам», ст. 8–9 «producing a wine-flask» и «producing another» предполагает, что рабы в «Осах» пьют вино.

в ст. 737, рассказывая о быстроте исцеления Плутоса: «Ты не успела бы, барыня, выпить 10 котил вина, как Плутос уже стоял зрячим». Это – очень большое количество: без малого 3 шампанских бутылки. И относительно этого правильно говорит схолиаст:

«Как если бы он сказал: «не успела бы ты сказать пяти слов» или «не успела бы ты плюнуть»: он насмехается над женщинами, как склонными к пьянству». Но ведь осмеивать женщин «как склонных к пьянству» может лишь тот, кто сам непричастен этой страсти. И замечательно, что оба раза хозяйка не делает ему обратного упрека в том, что он и сам не прочь выпить. Стало быть, этот порок не был характерным для рабов. В «Мире» ст. 537, подвыпившая служанка (δοῦλης μεθυούσης) представляется как один из показателей благоденствия во время мира; именно изобилия пиршества, как замечает схолиаст: «изобилие угощения, когда и рабыни пьяны»⁹⁰. Как бы то ни было, у Аристофана нигде не выводятся на сцену пьяные люди вообще и пьяные рабы в частности: должно быть, это ему казалось пошлым (φορτικόν); но другие комики не гнушались этим эффектом: на это указывает Аристофан в «Облаках». ст. 555, где он, браня Евполида, ставит ему в упрек и то, что он вывел в своей комедии «Марикас» пьяную старуху, которая плясала кордак. У Эпихарма и в Новой аттической комедии также, пьяные выводились, по большей части рабы, как об этом свидетельствует и Дион Хрисостом: «В комедиях и маскарадах вывода пьяными Кариона и Дава, не очень возбуждают смех»⁹¹.

Но рабам часто приписывается другой порок – склонность к воровству, конечно, мелкому. На этот порок указывает уже приведенный выше ст. 14 «Мира». Есть и другие места на эту тему. Хремил в «Плутосе», ст. 27 говорит Кариону, что считает его самым верным из своих слуг, но тут же комически прибавляет неожиданно «и самым вороватым» (καὶ κλεψίστατον). Схолиаст правильно замечает: «Следовало бы сказать так: "я считаю тебя вернейшим и преданнейшим", а он против ожидания сказал "вороватейшим". Ведь всегда рабы крадут барские вещи». Гермес в «Плутосе», ст. 1139, упрекая Кариона в неблагодарности к нему, Гермесу, напоминает ему о его прежних проделках: «А между тем, когда ты воровал у барина какую-нибудь посудинку, я всегда делал так, чтобы ты не попался». Филоклеон в приведенном выше ст. 449 «Ос» также напоминает держащему его рабу о том, как он воровал виноград.

Аристофан подсмеивается и над мелкими пороками рабов, Так, в «Плутосе», ст. 821 Карион, только что начавший жить в богатстве,

⁹⁰ W. G. Rutherford. Scholia Aristofanika in the Codex Ravennas. L., 1896.

⁹¹ Or. 32 = v. 1, p. 432, 17 Dind. См. Th. Bergk. Griechische Literaturgeschichte, IV B., 1887, с. 176 и прим. 8.

уже оказывается таким нежным, что не может выносить жертвенного дыма, тогда как барин может: «Барин с венком на голове в доме приносит в жертву свинью, козла и барана; а меня выгнал дым: я не мог оставаться в доме: дым ел мне глаза». Схолиаст замечает: «Перемена во всем: барин выносит дым, а раб – нет».

Больше характерных черт рабских пороков представляет Ксанфий в «Лягушках». По определению своего барина Диониса, он – *λαγούργος*. Это слово с очень растяжимым значением, в роде нашего «мошенник»; здесь по-видимому, с оттенком низости, подлости (Rogers переводит: «for there's no man baser»). По словам схолиаста (к «Лягушкам», ст. 35) это – довольно сильное ругательство.

Много материала для рабской психологии дает разговор Ксанфия с его адским собратом Эаком (ст. 737 и сл.), самый древний образец разговоров между рабами, не как исполнителями воли своих господ или потешающими публику, но как членами известного класса, говорящими о своих собственных чувствах, о том, что им самим нравится или не нравится. Таких разговоров было довольно много в позднейшей греческой комедии, как видно из римских подражаний⁹². Эак. «Клянусь спасителем Зевсом, твой барин – благородный!» Ксанфий. «Еще бы не благородный, когда он умеет только пить, да с бабами забавляться!» Эак. «Как это он не побил тебя, когда обнаружилось, что ты, раб выдавал себя за барина?» Ксанфий. «Досталось бы ему!» Эак. «Вот это сейчас ты сделал, как следует настоящему рабу; это то, что я люблю делать». Ксанфий. «Любишь? Скажи на милость!» Эак. «Нет! Это для меня верх блаженства [я на седьмом небе себя чувствую], когда я потихоньку шлю проклятия барину». Ксанфий. «А любишь ворчать, когда тебя здорово побьют и ты уходишь вон?» Эак. «И это люблю». Ксанфий. «А всюду нос совать?» Эак. «Лучше этого ничего нет на свете». Ксанфий. «Зевс, покровитель братства? А подслушивать, что господа болтают?» Эак. «Люблю до безумия!» Ксанфий. «А разбалтывать это всем и каждому?» Эак. «Я-то? Да так рад, когда это делаю, словно у меня ночное осквернение бывает!» Ксанфий. «О Феб Аполлон! Дай мне руку, позволь поцеловать тебя, и сам поцелуй меня, и скажи мне ради Зевса, который для нас с тобою – покровитель братства плутов... [пауза]. Что это за шум в доме, крик и брань?»

При таких чувствах раба по отношению к барину, вполне понятно злорадство Ксанфия, когда на Диониса нападают две трактирщицы: ст. 552 *καὶν ἤκει τὶνί*; ст. 554 *δώσει τις δίκην*. Эти реплики Ксанфий произносит потихоньку, в сторону, если верить схолиасту: «Ксанфий говорит тихо»; также и следующую реплику в ст. 563 *τοῦτου λάνω*

⁹² См. В. Rogers. Указ. соч., прим. к ст. 738 «Лягушка».

τοῦρου, οὐτος ὁ τρίλος πανταχοῦ он произносит «незаметно для Диониса», согласно ремарке Леувена, «натравляя женщин на Диониса» (схолиаст).

Барину своему Ксанфий и в глаза говорит грубости. В ст. 486 он называет его «величайшим трусом среди богов и людей». Такой же смысл имеет его ироническое восклицание в ст. 491 «какая храбрость, о Посидон!» В ст. 41, на хвастливое замечание Диониса, что Геракл его страшно испугался, Ксанфий отвечает: «[да, он испугался] не сошел ли ты с ума». Впрочем, может быть, он произносит эту фразу в сторону, хотя комментаторами это не отмечено. В ст. 34 Ксанфий жалеет, что он не участвовал в сражении при Аргинусских островах, за участие в котором рабам была даѐна свобода, и прибавляет: «тогда я послал бы тебя ко всем чертям» (говоря современным языком) – ἢ τὰν σε κοκκίειν ἄν ἐκέλευον μακρά. Но возможно, что и эти слова он произносит в сторону или, по ремарке Леувена, *secum missitans*. Конечно, и в этом случае его чувства к барину видны. Однако вероятнее, что барин слышал эти слова, потому что вслед за тем он называет его *πανοῦρος*.

Таким образом, Ксанфий является одним из первых типов в *аттической* литературе, по крайней мере, дошедшей до нас, где проглядывает классовая рознь.

Мягче его настроен к господам (своим и чужим) Карион в «Плутосе». Правда, и он называет в ст. 46 Хремила ὦ σκαϊότατε, что является далеко не нежным эпитетом: «дурак!» Он тоже, в ответ на угрозы барина побить его, бросает дерзкое слово *λῆρος* (ерунда) (ст. 23). По этому поводу один из схолиастов сделал тонкое (может быть, даже черезчур тонкое) замечание, что слова οὐ γὰρ παύσομαι Карион, может быть, сказал вслух, а *λῆρος* сказал про себя; а другой схолиаст находит, что Карион и цели своей достиг, и не мог быть обвинен в оскорблении: «имея в виду оскорбить барина, он ловко сказал неопределенное *λῆρος* (ерунда), а не *ληρεῖς* (ты говоришь ерунду). О его насмешках над барыней по поводу любви ее к выпивке (ст. 644, 737) мы уже говорили.

С чужими господами Карион еще меньше церемонится. Ведя по приказу барина стариков-соседей к нему, он их называет ὦ πονηροί (ст. 265).

Правда, в рукописях и во многих изданиях это слово имеет другое ударение – *πὼνηροι*. Дело в том, что, по учению древних филологов, это слово бывает *βαρύτονον*, когда оно употребляется в смысле *ἐπιτόνος* (обремененный трудами) или *κακολαθής* (несчастный) (Hesych. Etymol. M., Herodian. Schol. ad Arist. Nub. 102, Pl. 127. 220 и др. – См. критич. примеч. Classen'a и Porro-Stahl'я к Thuc. VII, 48,1; Kühner-Blass, I, p. 525); Herodian, I, p. 197; «Надо знать, что в словах *πὼνηρος* и *μὀχθηρος* аттики ставят ударение не на

последнем слоге, но на 3-м слоге от конца, когда оно означает «обремененный трудами», «несчастный»; а когда они означают людей скверных душою, тогда ставят ударение на последнем слоге». Поэтому и здесь, по объяснению старых комментаторов, *πῶνηροι* значит «которые ведут жизнь суровую и трудовую» (Spanheim). «Так называются они, потому что были земледельцы и притом трудолюбивые» (Beckius). Один из схолиастов упорно объясняет слово *πῶνηροι* прямо словом *γεωργοί* «земледельцы» («Плутос», ст. 265, 442, 1108).

Правило это и само по себе мало надежно; но, кроме того, в данном случае разве есть возможность узнать, с каким ударением написал бы Аристофан это слово? В его время ударения не писались. Поэтому Dindorf, а за ним Velsen, Blaydes, V. Leeuwen изменили ударение в виде *πῶνηροι*. A Bothe находит, что зрители, слыша ударение *πῶνηροι*, тем не менее могли понимать его и в смысле *πῶνηροι*: «Однако я не могу отрицать, что шуточный раб нарочно употребил двусмысленное слово, чтобы зрители могли понять его и в смысле *πῶνηροι*».

Но, кажется, для определения значения этого слова (особенно в обращении *ὦ πῶνηρέ, ὦ πῶνηροι*) и нет особенной необходимости исследовать его ударение: по какой-то странной для нас, но свойственной древним, ассоциации, греки смешивали понятия «несчастный» и «дурной» (в нравственном отношении): не только *πῶνηρός* и *μοχθηρός*, но и другие подобные слова, как *τλήμων, τάλας, какоδαίμων, δύστηνος*, могут иметь оба эти значения, которые для грека, по-видимому, сливались в одно (см. Ellendt, *Lexicon Sophocleum in v. τλήμων*: «присоединяется значение негодного и преступного человека»), например *Soph. El. 121 ὦ παῖ, παῖ, δυστανοτάτας Ἥλεκτρα ματρός* (*filia improbissimae matris*). К этому стиху схолиаст дает пояснение – «проклятой»: здесь идет речь не о жалости». Другие подобные места: *Soph. El. 275, 439; Aeschyl. Choeph. 384; Anth. Pal. XI, 416⁹³*.

Думаю, что в таком же смысле надо понимать *ἀθλία* у Лисия, XXXII, 13: *οὐχ οὕτως ἐγὼ ἀθλία οὐδ' οὕτω περὶ πολλοῦ ποιοῦμαι χρήματα, ὥστ', ἐπιорκίσασα κατὰ τῶν παιδῶν τῶν ἐμαυτῆς, τὸν βίον ἐκλείπειν, ἀδίκως δὲ ἀφελέσθαι τὴν τοῦ πατρὸς οὐσίαν* (я не настолько бессовестна [нравственно испорчена]...). У нас имеется даже древнее свидетельство о том, какое *ἦθος* присуще обращению *ὦ μοχθηρέ* (вполне синонимичному с *ὦ πῶνηρέ*). Сократ в Платоновом «Федре» (268 E) приводит пример грубого и более мягкого способа выражения, причем в состав первого помещает обращение *ὦ μοχθηρέ*, в состав второго *ὦ ἄριστε*: *οὐκ ἀγρίως εἶποι ἄν' ὦ μοχθηρέ, μελαγχολᾷς, ἀλλὰ .... πρῶτερον, ὅτι ὦ ἄριστε κτλ.* По наблюдению Neil'я (The

⁹³ Замечательно, что и лат. *miser* имеет такое же двойственное значение. Вот что говорит Ruhnkен в предисловии к лексикону Шеллера (р. XI): «*Miser*. Здесь следовало бы указать значение этого слова: преступный, негодный, особенно как ругательство. Terent. Eun. 3, 1, 28 *hominem perditum miserumque*. 5, 5, 11 *eam iste vitiauit miser*. Так же употребляется и французское *malheureux*».

Knights of Aristophanes, p. 208), звательный падеж ὦ ποιηρέ, ὦ μοῦθηρέ, столь обычный в аттическом разговоре, употребляется с оттенком гнева или презрения. Итак, с каким бы ударением мы ни произнесли Карионово обращение к старикам ὦ ποιηροί, во всяком случае оно довольно непочтительное, особенно в устах раба по отношению к афинским гражданам. Такое отношение мы назвали бы теперь амикишонством.

Фамильярность Кариона с этими «мелкопоместными дворянами» доходит до грубоватых насмешек: когда старики спрашивают его, по какому делу барин его зовет их, он, издеваясь над ними, говорит только, что барин привел к себе какого-то старика с разными старческими недостатками, умалчивая, однако, что это – сам Плутос, даже говорит, что им уже пора умирать, Харон их дожидается. Эти издевательства вызывают, наконец, у стариков сердитое восклицание διαρραυεῖς (чтоб ты лопнул!).

Впрочем, в общем Карион настроен к ним благодушно; в своем первом обращении к ним он их называет: «О вы, поевшие много лука вместе с моим барином, друзья, земляки, любители труда!» (ст. 253–254).

Эти драматические картинки фамильярных до дерзости отношений рабов к господам служат превосходной иллюстрацией того озорства ἀκολασία рабов в Афинском государстве, на которое жалуется один современник Аристофана: «У рабов и метеков в Афинах очень большая распушенность; нельзя там ударить раба, и он не посторонится перед тобою»⁹⁴. Платон в знаменитой своей характеристике крайней демократии также упоминает как о признаке этого о том явлении, «когда купленные рабы и рабыни бывают несколько не менее свободны, чем купившие»⁹⁵. Где Платон (или Сократ) видел такое положение дел, он не говорит; но судя по тому, что другое проявление крайней свободы, именно со стороны лошадей и ослов, собеседник Сократа Адимант сам часто наблюдал, «идя в деревню»⁹⁶, надо думать, что нечто подобное и относительно рабов можно было заметить в тогдашних Афинах. Позднее, в IV веке, Демосфен говорил (IX, 3), что в Афинах можно видеть многих слуг, пользующихся большей свободой слова, чем граждане в некоторых городах.

Хорошие качества рабов

Менандр рекомендовал именно свободу слова (παρησία) как средство для улучшения рабов (в нравственном отношении) «Если раб будет учиться быть во всем рабом, он будет негодяем; давай ему

⁹⁴ Псевдо-Ксенофонт. Афинское государственное устройство, I, 10.

⁹⁵ Платон. Государство, 563 В.

⁹⁶ Там же, 563 D.

свободу говорить, это делает его гораздо лучшим»⁹⁷. Быть может, эта сравнительная свобода рабов в Афинах, хотя и порождаящая их ἀκολασία, тем не менее способствовала тому, что были рабы, относившиеся к господам благожелательно, близко принимавшие к сердцу их интересы и вообще отличавшиеся известными нравственными достоинствами, вопреки учению философов о том, что рабу не свойственна «добродетель».

Аристофан, по крайней мере, изображает Кариона и отчасти Ксанфия симпатичными чертами.

Карион проявляет свою солидарность с интересами барина уже с самого начала пьесы. «Как тяжело, — говорит он, — попасть в рабство к сумасшедшему господину! Ведь если слуга подаст самый хороший совет, но его хозяин решит поступить не так, то слуге по необходимости приходится делить с ним несчастья», (являющиеся следствием неразумного образа действий барина)⁹⁸. Видя, что Хремил идет по следам за слепым человеком, Карион приходит к мысли, что барин сошел с ума, и сердится на Аполлона (ст. 8), что он «будучи врачом и прорицателем, как говорят, умным, отпустил барина моего сумасшедшим».

С опасностью для себя быть битым, он пристает к Хремилу с вопросом о цели такого странного поступка его (ст. 18 и сл.). Он прибавляет, что пристает к нему не из пустого любопытства, а по очень большому расположению к нему (ст. 251). Хремил верит ему и сам заявляет, что считает его самым верным из своих слуг, хотя и самым вороватым (ст. 27), и рассказывает ему, в чем дело. Узнавши, что это делается по приказанию бога, Карион опять с тою же заботливостью об интересах барина, приступает к выяснению личности слепого старика, чтобы определить смысл оракула, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами для этой цели (ст. 56): σὺ πρότερον σαυτὸν, ὅστις εἶ, φράσον, ἢ τάλλι τοῦτοῖς δρῶ. (ст. 65): εἰ μὴ φράσεις γάρ, ἀλλ' σ'

⁹⁷ FCG, IV, 181 = CAF, III, 107, fragm. 370.

⁹⁸ «Плутос», ст. 1–5. Для ст. 5 μετέχειν ἀνάγκη τὸν θεράποντα τῶν κακῶν дается комментаторами двойное толкование: 1) «слуге необходимо делить [т. е. с бариним] его несчастья»; 2) «слуге необходимо получать побои» (схолиаст: τῶν ἐκ τοῦ δεσπότητος κλητῶν καὶ τιμωρίῶν). Мне кажется, необходимо принять первое толкование: μετέχειν естественней понимать в смысле «иметь вместе с кем-нибудь, делить с кем», чем в смысле просто «иметь, получать»; к тому же при втором толковании член при κακῶν является излишним, как уже заметил схолиаст, ссылаясь лишь на то, что «у аттиков часто член бывает ненужным». А при первом толковании член вполне уместен: «несчастья, которые являются следствием упомянутого неразумного образа действия барина». Сверх того, стих Филемона (FCG, IV, 17), по-видимому навеянный нашим местом из «Плутоса» или даже заимствованный из него, подтверждает первое толкование: κακὸν ἐστὶ δοῦλος δεσπότης πράττων κακῶς· μετέχειν ἀνάγκη τῶν κακῶν γὰρ ἴγυεται.

ὄλω κακὸν κακῶς, (ст. 68): ἀλοῶ τὸν ἄνθρωπον κάκιστα τοῦτονί κτλ. Средства эти помогли; старик открывает свою тайну: он – Плутос. Когда Плутос пессимистически говорит, что все люди – скверны, Карион, – очевидно, обижаясь, что он и барина причисляет к этим «всем как есть», – гневно восклицает: «Худо тебе будет!»⁹⁹

Когда речь заходит об исцелении Плутоса от слепоты и Хремид сам хочет взять на себя это рискованное дело («хотя бы пришлось умереть» ст. 216), Карион сейчас же вызывается принять участие в нем («если хочешь, то и я» ст. 217). Как только Хремил дает ему первое поручение, Карион уже от нетерпения, не давая ему докончить приказание, перебивает его вопросом: «Что мне делать, говори» (ст. 222). Ведя стариков-соседей к Хремилу на помощь, он от радости пляшет вместе с ними (ст. 290). Конечно, он принимает участие в исцелении Плутоса, сопровождает его в храм Асклепия и, увидев там, что Плутос уже прозрел, от радости хлопает в ладоши (ст. 739) и будит барина. Наконец, благодаря Плутосу Хремил разбогател. Карион, вполне разделяя интересы барина, отождествляет себя с ним, уже говорит «мы», «у нас»: «К нам в дом вломилась куча счастья» (ст. 804); «Какая нам может быть от тебя польза, если ты здесь будешь?» – говорит он Гермесу, желающему поступить в услужение к новому барину (ст. 1152). «Мы богаты, так что же нам за надобность кормить торгаша Гермеса?» – продолжает он (ст. 1156) и наконец соглашается принять его на службу (ст. 1168). Подобным же образом слуга в «Облаках» (ст. 56) докладывает барину Стрепсиаду: «масла у нас нет в лампе». Леувен видит в этом признак бесстыдства раба; думаю, что это чересчур строгий приговор. Ближе к истине мнение Starkie: «he identifies, in a familiar way, his master's interests with his own». Körte (в предисловии к изданию Менандра, р. XX) тоже видит в этом признак верного раба. Когда приходит Сикофант с жалобой на новый порядок вещей, из-за которого ему стало плохо жить, Карион сурово осуждает его за то, что он не занимается никаким полезным трудом¹⁰⁰.

⁹⁹ «Плутос», ст. 111. Я следую обычному распределению ролей в этом месте пьесы. Но в рукописи V и в некоторых изданиях (Blaydes, V. Leeuwen, Rogers) ст. 106 «клянусь Зевсом, нет другого [хорошего человека], кроме меня» дается Кариону. В таком случае восклицание Кариона в ст. 111 «Худо тебе будет!» должно выражать его негодование не за барина, а за себя, – за то, что Плутос и его, Кариона, включает в число скверных людей. Вопрос этот едва ли можно решить с достоверностью.

¹⁰⁰ См. «Плутос», ст. 901 и сл. Впрочем, в некоторых рукописях и изданиях действующим лицом в сцене с Сикофантом назван Хремил (ср. схолии к ст. 825: «Честный человек, с которым разговаривает или Хремил или раб»). Это обстоятельство (что ни древние, ни новые ученые не имеют критерия для отличия речи раба от речи гражданина) тоже служит иллюстрацией высказанного мною положения о том, что все рабы говорят чистым аттическим языком.

Карион храбр: когда Сикофант не хочет добровольно отдать свой плащ и башмаки и, по привычке внушать всем страх (Rogers), предлагает и теперь желающему подойти к нему и взять эти вещи силой, Карион говорит: «так вот я – тот желающий» (ст. 929), и снимает с сикофанта плащ и башмаки. Он не боится и самих богов: «Клянусь Зевсом, – говорит он Гермесу, и никто не будет приносить вам [богам] жертв, потому что вы плохо заботились о нас» (ст. 1116–1117).

Но, что всего замечательнее для характеристики Кариона, это – то, что Аристофан включает и его в число «добродетельных» людей: милость Плутоса коснулась только людей добродетельных; это высказывает сам Карион по поводу подходящего «Честного человека»: «видно, что ты, как кажется, из людей честных» (ст. 826). Конечно, можно сказать, что Карион попал в число этих счастливых, так сказать, механически, – потому что в число их попал его барин; но все-таки было бы странно, если бы скверный раб удостоился этой чести.

Добродетель Кариона по преимуществу – рабская; она заключается главным образом в его преданности господину. В этом отношении добродетель Ксанфия отличается от Карионовой: у Ксанфия она более общечеловеческая.

Главное достоинство у Ксанфия – это храбрость. В то время как Дионис изображен презренным трусом, который всего боится¹⁰¹; Ксанфий, напротив, является смельчаком, для которого нет ничего страшного. Таким контрастом это свойство его особенно подчеркивается. Да он и сам не прочь поугагать своего трусливого барина. Только что Дионис похвастался при первых шагах своего вступления в тьму преисподней, что он желал бы встретить что-нибудь и совершить подвиг. Ксанфий делает вид, будто верит в храбрость своего барина (ὦ τὸν Δία, – ст. 285), и сейчас же подвергает ее испытанию: то слышит он какой-то шум, то видит разные чудовища. Трудно сказать, видит ли он их в действительности, или только притворяется, что видит, с целью поугагать барина (Rogers). Во всяком случае, цель его достигнута: Дионис ведет себя самым недостойным образом. Всю эту сцену (ст. 285–311) стоит привести.

Ксанфий. «А вот, клянусь Зевсом, шум какой-то слышу я». *Дионис.* «Где, где он?». *Ксанфий.* «Позади». *Дионис.* «Ступай назад». *Ксанфий.* «Нет, впереди он». *Дионис.* «Так вперед иди». *Ксанфий.* «А вот большого зверя вижу я». *Дионис.* «Какого?» *Ксанфий.* «Ужасного, и образы он принимает всякие; то бык он, то осел, то женщина прелестная». *Дионис.* «А где она? Давай, наброшусь на нее я». *Ксанфий.* «Но вот уж и не женщина она; в собаку превратилась». *Дионис.* «Знать, Эмпуса это». *Ксанфий.* «По крайней мере, все ее

¹⁰¹ По словам схоластика к «Лягушкам», ст. 40 (в Rav.), Дионис и вообще изображался на сцене (комической?) трусом.

лицо огнем горит». Дионис. «Да и нога из меди у нее?» Ксанфий. «Да, а другая из навоза. Будь уверен». Дионис. «Куда мне скрыться». Ксанфий. «А мне куда?» Дионис. «О жрец, спаси меня; и пить с тобой я буду». Ксанфий. «О Геракл владыко, мы погибнем». Дионис. «Любезный, бога ради, не зови меня и имени не говори ты этого». Ксанфий. «Ну, так Дионис». Дионис. «Ах, это имя еще хуже». Ксанфий. «Иди своей дорогой. Сюда вот, барин». Дионис. «А что такое?» Ксанфий. «Не бойся уж теперь. Вполне мы безопасны и с Гегелохом можем мы сказать: и после бури выглянуло солнце. Эмпуса убралась». Дионис. «Ты побожись». Ксанфий. «Ей-ей». Дионис. «Еще раз побожись». Ксанфий. «Ей-ей». Дионис. «Побожись». Ксанфий. «Ей-ей». Дионис. «Ах я несчастный, как я побледнел, ее [Эмпусу] увидев». Ксанфий. «А этот покраснел [жрец Диониса] ведь до ушей из страха за тебя»¹⁰². Дионис. «Увы, откуда надо мной стряслось несчастье такое? Кого мне из богов винить в гибели своей? Эфир, Зевесу опочивальню, или времени стопу?..»

Опасность миновала. Наши путники приходят ко дворцу Гадеса. Но тут их встречает новая беда: Эак, привратник Галеса, увидев Диониса в костюме Геракла, хочет напустить на него адских чудовищ в наказание за увод из ада Кербера. Дионис опять перепугался до крайности; но Ксанфий снова показывает свою храбрость: «А ты разве не испугался этого треска слов и угроз?» – спрашивает его Дионис. – «Клянусь Зевсом, – отвечает Ксанфий, – даже и внимания не обратил» (ст. 493). Опять Дионис прибегает к защите своего слуги: просит его поменяться с ним костюмом и ролями. Ксанфий соглашается: «Посмотри на Геракло-Ксанфия, буду ли я труслив и похож на тебя отвагой!» Но тут как раз выходит из дворца служанка Персефоны и приглашает мнимого Геракла на роскошный обед к царице преисподней. К чести Ксанфия надо сказать, что он дважды отказывается, – в самой учтивой форме: κάλλιот' ἐπαίνω¹⁰³ (ст. 508), πάνυ καλῶς¹⁰⁴ (ст. 512) (очень благодарен). И только после третьего приглашения, когда служанка упомянула, что к его услугам уже находятся в доме флейтистка и две-три молоденькие танцовщицы, Ксанфий не может устоять против такого соблазна, – велит служанке сказать танцовщицам, что он идет своей особой; это уже довольно невежливо: обходя хозяйку Персефону, от которой он получил приглашение, он велит «прежде всего» сказать танцовщицам о своем

¹⁰² Смысл этого стиха неясен: никому из комментаторов – ни древних, ни новых не удалось его разгадать.

¹⁰³ Схолиаст замечает по поводу этой формулы: «Древние, в знак отказа от чего-нибудь, говорили: «κάλλιот' ἐπαίνω» и «ἐπίνου».

¹⁰⁴ Схолиаст к ст. 888 по поводу слова καλῶς говорит: «Еврипид в знак отказа говорит καλῶς».

приходе (Rogers). Теперь он уже вполне берет на себя роль барина, а Дионису, как слуге, говорит: «человек, за мною с багажом иди» (ст. 521). Это, конечно, может служить доказательством той *παυουρύα* Ксанфия, которую в нем предполагает Дионис; но смягчающим обстоятельством служит *παυουρύα* самого барина¹⁰⁵.

Дионис, видя, что дела приняли благоприятный оборот, сейчас же отнимает у Ксанфия роль Геракла, чтобы взять ее себе. Ксанфий отдает ее (ст. 522).

Дионис. «Эй ты, пообожди. Так разве шуток ты не знаешь? Я в шутку нарядил тебя Гераклом. Ну, Ксанфий, перестань дурачиться, возьми багаж да понеси его». *Ксанфий.* «А, это что? Ты хочешь, кажется, отнять, что сам мне дал?» *Дионис.* «Не только я хочу, но к делу приступаю уж. Снимай же шкуру [т. е. львиную]». *Ксанфий.* «Богов в свидетели я призываю и суд предоставляю им». *Дионис.* «Каких богов там? Не глупо ли и безрассудно, что, смертным будучи, ты, и рабом, надеялся Алкмены сыном быть?» *Ксанфий.* «Изволю, пусть будет так. Авось, захочет бог, чтоб с просьбою еще ко мне ты обратился».

¹⁰⁵ О том, что рабы и особенно рабыни при случае стремились занять место господ и госпож, мы знаем и из других источников. Вот несколько примеров соперничества рабынь с госпожами. В речи Лисия об убийстве Эратосфена (I, 12) подсудимый Евфилет рассказывает, что жена его, с целью прикрыть свои проказы, разыграла перед ним сцену ревности, упрекая его, будто он и прежде был неравнодушен к служанке и теперь хочет ее (жену) выпроводить к ребенку, чтоб иметь свободу действий со служанкой. Феофраст в числе неприятных сторон брака указывает и на то, что жена постоянно спрашивает, о чем он говорил со служанкой. — О софисте Горгии Плутарх передает такой рассказ (Conjugalia praeserta, 43 = Moralia, p. 171, 22 Didot). «Когда оратор Горгий прочитал в Олимпии эллинам речь о согласии, то Меланф сказал: «Нам подает совет о согласии тот, кто не убедил троих в частной жизни — себя, жену и служанку — жить в согласии». Как видно, у Горгия была любовь к служанке, а у жены его ревность к ней». Об описании Праксагоры («Экклесиасты», ст. 721) соперничества со стороны рабынь, которые наряжаются и похищают Киприду у свободных женщин, мы уже говорили (καὶ τὰς γὰρ δοῦλας οὐχὶ θεῖς κοσμοῦμεν τὴν τῶν ἐλευθέρων ὑφαρπάξει Κύπριον). Реже, может быть, бывали обратные случаи, т. е. когда раб занимал место барина, но все-таки бывали. В «Фесмофориязах» (ст. 491) Мнесилох в собрании женщин упоминает случаи, когда женщины находятся в любовной связи с рабами и погонщиками мулов, за неимением другого кавалера (переводя на современный язык: с лакеями и кучерами) (ὡς ὑπὸ τῶν δοῦλων τε κτηρωκόμων ὀδοδοῦμεθ', ἢν μὴ ᾗωμεν ἔτερον). Несомненно, подобный же случай имеется в виду в фрагменте одной из потерянных комедий Аристофана (FCG, II, 1178), где речь идет о каком-то человеке (очевидно, рабе), который всю ночь на благоуханном ложе наслаждается с барыней: δοτὶς ἐν ἡδυσμοῖς στρώμασι παννυχίων, τὴν δέσποιναν ἐρεῖδεῖς. В речи Демосфена (против Стефана, § 74 = с. 1123, 29 и сл.) оратор с негодованием упрекает Формиона, бывшего раба Пасиона (впрочем, уже отпущенного на волю), за то, что он не посоветился жениться на своей (бывшей) госпоже: οὐκ ὠκνησε τὴν δέσποιναν γῆμαι.

Хор одобряет (вероятно, иронически) эту житейскую мудрость Диониса, – что он действует всегда сообразно с обстоятельствами, подобно Ферамену (знаменитому, носившему прозвище κόθορνος). Дионис и перед хором демонстрирует свою беспринципность: «Право, было бы смешно, если б Ксанфий, мой холоп, на ковре милетском развалившись и танцовщицу целуя, потребовал затем горшок, а потом по щеке меня ударил бы да вышиб бы передний ряд зубов». Благородство Ксанфия в этой сцене особенно отгеноно низостью Диониса.

Но торжество Диониса едва началось, как уже и кончилось. Его увидели две трактирщицы, у которых Геракл (настоящий), во время своего путешествия в ад, поел множество разных припасов и ушел, не заплатив, да еще прихватив с собою тюфяк. Обе бабы уходят со страшными угрозами, чтобы позвать на помощь бывших демагогов Клеона и Гипербола.

Видя, что дело плохо, Дионис опять обращается за защитой к тому же Ксанфию.

Дионис. «Пусть я издохну как собака, если не люблю тебя я, Ксанфий». *Ксанфий.* «Твои я мысли знаю. Речь эту прекрати. Не сделаюсь опять Гераклом я». *Дионис.* «Ах нет, мой милый Ксанфий». *Ксанфий.* «Да как же мне и сделаться Алкмены сыном? Ведь смертный я и раб». *Дионис.* «Ты сердисься, я знаю; сердиться вправде ты. Но, если б и побить меня ты захотел, не пикну я. А если раз еще с тебя сниму наряд я этот, пусть, как собака, сгину я, я сам, жена и дети, да кстати Архедем косой». *Ксанфий.* «Я клятву принимаю и на условии таком беру наряд».

И Ксанфий еще раз великодушно соглашается стать Гераклом, хотя и знает вероломство своего божественного барина. «Знаю я ведь хорошо, – говорит он хору, – что снять с меня опять захочет это он, лишь только будет выгодно ему. Но все-таки я храбрецом себя явлю» и т. д. (ст. 604). Как раз в это время возвращается Эак с двумя служителями и приказывает им связать «псokraда» (τὸν κυνοκλόπον). Ксанфий мужественно защищается, так что Эаку приходится вызывать на помощь еще троих, – судя по именам, адских полисменов – варваров. Дионис во время этой сцены злорадствует и, повторяя слова, сказанные раньше Ксанфием по отношению к нему (ст. 552), тоже говорит: «кому-то приходится плохо»; и, как Ксанфий (ст. 563) натравливал на Диониса трактирщиц, говоря τοῦτου πάνυ τοῦρουνοῦ ὄφτος ὁ τρόπος πανταχοῦ, так теперь в свою очередь Дионис подзадоривает нападающих: «разве не возмутительное это дело, что он, воруж чужое, к тому же еще и дерется?» (ст. 610)¹⁰⁶. Ксанфий сдается.

¹⁰⁶ Впрочем, эта реплика приписывается в некоторых изданиях, как уже и в схолиях, Эаку.

Но дело неожиданно принимает неблагоприятный для Диониса оборот: он забыл, что, по существующему обычаю, рабов допрашивали «с пристрастием», под пыткой; и Ксанфий заявляет Эаку, что он никогда раньше не приходил в преисподнюю, ничего тут не воровали, к ужасу Диониса, просит подвергнуть пытке Диониса, как раба, в доказательство истины своих слов. Дионису ничего не остается другого, как объявить, что он – Дионис (уже не Геракл), а Ксанфий – раб. Но так как Ксанфий не отказывается от своей божественности, то, по предложению обоих, Эак подвергает их пытке. Однако он не может окончательно определить, кто из них – бог, потому что оба, хотя и вскрикивают при ударах, но объясняют, что эти крики происходят не от боли (которой боги не могут быть причастны), а являются реминисценциями из поэтических произведений, которые в данную минуту им приходят в голову. Так оканчивается эта сцена: Эак отправляет их обоих для выяснения личности к своим хозяевам – Гадесу и Персефоне.

Для характеристики Ксанфия, как раба, эта сцена чрезвычайно интересна. Барин, да к тому же еще бог, представлен и презренным трусом, и неблагородным, низким существом, и на этом фоне личность раба получает особенно благоприятное освещение: он и храбр, и даже в значительной степени великодушен. И Леуен дает такую же характеристику Ксанфию: «Ксанфий выказывает себя таким слугою, который готов подвергаться великим опасностям из-за барина»¹⁰⁷. Стрепсиад тоже предполагает у своего слуги (также Ксанфия) возможность расположения к нему: приказывая Ксанфию влезть на крышу фронтистерия Сократа и разрушить ее, он прибавляет: «если любишь барина» («Облака», ст. 1488).

«Случаи дружелюбного отношения к господам», – говорит Schmidt, – «были так часты, что мы несколько не сомневаемся, что раб у Менандра (FCG IV, 274) выражает вполне чувства большинства рабов в словах: «Лучше получить в удел барина хорошего, чем, оставаясь свободным, жить бедно и плохо»¹⁰⁸. Платон тоже свидетельствует: «У некоторых бывало много рабов, которые по своим нравственным достоинствам во всех отношениях были выше братьев и сыновей, и спасали господ, имущества и целые дома их»¹⁰⁹.

Таким образом, хорошие типы рабов, выведенные Аристофаном, могли быть списаны с натуры. Такое отношение к ним свидетельствует о его благодетельстве.

¹⁰⁷ J. Leeuwe n. Prolegomena, с. 123.

¹⁰⁸ Leopold Schmidt. Die Ethik der alten Griechen. 2 Bände. Berlin, 1882, II, 206; FCG IV, 274.

¹⁰⁹ Платон. Законы, 776 D.

Заключение

В заключение бросим взгляд на *эволюцию типа раба в древней драматической литературе*.

У Эсхила рабы играют самую ничтожную роль, и притом только в двух трагедиях – «Агамемноне» и «Хозфорах»: в «Агамемноне» – сторож, говорящий короткий пролог (ст. 1–39) и затем не появляющийся; в «Хозфорах» слуга, произносящий два раза по одному стиху (657, 886), и кормилица Ореста, говорящая сперва монолог, потом обменивающаяся с хором несколькими фразами (ст. 734–782).

Софокл выводит рабов во всех трагедиях, кроме «Филоктета»; но все-таки роли их и не велики, и, самое главное, чрезвычайно бледны; это – лишь «одушевленные орудия», лишенные всякой индивидуальности. Так, в «Аяксе» раб-педагог является в виде немого лица, приносящего Аяксу его сына (ст. 544–545). Текмессу нельзя причислить к классу рабов: хотя она и называет себя рабой (ст. 489), но она – не служанка, а наложница Аякса, и потому роль ее ничем не отличается от роли законной жены. В «Эдипе-царе», «Эдипе Колонском», «Антигоне», «Трахинянках» роли рабов только повествовательные: это – вестники или (в «Эдипе-царе») пастухи, которые рассказывают о событиях, не внося в рассказ никаких характерных черт своих; их можно было бы заменить какими угодно другими лицами. Единственной трагедией Софокла, где роль раба более значительна, – это «Электра»: тут старый слуга Ореста принимает некоторое участие в действии, но также не выказывает никаких специально рабских черт, кроме преданности своему питомцу.

Совершенно меняется картина в трагедиях Еврипида. У него рабы выводятся в каждой пьесе; они принимают иногда большое участие в драматическом действии; они говорят много о своем рабском положении, по большей части изображаются в очень симпатичном виде, – даже несомненно идеализированном; занятия их чрезвычайно разнообразны¹¹⁰; по большей части они любят господ, и господа любят их¹¹¹; они пускаются в резонерство, в философские рассуждения, иногда совершенно не подходящие к обычному культурному уровню раба.

Что именно Еврипид ввел такое новшество, это заметили уже древние критики: в «Лягушках», ст. 948–959 Еврипид сам заявляет, – конечно, с похвалбой: «С первых же слов я не оставлял ни одного лица в бездействии: у меня все говорили: и женщина, и раб нисколько не менее [чем другие лица], и барин, и девушка, и старуха». Эту фразу надо понимать, по-видимому, только в том смысле, что роль

¹¹⁰ См. P. Masqueray. Указ. соч., с. 354, 348.

¹¹¹ См. Th. Bergk. Griechische Literatur, III, с. 579; Беляев. Воззрения Еврипида на политику Афин, статья II, с. 366 и сл.

раба у Еврипида расширилась и стала не менее важной, чем роль барина ($\tau\acute{o}$ $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ $\tau\omicron\iota\varsigma$ $\delta\epsilon\sigma\pi\omicron\tau\alpha\iota\varsigma$ $\iota\sigma\omicron\tau\iota\mu\omicron\upsilon\varsigma$ $\pi\omicron\lambda\epsilon\iota\upsilon\nu$, поясняет один из схолиастов): на такой смысл указывает дальнейшее заявление Еврипида о том, что это новшество имеет демократический характер: $\delta\eta\mu\omicron\kappa\rho\alpha\tau\iota\kappa\acute{o}\nu$ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\alpha\upsilon\tau\prime$ $\epsilon\delta\rho\alpha\nu$ (ст. 952). По мнению Эсхила, выражающего взгляды самого Аристофана, за это дерзкое нововведение Еврипид заслужил смертную казнь (ст. 951). В другом месте («Ахарняне», ст. 400) Аристофан устами Дикеополя смеется над хитроумными репликами рабов у Еврипида: «о трикрат смеетлив ты, Еврипид, когда раб твой так умно отвечает!» Схолиаст к этому стиху замечает: «Под видом похвалы он обвиняет Еврипида в том, что он выводит в трагедии рабов, говорящих красно». По словам Оригена, Аристофан смеялся (вероятно, в какой-нибудь не дошедшей до нас комедии) и над философствованием рабов у Еврипида: «Аристофан осмеивает Еврипида, как говорящего неуместное, за то, что он часто влагает в уста варварам, женщинам, рабам философские мысли, которым он научился у Анаксагора или у какого-нибудь философа»¹¹².

В последующее время Еврипид пользовался такою популярностью, что Новая комедия подпала под его влияние, как это признают почти все историки греческой литературы. Есть об этом и древнее свидетельство, – Квинтилиана: *admiratus maxime est, ut saepe testatur, et secutus [Euripidem], quam-quam in opere [жанр] diverso, Menander*¹¹³. Другой выдающийся поэт новой комедии, Филемон, свое уважение к Еврипиду выразил в таких восторженных словах: $\epsilon\iota$ $\tau\alpha\iota\varsigma$ $\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha\sigma\iota\nu$ $\omicron\iota$ $\tau\epsilon\theta\eta\kappa\omicron\tau\epsilon\varsigma$ $\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\nu$ $\epsilon\iota\chi\omicron\nu$, $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\varsigma$, $\acute{\omega}\varsigma$ $\phi\alpha\sigma\iota\nu$ $\tau\iota\tau\epsilon\varsigma$, $\acute{\alpha}\lambda\eta\gamma\acute{\xi}\acute{\alpha}\mu\eta\nu$ $\acute{\alpha}\nu$, $\acute{\omega}\sigma\tau\prime$ $\iota\delta\epsilon\iota\nu$ $\epsilon\upsilon\rho\iota\pi\iota\delta\eta\nu$ – «если бы мертвые и в самом деле имели чувство, как некоторые утверждают, я удавился бы, лишь бы только увидеть Еврипида»¹¹⁴. У третьего, тоже крупного автора Новой комедии, Дифила, одно из действующих лиц называет Еврипида золотым: $\acute{o}$ $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\chi\rho\upsilon\sigma\omicron\varsigma$ ... $\epsilon\upsilon\rho\iota\pi\iota\delta\eta\varsigma$ ¹¹⁵.

И действительно, Еврипид имел все права на такое предпочтение: он гораздо ближе, чем Эсхил и Софокл, подошел в своих трагедиях к драмам из обыденной жизни, каких до него не было; хотя персонажи его по-прежнему боги и герои, но по характеру они уже мало отличаются от обыкновенных смертных. Авторам Новой комедии нужно было сделать еще только один шаг, чтобы низвести возвышенную некогда греческую трагедию до уровня мещанской (бытовой) драмы, какую и является Новая аттическая комедия. После находки в Египте больших отрывков Менандровых комедий «давно уже известная

¹¹² Aristophan. Ranae, ed. F. V. Fritschius. Turici. 1845. См. комментарии к ст. 949.

¹¹³ Квинтилиан, X, 1, 69.

¹¹⁴ FCG, IV, 48.

¹¹⁵ FCG, IV, 402.

связь Менандра с трагедией Еврипида получает новое освещение, и мы видим, что Менандр прямо переносил канву трагедий в обыденную обстановку»¹¹⁶, как, например, сюжет комедии Менандра *Ἐπιτρέποντες* имеет связь с сюжетом двух трагедий Еврипида, – «Авга» и «Алопа»¹¹⁷. Приведу еще очень определенное суждение Symonds'a по этому вопросу: «Tragedy and comedy, though they began so differently, had been gradually approximating to one type, so that between Menander and the latest followers of Euripides there was scarcely any distinction of form and but little difference of subject-matter»¹¹⁸. Таково же мнение проф. Г. Ц. Церетели: «Единственным настоящим предшественником Менандра был Еврипид». «Менандр, поскольку дело касается сюжетов, находился, как и во многом другом, в сильной зависимости от Еврипида, который как бы давал ему канву, взятую из цикла героических сказаний, давал основу, которую Менандр и переводил затем на язык обыденной жизни». В отрывке биографии Еврипида, найденном в Египте, также высказана мысль о близости сюжетов Новой комедии и Еврипида: «...по отношению к женщине [или: жене], отца по отношению к сыну, слуги по отношению к барину, или перипетии, изнасилования девушек, подбрасывания детей, узнавания посредством перстней и ожерелий; все это составляет сюжет Новой комедии, что довел до совершенства Еврипид»¹¹⁹.

Труднее высказать определенное мнение об отношении Средней аттической комедии к трагедии Еврипида, с одной стороны, и к Новой аттической комедии, с другой, – в виду того, что от Средней комедии сохранились лишь мелкие отрывки. Однако влияние Еврипида, несомненно, сказалось и на авторах Средней комедии: «Вдохновляясь примером Еврипида, – говорит Зелинский, – специально его Иона, он [Анаксандрид, один из выдающихся поэтов Средней комедии], впервые, как говорят наши источники, построил свою комедию на патетическом мотиве «обольщения» невинной девушки и «признания» впоследствии ее ребенка родителями»¹²⁰. Про этот мотив можно сказать, что он одинаково пригоден и для трагедии и для комедии... Гораздо более пригоден для комедии другой Еврипидовский мотив, – мотив интриги. Его поэтому наши комики и позаимствовали у него; кто именно, трудно сказать; скорее всего, Алексид»¹²¹.

¹¹⁶ Варнеке. Новые комедии Менандра. Казань, 1909 с. 94. См. ниже противоположное мнение Süss'a.

¹¹⁷ См. Варнеке. Указ. соч.

¹¹⁸ J. A. Symonds. *Studies of the greek poets*, London, 1893, II, 199.

¹¹⁹ Церетели. Новые комедии Менандра. Юрьев, 1914, с. 2, 31, прим. 2.

¹²⁰ Свидя об Анаксандриде: *πρότος ἔρωτας καὶ παρθένων φθοράς εἰσῆγαγεν*. Введение этого мотива в комедию приписывается также и Аристофану (см. ниже).

¹²¹ Ф. Зелинский. Древне-греческая литература эпохи независимости, ч. I. Пг. 1919 с. 123.

Почти то же говорит Körte: «Gewisse Voraussetzungen und Verwicklungen, die schon die mittlere Komödie der euripideischen Tragödie entlehnt hatte, Verführung und Vergewaltigung von Jungfrauen, Aussetzung neugeborener Kinder, deren Wiedererkennung durch die Eltern kehren mit einer uns ermüdenden Häufigkeit in den menandrischen Stücken immer wieder»¹²².

С другой стороны, можно считать доказанным, что Средняя комедия подготовила почву для Новой, что последняя не внесла ни одного существенного нового элемента, которого не использовали с успехом уже более ранние поэты¹²³.

Таким образом, Средняя комедия является связующим звеном между Еврипидом и Новой комедией, причем, как мне представляется, на комедию Менандра и Филемона Еврипид еще раз мог оказать непосредственно свое влияние.

Но является вопрос: в каком отношении находится Средняя и Новая комедия к Древней, в частности к Аристофану, о котором только мы и можем судить более или менее уверенно? В этом вопросе мнения специалистов расходятся. Магаффи решительно признает связь Средней и Новой комедии с Древней и отвергает влияние Еврипида: «Когда утверждают, — говорит он, — что все эти поэты [Средней и Новой комедии] обращались к Еврипиду, как к своему образцу, и что он был настоящим основателем этой драмы интриг, а следовательно, и утонченной комедии, такая критика кажется мне лишеною смысла. Слог Еврипида ... бесспорно служил образцом для Новой комедии... Но, как мне кажется, Еврипид так же мало служил образцом Менандру, как и Антифану и Александру». Аристофана Магаффи называет их наставником. «Постоянные черты Старой комедии были унаследованы Новою при посредстве Средней». «Для всякой выдающейся черты, приписываемой Средней комедии, находится параллель у старых комиков»¹²⁴. Бергк также признает влияние Древней комедии на Среднюю и Новую: «Поэты Средней и Новой комедии, хотя и идут своей собственной дорогой, кое-чему научились у своих предшественников». «Средняя комедия, с одной стороны, напоминает Древнюю комедию; ... с другой стороны, она подходит довольно близко к Новой». «Александр обладает хорошим юмором; если он в этом отношении еще иной раз напоминает Древнюю комедию, особенно Аристофана, то мы можем предположить, что он не пренебрегал изучением этих классических комедий»¹²⁵. Еще Cobet

¹²² A. Körte. Die griechische Komödie, с. 75.

¹²³ Th. Bergk. Griechische Literatur, IV, с. 134, 172; Bernhardy. Grundriss, II, 2, с. 683.

¹²⁴ Д. П. Магаффи. История классического периода греческой литературы, I–II. М., 1882–1883, т. I. с. 444, 443, 436.

¹²⁵ Т. Бергк. Указ. соч., т. IV, с. 110–111, 129, 152.

возводил Среднюю комедию к Древней, – к Платону (комику) и даже Кратету¹²⁶. И сам Denis находит, что комика Ферекрат и Платон почти принадлежат к Средней комедии¹²⁷.

Bethe также находит, что Древняя комедия оказала влияние на Среднюю¹²⁸.

Некоторые ученые, напротив, совсем не упоминают о влиянии Древней комедии на позднейшую. Например, Виламовиц выражается о позднейшей комедии так: «Das Lustspiel ist die Tochter der euripideischen Tragödie»¹²⁹. Pierron говорит: «Les véritables precurseurs de Menandre furent Euripide et Sophron»¹³⁰. Bender (о Новой комедии): «In diesem direkt auf die von Euripides eingeführte Familientragödie fussenden neuattischen Lustspiel»¹³¹. Церетели, задав себе вопрос, кто был настоящим предшественником Менандра, отвечает: «Подобным предшественником не был, конечно, Аристофан и Древняя комедия... Равным образом, не могли иметь здесь большого значения и представители "среднего" комического жанра»¹³². Впрочем, Церетели имеет в виду здесь только мотив любви.

Против такого мнения об исключительном влиянии Еврипида на позднейшую комедию можно выставить, мне кажется, следующие соображения. С одной стороны, поэты этой позднейшей стадии использовали мотивы Еврипида крайне односторонне, заимствовав у него по этой части лишь очень немногое, главным образом мотив любви с его неперемненными спутниками, – «обольщением» и «узнаванием», – мотив, который самим Еврипидом был применен лишь в очень немногих пьесах (насколько нам известно), а именно в «Скованной Меланиппе», «Алопе», «Антиопе», «Авге», «Ионе», т. е. из числа дошедших до нас – только в одном «Ионе»¹³³. Заимствованы некоторые персонажи у Еврипида, напр. доверенная старуха-служанка¹³⁴. Но зато скольких мотивов и типов Еврипидовской трагедии не использовали эти комики, например мотивы ревности (в

¹²⁶ J. Denis. La comedie grecque, II, Paris, 1886, c. 397.

¹²⁷ J. Denis. Указ. соч., т. II, с. 294.

¹²⁸ См. Griech. Poesie = Einleitung in die alte Altertumswissenschaft von Gercke u. Norden. I, с. 308. Удивительна только ссылка Bethe на то, что будто «der Komiker Platon... von Horaz (Sat., II, 3, 11) geradezu als Arch eget der μέση aufgeführt wird». Ничего подобного нет в этом месте Горация: Quorum pertinuit stipare Platona Menandro, Eupolin, Archilochum, comices educere tantos? Даже неизвестно, которого Платона разумеет Гораций – философа или комика.

¹²⁹ U. Wilamowitz-Moellendorff. Die griechische Literatur. В. u. Lpz., 1905, с. 127.

¹³⁰ A. Pierron. Histoire de la littérature grecque. Paris, 1875, с. 457–458.

¹³¹ A. Bender. Geschichte der griechischen Literatur. Lpz., 1886, с. 682.

¹³² Г. Ф. Церетели. Указ. соч., с. 2.

¹³³ См. там же, с. 31, прим. 1.

¹³⁴ См. А. Körte. Указ. соч., с. 71.

«Медее»), очень пригодного для мещанской драмы. С другой стороны, комические поэты ввели вновь или позаимствовали из Древней комедии, в том числе у Эпихарма, такие типы, которых нет у Еврипида: например тип хвастливого воина выработан Новой комедией¹³⁵; парасит (впервые у Алексиды) возобновлен из Эпихарма¹³⁶; скупой отец и расточительный сын имеют своих предшественников в Стрепсиаде и Фидиппиде Аристофана.

Против мнения ученых, игнорирующих связь позднейшей комедии (IV века) с Древней, говорят еще такие факты. Что Аристофан не был забыт Новой комедией, указывает выше приведенный мною стих Филемона: *μετέχειν ἀνάγκη τῶν κακῶν γὰρ γίγνεται*, в котором видно подражание Аристофану. Древние филологи, которые имели большие возможности, чем мы, сравнивать Аристофановскую комедию с комедией IV века, видели связи между этими жанрами комедии. Так, Платоний находит, что комедия Аристофана *Αἰολοσίκων* и другие комедии древнего типа уже носят характер Средней комедии: «Итак, тип Средней комедии, таков, каков Эолосикон Аристофана, Одиссеи Кратина и очень многие древнее комедии, не имеющие ни хороших песен, ни парабаз»¹³⁷. В Эолосиконе был выведен повар, характерное лицо для Средней комедии¹³⁸. Автор древней биографии Аристофана полагает, что комедией *Κόκαλος* Аристофан положил как бы начало Новой комедии; «Аристофан был также причиной для подражания новым комикам – Филемону и Менандру. Он написал комедию "Кокал", в которой вводит оболщение девицы, узнавание ребенка и все прочее, на мотивы, которые любил Менандр». «Аристофан первый показал и тип Новой комедии в "Кокале", который послужил Менандру и Филемону началом для их драматургии»¹³⁹. Надо обратить внимание на последние слова: «и все прочее на мотивы, которые любил Менандр». Из дошедших до нас комедий близко подходит к типу Средней комедии «Плутос»; недаром древ-

¹³⁵ См. Bernhardt. Указ. соч., II, 2, с. 684.

¹³⁶ См. Kaibel в статье Alexis в *Realencyclopädie Pauly und Wissowa*.

¹³⁷ В изд. Аристофана Бергка, т. I, с. XXX.

¹³⁸ FCG, II, 945, fragm. 4. – См. O. Müller. *Geschichte der griechischen Literatur*, II, с. 70, прим. 1.

¹³⁹ В изд. Аристофана Бергка, т. I, с. XLV, § 10; там же, с. XLIV, § 1. Ср. слова Meineke (FCG, II, р. 941): «Ту и другую пьесу, «Эолосикон» и «Кокал», следует всецело причислить к Средней комедии; но они различаются тем, что «Эолосикон» вполне носит характер Средней комедии; что же касается Кокала то, хотя в основе этой пьесы и лежит древнее предание, она, однако, целиком вращается в пределах частной жизни». С Платонием согласен и Диндорф: «Эолосикон», как можно понять из слов Платония, была пьесой Средней комедии; «Кокал» относится к Новой комедии» (*Aristophanis comoediae et deperditarum fragmenta*. Parisiis. 1884, изд. Didot, с. 463).

ний схолиаст к «Плутосу», ст. 515 находит, что «этот стих отзывается Средней комедией»¹⁴⁰.

Против игнорирования связи между комедией V и IV века можно указать еще на два обстоятельства – на метрику и язык. Ямбический триметр Средней и Новой комедии с его распущедными, анапестами и т. д. тождествен с триметром Аристофана и значительно отличается от строго трагического триметра Еврипида. Язык Средней и Новой комедии, хотя и отличается от Аристофановского отсутствием смелых образований новых слов, но в общем одинаков с ним в том отношении, что и тот и другой являются в лексическом и грамматическом отношении обычным разговорным языком аттиков, тогда как язык Еврипида, подобно языку остальных трагиков, есть язык искусственный, никогда не бывший в живом употреблении¹⁴¹.

Но возможно, что уже Аристофан (и другие поэты Древней комедии) подвергся могучему влиянию осмеиваемого им Еврипида, и комедия IV века, унаследовав традиции Древней комедии, унаследовала уже вместе с нею и некоторые Еврипидовские черты. «Как Кратин напоминает Эсхила, – говорит Бергк, – так Аристофан – Еврипида, и комик сам признается, что он ходил в школу трагика». Ничего удивительного в этом нет; даже противники Еврипида не могли освободиться от его влияния¹⁴². О влиянии его на Аристофана у нас имеются и прямые указания из древности. В схолиях к Платону сказано, что Аристофан подвергался насмешкам комиков за то, что, осмеивая Еврипида, подражал ему¹⁴³. В приведенном мною сейчас фрагменте Аристофан сам признается, что он пользуется красивым способом выражения Еврипида. О том, что в комедии «Кокал» он применил мотивы: «обольщение девицы, узнавание ребенка и все

¹⁴⁰ См. А. Körte. Указ. соч., с. 65–66.

¹⁴¹ Совершенно непонятно мнение некоторых ученых, например Круазе (История греческой литературы. СПб., 1916, с. 301–302), что язык Еврипида «мог перейти, без больших изменений, к Мёнандру и к поэтам Новой комедии». Хотя язык Еврипида ближе к языку обывденной жизни, чем язык Эсхила и Софокла, но во всяком случае он весьма далек от него. Круазе ссылается на то, что Аристофан стал подражать языку Еврипида (с. 301), – вероятно, имея в виду фрагмент Аристофана (FCG II, 1142, фр. 4) $\rho\eta\mu\alpha\iota\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\theta\ \tau\omicron\upsilon\ \sigma\tau\acute{o}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma\ \tau\acute{\eta}\ \sigma\tau\omicron\rho\alpha\upsilon\upsilon\lambda\omicron\upsilon$, но, наверно, под этим выражением Аристофан понимает не язык Еврипида в собственном смысле, а специальные свойства его в риторическом смысле, именно складность, округленность, красоту, приятность. Ernesti (в *Lexicon technologiae Graecorum rhetoricae*. Lips., 1797, s. v.) так определяет понятие *rotundus*: «Этой метафорой пользуются греческие и латинские риторы для обозначения складного и приятного порядка и расположения слов». То же почти и у Ernesti, *Lexicon technologiae Graecorum rhetoricae*. Lips, 1795, под словом $\sigma\tau\omicron\rho\alpha\upsilon\upsilon\lambda\omicron\upsilon$. Что же касается самого языка Еврипида, то Аристофан на каждом шагу высмеивал его манерность и отдаленность от языка обывденной жизни; подражания нельзя подметить.

¹⁴² Th. Bergk. Указ. соч., III, с. 176, 569.

¹⁴³ FCG, II, 1142.

прочие мотивы, которые любил Менандр», мы уже говорили: а это как раз Еврипидовские мотивы. В «Плутосе» монолог Кариона, которым начинается эта комедия, с философским рассуждением о печальном положении раба, напоминает умные рассуждения рабов на эту тему у Еврипида. Возможно предположить даже, что такие монологические изображения ситуации, какие находятся в некоторых комедиях Аристофана¹⁴⁴, где, с прямым обращением к зрителям, дается рассказ о положении дел, предшествующем началу драматического действия, – представляют собою прием, заимствованный у Еврипида. Впрочем, Аристофан изменил его в том отношении, что такой монолог в упомянутых комедиях находится не в самом начале пьесы, как у Еврипида, а после небольшого диалога, и еще в том, что Аристофановы персонажи обращаются прямо к публике, нарушая этим драматическую иллюзию; однако и обращение Еврипидовых персонажей с рассказом к земле и небу («Медеея», ст. 57) или к солнцу («Финикиянки»), 1–3), к городу Аргосу («Электра», ст. 1) или, наконец, просто ни к кому, как в большей части прологов, – в сущности ничем не отличается от обращения к зрителям; в комедии такие обращения были бы уже совсем неуместны. Во всяком случае сходство этого приема с Еврипидовым бросается в глаза; у Эсхила и Софокла таких рассказов публике нет. Конечно, вследствие утраты всей остальной драматической литературы, мы не можем с уверенностью сказать, что Аристофан заимствовал этот прием именно у Еврипида; но Фома Магистр свидетельствует, что этот прием был изобретением Еврипида: «Излагать содержание в начале пьесы и как бы вести слушателя вперед – есть прием Еврипида»¹⁴⁵. Ничего странного нет в том, что Аристофан усвоил себе прием, который, может быть, был уже общеупотребительным во время его выступления на драматическое поприще; ведь, кроме Еврипида, было в то время немало число трагиков, подражавших ему, и притом пользовавшихся расположением публики и нередко одерживавших над ним победы на драматических состязаниях¹⁴⁶. Такое влияние Еврипида и его школы на Аристофана тем менее удивительно, что даже старший современник Еврипида, Софокл, в позднейших своих произведениях усвоил себе немало Еврипидовского¹⁴⁷.

¹⁴⁴ См. «Всадники», ст. 40–70; «Осы», ст. 54–135; «Мир», ст. 50–81; «Птицы», ст. 30–48.

¹⁴⁵ См. Th. Bergk. Указ. соч., с. 593, прим. 374.

¹⁴⁶ Например, трагику Неофрону Свиды приписывает новшество: введение в трагедию роли педагога и изображение пыток рабов (W.Christ. Geschichte der Griechischen Literatur, 3 Auflage, München, 1898, § 189).

¹⁴⁷ См. А. Körte. Указ. соч., с. 57–58; Th. Bergk. Указ. соч., III, с. 375. Между прочим, влияние Еврипида на Софокла по отношению к роли рабов можно видеть в «Электре»: как я уже говорил, это – единственная трагедия Софокла, в которой роль

Ввиду всего выше изложенного мы должны признать связь между Древней комедией и позднейшей. К этому мнению пришли также два ученых после находки комедий Менандра – *Bethe u Süss*. Сказав о том, что наши сведения о Менандре были недостаточны до находки комедий его в Египте и что обработки Плавта и Теренция не давали о нем должного представления, *Bethe* продолжает: «Hier stellt sich Menander unendlich viel feiner, aber auch derber und mit der alten Komödie doch noch enger verbunden war, als man gedacht»¹⁴⁸. Еще решительнее ту же мысль выражает *Süss*: «Jeder neue Fund aus der neuattisehen Komödie beschert neue Ueberraschungen nach der Seite einer kaum geglaubten Verwandtschaft mit der aristophanischen Komödie»¹⁴⁹.

Истина, надо полагать, лежит в середине между двумя крайностями; Средняя и Новая комедия была под влиянием обоих факторов – и Древней комедии и Еврипидовской трагедии, по образному выражению *Лео*, «если Новая комедия была приемной дочерью Еврипида, то все-таки ее матерью оставалась Древняя комедия»¹⁵⁰.

Я сделал это отступление для того, чтобы точнее определить эволюцию типа раба в Средней и Новой комедии. Откуда же эта комедия заимствовала его: от Еврипида или от Аристофана и вообще из Древней комедии? Уже в Средней комедии действующим лицом является «хитрый и веселый раб, который помогает молодому барину в его затруднениях и для этой цели плетет интриги»¹⁵¹. Рабы Еврипида совершенно не похожи на этих рабов Средней и Новой комедии. Гораздо больше сходства с ними имеют Аристофановские рабы – веселые, шутящие, остроумные. Но зато рабы у Аристофана во всех комедиях, кроме «Лягушек» и «Плутоса», не имеют такого важного значения в экономике пьесы, какое они имеют у Еврипида и в комедии IV века. На основании этого решение выше поставленного вопроса подсказывается само собою: тип раба в комедии IV века является контаминацией типов раба Аристофановского и Еврипидовского; у Аристофана позаимствован и развит дальше характер раба, у Еврипида – обычай выводить его в крупной роли. Возможно, что сам Аристофан и в этом отношении подвергся влиянию Еврипида; между тем как в более ранних пьесах Аристофана роль раба столь же незначительна, как у Эсхила и Софокла, в «Лягушках» и

слуги довольно значительна. Эта особенность «Электры» может служить одним из аргументов в пользу мнения о том, что она принадлежит к числу позднейших произведений Софокла. Мнения критиков относительно времени ее написания сильно расходятся. (См. *W. Christ*. Указ. соч., § 170).

¹⁴⁸ Einleitung in die alte Altertumswissenschaft von *Gercke* und *Norden*, т. I, с. 309.

¹⁴⁹ *W. Süss*. *Aristophanes und die Nachwelt*. Lpz., 1911, с. 191.

¹⁵⁰ *Варнеке*. Новые комедии Менандра, с. 89.

¹⁵¹ *Th. Bergk*. *Griech. Lit.* В Энциклопедии Эрша и Грубера, с. 381 а.

«Плутосе», как раз самых поздних его произведениях, роль раба намного расширена, и притом в «Плутосе» еще больше, чем в «Лягушках»: всего скорее предположить, что это произошло именно под влиянием Еврипида.

Таким образом, Менандровская комедия мне представляется завершением длительного процесса, исходным пунктом которого является Древняя аттическая (и даже сицилийская) комедия; постепенно проникают в комедию Еврипидовские мотивы и технические приемы. Уже Аристофан, как мы видели, стал применять в прологе рассказы зрителям о событиях, нужных для понимания драматического действия, усилил роль раба в экономии пьесы, ввел мотивы обольщения девицы и узнавания когда-то брошенного ребенка его родителями. В Средней комедии роль раба еще более расширяется, вводятся новые типы, мотив обольщения применяется, комедия принимает часто эротический характер, сложность интриги увеличивается. В таком виде Средняя комедия переходит в Новую, в которой эти Еврипидовские приемы и мотивы становятся уже постоянными, и к ним прибавляются еще новые типы (например хвастливого воина) и новые приемы, например то, что события, предшествующие драматическому действию, излагаются в отдельном прологе, совсем не связанном с действием, и пролог произносится лицом, не участвующим в драме, иногда каким-нибудь олицетворением отвлеченного понятия¹⁵². Параллельно с этими изменениями комедия теряет свой прежний политический характер и свою прежнюю необузданную веселость¹⁵³ и постепенно становится драмой из обыденной жизни, со сложной интригой, – драмой, иногда имеющей мало комизма, но со счастливым концом.

При таком преобразовании комедии происходила и постепенная эволюция роли и типа раба. Незначительная роль трагического раба у Эсхила и Софокла приобретает большую важность у Еврипида; соответственно этому незначительная роль комического раба в ранних пьесах Аристофана усиливается, под влиянием Еврипида, в позднейших пьесах Аристофана и в таком виде переходит в Среднюю комедию, где эта роль уже становится еще более важной: «со времени Антифана раб вмешивается в действие, как существенный член персонала комедии»¹⁵⁴; наконец, этот тип переходит в Новую

---

¹⁵² См. Th. Bergk. Griechische Literatur, IV, с. 179–180.

¹⁵³ Ср. там же, с. 139.

¹⁵⁴ W. Ribbeck. Geschichte der römischen Dichtung, I, с. 72. Хотя до нас не дошло ни одной цельной комедии Среднего периода, но уже из сохранившихся отрывков видно присутствие «хитрого и веселого раба». Еще более полное представление о типе раба в Средней комедии можно составить по Плавтовским переделкам нескольких пьес ее, если верны предположения разных ученых о том, что оригиналы «Амфитриона»,

комедию и тут, в произведениях Менандра и Филемона, делается необходимою принадлежностью всякой комедии. Из Новой аттической комедии тип слуги переходит в римскую комедию, а оттуда уже в европейскую драму нового времени: «Благодаря Плавту и Теренцию Менандр стал воспитателем и Шекспира, и Лопе, и Мольера, а через них и всей новейшей комедии вообще. Здесь теснее, чем где-либо, связь между поэзией нового и поэзией античного мира»¹⁵⁵. Таким образом, тип Аристофановского раба в лице Кариона и Ксанфия, раба, преданного господину, умного, храброго, благородного, является прототипом слуги европейской комедии¹⁵⁶.

«Пленников», «Перса», «Псеадол» принадлежали к Средней комедии. Об «Амфитрионе», это мнение высказывали: Th. Bergk. (Gr. Lit. IV, с. 123), W. Christ (Gr. Lit. § 217) (См. Schanz. Gesch. d. röm. Lit., I Teil, I Hälfte, 3 Aufl., с. 73); о «Пленниках» — Muretus и Ladewig, считающие автором оригинала этой комедии Анаксандрида (см. W. Christ Gr. Lit. § 217. прим. 2 и прим. 4), но Wijatowitz считает оригинал этот «nachmenandrisch» (Gr. Lit. с. 271); о «Персе» — A. Körte (Gr. Komödie, с. 66–70) и A. Gercke (Gr. Lit. у Götschen, с. 137); о «Псевдоле» Th. Bergk (Gr. Lit. IV, с. 123).

¹⁵⁵ Ф. Зелинский. Указ. соч., т. I, с. 126.

¹⁵⁶ Недаром Droysen так характеризует Кариона: «der gewandte Knecht, der etwas vom französischen Kammerdiener an sich hat» (Введение к переводу «Плутоса», 2-е изд., с. 414).

СТРОЕНИЕ КОМЕДИИ

Как уже сказано (в статье «Осы»), комедия Аристофана по содержанию распадается на две части: в первой части излагается и дебатруется какой-нибудь тезис, во второй – изображаются практические последствия этого тезиса, причем возможны два случая: или эти последствия оказываются явно дурными, и чрез это доказывается негодность допущенного тезиса, или же, напротив, последствия оказываются хорошими. Первый случай мы видим, например, во «Всадниках», где торжествующий в первой части, Клеон несет заслуженную кару во второй части; или в «Облаках», где последствия иллюстрируют вред софистических учений, одержавших победу над старинным воспитанием в первой части комедии. Второй случай мы видим, например, в «Лисистрате», где предпринятые женщинами меры к прекращению войны дают прекрасный практический результат.

В формальном отношении деление комедии несколько отличается от деления трагедии. Древние греческие ученые делили комедию на те же части, что и трагедию: так, в статейке, содержащей, как предполагают, извлечение из не дошедшей до нас части «Поэтики» Аристотеля, сказано: «Частей комедии – четыре: пролог, хорикон, эпизодий и эксод. Пролог есть часть комедии до входа хора. Хорикон есть песня, которую поет хор, когда она имеет достаточную величину. Эпизодий есть часть между двумя хоровыми песнями. Эксод есть то, что говорит хор при конце»¹. То же сказано в «Биографии Аристофана»². Этого же деления держались и ученые нового времени до восьмидесятых годов XIX века.

Профессор Петербургского университета. Ф. Ф. Зелинский предложил другое деление комедии, значительно отличающееся от традиционного. Свою теорию первоначально он изложил на русском языке в двух больших статьях. Затем эту теорию он изложил на немецком языке³. В этой теории было указано критиками много недостатков, но в общем она с некоторыми изменениями в настоящее время принята в науке.

---

¹ См. Бергк, издание Аристофана, т. I, с. XLIV, № XI.

² См. там же, с. XLVI, № XII.

³ См. Ф. Зелинский. О синтагмах в древней греческой комедии («Журнал Министерства народного просвещения», 1880). О доринском и ионийском стилях в древней аттической комедии (там же, 1885), *Die Gliederung der altattischen Komödie*. Leipzig, 1885.

Основная мысль этой теории – та, что, в противоположность трагедии, в которой господствует *эпизодическое* строение, в комедии господствует другое строение – *эпирреватическое*.

«Если, – говорит автор в немецком сочинении (с. 5), – за полной песней, состоящей из строфы и антистрофы, следует неопределенное число стихов диалога, а потом опять полная песня, состоящая из строфы и антистрофы, а за нею опять стихи диалога, то тогда мы имеем дело с *эпизодическим* строением оно свойственно трагедии. Если же за строфою песни непосредственно следует определенное число стихов диалога и такое же число стихов присоединено к антистрофе, так что весь отрезок распадается на *две равные* части, из которых каждая состоит из μέλος (песни) и ῥήσις (диалога) и которые относятся одна к другой как строфа к антистрофе, – то тогда мы имеем пред собою *эпирреватическое* строение».

Эпирреватическое строение давно уже известно как свойственное парабазе комедии. Новшество Зелинского состоит в том, что он находит его также в пароде и в «агоне».

По традиционному делению комедии все диалогические партии находящиеся в середине пьесы, называются «эпизодиями» (ἐπεισόδιον). Но уже давно исследователи обратили внимание на один эпизодий, имеющий особый характер, находящийся в большей части комедий с этим характером, занимающий в них почти всегда определенное место (между пародом и парабазой) и имеющий особенное строение, не повторяющееся в других эпизодиях. На этот особенный эпизодий указал еще (впервые?) Неземан в диссертации «Об Аристофановых эпизодиях»⁴. Потом Р. Вестфаль в «Греческой метрике»⁵ упомянул о нем как об «очень характерном месте для экономии комедии», в котором употребляется анапестический тетраметр и «содержание которого всегда образует горячий спор между агонистами»; этому эпизодию он дал название «синтагма», и оно с тех пор вошло в научный обиход; его же принял и стал употреблять Зелинский в упомянутом выше своем сочинении на русском языке «О синтагмах», но потом в сочинении на немецком языке «Die Gliederung der altattischen Komödie» заменил его греческим словом ἄγων (состязание), которое теперь в транскрипции «агон» – «агон» и принято почти всеми специалистами по Аристофану. Зелинский детально исследовал его строение; оно оказалась эпирреватическим, состоящим из следующих; 9 частей, которые в одних комедиях имеются полностью, в других не в полном числе. Примером агона со всеми 9 частями может служить комедия «Осы». Агон в ней находится в ст. 526–728. Части его – следующие:

⁴ См. Neseemann. De episodiis Anstophaneis, 1862.

⁵ R. Westphal. Griechische Metrik, изд. II, 1868, с. 401–402.

1) Ὠδὴ, т. е. песня хора (ст. 526–545), написанная сложным размером. По метрическому составу она распадается на три отдела, разделенные между собою каждый раз двумя ямбическими тетраметрами, которыми противники прерывают пение хора.

2) Катаκελευσμός (команда) – два анапестических стиха (546–547), в которых хор обращается к Филоклеону с предложением открыть прения.

3) Ἐπίρρημα или ἄρων в тесном смысле слова – первая часть спора (ст. 548–620): Филоклеон защищает свое мнение, что положение гелиаста – во всех отношениях почетное и завидное. Его речь только изредка прерывается замечаниями Бделиклеона (ст. 559, 576 и сл., 588 и сл., 603 и сл.).

4) Πνίγος (удушение) – анапестическая система, состоящая из коротких стихов (621–630), в которой Филоклеон торжествует в ожидании победы; она называется «удушением», потому что актер должен произнести ее, не переводя дыхания.

Затем следуют четыре части, одинаковые по метру и строению с первыми четырьмя, в том же порядке, образуя вторую часть агона.

5) Ἀντιῶν хора (ст. 631–647): хор так восхищен красноречием Филоклеона, что забывает сохранить беспристрастие судьи.

6) Ἀντικατακελευσμός – два стиха (648–649), в которых хор обращается с таким же предложением к Бделиклеону высказать свое мнение.

7) Ἀντεπίρρημα – вторая часть спора (ст. 650–718). Бделиклеон отвечает только на последнюю часть речи своего отца, как на самую важную (ст. 605 и след.), и доказывает, что именно жалование гелиастов сделало их звание самым презренным в Афинах. И здесь речь Бделиклеона всего несколько раз прерывается восклицаниями и вопросами Филоклеона.

8) Ἀντίπνιγος (ст. 719–724), где Бделиклеон старается утешить отца в его поражении, указывая, что он хочет ему устроить хорошую жизнь.

9) Σφραγίς (ст. 725–728) содержит приговор хора, признающего Бделиклеона победителем.

В делении комедии, данном у Аристотеля, нет термина «парабаза»; вероятно, часть, означаемая этим названием, входит в состав частей, называемых у него общим термином χορικά (песни хора). Парабаза представляет собою главное отличие строения Древней комедии от строения трагедии, а также от строения Новой комедии и, вероятно, Средней (строение Средней комедии нам неизвестно).

Как уже сказано выше, в статье «История греческой комедии», парабазой (παράβασις) называется одна из партий хора, исполняющаяся в середине пьесы. Действие комедии приостанавливалось; хор

(вернее, корифей хора) от лица автора обращался к зрителям и говорил о его личных поэтических делах, о цели его произведения, о его заслугах пред государством, об отношении к литературным соперникам и т. п. Этой части уже нет в последних двух комедиях Аристофана «Экклезиазусы» и «Плутос».

Парабаза имеет также эфирематическое строение и должна была бы состоять, как и агон, из 9 частей; но ни одной парабазы в этом полном виде нет; а известные нам парабазы состоят из следующих частей. Вот пример парабазы в «Осах» (ст. 1009–1121):

1) Κομμάτιον – маленькое стихотворение (ст. 1009–1014), в котором хор прощается с уходящими Филоклеоном и Бделиклеоном и обращается к публике.

2) Παράβασις в собственном смысле (ст. 1015–1050), где поэт жалуется на дурной прием публикой его «Облаков» и указывает на свои заслуги перед государством.

3) Πνίγος (ст. 1051–1059), где он советует публике лучше относиться к хорошим поэтам.

После этих частей, соответствующих которым нет в остальной части парабазы, следуют в эфирематическом порядке следующие части:

4) Ὠιδή (ст. 1060–1070), где старики обращаются к самим себе и, несмотря на старость, все-таки хотят показать свою силу и надеются, что их старость лучше молодости многих.

5) Ἐπίρρημα (ст. 1071–1090): старики объясняют публике, почему они являются в виде ос, и хвалятся своей победой над персами.

6) Ἀντιῶδῆ (ст. 1091–1101): они тоже вспоминают о прежнем славном времени в противоположность теперешнему.

7) Ἀντεπίρρημα (ст. 1102–1121): они опять говорят о своем сходстве с осами.

На этом кончается парабаза «Ос». Но в этой комедии, как и в некоторых других, есть еще вторая (неполная) парабаза в ст. 1265–1291, заключающая в себе только оду и эфиррему.

В делении Аристотеля нет также термина «парод»; вероятно, и эта часть в его делении входит в состав χορικά (песен хора). Но так как в числе частей трагедии есть у него часть с этим названием, то и аналогичная часть комедии названа этим словом.

Посредством сочетания Аристотелевского деления комедии с некоторыми уточнениями его, сделанными в новое время, получилось деление, принятое теперь большинством специалистов.

Это деление следующее: 1) пролог, 2) парод, 3) агон, 4) парабаза, 5) ряд сцен, разделенных песнями хора, 6) эксод.

Пролог комедии значительно длиннее и разнообразнее пролога трагедии. Он содержит не только монолог с изложением сведений,

нужных зрителям для полного понимания пьесы, но и, целый диалог, являющийся важной частью действия.

Парод трагедии, по определению Аристотеля, есть «первая целая речь хора» или «первая речь целого хора». Но учеными нового времени это определение для парода комедии расширено: под ним понимают не только то, что произносит хор при вступлении своим в оркестру, но 1) все движения хора от появления его до занятия им определенного места в оркестре, 2) музыку, сопровождающую эти движения, 3) слова, произносимые им. Вступление хора бывает иногда бурным; иногда он вступает не весь сразу, а маленькими группами; группы поют по очереди; актеры говорят; и таким образом парод становится настоящей сценой, часто даже одной из самых длинных и всегда наиболее полной движения.

Эксод комедии, которым оканчивается пьеса, не есть спокойный уход хора; напротив, это – сцена, посредством которой поэт рассчитывает произвести особенный эффект, например это – веселая процессия, свадебный кортеж. Иногда связь эксода с главной «частью пьесы» очень слабая; в «Осах» это – даже балет знаменитых танцоров, не имеющий никакого отношения к пьесе.

Во второй части комедии, между парабазой, оканчивающей первую часть, и эксодом, сцены диалогические чередуются с песнями хора, как в трагедии эпизодии со стасимами. Но сходство это – более кажущееся, чем действительное. Эпизодии в трагедии суть моменты действия; эпизодии в комедии – смешные картины, служащие для иллюстрации идеи комедии; число их произвольно. Песни хора, разделяющие эти эпизодии и соответствующие в формальном отношении стасимам трагедии, имеют содержание очень разнообразное. Иногда они являются частью действия, как диалог актеров, причем хор сам играет активную роль; иногда они – просто интермедии, не имеющие отношения к сюжету пьесы; в этом случае они представляют собою чаще всего короткие сатирические песни, направленные против какого-нибудь сильного в государстве человека или даже простого гражданина, вроде Клеонима в «Птицах» (ст. 1470–1481).

В трагедии есть еще партии, которые пелись актерами, – «монологи лирические» (*μονοβίαι*) и «диалоги лирические» (*κομμοί*) между двумя актерами или между актером и хором. В комедии тоже часто бывают такие песни. Но всегда кажется, что они употребляются лишь для того, чтобы пародировать или по крайней мере подражать трагедии или, еще чаще, какому-нибудь определенному месту новой трагедии.

СТИХОСЛОЖЕНИЕ (МЕТРИКА) АРИСТОФАНА¹

Стихосложение Аристофана разнообразно; в разных частях комедии употребляются разные стихотворные размеры, главным образом в зависимости от того, для чего предназначена данная часть – для разговора или для пения. Поэтому в диалоге употребляются одни размеры, в лирических частях – другие.

В диалоге употребляются: 1) ямбический неусеченный триметр, 2) ямбический усеченный тетраметр, 3) трохаический усеченный тетраметр, 4) анапестический усеченный тетраметр.

1. *Ямбический неусеченный триметр.* Наиболее обычный размер в диалоге – ямбический неусеченный триметр (т. е. стих, состоящий из 6 полных ямбов (- ˘), которым написаны и диалоги трагедии, но в комедии он сильно отличается от трагического триметра большим количеством распушенных долгого слога; встречаются даже стихи, в которых все ямбы (кроме 6-го) заменены другими стопами. Таким образом, в комическом триметре вместо ямба может быть поставлен:

а) трибрах (- ˘ -) с ударением на среднем слоге, во всех стопах, кроме 6-й, которая всегда остается в виде чистого ямба (- ˘), или, так как последний слог стиха вообще может быть безразличным, в виде двух кратких слогов (- -);

б) спондей (- ˘) с ударением на втором слоге, в нечетных стопах (1-й, 3-й и 5-й);

в) дактиль (- ˘ ˘) с ударением на среднем слоге, в нечетных стопах (1-й, 3-й и 5-й);

г) анапест (- - ˘) с ударением на долгом слоге, во всех стопах, кроме 6-й.

Особенно характерным признаком комического триметра служит чрезвычайно частое употребление анапеста, который в трагедии допускается лишь в 1-й стопе или в собственных именах, не укладывающихся иначе в ямбический стих, например Ἀντιγόνη. Употребительность анапеста в комедии видна из следующей статистики: у

---

¹ Элементарные сведения по метрике можно найти в кн.: Я. Денисов. «Основания метрики у древних греков и римлян». М., 1888.

Аристофана насчитывают 3840 примеров анапеста в 8835 триметрах всех комедий, так что в среднем 1 анапест приходится на 2–3 триметра. Замечательно, что отсутствие анапеста в стихе у Аристофана часто служит признаком того, что в стихе этом заключается пародия на стих какого-нибудь лирика или трагика.

Однако употребление анапеста в триметре комедии подчинено множеству мелких законов. Всего чаще анапест состоит из одного трехсложного или части многосложного слова, или же слабая часть его (два кратких слога) состоит из двусложного слова, особенно предлога, тесно примыкающего по смыслу к следующему слову.

Триметр постоянно делится на две половины цезурой, которая бывает в середине 3-й или 4-й стопы. Пример триметра:

καὶ τὴν βάλανον ἔμβαλλε πάλιν εἰς τὸν μοχλόν²

Здесь 1-я стопа καὶ τὴν есть спондей: _ _ ' ;

» 2-я » βάλανον – трибрах: _ ' _ _ ;

» 3-я » ἔμβαλλ – спондей: _ _ ' ;

» 4-я » λε πάλιν – трибрах: _ ' _ _ ;

» 5-я » εἰς τὸν – спондей: _ _ ' ;

» 6-я » μοχλόν – 2 кратких слога, равных ямбу: _ _ ' .

Таким образом, в этом стихе все ямбы, кроме 6-го, заменены другими стопами – спондеями и трибрахами. Другой пример триметра:

ἀπόλοιο δῆτ' ὃ πόλεμε πολλῶν οὔνεκα³.

Здесь 1-я стопа ἀπόλοιο есть анапест: _ _ _ ' ;

» 2-я » ο δῆτ' – ямб: _ _ ' ;

» 3-я » ὃ πολε – дактиль: _ ' _ _ ;

» 4-я » με πολ – ямб: _ _ ' ;

» 5-я » λων οὔ – спондей: _ _ ' ;

» 6-я » νεκα – 2 кратких слога, равных ямбу: _ _ ' .

2. *Ямбический усеченный тетраметр* состоит из 7 полных ямбов (_ _ ') и 1 безразличного слога. Вместо ямба может быть поставлен в первых стопах (7-я стопа всегда бывает ямбом):

а) трибрах (_ _ _) с ударением на среднем слоге, во всех стопах;

б) спондей (_ _) с ударением на втором слоге, в нечетных стопах;

в) дактиль (_ ' _) с ударением на среднем слоге, в тех же стопах, в каких спондей;

г) анапест (_ _ _) с ударением на долгом слоге, во всех стопах.

Между 4-й и 5-й стопой обыкновенно бывает дизерсис, но не всегда.

Пример ямбического тетраметра:

² См. «Ось», ст. 200.

³ См. «Облака», ст. 6.

εἶτ' ἐν ἀγορᾷ τὴν διατριβὴν ψεύεις· ἐγὼ δ' ἔλαινῶδ'.

Здесь 1-я стопа εἶτ' ἐν ἄ есть дактиль: — ' — ;

» 2-я » γορα — ямб: — ' ;

» 3-я » τὴν δια — дактиль: — ' — ;

» 4-я » τριβὴν — ямб: — ' ;

» 5-я » ψεύεις — ямб: — ' ;

» 6-я » ἐγὼ — ямб: — ' ;

» 7-я » δ' ἔλαι — ямб: — ' ;

» 8-я » νῶ — долгий слог.

Другой пример ямбического тетраметра:

ὄλοθ' ἢ Νιόβη τι φθέγγεται· τὸ δράμα δ' ἄν διηγεῖ⁴.

Здесь 1-я стопа ὄλοθ' ἢ есть анапест: — — ' ;

» 2-я » Νιόβη — анапест: — — ' ;

» 3-я » τι φθευ — спондей: — — ' ;

» 4-я » ξεται — ямб: — ' ;

» 5-я » το δρα — ямб: — ' ;

» 6-я » μα δ' ἄν — ямб: — ' ;

» 7-я » διη — ямб: — ' ;

» 8-я » ει — долгий слог.

3. Трохаический усеченный тетраметр состоит из 7 полных трохеев (— — —) и 1 безразличного слога. Вместо трохея может быть поставлен:

а) трибрах (— — —) с ударением на первом слоге, во всех стопах;

б) спондей (— —) с ударением на первом слоге, в четных стопах;

в) дактиль (— — —) с ударением на первом слоге, очень редко: всего 6 раз (1 раз в 1-й стопе, 3 раза в 4-й, 2 раза в 5-й);

г) анапест (— — —) с ударением на первом слоге, редко: всего 44 раза, в четных стопах.

Между 4-й и 5-й стопой обыкновенно бывает диэресис, но не всегда.

Пример троханического тетраметра:

ἄλοκεκόψονται· τοιαύταις σφενδόναϊς παῖσομεν⁶.

Здесь 1-я стопа ἄλοке есть трибрах: — — — ;

» 2-я » κοψον — спондей: — — ;

» 3-я » ται τοι — трохей: — — — ;

» 4-я » αὐταις — спондей: — — ;

» 5-я » σφενδο — трохей: — — — ;

» 6-я » ναϊς παῖ — спондей: — — ;

» 7-я » ησο — трохей: — — — ;

» 8-я » μεν — краткий (безразличный) слог.

⁴ См. «Облака», ст. 1055.

⁵ См. «Лягушки», ст. 920.

⁶ См. «Облака», ст. 1125.

Другой пример:

τὸν κέραμον αὐτοῦ χαλάζαις στρογγύλαις συντρίψομεν⁷.

Здесь 1-я стопа τὸν κε есть трохей: ' _ _ ;

» 2-я » ραμον αὐ – анапест: ' _ _ ;

» 3-я » του χα – трохей: ' _ _ ;

» 4-я » λαζαις – спондей: ' _ ;

» 5-я » στρογγυ – трохей: ' _ _ ;

» 6-я » λαις συν – спондей: ' _ _ ;

» 7-я » τριψο – трохей: ' _ _ ;

» 8-я » μεν – краткий (безразличный) слог.

4. Анапестический усеченный тетраметр состоит из 7 полных анапестов (_ _ ') и 1 безразличного слога. Вместо анапеста может быть поставлен:

а) спондей (_ ') с ударением на последнем слоге, во всех стопах, кроме 7-й;

б) дактиль (_ ' _) с ударением на среднем слоге, во всех стопах, кроме 7-й.

Между 4-й и 5-й стопой, а также между 2-й и 3-й стопой обыкновенно бывает диэресис, но не всегда.

Пример анапестического тетраметра:

ἀλλ' ἐφ' ὄψερ πράγματι τὴν σὴν ἦκεις γνώμην ἀναλείσας⁸.

Здесь 1-я стопа ἀλλ' ἐφ' ὄ есть дактиль: _ ' _ _ ;

» 2-я » τῷ περ – спондей: _ ' _ ;

» 3-я » πράγματι – дактиль: _ ' _ _ ;

» 4-я » τὴν σὴν – спондей: _ _

» 5-я » ἦκεις – спондей: _ ' _ ;

» 6-я » γνώμην – спондей: _ ' _ ;

» 7-я » ἀναλει – анапест: _ _ ' _ ;

» 8-я » ας – долгий слог.

Между ὄψερ и πράγματι – диэресис;

между σὴν и ἦκεις также диэресис.

В лирических частях употребляются разные сложные размеры, причем в каждом стихе может быть особый размер.

⁷ См. «Облака», ст. 1127.

⁸ См. «Птицы», ст. 460.

ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ КОМЕДИИ И АРИСТОФАНА

Для изучения аттического диалекта язык Древней греческой комедии вообще и Аристофана в частности имеет огромное, пожалуй даже первенствующее, значение. Подавляющее большинство произведений аттической литературы составлено на языке «литературном», т. е. традиционном, условном, на котором в сущности никто не говорил. Только язык комедии, да еще язык ораторов (но в меньшей степени, так как в их языке большую роль играет риторика) представляет собою наиболее близкое подражание языку повседневной жизни. Так, Квинтилиан говорит: «Древняя комедия почти одна только сохраняет истинную прелесть аттической речи» — *antiqua comoedia... sinceram ilam sermonis Attici gratiam prope sola retinet*¹, понимая под *sermo* именно разговорный язык. Но тем не менее нужно автору комедии иметь большое искусство, чтобы уметь хорошо подражать этому обыденному языку. Из числа авторов Древней греческой комедии особенно славился этим искусством Аристофан: его язык считался образцом истинного аттицизма².

Однако в Аттике V века было несколько говоров, как об этом свидетельствует сам Аристофан в фрагменте одной не дошедшей до нас комедии³, где указаны 3 говора: 1) *διάλεκτος μέση πόλεως*, 2) (*διάλεκτος*) *ἀστεία ὑποθηλυτέρα*, 3) (*διάλεκτος*) *ἀνελεύθερος ὑπαγροικότερα*. Под вторым говором, «городским», разумеется речь наиболее образованных классов; этот говор Аристофан называет «изнеженным», «изысканным». Ему противопоставляется третий говор — говор необразованных граждан, который Аристофан называет «недостойным свободного человека», «несколько деревенским». Между этими двумя говорами находится первый говор — «средний городской». Судя по тому, что ко второму и третьему говорам прибавлены позорящие их эпитеты, надо полагать, что первый говор считается лучшим: это и есть разговорная речь огромного большинства жителей Аттики того времени. Но и те два говора, вероятно, отличались очень мало от этого среднего. Язык афинян всех классов, в том числе и рабов, должен был сильно уравниваться под влиянием тогдаш-

---

¹ Квинтилиан, X, I, 65.

² См. об этом ниже, в статье «Отношение к Аристофану как драматургу современников и последующих поколений».

³ CAF, I, с. 560, фрагм. 685.

ней жизни; людям постоянно приходилось общаться между собою: на рынке, в Народном собрании, в суде, в разных государственных учреждениях; в портиках, в мастерских (о которых говорит Лисий в речи XXIV), в театре, в религиозных процессиях и т. д. Так как безграмотных было очень мало, то и школа должна была уравнивать язык.

Как бы то ни было, но вполне очевидно, что язык всех действующих лиц у Аристофана совершенно одинаков. Это заметил и автор трактата «Сравнение Аристофана с Менандром», в котором ставится Аристофану в вину такой одинаковый для всех персонажей способ выражения. Ни один гражданин афинский не говорит каким-нибудь неправильным языком; даже рабы употребляют всегда отличный аттический язык; ничего подобного Толстовскому «таё» нет в аттической комедии. Напротив, чужестранцы, появляющиеся на сцене, всегда изображаются говорящими на языке или диалекте того народа, к которому они принадлежат: например, беотиец и мегарянин в «Ахарнях», спартанец в «Лисистрате»; или же говорят на ломаном аттическом: например, перс в «Ахарнях», скиф в «Фесмофориязусах». Это служит доказательством того, что афиняне все говорили одним языком: иначе Аристофан не упустил бы случая посмеяться над какой-нибудь вульгарной особенностью своих соотечественников⁴.

Однако пользоваться комедией в вопросах о языке надо с некоторой осторожностью; не всякое слово, или форму, или конструкцию, встречающиеся в комедии, можно считать присущими чистому аттицизму. Так, во-первых, в лирических партиях – в песнях хора и отдельных лиц – язык более возвышенный, напоминающий лирику или трагедию как в лексическом, так и в грамматическом отношении, и представляет значительные отступления от обычного языка аттиков. Во-вторых, то же касается и мест, написанных дактилическим гексаметром и отчасти анапестами. Таким образом, чистый аттический язык мы находим лишь в партиях диалогических, т. е. преимущественно в ямбическом триметре и отчасти в ямбическом и трохайческом тетраметре. Однако и здесь вдруг совершенно неожиданно мы встречаем иногда неаттическую форму, слово, конструкцию. Причиной этого явления обыкновенно бывает пародия.

Комики с большой охотой пародируют трагиков, а отчасти и лириков. Особенно достается Еврипиду от Аристофана: между тем как к Эсхилу и Софоклу он относится с уважением, над стихами Еври-

⁴ Единственный, кажется, пример насмешки Аристофана над произношением афинянина находится в ст. 872–873 «Облаков»: Сократ смеется над тем, что Фидиппид произнес дифтонг *αι* в слове *κρέαια* во весь рот (как мы теперь произносим), а по Сократу надо произносить его почти как *α*. См. также выше, в статье «Рабы в комедиях Аристофана».

пида он беспрестанно прямо или косвенно насмехается. Пародия бывает трех родов: 1) подлинное слово какого-нибудь поэта приводится буквально, причем юмористическая сторона такой пародии заключается в том, что какая-нибудь высокопарная фраза прилагается к предмету низкому; 2) или комик сам сочиняет фразу, подражая лишь вообще напыщенному слогу трагиков или лириков, и эту фразу произносит выведенный в комедии писатель, или бог, или герой; 3) иногда пародия заключается в том, что герой комедии выводится в положении, чем-нибудь напоминающем трагического героя. Во всех этих случаях пародия обнаруживается не только в языке, но и в метре, т. е. ямбический триметр является уже без тех вольностей (главным образом без анапестов), которые свойственны комическому триметру. Впрочем, пародия не всегда имела злостную цель — высмеять автора; иногда она могла быть и безобидной шуткой: комизм заключался тогда лишь в том, что фразу, отнесенную в оригинале к чему-нибудь возвышенному, применяли к предмету низкому. Понятно, что присутствие в пародии какого-нибудь слова, формы, конструкции не дает права считать их истинно аттическими. Равным образом, присутствие слова, формы, конструкции в какой-нибудь старинной формуле или даже в пословице еще не служит признаком того, что они употреблялись и в живой афинской речи того времени.

Вот несколько примеров. Глагол $\sigma\tau\upsilon\gamma\epsilon\omega$ (ненавидеть) совершенно чужд аттическому диалекту; однако он 2 раза встречается у Аристофана в ямбическом триметре⁵ и 1 раз в песне хора⁶. По поводу ст. 33 «Ахарнян»: $\sigma\tau\upsilon\omega\upsilon\acute{\nu} \mu\acute{\epsilon}\nu \acute{\alpha}\sigma\tau\upsilon, \tau\acute{\omicron}\nu \delta' \acute{\epsilon}\mu\acute{\omicron}\nu \delta\eta\mu\omicron\nu \lambda\omicron\upsilon\theta\acute{\omega}\nu$ в схолиях сказано: «стих из трагедии».

Слово $\theta\nu\eta\sigma\kappa\omega$ или $\kappa\alpha\tau\alpha\text{-}\theta\nu\eta\sigma\kappa\omega$ (умирать) в разных формах несколько раз встречается в ямбическом триметре, но постоянно в пародии; в живом языке употреблялось только $\acute{\alpha}\lambda\omicron\text{-}\theta\nu\eta\sigma\kappa\omega$.

В ст. 30 «Облаков» Стрепсиад, подсчитывая свои долги, говорит: $\acute{\alpha}\tau\alpha\rho \tau\acute{\iota} \chi\rho\epsilon\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\beta\alpha \mu\acute{\epsilon} \mu\epsilon\tau\acute{\alpha} \tau\acute{\omicron}\nu \text{П}\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha\nu$. Часть этого стиха взята из какой-то трагедии Еврипида, как сказано в схолиях. Здесь $\acute{\epsilon}\beta\alpha$ дорическая форма (вместо $\acute{\epsilon}\beta\eta$); при этом глаголе поставлен вин. п. $\mu\acute{\epsilon}$ без предлога в смысле «ко мне», чего в обычной речи не бывает. $\chi\rho\epsilon\omicron\varsigma$, имеющее у Еврипида значение «роковое бедствие», употреблено в пародии в смысле «долг».

⁵ См. «Ахарняне», ст. 33 и ст. 472.

⁶ См. «Фесмофориязусь», ст. 1144.

АФИНСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ПУБЛИКА

Когда мы читаем греческую трагедию, в огромном числе мест мы затрудняемся понимать в точности их смысл: до того темен бывает в трагедии язык, как по выбору слов, так и по строению фразы; нередко упоминаются неизвестные или мало известные нам подробности мифов. Что это происходит далеко не всегда от недостаточного филологического образования отдельного читателя, видно уже из массы разноречивых толкований, предлагаемых корифеями современной филологии; видно также и из многочисленных схолий, принадлежащих позднейшим греческим ученым.

Невольно приходит нам в голову мысль: все ли понимали в трагедии сами афиняне, присутствовавшие на представлении ее в театре?

Та же мысль приходит в голову нам при чтении многих мест в комедиях Аристофана, особенно при чтении пародий на трагедию и лирику. Как могли зрители мгновенно заметить, что это – пародия, и какое именно место какой трагедии или какого лирического стихотворения осмеивается автором?

Даже когда читаем речи ораторов, особенно Демосфена, в Народном собрании или в суде, мы с трудом представляем, как мог простой афинянин следить за длинными периодами речи, за ее иногда очень сложной аргументацией.

Ввиду таких мыслей у нас сложилось представление о необыкновенной сообразительности и образованности афинян V/IV века до н. э. Однако, при более тщательном рассмотрении этого вопроса, мы должны прийти к заключению, значительно менее выгодному, об афинской публике, по крайней мере о низших слоях ее.

Прежде всего обратимся к рассмотрению мнений самих аттических писателей о степени развития современной им массы народа.

Аристофан в нескольких местах отзывается с похвалой о зрителях, называя их σοφοί и δεξιοί (умными). Так, во «Всадниках», говоря, что маска Клеона не похожа на самого Клеона, он уверяет, что зрители все-таки узнают его, потому что τὸ θέατρον δεξιόν (публика догадлива) («Всадники», ст. 233). В парабазе «Облаков» хор обращается к публике со словами ὦ σοφώτατοι θεαταί (о мудрейшие зрители) (ст. 575). То же в ст. 521, 535 «Облаков» и в ст. 1118 «Лягушек». Но на основании подобных фраз нельзя судить об умственных способностях афинской публики: это – комплименты для снискания

благоволения ее. И афинские ораторы также расточают похвалы афинянам по поводу глубокого понимания ими государственных дел. Так, Демосфен говорит в речи против Аристократа: «Если олинфяне умеют предвидеть будущее, то неужели вы – афиняне – не сделаете этого же?! Нет, стыдно людям, которые славятся превосходством в умении решать государственные дела, оказаться ниже олинфян в понимании своей пользы»¹. Это воздействие на народную гордость – тоже не более как ораторский прием.

Само собою разумеется, что в афинском народе, как и во всяком другом, между отдельными гражданами должна была быть громадная разница по уму и образованию.

Государственных школ в Афинах не было, были только частные; надзор государства за школами (исключая гимнастики) ограничивался только нравственной стороной. Гражданин всецело принадлежал выбору школ, так что каждый мог посылать детей к выбранному им самим учителю. Предметы обучения были следующие: 1) чтение и письмо, 2) музыка, 3) гимнастика. Но и этот круг знаний не был чем-то обязательным; до некоторой степени он был установлен обычаем; однако каждый отец мог выбрать для сына лишь часть этого круга знаний, либо по собственному усмотрению, либо по своим средствам, так как обучение оплачивалось каждым из своих средств. Во всяком случае, в школах не преподавалась ни грамматика, ни история, ни география, ни математика, ни естественные науки, ни религия, ни даже законоведение.

С появлением софистов в Афинах возникло высшее образование: в круг их преподавания входила грамматика (как *ὀρθότης* «правильность речи» Протагора, *ὀνομάτων διαίρεσις* «синонимика» Продика), риторика, объяснение поэтов. Из этих начатков быстро развились школы риториков и философов. Последние ввели по почину Платона (в начале IV века) новые научные предметы: арифметику, геометрию и астрономию; к ним присоединились впоследствии география и этнография. Но уроки софистов и риториков стоили очень дорого, так что ими могли пользоваться только очень богатые люди. Так, Протагор брал за целый курс учения 100 мин., что составляло по тогдашнему времени огромную сумму. У Исократы плата за полный курс одной риторики доходила до 10 мин.

Из этого очерка видно, что огромное большинство афинян, прошедших лишь элементарную школу, обладало очень небольшим образованием. Оно пополнялось практическим путем – разговорами друг с другом, участием в Народном собрании, в Совете, в посещении театра, в суде и т. п., но этого было, конечно, слишком недоста-

---

¹ Демосфен, XXIII, 109.

точно. Чтение книг было мало распространено среди людей, не принадлежавших к числу литераторов. Но, с другой стороны, мало было и совсем неграмотных. Обо всем этом у нас имеются свидетельства, прямые или косвенные, древних писателей.

Аристотель дает такое определение театральной публики: «Театральная публика – двоякого рода: одни зрители – люди свободнорожденные и культурные благодаря полученному ими воспитанию, другие – грубые, состоящие из ремесленников, фетов [наемных работников] и других подобных»².

Примером того, что в Афинах были люди с очень малым образованием, может служить Колбасник, одно из действующих лиц во «Всадниках» Аристофана: по его собственному признанию, он не знает музыки, т. е. не имеет среднего образования, а знает только грамоту, т. е. умеет читать и писать, да и то с грехом пополам («Всадники», ст. 188–189). Из этого же примера видно, что совсем безграмотных в Афинах или вовсе не было, или было очень мало: если уже человек, выставленный Аристофаном как тип очень некультурного гражданина, все-таки знает грамоту, то почти не остается слоев, в которых можно предполагать полную безграмотность. Такой безграмотный человек был выведен Кратином в комедии «Законы»; он говорит о себе: «Я не знаю грамоты, но скажу изустно, потому что помню хорошо»³.

О низком уровне развития афинского народа в массе можно сделать некоторые выводы на основании речей ораторов в Народном собрании и в суде. Ораторы (особенно Демосфен) иногда находят нужным пояснять слушателям вещи очень простые. Так, Демосфену приходится доказывать в Народном собрании очень простую истину, что для Херсонеса фракийского полезно, чтобы соседние народы враждовали между собою, и он доказывает это подробно, посредством «известного всем» примера: «Вы знаете, – говорит он, – что нашему городу полезно, чтобы не были сильны ни фиванцы, ни лакедемоняне, но чтобы первым были противниками фокейцы, а вторым – какое-нибудь другое государство. Ведь при таком положении дел вам можно быть очень сильными и жить в безопасности. Так, имейте в виду, что и нашим гражданам, живущим в Херсонесе, полезно, чтобы никто из фракийцев не был сильным»⁴.

Может быть, при этом Демосфен не надеялся на достаточное знание географии у своих слушателей. Говоря в той же речи об опасности, угрожающей Херсонесу со стороны фракийского царька Керсоблепта, владевшего городом Кардией, Демосфен считает нужным

² Аристотель. Политика, кн. VIII, гл. 7 = с. 1342 а. 19–21.

³ САФ, I, с. 51, фрагм. 122.

⁴ Демосфен, XXIII, 102–103.

пояснить слушателям географическое положение Кардии сравнением с положением какого-нибудь известного им города. «Как Халкида находится в месте Евбеи, обращенном к Беотии, так и Кардия находится в месте Херсонеса, обращенном к Фракии»⁵.

Плохо знали афиняне и историю, даже свою отечественную. В школах история не преподавалась; то, что знали, знали лишь понаслышке, по рассказам друг от друга. Поэтому принимали все на веру, так что истинная история искажалась. Об этом мы имеем прямое свидетельство Фукидида: «Люди принимают друг от друга предания о прошлом, хотя бы оно относилось к их родине, одинаково без всякой критики»⁶; в пример этого он приводит распространенный в народе рассказ о том, что Гиппарх сын Писистрата, был убит Гармодием и Аристокитоном в то время, когда он был тираном, тогда как на самом деле тираном тогда был Гиппий. Такой неосведомленностью народа в отечественной истории пользовались ораторы, фальсифицируя ее в своих целях, а часто, может быть, и сами не знали истины. Так, Демосфен, желая доказать жестокость и незаконные поступки Андротиона, берет пример из истории и указывает, что Андротион превосходит жестокостью даже Тридцать тиранов. «При них, — говорит он, — как слышно, жизнь не отнимали ни у кого, кто скрывался дома; арестовывали людей только на площади; Андротион же дом каждого гражданина обращал в его тюрьму, приводя Одиннадцать в дом»⁷. Это — тенденциозная ложь; мы знаем из «Истории Греции» Ксенофонта и из Лисия, что при Тридцати аресты производились и в домах⁸; и, вероятно, умышленно Демосфен тут ссылается на молву: «как слышно».

Вот еще пример искажения истории. Андокид рассказывает: «Когда царь персидский пошел на Элладу, то афиняне решили в защиту всех эллинов выступить одни против варваров в Марафон, полагая, что их доблесть достаточна для того, чтобы воспротивиться множеству неприятелей. Сразившись с ними, афиняне победили и тем освободили Элладу и спасли отечество»⁹. Здесь оратор смешал два события: первый поход персов под предводительством Датиса и Артаферна, окончившийся сражением при Марафоне, и второй поход под предводительством Ксеркса. Сделал ли эту ошибку оратор умышленно и тенденциозно, чтобы возвеличить афинян, или по собственному неведению, во всяком случае это показывает очень сла-

---

⁵ Там же, 182.

⁶ Фукидид, I, 20.

⁷ Демосфен, XXII, 52.

⁸ См. Ксенофонт. История Греции, II, 4, 14; Лисий, речь XII.

⁹ Андокид, I, 107.

бую осведомленность слушателей даже о таких важнейших событиях прежнего времени.

В суде ораторы часто рассчитывали на незнание судьями законов и вообще на их недогадливость и несообразительность и потому иногда лгали самым бессовестным образом. Так, в речи Андокида «О мистериях» сказано, что Каллий и другие обвинители Андокида говорили в Совете, будто он положил молитвенную ветвь в Элевсинском храме, и что за это, на основании древнего закона, полагается смертная казнь без суда (§§ 110 и 115). Ложь была настолько дерзкой, что некто Кефал вскочил и сказал: «Каллий, нечестивец! Ты ссылаешься на древний закон; а стела, у которой ты стоишь, гласит, что тот, кто положит молитвенную ветвь в Элевсинском храме, должен уплатить штраф в тысячу драхм». Когда прочли стелу, то Совету стало ясно, что сам Каллий положил молитвенную ветвь. Таким образом, Каллий сам положил ветвь, чтобы обвинить в этом Андокида, и сослался на несуществующий закон, тогда как действительный закон был начертан на стеле пред глазами всех судей, а Каллий даже стоял у этой стелы: весь расчет был на недогадливость судей.

Доказательства софистического характера, приводимые на суде тяжущимися сторонами, свидетельствуют о том, что ораторы были очень невысокого мнения об умственных способностях судей и что они надеялись такими риторическими фокусами сбить их с толку и склонить на свою сторону. По-видимому, это бывало в судебной практике, как явствует из ст. 676–700 «Ахарнян»¹⁰.

Из дошедших до нас судебных речей можно привести примеры таких рассуждений. Андокиду ставили в вину его кощунство над мистериями, т. е. оскорбление богов. В доказательство противного Андокид ссылается на то, что в течение многих лет он плавал по морю даже в зимнее (опасное) время: «Если бы боги считали себя оскорбленными мною, то они покарали бы меня, захватив среди величайших опасностей... Но они, имея в своей власти и жизнь мою и имущество, тем не менее хранили меня; разве не могли они сделать так, чтобы тело мое не было удостоено даже погребения?»¹¹ С древней точки зрения это – ясное доказательство отсутствия гнева с стороны богов. Однако противник его дает этому самому факту совершенно другое объяснение: «Андокид показал эллинам, что он не верит в богов: как человек, не боящийся за свои преступления, а, напротив, полный уверенности в своей безопасности, он стал хозяином корабля и плавал по морю. Но бог ввел его в обман, чтобы он, вернувшись на место своих преступлений, по этой причине понес наказание. Да, я надеюсь, что он еще понесет наказание, – это не

---

¹⁰ См. выше, статью «Облака».

¹¹ Андокид, I, 137.

будет для меня несколько удивительно. Ведь и бог не сразу наказывает»¹². Конечно, Андокид мог бы возразить на это, что он по возвращении в Афины прожил спокойно целых три года: это – достаточное доказательство его невиновности. Но противник, с своей стороны, и для этого находит другую причину: «Как будто он остался без наказания не вследствие вашей мягкости и недосуга за множественность дел; но теперь он будет избобличен и понесет наказание»¹³.

Одним из способов доказательства, широко распространенным, было доказательство на основании *вероятности*. Обман был рассчитан на то, что судьи, как люди малокультурные, примут вероятность за действительность, не подумав, что иногда в действительности случаются вещи, кажущиеся невероятными. Примером такой ложной «невероятности» может служить аргументация Лисия в одной из его речей: Эратосфен в коллегии Тридцати возражал против ареста метеков; на этом основании Лисий считает *невероятным* утверждение Эратосфена, будто Тридцать приказали ему арестовать метека Полемарха¹⁴. Для человека простого, действительно, может показаться невероятным, что исполнение дела было поручено как раз человеку, протестовавшему против исполнения этого дела. Между тем, в действительности это было так: Тридцать хотели этим поручением компрометировать человека, бывшего в оппозиции коллегии и ратовавшего в пользу более мягкого образа действий коллегии по отношению к метекам; поэтому он впоследствии уже вынужден был молчать и не мог вносить разногласие в коллегию. О такой уловке коллегии Тридцати упоминает Платон в «Апологии»: «Тридцать приказывали многое и другим многим (в том числе и Сократу), желая как можно большее число людей запятнать преступлениями»¹⁵.

Если посмотреть на образ действий афинян в области внешней и внутренней политики, то окажется, что тут они бывали иногда неразумны и недальновидны. Аристофан, как видно, невысоко ценил в этом отношении своих сограждан: они, по его мнению, были

---

¹² Лисий, VI, 19–20.

¹³ Там же, 34.

¹⁴ Лисий, XII, 27 и сл.

¹⁵ Платон. Апология, 32 С. Особенным мастерством по части доказательств на основании вероятности отличался Лисий, как говорит Дионисий Галикарнасский («Суждение о Лисии», гл. 19). «Его изложения кратки и ясны, в высшей степени приятны и убедительны и незаметно внушают доверие, так что не легко найти лживым или неубедительным какое-нибудь изложение целое ли, или часть его. Так убедительны и красивы слова его, и до такой степени слушателям остается неизвестным, согласны ли они с истиной, или выдуманы. Гомер, восхваляя Одиссея, сказал, что он умел говорить убедительно и выдумывать не существующее; это же самое, мне кажется, можно сказать и о Лисии: «Говоря много лжи, он уподоблял ее истине» («Суждение о Лисии», гл. 18).

«скородумы» ταχῶβουλοι, т. е. скоро составляли решения, и «передумы» μεταβουλοι, т. е. легко меняли их¹⁶. Это же он повторяет и в других местах: «Я знаю, – говорит один гражданин в "Экклесиазусах", – что афиняне скоро голосуют, но что решат, то потом отменяют»¹⁷. «Если посмотреть на их решения, – говорит одна женщина в той же комедии, – то они безумны, как будто это – решения пьяных»¹⁸. «Рассказывают старики, – говорит Хремет в той же комедии, – что все безрассудное или глупое, что мы постановим, все это обращается нам на пользу»¹⁹. То же говорит хор в «Облаках»: «Говорят, что принятие дурных решений присуще вашему городу, однако боги обращают на пользу вам все ваши ошибки»²⁰. В одном оракуле, который цитирует Колбасник во «Всадниках», «Кекропид», т. е. афинский народ, назван «принимающим дурные решения (κακόβουλε)», а Афины Колбасник называет «городом разинь (κεχηναίων πόλις)». Тот же Колбасник так отзывается о народе: «Дома наш старик – умнейший человек; а когда сидит на этом камне [т. е. на Пниксе], он разевает рот, как будто ловит винные ягоды». «Не боюсь я вас, – говорит Клеон в той же комедии, – пока цел Совет и народ сидит, как глупая кукла (μακκοῦ)»²¹. Комик Евполид в одном отрывке тоже неуважительно отзывается о своем родном городе: «О город, город! ты скорее счастлив, чем разумно мыслишь!»²². Не свидетельствует о государственной мудрости афинян также тот факт, что у них стратеги в огромном большинстве случаев не имели никакой подготовки, как указывает Сократ в разговоре с Периклом, сыном знаменитого Перикла²³. Вследствие этого главное начальство в военных предприятиях часто вручалось людям, совершенно не подготовленным к этому. В 441 г. знаменитый драматург Софокл был выбран в стратеги только по случаю того, что его трагедия «Антигона» очень понравилась публике. Демосфен говорит о нескольких лицах, из которых один занимался расписыванием подставок для парфюмерных флаконов, другой был подьячим, что они были удостоены высокого почета, в том числе и стратеги: «Эти занятия», замечает он, «конечно, ничего бесчестного в себе не содержат, но все-таки не дают права на стратегию»²⁴. У Аристофана одно из действующих лиц говорит о стратегах, что они отличаются

¹⁶ «Ахарняне», ст. 630, 632.

¹⁷ «Экклесиазусь», ст. 797–798.

¹⁸ Там же, ст. 137–139.

¹⁹ Там же, ст. 473–475.

²⁰ «Облака», ст. 587–589.

²¹ «Всадники», ст. 1055, 1260, 752–755, 595–596.

²² САФ, I, с. 314, фрагм. 205.

²³ Ксенофонт. Воспоминания, III, 5, 21.

²⁴ Демосфен, XIX, 237.

больше количеством, чем качеством²⁵. В фрагменте одной комедии Евполида сказано: «Теперь мы предпринимаем походы, выбирая в стратеги всякую дрянь»²⁶. В другом фрагменте Евполида так сказано: «Кого прежде вы не выбрали бы даже в надсмотрщики за вином [мелкие должностные лица], теперь мы имеем стратегами»²⁷.

Неодобрительно отзываясь Цицерон об образе действий афинян в собраниях: «Когда в театре [часто бывшем местом народных собраний] садились люди неопытные, совершенно не знакомые с делом, они предпринимали бесполезные войны, ставили во главе государства людей мятежных, выбрасывали из числа граждан людей, оказавших великие услуги государству»²⁸.

Примерами такой опрометчивости решений и перемены их могут служить следующие факты. В 430 г. афиняне, раздраженные против Перикла за военные невзгоды, лишили его должности стратега и оштрафовали, а вскоре после того снова выбрали его в стратеги и доверили ему все государственные дела. «Так обыкновенно поступает масса», – прибавляет Фукидид²⁹.

Другой случай, грандиозный, произошел в 427 г. Вследствие восстания города Митилены афиняне в Народном собрании постановили казнить всех взрослых мужчин, а детей и женщин обратить в рабство. Тотчас же отправили туда корабль с известием об этом постановлении и с приказанием поскорее привести его в исполнение. Однако на следующий день афиняне стали раздумывать и приходиться к убеждению, что это решение слишком жестоко. Созвали опять Народное собрание, на котором принято было более мягкое решение. Сейчас же отправили другой корабль, который успел прийти в Митилену вовремя, чтобы предотвратить исполнение первого решения. Третий случай относится к 406 г. Народное собрание присудило к смертной казни стратегов – победителей при Аргинусских островах. Впоследствии афиняне раскаялись в своем незаконном решении и постановили предать суду тех, кто обманул народ, – Калликсена и еще четырех человек. Они были арестованы, но потом бежали.

Исторические факты подтверждают мнение Аристофана и других о безрассудстве и опрометчивости постановлений народа афинского и его политической недальновидности. Из множества фактов достаточно привести несколько общеизвестных. – Во все время 27-летней Пелопоннесской войны афиняне не могли предусмотреть, что она окончится не в их пользу. После взятия афинянами о. Сфактерии и

---

²⁵ См. Ахарняне, ст. 1078.

²⁶ САФ, I, с. 289, фрагм. 117.

²⁷ САФ, I, с. 314, фрагм. 205.

²⁸ Цицерон. Речь за Флакка, 7, 16.

²⁹ Фукидид, II, 65, 4.

находившегося там отряда спартанцев спартанцы предлагали им мир; но «афиняне усиливали свои требования, и послов, приходивших к ним многократно, отсылали ни с чем»³⁰. Лишь впоследствии «афиняне раскаявались, что не заключили мира после Пилосского дела, когда представлялся к тому удобный случай»³¹. – Хотя афиняне сознавали, что их отношение к союзникам есть тирания³², однако они не предусмотрели, что их эксплуататорская политика возбудит к ним ненависть союзников, что и было причиной распада союза, перехода союзников на сторону спартанцев во время войны, а затем и поражения афинян спартанцами.

С каким восторгом афиняне предпринимали поход в Сицилию, сколько радужных надежд возлагали на него, мечтая о покорении не только Сицилии, но даже Карфагена, и оставались глухи к благоразумным советам Никия не предпринимать похода. Роковой исход его показал недалёковидность афинян. – Такую же недалёковидность выказали афиняне позднее, в IV веке, в отношении Филиппа Македонского, и не умели разгадать его хитростей. «Демосфену нередко приходилось жаловаться на самое легкомысленное отношение к делам в Народном собрании и в судебных комиссиях. Ради остроумной шутки афиняне готовы были сквозь пальцы посмотреть на самые очевидные преступления»³³. Демосфен не раз упоминает о том, как Эсхин имел шумный успех со своими речами о мнимых обещаниях Филиппа, как ему самому после этого не давали говорить и поднимали на смех представители македонской партии, когда он пытался предупредить об обмане Филиппа при заключении мира, высмеивали его за утрусость и необщительность³⁴.

Наконец, как дурачили афинян демагоги и в Народном собрании, и в Совете, и в Суде! Аристофан очень ясно это показывает. Так, в «Осах» Бделиклеон арифметически высчитывает, что из государственных доходов на вознаграждение судьям не достается даже 10%, а львиную долю этих доходов получают демагоги; доказывает, что гелиасты воображают, будто они имеют огромную, чуть не царскую, власть в Афинской державе, тогда как на самом деле они являются слепыми орудиями в руках демагогов и служат им для обогащения.

Такие недостатки, впрочем, свойственны и другим народам; я говорю о них не с целью очернить афинян, а лишь с целью показать,

---

³⁰ Фукидид, IV, 41, 4.

³¹ Там же, V, 14, 2.

³² См. там же, II, 63, 2; III, 37, 3.

³³ Демосфен, XXIII, 206; IX, 54 и сл.

³⁴ См. там же, XIX, 23, 46; XXIII, 206; ср. VI, 30; V, 10. «В то время, как афиняне бездействовали, надеясь на мир, Филипп захватывал все новые города и области». (Проф. С. И. Радциг. Демосфен. Речи. М., 1954, с. 417, 432).

что мнение некоторых ученых нового времени об афинянах, как о народе необыкновенном, обладавшем какими-то особенными умственными способностями, сильно преувеличено.

Но для данной темы – о степени понимания народной массой драматических произведений – исследование действий народа в коллективных учреждениях (в Народном собрании, в Совете Пятисот, в Гелиее) не дает убедительных доказательств: в этом случае и дела не требовали специального образования, и страсти оказывали большое влияние на решение, например классовая вражда и даже «стадное чувство»; недаром у разных народов есть такое наблюдение: *senatores – optimi viri, senatus – mala bestia* (сенаторы – прекрасные люди, сенат – скверное животное); ὑμῶν μὲν ἕκαστος ἀλώλεκος ἔχουσι βαίνει σύμπλασιν δ' ὑμῖν κοῦφος ἐνεστί νόος (Солон) – «каждый из вас идет по следам лисицы [в басне], а у всех вас вместе ум легкий [легкомысленный]»³⁵.

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса, насколько способна была масса афинян судить о литературных достоинствах драматических произведений.

Очень хорошим способом проверить эстетическую оценку драматических произведений древними афинянами было бы сравнить их оценку с нашей оценкой (конечно, считая нашу оценку безупречной).

Об оценке древней публикой некоторых драматических произведений мы имеем документальные сведения: до нас дошли вводные статьи (ὑποθέσεις) к этим произведениям (трагедиям и комедиям), в которых содержатся указания на то, какие места были присуждены на драматическом конкурсе пьесам, поставленным на сцену, театральными судьями тотчас после представления их. Ясно, что первое место присуждалось пьесе, наиболее понравившейся публике, третье (последнее) место – пьесе, наименее понравившейся, т. е. «провалившейся» (говоря теперешним языком), а второе место – пьесе среднего достоинства по мнению публики. Сравнение древней оценки пьесы с нашей оценкой ее и дало бы нам возможность судить о правильности древней оценки. Но на практике такое сравнение едва ли возможно по многим причинам.

Прежде всего, эстетическая оценка литературных произведений вообще субъективна: нередко одно и то же сочинение оценивается разными критиками совершенно различно. Точно так же и суждение ученых нового времени о древних произведениях бывает часто различное. Для примера можно указать на разноречивые суждения ученых о «Трахинянках» Софокла и «Облаках» Аристофана. Но даже если ученые согласны в оценке какой-либо древней пьесы, то надо

---

³⁵ Anthologia lyrica. Ed. Hiller. Lipsiae, 1901, с. 36.

иметь большое самомнение, чтобы признать его безусловно истинным, а противоположное мнение древних неправильным.

Затем, мы не можем противопоставлять свое суждение приговору древних уже потому, что древние оценивали пьесу не абсолютно, но относительно, по сравнению ее с другими пьесами, участвовавшими в конкурсе, а до нас не дошли эти конкурировавшие пьесы, и потому мы не можем произвести такого сравнения. Поэтому постановка древними пьесы, например, на последнем месте не означает еще, что пьеса была «забракована», что она не понравилась публике или судьям и была признана неудовлетворительною: ведь при всяком конкурсе нескольких литературных произведений которое-нибудь должно быть поставлено на последнем месте, хотя бы они все были первостепенного достоинства.

Но, даже если бы и дошли до нас все пьесы, соперничавшие с данной пьесой, и тогда едва ли мы имели бы право критиковать оценку древних на основании нашей собственной: суждение древних основывалось, по крайней мере иногда, на других принципах, чем наше. Мы, филологи, имеем перед собою немой текст драмы, не всегда даже легко понимаемый; древние судили под влиянием свежего впечатления о *представлении* драмы: об игре актеров, о музыке, о пении хоров, о танцах, – вероятно даже о внешней сценировке (о костюмах и т. п.); все это нам неизвестно даже приблизительно, а для древних было важнее, может быть, чем само содержание; во всяком случае производило большое впечатление и влияло на общую оценку драмы. По свидетельству Аристотеля, «музыкальная часть составляет самое главное украшение драмы» (ἡ μελοποιία μεύιστον τῶν ἡδυσμάτων)³⁶.

Ксенофонт тоже приписывает большое значение пению, как видно из следующего места: «Когда образуется хор только из наших граждан, как, например, посылаемый в Делос, то ни один хор ни из какого другого места не может соперничать с ним»³⁷. Аристофан, прославляя радости с наступлением весны, так описывает праздник Великие Дионисии: «С наступлением весны Бромиево веселье [т. е. праздник в честь Бромия – Диониса], состязания сладкозвучных хоров и громогласные звуки флейты»³⁸. Мы сказали бы: «С наступлением весны бывают представления трагедий и комедий», т. е. указали бы на собственно драматический элемент представления; но Аристофан отмечает музыкальный элемент их, как главный. Сравнивая прелести мирной жизни и неприятности от войны, Аристофан также

³⁶ Аристотель. Поэтика, гл. 6 = с. 1450 b 16.

³⁷ Ксенофонт. Воспоминания, III, 3, 12.

³⁸ «Облака», ст. 311–313.

упоминает в числе первых «песни Софокла» (Σοφοκλέους μελῶν), а не целые его трагедии³⁹.

Танцы и вообще грацию движений греки ценили; об этом можно судить хотя бы по рассказу о том, что Софокл сам исполнял роль Навсики, игравшей в мяч, и «сильно прославился» (ισχυρῶς εὐδοκίμησεν), как сообщает Евстафий⁴⁰ и прибавляет, что «об игре в мяч заботились из государств спартанцы, а из частных лиц Софокл»⁴¹.

Другой принципиальной разницей между древней оценкой драм и вообще поэтических произведений и нашей оценкой было то, что мы ценим в драме ее художественную сторону, главным образом ее построение, тогда как для древних основным достоинством драмы была ее нравственная сторона. Греки уже в древнейшие времена, когда слагались Гомеровские песни, смотрели на миссию поэта с возвышенной точки зрения, как на миссию божеского посланника, избранника неба и носителя божественного откровения. Его обычные эпитеты в эпосе – «божественный» (θεῖος), «слуга Муз» (Μουσῶων θεράνων). Его слова суть слова Музы: «Муза, скажи мне...» – так начинается «Одиссея». От его песен слушатели ожидали не одного лишь «чародейства сладких вымыслов», но и серьезной мысли, поучения. Недаром мусические агоны были частью наиболее чтимых религиозных празднеств, недаром словесные произведения с древнейших пор подлежали строгой цензуре общества. И в Афинах драматические представления были не простой забавой, развлечением, но составляли часть религиозных праздничных действий.

Аристофан также смотрел на миссию поэта, как на очень важную деятельность, которая должна приносить пользу обществу. Так, на вопрос Эсхила, за что следует уважать поэта, Еврипид отвечает: «За искусство и поучение, и за то, что людей в государствах мы делаем лучшими»⁴². В этой же комедии Эсхил упрекает Еврипида за то, что он вывел в трагедии «Гипполит» безнравственную Федру. В свое оправдание Еврипид говорит: «Да разве я сочинил этот рассказ о Федре? Ведь он существовал раньше меня». На это Эсхил возражает: «Да, этот рассказ существовал. Но поэт должен скрывать дурное и не представлять его на сцене. У детей есть учитель, который наставляет их, а у взрослых поэты; поэтому мы должны говорить полезное»⁴³.

---

³⁹ «Мир», ст. 531.

⁴⁰ Евстафий. Комментарий к «Одиссее», с. 1553.

⁴¹ Tragicorum Graecorum fragmenta, recensuit Aug. Nauck, изд. II, 1889, с. 228.

⁴² «Лягушки», ст. 1009–1010.

⁴³ Там же, ст. 1054–1055.

Сократ у Платона говорит, что поэты «для нас как бы отцы и вожди мудрости»⁴⁴. Гораций видит в Древней аттической комедии вообще цензора нравов⁴⁵. Вероятно, с этой же, моральной, точки зрения смотрели на поэзию, если не все, то большая часть афинян V/IV века, тем более что воспитание детей уже с самого начала состояло в заучивании наизусть избранных отрывков из поэтов с целью не простого ознакомления детей с литературой, а с целью внушение им нравственных правил; и потому изучаемые стихи должны были содержать или рассказы о подвигах славных мужей, или мудрые наставления, которые могли бы служить гражданину руководством в жизни. Поэтому понятно желание Стрепсиада, чтобы его образованный сын Фидиппид пропел ему песнь Симонида и продекламировал что-нибудь из Эсхила; понятно и негодование Стрепсиада по поводу того, что сын отказался это сделать и отозвался дурно о таких высокочтимых, нравственных поэтах, а вместо этого продекламировал одно место из Еврипидовой трагедии «Эол», в котором говорится о преступной любовной связи брата с единоутробной сестрой⁴⁶.

Кроме этих фактов общего характера, на оценку трагедии и комедии зрителями и судьями могли влиять чисто случайные обстоятельства, например какое-нибудь одно место в пьесе, которое могло особенно понравиться публике, или наоборот. Так, по свидетельству Дикеарха (ученика Аристотеля), в комедии «Лягушки» публике очень понравилась парабаза, в которой хор советует уравнивать граждан и прекратить террор, не отнимать ни у кого гражданских прав, возратить права провинившимся гражданам и т. д., — словом, водворить внутренний мир в государстве. «Примем всех с добрым сердцем как родных, сделаем их полноправными гражданами, — всех, кто вместе с нами сражается на море!» (ст. 686–705). Благодаря этому совету вся комедия имела такой успех, что представление ее было повторено, — крайне редкий случай в театральной практике того времени⁴⁷.

Но вот обратный случай. Как рассказывает Сенека, во время представления одной (не дошедшей до нас) трагедии Еврипида, когда были произнесены стихи, в которых сказано, что золото людям дороже матери, детей и отца, то весь народ встал, чтобы выбросить актера и трагедию. Тогда Еврипид сам вышел и просил зрителей дождаться окончания пьесы и увидеть, какая участь постигнет этого

---

⁴⁴ Платон. Лисид, 214А.

⁴⁵ См. Гораций. Сатиры, I, 4, 1–5.

⁴⁶ См. «Облака», ст. 1354–1376.

⁴⁷ См. Вводную статейку к комедии «Лягушки».

любителя золота. Ясно, что если бы финал трагедии был другой, то одного этого было бы довольно для провала всей пьесы⁴⁸.

Из этого рассказа видно также, что на оценку пьесы судьями могло влиять (и, вероятно, влияло) отношение к ней публики. Недаром Платон говорит о «господстве театра [т. е. зрителей]» (θεατροκρατία)⁴⁹. Афинская публика не стеснялась выражать свое одобрение или неодобрение: хлопали, кричали, свистали, может быть, даже приказывали судьям вынести тот или другой приговор о пьесе.

Так, относительно поведения зрителей при представлении «Облаков» Аристофана Элиан рассказывает, что эта комедия показалась им приятной: «Они рукоплескали поэту, как никогда в другой раз; кричали, что он победил, и приказывали судьям поставить сверху [т. е. первым] Аристофана, а не кого другого»⁵⁰. Рассказ этот едва ли можно считать достоверным, потому что сам Аристофан не упоминает о таком случае; но он показывает, что такой случай был возможен.

Если одобрение или неодобрение зрителей было ясно, то судьям легко было постановить решение, и они едва ли шли наперекор им; но если голоса публики делились, то в этом случае положение их было труднее.

Интересно мнение Платона об идеальном драматическом судье, которое, вероятно, предполагает противоположный образ действий судей на практике. «Правдивый судья должен судить, не участь у публики и не смущаясь шумом толпы и своим собственным непониманием; а если он понимает, то не должен, по малодушию и трусо-

---

⁴⁸ Сенека. Письмо к Лупилию, 115, 14. Нечто подобное бывало и в новые времена. В книге: «Георг Гоян. Гликерия Федотова. Жизнь и творчество великой русской артистки», М.–Л., 1940, с. 306–307, описан такой случай. «В октябре 1871 года в Малом театре шла комедия «Укрощение строптивой». В роли Катаринны выступала Г. Н. Федотова... «Строптивая», уже укрощенная, произносит, как известно, в последнем акте монолог, обращенный к женщинам вообще и к сестре Бианке в частности. В этом монологе преподаются правила житейской мудрости: женщина призывается к покорности, муж провозглашается прежде всего господином и т. д. Едва только Федотова произнесла эти слова, как из ложи верхнего яруса раздалось страшное шипение... Мы навели свои бинокли на ложу эксцентричных протестантов и увидели, что в ней сидит группа стриженных девиц в очках, а среди них московский литератор Ф. Н-ов (Ф. Нефедов), тогда только начинавший нравописатель фабричного быта. Федотову однако эта выходка не смущала: она на несколько лишь секунд приостановилась, а потом снова, прямо глядя на ложу, откуда раздавалось шиканье, смело и отчетливо продолжала монолог. В ложе стали шикать сильнее и даже начали свистать. Но тут в дело вмешалась публика, и по адресу лиц, желавших ошибиться Шекспира, раздались короткий, но очень энергичный протест. Ввиду единодушного протеста публики ложа быстро опустела; сидевшие в ней недовольные «консервативными» взглядами Шекспира на «женский вопрос» сочли за благо оставить театр.

⁴⁹ Платон. Законы, 701 А; 659 В.

⁵⁰ Элиан. Разные истории, II, 13.

сти, теми же устами, которыми он, намереваясь судить, призвал богов, этими же устами лгать и легкомысленно высказывать свое решение. Ведь, не как ученик, но скорее как учитель зрителей, сидит судья, и для того, чтобы противиться тем [поэтам], которые доставляют удовольствие зрителям неподобающим и неправильным образом»⁵¹.

Возможны были даже некоторые неблагоприятные способы воздействовать на самую публику, как видно из слов Аристофана в парабазе «Ахарнян», где он восхваляет свои заслуги: «Поэт говорит, что он научит вас многому хорошему для вашего счастья, не прибегая к подхалимству, не суля наград, не обманывая, не мошенничая, не восхваляя, но уча самому хорошему»⁵². К словам «не суля наград» в схолиях дано очень ясное толкование: «не давая каким-либо людям награды [т. е. взятки], чтобы они его похвалили». Впрочем, возможно и другое толкование этой фразы.

Действовали, по-видимому, и хлопальщики («клакеры») на состязаниях. Ксенофонт приводит такой разговор Сократа: «Представим себе, что надо делать человеку, который хотел бы иметь репутацию хорошего флейтиста, если он на самом деле не таков. Не следует ли ему подражать хорошим флейтистам в том, что не имеет прямого отношения к искусству? Прежде всего, так как они имеют красивые костюмы и ходят в сопровождении массы слуг, то и ему надо припасти себе побольше хвалителей»⁵³.

У Лукиана Тимофей, учитель музыки, дает своему ученику Гармониду, жаждущему славы, такое наставление: «Ты желаешь вещи не маловажной, — хвалы, славы, известности. Если бы ты захотел достигнуть этого как-нибудь так, выступая перед публикой и показывая свое искусство, это было бы долго, да и не все при этом будут знать тебя: где можно найти такой большой театр или цирк, в котором ты будешь играть на флейте всем эллинам? Как тебе действовать, чтобы достигнуть известности у них и дойти до высшего предела твоей мечты, я и об этом дам тебе совет. Ты играй иногда и в театрах, но о простой публике мало заботься. А краткий путь, легче всего ведущий к славе, вот какой: выбери лучших в Элладе, лишь немногих, главных лиц, которые бесспорно пользуются уважением и суждение которых, положительное или отрицательное, считается заслуживающим веры. Если им ты покажешь свою игру и они одобряют тебя, то будь уверен, что ты уже стал известен всем эллинам в такое короткое время. Если люди, которых все знают и уважают, будут знать, что ты — замечательный флейтист, то какое тебе дело до

---

⁵¹ Платон. Законы, кн. II = с. 659 АВ.

⁵² «Ахарняне», ст. 656–658.

⁵³ Ксенофонт. Воспоминания. I, 7, 3.

простой публики, которая всецело последует за могущими судить лучше лицами? Эта масса, большая часть которой состоит из ремесленников, сама не понимает, что хорошо, но верит, что кого похвалят выдающиеся лица, того хвалят они не без причины; поэтому и сами они будут хвалить. Да и при состязаниях большая часть зрителей умеет только хлопать да свистать, а судят семеро или пятеро»⁵⁴. Здесь Лукиан сперва говорит о флейтисте, но потом высказывает мнение и о состязаниях вообще. На основании этого можно думать, что и в то время, так же как бывает и в наших собраниях, инициаторами одобрения или неодобрения бывало иногда лишь несколько человек, а остальная публика только «подхватывала».

В другом диалоге Лукиана дается такое наставление ритору: «Приятеля пусть постоянно вскакивают (и топают ногами в знак одобрения) и платят этим за обеды; если когда заметят, что ты запнешься, пусть протянут руку помощи и дадут возможность найти нужное слово во время хвалебных возгласов: тебе надо позаботиться и о том, чтобы обзавестись собственным хором, поющим с тобою в лад»⁵⁵.

Как уже сказано выше, судьи на драматических состязаниях, вероятно, в своем постановлении руководились голосом публики; но они не обязаны были это делать, а при разногласии публики даже и не могли. Платон в приведенной выше цитате из «Законов» не советует судьям «учиться у публики», а, напротив, быть «учителем зрителей». Во всяком случае, в дошедших до нас сведениях о распределении конкурировавших пьес по местам мы имеем официальные приговоры судей, а не публики. Приговоры эти могли быть несправедливы уже в зависимости от специальных причин, касающихся самих судей.

Мы не знаем подробностей выбора судей, но в общих чертах выбор их совершался так. Перед праздником, на котором должны были происходить состязания трагических и комических поэтов, члены Совета Пятисот вместо с хорегами намечали имена лиц, которых они считали пригодными для суждения о достоинстве пьес. Число лиц намечалось вдвое больше, чем требовалось для всех конкурирующих пьес. Для каждой комедии нужно было 5 судей; вероятно, так же и для каждой трагедии; следовательно, для каждой пьесы предварительно намечалось 10 человек, по одному от каждой филы, и затем из них по жребию выбирали 5 человек. Чем руководились члены Совета при выборе судей, неизвестно; вероятно, брали лиц достаточно компетентных для этого дела. Но неизвестно также, как члены Совета определяли компетентность намечаемых лиц и насколько они сами были компетентны для такого определения. По-

---

⁵⁴ Лукиан. Гармонид, гл. 2.

⁵⁵ Лукиан. Учитель риторов, гл. 21.

этому вполне возможно, что в намечаемые кандидаты судей попадали люди мало культурные. По крайней мере, можно это предполагать на основании следующего места из Аристофана. Хор «Облаков» говорит о том, какие выгоды получают судьи от них в случае справедливого, т. е., конечно, благоприятного, приговора о пьесе, и какие несчастья – в случае несправедливого, т. е. неблагоприятного.

«Мы хотим сказать, какие выгоды будут получать судьи, если они будут помогать этому хору по справедливости. Прежде всего, если вы захотите весною перепахивать поля, мы вам первым будем лить дождь, а остальным позднее. Затем, мы будем беречь ваш хлеб и фрукты и виноград так, чтобы ни засуха не вредила им, ни излишняя дождливость. А если кто смертный отнесется непочтительно к нам, богиням, то пусть он имеет в виду, какие несчастья будут грозить ему от нас: он не будет получать из своего поместья ни вина, ни чего-либо другого. Когда будут расти оливки и виноград, они будут побиты: такие мощные удары будем мы наносить. Если мы увидим, что он делает кирпичи, мы польем дождь и круглым градом уничтожим черепицу его крыши. Если будет жениться он сам или кто-нибудь из родственников его или друзей, мы будем лить дождь всю ночь, так что, пожалуй, он предпочтет лучше очутиться в Египте, чем сделать дурной [несправедливый] приговор»⁵⁶.

Как видно, это – люди, всецело занятые сельским хозяйством; никакого намека нет на их литературные интересы. Еще хуже характеристика судей в следующем месте комедии «Птицы».

«Судьям мы хотим сказать одно словечко о победе: сколько добра дадим мы им всем, если они нам ее присудят, так что они получают подарки, гораздо лучшие, чем Александр [=Парис]. Прежде всего, в том, чего всего больше желает всякий судья, у вас никогда не будет недостатка в совах Лаврийских [т. е, в серебряных монетах]; но они будут жить у вас дома, будут вить гнезда в кошельках и выведут мелкие монетки. Затем, кроме того, вы будете жить словно в храмах: ваши дома мы покроем крышами на манер орла; и, если, получив какую-нибудь маленькую должность, вы захотите что-нибудь стащить, мы дадим вам в руки быстрого ястреба. Если будете обедать где-нибудь, мы пошлем вам зобы. А если не присудите нам победу, то куйте себе лунки и носите на голове, как статуи⁵⁷, потому что, у кого из вас не будет лунки, тем мы оплатим лучше всего тогда, когда вы наденете белый плащ; все птицы его обгадят»⁵⁸.

⁵⁶ «Облака», ст. 1115–1130.

⁵⁷ Головы статуй прикрывали металлическими лунками для защиты их от загрязнения.

⁵⁸ «Птицы», ст. 1101–1117.

Сказанного, я полагаю, достаточно, чтобы отказаться от мнения, будто мы можем контролировать дошедшие до нас суждения древних о достоинстве драматических произведений на основании наших собственных суждений о них, и отсюда делать выводы о способности или неспособности афинян V/IV века к эстетической оценке их, и вообще об их сообразительности и образованности. Так, трагедия Софокла «Эдип-царь» у Аристотеля в «Поэтике» служит как бы каноном, а схолиастами и большей частью ученых нового времени ставится на самом веру греческого трагического искусства; тем не менее при представлении она была поставлена лишь на втором месте, тогда как первое место было присуждено почти неизвестному нам драматургу Ксеноклу, племяннику Эсхила. Позднейшие греческие критики удивляются такому приговору и винят в этом дурной вкус афинской публики; но, ввиду указанных выше обстоятельств, мы не имеем права видеть причину этого только в дурном вкусе публики или судей. Подобным же образом комедия «Облака», которую сам Аристофан, греческие критики и большинство ученых нового времени считают очень хорошей пьесой, была поставлена на третьем (последнем) месте, ниже конкурировавшей с нею комедии Амипсия. Мало того, самому Софоклу архонт однажды не дал хора, т. е. не допустил представленные им пьесы, к постановке на сцене. Такой же случай произошел с знаменитым комиком Кратином. Нам кажется также странным, что Еврипид, написавший 75 трагедий, только 5 раз одержал победу, так что часто предпочтение оказывалось поэтам совсем ничтожным⁵⁹. Элиан, приведя рассказ о том, что однажды Еврипид был побежден тем же Ксеноклом, говорит в заключение: «Не смешно ли? Ксенокл победил, а Еврипид был побежден! Так, одно из двух: постановившие это решение или были глупы, невежественны и далеки от правильного суждения, или были подкуплены. И то и другое абсурдно и совершенно не достойно афинян»⁶⁰.

Итак, нам надо искать какого-нибудь другого способа для суждения о степени литературного развития народной массы в Афинах и способности ее понимать и ценить драматические произведения, и притом сразу, по первому впечатлению при представлении их в театре.

Можно привести некоторые факты, свидетельства древних и общие соображения для доказательства в ту и другую сторону.

Само собою разумеется, что и в афинском, народе были люди с разными от природы умственными способностями и с разным образованием, и степени различия в том и другом отношении были бесчисленны, а потому и способности к оценке драматических произведений отдельными лицами были также до бесконечности разнооб-

⁵⁹ Ignavissimis, по выражению Авла Геллгия – XVII, 4, 3.

⁶⁰ Элиан. Разные истории, II, 8.

разны. Это априорное соображение, конечно, не требует доказательств, но все-таки можно привести некоторые отзывы самих древних писателей и факты, свидетельствующие об этом.

Так, Аристофан, огорченный тем, что его комедия «Облака» при представлении в 423 г. была поставлена на последнем месте, объясняет это (в парабазе к «Осам») невежеством зрителей – тем, что они не смогли понять выраженной в ней идеи, и считает этот провал позором для них, а не для себя. Все-таки он выделяет из публики людей, понимающих искусство: «репутация поэта у людей умных несколько не пострадала»⁶¹. Приблизительно это же он повторяет в парабазе к переделанным «Облакам». Тут он упрекает зрителей в невежестве, выразившемся в том, что они оценили балаганные пьесы его соперников – Кратина и Амипсия – выше его ученой комедии. При этом он делает упрек даже знатокам, ради которых он писал ее; но все-таки, прибавляет он, я «не оставлю вас, людей, понимающих искусство»: он хочет поставить вторично на сцену эту комедию, в надежде, что теперь по крайней мере люди, обладающие хорошим вкусом, знатоки, оценят ее по достоинству⁶². Те же самые два класса зрителей он различает в словах: «Кому кажутся смешными эти [низкопробные] шутки, тот пусть не находит удовольствия в моих»⁶³.

Указывая на благородный характер своей комедии, Аристофан говорит, что она «не вбегает на сцену с горящими факелами и не кричит ай-ай-ай, но полагается сама на себя», т. е. не гонится за внешними, дешевыми эффектами, а полагается на внутреннее содержание⁶⁴. А между тем в конце этой комедии находится как раз подобная сцена, где Стрепсиад с факелом поджигает дом Сократа, и ученик кричит ай-ай-ай⁶⁵. Для объяснения этого противоречия можно воспользоваться теми сведениями, которые сообщаются в 6-й вводной статейке к «Облакам» (с. 109 изд. Бергка) о переработке этой комедии. Там сказано, между прочим, что при переработке прибавлена сцена, где поджигается жилище Сократа. Можно предположить, что автор сделал эту уступку как раз в угоду вкусам невежественной части публики, любившей такие внешние, дешевые эффекты.

В той же статейке сказано, что при переработке вставлена сцена, где разговаривают Правосуд и Кривосуд⁶⁶. И эта сцена, может быть, вставлена почти по той же причине: так как публика, или по крайней

---

⁶¹ «Осы», ст. 1016–1059.

⁶² «Облака», ст. 520–548.

⁶³ Там же, ст. 560.

⁶⁴ Там же, ст. 537–544.

⁶⁵ Там же, ст. 1485–1505.

⁶⁶ Там же, ст. 951–1104.

мере малокультурная часть ее, не поняла, по мнению Аристофана, вреда осмеянного им нового учения софистов, то он и вставил эту сцену, в которой уже прямо изложены принципы старого и нового воспитания, так что даже и невежественные зрители могли при вторичном представлении комедии понять, в чем состоит отличие нового воспитания от старого и вред нового.

Такое же различие даже между судьями Аристофан предполагает в парабазе к «Экклесиазусам»: «Я хочу, – сказано там, – обратиться к маленьким увещанием к судьям: умные [т. е. знатоки искусства] пусть присудят мне победу, помня мои умные слова; а те, которые любят посмеяться, пусть присудят мне победу за смешное»⁶⁷. Под «любителями смеха» разумеются судьи попроще, в противоположность образованным.

На таком мнении о культурной разнице между зрителями основан совет, который дает драматургам один (неизвестный) комик: «Талантливый поэт должен давать зрителям разнообразное угощение, как бы угощение хорошего пира, чтобы каждый ушел, поевши и попивши то, что он любит, и чтобы "готовка" музыки была не одна»⁶⁸.

Очень ясно определяет Аристотель разницу между классами публики; он говорит о музыкальных состязаниях, но сказанное им вполне приложимо и к драматическим представлениям. «Театральная публика, – говорит он, – бывает двоякого сорта: с одной стороны, она состоит из людей свободнорожденных и культурных благодаря полученному ими воспитанию; с другой стороны, это – публика необразованная (φορτικός), состоящая из ремесленников, наемников и тому подобных людей. И для этого последнего сорта публики нужно, в целях предоставления ей отдыха, устраивать (особые музыкальные) состязания и зрелища... Каждый получает наслаждение от того, что свойственно его натуре; поэтому и лицам, участвующим в состязаниях перед такого рода публикой, нужно предоставить возможность пользоваться подходящим для нее родом музыки»⁶⁹. Как видно, Аристотель находит, что для простой публики недоступна высокая музыка; для нее нужна музыка попроще. Так, Аристотель делит публику на два класса – образованных и необразованных, называя первых словами: οἱ πελαιδευμένοι, οἱ ἐλεύθεροι, οἱ χαρίεντες, οἱ σοφοί, а вторых: οἱ πολλοί, οἱ ἀλαϊδευτοί, οἱ φορτικοί.

Комедию публика легче могла понимать, чем трагедию. В комедии речь идет по большей части о лицах и фактах знакомых, повседневных (за исключением комедий с литературной темой); в траге-

⁶⁷ «Экклесиазусь», ст. 1155–1156.

⁶⁸ САФ, III. 1330.

⁶⁹ Аристотель. Политика. VIII, 7 = с. 1342 b 18–28.

дин сюжет может быть далеко не всем известен. Авторы трагедии старались помочь публике в этом отношении разными средствами, например тем, что в прологах Еврипида излагаются сведения, нужные для понимания действия.

Но главной трудностью для понимания трагедии был язык. В комедии действующие лица говорят простым, разговорным языком; в трагедии, напротив, все говорят языком, чуждым обыкновенному.

Язык трагедии неодинаков в разных частях ее – в диалоге и в песнях хора. Конечно, во всей трагедии основной язык – аттический, но с разной окраской. Уже при первом чтении трагедии бросаются в глаза особенности в языке, которые в аттической прозе не встречаются. Язык диалога трагедии в основе своей есть древнеаттический язык той эпохи, когда возникла в Аттике драма, т. е. VII/VI века до н. э. Аттический диалект первоначально был ближе к ионическому, чем впоследствии. Язык трагедии включает в себе множество ионизмов (слов и форм), которых в V веке в живом аттическом языке уже не было, но которые, вероятно, были в нем раньше, – в эпоху возникновения драмы. Таким образом, язык трагедии для афинян V века был языком устаревшим, приблизительно таким, каким нам кажется язык писателей XVIII века, например Сумарокова. Почему трагедии не писали языком своего времени? Это объясняется очень странной, на наш взгляд, но характерной чертой греческой литературы – именно тем, что литературные жанры имели тенденцию в общем удерживать диалект того греческого племени, среди которого они возникли.

Так, эпические произведения писались и впоследствии языком «Илиады» и «Одиссеи», так что даже Аристофан в комедии, если ему случается сочинять дактилический гексаметр, свободно ставит в нем Гомеровские слова и формы. Элегия возникла у ионян, а потому, в силу того же обычая, например, Тиртей-дорянин сочинял элегии на ионическом наречии. Хоровая поэзия появилась впервые у дорян, и в силу этого песни хора и в трагедии и в комедии даже и впоследствии сохраняют хотя бы следы дорического наречия. На этом основании и трагедия сохраняла и впоследствии тот диалект, который она имела в первую эпоху своего существования, т. е. древнеаттический. Другой и, пожалуй, еще более важной причиной, почему аттическая трагедия сохраняла свой старый язык, является то обстоятельство, что трагедия составляла часть религиозной церемонии, – а народы по отношению к религии вообще консервативны, – и действующими лицами в трагедии были боги, полубоги и люди, окруженные ореолом величия. Говорить на обыкновенном языке, на каком говорили все смертные позднейшего времени, было бы им неприлично; поэт старался сделать их речь более возвышенной, –

совершенно так же, как актер, представляя их на сцене, старался увеличить свой рост и усилить голос. Даже в комедии боги и полубоги говорят высоким слогом.

Итак, в основе трагического диалекта лежит древнеаттический язык. Но, кроме того, в нем есть и другие элементы, например ионические слова и формы, Гомеровские слова и формы и даже несколько слов дорических, например, *vív* – его, ее, их, и эолических; многие слова, особенно сложные, выдуманы или сами автором, или его предшественниками. Надо прибавить к этому большое число метафор и разных поэтических украшений, возвышающих слог и отличающих его от языка повседневной жизни, например *káσις πηλοῦ* – брат грязи – в смысле «пыль»⁷⁰. Расстановка слов – самая причудливая; весь строй речи – вычурный, «извитыйствованный».

В лирических частях есть еще одна особенность, бросающаяся в глаза, – подкрашивание языка доризмами, именно – употребление дорической *α* там, где аттический диалект имеет *η* (или *ω* в род. п. мн. ч.). Это бывает и в корнях слов, и в окончаниях: в корнях слов – там, где общегреческий язык имел *α*, например *ἀμέρα*, *ἄλλος*; в окончаниях – например в I-м склон, *ψυχή* вместо *ψυχή*; в род. п. мн. ч. I-го склон, *κορῶν* вместо *κορῶν* и др. Обилие доризмов именно в песнях хора объясняется тем же обычаем, по которому в литературном жанре удерживается диалект, на котором он возник. Так как хоровая лирика возникла у дорян, то дорические элементы сохраняются и в песнях хора аттической драмы – даже комедии: *γῆν* вместо *γῆν* у Аристофана⁷¹. Но совершенно ошибочно было бы думать, что песни хора в драме написаны на дорическом диалекте: и выбор слов, и большая часть форм – аттические; только дорическая *α* попадает в большом количестве. Таким образом язык хоровых песен в основе тот же древнеаттический, что и в диалоге, да с еще большими прибавками Гомеровских элементов (например *οιο* в окончании род. п. ед. ч. 2-го склон.), но подкрашенный дорической *α*.

Как видно из сказанного, язык трагедии как в диалоге, так и в лирических частях – искусственный, т. е. такой, на котором никто никогда не говорил. Чтобы хоть сколько-нибудь представить его себе, вообразим, что какой-нибудь наш современник написал драму языком XVIII века, например языком Сумарокова, с прибавкой значительного числа церковно-славянских слов и с небольшой прибавкой слов украинских. Это было бы подобие языка диалога в греческой трагедии. А чтобы представить язык хоровых частей, вообразим, что такой странный жаргон еще обильно подкрашен какой-нибудь украинской особенностью, например что вместо нашего *о* и прежнего *ъ*

⁷⁰ Эсхил. Агамемнон, ст. 494.

⁷¹ См. «Облака», ст. 300.

поставлено украинское и: «пид» = «под», «бривь» = «бровь», «дид» = «дед», «дивка» = «девка» и т. д. Притом и в диалоге и особенно в лирических частях мысли даже простые изложены самыми необычными, причудливыми сочетаниями слов; все пересыпано разными образными выражениями; расстановка слов – самая произвольная, так что слова, логически связанные между собою, разъединены словами посторонними.

Конечно, в настоящее время трагедия на таком невозможном диалекте возбудила бы только смех вместо сострадания. Но («обычай – деспот меж людей») афинянам такой смешанный язык вовсе не казался странным или смешным; напротив, трагедия на обычном аттическом языке показалась бы им никуда не годной: в ней увидели бы диссонанс между содержанием и выражением. Впрочем, и тогда находились критики, которые протестовали против необыкновенного языка трагедии. Аристотель рассказывает, что Арифрад (неизвестное нам лицо) осмеивал трагиков за то, что они употребляют выражения, каких никто в разговорной речи не употребляет: *σέθεν* – вместо *σοῦ*; *νῦν* – вместо *αὐτόν, αὐτήν, αὐτούς, αὐτάς*; *δωμάτων ἄλο* – вместо *ἀλό δωμάτων*; *Ἀχιλλέως περί* – вместо *περί Ἀχιλλέως*. Замечательно то, что Аристотель защищает традиционный способ выражения трагиков против этой критики указанием на то, что это придает трагедии возвышенный характер, а Арифрад «не знал этого»⁷². В комедии нередко мы находим насмешки над языком трагедии; но это касалось, по-видимому, не столько самого диалекта трагедии, сколько чрезмерной вычурности выражения. Однако с течением времени язык трагедии все-таки стал упрощаться: язык Софокла и особенно Еврипида уже ближе к обыкновенному, чем язык Эсхила. О Еврипиде Аристотель говорит, что он «слагает, выбирая из обычного языка», и что он «показал это первый»⁷³.

Понимать такую речь на открытом воздухе, на значительном расстоянии, в декламации и особенно в пении, и притом мгновенно, для человека малообразованного, даже малограмотного было или затруднительно, или вовсе невозможно. Представим себе положение Аристофанова Колбасника, который знал даже грамоту «с грехом пополам», а с музыкой (в древнем смысле) совсем был незнаком. Но даже и Стрепсиад, умевший читать и писать, знавший (или по крайней мере слышавший) об Эсхиле и Симониде, приходит в отчаяние при мысли, как он будет изучать «тонкости хитрой речи»⁷⁴, и действительно оказывается совсем не способным учеником. Конечно, в школе изучали поэтов; но не все проходили полный курс школы, не

⁷² Аристотель. Поэтика, гл. 22, 13.

⁷³ Аристотель. Риторика, III, 2 = с. 1404 b 25.

⁷⁴ «Облака», ст. 130.

все тогда, как и в наше время, одинаково усваивали школьную мудрость; и не у всех она оставалась в памяти на всю жизнь. Даже Гомера, который был главным предметом изучения в школе, знали не все хорошо. Правда, один из гостей в «Пире» Ксенофонта, Никерат, с гордостью говорит, что он может продекламировать наизусть всю «Илиаду» и «Одиссею»; но это – исключение из правила, потому что Никерат хвалится этим; к тому же Никерат, сын знаменитого Никия, принадлежал к высшему слою интеллигенции.

Зато у авторов есть указания на факты, свидетельствующие о плохом понимании Гомеровского языка афинянами V/IV века. Как и следовало ожидать, Колбасник у Аристофана⁷⁵ понимает значения слова *ἀκυλοχῆλης* – с кривыми когтями (которое, впрочем, употреблено лишь один раз в поэме «Война мышей и лягушек» (ст. 296), а в поэмах Гомера есть *ἀκυλοχεῖλης* – с кривым клювом. В речи Эсхина против Тимарха оратор говорит, обращаясь к противникам, следующее: «Так как вы упоминаете Ахилла и Патрокла, Гомера и других поэтов, как будто судьи не слыхали об образовании, а вы делаете вид, что получили хорошее воспитание и презираете народ благодаря своему знанию, то, чтобы вы знали, что и мы кое-что слышали и кое-чему учились, скажем и мы об этом»⁷⁶. Как видно, противники могли предполагать, что судьи – круглые невежды и Гомера совсем не знают. – Но самое интересное свидетельство на эту тему мы находим в отрывке автора Новой комедии, Стратона⁷⁷. Содержание его такое. Упоминаемый здесь человек нанял себе повара для задуманной им пирушки. Повар этот был грамотей, знаток и любитель Гомера, называвший самые обыкновенные предметы и действия Гомеровскими (или по крайней мере древними) словами. Но хозяин, напротив, оказался невеждой и не понимал никаких Гомеровских слов, а потому и не понимал речи повара. На этом основан комизм этой сцены. Повар спрашивает, сколько людей он пригласил на обед, но слово «люди» выражает Гомеровским *μέροτες* (смертные); а хозяин понимает это слово в каком-то другом смысле; повар называет гостя Гомеровским *δαίτιμον*, а хозяин считает это собственным именем, перечисляет поименно всех приглашенных им гостей и говорит, что в числе гостей нет ни одного, носящего имя «Дайтимон»; повар спрашивает, будет ли он приносить в жертву овец – *μῆλα* (на Гомеровском языке), а хозяин понимает это слово в смысле «яблоки» (на аттическом диалекте) и говорит, что он будет приносить в жертву не яблоки, а овечку (*πρόβάτιον*) (по-аттически), и т. п. Хозяин, как вид-

⁷⁵ См. «Всадники», ст. 204.

⁷⁶ Эсхин, I, 141.

⁷⁷ САФ, III, 361.

но, человек не бедный, а потому не из низшего класса населения, и тем не менее не знает значения даже простых Гомеровских слов.

Владеть экземпляром поэм Гомера считалось чем-то необыкновенным: Сократ в разговоре с Евтидемом упоминает об этом в такой связи: «Уж не хочешь ли ты сделаться рапсодом? Говорят, у тебя есть все поэмы Гомера»⁷⁸. Здесь обладание экземпляром поэм Гомера считается знаком ученого специалиста, а не всякого человека или простого любителя литературы.

Если обладатели книг были редкостью, то из этого можно заключить, что и книг было мало и что афиняне редко читали литературные произведения, так что и этим путем не мог у них вырабатываться эстетический вкус. Правда, в Афинах был книжный рынок; книги служили предметом экспорта. Так, у Аристофана сказано, что люди «спускались на книжный рынок»⁷⁹; но, как видно из следующего стиха «и питались там постановлениями», под «книгами» (βιβλία) разумеются не книги литературного содержания, но постановления Народного собрания или других учреждений. Книжный рынок (οὐ τὰ βιβλί'ῶντα) упоминается также в фрагменте одной, неизвестной нам, комедии Евполида⁸⁰, но также не сказано, какого рода книги разумеются.

О чтении книг очень редко упоминается в дошедшей до нас литературе: у Аристофана Дионис читает «Андромеду», трагедию Еврипида⁸¹; но Дионис представлен Аристофаном в виде как бы министра театрального дела и потому должен быть знаком с драматической литературой. Еврипид хвалится тем, что он «выжимал сок из книг»⁸². В одной не дошедшей до нас пьесе комика Платона действующее лицо говорит: «Я хочу прочесть эту книгу»⁸³. Но, как видно из дальнейшего разговора, это – лирическое стихотворение некоего Филоксена «Пир», где описывался роскошный пир и, между прочим, даны были рецепты для приготовления разных кушаний!⁸⁴

⁷⁸ Ксенофонт. Воспоминания, IV, 2, 10.

⁷⁹ «Птиць», ст. 1288.

⁸⁰ САФ, I, с. 339, фрагм. 304.

⁸¹ См. «Пягушки», ст. 52–53.

⁸² Там же, ст. 943.

⁸³ САФ, I, с. 643, фрагм. 173.

⁸⁴ Рецептов для приготовления кушаний, может быть, не было в поэме Филоксена, но они прибавлены для смеха самим комиком Платоном. Таково мнение Bergk'a в книге *Commentationum de reliquiis comoediae Atticae antiquae libri duo*. Lipsiae, 1838, с. 211–212. Поэма Филоксена «Пир», как видно посвященная всецело гастрономии, читалась охотно пустыми людьми. Об этом говорит Аристотель у Афиня (I, глава 10 = *Aristotelis opera*, vol. V, 1488a 1–5): «Люди говорящие речи в собраниях, целый день смотрят фокусы, расспрашивают приезжающих из Фасида или Борисфена, но ничего не читают, кроме Филоксенова "Пира", да и то не всего».

По-видимому, самым важным свидетельством в пользу обычая читать книги литературного содержания может служить одно место у Аристофана, где сказано о зрителях, что «каждый сидит с книгой и изучает остроумное» (βιβλίον τ' ἔχων ἕκαστος μανθάνει τὰ δεξιὰ)⁸⁵. Однако эта фраза не вполне ясна в некоторых отношениях: какая книга тут разумеется? что изучает по ней зритель? Для понимания этой фразы надо припомнить, что комедия «Лягушки» имела такой успех, что представление ее было повторено, – вероятно в скором времени после первого. Возможно предположить, что некоторые места из трагедии Эсхила и Еврипида, которые цитируются и критикуются в этой комедии, были не поняты публикой при первом представлении и что поэтому для вторичного представления эти цитаты были выписаны в виде либретто и розданы зрителям. По этой причине Аристофан сделал изменения в тексте комедии⁸⁶, где говорит что зрители стали теперь опытнее, чем были при первом представлении, и легче поймут приводимые цитаты, для чего им и даны либретто. Эти либретто и названы словом βιβλίον в ст. 1114, и из них каждый поймет все остроты (τὰ δεξιὰ) при критическом разборе этих цитат в комедии. При таком толковании, принадлежащем Роджерсу в его издании «Лягушек», фраза в ст. 1114 не может служить доказательством того, что афиняне имели обычай читать произведения литературного содержания. Но если даже не держаться этого толкования, то и тогда, ввиду неопределенности значения слова βιβλίον, – оно может означать «свиток» с текстом любого содержания, – нельзя воспользоваться этой фразой для утверждения о чтении афинянами литературных произведений. Ведь нельзя предполагать, что βιβλίον у зрителей содержало текст комедии «Лягушки». Ни один драматург не захотел бы выпустить в свет свою пьесу раньше ее представления на сцене: тогда пропал бы интерес к ней у публики. А какую же другую книгу зрители могли взять с собою в театр?

Косвенным доказательством того, что афиняне вообще не читали драматических произведений, может служить одна фраза Сократа у Платона. Сократ в числе причин сложившегося у афинян дурного мнения о нем указывает на комедию «Облака»: «Вы и сами видели в Аристофановой комедии, что какой-то Сократ там болтается, говоря, что ходит по воздуху, и мелет много другого вздора»⁸⁷ и т. д. Замечательно, что Сократ, употребляя слово «видели», ссылается на представление комедии в театре, происходившее более двадцати лет назад, а не на чтение ее в виде книги: значит, нельзя было рассчитывать на знакомство судей и вообще большой публики с пьесой путем чтения ее.

⁸⁵ См. «Лягушки», ст. 1114.

⁸⁶ См. «Лягушки», ст. 1109–1118.

⁸⁷ Платон. Апология, 19 С.

Такое же заключение можно вывести из отрывка Еврипидовой трагедии «Паламед», в котором речь идет о сферах применения избретенного Паламедом искусства писать⁸⁸. Сферы применения письма, а следовательно, и чтения, указанные здесь, – исключительно деловые: письма, завещания, документы; ни слова не говорится о применении письма для целей литературных; значит, эта цель считалась слишком маловажной.

Едва ли и из разговоров друг с другом афиняне могли почерпнуть сведения о литературных произведениях и критически обсуждать их. Из комедии «Осы» мы узнаем, на какие темы велись разговоры в среднем обществе афинском. Здесь Бделиклеон учит своего отца Филоклеона хорошему тону – о чем следует разговаривать в «порядочном обществе». Старик думает, что надо рассказывать сказки, басни, неприличные анекдоты. Но сын, как представитель высшего круга, все это осуждает; он советует отцу говорить о том, как он участвовал в священном посольстве (θεωρία); о борьбе атлетов; рассказывать, как он охотился на кабана или зайца; как участвовал в беге с факелами; находясь в гостях, хвалить обстановку хозяйна, например его бронзовую посуду, потолок, занавески; во время обеда петь по очереди застольные песни⁸⁹. Но нет ни малейшего упоминания о разговоре на литературные темы! Наряду с указанными сейчас фактами и соображениями, свидетельствующими о недостаточной способности массы афинского народа оценивать драматические произведения, можно привести также факты и соображения противоположного характера.

Прежде всего, надо указать на похвалы публике со стороны комедии по поводу догадливости, понимания, вообще ума народа афинского. Но нельзя этим похвалам придавать серьезного значения: это – почти все комплименты со стороны хора в обращении его к публике, например: «Приди, Муза, и посмотри на великую массу народа, где сидят тысячи мудростей»⁹⁰; «Привет тебе, собрание древлерожденных зрителей всемудрых»⁹¹; «Я считаю вас зрителями разумными»⁹²; «Привет тебе, собрание, лучший судья нашей мудрости [= искусства]»⁹³; «Это бывает со зрителями невежественными, а не с вами»⁹⁴.

⁸⁸ Tragicorum Graecorum fragmenta, recensuit Aug. Nauck, ed. II. 1889, Eurip. fragm. 578.

⁸⁹ См. «Осы», ст. 1174–1264.

⁹⁰ «Лягушки», ст. 677.

⁹¹ Платон (комик), фрагм. 90.

⁹² «Облака», ст. 521.

⁹³ Кратин, фрагм. 323 (не вполне понятный).

⁹⁴ «Осы», ст. 1014.

Важнее этих комплиментов некоторые отзывы древних. Так, из диалога «Лахет» мы узнаем, что суждение афинян о какой-либо трагедии признавалось во всей Элладе авторитетным: «Спартанцы более всех эллинов занимаются военным делом, и поэтому тот, кто у них был бы оценен за такое искусство, мог бы и у других зарабатывать много денег, – подобно трагическому поэту, оцененному у нас. Поэтому, кто считает себя хорошим трагическим поэтом, тот не ходит вне Аттики, кругом ее, по другим городам, показывая в них свое произведение, но сейчас же стремится сюда и показывает его здешним жителям, как это и естественно»⁹⁵.

Такой же отзыв об афинянах как знатоках трагического искусства дает Аристофан от имени Эсхила. Тут речь идет о состязании между Эсхилом и Еврипидом в подземном царстве. Представляется вопрос о судьбе в этом состязании. «Кто же будет судить?» – «Это было трудно: с афинянами Эсхил не ладил [потому что они не всегда ценили его драмы], а все остальное [т. е. всех остальных эллинов] считал вздором [т. е. ничего несостоящими] относительно понимания природы [таланта] поэтов»⁹⁶.

Аристотель также высоко ценит суждение народной массы относительно музыки и поэтических произведений. «Может случиться, – говорит он, – что народная масса (τοῦς πολλοῦς), из которой каждый в отдельности – не совершенный человек, тем не менее, сойдясь, бывает лучше тех хороших людей, не как каждый в отдельности, но как все вместе взятые... Ведь, так как в этой массе много людей, то, возможно, каждый из них, взятый в отдельности, обладает частью добродетели и разума, и, когда они сойдутся, то эта масса становится как бы одним человеком, у которого много ног, много рук, много чувств, а равно много характера и рассудительности. Вот почему народная масса судит лучше о музыкальных и поэтических произведениях: одни судят об одной стороне их, другие – о другой, а все вместе – о целом»⁹⁷. «Вот почему простой народ о многом судит лучше, чем один человек, кто бы он ни был»⁹⁸.

Такого же мнения относительно суждения большой публики о произведениях скульптуры держался Фидий. «Когда он сделал статую Зевса для элейцев, рассказывает Полистраг у Лукиана, – он стал позади дверей, когда в первый раз, отворив их, показывал свое произведение, и слушал тех, которые порицали что-нибудь или хвалили: один находил, что нос толст, другой, – что лицо длинновато, третий – еще что-нибудь. Когда смотревшие разошлись, Фидий опять за-

⁹⁵ Платон. Лахет, 183 А.

⁹⁶ «Лягушки», ст. 805 и сл.

⁹⁷ Аристотель. Политика, кн. III, гл. 6, § 4 = с. 1281 а 42 – 1281 в 10.

⁹⁸ Там же, гл. 10, 5, § 5 = с. 1286а 30.

перся и стал переделывать статую согласно с отзывами большинства: он считал немаловажным совет столь многочисленного народа, но думал, что всегда необходимо должно быть, что масса видит больше, чем один человек, хотя бы он был Фидий»⁹⁹.

Почти такой же рассказ приводит Плиний о живописце Апеллесе. «Он выставлял свои совершенные произведения для обозрения прохожим, а сам прятался за картиной и слушал замечания о недостатках, полагая, что народ – лучший судья, чем он сам»¹⁰⁰.

Но этим мнениям можно противопоставить мнение, высказанное Платоном: «Смешна народная масса, когда она думает, что она достаточно понимает, что такое гармония и ритм и противоположное этому, – потому только, что этих людей заставляли петь и ходить в такт»¹⁰¹. И уже прямо о поведении публики во время театральных представлений Платон высказывает свое мнение в другом месте: «Поэты вложили публике (τοῖς κολλοῖς) испорченный вкус к музыке и дали, ей дерзость думать, будто они – достаточно компетентные судьи поэтических произведений. Вследствие этого театры из безмолвных сделались шумными (φωνήεντα), как будто они [все зрители] понимают, что в Музах прекрасно, что не прекрасно, и вместо аристократии в музыке произошла скверная театрокрация»¹⁰².

Как видно из сопоставления приведенных сейчас отзывов мыслителей и анекдотов, в древности было два противоположных мнения о способности публики ценить художественные произведения.

В доказательство знания афинянами драматических произведений можно привести рассказ Плутарха о том, что после поражения афинского войска в Сицилии в 413 г. многие пленные, попавшие в рабство, были отпущены на свободу за то, что научили [хозяев] тому, что помнили из сочинений Еврипида; другие, скитавшиеся по острову после сражения, получали пищу и воду за то, что пели песни [из его трагедий]¹⁰³. Но этот рассказ имеет слишком общий характер: неизвестно, какие это были афиняне – интеллигентные или не интеллигентные; какие части драм они знали наизусть – диалогические или хоровые, и т. д. Всего скорее можно предполагать, что они знали хоровые песни, так как нам известно, что на пирхах гости пели песни из трагедий и комедий (как в наше время поют арии из опер). Так, у Аристофана сказано, что две песни из комедий Кратина были любимыми застольными песнями¹⁰⁴. Стрепсиад приказывает сыну во вре-

⁹⁹ Лукиан. Об изображениях, гл. 15.

¹⁰⁰ Плиний. Естественная история, XXXV, § 84.

¹⁰¹ Платон. Законы, 670 В.

¹⁰² Платон. Законы, 700 Е – 701 А.

¹⁰³ Плутарх. Никий, гл. 29.

¹⁰⁴ См. «Всадники», ст. 529–530.

мя обеда спеть песню Симонида или продекламировать что-нибудь из Эсхила, по-видимому, из диалога, а Фидиппид вместо этого продекламировал отрывок из трагедии Еврипида¹⁰⁵. Но пение и декламирование отдельных отрывков из драматических произведений еще не дает права заключать о хорошем знакомстве народной массы с целыми произведениями.

Более показателен в этом смысле тот факт, что в комедиях Аристофана и других комиков часто пародируются отдельные выражения, стихи и целые сцены из трагедий; некоторые комедии – и их немало – имеют своей темой критику творчества какого-нибудь трагика.

Когда пародируются отдельные действия или целые сцены трагедий, особенно тех, которые незадолго до того были представлены в театре, то даже малокультурному человеку было сравнительно легко заметить сходные черты между трагической сценой и ее пародией в комедии. Так, в комедии «Фесмофоризусы», поставленной в 411 г., пародируются сцены из трагедий Еврипида «Елена» и «Андромеда», поставленных в 412 г.

Но часто в комедии пародируются лишь отдельные стихи из трагедии или даже какое-нибудь выражение; вспомнить, в какой трагедии и в какой связи были употреблены они, и притом вспомнить мгновенно, во время произношения их актером, это было трудно. Но в этом случае помогала разница в языке: высокопарный стиль такого стиха или выражения сразу чувствовался человеком сколько-нибудь образованным. Да и строение трагического стиха в пародии всегда отличается от строения стиха в комедии; например, в трагическом стихе отсутствует анапест, составляющий главную особенность комического trimetra. Может быть, и актер своим произношением давал понять высокопарность такого выражения. Вероятно, все-таки кое-что подобное ускользало от внимания зрителей; вероятно также, что зрители не всегда старались припомнить, в какой трагедии они слышали такое выражение, а довольствовались лишь сознанием его смешной высокопарности. Это можно заключить, между прочим, из разговора двух лиц в отрывке комедии Дифила. Один из собеседников в доказательство того, что Еврипид «любил параситов», цитирует его стихи, где говорится: «Человек состоятельный, который не кормит по меньшей мере троих параситов, да погибнет, да никогда не будет дано ему возвращение на родину!» «Откуда это?» – спрашивает другой. – «Что тебе за дело? – отвечает первый, – мы смотрим не на драму, а на смысл [= для нас важна не драма, а смысл]»¹⁰⁶.

Такое обилие пародий в комедии показывает, что авторы более или менее рассчитывали на понимание их публикой. Вероятно, они

---

¹⁰⁵ См. «Облака», ст. 1335–1372.

¹⁰⁶ CAF, II, с. 565.

имели в виду главным образом образованный слой (οἱ σοφοί), но нельзя было игнорировать и менее культурную часть публики.

Еще более умственного развития публики требовалось для понимания комедий, всецело или в значительной части посвященных критике творчества трагиков или вообще ученым вопросам. Кроме дошедших до нас Аристофановых «Лягушек», «Фесмофоризаус», «Облаков», такими комедиями были, по нашим сведениям или предположениям, и некоторые не дошедшие до нас комедии, как самого Аристофана – «Геритад», «Поэзия», «Проагон», так и других комиков.

Что публика попроще плохо разбиралась при оценке ученых пьес, видно уже из приведенных слов Аристофана, где он объясняет провал своих «Облаков» именно невежеством большинства зрителей, противопоставляя им людей, понимающих искусство. «Лягушки», правда, имели большой успех, несмотря на очень ученое содержание; но, как уже сказано выше, такую высокую оценку эта пьеса заслужила благодаря совету, высказанному поэтом в парабазе, о желательности водворения внутреннего мира в государстве. Кроме того, все начало «Лягушек» не содержит в себе учености; тут есть и «обычные» шутки, «которым всегда смеются зрители»¹⁰⁷; может быть, поэт нарочно ввел эту часть для забавы некультурной публики.

Приведенные факты, отзывы древних, общие соображения подтверждают, как и естественно, априорное мнение о том, что среди афинской публики, как и среди всякой другой, были люди всевозможных степеней развития, были в том числе и люди с очень низким образованием, и что эта публика вовсе не была какой-то особенной, гениальной, превосходящей по своему развитию теперешнюю публику, – как это иногда думают.

Как же объяснить то, что на афинской сцене давались пьесы, требовавшие большого умственного развития, как объяснить пародии в комедиях и т. п.? Приходится прибегать к гипотезам. Надо сравнить древнюю афинскую публику с теперешней и посмотреть, как велика степень понимания речи вообще у нас, все ли понимаем мы в устной речи и в письменной.

Наша речь, особенно разговорная, часто бывает выражена очень неточно, с пропуском разных слов, с неправильными грамматическими конструкциями. Еще Пушкин сказал: «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю». Поэтому часто она может быть понята различно – бессознательно или даже сознательно, ради какой-нибудь цели. На это обратил внимание даже Цицерон. В речи своей за Цецину он говорит: «Разве можно сомневаться в том, что нет столь громадного запаса слов не только в нашем языке, который

---

¹⁰⁷ «Лягушки», ст. 1–2.

называют бедным, но и во всяком другом, чтобы все предметы имели определенные, специальные названия, но что и надобности нет в словах, когда предмет, ради которого придуманы слова, понятен? Есть ли закон, сенатское постановление, магистратский эдикт, союзный или какой-либо другой договор, есть ли завещание, судебная формула, или обязательство, или условие, или соглашение, которое нельзя было бы признать сомнительным или недействительным, если судить о деле исключительно на основании слов, — оставляя без внимания цель авторов, их мысль, их волю? Да и обыденная, домашняя речь потеряет всякую связность, если в разговоре друг с другом мы будем придирается к словам; мы перестанем даже быть хозяевами в своем доме, если дадим нашей прислуге право исполнять наши приказания согласно смыслу слов, а не согласно мысли, которую можно понять из этих слов»¹⁰⁸.

Истина этого наблюдения беспрестанно подтверждается в нашей обыденной жизни: сколько обид происходит от того, что кто-нибудь, не поняв смысла какой-нибудь фразы в разговоре со своим приятелем, счел ее для себя оскорбительной! Хотя законы излагаются языком возможно более точным, однако сколько недоразумений, споров бывает относительно их толкования!

Но зато для понимания общего смысла речи по большей части нет необходимости понять до тонкости точный смысл каждого слова и его сочетания с другими словами; часто бывает достаточно понять лишь несколько слов (иногда даже одно слово) из фразы для того, чтобы понять ее всю. Так, глухой иногда не расслышит в разговоре значительную часть фразы, а общий смысл ее поймет правильно. Вот несколько примеров того, что на основании одного или нескольких, — иногда бессвязных, — слов мы понимаем мысль говорящего. При встрече на улице мой знакомый говорит мне: «Откуда, куда и зачем?»

И я понимаю его вопрос. Я рассказываю гостю: «Я завтра в Ленинград», и он знает, что я хочу сказать. Прощаясь со мной, мой гость говорит: «Всего хорошего» или «До свидания» или даже бессмысленное «Ну пока», и мне все это понятно.

Это же самое бывает с нами и при чтении книг. Чтение может быть «статарное» и «курсорное». При статарном чтении надо читать медленно, вдумываться в значение каждого слова и определять отношение его к другим словам, т. е. анализировать фразу со стороны лексической, грамматической и стилистической. Но это делается лишь в исключительных случаях, когда необходимо такое точное знание мысли автора.

---

¹⁰⁸ Цицерон, Речь ла Цецину, гл. 18, § 51.

Обыкновенно же мы читаем курсорно, быстро, не разбирая отдельных слов, читаем, как теперь говорят, «по диагонали», или, попросту говоря, «из пятого в десятое», и тем не менее охватываем общий смысл прочитанного. При этом многого мы не понимаем, и, чем менее образован читатель или чем менее знаком с предметом сочинения, тем менее он и понимает его.

Вот несколько примеров того, что может представить камень преткновения для малокультурного читателя, да даже и для культурного.

Мы часто не понимаем точного значения *отдельных слов*, по-видимому простых. Так, читая стихи Жуковского (из «Орлеанской девы»): «Ах, почто за меч *воинственный* я мой посох отдала», мы едва ли станем раздумывать над тем, какой именно смысл автор соединял со словом «воинственный». Вероятно, мы только мельком подумаем, что тут указано на какое-то отношение меча к войне, и, не трудясь отыскать точный смысл, будем читать стихи далее, и общий смысл всей фразы поймем. И действительно, для такого поверхностного понимания не важно знать точный смысл этого слова, да едва ли мы и найдем его: для этого надо знать, как понимал его сам автор. Для нас оно может значить или «воинский», «принадлежащий воину», как объяснено в прежнем академическом словаре русского языка, или «любящий войну» (с олицетворением меча, как у Хомякова: «жадный крови меч врага»).

Непонятно слово «*ярый*» («ярый воск топили», «свеча воску ярого»), «*утлый челн*». Еще: «Мой *заносчивый* челнок» (у Языкова; в словаре Ушакова указано только переносное значение). – «Будет буря, мы поспорим и *помужествуем* с ней» (у Языкова; по-видимому, нигде больше нет этого слова). – «Жив презрительный Терсит» (у Жуковского; вместо «презренный», «достойный презрения»), – «Вещий Олег».

Непонятны бывают целые выражения (особенно образные): «Заветов грядущего вестник» (Пушкин). – «Когда падением ославил муж рока свой понятный шаг» (Пушкин). – «Над урной, где твой прах лежит, народов ненависть почила, и луч бессмертия горит» (Пушкин, «Наполеон»). – «Не пей мучительной отравы, оставь блестящий душевный круг, оставь безумные забавы» (Пушкин; какой-то намек). – «Изгнанник мрачный, жертва вероломства и рока прихоти слепой» (Лермонтов, «Св. Елена»; надо знать историю Наполеона). – «Раз в Крещенский вечерок девушки гадали, за ворота башмачок; сняв с ноги, бросали» и далее (Жуковский «Светлана»; надо знать старинные обычаи и поверья). – «Печальный демон, дух изгнания» и далее (все начало «Демона» не поймет человек, совсем незнакомого с богословием). – «Плещут волны Флегетона, своды Тартара дрожат; кони бледного Плутона быстро к нимфам Пелиона из аида бога

мчат» и далее (Пушкин; многого не поймут люди, незнакомые с греческой мифологией и географией). – «Торжество победителей» Жуковского совсем не поймут люди, не читавшие Гомера. – В сочинениях Гоголя множество украинских слов, непонятных русским.

Несмотря на непонимание отдельных слов и выражений, все эти сочинения читаются нашей публикой с интересом: непонятное пропускается мысленно, а все сочинение в общих чертах понятно и приятно.

Посетители спектаклей на украинском языке, и еще более спектаклей на иностранных языках, очень многого не понимают в частности, однако общий смысл пьесы улавливают и получают удовольствие.

В еще более невыгодном положении находятся присутствующие на богослужении на церковно-славянском языке: очень многое для них непонятно; однако, уловив смысл одного или нескольких слов церковного пения или чтения, они догадываются об общем смысле его.

В таком положении приблизительно находились зрители малообразованные в афинском театре при представлении трагедий. Множество отдельных слов и фраз, наверное, они не понимали; но это не мешало им понять пьесу в целом и составить о ней то или другое суждение.

Однако в афинской жизни того времени были некоторые обстоятельства, помогавшие людям, хотя сколько-нибудь вкусившим плодов образования, понимать вычурный язык трагедии и даже судить о ее достоинстве с тогдашней точки зрения. Им помогало воспитание, полученное в детстве. Совсем безграмотных людей было очень мало в Афинах V века. Большая часть мальчиков уже с детства изучали произведения Гомера и других поэтов и благодаря этому знали множество поэтических слов, если, конечно, не забывали их после школы, – а такие слова, уж не употреблявшиеся в живом языке, главным образом и затрудняли понимание языка трагедии. Это же помогало им чувствовать пародии на трагиков и лириков в комедии. Так как при изучении поэтов в школе главное внимание обращалось на моральную сторону, то у зрителей был готов один из критериев для оценки пьесы.

Обязательным предметом школьного образования были также музыка и пение, и потому все взрослые афиняне могли хоть сколько-нибудь судить о музыке и пении. А так как в драме очень большое значение имели музыка и пение, то у зрителей был и еще один критерий для оценки драмы, – может быть, даже более важный для них, чем текст. Подобным образом в наше время любителям итальянской

оперы или концертов на иностранных языках нравятся музыка и пение, а либретто с изложением содержания – вещь второстепенная.

Далее, у афинян была привычка слушать речи, даже читали. они по большей части вслух, а не про себя; это тоже должно было помогать им воспринимать по крайней мере звуки произносимого на сцене текста.

Наконец, понимать текст драмы афинянам помогал их «способ» понимания. Для нас, филологов, трудность чтения греческой трагедии заключается главным образом в том, что мы читаем ее старинным способом. Мы стараемся проникнуть в значение каждого слова в отдельности, в отношении каждого слова к другим словам и т. д., т. е. со всей тщательностью анализируем текст со стороны лексической, грамматической, стилистической, метрической. Древний зритель ничего подобного не делал; слушал курсорным способом, одно понимая вполне, другое понимая приблизительно, третьего вовсе не понимая и пропуская мимо ушей; а в общем все-таки у него оставалось то или другое впечатление от всей пьесы в целом. Для примера сравним наше филологическое отношение к тексту и отношение древнего зрителя. Возьмем начало «Эдипа-царя»: ὃ τέκνα Κρόνου τοῦ πάλαί νεά τροφή, τίνας ποθ' ἔδρας τάσδε μοι θοάξετε; Мы размышляем, какое значение здесь имеет слово ἔδρας в какой зависимости оно от глагола θοάξετε, какой это винительный падеж, что значит само θοάξετε, какой дательный падеж μοι, какое буквальное значение всей этой фразы. Сколько знания, сообразительности, времени нужно нам для понимания одной этой фразы! Афинскому зрителю во время представления даже и времени не было размышлять об этих вопросах (если бы даже он хотел); он понимал фразу приблизительно: «зачем вы сидите здесь?» – больше ему и не нужно была ничего.

Подводя итог всему моему исследованию, я полагаю, что распространенное в науке мнение о какой-то необыкновенной сообразительности и тонкости суждения афинской публики V века (даже низших слоев ее) преувеличено, что малокультурные зрители многого не понимали в драме (особенно в трагедии) в точности, многое понимали приблизительно, кое-что понимали превратно, кое-чего совсем не понимали, но не обращали на это внимания, однако в общем понимали пьесу. При оценке ее, благодаря, между прочим, «филологическому» образованию, полученному в школе, они руководствовались общим впечатлением от представления, – не только содержанием пьесы и построением ее, но и моральной стороной, оценивали игру актеров, музыку, пение и пляски хора. И в конце концов судьбы и воздействовавшие на них зрители могли составить суждение о пьесе, если не безошибочное, то более или менее правильное.

ОТНОШЕНИЕ К АРИСТОФАНУ КАК ДРАМАТУРГУ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОЗДНЕЙШИХ ПОКОЛЕНИЙ

Дать общую оценку известного писателя невозможно она всегда субъективна: всегда найдутся и хвалители и хулители. Так бывает в настоящее время, так было и в древнее время. Среди современников Аристофана одним, конечно, нравились его насмешки над разными государственными деятелями; но как они могли нравиться людям, выведенным им на посмеяние? Кроме того, как я уже говорил (в статьях «Облака» и «Афинская театральная публика»), суждения современников о драматических произведениях основывались на других принципах, чем наши.

Затем, из 44 (или 40) произведений Аристофана до нас дошло только 11; как можно на основании одной четверти составить суждение обо всех его комедиях?

Аристофан для нас является единственным представителем жанра Древней комедии; ни одной пьесы других современных ему комиков не сохранилось; как можем мы определить его место среди поэтов этого жанра?

Приведенных фактов достаточно для доказательства, что мы не имеем права высказать безапелляционное суждение о достоинстве Аристофана как комического поэта. Мы можем только собрать возможно полнее мнения современников о нем и более поздних критиков древнего времени, знавших его произведения в числе полном (или по крайней мере более полном, чем мы), знавших и произведения других комиков того времени.

К этому обзору мнений древних критиков мы можем прибавить мнения некоторых ученых нового времени, прибавлю, наконец, и свое личное мнение, но нисколько не претендуя на то, что оно безусловно верно и разделяется другими.

Прежде всего приведем мнение самого Аристофана о своих заслугах. В парабазе комедии «Осы», поставленной на сцену в 422 г., он говорит: «Поэт» желает теперь обратиться к зрителям с некоторыми упреками. Он говорит, что, хотя он сделал много добра им, они первые его обидели». Указав затем на пользу, которую он приносил своими произведениями согражданам, на то, что он нападал всегда на людей самых сильных, он продолжает: «Но еще и теперь он ратует за вас: в прошлом году он напал на лихорадки и горячки, которые

ночью душили ваших отцов и дедов и, лежа на постелях, клеили против тех из вас, которые не любят судебных процессов, разного рода иски и кляузы, так что многие из вас вскакивали в страхе и бежали к полемарху. Несмотря на то, что вы нашли [в нем] такого защитника от бед, очистителя нашей страны, вы в прошлом году изменили ему, посеявшему новые идеи: не поняв их, как следует, вы сделали их бесплодными. А между тем, он клянется Дионисом, что никто никогда не слышал комических стихов лучше этих... Но на будущее время любите больше и уважайте тех поэтов, которые стремятся говорить и изобретать что-нибудь новое»¹.

Под «лихорадками и горячками» поэт понимает, по-видимому, софистов и их последователей, может быть даже сикофантов, которые своим крючкотворством не давали покоя мирным гражданам, вовлекая их в судебные процессы; поэт ставит в заслугу себе, что он в «Облаках» выступил против софистов и их учения. Другую заслугу свою он видит в том, что он нападал всегда на людей самых сильных. Таковы заслуги его как политического, общественного деятеля; но, кроме них, он указывает и на свои заслуги чисто литературные: он сочиняет комедии, с которыми не могут сравниться по поэтическому достоинству ничьи другие, и проводит в них новые идеи.

Еще яснее он выражает эти мысли в парабазе к переделанному «Облакам», которая была написана, по-видимому, после комедии «Осы». Тут он говорит о своем праве считаться «даровитым поэтом», негодует на то, что его комедия «Облака» была поставлена публикой ниже пьес его «пошлых» соперников, хвалится тем, что «с умом придумывает все новые сюжеты комедий, несколько не похожие один на другой, и притом все остроумные»². Таков же приблизительно смысл слов, с которыми хор в парабазе «Мира» обращается к зрителям. «Следовало бы палочникам бить тех сочинителей комедий, которые обращаются к публике затем, чтобы хвалить себя в анапестах.

Но если вообще заслуживает почета тот, кто оказался лучшим и славнейшим в мире комическим поэтом, то наш учитель считает себя достойным великой хвалы. Прежде всего, он один в мире заставил соперников своих прекратить вечные насмешки над лохмотьями и войны со شماми; он первый согнал со сцены с позором Гераклов, месящих тесто и вечно голодных, изгнал рабов, которые убегают от барина, обманывают и подвергаются побоям нарочно для того, чтобы его товарищ по рабству посмеялся над тем, как его били, и потом спросил бы: «Несчастный, что случилось с твоей шкурой? уж не сделал ли набега кнут на твои бока с большим войском и не произ-

---

¹ «Осы», ст. 1016–1059.

² «Облака», ст. 520–548.

вел ли порубку у тебя на спине?» Изгнав такую брань, плоские шутки, неблагородное паясничество, он сделал наше искусство великим, возвысил его, создав его из высоких слов и мыслей и шуток не площадных; не осмеивал он простых людишек или же женщин, но с мужеством Геракла напал на людей величайших, перешагнув через ужасную вонь кожи и смущающие душу угрозы, и храбро с самого начала вступил в бой с самим Острозубом [Клеоном], у которого из глаз сверкали лучи страшнее, чем у Кинны [наглой гетеры], а голову лизали со всех сторон сто языков льстецов распроклятых; а голос у него был как у бурного потока, родившего гибель, вонь – тюленя... При виде такого чудовища я не испугался, но твердо держался против него в борьбе за вас и за острова. За это вам следует отблагодарить меня теперь и помнить об этом»³. Коротко говоря, Аристофан ставит себе в заслугу то, что он облагородил комическое искусство, изгнав из него пошлые выходки, и что он в комедиях своих боролся с сильными мира, именно с Клеоном.

Товарищи по искусству, комики, упоминали об Аристофане в своих пьесах, конечно, с насмешкой. Так, по дошедшим до нас сведениям, они ставили в упрек Аристофану, что он пользуется помощью Евполида и выдает Евполидовы стихи за свои. Речь идет, видимо, о том, что Евполид сочинил для Аристофановых «Всадников» парабазу (всю или часть, неизвестно); об этом упоминает и сам Евполид: «Я вместе с этим лысым сочинил тех «Всадников» и подарил ему»⁴, и на это же, вероятно, есть намек в одном фрагменте Кратина: «Кратин бранит Аристофана за то, что он пользуется стихами Евполида»⁵. Смеялись они и над тем, что он работает для других: это – намек на то, что он ставит свои пьесы от имени Каллистрата и Филонида⁶. Как уже было сказано (в статье «Рабы у Аристофана как литературный тип»), [Аристофан подвергся насмешкам комиков за то, что, осмеивая Еврипида, подражал ему, и потому Кратин сочинил для него прозвище *εὐριπιδάριστοφανίζων* – еврипидо-аристофанствующий, что признал за собою и сам Аристофан⁷. Смешною показалась комикам колоссальная статуя богини Мира, которая была поставлена на сцене при представлении комедии «Мир»⁸.

Вот и все дошедшие до нас насмешки комиков над Аристофаном как драматургом. Как мы видим, все эти насмешки касаются мело-

---

³ «Мир», ст. 734–761.

⁴ FCG, II, 453.

⁵ FCG, II, 123.

⁶ FCG, II, 699; 713; 874.

⁷ FCG, II, 1142.

⁸ FCG, II, 446; 644.

чей; вероятно, никаких крупных недостатков в его произведениях они не могли подметить.

Важным показателем отношения современников к Аристофану могли бы служить сведения о количестве и степени наград, которыми были удостоены его пьесы при постановке на сцену, — хотя, как я уже говорил (в статье «Афинская театральная публика»), приговоры афинских театральных судей для нас не особенно авторитетны. Но сведений об оценке судьями всех комедий не сохранилось; нам известно только, что из 9 комедий, об оценке которых до нас дошли известия, 4 пьесы («Ахарняне», «Всадники», «Проагон», «Лягушки») были удостоены первой награды, а 4 пьесы («Пирующие», «Осы», «Мир», «Птицы») — второй награды, и только 1 пьеса («Облака») потерпела неудачу. Такой большой процент награжденных пьес (по крайней мере из числа дошедших до нас), конечно, свидетельствует о высокой оценке Аристофана современниками, если предположить, что и другие пьесы его пользовались успехом в таком же приблизительно проценте.

Об отношении Платона к Аристофану нельзя сказать ничего определенного. Платон относился совершенно отрицательно к (Древней) комедии вообще; поэтому нельзя думать, чтобы он относился хорошо к Аристофану как к автору комедий. К Аристофану лично он должен был относиться особенно неприязненно ввиду того, что считал его комедию «Облака» одной из главных причин осуждения Сократа, как видно из его слов⁹. Но этому противоречат, по видимому, два факта: 1) Платону древние приписывали хвалебную эпиграмму в честь Аристофана: «Хариты, ища храм, который никогда не упадет, нашли душу Аристофана»; 2) Платон в своем «Пире» вывел Аристофана одним из действующих лиц, находящихся вместе с Сократом на пиру у поэта Агафона. Однако оба эти факта имеют мало значения. Эпиграмма почти наверное не принадлежит Платону, а сочинена кем-то в позднее время. В «Пире» Аристофан выведен в таком карикатурном положении, что скорее в этом можно видеть желание Платона осрамить Аристофана.

Как мы видели, Аристофан уже сам в последних своих произведениях оставлял специальный жанр Древней комедии и переходил к жанру Средней или Новой комедии. Это заметно уже в «Экклесиастусах», еще заметнее в «Плутосе», а последние две его комедии, «Эолосикон» и «Кокал», по словам древних грамматиков, носили уже вполне характер Средней и Новой комедии. Поэтому вполне естественно, что в IV веке основные произведения Аристофана, как и других авторов Древней комедии, вышли из моды.

---

⁹ См. Платон. Апология, 18 В–С. В данном случае безразлично, сказаны ли были эти слова самим Сократом на суде, или они принадлежат Платону.

Грубые, подчас непристойные, выходки Древней комедии уже не нравились: избалованным горожанам ее шутки казались устаревшими; ее танцы – этот отзвук фаллических процессий – не находили одобрения. «Даже шутки развитого человека, – говорит Аристотель, – отличаются от шуток человека грубого точно так же, как шутки образованного от шуток необразованного. Это всякий может видеть из сравнения старой комедии с новой: у первой смешное состояло из сквернословии, у второй – более в намеках, а это различие немало важно в отношении приличия»¹⁰. Эти слова прекрасно иллюстрируют возникновение и подъем новых требований в обществе, которое уже не хотело мириться с тем, что еще недавно никому не казалось странным. Наконец, общество стало находить вкус в анализе и наблюдении и заниматься действительностью. Фантастика Древней комедии стала казаться чем-то отжившим. В жизни комедии наступал новый период.

Но важно то, что представителем Древней комедии Аристотель выбирает Аристофана, как Софокла представителем трагедии. «В одном отношении, – говорит он, – Софокл мог бы быть тождествен с Гомером, ... а в другом – с Аристофаном»¹¹.

Во второй части «Поэтики» Аристотель писал о сущности комедии. Эта часть «Поэтики» не дошла до нас, и потому мы можем лишь на основании отдельных замечаний в других местах узнать кое-что об учении Аристотеля о комедии. Его «Дидаскалии», вероятно, были очень важны для истории Древней комедии: из них видно было, когда была поставлена каждая комедия, какой успех или неуспех она имела, с какими комедиями она конкурировала. Этот труд Аристотеля не дошел до нас; но кое-какие следы сведений из него сохранились (может быть, не прямо) в наших рукописях Аристофана во «вводных статейках» – ἰλοθεσεῖς к отдельным комедиям.

Все мы знаем, как быстро забываются злободневные события; через два или даже одно поколения они становятся непонятными огромному большинству людей. Это случилось и с политическими пьесами Древней комедии. События, повлекшие за собою упадок Древней комедии, должны были повлиять и на ослабление к ней интереса: пьесы Древней комедии никогда уже более не афинской сцене не повторялись. Остроты, которые вызывались современным поэту политическим положением Афин, сделались в IV веке непонятными, и потому пьесы, первоначально назначавшиеся для сцены, требовали для наслаждения ими некоторой ученой подготовки. Далее интересовать публику могли комедии характера чисто литера-

---

¹⁰ Аристотель. Никомахова этика, IV, 14 = 1128 а. 20–25. Под «Новой» комедией Аристотель разумет современную ему комедию – «Среднюю».

¹¹ Аристотель. Поэтика, гл. 3 = 1448 а 28.

турного, потому что осмеиваемый в них Еврипид еще долгое время оставался любимцем афинян; но даже и в этих комедиях многие намеки требовали гораздо более точного знакомства с Древней трагедией, чем то, которым обладали тогдашние афиняне. Ясным мерилом охлаждения к Древней комедии служит то, что Средняя комедия, вообще не пренебрегающая литературной сатирой, почти никогда не затрагивала комиков V века и даже никогда не упоминала ни об одном из них; даже реминисценций из Древней комедии исследователи нового времени встречают в Средней комедии очень мало. Таким образом, интересоваться Аристофаном и другими авторами Древней комедии могли только ученые: философы, историки, антиквари, находившие в них важный материал для своих изысканий.

Аристотель оказал влияние на филологическую литературу не только своими собственными трудами, но также и тем, что его последователи – перипатетики – направили свою ученую деятельность на разработку истории греческой литературы. Но в то время как Аристотель старался найти общие законы искусства литературного творчества (например, каким требованиям должна удовлетворять трагедия), перипатетики занялись главным образом биографической стороной, собирая сведения о жизни литературных деятелей. И нельзя сказать, чтобы они исполнили эту задачу вполне хорошо. Нередко биографические сведения о писателях прежнего времени были скудны, так как современники не заботились о сохранении для потомства этих сведений, а во времена перипатетиков (IV – III вв.) уже не хватало данных, чтоб составить себе ясное понятие о жизни того или другого автора. Перипатетики старались восполнить эти пробелы в биографиях как могли: за неимением точных сведений они иногда прибегали к догадкам или даже прямо к выдумкам. Много вредили им и недостаток критики, их вера в разный вздор и анекдоты, часто почерпнутые из какой-нибудь комедии, которая вовсе не заботилась о сообщении одной лишь истины о писателях. В еще более позднее время эти анекдоты и лживые сведения попали и в наши источники. Поэтому, хотя мы имеем много биографических сведений о греческих авторах, но дельного в них мало, и относиться к этим известиям надо с большим скептицизмом, так что в сущности вполне надежными сведениями о жизни авторов могут считаться лишь те, которые можно извлечь из их собственных сочинений или, что очень редко, из каких-нибудь хороших, современных им источников.

Из числа перипатетиков, занимавшихся историей литературы, заслуживают упоминания особенно следующие: Гераклид Понтийский (около 390–310 гг.), писавший о трех трагиках; Хамелеонт (его современник) – о Древней комедии, об Эсхиле; Феофраст (372–286 гг.) – о комедии; Дикеарх (ок. 310 г.), в сочинении которого «Жизнь Эл-

лады» были и заметки хронологические и историко-литературные; Праксифан (учитель Каллимаха, ок. 300 г.) написал сочинение «О поэтах» в форме диалога между Платоном и Исократом и диалог «Об истории». Особенно надо отметить Деметрия Фалерского (ок. 350–280 гг.). Это был известный афинский государственный деятель и оратор, в течение 317–307 гг. правивший Афинами в качестве наместника македонского царя Кассандра. После своего падения он бежал в Фивы, а через 10 лет, в 297 г., переселился в Египет, где пользовался большим влиянием при дворе Птолемея I. Он был автором многих политических и ораторских сочинений, писал об «Илиаде» и «Одиссее», собирал басни Эзопа, составил хронологический список афинских архонтов. Но особенно важна его роль в истории филологии: благодаря своему влиянию при дворе Птолемея I он способствовал основанию в Александрии знаменитой «Александрийской библиотеки», которая служила в течение нескольких столетий рассадником филологических знаний. Таким образом, Деметрий стоит в конце афинского периода и в начале александрийского периода учености, служа как бы мостом между первой и второй столицей греческой культуры.

Александрийский период греческой образованности

Птолемей I, по прозванию Сотер, тогдашний властитель Египта, бывший полководец Александра Македонского, был вместе с тем и глубоко и всесторонне образованным человеком. Он любил окружать себя учеными, поэтами и философами, снаряжал экспедиции с научными целями и не без успеха выступил, наконец, сам на поприще литературы с «Историей Александра». Располагая громадными средствами и одушевленный любовью к умственным занятиям, он, естественно, мог желать, чтоб Александрия обладала всеми потребными для таких занятий внешними условиями. Попытка создать здесь новые Афины встретила поддержку в Деметрии Фалерском.

Птолемей дал Деметрию полномочие собирать отовсюду рукописи, не щадя ни усилий, ни средств, и, по преданию, уже к концу царствования Птолемея было приобретено Деметрием до 200 тыс. свитков. Библиотека пополнялась и при следующих Птолемеях. Ко времени Юлия Цезаря количество свитков возросло до 700 тыс.

Кроме этой громадной библиотеки, в Александрии была и другая, гораздо беднее; она предназначалась, вероятно, для практических целей преподавания; основание ее приписывали Птолемею II Филadelphу.

Рядом с библиотекой развивался «Музей». Под сенью его должна была процветать наука, культивируемая самыми видными ее представителями, которым предоставлены были все жизненные удобства

и полная свобода научных и литературных занятий. Музей не был ни гимназией, ни академией в современном смысле; это было ученое учреждение с совершенно особою организацией, в котором с античною свободою происходили научные занятия и велось преподавание.

Александрия стала новым отечеством для поэтов, риторов и ученых, сходявшихся сюда из разных концов эллинского мира на призыв Птолемея. Их привлекала возможность невозбранно предаваться своим любимым занятиям. Музей был истинным храмом науки, деятелями которой были лица с громкой известностью в ученом мире и которая была обеспечена громадными материальными средствами. Музей просуществовал около шести столетий, до 273 г. н. э., и погиб при осаде Александрии императором Аврелианом.

Временем процветания Музея был век Птолемея II Филадельфа. В эту пору в коллегии было не менее 50 человек, и состав ее был блестящий. Вообще же число постоянных членов Музея вряд ли было ограничено каким-либо штатом.

Помимо самостоятельной разработки науки, в Музее шло преподавание, читались лекции. Преподавание велось или в форме живой беседы на научные темы, или же учитель излагал свой предмет догматически, а слушатели записывали его лекции. К этому присоединялось объяснение литературных памятников, с давних пор считавшееся могущественным воспитательным средством. Эти экзегетические упражнения возведены были учеными Музея на степень основного предмета преподавания и частных занятий.

Другие ученые предпочитали серьезную разработку науки о языке. Целый ряд трактатов лексикологического содержания, исследований в области метрики и просодии, рассуждений на темы философской грамматики, полемических памфлетов был результатом их ученой деятельности.

Не менее почтенны и, пожалуй, более многочисленны были работы «критиков», занимавшихся исправлением испорченного текста древних литературных памятников. Во всеоружии глубокого знания языка и обширных антикварных сведений, эти ученые не оставили в стороне ни одного выдающегося поэта древности и много раз проверили тексты Гомера, Гесиода, главнейших лириков, трагиков и комиков. Как изумительны были размеры деятельности этих неутомимых тружеников науки, видно, например, из того, что Аристарху (около 217–145 гг. до н. э.) приписывалось до 800 свитков одних комментариев и что, кроме того, ему принадлежало еще большое число отдельных монографий. Он оставил после себя до 40 учеников, которые отличались таким же рвением и такою же плодovitостью, как и их наставник. Один из последователей его, Дидим (около

65 г. до н. э. – 10 г. н. э.). был автором более 3500 сочинений по разным отделам филологии.

Когда погибли александрийские библиотеки, в точности неизвестно. Есть несколько известий об этом. Всего вернее, кажется, то, что они погибли окончательно при упомянутой выше осаде Александрии императором Аврелианом в 273 г. н. э. Во всяком случае, не заслуживает доверия известный рассказ арабского писателя Абуль-фарагия¹², будто в 642 г. н. э. арабский полководец Амру завоевал Александрию, хотел подарить Александрийскую библиотеку греческому грамматiku Иоанну Филопону, но калиф Омар отдал такой приказ: «Если эти произведения греков согласны с книгой божией, то они бесполезны, и нет никакой надобности сохранять их; если же они не согласны с этой книгой, то они вредны и должны быть уничтожены». Это решение было приведено в исполнение, и книгами топили 4000 городских бань в течение 6 месяцев. Но Абульфарагий писал свой рассказ по прошествии 600 лет после этого предполагаемого события. А между тем два более древних летописца, египетские уроженцы, не упоминают об этом. К тому же, приговор Омара противоречит правоверному принципу магометанских казуистов, которые положительно утверждают, что не следует предавать пламени приобретенные путем завоевания священные книги иудеев и христиан и что закон не воспрещает правоверным пользоваться плодами мирской учености – произведениями историков и поэтов, докторов и философов.

Светилами филологической учености в Александрийской школе были следующие лица: Зенодот из Ефеса (около 325–260 гг. до н. э.), Каллимах из Кирены (около 310–240 гг.), Ликофрон из Халкиды (около 285 г.), Эратосфен из Кирены (около 284–200 гг.), Аристофан из Византии (около 257–180 гг.), Аристарх из Самофракии (около 217–145 гг.), Аполлодор из Афин (около 150 г.), Аммоний (ученик Аристарха), Дионисий Фракийский (около 170–90 гг.), Дидим из Александрии (около 65 г. до н. э. – 10 г. н. э.).

Пергамская школа

Позже Александрийской школы ученых возникла подобная ей Пергамская школа в Пергаме, городе на северо-западном побережье Малой Азии. Царь пергамский, Аттал I (241–197 гг. до н. э.), или его сын и преемник, Евмен II (197–159 гг.), основал большую библиотеку. Следующий царь, Аттал II (159–138 гг.), также покровительствовал наукам и искусствам. Вышеупомянутый Аполлодор афинский,

---

¹² Он приведен Э. Гиббоном в «Истории упадка и разрушения римской империи», т. VI; русский перевод В. Н. Неведомского, 1885, с. 67–69.

ученик Аристарха, перешел к нему из Александрии в Пергам (около 146 г.) и послужил связью между Александрийской школой и Пергамской. Преемник Аттала II, Аттал III (138–133 гг.), умирая, завещал Пергамское царство римлянам. Окончательная судьба Пергамской библиотеки была та, что Антоний подарил бывшие в ней книги, числом 200 тыс. свитков, египетской царице Клеопатре, – вероятно, для пополнения Александрийской библиотеки¹³.

Характер занятий ученых Пергамской школы был несколько иной, чем Александрийских: Александрийцы занимались преимущественно формальной стороной литературы – объяснением слов, комментированием целых сочинений, критикой текста, изданием древних сочинений, установлением «канонов» авторов в отдельных жанрах литературы, но также и объяснениями реального характера.

Ученые Пергамской школы занимались более реальными вопросами, касающимися искусства, научных путешествий и географии, древностей, но также и грамматическими вопросами.

Главными представителями Пергамской школы были: Хрисипп (около 280 г. до н. э.), Антигон из Кариста (в конце III века), Полемон из Илиона (около 200 г.), Деметрий из Скепсии (около 150 г.), Кратет из Малла (в первой половине II века до н. э.).

Изучение аттической комедии вообще и Аристофана в частности

Ученые Александрийской школы главным образом (в меньшей степени Пергамцы) положили начало изучению Древней аттической комедии вообще и Аристофана в частности, как со стороны формальной (объяснение непонятных слов и выражений, метрическое построение лирических частей), так и со стороны реальной (выяснение упоминаемых лиц, обычаев, событий) и историко-литературной.

Особенно необходимы были объяснения реального характера – об упоминаемых в комедии лицах, событиях и т. п. Об этом мы имеем даже прямое свидетельство Плутарха (I века н. э.): «Необходим грамматик, – говорит он, – чтобы объяснить, что такое Лесподий у Евполида, Кинесий у Платона [комика], Лампон у Кратина и вообще каждый из числа выведенных в комедии лиц»¹⁴.

У перипатетиков, александрийцев, пергамцев и ученых времени римских императоров было много сочинений на тему «О комедии» или «О Древней комедии», как общего содержания, так и монографий об отдельных частях и вопросах этой темы. Точное содержание их неизвестно, так как ни одно из них не сохранилось до нашего

¹³ Плутарх. Антоний, гл. 58.

¹⁴ Плутарх. Застольные беседы, 7, 8, 3 = с. 867, 48, изд. Дидо.

времени, но из отзывов о них у разных писателей видно, что в них рассматривались и вопросы историко-литературные, и вопросы эксегетические, например о значении устарелых слов, и вопросы критические, и вопросы реального характера.

Так, Каллимах из Кирены (около 310–240 гг.) составил в 120 книгах указатели писателей, «прославившихся во всякого рода образованиях, и их произведений», под заглавием Πύρακες («Таблицы»); в них содержались все необходимые биографические, историко-литературные и библиографические сведения, с указанием числа строк каждого сочинения. Этот труд служил главным источником историко-литературных сведений для последующих греческих ученых.

Надо предполагать, что в указанных сочинениях о Древней комедии были упоминания и об Аристофане; но были и работы, посвященные ему специально. Так, Аристофан Византийский (около 257–180 гг.) приготовил издание комедий его, из которого до нас дошли краткие изложения содержания комедий, сделанные в стихотворной форме.

Его ученик Каллистрат составил комментарий к комедиям Аристофана, написал сочинение об афинских гетерах и сочинение «Смесь», в котором между прочим были и биографии древних поэтов, – вероятно, и Аристофана.

Знаменитый Аристарх работал также над критикой текста и эксегесой Аристофана. Ученики Аристарха – Херис, Евфроний, может быть, Аполлоний и Деметрий Иксион – составляли комментарии к пьесам Аристофана. Ученые Пергамской школы – Геродик, Асклепиад из Мирлеи, может быть, Тимахид – также были комментаторами Аристофана.

Сильный толчок работам по Древней комедии и по Аристофану придал аттицизм, вошедший в моду в I веке до н. э. Аттицисты держались правила употреблять только те слова, которые находятся у какого-нибудь аттического автора, и с презрением относились ко всем неаттическим элементам. Это учение аттицистов с течением времени получило силу закона для всех последующих веков. В силу этого закона образованные люди, чтобы писать «грамотно», должны были изучать из Древней аттической комедии истинно аттический разговорный язык и афинский дух. Язык Средней и Новой комедии считался недостаточно аттическим; нужен был язык Древней комедии и, конечно, Аристофана как лучшего представителя ее. Так, Квинтилиан говорит, что «Древняя комедия почти только одна сохраняет истинную прелесть аттической разговорной речи», и указывает, как на главных представителей Древней комедии, на Аристофана, Евполида и Кратина. Гораций также держится этого мнения. Афиней называет Аристофана «прелестным» (χαρίεις). Цицерону

направился способ выражения Аристофана: *Dedit mihi epistolam legendam tuam, Aristophaneo modo valde et suavem et gravem*; он называет его самым остроумным поэтом Древней комедии – *facetissimus poeta veteris comoediae*. Этот же эпитет *facetissimus poeta, facetissimus comicorum* прилагает к Аристофану Авл Геллий¹⁵.

Аристофан удостоился такой чести, что, как Гомера называли просто «поэт», так его называли просто «комик» (ὁ κωμικός)¹⁶.

Такое же прославление Аристофана мы находим и в стихотворениях эллинистического и римского времени.

Из работ аттицистического периода по комедии самыми важными были работы Александрийского ученого Дидима (около 65 г. до н. э. – 10 г. н. э.), которого Макробий называет величайшим ученым из всех грамматиков – *grammaticorum omnium, quique sint quique fuerint, instructissimum*¹⁷, и который за свое трудолюбие получил прозвище «человек с медными внутренностями» (χαλκέντερος). Из множества его разнообразных работ касались непосредственно комедии 1) комментарии к Аристофану и 2) лексикон к комедии (λέξις κωμική); на работах Дидима были основаны работы многих более поздних греческих ученых.

Так как аттицизм требовал употребления в речи и письме только древнеаттических слов, выражений, конструкций, то для удовлетворения этой потребности составляли пособия, в которых указывали, какие аттические слова следует употреблять вместо синонимов более поздних. Образцом их может служить дошедшее до нас сочинение грамматика Фриниха (II век н. э.) 'Εκλογή («Изборник»).

Из этой богатой литературы древних греческих ученых до нас ничего или почти ничего не дошло в подлинном виде. Сохранились лишь кое-какие извлечения из них, может быть даже отголоски их, принадлежащие безвестным позднейшим авторам, составленные главным образом для школьного употребления. Так, до нас дошло 13 небольших статей, которые помещаются теперь в печатных изданиях комедий Аристофана под общим заголовком *Prolegomena de comoedia*¹⁸. Эти статьи – анонимные; названы только как авторы Платоний, нам совершенно неизвестный, и Андроник, философ перипатетической школы. Содержание их всех – историко-литературное: 11 статей о комедии, 2 биографии Аристофана.

¹⁵ Квинтилиан, X, 1, 65; Гораций. Сатиры, I, 4, 1–2; Афиней, VII, 276d; XIII, 569; Цицерон. Письма к брату Квинту, III, 1, 6, 19; Цицерон. О законах, II, 15, 37; Авл Геллий, I, 15, 19; XIII, 25, 7.

¹⁶ Например, Гермоген. Περὶ μεθόδου δεινότητος, гл. 34 = *Rhetores Graeci ex rec. Spengel, vol. II, p. 456, 26.*

¹⁷ Макробий, V, 22, 10.

¹⁸ Например, в изд. Bersk'a, vol. I, pag. XXIX–XLVII.

Кроме того, до нас дошли краткие изложения содержания каждой комедии Аристофана – ὑποθέσεις, составленные неизвестными лицами в прозе, и такие же изложения в стихах, которые приписываются Аристофану Византийскому.

Схолии

Все эти остатки древней филологии, пожалуй, для нас не важны (кроме разве сравнительно крупной статьи «О комедии» № VIII у Бергга); но в некоторых ὑποθέσεις содержатся дидакалии: они, конечно, очень важны.

Но самые важные остатки древней учености – это «схолии» ко всем комедиям Аристофана, без которых многое в комедиях было бы для нас непонятно.

Слово «схолия» – греческое σχόλιον. Первый несомненный пример употребления этого слова в смысле «ученое примечание» находится у Галена, врача II века н. э.¹⁹ В настоящее время это – филологический термин, означающий примечания на полях страниц древней рукописи к тексту автора, написанному на странице.

Таких греческих рукописей со схолиями до нас дошло довольно много. Есть такие рукописи произведений Гомера, Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана и других. Схолии к разным авторам – разного достоинства; схолии к Аристофану – очень богатые: после схолий к Гомеру их можно считать лучшими схолиями, дошедшими до нас из древности, и потому они заслуживают полного внимания. Они написаны на полях рукописей (сверху, с боков и снизу); да кроме того еще между строками есть «глоссы», мелкие заметки к тексту.

Схолии – двух родов: одни – более древние, другие – менее древние, византийского происхождения, принадлежащие разным византийским ученым XII–XIV веков: Иоанну Цепу, Фоме Магистру, Димитрию Триклинию; они имеются только к трем комедиям, читавшимся в византийских школах, – к «Плутосу», «Облакам» и «Лягушкам»; они не имеют для нас никакой цены. К остальным пьесам (а также, конечно, и к этим трем) схолии – древние, ведущие происхождение (хотя, может быть, и отдаленное) от трудов Александрийских и Пергамских ученых.

Единственным прямым свидетельством о происхождении древних схолий служат «подписи» в одной Венецианской рукописи XII века (Venetus, № 474), в конце схолий к комедиям «Облака», «Мир» и «Птицы». В них сказано: «Лирические части разделены на κῶλα («колена», «стихи») согласно с рукописями Гелиодора. Примечания на полях взяты из работ Фаина, Симмаха и некоторых других». Это

¹⁹ Гален, XVIII, 2, 847.

свидетельство, правда, говорит нам очень мало: составитель этого корпуса (свода) схолий не называет ни имени своего, ни даты составления им корпуса, а называет только работы авторов, и то не всех, из которых он заимствовал материал. Из названных авторов нам несколько известен только Гелиодор, Александрийский ученый, составивший метрический анализ лирических частей в комедиях Аристофана и разделивший их на стихи²⁰; он жил, как предполагают, около середины I века до н. э. Что касается Фаина и Симмаха, то о них ничего не известно; видно только, что они были «грамматики» (филологи). Симмах цитируется в схолиях 36 раз, причем он ни разу не ссылается на авторов II века н. э., а его самого упоминает грамматик Элий Геродиан, живший во II веке н. э. Из этого заключают, что Симмах жил около 100 г. н. э. Фаин цитируется в схолиях только 5 раз, и притом лишь в одной комедии «Всадники», и еще один раз в византийском словаре *Etymologicum Magnum* под словом βλάζω он упоминается также вместе с Симмахом.

Однако кое-какие выводы можно сделать из упомянутых подписей. Как видно из приставки *παρά* в глаголе *παράφύραττα*, материал, собранный нашим анонимным составителем (будем называть его для краткости просто «Составитель»), не представлял собою отдельной книги комментариев без текста комедий, но был им «написан около», — очевидно, около текста комедий. Стало быть, его работа представляла собою книгу, в которой посреди страницы был написан текст комедий, а около него, т. е. на полях (сбоку, сверху, снизу) комментарий к тексту. Иначе говоря, это было комментированное издание комедий Аристофана, имевшее такой же внешний вид, как и дошедшие до нас рукописи комедий Аристофана со схолиями.

Далее видно, что Составитель дал комментарий не своего сочинения, а выбрал его из сочинений других авторов.

В таком виде, — в виде комментированного издания, — работа Составителя переписывалась вплоть до книгопечатания. Переписчики сохраняли основной фонд схолий, может быть кое-что изменяя, кое-что сокращая и, вероятно, очень мало добавляя к нему. С XII века к этим схолиям иногда стали прибавляться примечания византийских ученых (к трем упомянутым комедиям).

Однако и Симмах не был самостоятельным исследователем; во всех схолиях, где названо имя Симмаха, видна его зависимость от Александрийского ученого Дидима: толкования Симмаха почти везде тождественны с толкованиями Дидима или очень близки к ним.

В общем, можно представить себе историю происхождения наших схолий в таком виде.

²⁰ Дело в том, что поэты сами писали лирические строфы как прозу, без разделения на стихи.

Первые основания схолий заложены Александрийскими и Пергамскими учеными, из которых одни комментировали текст комедий, другие писали трактаты историко-литературного содержания. Результаты всех работ этих ученых свел Дидим в своем комментарии к Аристофану в виде отдельного сочинения. Грамматик Симмах (ок. 100 г. н. э.) составил на основании его свой комментарий, тоже в виде отдельного сочинения.

Неизвестный грамматик неизвестного времени (вероятно, IV или V века) составил на основании комментария Симмаха, какой-то работы Фаина и других источников сокращенный комментарий (для своего собственного употребления?) и приписал его к тексту комедий Аристофана в виде схолий на полях этой рукописи, содержащей те же 11 комедий, которые известны и нам. Это комментированное издание переписывалось в течение нескольких столетий без больших изменений, как видно из того, что в лексиконе Свиды (X век) объяснения слов одинаковы в существенных чертах с объяснениями схолий. В таком виде схолии дошли до нас в имеющихся у нас рукописях с небольшими изменениями, так что наши рукописи являются *отдаленными* потомками рукописи схолий Составителя. Новейшие исследования пролили еще некоторый свет на происхождение схолий.

Содержание схолий обнимает три области: критику текста, экзегесу и метрику. Для нас важнее всего экзегетические заметки и отчасти метрические. В числе экзегетических заметок есть немало исторических, почерпнутых часто из не дошедших до нас источников. Есть указания, касающиеся сценировки: кто действующие лица, из кого состоит хор, и т. п.

Почти единственным, доступным для нас изданием схолий к дошедшим до нас 11 комедиям служит следующее: Scholia «Graeca in Aristophanem cum prolegomenis grammaticorum...annotatione criticorum...», cui sua quaedam inseruit Fr. Duebner. Parisiis, 1842 (и позднее). К остальным комедиям схолий или совсем не существовало, или они не дошли до нас. Есть упоминание только еще о схолиях к комедии 'Ολκάδες («Грузовые суда»).

Есть еще издание схолий под заглавием: Scholia Aristophanica being such comments adscript to the text of Aristophanes as have been preserved in the Codex Ravennas arranged emended and translated by W. G. Rutherford. Voll 2. London, 1895. Но это издание мало пригодно: в нем находятся схолии лишь из одной рукописи Равеннской; они сильно переделаны издателем. Наиболее пригоден перевод их (не всегда легкий) на английский язык.

Ученые Александрийской школы установили «канон» поэтов Древней комедии, именно выбрали трех поэтов, которых они счита-

ли наилучшими; это были Кратин, Евполид и Аристофан. Благодаря этому канону у поздних греческих и латинских авторов Аристофан и является в этом окружении. Квинтилиан указывает на этих трех поэтов как на главных представителей Древней комедии, также и Гораций²¹. До нас дошло несколько отзывов (вероятно, идущих тоже от Александрийских ученых), из которых видно, что уже среди этих трех поэтов Аристофан отдавалось первенство. Так, один из древних критиков, Платоний, сравнивая Аристофана с Кратином и Евполидом, говорит, что Аристофан не имеет недостатков, присущих тем комикам, и имеет достоинства, свойственные им обоим: «Аристофан по своему поэтическому характеру стоит посредине между ними: он не слишком суров . . . (πικρός), как Кратин, и не так мягок (χαρίεις), как Евполид, но и в нападках на порочных людей имеет силу Кратина и легкую грацию (τὸ τῆς ἐπιτρεχούσης χάριτος) Евполида»²².

По мнению других древних критиков, Аристофан «превосходит всех дарованием» εὐφύια πάντας ὑπεραίρων и «искусством драматической техники» μεθοδεύσας τεχνικώτερον τῶν μεθ' ἑαυτοῦ τὴν κωμῳδίαν, «лучшим мастером первой (= Древней) комедии был этот Аристофан и Эвполид» γέγονε τῆς πρώτης κωμῳδίας ἀριστος τεχνίτης οὗτος ὁ Ἀριστοφάνης καὶ Εὐπολις²³.

Наконец, тот самый факт, что сохранились только комедии Аристофана, тогда как произведения всех других комиков исчезли, показывает, что его ценили более, чем других, его комедии переписывали, читали в школах, комментировали.

Все эти восхваления Аристофана, число которых можно значительно увеличить, исходят главным образом от ученых людей позднейшей древности. Широкая образованная публика того времени, по-видимому, оставалась равнодушна к Древней комедии и к Аристофану и предпочитала Новую комедию с Менандром. До нас дошел отрывок сочинения, выражающего мнение этой части публики. Это — небольшой трактат, приписываемый Плутарху (около 46–120 гг. н. э.), под заглавием «Сравнение Аристофана с Менандром», в котором автор, отражая вкусы своего времени, отдает полное предпочтение Менандру перед Аристофаном. Способ выражения Аристофана, по мнению этого автора, грубый, вульгарный; его риторические фигуры (антитезы, игра слов) холодны (например: ὑπὸ τοῦ γέλωτος εἰς ἔλαν ἀφίξομαι); он не приспособляет способ выражения к положению действующих лиц, а дает им случайные речи, так что не разберешь, кто говорит: сын ли, или отец; мужик, или бог; стару-

²¹ См. Квинтилиан, X, 1,65; Гораций. Сатиры, 1, 4, 1.

²² Платоний. О разнице характеров. = № II у Бергга, с. XXXI.

²³ Там же, № III у Бергга, с. XXXII, 12; № V у Бергга, с. XXXIV; № IV у Бергга, с. XXXIII.

ха, или герой. Он не нравится простому народу, невыносим разумным. Остроты его горьки и жестки; деревенские люди у него не просты, но глупы; влюбленные у него не веселы, но непристойны и т. д.²⁴

Такое неблагоприятное мнение о Древней комедии и об Аристофане сравнительно с Новой комедией и Менандром перешла и в литературу народов нового времени; и у них нашлось немало врагов Аристофана, каким был, например, Вольтер, по мнению которого Аристофан «не был ни комиком, ни поэтом»²⁵. Вопрос об отношении людей нового времени к Аристофану подробно изложил Зюсс²⁶, и я не буду касаться его. Но уже и из того, что я сказал, видно, что Аристофан не может быть назван «мировым писателем», оказавшим влияние на мировую литературу. Гомер нашел множество подражателей, стал отцом эпической поэзии. Новая комедия чрез своих латинских представителей (Плавта и Теренция) оказала огромное влияние на последующую европейскую комедию; но кто писал комедии в стиле Аристофана, кроме немногих чудаков вроде Юлия Рихтера (Julius Richter), упоминаемого Зюссом, «произведения которых уже теперь безвозвратно забыты», по замечанию того же Зюсса? Аристофан остался почти только предметом изучения специалистов-классиков и отдельных любителей вроде Роджерса (Rogers – юрист по специальности).

Сказанное, мною сейчас об Аристофане не может служить к его позору; он остается великим комическим драматургом. Но темы его насмешек слишком специальные: чтобы находить удовольствие в его комизме, надо понимать его; а чтобы понимать его в оригинале, – ни один перевод не может дать полного представления о его остротах, – надо знать (и знать хорошо) его язык, надо все время иметь перед своим умственным взором окружающую его обстановку. Правильно говорит В. Белинский: «На каждый стих которого [Аристофана] необходимо по сотне комментариев, чтобы понимать его»²⁷.

---

²⁴ См. Плутарх. Нравственные сочинения, т. II, с. 1039–1041, изд. Дидо.

²⁵ «Этот комический поэт, – говорит он, – который не есть ни комик, ни поэт, не был бы у нас допущен давать свои фарсы на ярмарке Saint-Laurent, мне кажется гораздо более низким и презренным, чем описывает его Плутарх, ... это – человек, приготовивший яд, которым гнусные судьи погубили самого добродетельного человека Греции» (W. Süß. Указ. соч., с. 99).

²⁶ Wilhelm Süß. Aristophanes und die Nachwelt. Leipzig, 1911; см., в частности, с. 165 и с. 144.

²⁷ См. статью В. Н. Ярхо «Аристофан в русском литературоведении XIX–XX веков» в «Известиях Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», т. XIII, вып. 6, 1954, с. 523.

Об изучении творчества Аристофана в России подробно говорит В. Н. Ярхо в упомянутой сейчас статье. В дополнение к ней я приведу лишь несколько фактов.

По постановлению Всемирного Совета Мира от 28 ноября 1953 г. было решено праздновать в 1954 г. юбилейные даты нескольких великих представителей мировой культуры, в том числе 2400-летие со дня рождения Аристофана. Следствием этого было то, что у нас в Москве 28 января 1955 г. был устроен вечер, посвященный этому юбилею, на котором был прочитан мой доклад под заглавием «Аристофан и его творчество». Следствием того же постановления было издание ряда сочинений, касающихся Аристофана, из которых наиболее важным является перевод (стихотворный) всех комедий Аристофана под заглавием «Аристофан. Комедии». В двух томах. Москва, 1954 г., исполненный разными авторами. Кроме того, можно упомянуть, что еще раньше этого, в 1923 г., была поставлена «Лисистрата» (в переводе) на сцене Музыкальной студии МХАТ.

Как я уже говорил, мнения разных лиц об Аристофане различны. К сожалению, мы, люди нового времени, не можем чувствовать красот древнегреческой речи вообще и Аристофановой в частности. В древнегреческой речи одни слоги были длинные, другие – короткие; в каждом слове один слог произносился более высокой нотой, чем остальные. Поэтому вся речь до некоторой степени была похожа на пение. В драме диалог произносился способом, еще более приближавшимся к пению; а лирические части совсем уже пелись. Мы не умеем произносить долгот и краткостей, не умеем выражать музыкального удара и, сидя у себя в кабинете, не поем и даже не читаем вслух, а читаем молча глазами. Как же можем мы чувствовать музыкальность эллинской речи? Но даже и при нашем варварском произношении некоторые места комедий Аристофана производят чарующее впечатление. Вот, например, мне очень нравится песенка в «Мире» (ст. 1159 и сл.); или свадебная песенка в «Птицах» (ст. 1731 и сл.).

Но все-таки главное удовольствие комедии Аристофана доставляют нам своим содержанием. Остроты, – правда, не всегда приличные по нашим понятиям, – иногда поражают нас своей неожиданностью, например в «Лисистрате» (ст. 772–773).

А сколько благородных мыслей, роднящих Аристофана с нашим временем, находим мы в его произведениях! Патриотизм, борьба с бессовестными демагогами, преследующими личные выгоды в ущерб обманываемому ими народу; смелая защита угнетаемых союзников перед лицом самих угнетателей; постоянная проповедь против тяжелой для обеих сторон братоубийственной войны; панэллинская идея мира; критика безнравственных учений софистов,

умеющих черное представить белым и обратно; защита женщины (насмешки Аристофана над женщинами – почти все шутки эротического свойства; но как трогательно говорит он о страданиях от войны женщин как жен и матерей; какие достоинства находит у них²⁸); защита рабов (как благороден Ксанфий, как предан своему барину Карион); негодование по поводу порчи музыки и литературы, которую он видел в трагедиях Еврипида, Агатона и других. Все эти достоинства дают Аристофану право быть поставленным наряду с «великими представителями мировой литературы».

В заключение приведу отзыв об Аристофане бывшего профессора Московского университета А. Н. Шварца, превосходного знатока Аристофана, который был основоположником аристофанизма в Московском университете: он первый на моей памяти ввел его произведения в курс университетских лекций: в 1883–1884 г. он читал со студентами «Птицы», в 1886 г. – «Облака»; в 1884 г. под его руководством была подставлена на сцену в гимназии Фр. Креймана комедия «Плутос» и разыграна на греческом языке воспитанниками этой гимназии. Ему же, как учителю своему, всецело обязан и я любовью к Аристофану. Отзыв этот помещен в его рецензии на упомянутое выше сочинение В. Зюсса в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1911 г.; с этим отзывом вполне согласен и я: «Чтобы испытать на себе чарующее действие Аристофана, чтобы почувствовать изумительную звучность его стихов, понять мастерство его обращения с языком, свежесть, блеск и остроумие его поэтических образов, его надо много и внимательно читать и, как поэта, конечно, в подлиннике».

---

²⁸ См. «Лисистрата» ст. 594 и сл.; «Фесмофоризаусы», ст. 785 и сл.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА 5

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

АРИСТОФАН И ЕГО ВРЕМЯ 10

ОТ СМЕРТИ ПЕРИКЛА ДО НИКИЕВА МИРА 21

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА 45

*Государственные учреждения и должностные лица в Афинах
второй половины V и первой половины IV века 50*

Народное собрание 50

Совет Пятисот 52

Суд присяжных 53

Должностные лица 54

Выбор голосованием и жребием 55

Демагоги 55

ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ КОМЕДИИ 58

ИСТОРИЯ АТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ 60

Древняя комедия 60

Средняя комедия 64

Новая комедия 66

БИОГРАФИЯ АРИСТОФАНА 78

ПЕРВЫЕ ДВЕ КОМЕДИИ АРИСТОФАНА 94*«АХАРНЯНЕ» 95**«ВСАДНИКИ» 98**АРИСТОФАН И КЛЕОН 101***«ОБЛАКА» 110***ЦЕЛЬ КОМЕДИИ «ОБЛАКА» 114**СОКРАТ И АРИСТОФАН 139***«ОСЫ» 163****«МИР» 186****«ПТИЦЫ» 189****«ЛИСИСТРАТА» 206****«ФЕСМОФОРИАЗУСЫ» 210****«ЛЯГУШКИ» 217****«ЭККЛЕСИАЗУСЫ» 235***Построение «Экклесиазус» 254***ТРИ «ЖЕНСКИЕ» КОМЕДИИ АРИСТОФАНА 256****«ПЛУТОС» 273****НЕ ДОШЕДШИЕ ДО НАС КОМЕДИИ АРИСТОФАНА 284**

**РАБЫ В КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА
КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП 285**

Значение рабов в Древней аттической комедии 288

Происхождение рабов 289

Имена рабов 290

Число рабов 307

Занятия рабов 308

Отношение господ к рабам 309

Наказания 310

Отношение рабов к господам.

Дурные и хорошие свойства рабов 314

Хорошие качества рабов 321

Заключение 329

СТРОЕНИЕ КОМЕДИИ 340**СТИХОСЛОЖЕНИЕ (МЕТРИКА) АРИСТОФАНА 345****ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ КОМЕДИИ И АРИСТОФАНА 349****АФИНСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ПУБЛИКА 352****ОТНОШЕНИЕ К АРИСТОФАНАУ КАК ДРАМАТУРГУ
СОВРЕМЕННИКОВ И ПОЗДНЕЙШИХ ПОКОЛЕНИЙ 387**

Александрийский период греческой образованности 393

Пергамская школа 395

*Изучение аттической комедии вообще и Аристофана в
частности 396*

Схолии 399